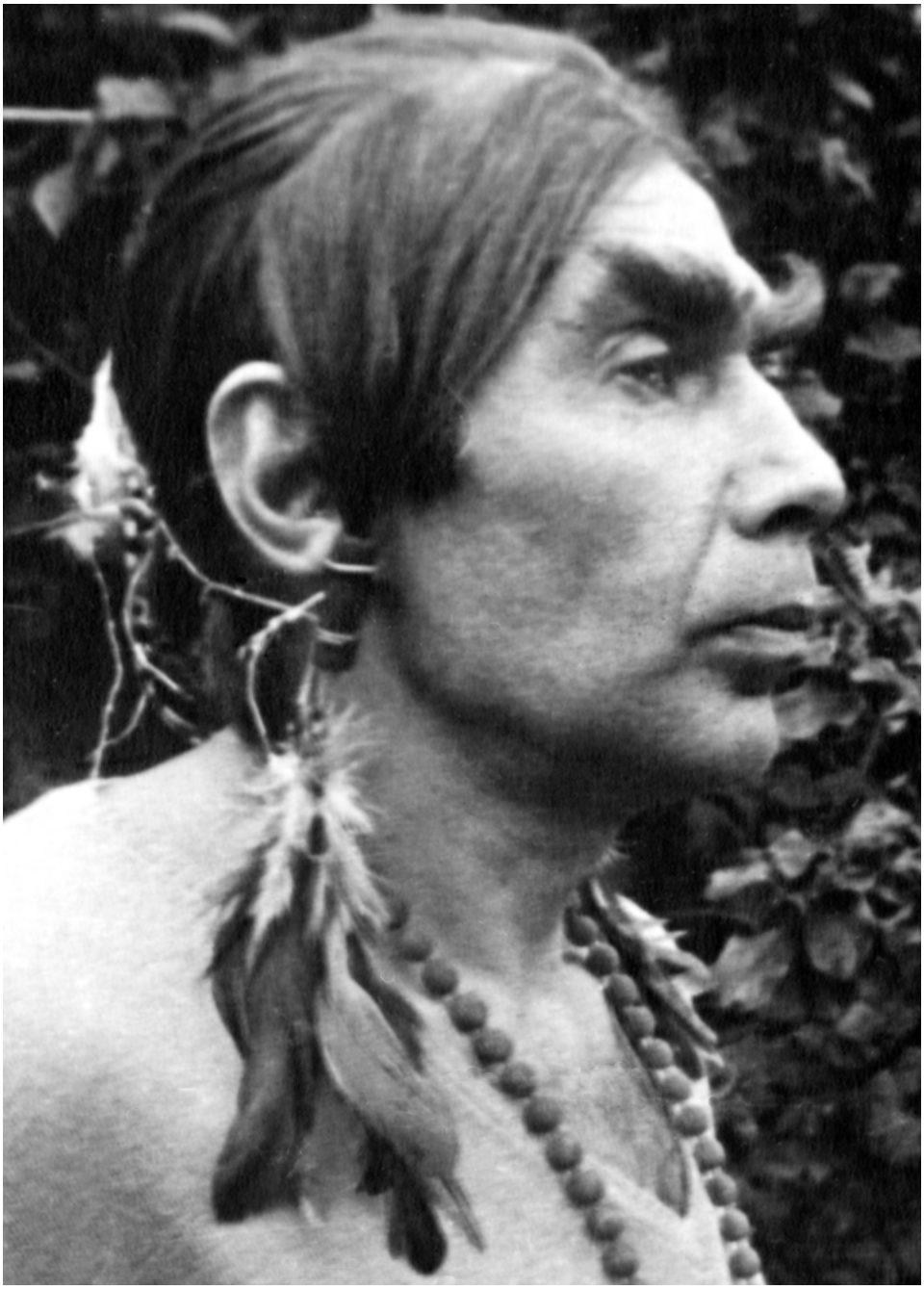

Вячеслав Михайлович Мисюгин
в индейском костюме, сделанном своими руками. 1971 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

К 300-летию
первого государственного музея России
ПЕТРОВСКОЙ КУНСТКАМЕРЫ

To the 300th anniversary
of the first state public museum of Russia
PETER THE GREAT KUNSTKAMERA

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Russian Academy of Science
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)

KA Series
“Kunstkamera — Archives”
”
II

V. M. MISIUGIN

THREE BROTHERS

Saint-Petersburg
“Nauka”
2009

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Российская академия наук
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Серия КА
«Кунсткамера — Архив»
II

В. М. МИСЮГИН

ТРИ БРАТА

Санкт-Петербург
«Наука»
2009

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

УДК 94(6)“652”(093)
ББК 63.2(0)32
М65

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Редакционный совет Серии **КА** «Кунсткамера — Архив»:

И.А. Алимов, Я.В. Васильков, В.Ф. Выдрин, М.А. Ильина, Н.Н. Казанский, А.Б. Куделин, Е.А. Михайлова (секретарь), Л.Р. Павлинская (заместитель председателя), М.Б. Пиотровский, Е.А. Резван (председатель), И.В. Тункина, Ю.К. Чистов

Editorial Board **KA** Series “Kunstkamera — Archives”:

Igor Alimov, Yuri Chistov, Marina Ilyina, Nikolay Kazansky, Alexander Kudelin, Elena Mikhailova (Secretary), Larisa Pavlinskaya (Deputy Chairman), Mikhail Piotrovsky, Efim Rezvan (Chairman), Irina Tunkina, Yaroslav Vasilkov, Valentin Vydrin

Рецензенты: *А.Ю. Желтов, Е.А. Резван*

Ответственные редакторы: *В.Ф. Выдрин, В.Р. Арсеньев*

Мисюгин В.М.

М65 Три брата. СПб.: Изд-во «Наука», 2009. 380 с. (Серия «Кунсткамера — Архив». Т. II)

ISBN 978-5-02-025563-0

В.М. Мисюгин в 1970–1980-х годах был неформальным лидером ленинградской африканистики, которая тогда переживала период расцвета. Большинство ведущих африканистов Ленинграда-Петербурга были его учениками, а затем — оппонентами в жарких теоретических спорах. Предлагаемая книга — плод многолетних трудов В.М. Мисюгина — так и не увидела свет при его жизни. В ней дается нетрадиционная, часто неожиданная интерпретация многих событий древней и средневековой истории человечества. Нередко эти интерпретации намеренно дискуссионны, полемически заострены — но при всей спорности каких-то подходов они заставляют читателя взглянуть на привычные трактовки свежим взглядом. Книга В.М. Мисюгина не утратила своего значения до сих пор.

Viacheslav Misiugin was an informal leader of African studies in Leningrad in 1970–1980s, the period of flourishing of these studies. Most of the leading Africanists in Leningrad – St. Petersburg were his disciples, then his partners or even opponents in heated theoretical discussions. The book “Three Brothers” is a result of many years of Misiugin’s work, it was never published during his lifetime. It suggests off-beat interpretations of various events of ancient and medieval history of humankind. His approaches are often intentionally polemical and inviting to a discussion. However debatable they may be, they invite a reader to have a fresh look and to consider reevaluation of established truths.

УДК 94(6)“652”(093)
ББК 63.2(0)32

ISBN 978-5-02-025563-0

© В. М. Мисюгин, 2009
© МАЭ РАН, 2009
© Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2009

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Е. А. Резван

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй том серии «Кунсткамера — Архив» также представляет нашим читателям работу африканиста, и это, наверное, не случайно. После едва ли не одновременного ухода из жизни четырех прекрасных ученых-африканистов, работавших в Музее и Университете, мы вместе пытаемся сделать все для сохранения в Петербурге признанной научной традиции. В Музее открыта полностью обновленная экспозиция, посвященная народам Африки, организуются научные конференции и международные экспедиции, готовится к показу большая временная выставка, связанная с большим музейным проектом «Николай Гумилев в Абиссинии. Материалы экспедиции Музея антропологии и этнографии 7 апреля — 20 сентября 1913 г.», выходят из печати научные труды — результат многих лет напряженной работы. В этом ряду находится и издание, предлагаемое вашему вниманию. Для того чтобы ускорить публикацию, петербургские африканисты смогли собрать значительную часть необходимых для этого средств.

Я, как и все, кто учился на Восточном факультете ЛГУ, конечно же, помню Вячеслава Михайловича Мисюгина, и от своих друзей студентов-африканистов не раз слышал

Efim Rezvan

FOREWORD

It is not by chance that the second volume of the series “Kunskamera — Archive” also introduces a work of an Africanist to our readers. Now when four renowned scholars developing African studies in our Museum as well as at the University have passed away almost simultaneously, we together make every effort to preserve the established scholarly tradition. A completely new exposition devoted to the peoples of Africa has been opened in the Museum, scholarly conferences and international expeditions are being held, a large temporary exhibition related to a major Museum project “Nikolay Gumilev in Abyssinia. The materials of the Museum of Anthropology and Ethnography, April 7 — September 20, 1913” is in preparation, multiple scholarly papers are being published and the present book is one of them. In order to speed up this publication, the Africanists of Saint-Petersburg had to collect a significant part of the necessary funding on their own.

Like everyone who studied at the Oriental faculty of Leningrad State University, I remember Vyacheslav Mikhailovich Misyugin. Many times my fellow students involved in African studies made comments about his unusual lectures and papers. I also remember him standing with his colleagues in the inner Museum corridor and sitting

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

отзывы о его необычных лекциях и научных трудах. Я помню его и стоящим среди коллег в коридоре первого этажа Музея, и сидящим вместе с ними за столом в «Академичке». Сегодня мне очень и очень жаль, в таких случаях я, арабист-исламовед, всегда был «человеком со стороны».

Предисловия, предваряющие работу В. М. Мисюгина, и написанные его учениками, безусловно, лишают меня всякого права подробно писать об этом человеке и его взглядах на громадный комплекс исторических, культурных и этнографических проблем, связанных с архаическими обществами. Важно, что монография «Три брата», столь отличная по своим подходам, от работы Ю. К. Поплинского, обозначает, возможно, еще один «полюс» научной традиции, часто именуемой «ленинградской школой африканистики». Как внимательный читатель предлагаемого вашему вниманию текста, я хотел бы отметить только одно — удивительную (и очень современную!) способность автора взглянуть на мир архаики как бы глазами человека, являющегося его частью. Именно в русле такого подхода лежат, по моему мнению, его самые интересные наблюдения и выводы.

at one table with them in the famous "refectory" called "Academichka". Now I feel very sorry that as an Arabist I have always been on the outside of this group.

The introductions to the work of V.M. Misyugin written by his disciples deprive me of any right to describe in detail the life of this person and his views on a wide range of historical, cultural and ethnographical problems related to archaic societies. It is important that the monograph "Three Brothers" so different in its approach from the work of Yu. K. Poplinsky, marks another "pole" of scientific tradition often called "Leningrad school of African studies". As an attentive reader of the present text I would like to emphasize just one thing — a remarkable and truly contemporary ability of the author to take a look at the archaic world with the eyes of a person who has become a part of it. In my opinion this very approach distinguishes the most interesting observations and conclusions of the author.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

В.Ф. Выдрин *Valentin Vydrin*

ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ МИСЮГИН (1923/1924–1998)

VIACHESLAV MIKHAILOVICH MISIUGIN (1923/1924–1998)

Многие поколения петербургских востоковедов и филологов помнят эту бросающуюся в глаза фигуру, шествующую по коридорам ЛГУ: немолодой человек, высокий, сутулый, заметно прихрамывающий, с пронзительным взглядом из-под кустистых бровей, одетый в любое время года в легкую штормовку, в черные брюки неопределенного покроя и с неизменной папиросой в зубах (благо ограничения на курение в здании факультета стали вводить лишь перед самым его выходом на пенсию)… Для одних этот человек был загадочным, внушавшим уважение, если не сказать — легкий трепет. Для других, наверное — комическим персонажем, выпадавшим из круга и респектабельной профессуры, и беззаботного студенчества — но при этом ставшим за многие годы неотъемлемой частью факультета. А для нас он был Учителем, неформальным научным лидером ленинградской африканистики.

Как у эпических героев, изучению судеб которых Вячеслав Михай-

Many generations of Orientalists in St. Petersburg may remember the type walking through the halls of the Oriental Department of Leningrad State University, who always attracted everybody's attention. A tall, stooping, visibly limping oldish man with a penetrating gaze from under his bushy eyebrows, wearing a perennial waterproof jacket and black trousers of an uncertain style, always with a cigarette between his teeth (restrictions on smoking in the university building had been introduced not long before he retired)… Many people perceived in this man a mystery that inspired esteem, next to awe. For some other people he may have been a comic character who fitted neither the respectable circle of university professors, nor that of carefree students, just an integral part of the Oriental Department. And for us, he was a Teacher and an informal leader of the Africanists in Leningrad.

Just like the births of epic heroes, whose destinies were paid so much attention by Viacheslav Misiugin, his own birth is connected to a mystery.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

лович посвятил столько лет своей жизни, его рождение таит себе некую загадку. По документам, В.М. Мисюгин родился в деревне Слабцово Зубцовского района Тверской губернии 19 октября 1924 г. Однако сам он говорил, что настоящая дата его рождения — 10 сентября 1923 г., а в метрики неправильная дата попала в силу каких-то обстоятельств, проследить которые сейчас уже не представляется возможным. Так что конфликт с официальным миром, где царят точные даты и документы с печатями, начался у него с самого рождения[1].

Не лишена экзотики и родословная Вячеслава Михайловича. Он любил рассказывать, что его бабкой была алеутка с Аляски, а в Тверскую губернию ее вывез его дед. Полумифическая алеутская бабка давала Мисюгину повод для шутливого обоснования своей манеры писать научные статьи без ссылок и указаний источников: мол, его знания об архаическом обществе берутся из генетической памяти. Впрочем, как известно, в каждой шутке есть доля шутки.

Когда В.И. Мисюгин был подростком, его семья переехала в Ленинград. Война застала его девятиклассником. Осенью 1941 г. вместе с другими старшеклассниками он был

According to the documents, he was born on October 19, 1924 in the Slabtsovo village of the Zubtsov district, the province of Tver. However, according to himself, his true date of birth is September 10, 1923. What is the reason for which the wrong date appeared in the certificate of birth? — we can hardly find the answer. Whatever it may be, it is clear that his conflict with the world of officialdom, where exact dates and official stamps govern, began from his very birth.[1]

Viacheslav Misiugin's genealogy is not devoid of exotics either. He told us many times that his grandmother was an Aleut from Alaska brought to the Tver Province by his grandfather. The semi-mythical Aleut grandmother provided him a ground for a jocular argument in favor of his manner of writing scholarly papers without references or indications of sources: he used to say that his knowledge of the archaic society stemmed from his "genetic memory". Many a true word is spoken in jest…

When Viacheslav was a teen-ager, his family moved to Leningrad. In 1941, when the Big War came to Russia in June 1941, he was in high school. In the autumn of 1941, together with other senior high school students, he was sent to remote suburbs of Leningrad to build fortifications. The front-

[1] Замечу между строк, что произвольная дата рождения в метриках — верный признак того, что человек родился в традиционном обществе, в мире архаики. У очень многих наших информантов в Кот-д'Ивуаре официальным «днем рождения» оказывается 1 января, а в Гвинее почему-то — 31 декабря.

[1] An arbitrary date of birth in the certificate of birth seems to be a good indicator of the person's origin in the "world of the archaic". Among our language assistants in Côte-d'Ivoire, many have January, 1 as their official date of birth. For some reason, in Guinea it is rather December, 31.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

отправлен на строительство оборонительных сооружений. В прифронтовой неразберихе их отряд был брошен на произвол судьбы и попал под обстрел. Воспоминанием об этом на всю жизнь осталась искалеченная правая нога… Но Мисюгин пережил и этот обстрел, и две блокадные зимы. В 1943 г. его семью эвакуировали в Миасский район Курганской области, и в том же году он закончил Лебяжьевскую среднюю школу при Южноуральской железной дороге. Сразу после окончания десятилетки, в 1944–1945 гг., ему довелось в этой же школе преподавать физику, естествознание и астрономию. В 1946 г. семья вернулась в родную коммуналку на Суворовском проспекте.

Тогда же, в 1946 г., Вячеслав Михайлович поступил на кафедру африканистики Восточного факультета, созданную годом раньше. В ту пору все студенты кафедры изучали и суахили, и хауса, и амхарский языки — такая широта подготовки отчасти компенсировала отсутствие живой языковой среды, ведь поездки африканистов в Африку в то время были крайне редки. Вместо полевой работы африканисты могли заниматься «глубинным погружением» в доступные письменные источники и их интерпретацией. В качестве компенсаторной реакции Мисюгин выработал ироничное отношение к тем, кому довелось путешествовать по Африке, но чей взгляд лишь скользнул по чужой реальности, не увидев ее корней, не разглядев ее движущих сил — таких незадачливых путеше-

line was approaching swiftly, and, in the mess of a retreat, their team was left to the mercy of fate and bombshells. The bombshelling left him as a reminder a crippled right leg. Fortunately, Viacheslav Misiugin survived not only the bombshelling, but also two horrible Leningrad Siege winters. In 1943 his family was evacuated to the Miass district of the Kurgan region. The same year he graduated from the Lebiazhievo high school belonging to the South Ural Railway. Immediately after that he graduated from the high school; in 1944-45, he taught physics, natural sciences, and astronomy at the same school.

In 1946, the family returned to the home communal flat at the Suvorovsky Avenue in Leningrad. The same year, Viacheslav Misiugin came up to the African Chair of the Oriental Department at Leningrad State University. It should be said that the Chair had been founded only one year before that. At that time, all the students of the Chair were taught three major African languages at once: Swahili, Hausa and Amhara. Such a broad approach was a partial compensation of the missing live contact with the native speakers of the languages: for the Africanists, trips to Africa were extremely rare. Instead of field work, the Africanists were free to excel in delving into available written sources. As a kind of sublimation, Viacheslav Misiugin used to treat ironically those people who had a chance to travel through Africa but failed to perceive the true nature of the strange life and its moving forces. He referred to them as pervoproxodtsy,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ственников он насмешливо именовал «первопроходцами».

Закончив востфак в 1951 г., Мисюгин пошел работать на инструментальный завод слесарем по сборке мерильных инструментов, затем перешел на судостроительный завод, где работал шлифовальщиком инструментальщиком (на этом же заводе работал инженером и его отец, Михаил Сергеевич Мисюгин). Надо было на что-то жить, а получить работу по специальности казалось невероятным… Но эти годы не стали для него потерянными: от станка он принес в африканистику (наверное, уникальный случай!) слесарные аналогии. Чего стоит хотя бы разработанная В.М. Мисюгиным классификация студентов!

По Мисюгину, в отношении к занятиям наукой все студенты делятся на три категории: «шарики», «кубики» и «пластинки». Если студент — «шарик», то ему достаточно одного толчка, а дальше он уже катится сам. Если это «кубик», то даже если его сильно толкнуть, далеко он не укатится. Потом можно его толкнуть еще раз, и он опять прокатится какое-то расстояние — очевидно лишь, что двигаться вперед он может только в режиме постоянного внешнего подталкивания. Ну а «пластинка» и на это не способна: ее хоть толкай, хоть пинай — она только перевернется и останется лежать на месте…

Еще во время своей работы на заводе Мисюгин своими руками построил дом в Мартышкино, недалеко от Финского залива — теперь

'pathfinders', and from his mouth, this epithet did not sound very positively.

After he graduated from the Oriental Department in 1951, Viacheslav Misiugin worked at the instrument manufacturing plant, on a measuring tools assembly line. A couple of months later, he found another job, that of a tool polisher at a shipyard (his father, Mikhail Sergeevich Misiugin, was an engineer at the same shipyard). One had to make a living, and it seemed next to impossible to find a job as an Africanist… However, it would be wrong to think that the years spent at the plant were lost for Viacheslav. Among other things, he brought some metalworker analogies into African studies. I'll mention here as an example his classification of students in relation to their motivation.

According to Misiugin, students can be subdivided into balls, blocks and plates. For a "ball student", one single push is enough to put him or her into movement. A "block student", even if given a strong push, will not roll too far before stopping; to keep such a student moving, one needs to push him or her regularly. As for the "plate student", any effort is of no use: at best, a plate can turn over, but it won't roll…

When he was a worker at the plant, Misiugin built with his hands a house in Martyshkino, near the shore of the Gulf of Finland. Today, there are buildings of several faculties of St. Petersburg State University in the vicinity of Martyshkino, but at that time, they were not there. He lived in that house the rest of his life, excelling in boatbuilding and sailing his boats over the

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

рядом с Мартышкино располагаются корпуса и общежития нескольких факультетов СПбГУ, но тогда ничего этого не было. Там он и прожил всю остальную жизнь, строя своими руками суда, на которых выходил на залив. Этот опыт — не только мореплавания, но и судостроительства — отразился и в научном творчестве Вячеслава Михайловича: его кандидатская диссертация была в очень значительной мере посвящена мореплаванию на Индийском океане; его мысли по поводу мореплавания отражены и в этой книге.

В том, что В.М. Мисюгин в 1954 г. попал в аспирантуру Восточного факультета, большая заслуга Дмитрия Алексеевича Ольдерогге, ведь разглядеть в этом несколько странном, диковатом и нелюдимом выпускнике востфака, слесаре с судостроительного завода будущего столпа питерской африканистики вряд ли было просто. Вскоре Мисюгин стал преподавать на кафедре язык суахили, а также весь комплекс общественных и исторических дисциплин. Таким образом, через его руки прошли все, кто учился на всех отделениях кафедры африканистики[1]. На кафедре, в течение десятилетий возглавлявшейся Д.А. Ольдерогге, Вячеслав Михайлович сформиро-

[1] В 1960-е годы вместо одного «общего» отделения на кафедре были созданы отделения эфиопистики (амхарский, геэз), языков банту (суахили, луганда) и Западной Африки (хауса, манинка, бамана); позднее отделение Западной Африки разделили на хаусанское и манде (манинка, бамана).

Gulf. His boatbuilding and sailing experience was reflected in his research work: his doctoral thesis dealt very much with sailing in the Indian Ocean, and many of his ideas concerning organization of sailing, its evolution and importance are represented in the current book.

The fact that Viacheslav Misiugin returned to the Oriental Department for his postgraduate studies at the end of 1954 is very much to the credit of Dmitry Olderogge[1], who was for many years the organizer and the leader of African studies in Leningrad. It might have not been easy at all to perceive a future brilliant scholar in an unsociable, strange and sullen student turned metal-worker. After a little while, Misiugin began teaching Swahili language and an entire set of social and historical disciplines. It would not be wrong to say that he taught all the students of the Chair of African Studies, whatever their specialization was.[2] Misiugin's evolution into a scholar and a Teacher took place at the African Department, headed for decades by Dmitry Olderogge.

The relationship between Misiugin and Olderogge is a special big topic. It

[1] During the Soviet time, the number of postgraduate positions was very limited. It was up to the staff of the Chair and the Department to decide whom to invite to such position; as a rule, the chosen person joyfully accepted the invitation.

[2] In the 1960s, one single specialization was split into three ones: Bantu languages (Swahili, Luganda), Ethiopia (Amhara, Ge'ez), West Africa (Hausa, Maninka, Bamana). Later on, West African specialization was subdivided into Manding and Hausa ones.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

вался и как преподаватель, и как ученый.

Отношения между Мисюгиным и Ольдерогге — отдельная большая тема. Можно сказать, они были антиподами буквально во всем. Ольдерогге — всегда по-профессорски безупречно одетый выходец из дворянской семьи с лифляндскими корнями, воспитанник Кадетского корпуса, ученик виднейших европейских африканистов, повидавший Африку, член-корреспондент Академии наук СССР, многолетний заведующий кафедрой африканистики на востфаке и сектора Африки в Институте этнографии, председатель или член многочисленных редколлегий и ученых советов, человек, ориентированный на утонченную европейскую культуру и достижения западной науки. Мисюгин — крякжистый, нескладный, всегда одинаково мешковато одетый[1] сын крестьянина, пусть и с загадочными алеутскими корнями, воспитанник довоенной ленинградской улицы, никогда не бывавший ни в Европе, ни в Африке, не состоявший ни в редколлегиях, ни в каких иных научных советах и организациях, защитивший кандидатскую диссертацию в сорок пять лет и

[1] Говорят, его видели в костюме и при галстуке только один раз — на защите кандидатской диссертации в 1969 г., которая проходила в Ленинградской части Института этнографии АН СССР (ныне — МАЭ РАН). При этом, по свидетельству очевидцев, было очень заметно, что чувствует он себя в этом наряде крайне неуютно.

won't be an exaggeration to say that they were opposites in everything.

Olderogge, with an appearance of a true university professor, impeccably dressed, a man from a noble family with Lifland roots, a graduate of the Military School in the Imperial Petrograd, then a student of prominent European scholars… He visited Africa, he was a Corresponding Member of the Academy of Sciences of the USSR, the head of the Chair of African Studies at the Oriental Department of Leningrad State University and, at the same time, the head of the African Department at the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences; chairman or member of numerous editorial boards and scholarly councils, a scholar oriented toward the refined European culture and the achievements of Western scholarship.

Misiugin, a sturdy and clumsy person in baggy clothes,[1] a son of a farmer with mysterious Alaskan roots. He grew up in the streets of the pre-war Leningrad, he never went to Europe, nor to Africa; he was not a member of any editorial board, scientific counsel or scholarly association; he defended his "candidatskaya dissertatsiya" (the lower doctoral grade in the USSR and in Russia) at 45 years old, and remained

[1] People say to have seen him in a business-suit and necktie only once, at the defense of his doctoral thesis that took place in 1969 at the Leningrad Branch of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR (today's Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences). According to eye-witnesses, he looked visibly uncomfortable in the suit.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

избранный на должность доцента чуть не в пятьдесят лет, с большим недоверием относившийся и к западной науке, и к истэблишменту во всех его ипостасях… С недоверием, переходящим в злую иронию, смотрел Вячеслав Михайлович и на Ольдерогге, считая его представителем той самой современной науки, которой так достается в этой книге за ее, в глазах Вячеслава Михайловича, поверхностность, кабинетность и отягченность всевозможными предрассудками.

Мне довелось застать это недекларируемое, но совершенно очевидное для всех соперничество двух лидеров — признанного всеми и признанного лишь немногими, а точнее, десятком учеников, — в котором, как мне тогда казалось, перевес был, вне всяких сомнений, на стороне Мисюгина. Лишь позднее, оглядываясь назад, я стал понимать, что баланс сил был не таким уж бесспорным: уступая в глубине и оригинальности научного подхода, Ольдерогге выигрывал во многом другом. И в расцвете ленинградской африканистики 1970–1980-х годов это соперничество сыграло немалую роль — соперничество негласное, ведь они существовали фактически в разных измерениях. При том что огромную часть своего времени Вячеслав Михайлович, как древнегреческий философ, проводил в жарких научных дискуссиях с самыми разными людьми, я не могу вспомнить ни одного его прямого спора с Ольдерогге. И это не потому, что он таких споров избегал: поп-

an assistant lecturer till he was almost fifty years old (when he was elected an assistant professor); he was always skeptical about the modern scholarship, and always distrustful toward the establishment and officialdom… His attitude toward Olderogge was that of suspicion, next to a wicked irony: for Misiugin, Olderogge was a representative of the very scholarship which is so much blamed in the current book for its superficiality, its book-learning nature, its narrow-mindedness…

Among other Africanists of the younger generation, I observed this hidden (but utterly evident for everybody) rivalry between the two leaders, one of whom enjoyed general recognition, the other was recognized by a handful of his disciples. And I had no doubts that the outcome of this rivalry was to Misiugin's advantage. Many years later, looking back, I began to understand that the balance of forces was not so self-evident: it is true that Misiugin was by far more original as a thinker, that he had no match in the deepness of his insight, — however, Olderogge had an upper hand in some other respects… This rivalry never manifested itself openly, for the simple reason that they existed, so to say, in different dimensions. As an ancient Greek philosopher, Viacheslav Misiugin spent an enormous part of his life in animated discussions with all sorts of people. However, I cannot remember a single open discussion between Misiugin and Olderogge. I don't think that he intentionally avoided such discussions, the reason is elsewhere: how can one have a discussion with a person

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

росту говоря, как можно спорить с человеком, с которым ты живешь в разных измерениях? И все же, возьму на себя смелость предполагать, что это молчаливое соперничество оказалось для нашей африканистики весьма плодотворным.

К концу этого периода все более заметным становилось присутствие и третьего лидера, Николая Михайловича Гиренко. Вот что пишет Севир Борисович Чернецов о влиянии Мисюгина на Гиренко (да и не только на Гиренко):

«…В секторе его ожидал еще один бесценный дар — общение с таким глубоким знатоком Африки и оригинальнейшим мыслителем, как Вячеслав Михайлович Мисюгин, который формально не был ни членом сектора, ни сотрудником института, но приходил к нам чуть ли не ежедневно. <…> Мисюгин бывал в секторе часто, и для выпускников кафедры африканистики настоящее знакомство с ним происходило именно там. Почему Мисюгин приходил в сектор, теперь точно не скажет никто. Видимо, была у него потребность поделиться своими удивительными идеями, отточить их в спорах, словом — в научном общении, для которого на факультете и места-то нет: буфет всегда переполнен, там не засидишься, а на кафедре постоянно идут занятия. Сказать, что общение с Мисюгиным в секторе было для нас полезным, значит сказать лишь сотую часть правды. Мы приходили в сектор, не умея ни говорить, ни писать, ни подкреплять свои идеи

with whom one lives in different dimensions? However it may be, I dare say that this latent rivalry between two leaders had a very positive effect on the flourishing of the African Studies in Leningrad in 1970-80s, it was, so to say, its hidden engine.

By the end of that period, the presence of a third leader, Nikolay Girenko, grew more and more visible. Here is what Sevir Chernetsov wrote about Misiugin's influence on Girenko (and not only Girenko):

"In the African Department of the Institute of Ethnography, he (Girenko) had a great chance to communicate with such a connoisseur of Africa and a most original thinker as Viacheslav Misiugin, who had no position in the Institute, but came to see us almost every day… Misiugin used to come to the Department often, and it is there that the graduates of the African Chair became acquainted with him properly. It is difficult to say why Misiugin would come to the Department. It seems that he felt a need to share his paradoxical ideas, to polish them in discussions, that is, he was hungry for a scholarly communication. And at the University, there was no place for such communication: the lunchroom would be always overcrowded, the Chair would be permanently occupied with classes… To say that communication with Misiugin in the African Department was useful to us is to say one percent of the truth. We came to the Department as a kind of oafs, we did not know how to speak and how to write, we were unable to fortify our ideas with anything else but our pas-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

чем-то еще, кроме собственной страстной убежденности. И для нас ежедневное обсуждение за чашкой кофе в знаменитой «Академичке» всего того, что придет в голову, стало хорошей школой. Совершенно незаметно Мисюгин уводил нас от пропаганды идей к их обоснованию, учил исходить прежде всего из материала, который сам знал великолепно и излагал увлекательно. Потом он перешел к столь же придирчивому чтению и обсуждению первых наших статей, где наша мысль текла свободно до полной невразумительности. Обладая огромными знаниями и практическим опытом (вплоть до плавки железа и строительства лодок и катамаранов), Мисюгин ощущал мир и его историю интуитивно, почти физически. Систематический же Гиренко желал "поверить алгеброй гармонию" своего учителя» [Чернецов 2004: 377].

Но годы брали свое, и, несмотря на страсть к научным спорам за чашкой кофе в «Академичке» или в клубах папиросного дыма в закутке у 22-го кабинета в Кунсткамере, ездить из Мартышкино на Стрелку Васильевского острова становилось все труднее. Ближе к середине 1980-х годов Вячеслав Михайлович стал проситься на пенсию, и, несмотря на уговоры коллег, в 1986 г. удалился на покой, от чего кафедра долго не могла в полной мере оправиться. Здесь он и прожил «мартышкинским затворником» до самой своей смерти, с женой, Раисой Григорьевсionate conviction. For us, everyday discussions, while drinking a cup of coffee in the famous "Academic dining-room", concerning everything that came to our minds, was very good schooling. In quite an inconspicuous way, Misiugin took us away from propaganda of ideas to their substantiation. He taught us to proceed from the solid data; knowledge and presentation of the data was always his strong side. Later on, he proceeded to a critical reading and discussion of our first articles, articles where our thought flew freely, and this freedom was often next to unintelligibility. Misiugin, who had enormous knowledge and practical experience (even in ironwork and building of boats and catamarans), perceived the world and its history at the level of intuition, he almost felt it physically. To the contrary, the methodical Girenko wished to check his teacher's harmony with algebra" [Chernetsov 2004: 377].

But one has to act one's age. However strong might have been his passion for the scholarly discussions in Academic dining-room or in the tobacco smoke-ridden corridors of the Institute of Ethnography, it grew more and more difficult for him to travel from Martyshkino to Vassilievsky Island. By the mid-1980s, Viacheslav Misiugin spoke more and more often about retirement, and in 1986 he yielded to no persuasion of his colleagues and retired, which was a hard blow for the Chair that could not be mended for many years. Till his death, he lived as a "hermit of Martyshkino" with his wife Raisa Grigorievna Kholeva and his daughter

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ной Холевой, и дочкой Марианной[1], лишь изредка навещаемый коллегами и учениками — все-таки для горожан поездка в Мартышкино представлялась таким непростым путешествием, к которому не всякий был готов, при всем уважении к Учителю. Сам он ни на кафедре, ни в Кунсткамере с тех пор фактически не появлялся.

Уходя на пенсию, В.М. Мисюгин надеялся посвятить все время, высвободившееся от поездок в университет, исполнению своих многочисленных творческих научных замыслов. И, действительно, писать он не перестал. Однако приходится признать, что это было в лучшем случае «дописыванием» тех мыслей, которые были высказаны и отточены в «академических дискуссиях» (за чашкой кофе в столовой «Академическая»), в худшем — повтором того, что уже было написано в прежние годы, с непринципиальными дополнениями и изменениями. Мисюгину явно не хватало дискуссионной среды кафедры африканистики и сектора Африки — надо сказать, что с его уходом на пенсию и сама эта среда стала быстро «выветриваться», постепенно сходя на нет…[2]

Пользуясь тем обстоятельством, что этой книге предпосланы еще два предисловия, написанные известными африканистами, учениками (и

Marianna.[1] Only rarely he was visited by his colleagues and disciples: to city dwellers, a trip to Martyshkino seemed to be a true voyage, and there were not many who were ready for it, whatever might have been their esteem for the Teacher. As for himself, he stopped coming to the Chair or to the Institute altogether.

Upon retiring, Misiugin cherished the idea of profiting from the time released from the burden of frequent trips to the University, for the realization of his enormous creative plans. It is true, he did not abandon writing. However, we should recognize that it was, at best, the "writing down" of the thoughts which had been formulated and polished in the discussions with his colleagues and disciples while drinking endless cups of coffee at the University or in the Academic dining-room; in yet other cases, it was a repetition of what had been already written during the previous years, with some minor modifications. It is clear that he missed very much the debating society of the Chair of African Studies and the Department of Africa, — but it is also true that after his retirement that milieu began to erode, and little by little it came to nothing…[2]

This volume has two other prefaces written by eminent Africanists, disciples (and, at the same time, opponents) of Viacheslav Misiugin. For this rea-

[1] Старшие дети Вячеслава Михайловича к этому времени уже давно жили отдельно.

[2] Впрочем, помимо ухода Мисюгина на то было и много других причин — но это уже другой разговор.

[1] By that time, his older children lived separately.

[2] Sure, the retirement of Viacheslav Misiugin was not the only ground for this, but this is quite a different story.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

одновременно оппонентами) Вячеслава Михайловича Мисюгина, я воздержусь от оценок и интерпретаций его научного вклада и научного метода — скажу только, что мне ближе взгляд Николая Михайловича Гиренко, хотя я во многом разделяю и эмоциональную оценку Учителя Владимиром Романовичем Арсеньевым. Ясно, что мисюгинский метод, который я бы назвал «методом этноисторической интроспекции», а других своих аспектах — «экспериментальной этноисторией», вряд ли сможет удачно применить кто-то другой, не подвергаясь серьезному риску превратиться в адепта «культа карго»от науки.

Осознавая тот факт, что В.М. Мисюгин был в первую очередь ученым устного жанра — его влияние распространялось в значительно большей мере через лекции и неформальные научные споры, чем через публикации, — неправильным было бы считать, что оно ограничивается лишь кругом его непосредственных учеников. Хотя его статьи и публиковались в малотиражных изданиях, а единственная книга, изданная до настоящего момента благодаря энергии В.Р. Арсеньева, также имела тираж всего 500 экземпляров, его идеи получили определенную известность и среди не-африканистов (см., в частности, работы А.В. Коптева и И.Н. Фалалеевой [Коптев 1998; Фалалеева 2003]).

Предлагаемая читателю книга — яркий образец «позднего Мисюгина». Возникла она в результате механического соединения

son, I can restrain from estimation or interpretation of his scholarly input and his research method. I'd like to mention, however, that I rather share Nikolay Girenko's vision, although I agree in many points with Vladimir Arseniev's emotional appreciation of the Teacher. It is evident to me that Misiugin's method, which I would name "method of historical introspection", and in its other aspects, "experimental ethnohistory", can hardly be reproduced by anybody else without running a serious risk to lapsing into a "cargo cult science".

Viacheslav Misiugin was primarily a scholar of oral genre. His influence spread primarily through lectures and informal discussions, rather than publications. However, it would be wrong to think that it is limited to the circle of his immediate disciples. Although his articles were published in small print-runs, and the print-run of the only Misiugin's book published until now, thanks to the energy of Vladimir Arseniev, was only 500 copies, his ideas acquired some popularity even outside the circle of Africanists (see, for instance, works of A. V. Koptev [1998] and I. N. Falaleeva [2003]).

The book brought to the attention of the reader is a very typical sample of a "late Misiugin". It represents a result of a mechanical junction of a couple of texts written by him at different periods of his life. Some of the topics covered in this book have already been considered in his earlier publications, mainly in the series of

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

нескольких текстов, написанных им в разное время; некоторые сюжеты уже рассматривались В.М. Мисюгиным в его публикациях, в основном в сборнике «Africana»[1]. В этой книге Мисюгин предстает во многом таким, каким он был в жизни: колючим, непричесанным… Он очень не жаловал редакторов научных издательств (хотя в конце концов после долгого ворчания и принимал их правку), считая, что они втискивают свободный полет его мысли в прокрустово ложе академических условностей. При жизни автора «Три брата» никакой редакционной подготовке не подверглись; иначе говоря, мы имеем перед собой авторскую редакцию[2]. На мой взгляд, этот опыт показывает, что редакторы издательства «Наука» работали все же на пользу, а не во вред мисюгинским текстам. Как бы то ни было, сейчас, через десять лет после смерти В.М. Мисюгина (последовавшей 29 сентября 1998 г.), вносить какие-либо сущностные изменения в текст и структуру книги было бы неэтично и неправильно, несмотря на многочисленные повторы, недоговоренности, явные композиционные неудачи и даже неточности

[1] См. список публикаций В. М. Мисюгина в конце книги.

[2] Лишь самая минимальная правка была внесена мною: знаки препинания, иногда — разбиение текста на абзацы, выправление орфографических ошибок или падежных согласований…

"Africana".[1] We can say that in this book, Viacheslav Misiugin appears the way he was in his life, spiny, unyielding and a little bit shaggy. He disliked technical editors of the academic publishing houses (even though, after some grumbling, he used to accept their corrections) for their attempts to cram his ideas into the Procrustean bed of academic conventions. During the lifetime of the author, "Three Brothers" did not undergo any editing; in other words, what we have here is the author's editing.[2] To my mind, this experience shows that the editors of "Nauka" Publishing House did more good than harm to Misiugin's texts. Anyway, today, more than ten years after Viacheslav Misiugin's death (September 29, 1998), it would be wrong and unethical to introduce any essential modification to the text or to the structure of the book, whatever may be repetitions, compositional failures or even inexactitudes when dealing with historical facts.[3]

[1] Cf. the list of publications of Viacheslav Misiugin at the end of this book.

[2] My corrections have been minimal: some punctuation and splitting of the text into paragraphs; correction of grammatical case endings, etc.

[3] In this respect, I would like to remind the reader that Viacheslav Misiugin worked in a pre-computer and a pre-Internet age. Today, an Internet user needs a maximum of five minutes to get precise information, concerning e.g. lifetime or some biographical facts of an English king. For Misiugin it was a question of an entire day or even a week: he had to come from Martyshkino to the University, to order the book in the library; to come again to the University to receive the book — or a notification that the book is not available, etc. It seems that in some instances he might have adduced facts from

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

в изложении исторических фактов[1]. Надеюсь все же, что даже читатель, впервые встретившийся с творчеством Вячеслава Михайловича, сможет увидеть за всеми этими очевидными недостатками глубину и оригинальность его мысли.

***

Коптев А.В. Механизм передачи царской власти в архаическом Риме // Вестник древней истории. 1998. № 3. С. 27–52.

Фалалеева И.Н. Формирование нормативной основы политической системы Древней Руси в IX–XI вв. // Новая правовая мысль. 2003. № 2 (3). С. 41–48.

Чернецов С.Б. Памяти Николая Михайловича Гиренко // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 375–381.

Anyway, I hope that the reader for whom this book would be his or her first acquaintance with Viacheslav Misiugin's writings, will perceive, behind the evident shortcomings, the depth and the originality of his ideas.

***

Коптев А.В. Механизм передачи царской власти в архаическом Риме // Вестник древней истории. 1998. № 3. С. 27–52. [Koptev, A.V. The mechanism of transfer of the king's power in the archaic Rome // Vestnik drevnej istorii. 1998. N 3. P. 27–52.]

Фалалеева И.Н. Формирование нормативной основы политической системы Древней Руси в IX–XI вв. // Новая правовая мысль. 2003. № 2 (3). С. 41–48. [Falaleeva, I.N. Establishment of the normative basis of the political system of the Ancient Russia in 9–11 centuries // Novaja pravovaja mysl. 2003. N 2 (3). P. 41–48.]

Чернецов С.Б. Памяти Николая Михайловича Гиренко // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 375–381. [Chernetsov S.B. In memoria Nikolay Girenko // Forum for Anthropology and Culture. 2004. N 1. P. 375–381.]

[1] В этой связи хотелось бы лишь напомнить читателю, что В. М. Мисюгин творил в докомпьютерный и доинтернетовский век. Если сейчас, например, уточнение годов жизни или фактов биографии какого-нибудь английского короля занимает у пользователя всемирной сети пять минут, Мисюгину для этого мог потребоваться целый день, а то и неделя (поездка из Мартышкина в Университет, заказ книги в библиотеке; еще одна поездка в Университет, получение книги — или уведомления о том, что книга на руках или утеряна… и т.д.). Поэтому иногда В. М. Мисюгин мог приводить какие-то факты по памяти, а в других случаях источником сведений могла служить художественная литература — что, конечно, по нынешним меркам, вряд ли может считаться приемлемым.

memory, and in some other cases, his source may have been fiction, which would be considered today as unacceptable.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Н.М. Гиренко

ОТ ИСТОРИИ СОБЫТИЙ К ИСТОРИИ СТРУКТУР

Каждая эпоха порождает своих исследователей, следующих специфической для своего времени логике отражения исторического процесса, стремящихся найти в истории если не ответ на насущные вопросы современного им мира, то, по крайней мере, пытающихся подобрать некоторый ключ, пользуясь которым можно по-новому посмотреть, по-новому осмыслить и прошлое, и современность.

Предлагаемая читателю работа В. М. Мисюгина, воспитавшего много советских африканистов, являет собой пример такого поиска гармонии в кажущемся хаосе исторических событий, поиска такого нового ключа к пониманию процесса исторического развития. По существу — это беседы исследователя с внимательным и заинтересованным читателем. Книгу можно было бы назвать, отметив основной мотив, проходящий через все восемь эссе или лекций — «феномен трёх братьев во всемирном историческом процессе». Такое исследование, внешне глобальное по охвату пространства и исторического времени, самой своей постановкой вопроса весьма исторично. С некоторыми оговорками его можно считать своего рода протестом, тем более, если учесть, что создавалось оно отнюдь не в перестроечное время. С одной стороны, это своеобразный протест против догматического истматовского понимания древнейшей истории человечества, выработанного исключительно на основе энгельсовской интерпретации концепции Л. Г. Моргана. Отражение этой концепции, естественно, присутствует и в построениях В. М. Мисюгина. Напомним, что по Л. Моргану и Ф. Энгельсу вся первобытная (доклассовая) история как бы вращается вокруг основной для этого научного направления проблемы — проблемы возникновения и эволюции рода, родовой организации, взрываемой в конце своей эволюции развитием частнособственнических отношений и становлением государства. Напомним, что ко времени создания этой концепции исследователи располагали свидетельствами из уже практически разрушенных традиционных культур американских индейцев, фрагментар-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ными сведениями о весьма специфических островных культурах Тихого океана и Австралии, и практически не были знакомы с культурами и социумами народов Африки. Не случайно Л. Морган практически не располагал материалом по Африке. Важным подспорьем при создании концепции явились известные данные по древним и средневековым культурам Европы и древним цивилизациям Азии, но они не могли лечь в основу концепции древней первобытной истории в эволюционном понимании древности. Древнее по времени не есть более раннее, первичное в эволюции.

К шестидесятым годам нашего [двадцатого. — *Ред.*] столетия — началу активизации африканистических исследований в СССР — в зарубежной литературе был уже накоплен весьма обширный этнографический материал. Этот материал никак не укладывался в прямолинейные схемы перехода от материнского к отцовскому роду в морганов ском его понимании. Уже были даны описания достаточно целостных общественных систем, по многим параметрам демонстрирующим так называемые примитивные и варварские общества, и одновременно — высокую степень развития социальной структуры, материальной и духовной культуры. В целом стало очевидным, что Африка развилась как часть общечеловеческого исторического процесса, в тесном взаимодействии с внеафриканскими цивилизациями, что она имеет много общих черт, обнаруженных в культурах народов других континентов. Но сложившиеся «классические» концепции исторического развития, в частности, концепции примата кровнородственной родовой организации, при их наложении на африканский этнографический и исторический материал, не могли устроить исследователей.

Во внеотечественной науке от «классических» эволюционистских концепций к этому времени большинство исследователей уже отказалось, в то время как в странах социалистического лагеря настойчиво «рекомендовалось» им следовать. Это отнюдь не означало, конечно, что «западные» концепции удовлетворяли наших исследователей, так как там предпочитали уходить от столь актуального для эволюционно-исторического направления вопроса, как вопрос об этапах (стадиях, формациях) в развитии общественных систем. В лучшем случае «на Западе» речь шла о типологии отдельных подсистем, структурном соотношении компонентов в общественной организации, комплексном описании отдельных культурных ареалов и обществ. Компаративистика широко плана к этому времени как бы вышла из научной моды, и этот процесс стал проникать в нашу этнографическую и историческую науку.

Протест против столь утилитарного, технократического или сугубо академического подхода к историческому исследованию, или, как это сам В. М. Мисюгин едко определяет его — дискретно-дифинитному — можно обнаружить в каждом из представленных в книге эссе. Наверное, можно спорить о степени применимости структурного анализа или сравнительно-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

исторического метода. Нужно и то и другое, и оба подхода автор использует, склоняясь, тем не менее, в большей степени к широким историко-культурным и эволюционным параллелям. В этом смысле он как бы пытается соединить внешне противоположные подходы, сам становясь как бы связующим звеном между эпохой свободного историко-этнографического описания конца XIX — начала XX века и периодом жестких и математически точных попыток структурных исследований, более характерных для конца 70-х начала 80-х годов XX века. В этом смысле напрашивается параллель с известной книгой Л. Н. Гумилева «Этногенез и биосфера земли», посвященной поиску таинственного «фактора X», влияющего на развитие того, что автор именует «этносом». Здесь мы тоже видим и широкие по охвату материала исторические эссе, и попытки применения жёстких формулировок, вплоть до введения целых концептуальных блоков из точных (естественных) наук. Подчеркну, что параллель можно усматривать только в самой попытке сочетания, у столь непохожих исследователей, жесткого и описательного подхода, социоструктурного и сравнительно-исторического. Но не более того, так как В. М. Мисюгин, в отличие от Л. Н.Гумилева, не выходит за пределы историко-этнографической проблематики и методологии.

В данном случае те места исследования, которые можно обозначить как «жесткие», и которые, вероятно, будут затруднять некоторым читателям понимание текста, самим своим характером обязаны специфическому объекту описания — структурно достаточно чётким социальным подсистемам. Одна из них — это система социально-возрастных категорий, другая — система категорий, в которых выражаются родственные связи людей (включая связи через брак). Нет нужды здесь специально доказывать, что такие категории системны, и что в этих системах категорий некоторым образом отражаются и системы реальных социальных отношений, взаимодействия людей. Каким образом система отношений людей отражается в системе категорий для их выражения в речи и письме — само по себе является вопросом достаточно дискуссионным, особенно если речь идёт об исторических источниках по исчезнувшим культурам, или когда нам даны только эти категории, но нет описания их парадигмы и контекстов их применения.

Представьте себе, что где-то обнаруживают фрагмент записи на русском языке, в котором говорится, что «русские отдают детей в детские сады». Что значит в данном случае «отдают»? То есть, если не известен общий социальный контекст, то вариантов понимания этой фразы, и вариантов весьма даже экзотических, может быть достаточно много. Но задача исторической этнографии как раз и состоит в восстановлении в общих чертах этого «социального контекста» по дошедшим до нас историческим фрагментам, или путём реконструкции на основе сравнительно-исторического

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

подхода свойствам — указаниям на возможное существование некоторых таких контекстов. Регулярность, повторяемость в различных источниках некоторых системных, взаимосвязанных явлений и наводит исследователя на мысль о некоторой закономерности. Эту закономерность, регулярность нужно жёстко, чётко обозначить, чтобы и другие могли обнаружить её в бесконечном множестве разноплановых явлений, событий, социальных и культурных регулярностей. Поэтому обращение к вопросам, касающимся систем родства и половозрастных систем, предполагает элемент жёсткости, некоторой идеализации как обобщения множества вариантов. Все эти подходы, как и «жесткий» метрический эталон-обобщение, представлены в работе В. М. Мисюгина, и это — необходимость, навязанная ему основным предметом, интересующим автора.

Кратко остановимся на том, в чём состоит, собственно говоря, предмет исследования. С одной стороны, мы знакомимся с предполагаемой моделью нормы наследования у древних суахили Восточной Африки, культура которых рассматривается в тесной связи с развитием мореходства и торговли в Аравийском море, с другой стороны — автор уводит нас в перипетии взаимоотношений древних германцев и Рима, размышляет над степенью родства преемников великого Цезаря, зовет окунуться в мир древних саг о конунгах, при этом напоминая читателю о некоторых особенностях индийских Махабхараты и Рамаяны. Какое отношение ко всему этому миру имеют галла-оромо, описанные в XVI в. эфиопским монахом Бахреем, или русские князья? Все это для автора суть контексты, свидетельства вариантов разрешения в историческом процессе основного вопроса, основного предмета, который интересует В. М. Мисюгина как этнографа. Этот вопрос можно сформулировать более жёстко, чем это делает сам автор: какова начальная структура, определяющая специфику общественной системы первобытности, и каким образом эта начальная структура трасформировалась в социальный институт, который сам автор именует родом? Под родом В. М. Мисюгин понимает генеалогическую группу, связанную биологической близостью различной степени, но осознаваемую носителями культуры как отдельная социальная группа. В тексте работы такой формулировки нет, так как автор постоянно уходит от дефиниций, предпочитая описательный, функциональный способ определения явлений.

Здесь будут фигурировать и такие обозначения, как кровная или биологическая связь, кровнородственная группа и пр. В этом, на мой взгляд, тоже заключён некий протест против этнографической традиции обозначения родовой организации как группы, считающейся единой «по крови» и восходящей к единому предку и пр., противостоящей семье и предгосударственным формам организации общества. Не случайно первичной формой семьи (по Моргану и Энгельсу) была так называемая «кровнородственная семья», где происхождение «по крови» не учитывалось, экзогамия родовой

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

группы не существовала. Эта гипотеза уже давно признана несостоятельной даже в отечественной литературе. Для Моргана род тоже был точкой отсчёта в анализе его становления и распада. Это обозначение употреблялось и для развитых, в современной терминологии — линейных форм, и для некоторых гипотетических «первичных».

В современной этнографии под родом первобытности признаётся экзогамная группа, считающаяся ее членами единой по крови или предку, но не обязательно таковой являющаяся в действительности. Более того, собственно родом обычно признаётся группа, где сами носители культуры не могут дать генеалогического обоснования своей кровной близости, и в этом обосновании чаще всего просто нет общественной надобности. Пример тому — исследование таких групп (вемунов) у папуасов деревни Бонгу, проведенное Н. Н. Миклухо-Маклаем и уточненное спустя сто лет уже советскими этнографами.

Какая разница — присутствует биологическая осознанная связь или не присутствует? Осознана эта связь или нет? Вопрос, конечно, лежит в несколько другой плоскости: что было первично, что выступало в качестве системообразующего, базисного исторического явления в процессе возникновения экзогамных родовых или тотемических экзогамных групп? Что лежало в основе возникновения экзогамии, запрета брака в определённой группе и допущения, а иногда и предписания вступать в брак с лицами любой внешней, а в ряде культур — и конкретной группы? Таков комплекс вопросов, появившихся ещё до работ Л. Г. Моргана и продолжающих волновать исследователей первобытности по сей день.

Основным материалом для Л. Г. Моргана послужили собранные им сравнительные таблицы систем терминов родства и, в частности, таких систем, которые давали одинаковую характеристику для целых групп родственников, которые в системах терминов из более развитых обществ обозначались как относящиеся к различным категориям родства. Такие системы, обозначающие целые классы родственников одним термином, Л. Г. Морган назвал классификационными (классификаторскими), а наиболее распространённый тип их — турано-ганованскими (едиными для древней Азии и Америки).

Существенно, что во многих системах терминов родства этого типа родственники как бы образуют группы лиц, относящиеся к различным социально-возрастным категориям (например, «отцы», «дети», «внуки»), вне зависимости от реального возраста и реальной биологической близости. Так «внуки» могли быть, по реальному для нас возрасту, старше «дедов», а «отцами» человека могли считаться люди, с нашей точки зрения, находящиеся в весьма отдалённом с ним родстве. Иными словами, генеалогические поколения не совпадают с социальными и возрастными, а степень генеалогической близости не совпадает со степенью биологической

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

близости. Такие системы терминов родства, предполагающие и соответствующее поведение лиц, обозначаемых этими терминами вне зависимости от реального возраста людей, существуют в целом ряде культур и сейчас. Несомненно, что в основе построения такой системы лежит, по крайней мере, представление о делении всех членов общества по полу и возрасту. Но подразумевается возраст специфический — социальный, и все оказываются в групповых отношениях типа «группа предков — группа потомков», вне зависимости от индивидуального возраста членов таких групп.

Ближайшей параллелью такого этнографического явления — социального института с четко выраженным представлением о социально-возрастном, а не об индивидуально-возрастном принципе причисления человека к группе, с представлением о групповом социальном возрасте — является другой, тоже достаточно хорошо известный этнографии социальный институт: система возрастных классов, При функционировании такого института, группа индивидов, составляющая один возрастной класс, определяется как единая и получает общее наименование. Через некоторое (различное в разных культурах) время эта группа людей переходит в другой социальный статус, сменяя предшественников и беря на себя их функции в обществе, а на её место производится набор новой группы. Такие группы образуют иерархию с различными функциями в обществе, с особыми отношениями между людьми, относящими себя к старшим и младшим группам. В различных обществах роль этого института может быть различной. Например, у масаи, галла, туркана Восточной Африки он играл, судя по описаниям XIX–XX вв., чрезвычайно большую, подчас определяющую роль в жизни человека и общества — хотя одновременно существовали и другие формы социальных объединений: родственные, общинные, локальные, конфессиональные и т.д.

Наличие этих двух социальных институтов — объединений по родству и возрастных классов, в которых чётко прослеживается принцип половозрастного социального деления и несовпадение социального возраста с реальным, индивидуальным — уже давно стало основанием рассмотрения их как институтов близких и даже родственных. Основной вопрос, однако, заключается в том, каков характер этой близости. В ранних этнографических работах системы социально-возрастных объединений чаще всего представлялись как первичные по отношению к системам родства классификаторского типа, о которых шла речь выше. Были и обратные попытки — показать их вторичный характер. Мне лично представляется, что эти типы систем не находятся в отношении первичности-вторичности, а являются совершенно различными, даже антагонистическими формами социальных образований, равно использующих только сам принцип социально-возрастного объединения, но с разными функциями — то есть это различные исторически и хозяйственно мотивированные формы реализации

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

половозрастного принципа общественной организации. Эволюционно они не находятся в отношении преемственности (первичности-вторичности), но являют собой параллельное развитие различных социальных институтов, использующих один принцип организации, но имеющих разные функции в обществе.

Автор данной книги занимает совершенно иную позицию в отношении своих исторических предшественников, хотя и не отходит от представления о первичности половозрастного института в форме возрастных классов. Он, по существу, отказывается от признания классификаторских (тураноганованских) систем родства, как они понимаются большинством этнографов, как отражения родовой организации, считая общепризнанные этнографические свидетельства искажением описания под влиянием европейской модели, или описанием разрушенных социальных форм. Таким образом, он как бы снимает с повестки дня дискуссию о соотношении системы возрастных классов и классификаторских систем. В то же время, классификаторские системы терминов и стоящие за ними системы социальных отношений В. М. Мисюгин интерпретирует как реальное функционирование систем возрастных классов, ограниченное собственно демографическими параметрами наследования титула и социального статуса. Вопрос о соотношении возрастных классов и родовой организации, тем не менее, оставлен, но в эволюционную последовательность поставлены следующие полярные формы: чистая система половозрастной организации, реконструируемая по галла-оромо XVI в., и собственно родовая линейная система родства с социально значимой биологической связью. Предмет этнографического спора — классификаторские системы — предстает, в такой постановке вопроса, как этап исторического перехода от возрастных классов к линейному биологическому роду, искажённый неадекватными описаниями и интерпретациями.

В этом, собственно, и состоит основной предмет книги: показать, через исторические свидетельства, состояние общества в различных вариантах такого перехода. Сразу можно сказать, что с таким способом «снятия проблемы» классификаторских систем, их функционирования и эволюции, мало кто из этнографов, занимающихся вопросами эволюции социальных институтов, сможет согласиться. Тем не менее, такой подход открывает широкие возможности для комплексной, многомерной оценки исторических и этнографических свидетельств по множеству параметров и, в частности, по сочетанию в свидетельствах свойств родовых и возрастных институтов.

Действительно, при любом праве группового или внутригруппового наследования статуса или титула будет присутствовать сугубо демографический фактор, и это может влиять на закрепление результата его действия в некоторой форме традиции относительно возраста наследника или опти-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

мального срока правления. Формы предпочтительного брака в условиях относительно замкнутой системы рода, экзогамных групп, по мере усложнения общественной организации, конечно, приведут к ограничению числа таких групп, члены которых претендуют на преимущество при передаче титула. Эти естественные, вероятностные в своей сути процессы лежат в основе возникновения общих признаков у систем, представляющих разные культуры, именно в силу их объективности, неустранимости, независимости от специфики культуры или уровня общественного развития. И само обращение к такого рода явлениям в этносоциальной истории представляется достаточно продуктивным, оно может служить особым измерением, шкалой для анализа исторических памятников и этнографических свидетельств.

Однако следует отметить, что сам факт указания на широкую представленность явления в самых различных культурах, с моей точки зрения, совсем не обязательно служит указанием на его эволюционную, историческую первичность — так же как и редкость явления отнюдь не исключает его глубокой исторической или эволюционной природы. Широта представительства свидетельств о половозрастной организации может быть объяснена отнюдь не обязательным существованием в прошлом именно системы возрастных классов, тем более в ее конкретной (пятиступенчатой) форме, как это представлено в гипотетической структуре В. М. Мисюгина на основе данных по Эфиопским галла-оромо.

Деление по полу и возрасту, восходящее к биологической природе человека — фундаментально, и, несомненно, всегда присутствовало и присутствует в человеческом обществе, прямо влияя и на способ образования форм социальности. Так, к этому фундаментальному признаку восходит и принцип дуалистического экзогамного деления на «нашу» и «другую» группы: «мы» — которые принимают брачного партнёра, и «они» — которые отдают брачного партнёра. Очевидно, что этот принцип будет присутствовать в любой форме локальности брака, и даже в гипотетическом варианте «дислокального» брака, предполагавшегося некоторыми исследователями. Экзогамия неизбежно возникает при любой устойчивой форме социального воспроизводства как необходимое условие обеспечения биологического воспроизводства. Если учесть, что ранние социальные организмы (с их подвижностью, охотой и собирательством как основой существования) не могли быть крупными по численности, то очевидно, что для каждой группы значительно более вероятно было найти брачного партнёра за пределами своей группы, нежели в рамках своего небольшого коллектива. Не последнюю роль в этом процессе поиска партнёра играл и возраст, так как, чем крупнее коллектив, тем больше вероятность своевременного получения такого партнёра в его пределах. На ранних стадиях социально-экономического развития брачная организация была направле-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

на на всю совокупность мелких коллективов, что и должно было закрепиться в норме экзогамии для каждого отдельного малого коллектива. Иными словами — экзогамия в своём возникновении ориентировала не столько на запрет брака в своей малой группе, сколько на обязательность брака для каждого члена общества, что было возможно только при вовлечении в брачный обмен множества мелких коллективов.

В такой системе социальных связей весьма проблематично возникновение крупных объединений преимущественно на основе группового противопоставления или группового по признаку пола или возраста объединения. Этнографическая практика показывает, что в таких группах, как правило, нет ярко выраженных классификаторских систем и отсутствуют системы возрастных классов. Тем не менее деление социальных функций индивидов по признакам пола и возраста выражено достаточно чётко. Взаимодействующие социальные коллективы, конечно, образуют некоторую социальную и культурную общность, и она может рассматриваться как единое общество, социальный организм в той степени, в какой эти коллективы реально взаимодействуют. Общество, точнее — любая социальная система взаимодействий любой стадии эволюции — относительно эндогамно, в его пределах осуществляется брачный обмен, обмен материальными ценностями, вырабатываются единые ритуальные формы и нормы взаимодействия людей и коллективов. Ранние формы общественных систем отличаются от более поздних меньшей плотностью взаимодействия составляющих общество коллективов, частой сегментацией, образованием различных объединений, неустойчивостью связей между определенным набором групп, составляющих более широкую систему. Поэтому трудно говорить о возможном устойчивом взаимодействии индивидов, относящихся к единой возрастной группе, и об устойчивом групповом взаимодействии возрастных групп разного статуса, то есть о возрастном групповом взаимодействии как определяющей характеристике общества, без чего система возрастных классов не может существовать. Конечно, это действительно при том условии, если мы полагаем, что в основе возникновения самого этого института лежат свойства, обеспечивающие необходимые для жизни общества функции.

Такое групповое взаимодействие в рамках возрастной группы и взаимодействие между такими группами действительно возможно при переходе к относительно стабильной хозяйственной основе общественной жизни, то есть при переходе к земледелию и скотоводству. На этой базе уже возможно существование крупных коллективов, в том числе объединённых функционально по полу и возрасту.

Что касается критерия возраста, то, если учитывать собственно социальный его характер, все общество будет подразделяться, как минимум, на две основные возрастные категории — добрачная (те, кто не образует се-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

мейных групп) и брачная (люди, образующие семейные группы). Первые, очевидно, будут подразделяться как минимум на хозяйственно значимых, то есть способных участвовать в производстве, и тех, кто еще не может принять участие в хозяйственной жизни, то есть младенцы. Равно и вторые, то есть семейные, подразделяются по хозяйственным функциям на активных и пассивных. При этом раскладе объективно обнаруживается большая вероятность фиксации как минимум четырех поколений (младенцы, юноши, женатые, старики), различающихся социальными функциями. Иными словами, само первоначальное деление по принципу взрослей/не взрослый, где критерием взрослости, самостоятельности является участие в биологическом воспроизводстве как предпосылке участия в социальном воспроизводстве социума (брак) — дает возможность объединения по социально-возрастной функции и основу для разделения функций по социальному возрасту.

Собственно, в этом и состоит пересечение возрастного и родственного принципа, здесь открывается возможность параллельного развития системы возрастных классов, с одной стороны, и системы родственных отношений классификаторского типа, с другой. В обоих вариантах объединяются значительные коллективы (сверстников или родственников соответственно) в условиях развития земледелия, скотоводства или смешанного хозяйства. Если учесть, что время вхождения в фертильный возраст у человека примерно одинаково во всех популяциях, то не удивительно и совпадение кратности социально-возрастных циклов в различных исторических и этнографических группах (приближение ритма смены групп к ряду: 8 — 16 — 24 — 32 — 40 лет). Но это лишь приближение и только относительная кратность, которая, тем не менее, имеет объективную возрастную (биологическую) основу, а в силу этого, при мифологической идеализации, может просматриваться в различных исторических традициях.

У галла эта пятичленная шкала представлена достаточно чётко, что говорит о длительном периоде кристаллизации этого социального института, его длительной традиции. Влияние этой традиции галла на культуры соседствующих этносов представлено достаточно четко, но можно оспаривать попытки автора представить эти влияния как изначальное существование именно пятичленной формы системы возрастных классов в соседствующих культурах или историческую необходимость существования системы возрастных классов как обязательного этапа в эволюции общественных систем.

Следует обратить внимание и на совпадение деления «идеальной» системы возрастных классов на пять ступеней с непременной выраженностью пяти поколений в другом социальном институте — в системе терминов родства любого типа. В системе терминов «пятичленка» имеет совершенно другую природу. Реально в любой системе терминов отражаются отно-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

шения, тоже бинарные по своей сути: предок-потомок, если брать собственно поколенную характеристику. Но терминология родства всегда эгоцентрична, то есть точкой отсчета является конкретный человек (Эго, то есть «я») или некто, имярек. Вне этой точки отсчёта обозначение родственного отношения не имеет смысла. В связи с эгоцентричностью, бинарное противопоставление «предок-потомок» реально выражает отношения в пределах трёх поколений: мой предок — я — мой потомок, и при этом определяются дополнительно отношения моего предка к моим потомкам (деда с внуком). Тем самым отношения в пределах трёх генеалогических реальных поколений разворачиваются в пяти-поколенную терминологическую схему: деды — отцы — я — дети — внуки, где лица одного со мной генеалогического статуса — это мои братья.

Естественно, что в реальности пять генеалогических поколений (мои внуки и мои деды) нормативно сосуществовать и функционировать как возрастные группы вряд ли могут. Поэтому терминологически закрепленные группы в системе терминов родства в принципе несовместимы с системой возрастных классов. Тем не менее и в возрастной системе, и в системе родства отчетливо выражена функциональная групповая характеристика — свойство, присущее обществу эпохи существования коллективной собственности как основы экономического воспроизводства. В системе родственных отношений этот коллективизм определяется через отношение к предкам и потомкам, и единство такого отношения определяет нормативное поведение и функцию, которая меняется с изменением самого отношения. Человек может функционировать то как отец, то как сын или внук, если брать только связи мужчины по мужской линии. В системе возрастных классов эта функция фиксирована определённым традицией временем пребывания в возрастной группе и изменяется только с переходом со временем этой группы в другой социальный статус.

Автор полагает, что такая система может трансформироваться в систему, состоящую из ограниченного количества «родовых групп», прослеживающих коллективное родство на основе повторяющейся через определённый интервал поколений «тотемной» или иной символики, с последующим сужением числа таких групп и выделением династических родов. В данном случае автором предлагается гипотеза относительно начальной основы такого явления, как чередование «тронных» имен у правящих групп — явление, ярко представленное, например, в традиции монархического устройства Бурунди, где четко чередовались только четыре имени правителя и была достаточно выражена, параллельно с родовой, возрастная организация, Многочисленные примеры, приводимые в работе, несомненно, указывают на широкую представленность подобных регулярностей, приближающихся по ритму к кратности возрастных поколений. Что касается титулатуры правителей и смены статуса родовых групп (передачи права на

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

титул), то не исключено, что в основе этого процесса лежали явления, типологически схожие с механизмом регулярной (нормативной) передачи власти от одной группы к другой, близкие к механизму, регулирующему передачу статуса от одной возрастной группы или возрастного класса к другому. Даже если это явление не имеет отношения к эволюции систем родства с классификаторскими номенклатурами, то само явление регулярности, кратности интервала чередования поколений, несомненно, заслуживает гораздо большего внимания, нежели ему уделялось в этнографии до сих пор.

Исследование этого процесса крайне осложнено тем, что, каков бы ни был механизм его функционирования или форма его проявления в конкретной культуре, в основе своей носит естественный, то есть неизбежно вероятностный характер, и традиция фиксирует результат пересечения действия множества социальных институтов, исторических обстоятельств, хозяйственной специфики и свойств человеческой психики. Все эти аспекты исторического процесса требуют самостоятельных исследований. И, тем не менее, подходы, аналогичные подходу и материалу В. М. Мисюгина, дают стимул для взгляда под новым ракурсом на то, что в конкретных областях исследования обычно видится как устоявшееся и очевидное. Так, весьма вероятно, что общественная организация, использующая оба принципа социальных группирований — и классификаторский-родственный, и социально-возрастной, — в определенных условиях и для определенных функций закрепляла действие то одного, то другого способа организации. Например, в зависимости от условий миграций предпочтительна может быть либо миграция возрастной группы, либо небольшой группы родственников смешанного возраста. Очевидно, что в первом случае, при образовании на основе мигрировавшего поколения ряда локальных общин, велика возможность передачи на новом месте титула сначала в рамках самого поколения. Это неизбежно приведёт к передаче титула от общины к общине, либо в форме правления общин по ранжиру возрастного статуса членов мигрировавшей группы, либо к очередности представительства вновь организованных общин в «центральной» общине. При этом не будет иметь принципиального значения, была ли или не была представлена изначально классификаторская система родства. В случае переселения компактной многопоколенной экзогамной группы тоже возможен вариант чередования представительства ответвлений единой некогда группы и передачи титула в резиденцию претендента. В обоих случаях регулярность будет определяться демографическими процессами.

И там, и там принципиальную роль играет не просто миграция, а миграция в уже населённую местность, противопоставление «свой-чужой» (а тем самым — «знатный-не знатный»), противопоставление группы, в рамках которой осуществляется наследование, группам, не способным претендовать на титул. Такие ситуации в историческом процессе возникали постоянно, и каждая давала основание для возникновения той или иной

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

формы регулярности передачи титула, обусловленной демографическими предпосылками. Так, при оптимальных условиях не могут поочерёдно править более трех представителей одного поколения, если само «поколение» не воспроизводится. В этой функции «воспроизводящегося» поколения лишь позднее начинает выступать династический род (старший или, что то же самое, главный среди прочих родовых групп), сам внутри себя подразделяющийся на старшие и младшие ветви по генеалогическому старшинству, где механизм демографического ритма тоже присутствует, и тоже может дать регулярности, схожие с регулярностью воспроизводства системы возрастных классов.

В целом можно сказать, что в изучении закономерностей исторического развития, когда мы пытаемся за пестрой картиной случайных и логически (с позиций нашей политической логики) мотивированных событий увидеть закономерности, не зависящие от воли людей, мы должны осознавать, что имеем всегда перед собой объект, представляющий собой систему биосоциальную, организм, в котором люди, с их биологическими свойствами и возможностями, участвуют в воспроизводстве социальной системы и самих себя. Здесь очень важно различать явления, мотивированные разумом и логикой людей в конкретно-исторических обстоятельствах и вероятностные процессы, от логики и целенаправленной деятельности людей независимые, а скорее, сами определяющие (как функциональная предпосылка) направление изменения этой деятельности. Такую попытку проникнуть за внешнюю сторону исторических событий в сферу событий вероятностных и описать эти вероятностные события, не прибегая к «дискретно-дефинитной» форме изложения, и осуществил в своих эссе по этносоциальной истории В. М. Мисюгин.

Насколько эта попытка удачна — судить читателю. Но продуктивность чтения будет существенно зависеть от того, захочет он принять к сведению только результат предложенных интерпретаций сведений исторических источников, сопоставив их с данными других исследователей соответствующих разделов всемирной истории, или попытается вместе с автором пойти дальше поверхностного материала. В первом случае читатель будет иметь ещё одну версию изложенных в историческом источнике событий, может согласиться с ней или отвергнуть как не соответствующую его данным или его пониманию конкретной истории событий. Во втором случае он увидит новый ракурс, в котором окажется возможным по-новому взглянуть на историю сложения общественных структур, в рамках которых исторические события протекают, и которые иногда сами предопределяют ход исторических событий. Эти два среза в историческом процессе постоянно сосуществуют, что дает возможность осуществлять в исследованиях продуктивные переходы из истории событий в историю структур и обратно.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Поэтому и нужны работы, подобные предлагаемой вниманию читателя, — работы, нащупывающие эти возможные переходы и заставляющие по-новому посмотреть на материал, убеждающие в бесконечном многообразии свойств исторического процесса, в многомерности исторического бытия человека.

Как-то британские этнологи с большим стажем полевой работы поставили своеобразный эксперимент. Они решили проверить, насколько доступны для жителей традиционного африканского общества шедевры европейской драматургии. Речь шла о восприятии трагедий Шекспира знатоками устной традиции у африканского народа тив. Эксперимент прошел в высшей степени удачно. Знатоки традиции тив вполне усвоили перипетии шекспировской драмы, но весь сюжет истолковали исключительно в нормах обычного права своего народа, и исследовательнице было невозможно им доказать, что Шекспир имел в виду нечто другое, так как он с традициями народа тив знаком не был. Ей простили ее неосведомленность — не всем же быть знатоками традиций!

Так и В. М. Мисюгин интерпретирует данные фольклора исландцев и исторические свидетельства о древних германцах, средневековых галла или суахили как будто бы с позиции аборигена той культуры, о которой идёт речь, с позиции человека, как бы пребывающего в обществе доклассовой фазы эволюции социальных систем с выраженной структурной социально-возрастной стратификацией. Его изложение — это взгляд человека с чётко усвоенной и привычной ему традицией взгляда с позиции возрастных классов на исторические и этнографические свидетельства более поздние (в эволюционном смысле). Не исключено, что и мы, как считает В. М. Мисюгин, смотрим на эти свидетельства и интерпретируем их, наподобие знатоков традиции тив, в соответствии с нашим пониманием, и в этом смысле наши интерпретации исторического процесса тоже близки по духу интерпретациям шекспировских трагедий африканскими мудрецами. У них взгляд из некоторого эволюционного прошлого, у нас — из эволюционного будущего анализируемого объекта. Но главное — мы, несомненно, привносим в незнакомую культуру свою культурную оценку, а потому любая наша интерпретация достаточно условна.

Так же условна и интерпретация, предложенная в публикуемых эссе автором данной книги, интерпретация от некой начальной, а не конечной точки развития процесса. И чем больше различных интерпретаций мы будем иметь, тем более точно будет представлена реальная историческая картина, тем более полное знание мы получим о механизмах, управляющих развитием общества как в прошедшие эпохи, так и в современности.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

В.Р. Арсеньев

«МАЯТНИК ИСТОРИЧЕСКОГО ВНЕВРЕМЕНЬЯ» В. М. МИСЮГИНА

Предлагаемая вниманию читателей работа с общим названием «Три брата» является, своего рода, эпитафией творческому пути Вячеслава Михайловича Мисюгина — не слишком известного, но от этого не менее выдающегося исследователя истоков современной культуры Человечества. В том узком кругу, в котором жил и общался В.М. Мисюгин, в котором рождались и «обкатывались», внедрялись, сорождались и просто зарождались в сформулированном виде его идеи, он считался африканистом…

Считал ли себя «африканистом» сам В.М. Мисюгин, вряд ли можно говорить с уверенностью. Во всяком случае, несмотря на многие годы ученичества у него, творческого взаимодействия в рамках сектора Африки Ленинградской части Института этнографии АН СССР (ныне — МАЭ РАН), неоднократного неформального и доверительного общения с ним в последний период его жизни, когда, вольно или невольно, подводились итоги — с осознанием, что каждая встреча уже может быть последней, я скорее усомнюсь в его самоопределении, самопозиционировании в системе науки как «африканиста». Да, преподавал он на кафедре африканистики Восточного факультета ЛГУ. Да, круг его общения состоял из сотрудников сектора Африки ИЭ АН СССР, руководимого Д.А. Ольдерогге. Да, непосредственной сферой интересов его выступала Восточная Африка. Но искал он большее! Он пытался осмыслить основные формы, стратегии поведения людей в условиях первобытности, их обществ, живущих в системе Природы, всех обществ Архаики — со всеми теми закономерностями организации жизни и самого общества, которые порождаются фактом существования в Природе. Его интересовали общие основы перехода к Цивилизации как всечеловеческой универсалии, — но и как способа адаптации, а равно — и формы отклонения от природного императива. При видимой необратимости состоявшейся бифуркации, он искал ее исток, видя в нем, скорее, «сбой» логики исторического процесса, чем достойное восторгов «раскрепощение» рода человеческого и переход его на пути последователь-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ного «прогресса», бесконечного восхождения. Хотя, конечно, все это — лишь толкования. И толкования вполне субъективные. Здесь лучше обратиться к его собственным текстам, а главное — к их духу, к общему направлению мысли и ценностных установок. Во всяком случае, нельзя не вспомнить, что сам о себе он говорил как о потомке североамериканских индейцев. Их ценностной и поведенческой системе он стремился соответствовать в быту и в неформальной обстановке. Да, впрочем, и профессионально он, в первую очередь, хотел заниматься индейцами, утверждая, что только обстоятельства привели его на Восточный факультет, предопределив его специализацию по языку суахили и по проблемам становления культур, хозяйственных связей и государственных структур на восточном побережье африканского континента. Может быть, именно поэтому индейская тема занимает такое место в его творческих поисках. Хотя, конечно, было бы абсолютно ошибочным игнорировать роль материалов по североамериканским индейцам в становлении мировой этнографической науки, в изучении архаических обществ. Это тесно связано с задачами понимания перехода от первобытности к государству, к классовому обществу и к капиталистической системе. Интерес этот, в связи с указанными проблемами, пробудился благодаря работам Л. Г. Моргана, а также влиянию его взглядов на Ф. Энгельса, и далее — на всю марксистскую и, в частности, советскую науку.

Впрочем, В.М. Мисюгин относится к той категории людей, о которых мало что можно говорить в дискретном измерении. Уже более десяти лет как его не стало. Но, как это ни может показаться странным, в сознании его коллег, почитателей и учеников он никуда не уходил. И даже, более того, несмотря на то, что видевших и помнящих его в жизни становится все меньше и меньше, актуальность говорившегося им — и значительно реже писавшегося — оказывается все более и более очевидной… Ведь он, еще будучи доступен в этом, данном смертным измерении Бытия, удалился, оставаясь. А многие слова, произнесенные им, уже потеряв свою фонетическую определенность, продолжают действовать, побуждать к поиску и осмыслению. «О! Вижу взгляд бледнолицего!» И стыд за поверхностное, формальное, необоснованно спроецированное на изучаемую реальность европоцентричное суждение переполняет и побуждает вернуться к прямому восприятию «объекта» в его самоценности и самозаданности.

Тем, кто знал В.М. Мисюгина, нет нужды мистифицировать или мифологизировать эту фигуру. Он и сам выглядел человеком ниоткуда… Ибо для органично включенных в современное общество и соответствующих именно этому обществу обывателей он казался, как минимум, «странным». А «странным» — значит, «чужим», посланцем «чужбины», «чуди», «страны чудес», вымысла, сказки, страны, которой и нет вовсе. Обывателю

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

так — спокойнее. Нет нужды напрягаться и осмыслять. Вычеркнул из действительного и живи по-прежнему.

С детства в сознание любого ребенка попадает клише сказочной инореальности: «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что!». Для многих на всю жизнь это остается только парадоксом, некоторым логически выверенным художественным приемом, образом, идеей абсурда. Но В.М. Мисюгин с, казалось бы, детской наивностью, граничащей с неадекватностью, всю свою видимую нам бытийность провел в двух противопоставляемых нами мирах. Это — мир людей, мир Цивилизации, мир пространственно-временных и детерминистских конструкций и конструктов. Но равно с этим он пребывал и в мире инореальности, где нет даже пластов времени, где и времени самого нет, а есть только слегка угадывающееся по направленности, по улавливаемой повторяемости движение людей, идей, вещей, инвариантов связей и отношений.

В.М. Мисюгин оказался «человеком на стыке времен и цивилизаций», о положении которого в «подлинном кошмаре» страстно писал Г. Гессе в романе «Степной волк». Все несоответствие эмоциональных оценок такого «порогового», «стыкового» состояния Г. Гессе и В.М. Мисюгина заключается лишь в том, что, не любя нашу Цивилизацию за извращенность природных основ и побуждений Жизни, В.М. Мисюгин обладал, в отличие от героя Г. Гессе, целостным видением Мира и внутренней гармонией. Эти, столь важные для любого человека свойства, оказались унаследованными В.М. от родителей, выходцев из деревни Тверской губернии, от легендарной «бабки», вывезенной дедом с Аляски. В. М. осознал их, сохранил, подтвердил и преумножил в ходе скитаний в одиночку в уральской тайге, также как и практикой рукоделия в создании материальных условий элементарного жизнеобеспечения в полусельской местности пригорода Ленинграда Мартышкино. Можно сказать, что Цивилизация не слишком охотно принимала В.М. Мисюгина, да и он находил формы существования, не требовавшие больших компромиссов с этой самой Цивилизацией. Он еще в юности «слепил» вокруг себя эту специфическую нишу Бытия, которую можно определить как мифо-ритуальное пространство и, несмотря на его, казалось бы, очевидную природу эмоционально-интеллектуального конструкта, сумел превратить этот «конструкт» в реальное пространство собственной жизни. Каково было сопричастным к нему лично существовать и сосуществовать бок о бок с ним в этом пространстве, вряд ли следует комментировать. Скорее всего, для них это и был мир противоречий героя Г. Гессе Гальдера. Ибо отсутствие внутренней целостности и есть истинная драма. Сам же В.М. Мисюгин более напоминал глыбу, монолит.

Главное, что следует отметить, обращаясь к читателю с краткими заметками, предваряющими эту книгу, — это то, что вся жизнь В.М. Мисюгина была подчинена мифу об органичном и гармоничном мире Архаики.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Это — прочувствованная, проверенная на собственном жизненном опыте, на основе знакомства с огромным объемом исторической и этнографической литературы, проникнутая верой и убеждением в непременности торжества справедливости и гармонии система представлений о «золотом веке» Первобытности. Это досада по поводу утраченной в движении к Цивилизации и «прогрессу» внутренней целостности и той самой «непорочности», о которой с грустью и сожалением говорил и Г. Гессе применительно к своему воплотившему дух эпохи перемен персонажу. И это не было ни переосмыслением взглядов Ж.-Ж. Руссо и всего менталитета эпохи Просвещения, приведшего в итоге новым формам насилия и отдаления от Естества, ни кабинетным любомудрствованием на основе учености и благих порывов.

В.М. Мисюгин сам строил, лепил, интеллектуально воспроизводил эту идею о целостном мире «людей в Природе», сам ставил себя, осознанно или нет, в зависимость от этого образа, передавал это ощущение, соответствующий ему образ, этот конструкт ума и веры всем, кто проникался доверием к истинности предвосхищенной, вынашиваемой и несомой им идее.

Он пришел в мир городской культуры, в мир Цивилизации как чужой, как человек, вынужденный выучивать правила поведения в этом мире и, в какой-то степени, следовать им. Но в том мире, из которого он пришел, в мире, связанном своей пуповиной с Природой, в русской «глубинке» тогда еще Тверской губернии был свой гармоничный порядок следования жизненному пути — естественный, ибо соответствующий Естеству, Природе. Этот порядок, идущий изнутри, интуитивно, подобно реализации инстинктивного поведения и реакции на изменения вокруг, на импульсы, воспринимаемые от этого большого и — не столько понятного, сколько адекватно ощущаемого многообразия Жизни, оказался основой нравственной позиции В.М. Мисюгина, стержнем организации и его мышления, и его поведения в этом мире. Казалось бы, этот мир выступал общим для всех современников, но образы и пути движения в нем оказывались столь очевидно различными.

Можно придти к умозаключению, что его путь проходил в другом измерении Жизни, если не вообще к тому, что он существовал в параллельном мире, пересечение с которым — и то лишь по Н.И. Лобачевскому, — возможно лишь в Бесконечности. И он оставался в этом измерении Жизни, как мог, — всю свою жизнь. Он только посещал Цивилизацию, наведывался в нее. Это было необходимостью, условием выполнения несомого им долга — долга передачи своего миропонимания, мироощущения другим: студентам, ученикам, всем, кто готов был слушать, понять его, принять это видение и следовать ему. Иначе, зачем надо было приезжать из Мартышкино, где он построил и обустроил свой Дом, в Ленинград! Ведь никого и ничего, кроме детей Цивилизации и порожденных ею институций обучения,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

в этом мегаполисе не было. Ничто, кроме книг и музейных коллекций, не открывало дорогу к пониманию, осмыслению вневремения — этого естественного и в то же время невероятного движения в потоке Жизни без признаков невозвратности, без видимых признаков иной направленности движения, кроме естественного круговорота самой Жизни. А несение этого «света», озарения Истиной он воспринимал как свой личный долг. Впрочем, по-природному, по-крестьянски он предпочитал не биться головой об стену непонимания, исходя из принципа «имеющий уши да услышит». Это — особый, практичный и экономный «прозелитизм», сберегающий силы для собственного движения. Это — мудрость глубокого Знания, понимания и ощущения Жизни. Оно не допускает суеты, избыточных эмоций, оно не ищет яростного упоения полемикой, этого спортивного азарта победы и видимого торжества своего «Я».

И еще В.М. Мисюгина побуждало наведываться в Цивилизацию профессиональное общение — общение с коллегами. И оно выступало как все то же несение Света, как долг поддержания Истины. Было необходимо обмениваться идеями, расширять горизонты и глубины собственного видения и понимания, получать подтверждение и уточнение своих взглядов, открывать глаза коллег, зашоренные стереотипическими образами, моделями, клише, не имеющими под собой никакой иной основы Жизни, кроме истории самой науки, истории Цивилизации, условностей ее ценностей и способов восприятия действительности.

Потом он перестал «ходить в Цивилизацию». В начале 1990-х в обществе наступила полоса корыстных, алчных, сиюминутных страстей и амбиций. Он почувствовал себя лишним в этой всеобщей суетности. Он знал, что придет день востребованности. И, возможно, самого его уже не будет. Но осознанное им — истинно. А, раз так, то кто-то неминуемо придет к тому же образу Мира. А что ссылок на него, известного нам как В.М. Мисюгин, может и не быть, его не страшило. Ибо осознанное и произнесенное им когда-то, где-то, кем-то будет подхвачено и вернется к людям. Ради продолжения этого всеобщего круговорота Жизни. У него выработалось другое видение своего «Я» и своей предназначенности. Это органичное отрицание эгоцентризма, индивидуализма людей Цивилизации, сопряженное с иным видением смысла и назначения Жизни, жизни отдельной особи рода человеческого. Это — гармонично «нивелированная» личность, целью которой является служение, идеальная детерминация поступков, подобно морально-этическому кредо монашества. Это — призванность в качестве «поэта-воина».

Можно написать даты его прихода в Мир и ухода из него, но и они весьма мало что скажут читателю, чуть более способному соприкасаться с неизведанным и благоговеть от этого прикосновения, чем жесткий рационализм нашей культуры и, уж тем более, науки предполагает в обычном

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

члене нашего общества — представителе, казалось бы, неоспоримой по своим достоинствам и достижениям Цивилизации.

Так вот, обычному читателю, открывающему эту книгу, надо изначально еще и еще раз, последовательно и настойчиво указать на то, что В. М. Мисюгин в весьма малой степени был носителем, представителем этой самой «Цивилизации». Он задумался об этом сам, он осознал это и признал это в себе как руководство в осмыслении Мира и Бытия в нем. Поэтому так необычны все его произведения. И тому, кто привык к жесткой дискретности и категориальности текста, признаваемого научным, будет не так-то просто вчитаться, вдуматься, вжиться в логику его рассуждений. Даже обороты его речи превышают по протяженности жесткие и логически выверенные тексты, относимые к научному дискурсу.

В.М. Мисюгин — не просто ученый, этнограф, социальный или культурный антрополог. В общем, можно сказать, что он — и не философ. Ибо он не размышляет по поводу Жизни. Он, скорее, идеолог, мыслитель. Он повествует о том, каков мир Архаики, и как, через известные нам документы и свидетельства этого мира, можно приблизиться к адекватному восприятию его образа, — его, этого мира, рациональности, закономерности, «разумности». Наверное, правильно было бы сказать, что сила его личности особенно проявлялась в живом, непосредственном общении. А опубликованные или оставшиеся в рукописях тексты В.М. Мисюгина могут попросту остаться непонятыми, подобно сложному посланию, к которому нет ключа, но возможны только его толкования. Его наследие могло бы кануть в бездне неизвестности. А толкование его идей, в лучшем случае, могло бы стать лишь поводом для трансляции собственных рассуждений толкователей. И вряд ли это будет преувеличением. Потому что, раз уж интерес к его фигуре, к его взглядам на Мир получает подтверждение, необходимо, пока не поздно, обозначить аутентичный контекст и его творчества, и его самого как человека — человека определенной эпохи, определенного круга актуальных и предвосхищаемых проблем.

Вот для чего нужны эти Предисловия к его книге, собранной и оформленной В.М. Мисюгиным незадолго до ухода навсегда из видимого нами мира. Для него и живших одновременно с ним это был мир многолюдия университетских коридоров дворца Петра Второго, мир охваченного клубами сигаретного дыма подоконника в пространстве первого этажа Кунсткамеры с видом на Дворцовый мост, мир уже несуществующего кафетерия столовой Академии наук, превратившейся в место трапез и деловых переговоров сильных мира сего. Именно свидетельства не сторонних и чуждых по духу очевидцев, а тех немногих уже, кто был причастен к нему, кто испытал и осознал эту интеллектуальную и эмоциональную силу не столько рациональной, категориальной, сколько образной аргументации, убедительности, достоверности взглядов В. М. Мисюгина, необходимы для со-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

здания абриса движения читателя по тексту этой книги. Именно поэтому таких предисловий — три. Одно написано самим В.М. Это «сгусток», квинтэссенция рассматриваемого в книге материала. Второе,– принадлежащее Н.М. Гиренко, ученику и главному, без преувеличения, научному оппоненту и в чем-то «догматизатора» взглядов В.М. Мисюгина, делает акцент на рассмотрение конкретных концепций, моделей, принципов эволюции структур Первобытности и их перехода в фазу Цивилизации. Следуя тем же побуждениям, что и Учитель, Н. М. Гиренко видел одной из своих задач необходимость согласовать эти взгляды с традициями науки, придать им категориальную завершенность, доказательность, с позиции научного дискурса. Третье Предисловие — обращает большее внимание на личность и мировоззренческую составляющую феномена В.М. Мисюгина, на его концепцию Истории и, в какой-то степени, на прогностическую сторону его взглядов, своеобразное «этическое учение» — как руководство по «проектированию» Будущего и по реализации этого проекта, т. е. того, что нередко называют теперь «будущетворением».

Я убежден, что сегодня, в начале XXI-го века, в условиях разверзшегося мирового экономического кризиса и ставшей очевидной необходимостью новых моделей и образов Будущего, «неклассичность» подходов В. М. Мисюгина должна привлечь к себе общественное внимание. Вопреки точке зрения ортодоксальной, позитивистской в своей основе научной традиции, она не выступает более ни проявлением «маргинальности», ни, в еще меньшей степени, «дилетантизма», как это любят определять «догматики» при отсутствии иных аргументов, кроме ссылок на «авторитеты». Его взгляды приобретают исключительный интерес и ценность в качестве концептуальной перспективы общественно-научного знания, в качестве подступа к новой целостной мировоззренческой системе. На смену постмодернистскому состоянию Цивилизации и потере целостной картины Мира, кризиса методологии и идеальной мотивации исследовательского поиска должно придти новое видение, новая мотивация. Они не должны быть прагматичными и жестко рациональными, в отличие от тех форм, что завели науку и общество в тупиковую фазу. При выраженной эмпирической доминанте в исследовательском пространстве науки — без ясных ориентиров и с устаревшим способом видения, с терминологическими спорами, не выходящими за рамки схоластики, с массовым увлечением новыми терминологическими предложениями, а, по сути, созданием «научных брэндов» мало-мальски концептуально мыслящими учеными — такая наука мертва. И именно в связи со вновь открывшимися задачами — задачами выживания Человечества картина архаического прошлого В. М. Мисюгина выступает своеобразным прорывом в будущее. Это — идеология новых способов и форм понимания действительности, поведения в ней.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

И то, что взгляды В. М. Мисюгина сформировались в основном более полувека тому назад, что выступают они продолжением отечественной интеллектуальной традиции, глубинно связанной и с архаическим субстратом русской культуры, и с традициями православия, и с философской традицией «русского космизма», и с отечественной (российской и советской) версией марксизма, — марксизма специфического, проникнутого идеями целостности и всесвязности Бытия — все это тем более ценно, потому что свидетельствует о продуманности, «выношенности» концепций автора. Необходимо говорить о совершенно очевидной «неконъюнктурности» творчества В. М. Мисюгина. Он не ждал благодарности, он не рассчитывал на знаки публичного признания. Ему достаточно было приближаться к Истине, видеть, как к ней приближаются другие, помогать им в этом движении.

Он сеял, но, пожалуй, не взращивал. В этом, наверное, сказывался все тот же фундаментальный принцип В. М. — полагаться на Природу, следовать ей, исходить из того, что она сама расставит все по местам, что то, чему суждено вырасти, взрастет и само. Поливать же, холить и лелеять посев — это поощрять иждивенчество, избалованность, короче, подрывать природный иммунитет и способность существовать во внетепличных условиях. Но при этом он никогда не был равнодушен ни к своему делу, ни к людям, потянувшимся к нему, в первую очередь, в связи с этим делом. Он очень болезненно воспринимал, когда ученики, проявившие интерес и готовность служить поиску Истины, внезапно переключались на поиски благ земных, на построение административной, да даже — и научной карьеры, если она не подкреплялась движением к этой самой Истине, пусть и не совсем такой, какою она виделась ему самому.

* * *

Однако следует обратиться непосредственно к самой книге и, прежде всего, к контексту ее возникновения. Как уже было сказано, это — труд почти всей жизни В.М. Мисюгина. На подступах к нему он подготовил концептуально и экспериментально большое по объему и исключительное по глубине исследование о мореплавании и торговле вдоль восточного побережья Африки. Он изучал источники, составлял чертежи кораблей, строил их модели и аналоги, ходил под парусом по звездам и т.п. Он рассматривал и номенклатуру товаров, и направление грузопотоков, и изменение масштаба цен в процессе перемещения людей, продуктов, товаров, других ценностей как собственно на побережье Африки и в приафриканском пространстве акватории океана, так и в связи с миром Аравийского полуострова, всего бассейна Индийского океана — от Африки до Зондских островов и Австралии. Но главным было последовательное рассмотрение

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

взаимодействия относительно развитых обществ классического Востока в пределах региона и их близкой к Первобытности периферии на африканском континенте — проблема взаимодействия архаических обществ с обществами, преодолевшими порог Цивилизации. Его интересовали внутренние и внешние «пружины» общественной динамики, конкретные формы отхода от Первобытности, трансформации архаических форм культуры и организации общества на переходе к цивилизационному состоянию. А это требовало не только углубленного освоения многих теоретических материалов, конкретики сведений по изучаемому региону, но и переосмысления метода исследования, критики принятого категориального аппарата, в первую очередь, из-за его неадекватности накапливаемому и систематизируемому в процессе работы материалу. И таковым аппаратом оказывались практически все унаследованные от истоков этнографии, от Г.Л. Моргана, Э. Тэйлора, от Ф. Энгельса, а также и от их отечественных и зарубежных последователей базовые для рассмотрения архаических обществ понятия: «род», «племя», «община». Следом за ними шло критическое переосмысление систем родства и систем родственных отношений, правовых отношений и самого явления права как общественной нормы регулирования связей и поведения между людьми, в их индивидуальных или групповых проявлениях.

К сожалению, эта значительная и весьма объемная работа В.М. Мисюгина, превышающая полтысячи страниц, не считая десятков схем, рисунков, чертежей, не увидела свет, да и следы ее, увы, затерялись. Одна из более частных ее сторон была защищена В.М. в конце 1960-х гг., да и то — по настоянию коллег, в качестве кандидатской диссертации. Сам В.М. к организационной «предприимчивости» в науке относился сдержанно, сторонился ее. Во время защиты диссертации был поднят вопрос о присуждении автору, по результатам этой работы, степени доктора наук. Но инерция стереотипов академической науки не привела к этому, крайне редкому, решению.

Тем не менее огромный переработанный и систематизированный материал, послуживший основой для той первой большой работы, не пропал впустую. И в качестве производных от него возникли статьи, может быть, не слишком большие по числу, но исключительные по концептуальному потенциалу, по преимущественно имплицитному присутствию в них новой большой и, можно даже сказать, фундаментальной концепции всемирной истории Первобытности. Хотя, возможно, таковая и не была достаточно четко сформулирована и переведена в категориальную форму, соответствующую эксплицитному методу исследования динамических общественных систем. Но здесь вряд ли уместны претензии, поскольку эта серия статей выступала естественным этапом формирования самой исторической концепции. И требовать от ее автора сразу и все абсолютно неправомерно.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Кстати, многие дискуссии между В.М. Мисюгиным и Н.М. Гиренко как раз и были выражением повышенной требовательности Ученика к Учителю, повышенной склонности Н.М. Гиренко к жесткости, дискретности рассуждений, к формально очевидной доказательности. Думаю, что это достаточно отчетливо можно проследить на примере его Предисловия к этому изданию «От событийной истории к истории структур». Увы, но его уже об этом не спросишь, т.к. Н.М. Гиренко, хоть и успел написать свой «путеводитель» по книге Учителя, сам оказался насильно исторгнутым из мира живых в июне 2004 г.

Идея издания отдельной книгой упомянутой серии статей по важнейшим аспектам перехода от Первобытности к Цивилизации возникла задолго до кончины самого В.М. Мисюгина. Даже название «Три брата» в качестве опознавательного знака этого возможного издания фигурировало в кругу ближайших коллег еще в конце 1970-х начале 1980-х годов. Но тогда замысел не заладился по ряду причин. В те годы существовала проблема «листажа», т.е. нормированного распределения издательских объемов по учреждениям, так что вся ЛЧ ИЭ АН СССР была ограничена возможностью издания 2-3 монографий в год. Невелик был по возможностям и издательский план Восточного факультета ЛГУ. Формальный статус В. М. как преподавателя университета позволял лишь участие в коллективных изданиях института. А для Восточного факультета работа оказывалась «непрофильной». Да и в коллективе ближайших коллег того времени, о котором несколько слов будет еще сказано впереди, сложилась, на мой взгляд, не вполне правильная практика избыточной критичности к работам друг друга. Так, при формальных и неформальных обсуждениях принято было чаще указывать на «недостатки», каковыми нередко виделись идеи, не вписывавшиеся в стереотипные концепции исторической и этнографической наук. Скажем, для таких коллег В. М. Мисюгина, как О. С. Томановская и Ю. К. Поплинский, его взгляды слишком противоречили базовой университетской «исторической культуре», излишне смело, а то и вольно, трактовали известные и, казалось бы, хорошо изученные процессы и события. Другие, особенно Н. М. Гиренко, даже следуя тематической и концептуальной логике В. М., упрекали его в избыточной образности видения, недостаточности формулировок или просто имели другие взгляды на те же проблемы.

В. М. Мисюгин в своей ленинградской африканистической среде — а только здесь он и жил профессионально — почти для всех выступал в качестве Учителя. Второго по статусу после Д. А. Ольдерогге, но и наиболее близкого для большинства как бывший университетский преподаватель, как мудрый, доступный и открытый собеседник, советчик, критик. Может быть, этим «возрастным», по месту и опыту в науке, стремлением «преодолеть Учителя в себе» и были мотивированы многие, порой даже

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

болезненные дискуссии в составлявшем его круг общения творческом коллективе. Этот коллектив сложился преимущественно на базе сектора Африки в 1960–1980 гг. вокруг Д. А. Ольдерогге, В. М. Мисюгина, Н.М. Гиренко. В конце 1990-х гг. я предложил именовать этот творческий коллектив «Ленинградской школой африканистики», сохраняя убеждение о концептуальной близости его участников и об эффективности их научного взаимодействия, стимулировавшего работу и профессиональный рост каждого из его участников. Во многом от согласованной или имплицитно совпадающей позиции членов этого коллектива зависела научная судьба и самих его участников, и судьба их научных произведений.

Возможно, первой в «очереди» на публикацию среди неопубликованных работ В.М. стояла его небольшая по объему книга под общим названием «О вещах и о представлениях», которой предназначалась роль учебного пособия по курсу «История Африки», читавшемуся В. М. Мисюгиным студентам III курса кафедры африканистики Восточного факультета ЛГУ. И хотя, собственно говоря, это не был учебный курс как таковой, однако он мог фигурировать в этом качестве в издательских планах ЛГУ. Но ни в 1980-е гг., ни после распада СССР этот проект, уже доведенный до передачи в типографию, не состоялся. И только весной 1998 года, при содействии Н. М. Гиренко и при участии А. А. Маслова, тогда студента кафедры африканистики, мне удалось довести издание до завершения. С не очень охотного согласия В. М. Мисюгина книга получила основное название «Становление Цивилизации». Авторское название было сохранено, но только в качестве вспомогательного. Мотивация была простой и, в то же время, прагматичной. Во-первых, исходное название мало что говорило потенциальному читателю. В нем не было тех очевидных понятий, к которым имелась возможность привязать какие-то конкретные ассоциации. Во-вторых, в интеллектуальном обороте читающей публики, увлеченной к тому же ранее недоступной западной философской литературой, появилась в русском переводе книга М. Фуко с очень похожим названием «Слова и вещи». В.М. согласился, так же как и согласился он с членением книги по условным главам, в некоторой мере выделенным мною в сплошном повествовании автора в соответствии с принципом, близким «герменевтическому». Действительно, осознанно или неосознанно для самого В. М., текст последовательно ориентировался на хорошо известные в натурфилософии первоосновы физического мира, дополненные феноменом человеческого бытия: «огонь», «земля», «вода», «люди», «культуры».. После некоторых возражений и обмена мнениями он принял и использование иллюстраций, заимствованных из прорисовок папирусов Древнего Египта, согласившись, без видимого восторга, с тем, что речь идет не более чем о зрительной аналогии, о какой-то относительно понятной и привычной для широкого читателя образной системе. Не думаю, что с моей стороны

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

как редактора это было «насилие» над автором. Но историческая достоверность требует, чтобы эти обстоятельства были упомянуты. Мною двигало стремление облегчить возможным читателям понимаемость работы В. М., создать предпосылку своеобразного резонанса с автором, учитывая его весьма непривычную для нашей системы образования манеру мыслить и излагать свои идеи в письменной форме.

Действительно, надо признать, что авторский стиль В. М. Мисюгина, как правило, нуждается в своего рода «научном переводе»: с русского на русский. Хорошо помню своих одногруппников по обучению на кафедре в 1967–1969 гг., когда В. М. читал нам курс истории Африки. После лекций, которые они старательно конспектировали, следовали возмущенные реплики, что они ничего не поняли из сказанного. Виновником, конечно же, определялся преподаватель, который не смог доходчивым языком «донести» материал до студентов. Я же, имея некоторую внеуниверситетскую историческую школу, решительно не соглашался прямо на лекциях с позицией В.М. Уж слишком радикально, а порой и с видимой поверхностностью, и, может быть, даже с «романтическим дилетантизмом», отличалась она от школьного и вузовского канона. Теперь я понимаю, насколько сложнее переучивать, чем учить заново! А тогда мне бросалась в глаза лишь «внесистемность» по отношению к этому канону рассуждений Учителя. Надо было увидеть основы его системы видения. Но для этого требовался не «школьный», а реальный профессионализм.

Сейчас, когда в руках читателя — книга «Три брата», наконец увидевшая свет, надо подчеркнуть, что и она есть некое производное, некий «дериват» авторского текста, некоторая адаптация его к возможностям восприятия более широкой публикой, чем круг участников «Ленинградской школы африканистики». Эта книга, врученная мне в виде рукописи В. М. Мисюгиным 22 июля 1998 г. в Мартышкине, за два месяца до его кончины, уже совсем по другим причинам пролежала десять лет в ожидании своей публикации. Лично я возражал, еще в 1999–2000 гг., против разбивки авторских фраз и снятии мнимых повторов на протяжении всей рукописи. Мне казалось, что В. М. имеет право на сохранение и своего стиля и на возврат к одним и тем же идеям в корпусе книги, особенно если принять во внимание, что это — свод его преимущественно уже состоявшихся публикаций в серии «Africana. Африканский этнографический сборник» разных лет. Посмертно вторгаться в авторский текст неэтично, каковы бы ни были мотивы. Рукопись была вручена для последующей жизни как готовая.

Лично я не считал себя вправе распорядиться судьбой рукописи по своему собственному усмотрению. На мой взгляд, все причастные к деятельности «Ленинградской школы африканистики» имели возможность высказать свое мнение по этому поводу и совместно определить будущее книги. Однако положение дел в «цехе», к которому около полувека прина-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

длежал В. М. Мисюгин, резко изменилось после почти единовременного ухода из жизни Н. М. Гиренко, Ю. К. Поплинского, С. Б. Чернецова, А. А.Жукова. Сейчас можно утверждать завершение эпохи в нашей африканистике, так или иначе связанной с главным по поколению ядром «Ленинградской школы». И так получилось, что моральные обязательства по поводу научного будущего архива, доверенные самим В. М. Мисюгиным и подтвержденные его наследниками, оказываются у меня и в руках В. Ф. Выдрина. Вот почему, принимая во внимание невозможность откладывать далее публикацию книги «Три брата», я соглашаюсь на ее нынешнюю редакцию, осуществленную В. Ф. Выдриным. При этом я сохраняю прежнюю убежденность в необходимости в дальнейшем переиздать эту книгу с максимальной степенью соответствия документу, полученному мною в виде рукописи книги 22 июля 1998 г. непосредственно от автора.

Такова частичная предыстория книги «Три брата» — не столько ее замысла, сколько обстоятельств возникновения и пути к читателю.

***

Чтобы не повторять Предисловие самого В. М. Мисюгина к книге «Три брата» (или — «Право трех братьев», или — «Историческое право трех братьев», или — «Архаическое право братьев», как по-разному, в рабочем порядке, именовалась эта книга), а равно и вводный текст Н. М. Гиренко, постараюсь обратить внимание на те общие моменты концепции автора, которые связаны с представлением о движущих силах истории. Это одновременно — и цивилизационный, и формационный процессы, в которых люди пребывают от самых начал социогенеза. Изначально, при обсуждении порядка подготовки рукописи к изданию между мною и Н. М. Гиренко именно так и было согласовано распределение задач. Да и в самом Предисловии В. М. Мисюгина к своей книге достаточно сжато и очевидно изложено его видение исторического процесса — в простых и понятных фразах, выстроенных во внутренне глубоко мотивированный ряд умозаключений.

В этом отношении важно отметить, что, как и все основные представители «Ленинградской школы африканистики», В.М. Мисюгин весьма строго придерживался историко-материалистического взгляда на исторический процесс. Он ни в коем случае не проявлял себя сторонником простейшего «экономического детерминизма». Но он рассматривал исторический процесс как процесс природный, естественный, прежде всего, в начальных, первичных формах человеческого бытия вплоть до окончательного утверждения товарно-денежных отношений в условиях капиталистической системы и промышленного производства. Можно говорить, что В. М. Мисюгину была свойственна идея природного детерминизма для

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

всех обществ доиндустриального типа, живущих, в первую очередь, своеобразной «природной рентой», т. е. в условиях, когда сферой приложения труда и источником средств к существованию выступает природное окружение. Соответственно, благополучное состояние этой среды выступает императивной предпосылкой и условием выживания самих людей. Может быть, именно поэтому он считал одной из базовых для африканистов, для адекватного восприятия ими природных и культурных реалий изучаемых ими обществ вышедшую в 1954 году на русском языке книгу Ж.-П. Гарруа «Африка — умирающая земля». Рекомендуя эту книгу, В. М. Мисюгин непременно подчеркивал неточность, если не ошибочность, перевода ее названия. С его точки зрения, более верно по существу проблемы и текста Ж.-П. Гарруа было бы предложить ее русскоязычному читателю как «Африка: умирание почв». И в этой, казалось бы, незначительной детали как в фокусе отражена историческая концепция В. М. Мисюгина. Ибо основные проблемы Африки, ее видимое «отставание» от динамических общественных процессов Европы и Азии, от цивилизационного и формационного «восхождения» и «прогресса» заключены отнюдь не в расовых особенностях африканцев. Первопричина видимой стагнации африканских обществ заключена в том, что под влиянием глобальных процессов изменения климата, высыхания Сахары, а также человеческой деятельности по собственному жизнеобеспечению в экваториальной и субэкваториальной зонах земная кора африканской континентальной платформы приводит к ускоренной деградации почв. Имеющееся на каждый конкретный момент, равный человеческой жизни, равновесие находится под постоянной угрозой обернуться полной экологической катастрофой в случае нарушения устоявшихся форм поддержания видимого относительного баланса.

В развитие этих взглядов, думаю, было бы правильно утверждать неизбежность прихода В.М. Мисюгина к формулировке основной типологической динамики исторического процесса в соответствии с главными стратегиями отношений людей и природной среды. Таковыми исторически и типологически выраженными этапами были:

1) первичный природообмен;
2) первичное природопользование;
3) вторичное природопользование;
4) вторичный природообмен.

«Первичный природообмен» соответствует архаическому типу стратегии жизнеобеспечения, включенности людей в систему Природы, видимости обменных, паритетных отношений с нею. Это выражается в ограниченном потреблении, а также в обязательности «возврата» Природе взятого у нее — пусть, с нашей точки зрения, в «ритуальной», символической форме. «Первичное природопользование», в полном соответствии взглядам В. М. Мисюгина, отражает долгий этап перехода от первичных ко вторич-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ным формам обеспечения жизни общества. Это этап, складывающийся как результат второго общественного разделения труда, выделения ремесел и, как следствие — роста производительности труда и появления накоплений. На этом этапе формируется потребительское отношение к Природе, формулируются соответствующие сначала мифологические, а затем и религиозные системы, происходит имущественное и социальное расслоение, возникают товары, торговля, деньги, города, письменность и прочие атрибуты Цивилизации. «Вторичное природопользование» — это «развитая» фаза Цивилизации. Это — эпоха доминирования капитала как цели производства. Это — индустриальное общество. Это — разлад, дисгармония с природными началами жизни. Гипотетически, если исходить из императива сохранения человеческого вида, эта фаза должна смениться «вторичным природообменом», стратегией жизнеобеспечения на основе осознанной, а не стихийной (как в Архаике) сбалансированности отношений общества и Природы. Эта новая равновесность с Природой должна опираться на накопленные знания о мире, на новые, соответствующие этому знанию орудия труда и технологии производства, на принципы рационального потребления, исходящего из разумной достаточности, а не престижа и закрепления неравенства.

Впрочем, сам В. М. Мисюгин по складу ума был не слишком склонен к дефинициям и к общим схемам. Они присутствовали у него, как уже сказано, скорее в имплицитной форме. Хотя по целому ряду поводов — как, например, логика ротации возрастных классов, системы родственных связей, движение правовых статусов — он охотно прибегал к схемам и таблицам. Да и основные ценностные установки, лежащие в основе его концепции, он без особых проблем мог бы определить. Но, возможно, именно из-за нереализованности этой возможности его взгляды остаются концепцией, а не теорией.

Однако изложенная мной типология стратегий природо-культурных взаимодействий требует некоторых дополнительных пояснений. В частности, то, что, на мой взгляд, она достаточно адекватно отражает сущностную сторону творческого метода В. М. Мисюгина. Но при этом необходимо оговорить, что В. М. не слишком «жаловал» линейные, двухмерные модели. Ему было свойственно «объемное» видение, в какой-то степени, эллипсная, ротационная модель познавательного процесса. Он любил брать конкретный феномен действительности, признаваемый ее «фактом», и вскрывать последовательно всю совокупную информационную базу контекста данного «факта», а также способа его извлечения и перемещения в контекст науки. Это очень хорошо видно на примере авторского Предисловия к книге «Три брата». Читателю, привычному к простым причинно-следственным построениям, к ясным и очевидным процедурам движения от постулатов и посылок к выводам, такая форма изложения,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

похожая на движение червя в плоти яблока, может показаться вычурной, неорганизованной, бездоказательной. Однако, как мне представляется, именно за таким познавательным методом — будущее. Это и есть практический пример синтеза, творческого взаимодействия рациональной и образной систем отражения. В свое время, В. М. Мисюгин поражал на лекциях пытливых студентов примером источниковедческого анализа «Арушской декларации», «социалистической» по направленности программы партии ТАНУ, читая ее слово за словом, оборот за оборотом на суахили. Такой методичный и скрупулезный анализ показывал, казалось бы, «крамольную» по тем временам мысль, что ни о каком «социализме», а тем более «научном социализме» в Танзании речь не идет. За красивыми фразами скрывается ментальность «неообщинной» идеологии, чем-то напоминающей идеи российских народовольцев.

Однако следует подчеркнуть, что В. М. Мисюгин ни коим образом не был антикоммунистом или идеологическим противником СССР. Напротив, он настолько глубоко проникся идеями и исторического материализма и научного социализма, что не только более или менее опосредованно отображал их в своих исследованиях по Первобытности, по генезису классов и государства, но и перешел на качественно новый уровень их понимания и формулирования. А это, с неизбежностью, приводило его к конфликту с официальной наукой и с управленцами. Пожалуй, только административное прикрытие и научная толерантность со стороны Д. А. Ольдерогге, а также внешняя отчужденность, отстраненность самого В. М. Мисюгина от практической публичной жизни обеспечивали ему относительный иммунитет. Причем, так сложилось во многом само по себе. А сам он осознанно и не искал такого пути, — как, впрочем, и не искал публичности, жарких споров и столкновений мнений. У него была своя «правда». И он удалился вместе с нею в Мартышкино, превратившись в «мартышкинского затворника» почти сразу после смерти Д. А. Ольдерогге.

Его «глубинное зрение» как раз и можно воспринимать как воплощенное проявление всецелостности, всеединства и всесвязности мира. По сути, это и есть имплицитно воспринимаемая людьми Архаики картина мира. Но она доведена им до вербализованного, осмысленного, близкого к идентичному воспроизведению средствами науки и в системе науки. И в этом, я мог бы сказать, научный подвиг и революционный переворот, совершенный В.М. Мисюгиным, по крайней мере, в связи с изучением Африки.

Снимая слои искажений с образа Африки, образа Архаики, в том числе и европейской, в ее античном или раннесредневековом воплощении, В. М. Мисюгин сумел преодолеть практически всеобщий европоцентризм и своих предшественников, и своих современников. Есть целый ряд, казалось бы, незыблемых явлений, обозначаемых устойчивыми в использовании и интерпретации понятиями. Он осознал сам и показал в своих трудах,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

что «индивид» есть исторически поздний феномен культуры и социальной практики, наиболее релевантный капиталистическому обществу. А, следовательно, и любая система общественного устройства, опирающаяся на феномен «индивида», на его мотивации в самореализации — ложна. Это — один из общественных мифов современного общества, равно как и теории З. Фрейда, структурализм К. Леви-Стросса и т.п. На все эти проявления «гласа бледнолицего», как В. М. обозначал некритический лепет начинающих и уже состоявшихся коллег, погрязших в реферировании и переписывании работ западных авторов, можно привести финальную фразу инициационной песни бамбара: «Земля самая зрелая, земля самая мудрая!» Это — почти такой же бесспорный аргумент, как и ответы стариков-хранителей традиционного знания на вопросы «почему?» еще не готовых ответить самостоятельно профанов: «Да, это — так!» Вот и весь ответ! В том числе и потому, что у африканцев, у людей Архаики — иная парадигма причинности. Точно также как нерелевантно для этой картины мира понятие «время». А в это крайне трудно поверить. Как и в то, что система понятий и структурирования мира у африканцев не имеет ничего общего с моделью бинарных оппозиций. Еще труднее поверить европейцу, обывателю или ученому, что понятие «собственность» не адекватно закономерностям перемещения и оборота ценностей, а феномен такого оборота в реальной практике не соответствует юридической и социальной составляющим внешне аналогичных явлений в европейской хозяйственной и общественной системах.

Именно так юридическая норма со всей очевидностью предстала для В. М. Мисюгина как нерелевантный для доцивилизационного этапа человеческой истории и гипертрофированный, по аналогии обстоятельств, действий и процедур, аспект общественных отношений. Он самостоятельно и для многих коллег впервые и даже с неожиданностью для себя и неготовностью осознать заявил об этом несоответствии. Так он убедился, что в работах первых этнографов, чаще всего — юристов по образованию и сфере начальной профессиональной деятельности, этот аспект оборота базовых для европейцев явлений «собственности» и «власти» оказывался проявлением фактической и необоснованной экстраполяции норм обществ европейской культуры или внеевропейских обществ цивилизационного уровня эволюции на общества, пребывающие в архаическом состоянии.

По этому поводу в представляемой читателю работе конкретно читаем: «…Морган услышал легенды об ушедшей в далекое прошлое жизни ирокезских племен, легенды, быть может, претерпевшие значительную перестройку под влиянием характера жизни и отношений соседей-европейцев, людей обладающих властью и многими недоступными культурными ценностями и многими недоступными возможностями, с которыми, хотя бы, в легендах, в прошлом, хотелось сравниться. Морган не мог понять, что

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

внутренние взаимоотношения глубоко разрушенного общества ирокезов (да и всех аборигенов Америки) объективно должны быть аналогичными таковым у постепенно пришедших к классовому состоянию обществ античного мира. Но он заметил и различие — сохранившаяся у ирокезов родственная терминология не индивидуальна, каждый термин обозначает группу людей…».

Может быть, это последнее в приведенной цитате высказывание и выступает, как раз, квинтэссенцией всего новаторского действия В. М. Мисюгина в сфере изучения Архаики. Именно таковым и следовало бы, как мне представляется на основе знакомства с творчеством В. М. Мисюгина, признать его сложившееся постепенно и уже упомянутое убеждение, что в Архаике, да и на ранних этапах Цивилизации, нет «индивидов» в качестве главных «действующих фигур», как можно было бы сказать, «субъектов общественного процесса». Эта роль осуществляется только устойчивыми «группами» людей, социальными подразделениями, коллективами, и только через них — составляющими их людьми. И, хотя в устных и письменных источниках, включая фольклор в различных его проявлениях — от мифов и эпоса до лирических жанров, — в хрониках и ранних страноведческих описаниях регулярно встречаются упоминания конкретных лиц, реальное их положение в свидетельствуемых обстоятельствах весьма далеко от прямого соответствия нашему обычному пониманию текстов. Возможно, это были в основе реальные люди. Однако от них в Будущее попало только имя и отношение к себе подобным «именам» (или их возможным носителям). Социально, статусно это не были «лица», «индивиды», самоценные и самодостаточные, вольные в принятии своих решений и полномочные в доведении их до исполнения. В действительности это были «группы», обозначенные их именами — эпонимами. Таким образом, и вся Архаика, и ранние формы Цивилизации являют лишь отношения групп, ошибочно, по инерции стереотипов собственной культуры воспринимаемых нами по обозначающему их имени кажущегося нам реальным лицом персонажа. В.М. Мисюгин достаточно ярко показывает это и на примерах Восточной Африки, и разбором властных коллизий у викингов, и в Древнем Риме. А именно ему, Риму, наша Цивилизация обязана правовыми нормами, упуская при этом из виду, что социально-культурный контекст этих правовых отношений весьма кардинально изменился за время эволюции Европы от «республиканских» обычаев римского общества до наших дней.

Да и само «право», если следовать той же логике, есть один из химерических конструктов Цивилизации. Жизнь в Природе не нуждается в правовом регулировании, хотя бы потому, что действует императив прецедента — единственно возможной для сохранения природных балансов формы человеческого поведения. И люди в этой фазе истории не столько взвешивают «за» и «против», ища рациональное объяснение той или иной колли-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

зии, сколько «сверяют» свои ощущения балансов, справедливости, общей и всеобщей комфортности. Этакий «маятник исторического вневремения»!

Беда современной науки — и в том, что она, как правило, живет «научными фантомами», по выражению самого В. М., экстраполяцией, причем часто неосознанной, собственного органичного, привычного и очевидного, принимаемого в качестве общечеловеческой универсалии на изучаемые культуры, в то время как это «свое» чуждо этим другим культурам. В. М. Мисюгин отразил эту позицию в своей статье «О «бумеранге» в этнографических и исторических исследованиях (из лекций по этносоциальной истории)» (Africana. Африканский этнографический сборник, XV. Л., 1991). Мне представляется, что ее присутствие в данном издании существенно дополнило бы научную картину автора «Трех братьев», привнесло бы большую ясность в применяемый им метод, в восприятии мало знакомого с его творчеством читателя. Но, повторяю, В. М. Мисюгин, в качестве своего прощального и итогового сочинения, представил то, что сейчас перед глазами. А роль методологического ориентира во многом перенесена на одну из глав этой книги — «Мифы и этносоциальная история».

Приглашая в мир Архаики, представленный в своей глубине и внутренней согласованности, мир перехода к классической культуре современного общества Европы, с его узнаваемыми именами и образами, с его романтическим ореолом, я хочу еще раз отметить неоценимый вклад Вячеслава Михайловича Мисюгина в понимание и понимаемость этого мира. Это — во многом новый образ прошлого. Но это — и новая, вполне осязаемая, по-своему материалистичная идеология истории, идеология самих принципов человеческого бытия. А посему — и новый ориентир в будущее людей Земли, Земли человеческой и человечной. Одной из важных составляющих этой «идеологии истории», на мой взгляд, выступает ее параметр устойчивости, сохранения форм, сохранения сущностной определенности при видимости перемен, видимости необратимости времени, при неизбежности возврата к незыблемым базовым ценностям, из которых главной является Жизнь, императив ее продолжения.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

В. М. Мисюгин

АРХАИЧЕСКОЕ ПРАВО БРАТЬЕВ
(Из лекций по этносоциальной истории)

Понятие «самобытность» довольно часто прилагают ко всему, что связано с Африкой, к ее культуре, истории, традиционным социальным структурам. Но это понятие определяет только одну сторону действительного положения вещей — факт длительной изоляции от остального мира народов Африки, расселенных южнее Сахары. Более того, если слово «самобытность» звучит в связи с архаичностью многих черт жизни африканского населения, то оно как бы прикрывает собой недавний тезис «теоретиков» колониализма о «расовой неполноценности африканцев». Реальность не только сложнее и не исчерпывается «самобытностью», но и характеризуется совершенно в другом плане. Прежде всего, Сахара не была абсолютным препятствием в контактах обитателей Средиземноморья и саванн Судана, с глубокой древности ее пересекали торговые пути. Но эти пути всегда были похожи на ствол пальмы — корни находились на средиземноморских берегах, а веер листьев быстро «гас» на грани саванны и тропического леса не только потому, что дальше не мог идти вьючный скот, а из-за природно-климатической невозможности существования постоянных направлений значительных торговых путей. Это само по себе ограничивало обмен материальными и иными ценностями.

Характерным примером природно-климатического барьера может служить тот факт, что южная граница распространения плужного земледелия совпадает с южной границей Сахары. Южнее — область мотыжной обработки почв. Причина тому — очень тонкий слой гумуса, лежащий на тяжелых латеритовых глинах. Такая почва требует «нежной» ручной обработки набором разнообразных мотыг. Похожая картина и в зоне дождевых т тропических лесов. Без сеяных трав скотоводство обречено оставаться отгонным в саванне, а в лесах оно невозможно из-за отсутствия травы. Железо известно в Тропической Африке давно, — возможно, что здесь оно появилось не позже, чем в Европе, — но в африканских природно-клима-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

тических условиях использование железа не могло привести к тем сдвигам в хозяйстве, которые воспоследовали в Европе. Природа Тропической Африки исключительно агрессивна по отношению к деятельности человека. Длительные влажные и сухие периоды года заставляют вести хозяйство особым образом, строго ограничивать размеры непосредственно используемых посевных и пастбищных площадей. Выход за эти, выработанные традицией, ограничения грозит эрозией гумусного слоя как во влажный сезон, так и в сухой. Отвесная солнечная радиация делает бесполезными искусственные органические удобрения и заставляет надолго оставлять использованные участки для естественного возобновления их плодородия, что в доколониальное время делалось в строгом соответствии с выработанной в данном месте традицией переложных перемещений. Даже сельскохозяйственные культуры привились такие, которые быстро дают обильную листву, защищающую почву от высыхания, чтобы под их сенью высадить и высеять другую, имеющую более нежные ростки.

Труд на африканских землях и в земледелии, и в пастушестве требовал строгой периодической смены коллективных работ индивидуальными, работ взрослых — работами для подростков. В силу всех этих кратко изложенных обстоятельств и социальные структуры африканских народов, т.е. те общественные институты, которые организуют всю жизнедеятельность людей, обладали необходимыми особенностями и сохраняли в своих конкретных системах достаточно много нужных для их функционирования архаических элементов и черт, которые нельзя называть «пережитками». Иными словами, «архаика» в жизни африканцев свидетельствовала не об отсталости и неспособности к развитию, а о столетиях напряженной и сложной борьбы за выживаемость в природной среде тропической Африки.

По этой причине нельзя распределить народы и культуры Африки по содержанию архаики в некую «лестницу», ведущую во все более и более удаляющуюся «первобытность», ибо там нет остановившихся на разных этапах развития человечества народов, т.е. нельзя смотреть на Африку как на «музей» первобытной истории. Ценность архаических элементов в жизни народов Африки заключается в том, что с их помощью и при очень осторожном подходе в совокупности можно реконструировать действительно архаические социальные явления, в полной и действующей форме уже не сохранившиеся нигде. Но при всей распространенности в Африке — это только фрагменты, хотя и еще недавно действовавшие. Трудностей в подобных реконструкциях все же довольно много и, прежде всего, вследствие почти полного отсутствия письменных материалов на местных языках и несовершенства этнографических описаний, сделанных в большинстве своем в колониальное время и структурно соответствовавших теоретическим установкам их авторов.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Тем не менее из зафиксированного можно отметить почти повсеместное распространение возрастной категории молодых неженатых воинов и так называемых «классификационных» родственных терминологий, т.е. таких, где каждый термин обозначает не индивида, а группу людей, члены которой далеко не всегда — близкие родственники по крови.

Что же касается письменных источников на местных языках, то, если не считать Эфиопию с ее обширной письменной традицией, они есть только у нескольких народов на границе сахарского Сахеля и Западного Судана и у суахилийцев восточного берега Африки. Хроники хаусанских городов, записанные старохаусанским письмом на основе арабской графики и мандингский эпос в этнографических записях латинской транскрипцией малоценны для означенной реконструкции вследствие искажений под влиянием Ислама. Хроники городов суахилийского берега мусульманскому влиянию подверглись очень слабо (мусульманские имена персонажей) и полностью сохранили местную традицию социальных и родственных отношений, что и определило их исключительную научную ценность. Ценность их в смысле привычной событийно-политической истории незначительна из-за того, что они, по сути дела — всего лишь генеалогические списки. Вследствие этого они не были достойно оценены исследователями и переводчиками их на европейские языки, а ценность для этносоциальной истории не понята потому, что комментировались они, исходя из привычных европейцам норм индивидуального кровного родства, что приводило к необходимости примысливать внутридинастийную борьбу за власть, дворцовые перевороты и тому подобное. Следует заметить, что подобная ситуация характерна и для комментирования близких по содержанию этнографических записей. Но суахилийские хроники имели оригинальный текст либо на языке суахили в старосуахилийской письменности в арабской графике, либо записанный по-арабски.

Анализ этих материалов, исходя из норм суахилийской классификационной (групповой) терминологии родства, поставил все на свои места и исключил необходимость что-либо примысливать. Открылась стройная картина права наследования высокого социального титула, но нормы наследования оказались непривычными для европейских представлений: наследование шло не от отца к сыну, а от «брата» к следующему младшему «брату» в пределах трех человек, а далее к триаде их физических потомков, но не по рождению, а по старшинству (в узкой династийной группе это были, по нашим понятиям, либо родные, либо двоюродные братья, но термин один). Более того, право на занятие высокого социального поста в средневековом суахилийском обществе ставилось в зависимость от брака наследника со своей «сестрой». Фрагменты и следы аналогичных явлений встречаются в этнографических описаниях по всей Африке, а в рукописи конца XVI-го века, составленной на древнеэфиопском языке монахом Бах-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

реем о галла-оромо, сохранилось достаточно полное описание более ранней общественной структуры, к которой восходит суахилийская норма наследования высокого социального титула. «История галла» Бахрея на одном «полюсе» и суахилийские хроники на другом, вместе с некоторыми фрагментами этнографических записей, дали возможность реконструировать, в принципе, глубоко архаическую систему социальной организации, основанной на возрастном делении доклассового коллектива, и процесс его изменения в переходном обществе. Это позволило уверенно комментировать материал при чтении лекций по истории доколониальной Африки (собственно — лекции по этносоциальной истории, поскольку событийных материалов почти нет), также как и переводы текста при языковых занятиях.

Для того чтобы не создавалось впечатления обо всех этих явлениях как о специфике архаической истории африканцев, приходилось собирать следы аналогичных явлений и вне Африки — в античной мифологии и эпике, в средневековых европейских легендах и героических песнях, в ранних генеалогиях и фольклоре. Таким путем можно было показать, что до какого-то времени африканские народы развивались теми же этапами, как и европейские (или наоборот — европейцы в своей истории не миновали явлений, обнаруженных в истории Африки). Наиболее интересные, на мой взгляд, из таких комментариев в моих лекциях я либо прочитал как доклады, либо опубликовал в виде статей в сборниках «Африкана» Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР. Некоторая часть их оставалась в рукописях. По совету моих коллег-африканистов Ленинграда и покойного основателя нашей африканистики Д.А. Ольдерогге я расположил рукописи приблизительно в том порядке, в котором происходило изменение исследовавшегося этносоциального явления (сами рукописи составлялись по мере необходимости в том или ином комментарии), как дополнение к опубликованному. В силу того, что использованные источники широко известны или были адресованы в изданных моих статьях, я счел возможным не увеличивать объем настоящей рукописи ссылками на них.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

В. М. Мисюгин

О ПРАВЕ

«Право», как социальное понятие, неразрывно связано с другим понятием — «собственность», без которого оно вообще не имеет какого-либо смысла. По этой причине, чтобы установить условия, при которых возникло понятие «право», следует установить обстоятельства, при которых появилось понятие «собственность». На первый взгляд может показаться, что «собственность» свойственна человечеству изначально, как следствие способности людей к созданию предметов, не существующих в природе. Но таковые, т.е. орудия труда, первоначально, видимо, никто не воспринимал отдельно от самой персоны человека, понимая их как продолжение его рук, как столь же неотъемлемую принадлежность. Надо полагать, что понятие «собственности» возникло в связи с вытеснением «присваивающего хозяйства» — «производящим», т.е. в связи с появлением скота и посевов злаковых культур. Говоря иначе, когда человечество прибавило к естественной природе другую, созданную его трудом. Тогда и появилось представление об ограничении использования продукта труда только теми, кто участвовал в его создании. Это и было «право».

На наскальных рисунках в горах Южной Африки довольно часты сцены сражений низкорослых ее обитателей (бушменов или их предков) с высокорослыми обитателями из-за скота. Низкорослые охотники к скоту относились, видимо, так же, как диким животным. Но скотоводы, естественно, считали скот своей собственностью и исключали всех других из «права» пользоваться им.

Защита своего скота порождала войну, для которой до того не было причин. Следовательно, «производящее хозяйство» было и первой причиной вражды между группами рядом живущих людей с разными традициями жизнеобеспечивающего хозяйства. Возможно, что со временем набеги на стада скота стали осознанными предприятиями, т.е. стали экономической статьей в хозяйстве охотников-собирателей. Взаимные набеги с целью угона скота были обычными явлениями в Африке южнее Сахары до времени колониального раздела и даже несколько позже. Когда европейцу-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

исследователю попадаются, тем или иным путем, сведения о таких набегах, он прежде всего обращает внимание на факт угона скота, т.е. на экономический аспект явления. Между тем, если отнестись к сведениям более внимательно, то угон скота окажется далеко не главной причиной набега. Видимо, здесь произошло совмещение двух обстоятельств или пополнение древней традиции новым элементом. Дело в том, что полноправие индивида определялось брачной церемонией, а последняя зависела от участия этого индивида либо в охоте на крупного хищника, — например, леопарда, — или в военном походе.

Ритуальный характер набега на соседей виден из того, что каждый этнос проводит его один раз в году, и в поход идут юноши определенного возраста, Другими словами, это один из последних следов социально-возрастной структуры общества, предшествовавшей разделению общества на кровнородственные группы (роды).

Европейские специалисты по первобытной истории выработали простейшую схему развития человеческого общества: «первобытное стадо → родовой строй → рабовладельческое общество → феодальное общество → капиталистическое общество (+ социалистическое)» и параллельно: «первобытное стадо → кровный род → рабовладельческое государство → феодальная раздробленность → буржуазно-демократическое государство…». Вся эта простая схема развития, по сути дела, построена на извлечениях из работ Л.-Г. Моргана, хотя многие принявшие ее, были противниками теорий Моргана. Моргановская схема выглядела так: «Род — племя — союз племен — нация — государство».

Все эти схемы не учитывают того обстоятельства, что в каждой предыдущей «стадии» нет естественного «зерна», из которого бы вытекала «суть» следующей «стадии» — как развития этого «зерна». Например: из любого представления о «первобытном стаде» никак не следует способность его «подавить» «звериные инстинкты», будто бы свойственные дальним прапредкам людей. Иное дело — система возрастных делений. Она естественно вытекает из природного порядка жизнедеятельности любого живого организма: детство (стадия полной неспособности самостоятельного существования), далее — юность (стадия обучения всем навыкам для участия в жизни взрослых особей), затем — полновзрослая стадия, и наконец, стадия старости, для многих видов живых существ скоро заканчивающаяся смертью индивида. Участие разума первобытного предка в закреплении этой естественной схемы жизни — самое минимальное: предки как бы «осознали» неизбежность и «полезность» подобной нормы жизни и деятельности членов своей группы. Далее шло закрепление схемы как обязательной традиции (с, возможно, неосознанным пониманием объективной рациональности использования физических и умственных возможностей членов коллектива). Деление же труда на мужской (охота) и женский (со-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

бирательство) — мысленно могли быть основаны на [схожих нашим. — *Ред.*] современных литературных выражениях: «сильный пол» — «слабый пол». Если для зарождения возрастной структуры общества было необходимо только наблюдение (сколько бы оно ни заняло времени) за постоянно существующими явлениями, то для возникновения первичной социальной организации в виде кровнородственного коллектива были необходимы знания по физиологии живых существ — знания, которых тогда не было. Девять месяцев между зачатием и рождением не создавали возможности простого наблюдения последовательности событий.

Видимо, следует полагать, что понятие родства в постоянно сосуществующей группе индивидов возникло одновременно с понятием собственности на урожай с обработанного поля или на скот с охраняемого стада. Следует также полагать, что возрастное деление, как постоянное явление, было осознано очень давно, поскольку сохранившиеся фрагменты системы, где бы они ни наблюдались, отличаются удивительным сходством. Из двух наиболее крупных фрагментов один обнаруживается в Истории галла, написанной эфиопским монахом шестнадцатого века Бахреем, а другой — в кандидатской диссертации нашего современника аспиранта Института этнографии Академии наук СССР Кристофера Киебела Барикуме, представителя небольшого народа огомо [огони. — *Ред.*], живущего в дельте Нигера. Кристофер Барикуме — сын «туземного» священника, сам по профессии — школьный учитель, имел намерение приспособить реально существующую в их этносе возрастную систему для школьного образования. В «цифровом» отношении записи Бахрея и Христофера полностью совпадают: время пребывания в каждой «ступени» возрастной «лестницы» — восемь лет. Эту цифру так или иначе можно обнаружить в «следах» и фрагментах почти во всех сохранившихся материалах многих этносов разной локальности и времени. Самое ценное в материалах Кристофера Барикуме — то, что сообщает сведения, которых в «неживых» записях просто нет: «Дети живут с родителями до четырех лет, после чего их связь с родителями прекращается. Они становятся «детьми деревни», т.е. составляют общий детский фонд. Живут отдельно от семей (до восьми лет оба пола вместе, дальше — отдельно). Из достигших восьмилетнего возраста формируют новую возрастную группу».

Таким образом, на основании крупных и мелких фрагментов можно реконструировать довольно уверенно социально-возрастную систему. Разумеется, в то время, когда в общественном сознании Гомо сапиенс отложилось естественно сформировавшееся разделение труда (занятий) по физическим возможностям (начиная от того, что может делать человек в детском возрасте, и так далее — до естественной потери трудоспособности), вряд ли имели в виду календарный возраст — скорее визуально определялась возможность выполнять какие-то работы и из «детского фонда»

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

отбирали способных, из которых и образовывалась возрастная группа для их введения в активную фазу жизни — посильного исполнения нужных простых дел. Через восемь лет эта группа переходила на следующую возрастную ступень и получала новые обязанности. По достижении 16-ти лет, т.е. по переходе в третью возрастную ступень, женская часть группы получала право (или обязанность?) вступать в брак, но не с мужчинами своей группы (на это был строжайший запрет), а с мужчинами смежной старшей. «Сверстники» этих женщин должны были еще восемь лет обучаться владению охотничьим и военным оружием, после чего они также получали право на брак с женщинами смежной младшей группы и, таким образом, становились полноправными членами своего этноса (точнее — полновозрастными), у женщин это определялось физиологическим сигналом. В браки вступали: женщины — после шестнадцати лет, и мужчины — после 24-х. По сведениям Бахрея, необходимо еще участие в военном походе, который организовывали в связи с достижением группы юношей возраста 24-х лет. Так получались «ступени»: 0–8, 8–16, 16–24, 24–32, 32–40. Последняя социальноактивная ступень, 40-48, формировала новую группу из детей, достигших восьмилетнего возраста. Каждая возрастная ступень имела свои обязанности в общем труде совместно живущей части этноса.

Можно ли эту совместно живущую часть этноса назвать общиной — вопрос особый. Во всяком случае, в ней никакой роли не играло индивидуальное кровное происхождение. Главным было — принадлежать к определенной возрастной группе.

Связь между группами осуществлялась соответствующей терминологией. Члены одной группы называли себя братьями и сестрами. В смежной старшей группе были старшие братья и сестры. В еще более старшей — матери и братья матерей. Далее — отцы и сестры отцов. Затем — старшие родственники. Вот из этой терминологии со временем и произошли термины индивидуального кровного происхождения, т.е. современные системы терминов родства. Если это учитывать, то становится понятно, почему «предпочтительный брак» (у многих народов) — брак мужчины и дочери брата матери: во время полного действия возрастной системы мужчины 24-х лет получали право жениться на женщинах 16-ти лет, т.е. на женщинах из группы дочерей братьев матерей.

Со временем начинает играть некую роль индивидуальное происхождение. Видимо, это является следствием того, что начинает дробиться стадо или посев злаков на участке, где трудятся родственники по происхождению. Из этого дробления выходит и дробление права на часть скота или урожая. Закрепление этих дроблений создает деление на кровнородственные группы, т.е. со временем на «кровные правовые родовые коллективы»: роды. Скорее всего на фоне общегрупповой собственности на

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

стадо или посев появилась индивидуальная собственность, например, скот, захваченный индивидом в набеге на соседей. Отсюда, желание передать его своему кровному потомку. В таком случае, «возрастная лестница» как бы «переламывается» на два поколения, поскольку члены трех младших групп — это, так или иначе, дети трех старших возрастных групп. Для тех, кто учитывает кровное происхождение, система отношений, совмещающая принцип возраста и индивидуального кровного происхождения, принимает вид двух «триад», т.е. трех старших братьев и трех их потомком. Право распоряжаться частной собственностью длится (по старой традиции) восемь лет и переходит к следующему по возрасту брату, затем — к третьему, а от него — к старшему из триады сыновей, и так далее (в древнерусской традиции старшая триада именовалась «дядьями», а младшая — «племянниками»). Фрагменты «права трех братьев» буквально рассыпаны по хроникальным записям, по фольклору и по эпическим сказаниям. Но специалисты в принципе «трех» видели отражение «магии чисел». Но ведь и сама «магия чисел» не с неба свалилась — она имеет материальную основу в реальной действительности, т.е. в частом повторении числа «три» в социальнозначимых обстоятельствах. Дальнейшее сужение права индивидуальной частной собственности привело к тому, что в правовой системе оказалось только три сына одного отца, а далее к майорату — к наследованию старшим сыном или его старшим сыном (т.е. старшим внуком). Любопытно, что право наследования высокого социального положения и титула тремя братьями сохранилось дольше всего. Например, дядья Ивана Грозного после смерти его отца «целовали крест» трехлетнему наследнику, что не будут претендовать на царский титул. Разумеется, вне династий это право трех наследников исчезло много раньше, т.к. не здесь требовалось поддерживать само право ссылкой на древность его происхождения.

Передано для публикации В. М. Мисюгиным 11 мая 1998 г.
Мартышкино, Ленинградская область

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Глава 1
СИСТЕМА ВОЗРАСТНОГО ДЕЛЕНИЯ В АРХАИЧЕСКОЙ ЕВРОПЕ

Суахилийский документ, известный под названием «Хроника Пате», начинается известием о первом представителе династии Ан-Набхани, Селемани, который вместе с двумя братьями-*ндугу*, Али и Ассмани, пришел в Пате в начале 600 года Хиджры. Титул *мфальме*, правителя Пате, Селеман-бин-Селемани бин-Муззафар получил, женившись на дочери последнего представителя предшествующей династии — Ва-Пате (арабизация имени последней, «Аль-Батайвийюна», — несомненно, следствие исламизации), получил при его жизни. Сам Селеман правил пожизненно (о его двух *ндугу* ничего не сказано) и передал титул двум своим сыновьям, Мухаммеду и Ахмаду, которые, по старшинству, правили один за другим, также пожизненно. После Ахмада титул перешел к сыну Мухаммеда, затем — к его внуку и правнуку. Далее титул снова переходит к брату-*ндугу* умершего *мфальме*, затем — к его сыну (третьему по порядку рождения, два старших умерли при жизни отца). Но к четвертому сыну, хотя он и был жив, титул не перешел, его наследует старший сын третьего «дяди». В последующем тексте первой части хроники аналогичные ситуации повторяются с незначительными вариациями.

Уже из этого изложения содержания «Хроники Пате» можно сделать некоторые заключения: первичная норма персонификации статуса высокой социальной персоны (иначе — первичная форма «узурпации» общеэтнического права трехступенчатым кровнородственным особым коллективом) полностью сохраняла принцип смены социальной позиции (возрастного статуса) системы деления доклассового общества — *мфальме* носил титул ограниченный срок, при жизни передавал его следующему брат-*ндугу* (или последний в триаде — старшему из их сыновей). На следующей стадии развития произошло удлинение срока пребывания на посту *мфальме* до конца жизни, но право оставшихся в живых к тому времени (из числа трех правовых) братьев-*ндугу* сохранялось в силе. В узкой «династийной» трехчленной (трехступенчатой) системе утверждение пожизненной нормы «правления» создавало известные перебои «идеального», т. е. былого порядка (некоторые наследники могли умереть раньше смерти «правителя»), которые «автоматически» иногда создавали прецеденты перехода титула от отца к физиологическому сыну.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Из тех же африканских материалов следует и другое, не менее важное, заключение: титул «правителя» (и в период строгой временной нормы, и после утверждения пожизненной) не просто переходил от мужчины к мужчине, а был особым образом связан с женитьбой «наследника» — это был главный ритуал принятия титула и символ того, что мужчина здесь не более как «реализатор» права, юридическим обладателем («носителем») которого являлась его жена.

Очевидно, что и эти «особенности» сохранились от традиции социального регулирования доклассового общества, т. е. от норм социально-возрастного и эпигамно-брачного классификационного родства, когда статус полноправия индивида, безусловно, был связан с моментом получения его возрастной группой жесткой обязанности-права эпигамного брака. В социально-возрастной системе доклассового общества норма эпигамного брака связывала мужчин старшей и женщин младшей смежных социально-возрастных групп (или, в рамках классификационной терминологии родства — мужчин и дочерей их дядей по матерям, равно — женщин и сыновей их теток по отцам). Таким образом, в трехчленной «династийной» системе, в ее первичной форме, женами мужчин-«наследников» неизбежно, как гаранты их «права» на титул, должны были оказаться женские потомки тех же ТРЕХ БРАТЬЕВ поколенной группы, т. е. двоюродные или родные их сестры, а для последнего в «триаде» — старшая племянница. Говоря иначе, в первичной «династийной» норме правом, по сути дела, обладала трехчленная поколенная группа — «триада» СЕСТЕР (по классификационному счету родства), а «реализовали» это их право последовательно (по порядку рождения) их мужья-БРАТЬЯ. Поколенные «триады» СЕСТЕР соотносились как МАТЕРИ и ДОЧЕРИ, вследствие чего мужем старшей СЕСТРЫ неизбежно оказывался младший дядя (в терминах классификационной системы эпигамная норма брака «на стыке» поколенных групп связывала младшего ОТЦА со старшей ДОЧЕРЬЮ). Как и в более ранней традиции, физиологическая родственная близость здесь также не учитывалась, главным был порядок рождения в «триаде», соотнесенность «триад» как поколений предков-потомков. Вторая фаза развития «династийного» права «триад» — утверждение пожизненной «реализации» этого права мужчинами — могла установиться только вследствие постепенного разрушения эпигамного брака-ритуала. В условиях «династийной трехчленной системы», где сочетались и пересекались старые нормы возрастной эпигамной регуляции и новые нормы физиологического родства, при ограниченном числе «участников», естественно, время от времени образовывались «пустоты» в структурных ячейках правовой схемы. В «идеальной» схеме учитывались два социальных поколения («колена»), каждое из которых имело три правовых «ячейки» («версты»), содержащих по одному БРАТУ и одной СЕСТРЕ, рожденных в одном временном «порядке». Оба «колена»

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

вследствие эпигамной нормы ритуальных браков представляли собой «отрезок» непрерывной «цепочки», где браки объединяли мужчин старшей «версты» и женщин смежной младшей. Если вне «династийной системы» (или, в доклассовом обществе, до появления физиологически родственных «династий») в каждой «версте», как в социально-возрастном статусе, пребывала многочисленная конкретная группа «одновозрастных», и чья-либо смерть не вела к нарушению функционирования системы, то в условиях «династии» смерть или «не-рождение» индивида создавали сложную ситуацию.

Изложенного вполне достаточно, чтобы представить результаты различных вариантов «недостачи» мужчин или женщин в трехчленной правовой схеме.

1. К моменту передачи «титула» в старшем «колене» нет мужчины (3-го брата), т. е. нет мужа («реализатора» права) для 1-й СЕСТРЫ младшего «колена». Женщина получает обязательное право замужества в связи с наступлением соответствующего социального возраста, она обязана иметь мужа. И таковой находится вне системы членов «династии» и входит в нее на правах «побратима» двух старших братьев старшего «колена». Далее, если нет «недостач», все идет своим чередом.
2. К моменту передачи «титула» нет мужчины — 1-го (старшего) БРАТА в младшем «колене», т. е. мужа для 2-й СЕСТРЫ младшего «колена». Здесь могут быть два решения: а) мужем может стать 4-й (внесистемный) БРАТ старшего «колена», поскольку по социальному статусу он в той же «версте», что и отсутствующий 1-й БРАТ младшего «колена»; или, как и в первом варианте, иной «не родственный» мужчина соответствующего социально-возрастного статуса, оба в качестве «побратимов», но уже двух младших братьев.
3. В «колене» нет 3-й (младшей) СЕСТРЫ, т. е. 2-й БРАТ не может быть инициирован (женитьба на «внесистемной» женщине не составит ритуала инициации) в данной «династии». В таком случае за него «правит» 1-й БРАТ, т. е. возникает ситуация «удвоения статуса» — шаг к пожизненному сохранению права на титул. Статус может и утроиться, если не окажется и 1-й СЕСТРЫ в младшем «колене», что объективно почти гарантирует пожизненный «прецедент». Кроме того, в данной ситуации столь же объективно возникает и «прецедент» передачи «титула» от отца (1-й БРАТ старшего «колена») к физиологическому сыну (1-й БРАТ младшего «колена») вследствие невозможности инициировать 2-го и 3-го братьев старшего «колена».
4. В младшем «колене» только три СЕСТРЫ (братьев нет), 1-я сестра замужем за 3-м братом старшего «колена», 2-я и 3-я сестры, в свою очередь, должны будут взять мужей вне «династии». Муж 2-й сестры, таким образом, окажется в позиции социально-одновозрастного БРАТА 1-й

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

(старшей) сестры, а муж 3-й сестры — 2-м БРАТОМ. Потребуется и 3-й «внешний» мужчина (как социально-одновозрастный БРАТ 3-й сестры), иначе не будет мужа у 1-й женщины 3-го, более младшего «колена» (социальной дочери 1-й женщины 2-го «колена»). Вследствие всего этого мужская часть 2-го «колена» окажется, с одной стороны (по системе классификационного родства), социальными сыновьями старшего «колена», а с другой, будучи вне физиологического родства со старшим «коленом», — только «усыновленными». Как члены «поколенной группы», независимо от их прошлых родственных отношений, они будут братьями в правовой «триаде», но «инородцами» в «династии», т. е. образуют начало новой «династии».

Во всей этой логической ситуации наиболее любопытным является то, что юридическим хранителем «династийного права» на отделенную от остального этнического коллектива («узурпированную») ту или иную социальную ценность является женская кровнородственная «линия», а реальная династия прерывается, если разрушается кровнородственная «линия» мужчин. Разрушение же женской «линии» создает предпосылки утверждения пожизненного права для мужчин и передачи его от отца к физиологическому сыну, что, в конце концов, приводит к узурпации мужской линией и нормы его юридического хранения, т. е. к вытеснению женской «линии» из нормы «династийного права».

Здесь были приведены только наиболее общие и сравнительно простые логические варианты естественных нарушений или несовпадений с «идеальной» трехчленной правовой системой, вызываемые совмещением в ней уходящих принципов классификационного социально-возрастного родства с принципами наступающего физиологического. Весьма вероятно, что физиологический принцип родства в первичной форме трехчленной системы права был единственно возможным основанием для закрепления «ограниченного права» в условиях действующей более архаичной и «всеобщей» системы социального правового регулирования, опиравшейся на принципы классификационного социально-возрастного родства. Поэтому отмеченные (и другие) варианты естественных «сбоев» в функционировании трехчленной «династийной» системы права наследования неизбежно должны были быть дополнены и вариантами, отражающими активное стремление к «освобождению» от норм старой традиции, равно как и активное сопротивление со стороны последней. Сюда могут относиться, например, сознательное удвоение или утроение статусного времени нахождения персоны у власти в ситуациях, в которых братья-наследники не могут быть инициированы как «полновозрастные», с одной стороны, а с другой –предусмотрены жесткие меры для пресечения таких стремлений. Первое «стремление» так или иначе могло опираться на то, что в предшествующей традиции мужчина получал статус не только вследствие формаль-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ного перехода его возрастной группы в соответствующую возрастную ступень («версту»), но и в результате успешного завершения серии «испытаний», а ритуал брака окончательно закреплял за индивидом его полноправие. Следует учитывать, что и это полноправие не было пожизненным, оно продолжалось до «выхода из системы», т. е. в течение некоего конечного срока. Следовательно, если создать сознательно ситуацию, в которой «следующий» БРАТ не смог пройти «испытания» и вступить в брак-ритуал, БРАТ — обладатель титула как бы терял необходимость его передачи и сохранял его за собой, утверждая повторным браком-ритуалом на «невесте» следующего (отстраненного) БРАТА. Это могло повторяться еще несколько раз, так что обладатель титула вступал в брак и в младшем «колене» в брак со своей дочерью. Уже двойной брак (т. е. «законный» — на традиционной жене-СЕСТРЕ, и нетрадиционный — на ее младшей СЕСТРЕ) вел к тому, что в младшем «колене» оказывались только физиологические потомки (идеально — три дочери и три сына) обладателя титула, возникал «зародыш» (хотя и усеченный нормой «триады») линейного генеалогического правового РОДА. Третий брак (на дочери) не способствовал укреплению тенденции генеалогического РОДА, поскольку «родоначальник» в этом браке рождал «внуков», старший из которых объективно оказывался правовым «двойником» старшего ВНУКА (сына сына «родоначальника»), что, естественно, порождало реальный конфликт, разрешавшийся только гибелью одного из правовых «двойников». Варианты «недостачи» мужчин в «триаде» и неизбежность появления «побратимов» также могли порождать правовые конфликты вследствие того, что физиологическое происхождение нередко выходило за пределы «триады» (четвертый и другие братья).

В условиях правовой трехчленной системы, по сути дела, учитывался не подвижный социально-возрастной статус старой традиции, а стативный факт — порядок рождения. По мере ослабления строгости брака-ритуала (появление повторных браков) порядок рождения делался главным правоопределяющим моментом, что вызвало мысль о возможности «пересчета» при недостаче БРАТА, т. е., например, замещение 2-м «пустующего» статуса 1-го, передвижение 3-го на место 2-го и включение в «триаду» 4-го брата, не входившего, по трехчленному праву, в норму, но находившегося в фактическом родстве с тремя старшими.

В качестве мер по сохранению «идеальной» трехчленной традиции, кроме допуска «усыновленных» мужчин и «побратимов» — что, скорее, относится к «влиянию» на новую традицию норм более старой — видимо, следует отнести появление различных форм «божьего суда» для выяснения большей «правоты» одного из «правовых двойников», и, как его особой формы, — ритуального умерщвления обладателя высокого социального

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

титула (продлившего статус тем или иным путем) по сигналу какого-либо (возможно, «сфабрикованного») знамения.

Разумеется, перечисленное далеко не исчерпывает всех ситуаций, неизбежно возникавших спонтанно или создававшихся сознательно, но бывших следствием возникновения, на фоне традиций уходящего доклассового общества, новой традиции общества переходного периода. Но уже и этого достаточно, чтобы утвердиться в мысли о сложности и длительности даже не всего периода, а только того времени, которое было связано с установлением пожизненной нормы права, заменившей норму социально-возрастного статуса.

Между тем, если посмотреть на «Хронику Пате» как на историографический документ, то переход от более архаичной нормы временного обладания титулом *мфальме* к норме пожизненного правления выглядит мгновенным, как бы «установлением» или «учреждением» конкретного лица — Селемана, основателя династии Ан-Набхани. Это могло бы быть вероятным, если бы Селеман был могучим завоевателем (или ставленником такого), т. е. в условиях «парадоксального» развития, когда сильное и более развитое общество навязывает свою волю более слабому. Да и в таких случаях, чтобы навязанная норма стала традицией, необходима или полная перестройка экономической основы порабощенного общества, или ее глубокое разрушение и подчинение более мощной экономике.

Ни о чем даже близком к этому «Хроника Пате» не сообщает. Напротив — сказано, что Селеман получил титул правителя при жизни предшественника как «свадебный подарок», женившись на его дочери. Но правил он до своей смерти, как и последующие правители Пате. Здесь роль женщины — жены правителя (и в то же время — дочери предшественника и его жены) отчетливо не обнаруживается, и нет никаких сведений о возможном родстве между Вапате (аль-Батавийюна) и Ан-Набхани, но в конце первой части «Хроники» описанf исторически достоверная ситуация, из которой вытекает почти вся правовая норма и отчетливо ясной становится роль женщин в этих правилах, хотя в запись «Хроники» их попадает только две: «безымянная» жена Селемана — «основателя» (начало XIII в.), и Мвана Дарини — жена *мфальме* Бвана Мкуу бин-Бакари, плененного португальцами и увезенного ими в Гоа (начало XVI в.).

Произошло это во время правления Бвана Мкуу бин-Бвана Бакари, среднего брата-*ндугу* (в одиннадцатом «колене»), получившего титул правителя после смерти старшего брата-*ндугу* — Абу Бакара бин-Мухаммада. Младший *ндугу* «триады» — Бакари бин-Бвана Бакари — умер во время правления среднего. Двенадцатое «колено» составили: Бвана Бакари бин-Бвана Мкуу, Бвана Мкуу бин-Бакари и Ахмад бин-Бакари. Вне «триады» был еще один брат-*ндугу* — Бвана Мади бин-Бвана Мкуу. По нормам социального родства трое старших *ндугу* двенадцатого «колена» считались

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

(общими) сыновьями трех социальных отцов (*баба*), т. е. трех *ндугу* одиннадцатого «колена», а арабизированная форма имен позволяет легко установить физиологическое родство. «Сечения» имен правителей на группы *ндугу* (= «колена», или «триады») достаточно отчетливо: от третьего *ндугу* всегда идет переход к младшей «триаде», даже если первый или два старших *ндугу* по какой-то причине не носили титула. Четвертый брат, Бвана Мади бин-Бвана Мкуу, попадает в текст социально-правового документа (каким, по сути дела, является «Хроника») из-за событий, описываемых в связи с 11, 12, а частично и с 13-м «коленами». По этой же причине появляется и женщина — Мвана Дарини бинти-Бвана Мкуу, жена (и *ндугу*) среднего члена двенадцатого «колена» — Бвана Мкуу бин-Бакари. По норме социального родства она была «одновозрастной» сестрой-*ндугу* Ахмада бин-Бакари.

Суть происшедших событий не будет достаточно понятной, если не учесть малозаметного следа очень древнего элемента возрастной социальной традиции, полностью действовавшего в ее «тотемической стадии». Он заключался в том, что двое или несколько индивидов, имеющих одинаковые имена, воспринимались как «физическое воплощение» одного «идеального» существа. Так можно обозначить это восприятие наиболее кратко, полное значение этого принципа излагать здесь нет надобности. А произошло следующее: португальцам не удалось, как это было с другими городами суахилийского побережья, сразу захватить Пате, который располагался в глубине острова, вне досягаемости корабельной артиллерии. После одного из неудачных сражений они пригласили для переговоров к себе на корабль правителя Пате. Правил тогда Бвана Мкуу (бин-Бвана Бакари). Он послал вместо себя своего «тезку», Бвана Мкуу (бин-Бакари) второго из следующей «триады», своего социального СЫНА (и физиологического племянника — сына младшего физиологического брата, умершего Бакари бин-Бвана Бакари). Португальцы вероломно задержали Бвана Мкуу (бин-Бакари) на корабле и увезли его в Гоа. В это время умер старший, правивший, Бвана Мкуу (бин-Бвана Бакари), и титул перешел в двенадцатое «колено», к Бвана Бакари бин-Бвана Мкуу (к старшему в «триаде» и физиологическому сыну умершего). Видимо, португальцы поняли этот переход как норму наследования от отца к сыну. Поэтому они «подружились» с Ахмадом бин-Бакари (физиологическим младшим братом пленного в Гоа Бвана Мкуу бин-Бакари) и стали плести интригу, чтобы поставить у власти в Пате своего человека. Они подговорили Ахмада, который в качестве младшего в «триаде» имел мало надежды получить титул, убить (как это представлялось португальцам) «членов правящего рода», т. е. получившего титул *мфальме* Бвана Бакари бин-Бвана Мкуу и «бесправного» (четвертого) Бвана Мади бин-Бвана Мкуу, что он и сделал. По традиционной норме «триад», *мфальме* должен был

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

бы стать Бвана Мкуу бин-Бакари, но он был в плену в Гоа. Опираясь на португальцев, титул *мфальме* Пате захватил Ахмад бин-Бакари.

В понятиях португальцев, все обстояло нормально: убитые принадлежали к другому «роду», старший брат Ахмада (видимо, опасный португальцам) был далеко и под стражей. Однако суахилийская традиция правопорядка была нарушена. Во-первых, традиционный наследник был жив; во-вторых, титул *мфальме* закреплялся (точнее, реализовался) брачным ритуалом преемника и женщины-хранительницы права, а таковой оставалась жена (и сестра-*ндугу*) пленника — Мвана Дарини бинти-Бвана Мкуу (того же социально-возрастного статуса, что и Ахмад, для него абсолютно бракозапретная). Знатоки и хранители традиционного права нашли выход из создавшегося положения. Воспользовавшись запаздыванием муссонных дождей (за наступление которых магически «отвечал» *мфальме*), они полностью повторили брачный ритуал Мвана Дарини, в котором роль мужчины исполнял ее (и пленника) 7-летний сын с титулом *имату-лимади* (заместитель наследника). Здесь главное было не в том, что Бвана Таму был сыном пленника — он, после Ахмада, последнего в старшей триаде (и бракозапретного для Мвана Дарини), был первым в младшей триаде (первым из трех «сыновей»). Вследствие всех этих мероприятий Ахмад сложил с себя сан *мфальме* (суах. *акаджиузул*). Совершенно неверно было бы понимать ситуацию в более поздних правовых нормах (в кажущейся «понятности») как «регентство» Мвана Дарини при малолетнем наследнике (как, например, понято правление княгини Ольги — ситуация почти аналогичная суахилийской — при малолетнем Святославе). Этому мешает изложение последующих событий: после смерти Бвана Мкуу в Гоа Ахмад получил титул *мфальме* на законном основании, а после его смерти — вторично, уже за себя, правил Бвана Таму. Второй представитель этой триады и последняя персона-*ндугу* тринадцатого «колена» — Бвана Гонго бин-Ахмад. Можно предположить, что он, как и Бвана Таму, участвовал в войне с маскатскими арабами, недавними союзниками суахилийцев по изгнанию португальцев, и был убит.

Таким образом, этот отрывок из «Хроники Пате», вместе с вступительной частью, позволяет реконструировать часть сложной социально-правовой традиции, несколько конкретных «правовых прецедентов», и тем самым определить, на какой стадии развития этой традиции находилось суахилийское общество с XIII по XVI столетие, т. е. степень его «продвинутости» от архаической системы социально-возрастного родства к физиологически-родственному линейному РОДУ.

1. С абсолютной очевидностью ясно, что хранителями права на титул *мфальме* были ЖЕНЩИНЫ — женская линия социального родства в физиологически родственных «триадах» сестер-*ндугу*, передававших это право «триаде» социальных ДОЧЕРЕЙ (и физиологически род-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ственных), брак-ритуал с которыми «наделял» мужчину титулом *мфальме*.

2. Их мужьями должны были быть их старшие смежные братья-*ндугу*, только три («триада» родившихся последовательно).
3. Если «триада» мужчин «отсекалась» жестко и могла быть неполной, т. е. четвертые (и последующие) *ндугу* не входили в правовую норму, или мужских потомков «не хватало», то «триада» женщин (долженствующая быть непрерывной) не могла быть ограничена только физиологическим родством.
4. Когда у «триады» женщин не оказывалось сыновей, но были дочери, браки-ритуалы заключались с тремя мужчинами-*ндугу* внешнего происхождения (возможно, что ими становились трое младших *ндугу* «триады» матерей, т. е. 4, 5 и 6-й «дяди» дочерей).
5. За «недостающего наследника» (или « наследников») продолжал править старший *ндугу*, а ритуальные жены (или жена) «недостающих», вероятно, становились внеритуальными женами (видимо, точнее, он становился их мужем, чтобы они имели потомство).
6. Как вариант замещения отсутствующего (но живого) «наследника», возможен был фиктивный брак-ритуал его жены с другим лицом. В этом случае «муж» исполнял обязанности отсутствующего *мфальме*, но его физиологические дети не входили в «правовую норму».
7. Следовательно, несмотря на «наложение» на социально-возрастное родство (системы доклассового общества) родства физиологического, «отсекающего» «триады» старших потомков (того и другого пола), правовой «стержень» остается архаическим, это — женская линия социального родства, где «право» четко передается по «триадам» женщин-*ндугу* (XIII–XVI вв. н.э.).

Остается выяснить, действительно ли с правления Селемана бин-Селемана («основателя» династии Ан-Набхани) устанавливается пожизненная норма власти. Его правление начинается с подозрительно круглой даты — 600 года Хиджры, и при жизни Исхака Аль-Батавийюна (Вапате) два его *ндугу* — Али и Ассман — не правили. В 625 году (после смерти Селемана) стал править его старший сын — Муххаммад, которому было 20 лет (младший — Ахмад, был «еще *мвана*», т. е. еще несовершеннолетний). Допустим, что Исхак сложил с себя власть, исчерпав свой «активный социальный цикл» (как у галла — в 48-летнем возрасте), т. е. правил с 24 лет ТРИ «статусных времени». Предположение, что Исхак мог быть и последним в «триаде» и сложить сан в 32-летнем возрасте, на «фоне» так или иначе фиксированного «Хроникой» 24-летнего правления Селемана, представляется менее вероятным. Следовательно, либо у Исхака не было двух младших братьев-*ндугу*, либо они умерли до возраста совершеннолетия, а Исхак был женат и на своей ритуальной жене, и на ее младшей *ндугу*, и на

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

своей старшей дочери (физиологической, поскольку его братья не правили). «Побратимом», т. е. пришедшим извне одновозрастным (одностатусным) *ндугу* этой дочери-жены, и стал Селеман бин-Селеман Ан-Набхани, а его брак-ритуал с ее младшей *ндугу* сделал его *мфальме* Пате. Братья Селемана — Али и Асман — учтены Хроникой, но они не правили. Возможно, что их и не было, но для полноты права в правовом документе Селемана следовало представить как старшего *ндугу* триады (сравнить, например, с Рюриком и его двумя братьями — с Кием Щеком и Хоривом; даже с Зевсом, Нептуном и Плутоном). Селеман (в отличие от своего предшественника) правил до смерти — 24 или 25 лет, т. е. умер как-то странно «в срок» (в 24 года вполне укладывается три статуса по 8 лет) и, видимо, в том же возрасте (около 48 лет), в каком Исхак передал ему титул. По всей видимости, Селеман также был в браке с двумя *ндугу* и дочерью. Судя по всему, у Селемана, кроме дочери-жены, могли быть еще две дочери, обладавшие правом брака-ритуала, и он мог дальнейшими браками сохранить за собой титул (прецеденты подобных поступков можно найти), но либо он исчерпал весь временной диапазон своей триады, либо был умерщвлен по ритуалу, если этот обычай еще действовал (след его сохранился у суахили в легенде о Лионго-Фуму). В момент смерти Селемана его старшему сыну Мухаммеду было 20 лет, т. е. недоставало четырех лет до архаического совершеннолетия мужчины, но он принял сан и титул *мфальме*. Из этого следует, что к его времени важнейший ритуал принятия сана (он же — ритуал совершеннолетия) оказался сильно потесненным (возможно, произошло его «расщепление») ритуалом погребения умершего *мфальме*, который и стал, собственно, ритуалом принятия сана «наследником».

Такие быстрые и коренные изменения в столь важных обычаях вызывают естественное сомнение в событийной реальности сообщений: скорее следует видеть в этом «легендарное» отражение длительного периода постепенных изменений традиции, удельной значимости ее «деталей», с угасанием и исчезновением одних ритуалов и возвышением других, когда, случайно или «активно», возникали «прецеденты» не пожизненного, а трехстатусного времени правления одного *мфальме*. Видимо, таким путем «династийный» трехчленный ствол стремился сосредоточить в «своем кругу» и верховную военную власть (*мфальме* в возрасте от 24 лет), и верховную роль среди старейшин (тот же *мфальме* в возрасте от 40 до 48 лет). Может быть, где-то здесь, на этом стадиальном «отрезке» эволюции социально-правовой градации, кроется возникновение, а затем и исчезновение столь распространенного в архаическом обществе обычая умерщвления-ритуала социально значимой персоны, «исчерпавшей» срок своих полномочий. Во всяком случае, выдвижение на главное место в «ритуале посвящения в сан» погребальной церемонии предшественника объективно ведет к установлению нормы пожизненного правления, как только преодолева-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ется ритуал-убиение (или, по меньшей мере, «смещение» вследствие наступления «внесоциального» возраста).

По «Хронике», старший сын Селемана — Мухаммад, как и Селеман, правил 25 лет (или 24 года) и передал титул брату Ахмаду (т. е. в возрасте 45 лет, когда Ахмаду было 35). Если «вычесть» из реального возраста Мухаммада те 4 года, которых ему не хватало до совершеннолетия в момент принятия сана, то в момент его «смерти» ему было 46 социальных лет (или около того). По логике трехчленной правовой схемы, Ахмад бин-Селеман «выпадал» из нормы времени правления своей «триады» и оказывался как бы «четвертым *ндугу*» из-за длительности правления старшего брата. Но «Хроника» сообщает, что он правил с 650 по 670 год Хиджры, т. е. 20 лет, и передал сан Ахмаду, сыну старшего брата — Мухаммада, который правил 35 лет. Ситуация сложная. Если счесть этих двух Ахмадов за одно лицо (т. е. предположить, что Ахмад бин-Селеман «перешел» на место старшего *ндугу* в третье «колено» и стал Ахмад «бин-Мухаммад»), то вызывает сомнение длительность его полноправного статуса — до 70 лет (35+35). Естественнее предположить просто «сбой» дат правления или, точнее, «наполнение» указанных в начале документа некоторых, соотнесенных с правовой нормой, числовых характеристик, «хронологией» от Хиджры, с последующим «разнесением» всех имен по этой «хронологии». Это предположение вроде бы подтверждается тем, что, несмотря на путаницу в именах на стыке двух частей «Хроники», где, как при столкновении двух льдин, перемешиваются их обломки, повторяются некоторые фразы и имена, «хронология» идет без нарушения через весь текст от 600 года Хиджры и до установления английского протектората в первые годы XX века. Таким образом, если вернуться к Мухаммаду и Ахмаду (сыновьям Селемана), то, скорее всего, некогда — в каком-то «исходном» документе, может быть, в устной правовой легенде — как максимальное время правления одного лица указывался срок трех статусов, условно переданный датами правления Селемана (600–625 гг.) или как-либо иначе, а дальше шел только перечень имен по порядку. Говоря иначе, если начало «Хроники» рассматривать как «уплотненную» схему традиции социально-правовых норм стадии «триады», то этих двух «Ахмадов» можно принять за своеобразную персонификацию одного (идеально-легендарного) индивида, когда тот по порядку рождения относится к «триаде» (и жив), но время его правления «исчерпано» предшественником.

В таком случае он, как младший *ндугу*, представлен физиологическим сыном Селемана (-бин-Селеман, как и старший), а во второй раз — как старший в следующей «триаде», т. е. как «физиологический» (и социальный) внук и социальный сын Мухаммада (и «физиологический» — бин-Мухаммад). В условиях борьбы старой (возрастной, социально-родственной) и новой (физиологически родственной, трехчленной) социально-правовых

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

систем, такая «комбинация» не столь уж и фантастична: ведь правил же (и много позже времени Ахмада) Бвана Таму дважды — за плененного отца (как Бвана Таму Мтото, в тексте «Хроники» его отец, Бвана Мкуу бин-Бакари, во время плена именовался Бвана Мкуу ва — (= бин-) Бвана Таму, а Бвана Таму — бин-Бакари); второй раз — после законного правления «узурпатора» Ахмада — как Бвана Таму Мкуу бин-Бвана Мкуу — за себя. Здесь две персоны (и не легендарные, а реально жившие) в сложных политических и правовых обстоятельствах по нормам традиции менялись «ипостасями». Так или иначе, Мухаммад бин-Селеман (как и Исхак, и Селеман) правил три статусных времени (возможно, пожизненно). Ахмад бин-Мухаммад, также — его сын, Мухаммад бин-Ахмад и внук Умар бин-Мухаммад — все правили или трехстатусное время, или до смерти.

Дальнейший текст «Хроники» мешает выводу об установлении нормы передачи власти от отца к (одному) сыну. После Умара правят по очереди два его физиологических сына (Мухаммад бин-Умар и Ахмад бин-Умар), правят явно пожизненно, поскольку «Хроника» в следующей «триаде» упоминает двух умерших сыновей Мухаммада бин-Умари (Бвана Мкуу и Ахмада) и Абу-Бакара бин Мухаммада, третьего, который и наследовал власть, как физиологический сын умершего *мфальме*, но и как младший *ндугу* «триады». Таким образом, вывод о прямом наследовании сыном был бы ошибочным. Более того, запись в «Хронике» (в 3-4-5-й «триадах») последовательного перехода титула от отца к сыну (старшему), минуя младших *ндугу* (не учтенных «Хроникой»), не отражала индивидуальной борьбы за власть, как это можно предположить с легкой руки. Здесь остался след иных явлений — след внутренней борьбы противоречивых элементов самой трехчленной социально-правовой традиции еще до ее разрушения, но ведущей к этому. Если бы сохранились историографические записи об этом периоде суахилийской истории или доисламские эпические произведения, они, вероятно, были бы полны повествований о трагически мрачных и кровавых фатальных событиях. Но у нас есть только социально-правовой документ, составленный в традиционной для суахилийской культуры форме и, по недоразумению, именуемый «Хроникой». По этой причине и вследствие буквальной невозможности «соскользнуть» в обширную область «здравого смысла», т. е. к «реконструкции» придворной политической жизни, приходится ограничиться реконструкцией некоторых этапов в эволюции содержания трехчленной системы.

Первый этап, который фиксирует начало «Хроники», заключается в норме, содержащей следующие правила: власть «наследуется» «триадой» братьев-*ндугу* (родных и двоюродных) на 24 года (или на 25 лет, где один год мог уходить на проведение ритуалов), а социально-значимая должность отправляется индивидуально, последовательно по старшинству (точнее, по порядку рождения братьев *ндугу*); право индивида на титул определялось

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ритуалом-браком с сестрой-*ндугу* (родной или двоюродной, младшей *ндугу* из женской «триады», дочерей от браков старшей «триады»); все дети членов «триады», рожденные вне традиционного, дающего право на их «инициацию» срока (24-40 социальных лет), не входят в «династийный правовой ствол»; «недостача» мужской или женской персоны в «триаде», вероятно, пополняется за счет «аналогичных» по социальному возрасту пердставителей этноса (т. е. традиционной социально-возрастной системы, «внешней» по отношению к «династийному стволу»); юридическими хранителями социального права мужчин «династийного ствола» являются их жены, т. е. женщины «триады», получающие его от своих социальных МАТЕРЕЙ (женщин старшей «триады»).

Второй этап эволюии внутреннего содержания трехчленной правовой нормы был связан со стремлением мужчин системы оградить «династийный ствол» от «вторжений» физиологически неродственных мужчин в случаях преждевременной смерти или «нерождения» в определенный срок мужчин-«наследников». Это достигалось своеобразным видоизменением ранее существовавшего обычая повторного брака-ритуала «вдовы» для выравнивания ситуации при ранней гибели только что принявшего титул *мфальме*. Видоизменение этого обычая заключалось в том, что правящий *мфальме*, если не оказывалось по указанным причинам брата-*ндугу*, которому он по истечении 8 традиционных лет должен был передать титул, повторно вступал в брак-ритуал со второй младшей сестрой-*ндугу* (и даже в третий раз — со своей старшей дочерью, первой в «триаде» детей). Сложность ситуации была в том, что «заместителем» рано погибшего *мфальме* не мог быть его *ндугу*-наследник — он был абсолютно бракозапретным («одновозрастным») *ндугу* вдовы, и эту роль исполнял «третий» брат (в случае, когда погибший *мфальме* был средним в «триаде», как плененный Бвана Мкуу — вдова совершала брак-ритуал со своим первым сыном, как Мвана Дарини), и его повторный («законный» брак, хотя и давал ему право на титул, исключал его физиологических сыновей из «династийного ствола»). На этом же основании, видимо, и физиологические сыновья *мфальме* от повторных браков только удлиняли срок правления индивида (до 16 или 24 лет), но все равно с течением времени, «исключаясь» из права «наследования», создавали «пустоты» в схеме правопорядка, которые приходилось заполнять мужчинам, физиологически не родственным. Иначе говоря, схема принимала характер дискретной последовательности физиологически родственных групп, не родственных между собой по мужской линии, т. е. действительных династий правителей. Четвертый брак-ритуал *мфальме* (брак со второй дочерью) традиция не могла допустить по причине того, что *мфальме* достигал предельного возраста социальной активности — 48 социальных лет. Здесь неизбежным оказывался «внешний» муж для второй дочери *мфальме*.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Этот, второй, этап в эволюции трехчленной правовой нормы, несомненно, был самым напряженным периодом борьбы старой и новой социально-правовой традиции и не мог проходить плавно и равномерно. Видимо, «победа» неоднократно оказывалась то на одной, то на другой стороне. В сохранении старой, строго социально-возрастной, традиции в нормах наследования власти «династийным стволом» был заинтересован весь этнос, поскольку через заполнение «пустот» мужчинами из его среды (в соответствии с возрастной нормой) этнос был непосредственно связан с выделившимся институтом этой власти. В то же время, мужчины «династийного ствола» стремились к окончательному выделению из этноса на основании замкнутости физиологического родства в «триадах». Добиться этого можно было только утверждением пожизненого права на титул *мфальме*. А этому мешал традиционный «конечный социально-активный возраст» — 48 лет. Видимо, попытки узурпации власти после 48 лет и вызвали к жизни ритуал-убийство правителя, исчерпавшего весь срок «триады». Можно с достаточной вероятностью предположить в этот напряженный период и стремление «четвертых» и т.д. братьев (физиологически родственных «династийному стволу») «пробиться» в правовую норму наследования, и убийства их (в т. ч. убийство-ритуал), убийства «внешних» мужей-«побратимов», и многое другое.

Но к установлению пожизненного правления (с сохранением остальных норм «триады») привела не эта реальная и, несомненно, кровавая борьба за права, а нечто совсем иное. Дело в том, что прецеденты максимального времени правления индивида «удваивали» его социальную позицию. *Мфальме* — это верховный военный вождь, руководитель возрастных отрядов молодежи статусов воина (16–24 и 24–32 лет социального возраста) своего этноса. Эту роль он исполнял, будучи в возрасте от 24 до 32 лет, и в «нормальной» обстановке сдавал ее следующему *ндугу*, который становился *мфальме*, а сам переходил к «частной жизни». Но продление положения *мфальме* до статуса 40–48 лет, статуса старших социально активных мужчин-организаторов социальной жизни этноса, не могло не выделять *мфальме*, и в этом положении он оказывался и их главой. Это «выделение» само по себе не давало *мфальме* никаких преимуществ, так как областью его правовой деятельности была война, а в обсуждении мирных дел он оказывался «равным среди равных». Но значительные сдвиги в экономической сфере могли существенно изменить такое положение. Накопление экономически значимых ценностей и их выделение из общеэтнического достояния как «ограниченных» владений, в архаической системе права могло происходить тем же путем, как и выделение права «династийной группы» на ту или иную социально важную должность, т. е. в связи с родством физиологическим по норме «триад». Другими словами, первые шаги по отделению «особой» собственности от общеэтнической должны были

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

с закономерной неизбежностью разделить и весь этнос на разноправные, но не стативные в этом положении, сегменты. Должно было появиться множество «правовых стволов», системой «триад» защищающих свое право владения «выделившихся» ценностей, столько же групп их физиологических родственников «вне права» (возможно, также организующихся в «триады» наиболее близких к высшим и имеющих свое «окружение» из не вошедших в «триады») и людей, физиологически не связанных с высшим их «окружением», но «родственных по традиции социального родства». Эта имущественная социально-правовая система конца переходного и начала раннеклассового периодов истории была как бы «порождающей саму себя постоянно». Принцип ее функционирования в языке суахили передается словом *уджамаа*, конкретные «организмы», отвлеченно — *джамаа*, а конкретно (в человеческом наполнении *кабиля я* .... или *вакабиля ва*..., члены одного сегмента системы-*джамии*, а соотносительно: *вакуу* или *веньи* ‘старшие, имущие’, *ватото ва вату* ‘дети людей, «благородные»’ и *вату* — просто ‘люди’. Так в нарождающемся имущественно-сословном делении суахилийского обществ «фокус» приложения социальной деятельности *мфальме* переместился из сферы войны в сферу организации социально-имущественного права, т. е. «главными» в отправлении должности стали годы его правления от 40 до 48 лет его социального возраста. Вот это обстоятельство и решило исход борьбы двух сторон правовой традиции в пользу нормализации пожизненного права на титул — общество не только не противилось этому, но уже и не могло обходиться без такой нормы, поскольку «самопроизвольно» длительное правление *мфальме* по старой традиции возникало только периодически, и, следовательно, интересы имущих могли иногда оставаться без реальной защиты. Норма пожизненного правления *мфальме* (с сохранением «триады») такие положения исключала. Общесоциальное значение этого нововведения заключалось в том, что оно ставило преграду «внедрению» в трехчленный правовой идущий «ствол» не только правителей, но и любой *джамаа*, лиц, не связанных с ним физиологическим родством, вследствие исчезновения в правовой схеме «триады» «пустующих ячеек».

Утверждение пожизненного правления *мфальме* переводит эволюцию трехчленной правовой нормы в третий этап. От архаической традиции теперь остается только «триада» последовательно рожденных братьев-*ндугу*, часто перебиваемая «триадой» физиологических братьев, и обязанность иметь «главной женой» сестру-*ндугу*, т. е. женщину из числа дочерей (уже не только трех) старшей «триады». В этих условиях брак-ритуал не может совпадать с моментом принятия сана и, следовательно, не знаменует передачи титула. Эту роль объективно начинает выполнять ритуал захоронения умершего правителя. Распространение ислама в Восточной Африке препятствовало превращению похорон *мфальме* в пышный и

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

длительный обряд, хотя, видимо, в домусульманское время так и было. В известной мере об этом свидетельствуют древние каменные надгробия — менгиры, которые суахилийцы называют «могилами *ширази*» и относят к древности (*замани за шанга*). Вытеснение брачного ритуала с позиции обряда передачи титула обозначило и оттеснение на дальний план правовой линии «триады» женщин-жен *мфальме*, да и норма женской «триады» оказалась фактически разрушенной. «Победила» линия права мужской «триады». Собственно, четкая «триада» также постепенно разрушилась, но наследование «от брата к брату» сохранилось в суахилийском обществе вплоть до колониального раздела Восточной Африки, а, может быть, и несколько дольше.

Последнего этапа в развитии норм архаического права суахилийское общество так и не достигло, т. е. не произошло разрушения трехчленной системы и образования экзогамного генеалогического линейно-правового организма с мужским правом владения и наследования обособленного родового имущества. Этому препятствовало не только медленное развитие производительных сил, связанное с экологической невозможностью установления частной собственности на землю, но и постепенное ослабление главного фактора экономического развития суахилийского общества — участия в морской торговле северного района Индийского океана, которая была сильно подорвана португальцами и почти окончательно уничтожена пришедшими к ним на смену французами, англичанами, американцами под предлогом борьбы с работорговлей.

Установить время появления на восточном побережье Африки трехчленной правовой нормы невозможно, но, во всяком случае, это произошло задолго до начала XIII века, указанного в легендарной части «Хроники Пате». Можно предположить, что развитие первично-политических отношений, возвысивших вождя охотничьих отрядов молодежи до положения верховного вождя, могло совпадать со временем интенсификации заморской торговли побережья в связи с формированием ареала мусульманской культуры, т. е. отнести к VIII–IX–X векам. Конец же, а точнее, захирение этой правовой традиции падает на XVIII–XIX века.

Вторую задачу — установить стадиальное место суахилийского общества отмеченного периода в истории общечеловеческого процесса социального развития — можно только путем поисков аналогичных явлений в других обществах, явлений «ортодоксального» (т. е. не нарушенного мощным внешним воздействием) периода их истории на этапе перехода от доклассового состояния к раннеклассовому. В этом смысле первостепенное значение имеют не следы трехчленной правовой системы у народов самой Африки, хотя они и существуют, а таковые у народов средневековой Западной Европы. Оснований для этого несколько. Прежде всего — это то, что ранее средневековье Европы более изучено, чем аналогичный период ис-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

тории Африки южнее Сахары, и, следовательно, сложилось более или менее удовлетворительное представление о культуре, социальной и политической жизни, хозяйстве, ремесленном производстве и торговле народов, населявших в это время Европу. Сравнивая однозначные правовые явления Африки и Европы, можно получить обоснованное представление, хотя бы «обобщенное», о развитости аналогичных аспектов жизнедеятельности средневековых суахили, т. е. о том, о чем у нас слишком мало сведений. Далее, сравнивая Африку и Европу, можно определить соотношение однозначных стадиальных состояний общества по шкале абсолютного времени, т. е. установить меру отставания или опережения в развитии.

И, наконец, сравнение Африки и Европы в таком важном аспекте, как развитие норм социального права по мере перехода к классовому обществу, значимо и потому, что именно в Западной Европе сложился антинаучный миф о расовой, т. е. «прирожденной», неспособности африканцев к самостоятельному развитию, миф, который, в более тонких формах, по существу, бытует и сейчас. Все это и заставляет в первую очередь обратиться к западноевропейской «исторической мифологии», точнее — к европейской эпической литературе.

Первые записи сказаний о героях относятся, как считают специалисты, к концу X века («Беовульф» — около 1000 года), но основная масса падает на XIII век. Устные их варианты, в основном, возводят к VIII–IX векам, а иногда предполагают и более раннее существование. Эти определения сомнений не вызывают хотя бы уже потому, что почти вся «именная» персонификация легендарна и не идентифицируется с историческим именным материалом. Исключение составляют 2-3 имени: Ермунрек — предводитель готского воинства, Херманарих — ост-готский вождь (король), Теодорих и Атли (Этцель) — предводитель гуннов, воинства нижневолжского народа «итиль», известный в истории под именем Атиллы, царя гуннов. Время деятельности этих военных вождей располагается между 376 и 526 гг. н.э., т.е. отделено от предполагаемого времени сложения устных героических сказаний не менее чем сотнями лет. В героическом эпосе и эти персонажи не менее легендарны, чем те, имена которых заимствованы из традиций, не вошедших в материалы по ранней истории Европы.

Произведения героического эпоса Северной и Западной Европы с позиций литературоведения, текстологии, лингвистики и истории культуры, видимо, изучены достаточно хорошо (во всяком случае, имеется обширная литература), но этноисторическому анализу почти не подвергались, если не считать обычных комментариев, объясняющих малопонятные места текста «обычаями жертвоприношений», «сакральными мотивами» и тех, которые способны «объяснить» что-либо только читателю, совершенно незнакомому с более или менее широкой этнографической литературой. Следует отметить, что появлению подобных «объяснений» способствова-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ло ранее и способствует до сих пор упорно держащееся представление, согласно которому линейный генеалогический род с правом наследования от отца к старшему сыну считается «изначальным», т. е. сложившимся в «первобытное время» и унаследованным (в нормах права) раннеклассовым обществом Европы от ее доклассового общества. Кроме того, даже этнографы обычно считают, что и доклассовая Европа не знала классификационной (с групповым значением терминов родства) системы родственных связей и отношений, что европейцам всегда было свойственно индивидуальное физиологическое родство. Господство этих убеждений, наряду с «однозначным» переводом терминов родства, не только создавали в тексте эпических произведений «непонятные ситуации», впечатление «избыточности» в поведении героев, литературную совмещенность сюжетов и т.д., но и полностью зачеркивали исключительную ценность героического эпоса как источника для изучения этнической и социальной истории Европы переходного и раннеклассового периодов.

Чтобы в этом убедиться, достаточно обратить внимание на присутствие в эпосе «триад» братьев, упоминаний о «кровосмесительных» браках брата и сестры, отца и дочери, обратить внимание на «бессмысленные» убийства или на неизбежную, осознаваемую им, гибель героя. Но «распутывать» логику эпических ситуаций не так-то просто, и прежде всего из-за того, что записи «Песен» — это уже литературные произведения XI–XIII веков, где архаические правовые легенды «спрессованы» вследствие организации сюжетных повествований вокруг традиционных имен прецедентных легенд устного времени.

Не легче понять и их фантастический элемент (драконы, змеи, великаны, карлики) или «сакральный» (асы, ваны, валькирии, норны, альбы). Можно предположить три «жизни» (или три стадии развития) архаических социально-правовых прецедентных легенд Северной и Западной Европы. Их наиболее древний слой, функционировавший в доклассовом обществе, почти полностью «разрушенный» в переходный период, попал в записи в качестве своеобразного «доказательства» истинности правовых легенд-прецедентов переходного времени, доказательства ссылкой на фантастически отдаленное время (борьба героя со змеем, драконом, чудовищем, великанами), происхождение героя от асов или валькирий, жены-валькирии, великанши, хотя социальное содержание этих легенд о «предках» было непонятным уже обществу переходного периода (бессмертие асов, ванов, валькирий, их способность «перевоплощения» и др.). В третий период — литературный (христианский) — этот слой был отнесен к «языческой религии», каковым он числится и у современных исследователей.

Второй слой эпики — собственно социально-правовые легенды, прецеденты переходного времени. Их литературные записи и обработки были сделаны для такого же «подтверждения ссылкой на связь с древностью»,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

но уже прав высших слоев феодального общества, несмотря на полное несходство «правовых прецедентов» с юридическими номами феодализма. Видимо, «подкупающим» моментом был «героизм предков», «оправдывавший» специальные привилегии феодальной знати. Кое-что исчезло под воздействием христианских моральных догм, например, многоженство конунгов. Кое-что могло и «прибавиться» — могучий зверь древних легенд мог стать драконом (змеем-драконом святого Георгия, который и сам восходит к античному мифу о Персее), появились «персонификации» на базе исторических имен.

В связи с отмеченной эволюцией социальной роли «героических» легенд удобнее извлекать следы архаического права по «темам».

ТРИ БРАТА («триады»)

«ПЕСНЬ О ВЕЛУНДЕ»: Жили три брата, сыновья конунга финнов, — одного звали Слагфид, другого Эгиль, третьего Велунд… увидели они трех женщин, которые пряли лен, а около них лежали их лебяжьи одежды, — это были валькирии: … Хладгуд Лебяжье-Белая, Хервер Чудесная, а третья была Эльрун… Братья увели их с собой: Эгиль взял в жены Эльрун, Слагфид — Лебяжье-Белую, а Велунд — Чудесную. Так жили они семь зим…».

Это — выдержки из своеобразной «вставки» в прозаическое начало «Песни», до которой стоят слова начала: «Жил конунг в Свитьоде, звали его Нидуд. Двое сыновей у него было и дочь по имени Бедвильд».

Из этого следует, что «Песнь о Велунде и Нидуде» создана как «легенда — социально-правовой прецедент» не в связи с «идеальной нормой» (три брата), а для ее варианта — «два брата и сестра». «Вставка» же о Велунде и его братьях — это своеобразная отсылка к исходной, «идеальной» норме. Она сильно «спрессована», здесь не только три брата и их жены, но и три конунга-отца: отец братьев, «конунг финнов», отцы сестер-валькирий: конунг Хледвер (-двоих) и Кьяр из Валланда (-одной); далее — «семь зим», после которых жены-валькири покинули своих мужей, что «отражает» время одного возрастного статуса (8 лет), а также и то, что «жены-валькирии» — не реальные, а «обещанные», получаемые после того, как их «найдут», совершив положенные подвиги.

Велунд не пошел искать свою «улетевшую» Хервер, а остался ждать ее возвращения. Его «подвиг» был «заложен» в его искусстве кузнеца, он был *альб* — кузнец-колдун (в «Песне» — волшебник-ювелир). Конунг Нидуд пленил Велунда и заставил его работать на себя. Он взял его меч, а одно из золотых колец, которое Велунд предназначал жене-валькирии, подарил своей дочери, Бедвильд. Хитростью и «колдовством» Велунд убил двух сыновей конунга и стал мужем его дочери, а следовательно — и преемни-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ком конунга Нидуда. Вывод предельно прост — третьим «братом» в «триаде» должен стать муж дочери конунга, т. е. «побратим». Убийство Велундом своих «побратимов» относится уже в другой «теме», к развитию идеи пожизненного «правления».

«ПЕСНЬ О ХЕЛЬГИ, СЫНЕ ХЬЕРВАРДА»: «Конунга звали Хьервард. Было у него четыре жены. Одну звали Альвхильд, сын их звался Хедив. Другую звали Серейд, сын их прозывался Хумлунг. Третья была Синраид, у них был сын Хюмлинг. Конунг Хьервард дал обет жениться на самой красивой женщине... конунга Свафнира дочь... Сигрлин». Здесь также есть «вставка», но уже о «триаде» женщин и их сыновьях. Примечательно, что учитываются по одному сыну каждой — три брата. Правовой смысл «вставки» выглядит для Европы несколько неожиданным: «хранительницы права мужчин — женщины, их матери. Ясно также, что эти три «последовательные» жены конунга обеспечили ему три статусных времени в каком-то социально-значимом сане, и он захотел продлить это, женившись на четвертой женщине. Сначала ему отказали, но потом он добился своего. Так у Хьердварда родился от четвертой жены Сигрлин четвертый сын. «Он был молчалив, у него не было «имени». Имя Хельги четвертый сын Хьерварда получил позже, от валькирии (Свава, дочь конунга Эйлими). Хельги совершил много подвигов, посватался к Сваве и получил ее в жены. По тексту «Песни» выясняется, что Хедин, старший из трех братьев Хельги, «дал обет» жениться на Сваве. Конунг изгнал Хедина, а Хельги получил смертельную рану в битве. «Песнь» завершается словами: «Говорят, что Хельги и Свава вновь родились».

Социально-правовая суть этой части «Песни о Хельги» — сложная, она, прежде всего, касается правового положения четвертого сына, человека без имени, далее — его старшего брата (первого в триаде). Ясно, что четвертый сын оказывается без прав в системе своего отца-конунга, он не входит в «триаду» наследников. Но и первый представитель «триады» также лишается своих прав: его «ритуальная жена» — это четвертая жена отца-конунга, Сигрлин, мать Хельги. Есть еще одна «Песнь о Хельги», «Песнь о Хельги, убийце Хундинга». Там он представлен как сын конунга Сигмунда, сына Вельсунга. Имя он получил «в честь Хельги, сына Хьерварда», но наличие в «Песне» Сигрун, дочери конунга Хегни, возродившейся валькарии Свавы, позволяет предположить «возрождение» Хельги, т. е. построение другой правовой легенды «на том же имени». Смысл правовой легенды-прецедента — что происходит с «Хельги — четвертым сыном», если он не гибнет в битвах. Здесь также есть «триада» — сыновья конунга Гранмара: Хьедбродд, Гудмунд и Старкад. Сигрун, дочь Хегни, была обещана в жены Хьедбродду, но она «полюбила» Хельги. У Хегни, кроме нее, были два сына: Браги и Даг. Сигрун, став женой Хельги (против воли родственников), фактически сделала Хельги «старшим братом» своих двух

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

братьев. Сложность роли Хельги в этой «Песне» заключается еще и в том, что он представляет здесь не только «Хельги — четвертого сына», но и «Хедина — первого сына», лишенного прав (по другим «Песням», их отец, конунг Сигмунд, имел сына, Синфьетли, от дочери, т. е. от 4-й жены).

В этой «Песне» Синфьетли и Хельги — два лица (братья), но второй — Хельги — ведет себя как «лишенный прав», т. е. берет в жены валькирию Сигрун, невесту Хьедбродда. В грандиозной битве между родственниками Хьедбродда (и Сигрун), и «братьями» (Хельги и Синфьетли) победа на стороне Хельги, но из родственников Сигрун остается в живых только младший брат, Даг, который позже убивает Хельги. Сигрун умерла от печали. Характерно, что и в конце этой «Песни» утверждается о повторном «возрождении» Хельги и Сигрун.

Любопытно и сообщение о смерти Синфьетли. Из него вытекает еще большая сложность: здесь также есть «вставка» — «триада», по которой Синфьетли числится старшим сыном Сигмунда; вторым был Хельги, а третьим — Хамунд. По предыдущей «Песне», Хельги был сыном Сигмунда и Боргхильд (ее старшим сыном), но здесь она называет Синфьетли «пасынком». На первый взгляд, получается, что Боргхильд– вторая жена Сигмунда, но это не так, дело намного сложнее. «Пасынок» Синфьетли — старший социальный сын Сигмунда, он — физиологически сын отца Сигмунда, Велсунга и Сигню, его старшей дочери (= 3-й жены), т. е. по трехчленной системе Синфьетли приходился внуком физиологическому отцу, и сыном старшему брату Сигмунду, подобно тому, как Хельги — сын Хьерварда от четвертой жены, Сигрлин — был не только «четвертым сыном», но и вторым внуком Хьерварда (и не имел «имени»). «Триада»: «пасынок» Синфьетли, Хельги и Хамунд, прежде всего, след некогда существовавшей социальной нормы включать в состав «триады» «братьев» не «по крови», а по социальному возрасту или порядку рождения от старшей «триады». Далее, в системе многократных женитьб старшего конунга, его четвертый и пятый сыновья (дети 3-й и 4-й жен) либо «уходят искать битв, подвигов и своих валькирий», либо (при каких-то обстоятельствах) «теснят» внуков его и становятся «пасынками» сыновей и их жен. Именно здесь, на «пересечении» социально-возрастных и физиологических значений одних и тех же терминов родства, и создается у «последующих поколений» представление о «кровосмесительных грехах» предков, поскольку 2-я жена «конунга» по социально-возрастному родству неизбежно была его «сестрой», а 3-я и 4-я — «дочерьми» (в определенных случаях — и физиологическими). Таким образом, в приведенных отрывках из «Песен» обнаруживаются и еще две «темы»: СПОСОБ «ПРОДЛЕНИЯ» ВРЕМЕНИ КОНУНГА и ЧЕТВЕРТЫЙ И ПЯТЫЙ СЫНОВЬЯ КОНУНГА.

Убийство Хельги Дагом, братом жены, и отравление Синфьетли социальной матерью Боргхильд, связаны с четвертой «темой»: АКТИВНЫЕ

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ФОРМЫ БОРЬБЫ НОВОГО И СТАРОГО, т. е. с «неизбежными действиями» людей в условиях внутреннего противоречия сосуществующих систем социально-возрастного родства и родства физиологического. Брат жены убивает ее мужа из-за того, что тот (став его социальным братом-«побратимом») может жениться и вытеснить его (парадокс!) из трехчленной социально-возрастной схемы права. Социальная мать убивает «пасынка» — социального сына из боязни вытеснения из правовой схемы ее физиологических детей. По несколько иным причинам Велунд убил двух братьев своей жены Бедвильд — он не только предупредил свою смерть от их рук, но и «удлинил свое время».

В песне «О смерти Синфьетли» появляется герой эпических сказаний Северной Европы, вокруг имени которого, вероятно, делались попытки «связать» в одну «систему» максимум социально-правовых легенд-прецедентов. Сообщается, что конунг Сигмунд женился еще раз на Хьердис, дочери конунга Эйлими, и у них родился сын — Сигурд. После гибели Сигмунда в битве Хьердис вышла замуж за Альва — сына конунга Хьяльпрека, где и воспитывался Сигурд. У Хьердис был брат Грипир (мудрейший из конунгов, умевший предсказывать будущее). Так в европейской эпике появляется «брат матери» (дядя с материнской стороны) — «персона» частая, малопонятная, но всегда очень значимая в этнографических записях по народам доколониальной Африки (да и более широко).

Сам же Сигурд — персона необычайно сложная. С одной стороны, он, как и Хельги — сын Хьерварда, «не имеет имени», т. е. «четвертый сын» Сигмунда (от Хьердис), иначе говоря (по социально-возрастной триаде) — старший социальный внук своего отца, Сигмунда. Но поэтому, с другой стороны, он социальный сын «пасынка» — Синфьетли (4-го физиологического сына Вельсунга и его дочери Сигню). Следствием столь сложной «комбинации» оказывается положение Сигурда (4-го сына Сигмунда) в качестве старшего в «триаде» социальных (и физиологических) внуков Сигмунда, «пасынка» его сыновей. Дополнительную сложность придают матери (на «перекрещивании» социально-возрастной «триады» и физиологического родства). Третьи и четвертые жены «конунгов» — 1-е и 2-е женщины триады их детей, т. е. их дочери, а сыновья (физиологические) этих женщин — члены их же триады, их одновозрастные социальные братья (братья-«сверстники») и «пасынки» своих физиологических отцов, т. е. «побратимы» детей от старшей (первой, законной жены-сестры конунга). В этой двойственности «персоны» Сигурда кроется своеобразная «необходимость» двойственности его жены: как жена «четвертого сына», она должна быть «валькирией» (т. е. не принадлежать к его « династийному стволу»), но, как жена старшего в триаде сыновей «конунга», она должна быть второй сестрой в этой триаде, где он — «побратим». Противоречий оказывается слишком мно-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

го, но выход находится в том, что Сигурд — социальный брат-«сверстник» своей физиологической матери — «двойника» второй (принципиально «допустимой» жены «конунга» — младшей в «триаде» сестер) жены физиологического отца. А это «переносит» Сигурда в позицию хотя и «лишнего», но члена отцовской триады, т. е. имеющего право, совершив надлежащие «подвиги», получить жену из чужой триады, старшую дочь конунга, который придерживается более архаичной нормы и не желает иметь третью жену (свою старшую физиологическую дочь).

Именно так и строится «Пророчество Грипира», пророчество дяди по матери Сигурда. «Сначала отомстишь ты, князь, — за отца, за горький конец конунга Эйлими; сыновей ты сразишь конунга Хундинга… Один ты убьешь свирепого змея... Регина с Фафниром ты победишь... Фафнира логово ты отыщешь, сокровище в нем большое добудешь... к Гьюки отправишься... Спит на горе конунга дочь, в доспехах она по смерти Хельги... вымолвит слово от сна пробуждаясь... Научит тебя рунам мудрым... ты посетишь Хеймира дом... Есть дева у Хеймира, ликом прекрасная, Брюнхильд ее люди зовут... забросишь труды, забудешь людей, сна лишишься, с ней не встречаясь... едва у Гьюки ночь погостишь, сразу забудешь прекрасную деву... горе узнаешь от козней Гримхильд; дочь ее, дева светловолосая, будет тебе в жены предложена... Гуннара я родичем стану? Деву Гундрун в жены возьму?.. Все вы друг другу клятвы дадите, — Гуннар и Хегни, и третьим ты, Сигурд …с Гудрун станешь счастливо жить, а Брюнхильд замужество горьким покажется, она за обман искать будет мести... братья твоими убийцами будут...».

Прежде всего следует учесть, что эти отрывки взяты из героической песни записанной в XII–XIII столетии, а, следовательно, такие «мотивы», как измена клятве, месть за обман, чьи-либо козни, — не более, как поздние «объяснения» уже непонятных причин и отношений («темных мест») в древней традиции социально-правовых устных легенд. Далее, судя по песням героической эпики, в архаической Европе пророчества, раскрытие тайн и т. п. — было либо свойством асов, валькирий, альбов, дис и т. д., либо это делали умирающие люди или их призраки. Грипир, брат Хьердис, матери Сигурда, — конунг и человек; следовательно, Сигурд, по сути дела, беседует с его призраком, который и «раскрывает» всю будущую жизнь Сигурда, т. е. «обязует» его поступать так, а не иначе. Однако, чтобы разобраться во всем этом, необходимо попытаться логически реконструировать «исходную схему соотношений», опираясь и на данные европейской героической эпики, и на весь другой материал, относящейся к системе социального родства возрастных групп архаического общества. Начать следует, видимо, с двух «моментов»: с «возрождений» Хельги и его жены-валькирии; и с того, что последняя форма собственно архаическая, т. е. в доклассовом обществе система социально-возрастно-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

го родства содержала в одном социальном поколении («колене») 4 женских социально-правовых возрастных статуса («версты») и 5 мужских статусов. Это делает понятным, если учитывать, что мужчины-«дети» получали «тотемическое имя» своих социальных отцов, почему Хельги «возрождается» несколько раз как «Хельги», а его жены — под разными именами: Свава, Сигрун, Кара (и, в сущности, Сигрдрива, спящая пророчица Сигурда, валькирия), — при строгой эпигамии браков, когда в «колене» 5 мужских и 4 женских возрастных группы, мужчины 5-й группы вступают в брак с социальными дочерьми женщин 1-й женской группы (т. е. — с имеющими то же «тотемическое имя»), а мужчины 1-го младшего «колена» — с женщинами 2-го младшего «колена» и т. д.

Таким образом, получалось, что социальные отцы, дети, внуки и т. д. (носившие одно «тотемическое имя», например, условно — «Хельги») имели жен с « тотемическими именами» всех четырех женских групп последовательно (например, условно: «Хельги» 1 = «Свава», «Хельги» 2 = «Сигрун», «Хельги» 3 = «Кара» и т. д.). Но сразу же следует сказать, что поиск «тотемических имен» во всей массе имен героических песен чрезвычайно затруднен вследствие уже иного их употребления, как имен собственных литературных героев, а родство соотнесено или с «триадами», или с нормами генеалогического линейного мужского рода, т. е. с нормами родства в феодальном обществе. Кроме того, архаическая социально-возрастная группа (любая — и мужская, и женская) могла содержать помимо общего «тотемического имени» еще восемь таковых для каждой годичной «верстки», и они также могли попасть в героический эпос наравне с другими. Так, например, в отличие от Хельги, Сигурд в «предшествующих рождениях» был Сигмунд, Вельсунг и даже — Один. Возможно также и использование в песнях «тотемических имен», точнее, вариаций, характерных для соответствующих этнических материалов. Следовательно, не остается другого пути для реконструкции «исходной», т. е. собственно архаической, модели социально-возрастного эпигамно-брачного родства древних европейцев, как предварительно в качестве равнозначных «вариантов» собрать в «группы» соответственные имена, зафиксированные героическим эпосом. Главное правило будет заключаться в том, что любое имя из соответствующей «колонки» (имеющее тот же номер и пол) равнозначно любому другому в той же «колонке» и условно передает «тотемическое имя», общее для всей «колонки». И женские «колонки» имен, и мужские, каждая совокупно, будут передавать линии социального родства (от «матерей» к «дочерям» или от «отцов» к «сыновьям»), поскольку «тотемическое имя» есть имя-символ не одного человека, а имя группы социально-одновозрастных.

Это правило вызвано не только указанной «спецификой» имен, как они использованы в эпосе, но и особенностью «маркировки» социально-воз-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

растных групп (а, соответственно, и составляющих их индивидов) обязательно по двум линиям социального родства (по линии «отцов» и «матерей»), что неизбежно при сложившемся к концу архаической формации разном числе возрастных статусов у мужчин (5) и у женщин (4). Эта норма двойного «тотемического имени» была обнаружена Демпвольфом у народов Восточной Африки, но как-то не привлекала к себе должного внимания. Суть ее состоит в том, что мужчина «наследует» одно («главное») имя от отца и передает его сыну, а второе — от матери, и не передает; женщина, соответственно, «главное» имя получает от матери и передает дочери, а второе — от отца, и не передает никому. Сейчас уже совершенно ясно, что эта норма социально-родственной «маркировки» касается не индивидуальных имен, а групповых, «тотемических», и распространена она не только в Восточной Африке, но почти на всем материке и много шире. Сложность распознания ее (или ее следов) кроется в том, что это имена «тайные («лесные» и т. п.), и существуют разнообразные сокращенные «формулы». В этнографических работах всему этому не придают значения и фиксируют обычно случайно, что и дает возможность иногда обнаружить «след». В европейской героической эпике, также только случайно, одновременно упоминаются имена отца и матери (чаще — в разных местах), но это — важнейшая опора для реконструкции архаической системы социального родства возрастных групп. Принцип реконструкции будет опираться на внимательный анализ прозаических сообщений к Песням «О Велунде» и «О Хельги, сыне Хьерварда» с привлечением сообщений из других Песен.

Как уже было упомянуто, «жены-валькирии» Велунда и его братьев прожили с ними семь зим. На восьмую они заскучали, а на девятую — улетели. Это можно, хотя бы условно, счесть за 8-летнюю норму пребывания в одном социально-возрастном статусе. Если допустить, что социально-активный возраст (как у галла Восточной Африки) кончался в 48 лет у мужчин, то социально-возрастных статусов («верст») получится 5. Это не расходится и с сообщением о четырех женах конунга Хьерварда, ибо он должен быть на один статус старше старшей из них, т. е. он как-то «обошел» в праве брака троих своих младших «братьев» (четвертый «одновозрастной брат» первой жены). Но в сообщениях есть упоминание, что четвертый брак конунга встретил некоторые препятствия, а это осложняет «схему». Видимо, у Хьерварда был старший «брат», а не второй. В таком случае Сигрлин — не «сестра» трем женам конунга, а их старшая социальная «дочь», т. е. «дочь» его старшего «брата». От четырех жен конунг имел четырех сыновей: Хедина, Хумлунга, Хюмлинга и Хельги. Каждый из них был сыном своей матери, соответственно: Альвхильд, Серейд, Синраид и Сигрлин. Если «забыть» о существовании конунга Хьерварда, то перед

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

нами окажется максимально лаконичная запись еще более древней нормы — 4 женских и 4 мужских «имени» в пределах «колена», поскольку как «главные имена» женщины получали «имена матерей», а мужчины — «имена отцов». Иначе говоря, схема «колена» тогда состояла бы из четырех возрастных «верст», в которых располагались бы «одновозрастные братья-сестры» с «именами» Альвхильд-Хедин, Серейд-Хумлунг, Синраид-Хюмлинг, Сигрлин-Хельги. Эти же «имена» носили бы их потомки или предки (социальные).

Говорить подробно, как возникает пятое «мужское имя», здесь нет возможности, но главная причина, вероятнее всего, кроется в появлении такой сферы деятельности, как война. Появился социально-возрастной статус «воина», т. е. «расхождение» в возрасте 16 лет, когда юноши «уходят» на 8 лет обучаться владению оружием. Их «одновозрастные сестры» (16 лет) выходят замуж, а они женятся только через 8 лет, т. е. в 24 года, на «младших сестрах», которым в это время исполняется 16 лет. Так «сбивается» именное соответствие мужчин и их жен. Например, если «сын» Хедина и Серейд сохраняет «имя отца» — Хедин, то его женой будет уже Синраид и т. д., но «сестра» будет Серейд. Здесь и появляется пятое (а точнее, первое) «имя» — Хьервард. Но и оно в записи оказывается не первым, а вторым, т. к. четвертый брак Хьерварда вроде бы не совсем «законный» — жена из «колена детей». Однако, обстоятельства еще сложнее. Брак-то законный, но не для Хьерварда, а для «носителя» пятого имени в том же «колене», ибо практически эпигамные браки непрерывной «цепочкой» связывали мужчин одной возрастной группы с женщинами смежной младшей, и т. д. «до бесконечности». А соотношение «колен» «детей» и «родителей» определялись ритуалом передачи «набора» (5 и 4) тотемических знаков и «имен». Получалось, что в терминах родства (социальных, а не физиологических, групповых = «классификационных») мужчины из пятой (последней) «версты» каждого «колена» брали в жены своих (т. е. своего «колена») старших «дочерей». «Перерасчет» начинается с того, что Хьервард (который мог «породить» только Хьерварда, как «сына») «становится» «отцом» Хедина. Это и есть изменение «преимущественного счета родства» («сын» Альвхиль стал «сыном» ее мужа, Хьерварда), что делает четвертого «сына» Хьерварда пятым, «мать» его — Сигрлин, «переходит» в младшее «колено» и «требует» для нее «одновозрастного брата», «одновозрастную сестру» Хьерварду и ему же смежных старших «брата-сестру». Так складывается схема (см. рис. 1).

Найти того, кто должен стоять в схеме перед Хьервардом (или перед Хедином), на первый взгляд, просто невозможно. Однако «следы» все же есть. Сигрлин — это «мать» Хельги, героя древнего и очень почитавшегося во время записи Песен. По своим качествам и подвигам Хельги — «по-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

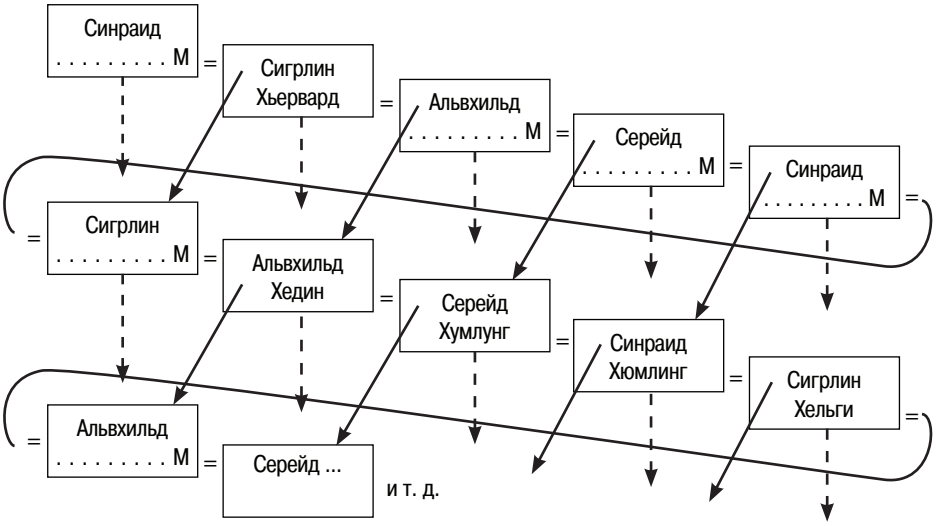

Рис. 1

лубог», а следовательно, и его «мать» равна валькириям. А валькирии в Песнях имеют «сложную» характеристику — они называются иногда дочерьми конунгов («имя рек»), но одновременно — они дочери Одина, т. е. аса. Это ясно и из приведенной схемы, если ее продолжить до конца третьего «колена». Тогда Сигрлин будет «дочерью» «конунга» Хюмлинга и Сигрлин из старшего «колена», а первая Сигрлин из того же «колена» (ее «мать» по старой, четырехсегментной схеме) — несомненно, «дочь» Одина. Таким образом, находится достаточно оснований счесть Одина первой «персоной» в мужской пятисегментной схеме. Так оказываются «извлеченными» начальные «имена» четырех женских и пяти мужских «колонок», совокупно передающих соответствующие «тотемические имена» архаических европейцев: Альвхильд, Серейд, Синраид, Сигрлин и Один, Хедин, Хумлунг, Хюмлинг, Хельги (конунг Хьервард здесь — позднее «вставное» имя по «формуле» : «конунг и его сыновья»). Далее, почти таким же образом, после внимательных сопоставлений, определились и другие «имена» в « колонках» (см. рис. 2).

Некоторая «неполнота» «колонок» — следствие специфики и самих имен, и их употреблений при составлении записей Песен. Так, например, имя Хельги — частое, оно как бы «связывает» древние повествования с более поздними.

Один, Вельсунг, Сигмунд и Сигурд составляют «последовательность»: отец, сын и т. д. Эти имена, а также — Эйлими, Грипир, Хундинг и Синфьетли — имена «древних конунгов», почти «полубогов», как и Хельги.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

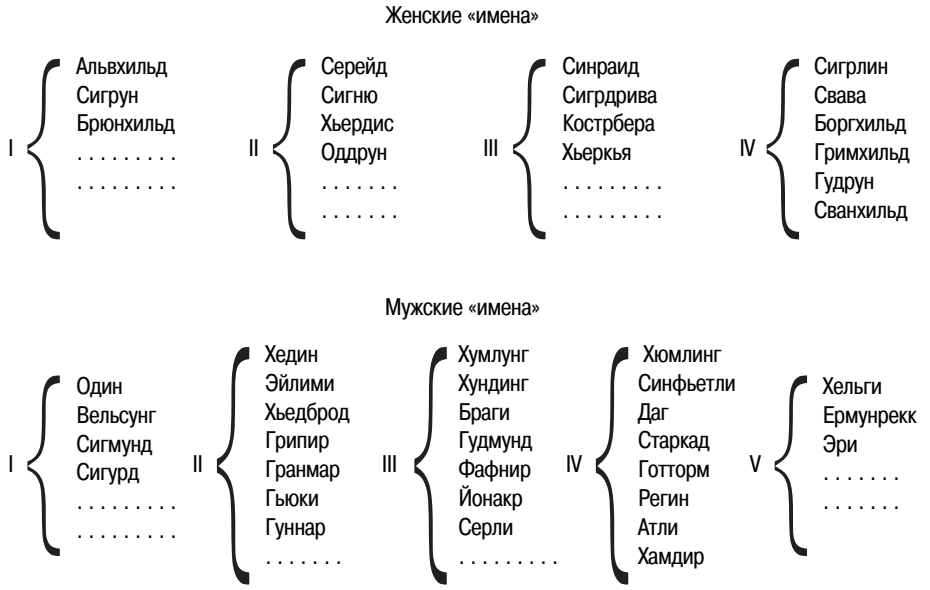

Рис. 2

Фафнир и Регин — имена колдунов-альбов. Остальные — имена конунгов сравнительно близких к обычным людям.

Сигрун, Сигню, Сигрдрива, Свава и Сигрлин — имена валькирий, дочерей Одина. Близки к ним и Брюнхильд и Хьердис, «девы древних времен».

Боргхильд, Гримхильд, Гудрун и Сванхильд — имена героинь, как бы находившихся в «переходе» от «дев древних времен» к обычным людям, особенно Гудрун.

Оддрун, Кострбера и Хьеркья — это просто женщины.

Несколько особняком стоят имена Ярмунрекка и Атли. Как считали авторы героических Песен, а также и исследователи эпоса — это имена лиц исторических: остроготского вождя Германариха и Атиллы, предводителя гуннского воинства. Но, видимо, Атли — имя исландское, оно встречается в достаточно древних сюжетах с Хельги и Хьервардом, и попадает в «гуннские» сюжеты, возможно, вследствие близости германского звучания (Этцель, Эйтиль) к другому названию гуннов — «народ этиль» (по древнему названию Волги в ее нижнем течении). Сам переход от мотивов скандинавских к южно-германским (бургунды, готы) специалистами часто рассматривается в качестве «подсоединения» поздних Песен к более ранним. Однако, дело, возможно, не в этом. Принцип системы архаического права и «социального» родства был общим, одинаковым у всех народов Северной и Западной Европы, что и позволяло «законно» продолжать

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

имена одной конкретной «схемы» именами другой, традиционными для другой местности, когда писались эпические литературные произведения.

Что касается реконструированной пятисегментной архаической правовой схемы (на которую как бы «накладывается» схема «триад»), то здесь всю ее приводить нерационально, она (от Хельги «сына Хьерварда» до Эрпа, третьего сына Гудрун) состоит из 20-ти «колен». Достаточно выделить из нее только то, что помогает разобраться в «темных местах» некоторых Песен. Например, Хельги (по 1-й Песне о Хельги, убийце Хундинга) — почему он убивает Хундинга.

Прежде всего, здесь не один Хельги, а несколько одноименных «персон». Таким образом, Хельги допереходного архаического общества — это один из возрастной группы с тотемическим именем «Хельги», социальных сыновей женщин из возрастной группы «Сигрлин». Группа одновозрастных социальных сестер «Хельги», также как и матери, будут «Сигрлин», а эпигамно-обязательные жены — группа младших сестер «Сигрун». Такому Хельги нет никакой необходимости убивать кого-либо из группы «Хундинг». Женами этих «Хельги» в свое время будут женщины из группы «Сигню», а их сыновей — «Сигрдрива» и т. д.

Но вот в таком обществе начинает складываться надэтнический социальный институт военных вождей — *конунгов*. Со временем общество замечает, что столь необходимые (и конунгу, и обществу) магические качества (рост, сила, выносливость, смелость и т. д.) довольно часто «наследуются», т. е. повторяются у физиологических потомков. Общество «требует» избрания (в пределах традиционной пятисегментной возрастной системы) *конунгов* из лиц, находящихся в физиологическом родстве. С такого момента начинается «историческая трагедия», ибо таких сыновей *конунга* в социальном времени активного «полноправия» (от 24 до 40 лет) «укладывается» только трое, а четвертый и пятый (по пятисегментной традиции) не могут наследовать. Далее еще сложнее: если вначале власть передается последовательно трем родным или двоюродным братьям, а затем также трем их сыновьям (родным или двоюродным братьям), то впоследствии ее наследуют только 3 физиологических сына каждого *конунга*. Возникают «правовые двойники» — конфликт, который можно разрешить только смертью «лишних». Пример: Хельги, социальный сын «Хельги» и «Сигрлин» (пятая М и четвертая Ж возрастные группы старшего «колена»), безразлично, чей он физиологический сын — Хьерварда или другого *конунга*, — не может быть избран *конунгом*, он не входит в «триаду» (5-я группа младшего «колена»). Тогда 15-летний Хельги убивает Хундинга (последний в пятичленной системе — последнего в трехчленной, Хундингу 31 год). Помогает Хельги валькирия Сигрун. Авторы Песни «путают» этого Хельги с другим (из-за того же имени) и нескольких Сигрун.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Но «распутать» можно. Если Сигрун — валькирия, то она — мать этого Хельги, дочь Одина, точнее, она была до 32 лет дочерью конунга Вельсунга, который после своих 48 лет «оставил» это имя (завершил социально-активную жизнь) и стал «предком» — асом Одином. Схему преобразования Вельсунга в Одина можно сравнить с древнеегипетской: живой фараон Гор — сын бога Осириса, мертвый — становится богом Осирисом и порождает Гора — нового фараона.

Если же Сигрун — эпигамная жена Хельги, то речь может идти либо об отце этого Хельги, либо о Хельги-правнуке, «Убийце Хундинга». Но Сигрун — жена правнука, не может быть дочерью конунга Хегни и невестой Хьедброда, сына Гранмара, ибо этой Сигрун была ее мать, одновозрастная сестра Хьедброда, которого убил Хельги-правнук. Но вот Хельги-внук, убивший конунга Гранмара, мог стать мужем Сигрун, невесты Гранмара и дочери конунга Хегни, и это его убил младший брат Сигрун Даг. Точно такая же «путаница» с валькирией Свавой, дочерью Эйлими и женой «безымянного» Хельги, четвертого сына Хьерварда. Как валькирия, она могла быть только женой того Хельги, который убил Гранмара (вместо Сигрун, по архаической эпигамной схеме), а как дочь Эйлими — одновозрастной сестрой Гранмара и женой Вельсунга. Валькирия Кара могла быть женой Хельги, сына Хельги, убившего Хьедброд и Гудмунда, сыновей Гранмара.

Однако при всей «путанице» в этих Песнях содержится и общий социально-правовой «мотив» — всюду, по сути дела, речь идет о борьбе старой пятисегментной системы с новой трехчленной физиологической. Но вот то, что Хельги в некоторых из перечисленных Песен назван сыном Сигмунда (сына Вельсунга) и Боргхильд, относится уже к борьбе социально-родственного принципа с принципом прямого кровного родства. Синфьетли и Хельги, т. е. 4-й и 5-й «братья», как «одноверстные» с 1-м и 2-м сыновьями конунга Сигмунда и Боргхильд, после того, как Синфьетли убил брата Боргхильд, занимают первые два места в «триаде» сыновей Сигмунда (3-й — Хедин). Этот брат Боргхильд не назван в Песне «О смерти Синфьетли», и понятно, почему: он не ее брат (которого и незачем убивать), а одновозрастный брат ее дочери (тоже Боргхильд), т. е. сын конунга Сигмунда, знаменитый герой устных легенд — Сигурд. Старшая Боргхильд отравила «пасынка» — Синфьетли. Сигурд столь же «многолик», как и Хельги. В «Речах Фафнира», убивая змееподобное чудовище (такого же «змея» в свое время убивал и Сигмунд), он вначале «безымянен», как Хельги — сын Хьерварда, но потом говорит, что он сын Сигмунда и Хьердис, сестры Грипира и дочери Эйлими. Опять та же «путаница»: этот Сигурд — внук Сигурда, убитого Синфьетли; и сын Сигурда и Хьердис — дочери Эйлими. Он — эпигамный муж спящей валькирии Сигрдривы. А его сын — Сигурд, эпигамный муж Гудрун,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

дочери Гьюки и Гримхильд. Еще один Сигурд — сын Гудрун, должен был стать мужем Брюнхильд, дочери Гуннара (сына Гьюки) и Брюнхильд. Так же и другой Гуннар, сын первого, должен быть мужем Оддрун, одновозрастной сестры Атли (Брюнхильд же могла быть только одновозрастной сестрой отца этого Атли). Но все эти герои в Песнях и Речах представлены как «однозначные», в том числе и 3-я Гудрун (жена Сигурда, жена Атли, дочь первой и жена Йонакра, правнучка первой). Кроме того, сама Гудрун выступает под именем Сванхильд и создает специфическую для Песен «избыточность» поступков (как это называют специалисты по европейскому эпосу), но, если иметь в виду, что они определялись борьбой двух правовых традиций, то эти поступки не столь «избыточны», а скорее неизбежны в соответствующих ситуациях. Нет там и «нарушений» клятв побратимства — поздние «разъяснения» составителей Песен.

Эту вынужденность поступков героев эпоса легче понять, если учитывать, что ни в устных правовых легендах, ни в литературных вариантах героических Песен нет и никогда не было никакой историографии и даже ее искаженного временем отражения. Все имена там мифические (в том числе и Атли, Ермунрекк, Теодорих), все это (и на всех этапах развития) — только специфическая форма хранения правовых норм архаической и переходного времени традиций, форма, которая и в поздних сюжетах отражала изменения в реальных общественных отношениях. Так, например, можно представить себе, что Гьюки, Гудрун, Гуннар, Брюнхильд, Хегни, Готторм, Сигурд, Атли, Йонакр, Эрн — люди, некогда (приблизительно в одно время) жившие реально в обществе, где значительные элементы реконструированной системы наследования власти и имущества были действующими нормами. В таком случае, Гьюки, имея правовое место во втором сегменте своего «колена», не мог передать свою собственность даже старшему из своих сыновей — Гуннару, не говоря о младших. Его собственность и социальный статус наследовал кто-либо из его «младших братьев», среди которых могло и не быть его физиологических родственников. Собственность Гьюки могла «рассеяться» и перестать существовать как символ социальной значимости индивида. Стало быть, стремление со стороны Гьюки убить «Фафнира» вынужденно, оно неизбежно. Тогда собственность можно сохранить для дочери, передав ее под защиту ее мужа. Отсюда и ревностное участие зятя, Сигурда, в убийстве «Фафнира» и «Регина» (тех, кто одноправен с Сигурдом, безразлично — по системе «триад» или по архаической).

Убийство Сигурда «побратимами» также логично и неизбежно — он, «чужой», «унаследовал» собственность и положение их отца. Но вдова Гудрун выходит замуж за Атли, и наследство Гьюки оказывается спорным (в Песнях оно названо «сокровищем Нифлунгов или Нибеллунгов»). По

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

правовой схеме оно принадлежит — точнее, должно принадлежать — не сыновьям Гьюки, а Атли, но фактически находится у Гуннара и Хегни. Опять неизбежно столкновение Атли и братьев. Более того, неизбежна и гибель всех троих. Братья гибнут потому, что право (в «магическом» понимии) не на их стороне, а Атли — вследствие того, что братья, имея некоторую надежду на победу, спрятали «сокровище». Гибель братьев и исчезновение «сокровища» уничтожили социальный престиж Гудрун, низвели ее до положения рабыни Атли, и она убивает (вынуждена убить) и Атли, и своих детей от него, детей рабыни, и сжигает его «усадьбу». Отсюда и «демоническое поведение» Гудрун в «Песнях». Это уже в полном смысле слова месть за себя и за своих сыновей. Но не «за братьев», роль братьев для Гудрун была только в том, что, владея «сокровищем», они «делили» с ней и социальный престиж.

Выход из этого социально-правового «тупика» был один — исключить дочерей из правопорядка «триады». Но произойти это могло только вследствие утверждения в новой правовой традиции права пожизненного правления *конунга* в форме, не зависящей от числа его жен. Эти изменения включали две стадии, находившиеся под влиянием двух различных факторов.

Первая стадия — установление преимущественной значимости прямого физиологического родства перед всеми другими его формами, что привело к дискретному «ветвлению» триадного «династийного ствола», т. е. к систематическому выделению трех «новых *конунгов*» (в каждом «колене») со своими «триадами» полноправных потомков, и к образованию линии «майората» — наследования титула и имущества старшим сыном умершего *конунга*.

Вторая стадия — следствие всеобщего «оставления» архаических норм права и родства в результате широкого (общеэтнического) перехода к частным формам владения значимым имуществом (скотом, земельными участками, рабами и т. п.), что вызвало появление «юридического феномена» — мужского физиологического линейного рода — «инструмента» охраны родовой собственности и распределения имущества умершего члена рода между оставшимися родственниками в соответствии с физиологически родственной близостью к умершему владельцу. Переходный период этим закончился — это было уже устойчивое раннеклассовое общество.

Отражение двух последних стадий «переходного права» в европейской эпике составляют последние «наслоения» в манере изложения событий в литературных героических песнях: «… конунга... было трое сыновей: ..., ..., ...,»; или «Сигмунд, сын Вельсунга, был конунгом во Фраккланде. Синфьетли был его старшим сыном, вторым был Хельги, третьим — Хаммунд». Иначе говоря, здесь содержание и форма изложения как бы «впрессованы» друг в друга. В первом варианте — содержание: «триада» «братьев» от трех жен *конунга*; изложение: три сына одного отца. Во втором варианте еще слож-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

нее. Содержание: Синфьетли — «пасынок» Сигмунда (4-й сын его отца, Вельсунга, «равноправный» по социальному возрасту первому физиологическому сыну Сигмунда); Хельги — только социальный «сын» Сигмунда (5-й, последний член пятисегментной архаической системы, равный по социальному возрасту второму члену «триады» и внесенный в «сыновья» Сигмунда на основании одинакового имени — Боргхильд — у его матери и у жены Сигмунда), и только Хаммунд — физиологический сын Сигмунда. Но в изложении вся «триада» — сыновья Сигмунда. Эта форма изложения достаточно отличается от такой: «Гуннар... женился на Глаумвер. А Хегни был женат на Кострбере. Сыновей их звали: Солар, Сневар и Гьюки».

В данном, более архаичном, варианте совпадают и содержание, и изложение: убитый Сигурд, Гуннар и Хегни составляют старшую «триаду» (сын Сигмунда и два сына Гьюки-1), а Солар, Сневар и Гьюки-2 (без указаний на отцов) — младшую «триаду», «триаду» социальных сыновей. Упоминания, хотя и редкие, о конунгах, имевших 4-5 и более потомков, видимо, можно считать отражением в формах изложения (или содержания) этапа, завершающего развитие генеалогического мужского рода.

Проведенный краткий анализ наиболее заметных следов социально-правовых норм и структур архаического и переходного времени Северной и Западной Европы (а использовано менее десятой части этих следов, включая песени об асах и т. п.) достаточно убеждает в том, что принципиальные пути социального развития Африки и Европы были однородны, т. е. и Европа знала время социально-возрастной сегментации общества с эпигамной формой браков и классификационной системой родственной терминологии. Изменения этих социально-правовых традиций шли аналогичным путем, но Европа «продвинулась» в развитии несколько дальше, до появления мужского физиологического юридического рода, а периоды времени отдельных фаз развития этой традиции не были одинаковыми.

Причины отмеченных различий не могут находиться на «различных путях развития» социально-организующих систем, поскольку эти системы суть отражения взаимоотношений людей в сфере материальной жизнедеятельности, в сфере производства и воспроизводства средств существования самого коллектива. Из этого следует, что изменение и развитие материальной жизнедеятельности влечет за собой изменение и развитие социально-организующей системы. Но материальная жизнедеятельность общества архаической формации и переходного периода (да и много позже) теснейшим образом связана с экологической обстановкой конкретной территории — отсюда и расхождения во времени фаз изменений достигаемого результата в течение относительно ортодоксального периода исторического развития. Иными словами, можно сказать, что Африка и Европа (имея в виду конкретные территории материков) проходили в развитии одни и те

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

же стадии перехода от конца архаической (или первичной) формации к началу классового общества, т. е. к вторичной формации. Однако, приведенных сведений недостаточно для соотнесения течений процессов перехода во времени абсолютной исторической шкалы, поскольку героическая эпика Европы не соотносима по своей сути с реальным историческим временем, для этой цели необходимы материалы со следами архаических правовых норм, содержавшиеся в признанных исторических документах.

В этом смысле на первом месте располагается свод древнерусских летописей — «Повесть временных лет». «Повесть», как и любой аналогичный документ, имеет и «легендарную часть», и часть более или менее «историографическую». Легендарная часть возведена к концу IX века и, как и «Хроника» суахилийского государства Пате (XIII в.), начинается с утверждения в Новгороде (а точнее, на Ладоге) власти «триады братьев». Легенды об Олеге, Игоре и Ольге «выдают» значительную правовую роль ранних княжеских жен или матерей и существование некогда «ритуала-убиения» князя.

Норма «триад братьев» (родных и двоюродных) проходит через всю «Повесть», вплоть до конца княжения Владимира Всеволодовича (Мономаха), и «исчезает» при его сыновьях как следствие перехода к вотчинному княжению (начало XIII века). Норму соотношения прав братьев «триады» с четвертым и т. д. братьями (изгоями) отражало правило замещения недостач в младшей триаде: «Четвертый дядя — в версту со старшим племянником». Таким образом, материал, отражаемый «Повестью» для исторического времени X–XII веков, совпадает с материалом «Хроники Пате», отражающим историческое время XIII–XV веков.

Другой опорой для хронологических сопоставлений являются генеалогические списки английских и французских королевских «фамилий», возведенные к ранним правителям на территории этих государств. Начало этих генеалогий отнесено ко времени так называемых «Великих переселений народов» (т. е. конец V — середина VI вв.). Представляется, что «народы» в названии исторической эпохи ранней Европы не отражает сути процесса, ибо «переселялись» не народы, а только «воинства», т. е. молодые мужчины во главе с предводителями (нареченными европейской поздней исторической традицией «королями»).

Знакомство с подобными явлениями в Африке позволяет предположить, что и в Европе это были социально-возрастные группы мужской молодежи, а размах «переселений» и полный отрыв воинств от своего этноса, видимо, свидетельствует о периоде появления системы физиологически родственных «триад» и массовые «переселения» из этносов «четвертых и пятых братьев», которым не осталось места для жизнедеятельности на «земле предков». Видимо, в эту фазу социально-правового развития Европа вступала постепенно, по частям, и процесс занял большее время, чем то, кото-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

рое отводит ему официальная история. Возможно, последними в эту фазу вступили народы Северной Европы (Скандинавии), т. к. «Эпоха плаваний викингов» IX–XII веков — не более как специфическая форма того же «Великого переселения народов» по западным берегам Европы и частично в Исландию и Гренландию, а также на восток — по «Пути из варяг в греки». Таковым же было и «переселение» из-за Волги и Урала в западном направлении. Следует учитывать, что и в Европе, и в Азии (на соответствующих территориях) процесс социально-исторического преобразования был не совсем «ортодоксален» в начале и в конце вследствие влияний Римской империи, Византии и ближневосточных деспотий, а после — вследствие образования государства франков, испанских мавров, Киевско-Новгородской Руси и др., как не был совершенно «ортодоксальным» и путь развития восточно-африканского (суахилийского) общества торговых городов. Однако, черты «ортодоксальности» в достаточной мере присутствуют во всех случаях.

В английских и французских генеалогических списках, несмотря на их очевидно позднее составление, обнаруживается довольно много следов архаических правовых норм, более того, проявляется их удивительная живучесть, некая способность к «возрождению».

Время англов и саксов в Британии

«Переселение» англов и саксов в Британию официальная история (основываясь на устных преданиях) относит к 449 или 450 году н.э., где они со временем организовали семь независимых территорий: Кент, Суссекс, Вессекс и Эссекс — саксы, а Портумбенленд, Ист-энгл и Мерси — англы. В начале IX века они объединились под властью Эгберта, кенига англов. После смерти Эгберта в 836 году Англией правил до 857 года Этельвольф, которого считают сыном Эгберта. Далее последовательно правят четыре сына Этельвольфа (Этельбальд, Этельберт, Этельред и Альфред), правят короткие сроки: 857–860, 860–866, 866–871, 871–901. Сроки правления (последние цифры традиционно указывают год смерти) позволяют сделать три предположения кениги: а) погибали в битвах с внешним врагом или с восставшими бриттами; б) подвергались «ритуалу-убиению»; в) передавали титул от брата к брату после некоторого времени правления (по старшинству). «Ритуал-убиение», видимо, следует отвергнуть — англы и саксы христианизированы в 597 году и вряд ли при христианстве мог сохраниться столь «языческий» ритуал. Предположение о непрерывных битвах (в т. ч. и между братьями) открывает слишком большую возможность «фантазирования на исторические темы». Но и закономерная передача титула от брата к брату, казалось бы, «натыкается» на нестройность времени правления (3, 6, 5, 30). Однако в этой нестройности все же есть своя закономерность, которая вскрывается, если учесть последующих правителей, двух

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

внуков Этельвольфа: Этельвальда — сына Этельберта, и Эдварда — сына Альфреда.

Этельвальд был убит Альфредом, а Эдвард правил после отца 24 года (901–925 гг.). Закономерность заключалась не в стройности сроков правления, а в смене кратких сроков более продолжительными. А это уже могло отражать борьбу правовых систем, т. е., точнее, сосуществование нескольких правовых норм различного содержания. По наиболее архаичной норме, здесь — пять потомков Этельвольфа: четыре сына и один внук, второй внук убит в 900 г. (почти так же, как и у Ярослава Мудрого); по системе «триад» — три полноправных сына (= «колено» сыновей), один сын «изгой» и два внука (= «колено» внуков, если считать «четвертого дядю, Альфреда, в версту со старшим племянником»). Но «в версту»-то Альфред оказывается с Этельвальдом, которого и убивает, что дает «прецедент» наследования титула от отца к сыну (правовая норма христианского канонического права), поскольку Альфреду наследует его сын Эдвард (как второй в триаде). Отсюда и увеличение продолжительности правлений Альфреда и Эдуарда — Альфред правит за себя, как члена пятисегментной системы, один срок, и другой — за убитого им Этельвальда, третий срок — за себя, как за старшего члена младшей «триады»; Эдвард один срок правит за себя (он 2-й в «триаде») и другой за отсутствующего (вследствие убийства Этельвальда и перемещения «членов») третьего члена триады. Что же касается конкретного срока правления «кенига», то он колеблется от 6 до 12 лет. Это может быть и следствием утраты точности в устной передаче «истории», и следствием учета только порядка рождения с необходимостью подтвердить «совершеннолетие» каким-то «подвигом», и, наконец, следствием турнира или поединка между «претендентами» — последней, наиболее мягкой и признаваемой христианской религией формой ритуала-«убиения» при передаче титула.

Неоспоримо одно — налицо весьма заметный «след» архаической нормы наследования социального статуса титула в пределах «колена» и от «колена к колену», что и подтверждается последующим последовательным правлением трех сыновей Эдварда — Этельстана (925–941), Эдмунда (941–946) и Эдреда (946–955). Следующее «колено»: два сына Эдмунда — Эдвин (955–957) и Эдгард (957–975); и вторая (!) жена Эдгарда — Эльфрида (указана и жена Эдвина — Эльгива). В этом месте некоторый перебой в датах: формально после Эдварда (первым в следующей триаде) правит его старший сын, Эдвард (975–976), а за ним второй сын Эдварда, Этельред (978–1016), но фактически с 976 по 1018 гг. правит Эльфрида (Эдвард либо был убит Эльфридой, либо погиб в войне с данами). В таком случае Этельред правил только с 1013 по 1016 гг. и был убит конунгом данов — Свейном, который и стал «третьим» в этом «колене» (хотя и числится правившим с 1013 по 1014 гг.). Далее, между англо-саксами и данами идет сложная борьба за английский престол, хотя официальная хроно-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

логия англо-саксов дана как непрерывная. Конунга данов, Свейна, убивает старший сын Этельреда — Эдмунд «Железные ребра», а через год его и второго сына Этельреда, Эдвина, убивает конунг данов Канут, который и правит с 1017 по 1036 гг. (т. е. «два срока»). После Канута на месте убитого им же третьего сына Этельреда — Альфреда — оказывается его четвертый сын Эдвард. После Эдварда снова даны: старший сын Канута — Харольд (1036–1039), затем второй его сын — Капут-II (по 1041 г.) и «не династийный» сакс Годвин, муж дочери Канута-I — Эдит. Последнюю (перед битвой при Гастингсе, 1066 г.) триаду составили сыновья Эдит и Годвина: Тости, убитый еще до 1041 г., Харольд-II правивший с 1041 г. и Курт, оба погибшие при битве при Гастингсе.

Время нормандцев

Гийом, герцог Нормандии (Вильгельм «Завоеватель»), победитель битвы при Гастингсе, захватил английский престол в 1066 г. и правил до 1087 г. «Хроники» учитывают пятерых (5!) потомков Вильгельма I: четырех сыновей и дочь. С 1087 г. по 1100 г. правит Вильгельм II, затем он и следующий брат Ричард, гибнут в бою. Далее, по архаической норме, должен был бы править муж Адели, герцог Блуа, но он умирает в 1102 г., и «Хроники» не учитывают его как короля Англии. До 1135 г. правит Генрих I. Дата смерти пятого потомка, Роберта, — 1134 г. «Хроники» снова учитывают пятерых (5!) потомков пятерых предшественников: Вильгельма — сына Генриха I (ум. в 1120 г.); Вильгельма — сына Роберта (ум. в 1128 г.); дочь Генриха I — Матильду (ум. в 1161 г.); ее мужа, герцога Анжу Жоффруа Плантагенет (ум. в 1151 г.); сына Генриха I — графа Глостера (ум. в 1147 г.); и Этьена — сына Адели и герцога Блуа, который, по «Хроникам», «узурпирует» корону Генриха I и правит до 1154 г. Но, с позиций архаической нормы права наследования, он мог и не быть узурпатором. Два старших «брата» умерли при жизни Генриха I; корону, видимо, должен был получить Глостер, но получил ли — неизвестно, он умер (или был убит) в 1147 г.; его убил следующий «брат» — муж Матильды, а герцог Анжу (Плантагенет), которого убил в 1151 г. «узурпатор» Этьен, сын Адели. Можно здесь предположить и борьбу архаической пятисегментной нормы с нормой «триад» потомков одного отца. Такую триаду здесь представляют Вильгельм, Глостер и Матильда. Этьен оказывается не только двоюродным братом, но и четвертым — вне триады, «узурпатором». Именно с позиции нормы «триад» и начинается новая династия — Плантагенетов, т. к. после Этьена правит сын Матильды и Жоффруа Плантагенета (того, которого «Хроники», составленные много позже, не фиксировали как короля уже по норме майората) — Генрих II (1154–1189). На этот раз хроники в качестве следующего «колена» фиксируют шесть потомков Генриха II — точнее, пять, и еще одного — «недостойного». Этот Генрих, старший сын Генриха

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

II, которому, видимо, показалось неправомерным столь длительное правление отца (28 лет), восстал против отца и был убит в 1182 г. Вследствие этого Генриху II наследует 2-й сын, Ричард «Львиное сердце», который в 1199 г. гибнет при осаде замка во Франции. Брат Ричарда I, Жоффруа, был убит на турнире в Париже еще в 1186 г., и корона переходит к младшему сыну Генриха II — к Иоану «Безземельному». Видимо, Ричард, Жоффруа и Иоан воспринимались как триада наследников, т. к. мужья двух дочерей Генриха II (Генрих Брауншвейг = Мод и Кастильский король = Элнонора) — четвертый и пятый «сегменты» — оказываются полностью вне права наследования престола. Но в следующее «колено» опять включены пять потомков предыдущего: дети Жоффруа — Артур и Элеонора; и дети Иоана — Генрих, Элеонора и Ричард.

Очевидно, что со времени Иоана «Безземельного» начинается прямая борьба за установление нормы майората в наследовании королевской власти в Англии. Артур и Элеонора, дети Жоффруа, умерли (или убиты — возможно, Иоаном) в 1203 и 1214 гг., т. е. еще при жизни Иоана (ум. в 1216 г.). Корона перешла к сыну Иоана, Генриху III (Винчестеру). В ходе его 56-летнего правления вспыхнула борьба между Генрихом III и его сестрой, Элеонорой (третий брат, Ричард, умер или убит в 1271 г.), точнее, между Генрихом и ее вторым мужем Монфортом, графом Лейстером. Генрих III убивает Элеонору и ее двух сыновей, и умирает сам в 1272 г. Некоторое любопытство вызывают браки этой триады: женой Генриха была Элеонора Пемброк, мужем (первым) его сестры, Элеоноры — граф Пемброк, а женой Ричарда — Изабелла Пемброк. Видимо, была попытка Пемброков «образовать» новую династию.

Преемником Генриха III становится его сын Эдуард I (1272–1307). «Хроники» дают его, сестру Маргариту и брата Эдмонда как «триаду», дополненную двумя (3 + 2 = 5) сыновьями Ричарда и Изабеллы Пемброк — Генрихом и Эдмондом, но это, видимо уже поздние «добавления» с целью ввести в генеалогию королей некоторые знатные имена, поскольку с Эдуарда I устанавливается довольно устойчивый майорат. Эдуарду I наследует старший сын Эдуард II, но «Хроники» учитывают двух его сестер — Жанну и Элизабету, и двух его братьев — Томаса и Эдмунда Кента. После Эдуарда II правит его сын — Эдуард III. Снова «Хроники» учитывают пятерых сыновей Эдуарда III и, видимо, не могут их не учитывать. Второй сын Эдуарда III, Лионель, герцог Кларенс, за год до смерти отца убивает старшего брата, наследника по норме майората, «Черного принца», но в 1377 г. коронуют все же сына (малолетнего) «Черного принца» — Ричарда II. Коронация Ричарда II по норме «абсолютного» майората (т. е. даже не принято во внимание, что его отец не правил) весьма отрицательно воспринимается «отставленными» членами триады «Черного принца»: Лионелем — графом Кларенсом, убившим «Черного принца», и Эдмондом —

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

герцогом Йорков, который «вошел» в триаду вследствие смерти в 1341 г. третьего сына Эдуарда III — Джона Гонда, графа Ричмонда (вне триады «четвертым» остался пятый брат — Глостер). Начинается война Алой и Белой «Роз». Любопытно, что, опираясь на «норму триад», ее участники, по сути дела, хотят установить норму майората для своих сыновей, т. е. снова идет борьба старого и нового.

Гибнут Эдмунд Йорк (1394), Глостер (1397?), Лионель Кларенс (1388), а победа достается Генриху Болинброку, сыну Джона Гонда и Бланки Ланкастер, который в 1399 г. низлагает Ричарда II (убит в Тауэре в 1400 г.) и становится Генрихом IV. Правовая ситуация такова: Ричард низложен как «незаконный король», ибо был коронован, в обход дяди Лионеля, муж Филиппы (дочери Лионеля) и, следовательно, второй «брат» триады), Эдмонд Мортимер, граф Марч, предусмотрительно убит Болинброком еще в 1381 г., а третий член триады, сам Генрих Болинброк, законно становится на место Ричарда II. Утверждается династия Ланкастеров. После смерти Генриха Болинброка (1415 г.) корона переходит к его старшему сыну, Генриху V, а после смерти последнего (1422 г.) переходит к его 9-летнему сыну — Генриху VI. Война «Роз» продолжается. В 1471 г. гибнет в битве сын Генриха VI, Эдуард, а в 1472 г. герцог Йорк, Эдуард (правнук Эдмонда Йорка, из колена «Черного принца»), начинает династию Йорков. И снова (в который раз) хроники учитывают в «колене» пять персон: Эдуарда — сына Генриха VI, и четырех сыновей Ричарда Йорка: Эдуарда IV, графа Ретланда, герцога Кларенса и герцога Глостера — Ричарда, которые «сводятся» в триаду вследствие смерти Ретланда (1460), и Эдуарда — сына Генриха VI (1471). Этим можно объяснить право на корону четвертого из братьев-Йорков — Ричарда Глостера (всемирно известного шекспировского «демона» — короля Ричарда). Джорж Кларенс, выступавший на стороне Ланкастеров против старшего брата, подозрительным Эдуардом IV был заключен в Тауэр и утоплен в бочке вина (1477 г.), сам Эдуард умер в 1483 г. По норме майората ему должен был наследовать его сын, Эдуард V. Но Ричард Глостер заключил его и второго сына Эдуарда IV в Тауэр и короновался сам. Официальная английская история утверждает, что Ричард объявил наследника и других детей Эдуарда «незаконнорожденным» из-за того, что Эдуард не расторг свой первый брак, но здесь можно увидеть и «незаконность» майората по сравнению со старой нормой «триад», т. к. с правом брата короля (как последнего «следа» этой нормы). Это в некоторой мере подтверждается и «слухами» о намерении Ричарда III (после смерти жены — Анны Уорвик) жениться на племяннице, дочери Эдуарда IV — Элизабете. С позиции самого старого архаического права такое намерение Ричарда вполне закономерно — он «занял место» Эдуарда V, а Элизабета, таким образом, «стала» его «младшей сестрой» — женой. И, видимо, не случайно после битвы при Босфорте, где был убит Ричард III,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

победитель, граф Ричмонд (отдаленный боковой потомок первой жены Генриха V из линии Тюдоров), женился на этой Элизабете и стал Генрихом VII, родоначальником династии Тюдоров (в 1485 г.). С Генриха VII — снова майорат: его сын — Генрих VIII, а далее — две внучки, Мария и Элизабета и внук, Эдуард VI, последний Тюдор, затем — Стюарт.

Так в истории английских королей выглядят «следы» трех этапов архаической правовой нормы верховной власти, иначе говоря, «следы» чрезвычайно длительной и весьма кровавой борьбы архаических элементов права с правом генеалогического мужского рода в высшей сфере феодального общества, хотя в «этносе», т. е. в нижних слоях английского общества, оно, вероятно, утвердилось еще при англо-саксонской династии, а ко времени Тюдоров полностью заменилось правом буржуазной индивидуально-частной собственности.

* * *

В истории французских королей можно также найти «следы» архаических норм наследования власти, но излагать их столь же подробно нет смысла. Следует только учесть, что во Франции довольно устойчивый майорат королей устанавливается со времени Гуго Капета, с 898 г. Это представляет некоторый интерес в связи с тем, что представитель феодального французского общества, герцог Нормандии — Гийом (Вильгельм Завоеватель), утвердив свою власть и династию в Англии в 1066 г. (а он — современник короля Франции Анри I, внука Гуго Капета), видимо, не смог установить там норму майората, что заставляет предположить значительную роль местных («этнических») традиций правопорядка верховной власти, при определенных обстоятельствах существенно влияющих на формы развития этого права. По такой же причине португальские завоеватели не смогли в Пате установить привычный им порядок наследования власти *мфальме* от отца к сыну в XVI веке. Не смог этого сделать и союзник суахилийцев по изгнанию португальцев из восточной Африки оманский султан Сеййид Саыд, когда установил свою власть над Занзибаром (XVIII в.). Его ставленники в Момбасе, Мазруи, и позже потомки Саыда в Занзибарском султанате (до конца XIX в.) соблюдали в престолонаследии норму передачи от брата-*ндугу* к младшему брату-*ндугу*. Однако, это влияние «этнической традиции», видимо, нигде не было прямым воздействием тех норм, которые действовали вне группы родственников, обладавших правом на верховную политическую власть, поскольку в «этносе» архаические нормы ни в Восточной Африке, ни в Европе уже не действовали. Отличие заключалось лишь в том, что в Европе сложился мужской линейный генеалогический род (юридический феномен), а в суахилийском обществе правовой юридический феномен связывал в систему владения и наследования имущества более обширную группу физиологических род-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ственников-*джамаа* — по системе классификационного родства. Независимо от причин этого различия, наблюдается и нечто общее — выделение физиологически родственных «триад». Это начиналось как выделение высшего, властвующего слоя «этноса», а затем, наоборот, «этнос» опережает социальный «верх» в развитии новых норм права, а верховная политическая власть надолго сохраняет значительные элементы «архаики».

Видимо, можно из многих причин подобных обстоятельств выделить несколько главных. Они отражают тот факт, что общество становится многослойным и в имущественном, и в правовом отношении. Архаический, единый во всех отношениях этнос, постепенно превращается (включая и другие этносы, находящиеся в сфере распространения власти растущего политического организма) в «этнос» иного уровня, где правовые традиции «расходятся» в различных социальных слоях и развиваются самостоятельно, в соответствии с ролью и положением каждого слоя в новом, классовом обществе. И главные внутренние причины этого, видимо, следующие: возникающая верховная политическая власть, если ее появление сопровождается каким-либо прогрессом в экономической сфере общественной деятельности, первоначально воспринимается обществом в нормах архаических представлений «магической идеологии» как всеобщее благо. И это надолго остается основной «опорой» власти в общественном сознании. Отсюда и живучесть в нормах наследования ее архаических элементов, некая постоянная «ссылка» на «извечность» власти.

В более низких, но имущих слоях, архаика не способствует накоплению собственности, она неизбежно дробится. Поэтому здесь правовой коллектив кровных родственников обретает тенденцию к сужению (чего до известного времени нет у коллектива, обладающего политической властью). А степень и скорость сужения коллектива материальных собственников до имущего кровного рода (юридического феномена) зависела от экологических возможностей развития экономики. В неимущих слоях архаическая правовая традиция, в сущности, разрушается еще быстрее и полнее, поскольку «общеэтническая» собственность узурпируется высшими слоями и охраняется в этом виде политическим устройством общества, а личная и даже семейная собственность столь незначительна, что не требует для наследования более или менее широких кровнородственных связей.

Общий итог рассмотрения приведенных материалов можно свести к одному выводу — ВНУТРЕННИЕ процессы социального и политического развития различных в расовом отношении обществ во время перехода к вторичной формации принципиально одинаковы, а расхождения в абсолютном историческом времени и различия в результатах связаны не с расой, а с экологическими возможностями территорий и с историческими явлениями во внешней среде.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Глава 2
СЛЕДЫ АРХАИЧЕСКИХ НОРМ ПРАВА В САГАХ О КОНУНГАХ

Саги о конунгах «Круг земной» (*Хеймскрингла*) — авторское произведение, составленное в конце XII века исландцем Снорри Стурлусоном, знатоком скандинавского эпоса, мифологии и поэзии скальдов, автором Младшей Эды. «Круг земной», как и все наследие средневековой литературы Северной Европы, должным образом изучался специалистами в этой области, и результаты этих исследований, несомненно, значительны. Но в данном случае не о них речь. Поскольку поиски элементов архаического права, восходящего корнями к стадии организации общественной жизни по принципу возрастного деления, оказались результативными не только в африканских этнографических (и средневековых исторических) материалах, но и в древнегреческой мифологии и эпике, в эпике древней Индии, в героическом эпосе Северной Европы, в средневековых генеалогиях Западной Европы и в русских летописях, то совершенно естественно стремление поискать следы этой традиции и в сагах о конунгах. Архаическая традиция «возрастного права» довольно быстро распадается в любом этносе по мере развития в нем имущественного расслоения и заменяется нормами связей и отношений, опирающимися на принцип кровного (физиологического) происхождения. Но в социально-высшем слое общества, у знати, этот переход замедлен и сопровождается сложными противоречиями сосуществования двух систем права: уходящей социально-возрастной и новой, кровнородственной. Дольше всего элементы и следы архаических социально-возрастных норм права сохраняются в династиях верховных правителей, видимо, в первую очередь как «внутреннее средство», доказывающее извечность власти.

Кратчайшее изложение этих явлений в переходный период выглядит так. В своей последней фазе развития возрастная система социальной организации имела в социально-активном цикле шесть возрастных социально-правовых ступеней (или статусов), из которых пять относились к младшему «колену», а шестая — к старшему. Через эту «сетку» дискретно проходило пять мужских групп социальных сверстников и четыре женских, каждая имела свое общее «тотемическое имя», которое давалось ей при вступлении в I (самый младший) статус. Жесткая норма брака (эпигамия), право на который женщины получали в момент перехода из II статуса в III, а мужчины — из III в IV, с одной стороны, определяла полноправие членов коллектива, а с другой — связывала брачными отношениями смежные по

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

статусу социально-возрастные группы. При «верстании» очередной группы физиологическое происхождение входящих в нее детей не учитывалось, определяющей была способность к хотя бы минимальной самостоятельности. Сверстанная новая группа переходила в ведение членов самой старшей (6), которая, относясь к старшему «колену», вместе с 5 (старшей в младшем колене) считалась «родителями» новой группы (группы «детей»). Если считать группу «детей» отсчетной (т. е. группой ЭГО), то мужчины 6 будут ее «отцами», а женщины 5 — «матерями», при этом мужчины 5 (социальные сверстники «матерей») будут «братьями матерей», а женщины 6-й на таком же основании «сестрами отцов». Члены группы ЭГО, как и в любой другой, — бракозапретными (одновозрастными, одностатусными) «братьями» и «сестрами». Для «сестер» мужчины смежной старшей группы будут «мужьями» («дети сестер отцов»), а для их «братьев» женщины младшей смежной группы — «женами» («дочери» «братьев матерей»).

Именно эти права-обязанности фиксировали групповые термины «родства» классификационных систем родственной терминологии турано-ганованского типа. Сложнее обстояло с «тотемическими именами» групп. Их в «цикле» было 5 мужских и 4 женских. Таким образом, норма эпигамного брака связывала смежные группы со смещением в каждом колене имен брачующихся (первое мужское имя повторялось через пять статусов, а первое женское — через четыре). Иначе говоря, «дочери» получали имя «матерей», а «сыновья» — имя «отцов»; мужчины одного имени, но разных колен («дети», «отцы», «деды» и т. д.) имели женами женщин с разными именами, как соответственно — и женщины одного имени, но разных колен.

Выделение кровного потомка социально «выдающейся» персоны в системе возрастных групп (когда это понадобилось обществу) могло осуществиться только в такой форме: это мог быть только первенец, т. е. тот, кто получал право на брак и полноправие в момент выхода физиологического отца из VI статуса во внесоциальное состояние. Только в момент перехода мужчин из III статуса в IV, и их «отцов» — в «предки», какая-то привелегия, сан или общественная должность могла перейти к преемнику с учетом его физиологического происхождения от лица, некогда исполнявшего соответствующие общественные функции. При этом не происходила передача права от отца к сыну, этому препятствовал основной принцип возрастной системы — любое право или обязанность давались только на время одного статуса, ибо принадлежали не группе, не выделенному из нее индивиду, а соответствующему возрастному статусу (статус детей, статус юношей, статус воинов, статус мужей-вождей, статус старцев, «статус» внесоциальных стариков-предков). Так «на фоне» пятисегментной (в одном колене возрастной структуры) в определенное стадиальное время возникала трехсегментная кровнородственная структура для передачи права занимать

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

высокий социальный пост, где право наследовалось от трех отцов тремя их первенцами и отправлялось статусное время каждым из трех «братьев» в колене по очереди возраста, затем передавалось старшему из следующего колена и т. д. Момент передачи сана от «брата» к «брату» совпадал, таким образом, с брачным обрядом преемника, т. е. жена «вводила» мужа в сан. Возможно, что сначала выделилась система из трех «сестер», от которых некое «священное» право наследовали их три дочери, а их мужья, получавшие сан, избирались из мужчин соответствующих возрастных групп по иным (не кровным) принципам — сказать трудно. Однако в процессе своего развития трехступенчатая кровнородственная система особого права (первый кровнородственный социально-правовой «организм», предшественник линейного генеалогического экзогамного рода) оказалась системой замкнутой и в брачном отношении, т. е. трое мужчин колена (родные или двоюродные братья) по норме эпигамии женились на своих сестрах (родных или двоюродных), а точнее, старший и второй — на сестрах, третий — на старшей племяннице (т. е. на старшей женщине колена детей).

Вообще, соблюдение и кровного родства, и архаических правил возрастной системы при индивидуальном характере права создавало множество трудностей для идеального функционирования трехступенчатой системы кровного права. Даже в наше время нельзя по своему усмотрению родить мальчика в одно время и девочку — в другое, как невозможно обеспечить продолжительность их жизни определенным сроком. Так в системе возникали и недостачи нужных лиц, и их избыток. Если избыточные просто оказывались вне права, то недостачи, видимо, пополнялись либо избранниками из своего этноса, либо из числа лишних в аналогичных структурах соседних этносов. Преждевременная смерть братьев-наследников могла продлить пребывание в сане (при условии повторных браков с теми сестрами, которые должны были бы стать женами братьев-наследников, — этим ритуалом как бы «восстанавливался» брачный возраст того, кто должен был сложить с себя сан). Но и в таких ситуациях время было ограничено общим временем трех статусов. Старший брат мог пробыть в сане все это время, женившись, кроме «законной» жены-сестры, еще на ее младшей сестре, затем — на своей старшей дочери; второй — еще только на старшей племяннице, а третий брат права на повторный брак не имел. Женщина, если ее муж умирал вскоре после брачного обряда (вводившего ее мужа / старшего брата в сан), не могла вторично выйти замуж за следующего брата-наследника, так как он был ее одностатусным братом (абсолютно бракозапретным), и пост безвременно умершего на остаток его статусного времени временно замещал или более младший брат, или старший сын этой женщины (для чего повторялся брачный ритуал с «заместителем»).

Хранимые устной традицией, все эти разнообразные правовые вариации в виде неких «мнемоник» (и поэтических, и прозаических по форме), в той

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

или иной сохранности известные и тогда, когда сама система трехступенчатого права перестала действовать регулярно или разрушилась, и создали в литературном творчестве последующих времен некие странные и удивительные «сообщения» о древних порядках или об отдельных «поступках» легендарных лиц, поступках и явлениях, которые не умещаются в нормы более поздних представлений.

Что же касается развития самой трехступенчатой кровнородственной системы, то она прошла через стадию учета не статусного времени рождения ее членов, а только порядка их последовательного рождения, прошла через стадию двухступенчатости (с упразднением «линии» третьего брата), или через стадию появления полного запрета брака кровных родственников (экзогамия) с пожизненным правом на занятие поста, или через стадию «распада права», когда каждый занимавший пост порождал трех правовых сыновей и т. д. (остальные дети правом не пользовались, а право троих порождало кровавые споры); могла пройти и через стадию «великой битвы» между кровными линиями двух братьев. Во всяком случае, процесс разрушения трехступенчатой системы особого права кончался упразднением «права братьев» наследника (или «права его дядей») и установлением династийного майората (где братья или дядья сохраняли право наследства только в случае, когда наследник умирал, не оставив потомства). О древних же архаических нормах права наследования, включающих и права женщин (сестер), вспоминали только при обосновании прав новой династии, которая, как правило (реально или искусственно — видимо, не существенно), присоединялась к правовой линии предшествующей династии через брак с ее женщинами. Можно еще заметить, что к различным элементам архаического права возвращались знатоки правовых традиций в моменты сложных политических ситуаций в средневековой общественной жизни и Европы, и Азии, и это делалось несмотря на сильное давление «канонического права» крупных религий. Соответствующие «документы» составлялись, видимо, неоднократно, а позже на их основе и целые «своды» — как, например, «Повесть временных лет», «Деяния данов», «Истории» династий королей английских, французских и т. п. К ним же относится и «Круг земной», долженствовавший доказать право династии конунгов, точнее, право быть конунгом потомку ярла Эрлинга Кривого, Магнусу Эрлингсону, или тех, при которых жил составитель этого документа — Снорри Стурлусон.

«Круг земной» — документ чрезвычайно сложной композиции, и его можно исследовать и «снизу вверх», и «сверху вниз». Если идти от предполагаемой цели его составления как доказательства права Магнуса Эрлингсона быть конунгом, то, в принципе, достаточно найти «место внедрения» в родословный список конунгов, т. е. обратить внимание на то, что его отец, ярл Эрлинг, был женат на Кристине, сестре конунга Магнуса Слепого (сына конунга Сигурда Крестоносца). Таким образом, формально

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

(согласно архаическому праву) ярл Эрлинг оказывался «равно-статусным братом» конунга Магнуса, и его сын, Магнус Эрлингсон (если бы не было других наследников), мог стать конунгом. Но наследники были: шесть конунгов — три двоюродных брата Магнуса Слепого (восходящие, как и его отец, Сигурд, к конунгу Магнусу Голоногому) и три их потомка. Видимо, только такой знаток древнего права, каким был исландец Снорри Стурлусон, и мог обосновать право новой династии. Время, с политической точки зрения, было трудное. Это можно заключить хотя бы уже по тому, что традиция дает (после Магнуса Голоногого) два «колена» конунгов по пять персон. Кроме того, Эрлинг был ярлом, т. е. родственником «древа» конунгов по женской линии, не имевшим права на избрание конунгом. Но, тем не менее, сын ярла Эрлинга, Магнус, конунгом был избран.

Очевидно, что к соответствующему времени (1163 г.) произошел какой-то перелом в нормах права, вызванный существенным изменением в социальном развитии общества. Напрашивается вопрос, который, казалось бы, и не требует специального обсуждения — кто же такие в этноисторической традиции скандинавов «конунг» и «ярл»? Вопрос, однако, не простой уже потому, что оба термина, как минимум, имеют два значения: одно — по происхождению, другое — по занимаемой «должности», т. е. конунг и ярл — это родственники разного ранга в кровнородственной системе, «узурпировавшей» право верховной власти, но ярлом назывался и ставленник властвующего конунга на захваченной территории, причем этот титул мог получить и не ярл по рождению. Кроме этого, властвующий (или верховный) конунг получал свои права только вследствие избрания на *тинге* (всенародном собрании), хотя и должен был быть близким кровным родственником (сыном, братом или племянником по отцу) предшественника, а также старшим по возрасту среди наследников. Этого перечисления вполне достаточно, чтобы усмотреть здесь элементы влияния (или сохранности) архаической возрастной правовой традиции и их «переплетенности» с нормой кровнородственного права. Есть здесь и еще один аспект — конунги (верховные) трактуются (и в тексте «Хеймскринглы», и историками-исследователями) как правители средневекового (IX–XII вв.) норвежского государства, т. е. как лица, на которых в правовом смысле «фокусировалось» все содержание сложного управленческого и фискального аппарата сформировавшегося классового общества, общества поздней феодальной монархии.

Такое понимание конунгов и самой Норвегии вызывает сомнения. История норвежских конунгов указанного периода времени — скорее, процесс замедленной эволюции верховного (т. е. признаваемого всем этносом) сакрального военного вождя, феодального сеньора норвежской территории. Можно сказать и иначе: это последняя стадия длительной борьбы двух социально-правовых систем — архаической возрастной традиции избрания общеэтнической сакральной персоны и, с другой стороны, раннеклассовой

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

системы кровного права наследования земельной собственности крупных землевладельцев и иного их богатства. И это отчетливо показывает анализ «Хеймскринглы». Сама эта последняя стадия борьбы двух правовых систем начинается много позже выделения трехступенчатого кровнородственного правового организма на фоне общеэтнической возрастной системы права. Начало последней стадии сопряжено со временем почти полного оттеснения «линии женщин», со временем замены возрастного статуса порядком рождения (т. е. относительным старшинством), со временем установления пожизненности пребывания в сане. На этом основании можно предположить, что термин «конунг» первоначально относился к тем мужчинам, которые входили в состав трехчленного правового «ствола», а термин «ярл» обозначал четвертых и пятых братьев колена («фратрии»). Для такого времени это существенно, поскольку был обычай «перемещения», т. е. пополнения «триады» полноправным четвертым (а при необходимости и пятым) братом. В такой ситуации «ярл» мог войти в число «конунгов» вследствие преждевременной смерти конунга-«брата» в своем колене, или ранней смерти старшего конунга-«племянника» в колене «сыновей». Появление представления о том, что «ярлы» — это родственники «конунгов» по женской линии, видимо, связано с запретом браков конунгов с кровными сестрами (т. е. с вытеснением женской линии из права), что объективно вело к бракам конунгов и дочерей ярлов. Браки же дочерей конунгов и сыновей ярлов не давали мужским потомкам права конунгов. Естественно, что верховный конунг (т. е. общеэтническая персона, сакрализованная, отвечающая за безопасность этноса от внешних вторжений и нападений) избирался по архаическим нормам и правилам, т. е. был старшим из конунгов данной территории. «Младшие» конунги, в свою очередь, были старшими из конунгов более мелких делений этой территории. Они были военными вождями возрастных отрядов молодежи.

Первоначально верховный конунг, как сакрализованная персона, в большей мере «отвечал» за урожаи и плодовитость скота, за здоровье людей и животных, за успехи в самых различных промыслах и т. п., но в условиях Скандинавии, в особом характере жизни ее населения, главной ролью верховного конунга стала военная деятельность, как для защиты своего народа, так и для организации нападения на соседей. И в этой роли он больше был сакральной персоной, долженствующей фактом своего наличия обеспечивать успех, нежели верховным начальником отрядов, возглавлявшихся конунгами и ярдами. В доказательство можно привести сообщение из «Хеймскринглы», о том, что во время битвы Тьостольв держал за пазухой 2-летнего конунга Ингви Харальдсона. Точно так же в «Повести временных лет» рассказывается о присутствии в войске 7-летнего князя Святослава Игоревича во время войны Ольги с древлянами. Гибель или сильное ранение конунга обычно решали исход битвы.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

С самого начала конунги и их отряды, как часть населения, не занятая производительным трудом, существовали либо за счет традиции, по которой им в порядке принятой очередности все необходимое доставлял этнос, либо за счет грабежа соседей. Естественно, что по мере увеличения численности отрядов снабжение их становилось все более и более тяжелым бременем для населения, но считать этот контингент эксплуататорским социальным слоем или классом нет основания до тех пор, пока его состав был сменяющимся, а не самовоспроизводящимся, т. е. пока не появилось «профессиональное» воинство с женами и потомками (которые также становились воинами). А это стало необходимым и возможным только в связи с глубоким имущественным расслоением остального общества — расслоением, связанным, как правило, с неравномерным разделением собственности на основное средство производства. Если таковым являлась земля, то и военное сословие формировалось в связи с правом сословно-частной собственности на земельные угодья. Параллельно с этими процессами менялось и содержание понятия «власть» от значения «права-обязанности» защиты общеэтнических достояний — к значению права почти бесконтрольного господства высшего слоя военного сословия над производящей частью населения в интересах как самого военного сословия, так и в интересах других богатых слоев общества. Верховный вождь-конунг в этом процессе превращается в верховного правителя складывающегося государства, он уже не избирается, а наследует (или захватывает) свой сан и свою власть.

Несколько иначе протекала эволюция понятия «ярл». Как кровные родственники конунгов, первоначально они были традиционным звеном связи между теми и остальным этносом, т. е. организовывали содержание воинства, находящегося в постоянном движении. Положение ярлов было не только престижным, но и «выгодным» в материальном отношении, поскольку в их руках сосредотачивались продукты питания и все другое, что доставлялось населением для содержания конунгов и их отрядов. Появление и развитие института верховного конунга (т. е. общего конунга обширной территории) естественно породило и институт верховного ярла, которого назначал этот конунг. По мере возвышения военной роли верховного конунга и роста его воинства усложнился и «содержащий» военную силу аппарат, сложился иерархический слой общества, в котором смыкалась «верхушка» *бондов* (крестьян-производителей) с нижними ступенями «аристократии». И это начало имущественного расслоения было чрезвычайно осложнено особым социальным явлением — «викингом», т. е. целой гаммой обычаев, вследствие которых определенная часть молодежи постоянно находилась в морских походах и набегах. Более подробно рассматривать здесь это явление нет возможности, хотя эта тема (и не только в связи с нормами архаического права в Скандинавии) тесно связана с определенными этапами в истории архаического возрастного деления общества.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Кратко — здесь и древняя традиция совершать «подвиги» в связи с переходом в возрастную категорию полноправных, здесь и развившаяся на базе этой традиции склонность к грабежу и обогащению, здесь и экспедиции с целью поиска новых мест для поселения, торговые экспедиции и, наконец, отъезд части молодежи в «варяги» (*веринги*), т. е. в наемники в чужих странах. По сути дела, и сама-то Норвегия как территория, населенная сложившимся там норвежским этносом — не иначе как следствие длительного «викинга» лишнего населения берегов Северного, а, возможно, и Балтийского морей, что отразилось и в названии: «Норге» — «Путь на север». И это, наряду со спецификой природы — одна из главных причин сохранности в жизни средневековых норвежцев большого количества архаических норм права и обычаев. Существенно и еще одно обстоятельство: если в других странах Европы следы архаических норм права можно обнаружить только в связи с правами на королевскую корону, то в материалах о средневековой Норвегии достаточно сведений о многих живых и действующих архаических правилах и обычаях.

Понять их ценность для этнической истории не так просто. Например, обычай избрания конунга на тинге, точнее, многократное его избрание на ряде местных тингов, где собираются все бонды окрестности. При этом избирают персону, имеющую по праву рождения все основания быть избранной, и это известно всем, пришедшим на тинг. На первый взгляд это может показаться пустой формальностью или «туманным следом» каких-то древних порядков. Но это не формальность и не след ушедшего — это полноценный обычай, ритуал охраны правовой нормы. Собравшиеся на тинг не выбирают конунга в современном значении этого слова и не соглашаются слепо с выбором других. «Выбирает» строгая норма древней традиции, а тинг, как и сотни лет тому назад, наблюдает и подтверждает соблюдение этой нормы. И норма эта достаточно строга, ее можно кратко повторить: умершему (или убитому) конунгу наследует следующий по возрасту родной или двоюродный (по мужской линии) брат из числа трех старших братьев в колене; если покойный конунг — третий, то наследует старший из трех племянников или сыновей покойного если нет ни племянников, ни сыновей — конунгом становится четвертый брат (родной или двоюродный) умершего конунга если четвертый брат гибнет после его избрания конунгом, ему может наследовать и пятый брат, но не шестой, поскольку в колене архаической возрастной системы было пять мужских возрастных статусов. Право колена кончается на пятом брате (точнее, четвертый и пятый в особых случаях могут заместить первого и второго племянников в младшем трехступенчатом колене), а при отсутствии мужских потомков «династия» прерывается, т. е. прерывается мужская линия права конунгов. Следующего конунга могут выбрать при соблюдении мужского права только из сыновей сестер того, кто был конунгом, т. е. племянника конунга по женской линии.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Вот на основании этого последнего пункта архаической правовой традиции ярл Эрлинг Кривой, при активной поддержке церковников, произвел в конунги своего (и Кристины, сестры конунга Магнуса Слепого, дочери конунга Сигурда Крестоносца) пятилетнего сына, последовательно уничтожив других наследников, сыновей конунгов. По существу, есть все основания счесть Эрлинга Кривого первым организатором норвежского государства, а его сына Магнуса Эрлингсона — первым королем Норвегии и ее последним конунгом. Последние полстолетия действия архаической правовой традиции достаточно интересны, чтобы рассмотреть их подробнее.

Конунг Магнус Голоногий был в этом сане с 1083 по 1103 год. У него было трое полноправных сыновей: Эйстейн, Сигурд и Олав. Текст «Хейм-скринглы» утверждает, что все они сразу после смерти отца были избраны конунгами и разделили подвластную территорию на три части. Но из дальнейших сообщений ясно, что мотив раздела царства между сыновьями — не более как литературный трафарет, поскольку реальная роль конунга достается старшему из братьев — Эйстейну, т. к. Сигурд отправился в длительный викинг, имея целью достичь Иерусалима, а Олав был еще ребенком. Через некоторое время Олав заболел и умер. Конунг Эйстейн внезапно умер после возвращения Сигурда из Иерусалима. Сигурд Крестоносец стал конунгом. На все эти события ушло 27 лет (1103–1130). Еще при жизни Сигурда появился некий человек Гилликрист или Харальд, который объявил себя сыном Магнуса Голоногого, т. е. четвертым братом (что вследствие ранней смерти Олава давало ему право стать конунгом после Сигурда). Правдивость своих слов Харальд Гилли доказал, пройдя испытания раскаленным железом, и после смерти Сигурда (хотя у того был сын Магнус) стал конунгом. Однако, Магнус при поддержке Хакона Фаука, брата матери, долго воевал с Харальдом Гилли (старший племянник с четвертым дядей), пока не был взят в плен и ослеплен, что лишило его права на сан конунга.

Еще при жизни конунга Харальда Гилли «отыскался» и пятый «брат». Это был Сигурд, сын священника Ададьбрикта. Матерью этого Сигурда была Тора, сестра матери конунга Олава Магнуссона, которая сообщила своему сыну, когда он стал взрослым, что его отцом был Магнус Голоногий. Нового «брата» приговорили к смерти за некогда совершенное убийство, но он бежал, а затем вместе со своими сторонниками убил конунга Харальда спящим. Убийца брата Сигурд Слембир не был признан конунгом вместо убитого Харальда Гилли, но он заставил признать себя таковым в северных местностях Норвегии. После многих сражений Сигурд был взят в плен и зверски казнен. Конунгами избрали двух малолетних сыновей Харальда Гилли: двухлетнего Инги и Сигурда, которому не было и года. Через шесть лет появился третий сын Харальда Гилли, Эйстейн, который и стал конунгом в полном смысле слова, т. к. был старше двух братьев. По литературной

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

норме, в тексте снова говорится о том, что все братья правили вместе, разделив страну. Затем нашелся и четвертый брат, Магнус, но он вскоре умер. Можно предположить, что появление четвертого брата как-то связано с Инги (был изуродован, когда еще младенцем возглавлял сражение, находясь за пазухой у воина), с его физическим несовершенством. Инги Горбуна, с позиций архаического права, можно было счесть и за неправомочного. В возрасте около 19 лет Инги и Сигурд поссорились, и люди Инги убили Сигурда. А через два года люди Инги взяли в плен старшего брата — конунга Эйстейна и зарубили его. Так пришла очередь стать действительным конунгом Инги Горбуну. На все эти события ушло 27 лет. Против конунга Инги выступил его племянник, сын Сигурда — Хакон, и после многих сражений конунг Инги был убит. Конунгом стал Хакон Широкоплечий. С этого момента начинаются активные действия ярла Эрлинга Кривого, мужа Кристины, дочери конунга Сигурда Крестоносца. Он собрал совет сторонников, и те «предложили» ему объявить конунгом его (и Кристины) малолетнего сына Магнуса. В битве с ярлом Эрлингом погиб конунг Хакон, после этого Эрлинг убил и остальных наследников: Сигурда Воспитанника Маркуса (брата Хакона широкоплечего) и Эйстейна Девчушку, сына конунга Эйстейна. Эти — Хакон, Сигурд и Эйстейн — составляли последнюю триаду-колено братьев-конунгов.

Король Норвегии Магнус Эрлингсон был в этом колене четвертым (по женской линии) и правил до 1184 года. Был и пятый, последний допустимый древней традицией наследник (тоже по женской линии), убитый Эрлингом Кривым — Олав Несчастье, сын Марии, дочери конунга Эйстейна — сына Магнуса Голоногого.

Казалось бы, приведенного отрывка «канвы» Круга Земного вполне достаточно для доказательства права короля Магнуса Эрлингсона на норвежский престол, но первому составителю генеалогии (им ни с какой стороны не мог быть Снорри Стурлусон, которому приписывают авторство литературного произведения «Хеймскрингла») этого было мало. Он ставит впереди достаточно обширную генеалогию конунгов от Харальда Прекрасноволосого (IX в.), которую (через Хальфдана Черного) возводит к почти мифическим конунгам, а первых из них — к асам и ванам, т. е. к северноевропейской мифологии. Здесь, видимо, сказались по меньшей мере две тенденции: первая — это этно-социальная идея «вечности» священной персоны конунга, вторая — преломление в социальном сознании исландского христианского монашества XIII века догматической космографии христианской религии, как следствие потребности найти в этой космографической «картине» место для своей прародины Норвегии и ее королей XII-XIII веков. Можно усмотреть и преломление некоторых тем священного писания вообще, хотя, видимо, его содержание исландские монахи знали только понаслышке. Так, центр «круга земного» оказался не в Иерусалиме (т. е. на месте,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

где был расположен рай), а где-то на «востоке» и назван по традиции «Асгардом», вблизи которого простерлась «Великая Швеция» (видимо, лучше — «Великая страна свеев») — от Черного моря до Северного и Балтийского (т. е. древнее пространство, некогда заселенное народами финно-угорской и тюркской языковых групп).

Каноническая христианская космогония на этой картине не отразилась никак. Роль Адама отведена трем мифическим персонажам-братьям: Одину, Ве и Вили; роль Евы — жене Одина, Фригг, на которой затем женились и его братья. Один и его сын Бальдр одновременно выступают в роли Иисуса — Одина вешают и протыкают копьем, Бальдра тоже «приносят в жертву» и протыкают, после чего по крайней мере Один оживает и удаляется в свой Асгард. В целом — это мешанина из смутных представлений о библейской мифологии и обломков европейской мифологической традиции, среди которых все же просматриваются следы архаической традиции возрастного права, сильно смешанные с «переселенческими мотивами». Но чтобы понять и оценить для этно-социальной истории генеалогическую «канву» Круга земного, необходимо, хотя бы бегло, коснуться некоторых особых тем.

Прежде всего — это различие между событийной политической историей и новым ответвлением исторической науки — историей этносоциальной (или кратко — этноисторией). Основное различие заключается в том, что политическая история исследует РЕЗУЛЬТАТЫ социальных движений, создающих и разрушающих политические структуры и идеологические концепции в ходе исторического развития человечества, в то время как этноистория стремится понять, как сложились и почему местами переплелись близкоязыковые ареалы, области близких культурных традиций, сходные комплексы традиционных идеологических представлений и т. п., равно как и понять причины разграничения разных комплексов, создавших отдельные этнические единства. Но главное в этноистории — это поиски закономерностей ПРОЦЕССОВ, обеспечивших поступательное развитие человечества в архаический, т. е. в доклассовый и дополитический период его истории. Таким образом, этноистория исследует процесс создания того «фона», на котором возникает и развивается политическая история классовых отношений и политических структур. Для пояснения этих взаимоотношений двух исторических наук можно задать такой вопрос: «Что сложилось раньше — норвежское этническое единство или норвежское государство?» Непредвзятый ответ может быть только один — этническая общность сложилась много раньше государства. И такой ответ способен спасти исследователя от неоправданных выводов из наличного материала, от прямолинейности в определении содержания терминов, титулов и др. Разумеется, что с появлением политической жизни этническая традиция и политическая действительность взаимодействуют, т. е. борются, создавая

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

более сложный комплекс исторического развития. Такой период в истории любого конкретного общества (независимо от времени по абсолютной шкале) обладает исключительной ценностью для этноистории уже потому, что именно в такое время зарождаются отражающие многие явления этого процесса эпические устные произведения. Их появление — не столько следствие тяги к литературному творчеству, сколько результат необходимости разобраться в сложной путанице противоречивых социально-правовых обстоятельств, которые создают все более обостряющиеся ситуации в реальной жизни общества. Со временем эти сюжеты обретают собственную «литературную жизнь», т. е. обрастают «подробностями», гиперболизируются и в деталях, и в целом, канонизируются, фиксируются письменно. И какова бы ни была «литературная история» такого произведения, оно всегда содержит следы архаики, следы того, что породило исходный сюжет. Наиболее ранние сюжеты, проходя свой длинный исторический путь, оказываются настолько непонятными (отчасти и вследствие древних переосмыслений), что расцениваются в наше время в качестве произведений мифотворчества. Но и в них можно найти следы реальной социальной архаики. Изучение всех этих следов, поиски, возможности реконструкции на их основе некогда действовавших социально-организующих систем — основная задача этноистории. Полезность этноисторических результатов для политической истории ранних этапов очевидна. Они способствуют преодолению довольно часто встречающегося (нередко и неосознаваемого) переноса современных нам категориальных представлений в иные времена.

Теперь, чтобы вернуться к материалам «Хеймскринглы», необходимо хотя бы бегло представить себе как могла бы развиваться этническая история Скандинавии и, в частности, Норвегии. По-видимому, нет оснований сомневаться в том, что современное население Скандинавского полуострова появилось там относительно недавно вследствие медленной и достаточно длительной колонизации этого пространства выходцами из народов, живших по южным берегам внутренних морей Европы. Колонизация Скандинавии была одним из ранних проявлений того процесса, который (в несколько более поздних формах) в исторической литературе получил весьма туманное название «Великого переселения народов».

Причины этого явления нет необходимости объяснять модным ныне и не менее туманным термином «демографический взрыв». Они скромнее, длительнее и сложнее. Коротко — это результат формирования устойчивого пастбищного скотоводческого (с дополнительным расчистным переложным земледелием) хозяйства в лесной зоне Европы, вызвавшего, с одной стороны, разделение общеэтнических угодий и закрепление их за небольшими коллективами конкретных деятелей, а с другой — отслоение от пятисегментной возрастной системы общественного деления трехсегментных кровнородственных правовых структур. Перестроившееся таким образом общество

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

стало систематично «выделять» из себя «лишнюю» часть населения, т. е. тех, кто рождался после трех правомочных потомков. Первоначально эти «лишние», достигнув взрослого возраста, по древней традиции «совершения подвигов», собирались небольшими группами и, под водительством избранного вождя, отправлялись расчищать новое место для поселения и ведения хозяйства. Со временем они также выделяли «лишних», и колонизация распространялась дальше и дальше, пока не сталкивалась с встречным аналогичным явлением. Устойчивое скотоводческо-земледельческое хозяйство само по себе способствовало общему увеличению населения, что вело к быстрому разрушению в массе населения трехступенчатой кровнородственной схемы права, к переходу на правовую схему линейного кровного рода с условным правом двух младших братьев. Таким образом, освоение новых угодий стало слишком интенсивным, а недостаток свободных земель вызвал не только споры, но и кровавые столкновения из-за них. «Колонизация» как бы повернула вспять. Отряды «лишней» (и не лишней) молодежи под руководством вождя (а точнее — уже под командованием, ибо вождем выбирался теперь человек не по лучшим знаниям в скотоводстве и земледелии, а по силе и искусству владеть оружием) отправлялись в поход на земли соседей, сгоняли их и селились там сами. Естественно, что в таких обстоятельствах оседлые («нелишние») были вынуждены либо создавать свои военные отряды для защиты, либо заключать договоры с чужими. Получалось так, что часть молодежи некоторое время не участвовала в производительном труде и в течение этого времени снабжалась всем необходимым для жизни (добровольно или не добровольно) производящей частью населения. Примерно так в Европе сложились три формы отношения к земле: распоряжающиеся землей земледельцы, не распоряжающиеся земледельцы, и получающие довольство (дань) за охрану ее.

Это общество еще не было классовым, эксплуататорским, поскольку не было устойчивого имущественного расслоения. Даже занятие войной (временное для каждого), будучи необходимостью, не выделяло воинов из остальных. Можно сказать, что только военные вожди, в силу специфики их избрания, несколько возвышались над остальным обществом. Но это не были пресловутые «вожди племен», в обычной жизни они никакой роли не играли, их абсолютный авторитет был целиком связан с войной и касался только юношей-воинов. Время от времени среди вождей объявлялся чрезвычайно искусный и удачливый человек. Слава о его удачах разносилась далеко, к нему стекались другие отряды со своими вождями, и под его верховным водительством затевались далекие походы с целью грабежа или для насильственного сбора дани. Такие походы обогащали участников. В них стали принимать участие не только юноши. Появился контингент людей, занимавшийся войной как профессией, а их скот (увеличивающийся за счет военной добычи) пасли другие, другие также обрабатывали их

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

землю. Воинства нового типа и их вожди старались поставить под свой контроль все более и более обширные территории, враждовали из-за них (точнее, из-за дани, собираемой с этих территорий, которая уже превзошла древние традиционные размеры). Земля уходила из-под контроля тружеников, а европейское общество распадалось на два имущественных и правовых сословия, складывался европейский феодализм.

Именно в этом длительном и сложном процессе размежевались мелкие и более крупные народы Европы, обособились местные диалекты и наметились контуры будущего более крупного языкового и этнического деления. В реализации процесса этнического размежевания и консолидации свою роль играла и развившаяся торговля, и даже особенности рельефа местности — этническими границами часто служили большие реки, горные цепи или болота. И на этой пестрой этнической базе начала свое развитие политическая история Европы, т. е. занявшая несколько веков почти непрерывная борьба крупных сеньоров, стремившихся расширить свои владения и возвыситься над соседями. Традиция древнего верховного вождя реформировалась в традицию номинальной королевской власти, закрепленной за родом одного из сеньоров. Замечательно, что в связи с правилами наследования королевского титула сохранялось довольно много элементов архаических норм права, давших возможность реконструкции (в совокупности с другими материалами) его исходных форм.

На этот процесс этнического развития Европы оказывало известное влияние и соседство с Римской империей (торговые и военные контакты), а позже — распространение христианской религии. Но этим обстоятельствам здесь нет необходимости уделять внимание. Что же касается некоторой специфики в аналогичном процессе этнического развития Скандинавии, то она целиком связана с географическими и климатическими особенностями Скандинавского полуострова. Хозяйственная колонизация началась, видимо, с его южных берегов, затем перешла и на северные. Естественными границами формирования двух этносов (шведского и норвежского) были горы и береговая линия, а на самом севере — местности, непригодные для земледелия и скотоводства (где до сих пор сохранилось автохтонное население: лапландцы — охотники и рыболовы, частично — оленеводы). Можно предположить, что третий компонент общего скандинавского этноса, датчане — следствие обратного переселения части скандинавов на материк (точнее — на Ютландский полуостров), который в дальнейшем опередил в развитии (сказался контакт с населением материковой Европы) шведов и норвежцев, развитие которых было более замедленным. Еще более медленным было этническое развитие поздних колоний скандинавов (Исландия и другие острова Северного моря), а столь удаленные, как Гренландия, оказались нежизнеспособными. Это обстоятельство достаточно доказывает тезис о последовательной колонизации самой Скандинавии,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

проходившей с опорой на уже освоенные территории (как наличие оборонительного Датского вала в известной мере подтверждает предположение о сравнительно позднем заселении Ютландии уже более или мене сформировавшимися скандинавами).

Теперь, после этого необходимого отступления, можно перейти к последовательному рассмотрению генеалогического «острова» «Хеймскринглы».

Первая часть этой генеалогии называется «Сагой об Инглингах», сагой о потомках Ингви-Фрейра. Фрейр, Один, Ньерд, Бальдр и другие имена в начале Саги об Инглингах — персонажи общей североевропейской (германоязычной) мифологии, т. е. так называемые «боги» языческой религии. Но здесь они представлены как древние конунги, т.е. как священные «вожди» некогда живших людей. Специалисты считают, что такая трактовка мифических персонажей может быть объяснена принадлежностью составителей «Хеймскринглы» к христианской церкви и их религиозным нежеланием говорить об этих именах как об именах языческих богов. Но можно найти еще одно объяснение. Авторами всех материалов, на которых построен свод «Хеймскринглы», были исландцы. В Исландии XII–XIII веков были и священники, и монахи, но вряд ли догмы христианской религии господствовали в сознании исландцев, в том числе — и вероучителей. Более того, возможно, что у исландцев не сложилось и представления о мифических персонах как о «языческих богах». Ведь и материковые «варвары» Европы в значительной мере обязаны такой трактовкой своих «идолов» (т. е. скульптурных изображений, необходимых для важнейших культовых этнических церемоний) христианским проповедникам, насаждавшим религию среди «язычников». В такой ситуации все этнические сооружения, инвентарь и сами культовые процедуры воспринимались проповедниками христианства как проявления конкурирующей религии (хотя для любой религии просто нет места в еще неклассовом обществе). Процесс христианизации был длительным и вызывал сопротивление, и одним из удивительных явлений этой борьбы идеологий (видимо, как средство, «выравнивающее» борющиеся стороны) было иногда возникавшее у «варваров» отношение к своим символам как богам, в чем-то аналогичным христианскому богу.

Но такое положение вряд ли могло сложиться при христианизации исландцев. Скорее всего, они сохраняли в общественной памяти исходное древнее отношение к асам и ванам как к именам древнейшего периода истории (точнее, не истории, а жизни людей). Во всяком случае, в самом начале саги об Инглингах есть такие слова: «У Одина было два брата. Одного из них звали Ве, а другого Вили. Они правили державой, когда Один был в отлучке. Однажды, когда Один был далеко... стали делить его наследство и оба поженились на его жене Фригг». И еще: «Когда Ньерд был у ванов, он был женат на своей сестре, ибо там был такой обычай. Их

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

детьми были Фрейр и Фрейя». Это начало генеалогии от трех братьев встречается у многих народов и в разные времена. Очевидно, что таким образом фиксировали основной правовой порядок, т. е. это была принципиальная правовая легенда. Другой «мотив» этой легенды — брак с сестрой, как главный момент получения сана. Третий более сложен — это повторный брак священной вдовы в случае ранней смерти «конунга», спутанный с другим, еще более древним представлением: «когда в пределах одной возрастной группы, верстаемой несколько лет, старшие сверстники вступают в брак, их жены (терминологически) считаются женами всей группы, в триаде совершенно не допустим брак вдовы старшего брата со вторым братом: они — члены одного возрастного статуса, сверстники. Но третий брат мог жениться на такой вдове временно, до своего «совершеннолетия». Брак брата и сестры (норма эпигамного брака: брак женщин одной возрастной группы и мужчин старшей смежной — их старших фраторов) — главное доказательство существования социально-возрастного деления общества.

Есть еще сложный момент: «Ньерд женился на женщине по имени Скади, но она не захотела жить с ним и вышла потом замуж за Одина». Это может означать, что второй брат, Ве, и Ньерд — одно и то же. Один мог «оттеснить» второго брата и жениться на его жене (невесте), чтобы пребыть в сане еще срок. Любопытен и перечень пяти имен, которые по контексту выглядят именами пяти сыновей Одина (т. е. пятисегментной фратрией-коленом): Ньерд, Фрейр, Хеймдалль, Тор и Бальдр, которым Один всем «…дал хорошие жилища». Много в этой части саги и таких фраз, которые отчетливо описывают процесс колонизации некой территории, преимущественно ее мирный период. О ранних «конунгах» часто упоминается как о персонах, приносящих урожай, довольство, мир. Они же считаются «зачинателями» ремесел и иных искусств. Однако, после упоминания о трехступенчатой и пятиступенчатой нормах архаического права, от Ингви-Фрейра перечислены четыре имени (Фьельнир, Свейгдир, Ванланди и Висбур), которые следуют один за другим, как отец-сын и т. д. И только у Висбура учтены три сына (Домальди, Гисль и Эндур).

Понять эту ситуацию нелегко. Скорее всего, здесь отражена только одна линия родства (из трех) — линия Ингви-Фрейра, ведь сага-то об Инглингах, т. е. потомках Ингви-Фрейра. Но может быть, что сохранившиеся в общественной памяти имена только в XII веке расположили по формуле «отец-сын» и т. д. Первое более вероятно, поскольку после Одина «правил» не его сын, Скьельд, а Ньерд (т. е., вероятно, брат, но не сын Одина), а после Ньерда — сын его, Фрейр (который по значимости скорее брат Ньерда, чем сын). Дело в том, что об Одине и о Ньерде сказано как об умерших персонах, тогда как с Фрейром сложнее, его спрятали в кургане, он как бы и умер, но одновременно остался живым. При его «правлении» было исключительное процветание и благополучие.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Во всем этом можно, хотя и с большим трудом, усмотреть след одного явления в развитии архаического права, которое вряд ли могло иметь место в этнической истории не только Скандинавии, но даже и северной половины материковой Европы. Это явление, видимо, вообще более характерно для этноистории древних цивилизаций с их ранним и активно восходящим развитием. Оно заключается в том, что за выделением династийного трехступенчатого кровнородственного коллектива наступает момент, когда «исчезает» одна из линий правовой системы и остаются две (право двух братьев). Далее логика развития приводит к однолинейной системе наследования. Эта двухступенчатая схема права в материалах выглядит как «эпизод» в процессе появления права линейного кровного рода. Но, видимо, такой результат борьбы двух линий бывал не всегда, нередки случаи восстановления более архаичной трехступенчатой схемы права, и даже — пятиступенчатой. Это производит впечатление некого «наплыва» архаики, как будто место, население которого достигло высокого уровня развития, вдруг «заполняется» менее развитым народом. Крайний недостаток сведений об этом явлении сильно затрудняет определение причин таких «наплывов», а избитое предположение о завоевании одного народа другим, менее развитым, представляется слишком примитивным. А наиболее значимые следы этого явления (упразднения третьей линии) — следующие:

В «ИЛИАДЕ» — это Ганимед, младший из триады дедов Приама (Ил, Ассарак, Ганимед), которого в детском возрасте за красоту Зевс берет на Олимп в виночерпии. В греческой традиции Ганимед не становится «молодым прекрасным богом», особенно почитаемым в народе, но вот в древней Индии таковым стал Рама, старший из трех братьев, потерявший трон вследствие «козней матери второго брата» («РАМАЯНА»). В более древних индийских материалах, в «РИГВЕДЕ», есть гимн о ТРИТЕ, третьем, младшем брате, брошенном старшими в водоем. В древнеегипетской мифологии третий брат «исчезает» безвестно. И мифы об Осирисе рассказывают уже о борьбе двух братьев, Осириса и Сета. В хронике средневекового восточно-африканского государства Пате трехступенчатая схема права становится двухступенчатой вследствие того, что один *мфальме* был предательски пленен португальцами, а его жена-сестра, в обход младшего брата, вступила в брак со своим сыном, и этот сын был «заместителем» *мфальме*, пока пленник не умер в Гоа. После его смерти правил его младший брат, а после него — бывший заместитель, но его потомки были (из-за ритуального брака с матерью) лишены права на сан *мфальме*-правителя. Существуют сведения и о длительной норме правления двух братьев: южно-индийские государства (дравидские по языку этносы), возможно — архаическая Греция и Спарта античного времени.

Но лесная и Северная Европа развивались медленно и неравномерно, здесь всюду встречаются следы перехода от трехступенчатой системы к

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

линейному роду. Тем не менее, в характеристике Фрейра есть кое-что от «вечно юного бога изобилия и плодородия». Скорее всего, так в этническом сознании сохранялась магическая социальная роль *конунга*, социальной персоны, призванной фактом своего наличия обеспечить всестороннее процветание этноса. Даже поздние конунги, главная роль которых — своей «магической силой» («удачей» — так переводят некий древний термин исследователи) обеспечить военную победу, по внешности описываются как образцовые представители этноса. И пока эта «удача» их не покидала, они считались превосходящими всех в воинском искусстве.

Сведения о жизни «конунгов» и «богов» не только в «Хеймскрингле», но и вообще в скандинавской эпике и мифологии, довольно своеобразны: здесь переплетаются сообщения о реальных (вполне «земных») действиях и событиях — с фантастикой и непонятными, необъяснимыми, с точки зрения современных представлений, обстоятельствами и поступками. Так, например, Один и Бальдр и умерли своей смертью, и были умерщвлены (и снова ожили), Фрейр — и умер, и «жил» в кургане. Вот любопытная цитата: «Когда все шведы узнали, что Фрейр умер, а благоденствие и мир сохраняются, они решили, что так будет все время, пока Фрейр в Швеции, и не захотели сжигать его, и назвали его богом благоденствия, и всегда с тех пор приносили ему жертвы за урожайный год и мир». Это — типичная попытка объяснить происхождение древних обрядов и представлений с позиции людей другой эпохи, знакомых с религией, с понятием бога. И эта цитата, и прочие сведения порождают ряд вопросов: Что значит — «И умер, и ожил»? «И умер от болезни, и был умерщвлен»? «И умер, и жив»? Почему «назвали богом»?; Кому приносили «в жертву» самих «богов»? Кого сжигали до того, как «решили не сжигать бога-Фрейра»? Что кроется под словами «правили», «управляли», когда речь идет о богах и ранних конунгах?..

Ответы на эти и аналогичные вопросы найти не так просто, но, во всяком случае, их не стоит искать в наших современных представлениях — это заведомо приведет к ошибкам, хотя и будет казаться правдоподобным.

Но в общем этнографическом, раннеисторическом, эпическом и фольклорном материале есть достаточно сведений, способных кое-что объяснить, если не полностью, то хотя бы в принципе.

Так, например, «умер и ожил» расшифровывается сравнительно легко: первоначально речь шла о циклической смене «тотемических имен», а не о физической смерти, и группа, достигшая возраста, на котором кончалась их социально-активная фаза, «оставляла имя» («умирала» для активной социальной жизни), но это имя получала новая, вступающая в фазу социальной активности, группа (она «оживала» в этом имени). Когда в этнической памяти от той эпохи оставались только «имена», они стали пониматься как имена некогда живших индивидов, которым было свойственно не только умирать, но и оживать. Следует сказать, что для того времени, т. е.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

для эпохи полного действия возрастной социально-организующей системы, совершенно исключается представление о «загробном мире», ему не оставалось места в идеологических представлениях, ибо не было понятия полной смерти, поскольку «умершие» сразу же сменялись «родившимися». Но зато было представление, которое сейчас понять трудно: реальный старый человек мог видеть самого себя начинающим новый цикл социальной активности.

Понятие же о социальной «смерти» (как и о «жизни») и многие другие явления, связанные с той эпохой, воспринимались как проявления «разлитой» повсюду, но невидимой «силы» или «способности», вызывающей все изменения и движения. Но эта «сила» не считалась «демиургом», т. к. все существовало «вечно». Она — медленно или быстро, в том или ином количестве — «сосредотачивалась» в любом предмете или живом существе, могла уменьшиться в нем или совсем его покинуть. Так, любой человек обретал немного этой «силы» в тот момент, когда, будучи ребенком, начинал сам ходить, сам есть и т. п., и все его способности в дальнейшей жизни воспринимались как возрастание, «аккумуляция» этой «силы» в нем. Заболев, он мог утратить столь много ее, чтобы стать почти младенцем, неспособным к самостоятельному движению, мог и совсем утратить, навсегда сделаться неподвижным, умирая физически — точнее, «жил» и дальше, но не как «человек», а как то, в чем этой «силы» никогда не собиралось столько, сколько нужно для подвижности, и в этом качестве он «менялся» пассивно — разрушаясь. Особо наглядно «нарастание» этой «силы», видимо, было связано с развитием индивидов, входивших в одну возрастную группу (имеющих одно ИМЯ). С одной стороны, все они были совершенно «однозначны», поскольку не индивид, а возрастная группа составляла минимальную социально-правовую единицу, но, с другой стороны, уже в младших возрастных статусах (отмеренных обществом состояниях) сказывались различия индивидуальных способностей как в скорости освоения необходимых навыков, так и в степени овладения ими. Развитие чисто физических качеств, например, силы или роста, было так же индивидуальным.

Нетрудно понять, что для коллектива древних людей, для его жизнеспособности означенные явления имели несравненно большую значимость, чем рождение детей (что воспринималось как результат накопления в женщинах необходимого для этого количества той же «силы») или физическая смерть одного из членов возрастной группы — группа-то оставалась и продолжала действовать. Несомненно, что древнее человечество (столь же эмпирически, как и в любой практической деятельности) со временем создало сложную традицию «сохранения и умножения» этой «силы» в своих коллективах, и особенно в тех индивидах, у кого она «концентрировалась» в больших, чем обычно, количествах. Сохранившиеся так или иначе до наших дней приемы этой «охраны» нередко выглядят сейчас

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

весьма фантастично, но иногда в них можно разглядеть то, что, вероятно, составляло их реалистичную основу — различные способы влиять на нужные обществу (или индивиду) вполне нормальные эмоции и психологические состояния, увеличивая их или уменьшая.

Одним из последних явлений развития всей этой традиции было «внесение» в нее представления (или понимания) о физическом наследовании некоторых ценимых обществом качеств, что и послужило причиной возникновения «на фоне» системы возрастного деления (не учитывающей при формировании возрастных групп физиологического происхождения) кровнородственной трехступенчатой системы для тех, чьи физические качества были очень необходимы обществу, фактически это было нечто вроде «селекции» особой породы людей, в которых, на благо обществу, «сохранялась» способность к максимальной «аккумуляции» «магической силы». Возможно, как наиболее подходящий термин для этой «силы», следовало бы употребить слово «мана» из полинезийской культурной традиции, поскольку этнографические описания значения этого слова почти полностью совпадают с тем, что об этой «силе» удалось извлечь из многих других источников.

Древнее общественное представление об этой «силе» не сводилось к тому, что она способна «избыточно» концентрироваться в отдельных представителях общества (а позже — в членах трехступенчатой системы). Она могла «собраться» и во всем, представляющем для общества жизненный интерес: в солнце, земле, воде, в животных, растениях, в орудиях труда и в охотничьем оружии, наконец — в огне костра и в пище. И здесь также человечество медленно и постепенно («слепым» эмпирическим путем, не зная законов природы, известных ныне) создавало традицию «сохранения и умножения» концентрации этой «силы», т. е. создавало определенные приемы и действия, выделяло ее «наивысшие» проявления. Большая часть этой традиции полностью понятна любому нашему современнику; точнее, не часть, а сторона ее — это все те действия и приемы, которыми обеспечивалось материальное производство (например, изготовление орудий, обработка дерева, камня, шкур и кож, добывание огня, рыхление почвы и посев, уход за всходами, пастьба скота, лечение ран и т. п.). Однако все то, что известно о другой стороне этой традиции, этнографы, вслед за церковниками, отнесли к суевериям, колдовству и невежеству предков наших (или «доисторических» представителей современности) и необдуманно назвали «первобытной религией». А между тем, этому можно найти и вполне материалистическое объяснение, и оно имеет непосредственное отношение к тому факту, что человек любой эпохи имеет и тело, и душу, т. е. обладает физико-физиологическими и эмоционально-мыслительными качествами. И эти качества неотделимы друг от друга, как неотделимы друг от друга две грани их общественных проявлений в тра-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

диции материальной и духовной жизни человечества. Чтобы исследовать, надо «мелодию разъять, как труп». Это понятно: исследуют по «срезам» или «профилям». Но, видимо, следует затем «собрать труп и оживить его», иначе последует «гниение» в наших представлениях о жизни наших же далеких предков. Таким образом, другая (духовная) сторона древней традиции человеческих знаний и умений предназначалась для организации полезных общественных (и индивидуальных) эмоций, не менее необходимых, чем пища, одежда и другие материальные блага. И это не была «первобытная религия», ибо там не было никаких «демиургов», никаких богов, как не было эксплуататорских классов или сословий. Представим себе следующую простую «картину» для уяснения изложенного:

Некие люди отдаленного времени уже обладают навыками земледелия, они знают, как определить время посева, они начинают обработку земли. «Зачем они стараются взрыхлить ее как можно лучше?» Ответы на такой вопрос могут быть разными, но смысл будет один: эти люди ЗНАЮТ, что необработанная земля не родит. Такой ответ будет правильным только в том случае, если речь идет не о столь уж отдаленном прошлом. Но для того времени, когда ЗНАНИЯ еще не абстрагировались от традиции ДЕЙСТВИЙ, рыхление почвы будет и делом, и ритуалом одновременно, ритуалом «аккумуляции» в этой земле того, от чего брошенное в нее зерно станет изменяться в росток. Но, чтобы это произошло, нужен еще и дождь. Допустим, известно, что он должен скоро пойти, а его все нет и нет. Общественная эмоция момента ясна — все напряженно ждут дождя, и эмоциональное напряжение тем сильнее, чем дольше нет дождя. Тогда эти люди поступают так, как велит им их традиция: все вместе или специальная часть их (здесь скажется степень развитости традиций) поют «гимн» о дожде, громе и других явлениях, связанных с дождем. Если бы такую процедуру наблюдал этнограф (или проповедник вполне сформировавшейся религии), он бы, несомненно, сказал: вот эти люди (может быть — «дикари», «язычники») молят бога дождя или грома о том, чтобы он послал им дождь. Такое решение понятно, но понятно только потому, что и этнографу, и священнику известна молитва, т. е. обращение к богу с просьбой. Но можно все понять и иначе: это один из «приемов» в их традиции, который помогает снять всеобщее отрицательное эмоциональное напряжение, который возрождает общую эмоцию надежды, помогает легче переносить напряженное ожидание и укрепляет их чувство единства, коллективности, обобщенной силы.

Можно возразить: ведь они не просто поют, а делают это в особом месте, на холме, там, где стоят грубо сделанные из камня или дерева их идолы, которые же — изображения их богов. Но можно и продолжить: эти идолы — вещественные атрибуты той же традиции, они своим видом усиливают ожидаемый эмоциональный эффект, как и любой амулет (талисман,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

фетиш), только это «амулеты» общественные. А раз они производят эмоциональный эффект, эти творения рук человеческих, стало быть, и в них присутствует часть разлитой везде «силы». Но их не умоляют «дать» что-либо, все, что с ними делают — только «сохранение и умножение» их способности вызывать эмоции, усиливать эмоции, необходимые всему коллективу. Если люди, поющие «гимн» дождю, смотрят при этом на небо, то ведь не из-под земли же им его ожидать. Можно быть уверенными, что если бы аналогичная ситуация касалась разлива реки, они смотрели бы в ту сторону, откуда течет река.

И, наконец, еще один момент: если такую ситуацию наблюдает этнограф, он нередко пытается зафиксировать в своих записях и связанные с «языческой религией» слова. Как правило, не слишком хорошо зная язык исследуемого народа, чаще вовсе не зная его, сложным путем он получает искомое и записывает: «бог дождя и грома (или дух) называется...». Если он «узкий специалист» и выясняет терминологию и верования «дикарей», в его записях появляются имена богов, обожествление «сил природы» и многое другое. Но со временем лингвисты составляют словари, грамматики и тексты на языке этого народа, не будучи никак связаны с этнографическим изучением его. Вот тогда внимательное и непредвзятое отношение к терминологическим записям этнографов может обнаружить, что были записаны самые обычные слова: «дождь», «гром», «разлив», «камень», «очень старый человек», «предок» и т. п. Поистине досадно, например, встречать в самых разных книгах — как специальных, так и художественных — такую примерно фразу: «Бог у зулусов называется *Ункулункулу*». А ведь это слово «создали» сами европейцы, хотя они и полностью соответствует нормам языка зулу (*исизулу*). Его точный перевод — «имя собственное очень-очень старого человека» (*у* — формант грамматического класса имен собственных, *нкулу-нкулу* — ‘очень старое’). Это даже не просто «предок», «очень старый человек», т. е. *умункулу*, а «имя его», говоря иначе, слово, составленное каким-то *умзулу* вследствие настойчивых просьб миссионера назвать имя их «бога», видимо, «самого-самого первого человека», на что тот и сказал: «имя самого-старого старого человека».

И это далеко не редкий случай. Более осторожные специалисты пишут не о боге или богах доклассового общества, а о почитании или культе предков. При этом умерших предков считают «посредниками» между людьми и «небом» («духами», «демонами», «силами природы» и т. п.), с завидным упорством «отыскивая» в ответах исследуемых «демиурга» (или «демиургов») и его местоположение, не подозревая, что наиболее обнадеживающие ответы могут оказаться следствием соседства (а иногда и прямой проповеди) действительной религии.

Но если вернуться к приведенной выше цитате о сокрытии смерти Ингви-Фрейра, о том, что, не увидев с его смертью исчезновения благоденствия,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

его спрятали в кургане, можно на все это посмотреть и иначе: способность Ингви-Фрейра, «аккумулированная» в нем, не вся рассеялась с его смертью, а оставшаяся ее часть, необходимая обществу, так же как и при его жизни, требует «охраны». Зафиксировано множество способов этой «охраны» — от элементарного хранения волос, ногтей, костей, черепа «предка», высушивания или копчения тела — до сложнейших процедур бальзамирования, но во всех случаях эта процедура никак не связана с «загробным существованием» умершего — так хранили все, чем он мог быть «полезен» живым. Когда же возникало (или создавалось жрецами складывающейся действительной религии) представление о «загробном (ином) мире», то там вначале обитали тени, т. е. та «деталь» «маны» усопшего, которая «растворялась» вследствие захоронения тела. Такой же «охранный» смысл заключался и в том, что вместе с телом клали в камеру пирамиды (кургана, гробницы или могилы), сжигали или отправляли в море почти все, что принадлежало человеку при жизни, поскольку во всем этом предполагалась какая-то часть этой «силы». Кроме того, у любого похоронного обряда были еще и две стороны, также не имевшие никакого отношения к не существовавшему представлению о загробной жизни. Это — снятие традиционными процедурами (и самим фактом захоронения) негативной общественной эмоции, и «санитарное» устранение трупа.

Разумеется, многое из этой могучей дорелигиозной архаической традиции было присвоено действительными религиями и даже кое-что развито, но различие здесь не количественное, и лежит оно не в процедурах и аксессуарах, а в ином качестве самого общества, которое стало классовым, т. к. в нем появились разные права для различных наследственных групп-сословий (или каст), обеспечивающие эксплуатацию человека человеком. Вот тогда и понадобились боги, сотворившие мир, боги всемогущие, по своему произволу неравномерно наделяющие людей благами и карающие их, боги, в которых надо «верить», которых надо умолять и которым надо приносить «жертвы». Порабощение физическое стали подкреплять порабощением духовным. Таким образом, распространение религии за пределы мест ее формирования большею частью нельзя считать сменой примитивной (языческой) религии — религией более развитой, как нельзя считать само появление религии развитием так называемой «первобытной религии».

Естественно, в связи с вышесказанным возникают вопросы: «Как найти то, с чего начинается эксплуатация человека человеком?» «Являются ли конунг и его дружина, не занятая производительным трудом, эксплуататорами?» «Являются ли эксплуатацией грабительские набеги викингов, особенно тех, кто почти всю жизнь проводит в таких походах?» Ответ, видимо, может быть такой: «Нет, не является — до тех пор, пока контингент «дружины» остается сменным, пока он не самовозобновляется физиологически, т. е. пока эти занятия не превращаются в наследственную «про-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

фессию» и не становятся физической защитой неравноправного отношения к основным средствам производства».

Именно на таком основании нет возможности не только конунгов Саги об Инглингах, но и конунгов всей Хеймскринглы считать правителями государства или «королями» феодального общества — это только сакрализованные общеэтнические персоны, если угодно, живые «боги» этносов. Конунги «Саги об Инглингах» — «наследники» роли Ингви-Фрейра, «обеспечивающие» всему этносу мир, процветание и плодородие своей молодостью, красотой и здоровьем. Конунги остальных саг — сакрализованные верховные вожди военных отрядов молодежи, обязанные оружием (и сакральным авторитетом) восстанавливать мир в этносе, начиная с того времени, когда хозяйственная колонизация этнического пространства «повернула вспять», т. е. когда в этносе начались споры и вооруженные столкновения в результате недостатка земель, пригодных (при том уровне орудий труда и агротехники) для земледелия и выпаса. Другая роль этих конунгов заключалась в возглавлении воинства во время внешних нападений и во время набегов на соседей. Конунги-воители оттесняют в этническом сознании значимость юных конунгов — «дарителей» мирных благ. Они как бы «растворяют» в себе и «качества» последних, выдвигая как главное свои воинственные «свойства», будучи скорее «потомками» Тора, нежели юного Ингви-Фрейра. И структура «Хеймскринглы» достаточно четко отражает эту функциональную преемственность в развитии общеэтнической сакральной персоны, как отражает и трудный противоречивый переход от архаического права трех «братьев» к праву линейного генеалогического рода (к майорату).

Тексты в «Саге об Инглингах», связанные с именами конунгов, кратки и невыразительны, довольно однообразны и напоминают сильно сокращенные варианты собственно исландских саг. Это наводит на мысль о том, что они были «прибавлены» к плохо сохранившемуся устному перечню имен древних конунгов, образовав, таким образом, сагу. Наиболее любопытными являются сообщения о вариантах насильственных смертей конунгов, что можно понять как отголоски довольно распространенного архаического обычая — «ритуала убиения сакральной персоны по истечении срока». Цель процедуры — сохранение и передача преемнику части «силы» предшественника. Сюда же может относиться и другой «вариант» — поединок между предшественником и преемником (и, как случайность, — смерть обоих). Однако рассказы об этих моментах выглядят очень примитивно, без тени сакральности: конунг Висбур имел двух сыновей от первой жены и одного от второй жены, старшие сыновья поссорились с отцом из-за золотой гривны и сожгли его в его же доме; Домальди, третий сын Висбура, наследовавший ему, оказался неспособным принести благоденствие, был неурожай и голод, его принесли в жерт-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ву и обагрили его кровью алтарь; сыновья конунга Агни, Альрек и Эйрик, поссорились из-за лошадей и убили друг друга удилами; Ингви и Альв, сыновья Альрека, поссорились из-за жены Альва и убили друг друга.

С большим трудом и на основании иных материалов можно предположить, что «гривна» была символом, который конунг во время брачной церемонии (она же — часть обряда, вводящего в сан) передавал жене, что сыновья требовали ее для вступления в сан старшего из них, и отказ выдать ее можно понять как намерение третьим браком продолжить пребывание в сане еще на один срок, что, возможно, лишало этого права старшего потомка. Смертельные поединки двух братьев можно объяснить незначительной розницей их реального возраста, т. е. тем, что они относились к одному возрастному статусу, что делало их «правовыми двойниками» и вызывало необходимость выяснения преимущества в «силе». Конунга Домальди не принесли в жертву, а просто уничтожили, предпочтя «развеять» его «силу», которую он использовал во вред этносу, вызвав неурожай и голод. С той же целью сожгли Висбура, отказавшегося вернуть «гривну», опасаясь использования «силы» во вред этносу.

Более любопытна такая цитата: «Хуглейк, сын Альва, стал конунгом после смерти братьев, ибо сыновья Ингви были тогда еще детьми». Здесь поздний рассказчик пытается привести в «норму» непонятное уже ему право старшего из трех братьев, не зависящее от происхождения от старшего или младшего «отца». Любопытна также «сказочка» о конунге Ауне, который «приносил в жертву» (т. е. убивал) последовательно многих своих сыновей и дожил до такой старости, что не мог самостоятельно передвигаться, и его, как младенца, кормили из рожка. Всего вероятнее — это своеобразное отражение в фольклоре этнического отношения к участившимся случаям «продления» сана конунга, отношения предупредительно-сатирического. Сами случаи «продления», ведущие к появлению пожизненного права, вероятно, вызывались многими и сложными причинами, среди которых могло оказаться и активное воздействие участников удачных набегов на соседей, получавших большую добычу. Обогащение, таким образом, особенно обогащение уже немолодых участников, еще не меняло правовых отношений в сфере основных средств производства, но уже выделяло из общей массы равноправных земледельцев обладателей «престижных ценностей», что начинало расслаивать общество равных. Этнос в целом мог беспокоиться относительно уменьшения той стороны «силы» конунгов, которая обеспечивала хозяйственное процветание, и мог такой «сказкой» выразить свое опасение. Предположение, вроде бы, подтверждается появлением во время конунга Эгиля, сына Ауна Старого, воинства и его вождя из рабов — воинства победоносного и разбитого только с помощью конунга данов. Вряд ли в этом событии следует видеть восстание угнетенных, тем более, что «проблема рабства» в раннефеодальной Европе, по сути дела,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

совершенно не изучена. Скорее, это отражение попыток этноса восстановить древнейший обычай (додинастийный) выбора сакральной персоны, как средство «уравновесить» падение сакрального престижа конунга.

То, что «Сага об Инглингах» составлялась из разрозненных устных фрагментов, подтверждается и рассказом о происхождении конунга данов Хрольфа Жердинки. Конунг Адильс победил Гейртьова, конунга саксов, и увел в рабство девушку по имени Ирса, на которой потом женился. Затем конунга Адильса разбил конунг Хельги и увез в Данию Ирсу. Хрольф Жердинка был сыном Хельги и Ирсы. Алов, жена конунга Гейртьова, прибыла в Данию и сообщила Ирсе, что та — ее дочь, а отцом был конунг Хельги. Текст излагает эти обстоятельства в «ключе случайностей», но, возможно, схемой рассказа послужили почти стертые временем предания социально-правового порядка архаических норм, где третий «брат» был обязан вступить в брак со старшей «дочерью» (если члены старшей триады именовались классификационным термином родства — «отец») или со старшей «племянницей» (если старшее колено именовалось «дядьями»). Говоря иначе, могла сохраниться «канва»: I — Гейртьов, II — Адильс, III — Хельги; «отец» — Хельги, «победитель» «брата» — Адильса (т. е. сменяющий его на посту «конунга») женится на «дочери» Ирсе, дочери Гейртьова и Алов (т. е. его жены — «сестры»). Ирса, жена-«дочь» Хельги, в условиях династийного трехсегментного кровнородственного «организма» могла быть кровной дочерью Гейртьова или Адильса, но не Хельги, а упоминание об Алов свидетельствует в пользу того, что ее кровным отцом был, несомненно, Гейртьов.

Вероятно, и рассказ о смерти конунга Адильса построен на той же древней «канве». «Однажды, во время жертвоприношения дисам, конунг ехал на коне через капище дисы. Вдруг конь споткнулся и упал, а конунг — с него. Он так ударился головой о камень, что череп треснул, и мозги брызнули на камень». Перед этой частью рассказа приведена краткая родословная его коня. Все это напоминает пушкинские строки, основанное на сообщениях «Начальной летописи»: «... но примешь ты смерть от коня своего...». Это — размытый след от тех времен (или от той стадии развития), когда у многих народов (и не только Европы) существовал обычай избрания, для всеэтнического благополучия и процветания, сакрализованного животного и связанного с ним сакрализованного человека. Любопытны также и сообщения «Саги об Инглингах» о конунгах, расчищавших леса, прокладывавших дороги, о заселении новых мест, о том, что конунги «имели много усадьб» и разъезжали по стране «по пирам». Есть «намек» на старинный обычай замещения «зятем» (мужем дочери, не относящимся к триаде, но того же «ранга») недостающего «сына». Из рассказов о последних конунгах этой саги можно сделать вывод о том, что ко времени «исторических» конунгов, т. е. следующих после Хальфдана Черного, прочно установился запрет

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

брака конунга и кровной родственницы (экзогамия), и им приходилось находить жену или силой, или по договору с соседним конунгом.

Продолжением «Саги об Инглингах» в корпусе «Хеймскринглы» является ряд саг об «исторических конунгах», т. е. о тех лицах, для которых специалисты-историки (преимущественно скандинавы) на основании сопоставления аналогичных данных о датских, английских, шведских, саксонских, нормандских и других «конунгах и королях», составили хронологию их «правления». Связующим звеном между традицией «Саги об Инглингах» и традицией саг об «исторических конунгах» Норвегии можно считать конунга Харальда Прекрасноволосого, сына Хальфдана Черного. Время его «правления» определено с 858 по 928 год н.э., т. е. как круглые 70 лет (есть и другие датировки). Столь длительный срок в легендарно-правовых документах может отражать полное исчезновение традиции «статусного времени» (ограниченного) пребывания в сане конунга, т. е. твердое утверждение пожизненного права. Имя Харальда Прекрасноволосого не потому связывает две «традиции», что он назван сыном Халфдана Черного. Это видно из всего того, что о нем рассказано. Как это обычно для легендарно-правовых социальных документов (безразлично — сохранились ли они в виде литературного произведения или в виде сухой хроникальной канвы), начало содержит, в более или менее сжатом изложении, некие основные моменты правовых норм, которые являются своеобразным ключом к пониманию последующего текста. «Харальд — конунгом стал после своего отца. Ему было тогда десять лет». «Гутхорм, БРАТ ЕГО МАТЕРИ, был предводитель его дружины и правил всеми делами». Правила наследования: а) сан «конунга» — пожизненный; б) если конунг жил долго, а два младших брата умерли, наследует сын; в) если сын еще не достиг возраста совершеннолетия, его практические обязанности исполняет старший родственник по линии матери (брат матери), но сам конунг все еще, хотя бы в ратном деле — сакральная персона, «обязанная» приносить «удачу».

Далее рассказано о сватовстве Харальда к Гюде, дочери другого конунга, об ее отказе и требовании «подвигов», о клятве Харальда свершить их, о его обете не стричь волосы и не расчесывать их до определенного времени, и т. п. Все это напоминает литературно развернутый «вариант» достаточно распространенных архаических обычаев, связанных с переходом юношей возрастного статуса «неженатых воинов» («охотников», «пастухов» и т. д.) в статус «полноправных мужей». Это тоже правило: сан конунга становится полным вследствие достижения им брачного возраста, совершения «подвигов» и женитьбы.

Согласно тексту «Хеймскринглы», Харальд Прекрасноволосый имел несколько жен и множество сыновей. Но сообщения об этом очень путанные и противоречивые. Современные историки, видимо, на основании дополнительных сведений, выделяют только пятерых: Эриха Кровавую

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Секиру, Бьерна Купца, Сигурда Хриси, Олава и Хакона, воспитанника Ательстана. Наследовал Харальду старший из них — Эрих. Остальные братья были перебиты (либо Эрихом, либо погибли в битвах). Но отмечаются их претензии и к отцу, и к старшему брату. Излагаются и такие события: Эрих Кровавая Секира, по сути дела, стал конунгом еще при жизни отца (стало быть, пожизненная норма права еще была ограничена возрастом «социального полноправия»), и когда умер Харальд Прекрасноволосый, а Эрих пробыл конунгом некоторое время, с претензией на сан выступил его брат, Хакон, воспитанник Адальстайна (конунга англов, Ательстана). По тексту, мать Хакона была рабыней, а по логике архаической нормы — сестрой Ательстана (брата матери, воспитателя и наставника). Хакон, брат Эриха, еще при жизни последнего был провозглашен конунгом на тингах Норвегии. Эрих погиб через некоторое время при набеге на южную Англию. Опять получается, что в норвежском этносе в середине X века были силы, способные поддержать архаические нормы права передачи сана конунга — «брат после брата», а потом — старший племянник, Харальд Серая Шкура, сын Эриха Кровавая Секира.

Любопытно и продолжение:

Множество битв выдержал конунг Хакон со своими многочисленными племянниками, сыновьями старшего брата — Эйриха. Можно понять, что это было время внутриэтнических смут. По пятичленной архаической системе права, Хакон, по сути дела, был избран народом (безотносительно к происхождению), но по трехчленной генетической он был пятым, т. е. равным по статусу второму племяннику. Правда, вследствие смерти Олава, Сигурда и Бьерна, Хакон мог считаться «передвинутым», т. е. «вторым» братом после Эйриха Кровавая Секира. Сначала племянники вместе с матерью (их традиция так и называет: сыновья Гуннхильд) бежали из Норвегии, долго ходили в грабительские викинги, но затем выступили против своего дяди, против конунга Хакона. Сообщается, что все они были перебиты, кроме одного, Харальда Серая Шкура, который и стал конунгом после смерти Хакона. Характерно, что колено «братьев» этого Харальда традиция составила по архаическому принципу: Харальд, сын Эйриха, Хальфдан, сын Сигурда, Гудред, сын Бьерна и Трюггви, сын Олава (сверстник Гудреда по рождению). Это можно понять и как триаду «братьев», включая Трюггви (статусно равного Гудреду), но и как триаду без Харальда Эйрихсона, т. е. след сложной борьбы элементов различной древности в общей правовой традиции, отражающих нарастание разделения социальных интересов отдельных групп этноса, нарастание престижно-имущественного его расслоения. Время было тяжелое, полное внутренних раздоров, боролись сторонники новой нормы (наследования сыном умершего) со сторонниками права трех «братьев» (возможно — отдельно сторонники трех сыновей умершего и сторонники трех, как родных, так и двоюродных,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

братьев) и, видимо, «непристижная» масса свободных земледельцев требовала восстановления архаического права избрания конунга народом либо по пятичленной схеме «братьев», либо по наличию «признаков» пригодности для этой общеэтнической роли. Этой борьбой этнос был сильно ослаблен и на некоторое время попал в данники к датским конунгам, которые для собирания дани ставили своих ярлов.

Насколько торопливы историки в своих выводах о государственности и феодализме в Норвегии конца X века, можно понять из поведения конунгов и ярлов того времени. Братья-конунги дрались между собой, ходили в грабительские набеги не только на чужие территории, но и на норвежские земли, не защищали, а разоряли страну. Между тем, датские «наместники», ярлы Хакон и Эйрих, не только, как и любой конунг, собирали дань для содержания своей дружины и воинства, но и заботились о защите страны. Им принадлежит победа и разгром напавших на Норвегию могучих пиратствующих викингов из Йомсборга. При этом нет оснований полагать, что воинство ярлов даже большею частью состояло из данов. Оно было преимущественно норвежским, и если ярл-«наместник» был победоносным, никто не возражал ему. Речь, собственно, идет о сложной внутриэтнической действительности в более широком (скандинавском) близкоэтническом ареале и на его границах. Терминологически, разумеется, ярл внешнего происхождения не мог называться конунгом в более узком этносе. Если же ярл в своих притязаниях и поступках переходил границу дозволенного «конунгу», его ожидал тот же конец — против него выступал новое воинство, выбравшее своего конунга. В такой ситуации новым конунгом объективно оказывалась персона, связанная родством с прежними конунгами, т. е. имевшая больше прав, согласно архаическому праву, по сравнению с ярлом. Например, при таких обстоятельствах был разбит и убит ярл Хакон, а конунгом стал Олав, сын Трюггви (сын того Трюггви, который был четвертым в колене Харальда Серая Шкура). Любопытно сообщение о том, как умер ярл Хакон. Его убил скрывавшийся вместе с ним его раб, «рожденный с ним в одну ночь», т. е. равный Хакону по архаической норме возрастного статуса. Есть еще в рассказах об этом времени «след» древнего социально-возрастного деления. Колено «братьев» конунга Олава Трюггвасона представлено как триада: Харальд Гренландец, Сигур Свинья и Олав, сын Трюггви. Харальд Гренландец был на пиру у вдовы шведского конунга, Сигрид, с которой «воспитывался вместе». Текст намекает на то, что Сигрид и Харальд по окончании пира, видимо, немного переступили за грань дозволенного. Несколько позже Харальд посватался к Сигрид, та отказала ему и была так оскорблена, что приказала сжечь его и его людей, что и было исполнено. Если обратить внимание на слова о том, что они «воспитывались вместе», то можно предположить здесь случайно «застрявшее» сообщение о древнем способе наказания за нарушение брачного за-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

прета внутри группы «одновозрастных». Второй «брат», Сигурд Свинья, не был воинственным, занимался своим хозяйством. И только Олав Трюггвасон, победитель ярла Хакона, был избран на этот пост. Он много воевал с чужеземцами и погиб в битве с датским ярлом Эйриком. Колено «детей» Олава дано также как триада «братьев»: Олав Святой, сын Харальда Гренландца, Харальд Суровый, сын Сигурда Свиньи и Трюггви, сын Олава Трюггвасона. Конунгами были только Олав и Харальд. Далее следуют два колена-диады: Магнус Добрый, сын Олава Святого, и Олав Тихий, сын Харальда Сурового; Хакон, воспитанник Торира, сын Магнуса Доброго, и Магнус Голоногий (о котором шла речь в начале изложения), сын Олава Тихого.

В этом разделе «Хеймскринглы» наиболее интересен конунг Олав Святой. «Сага об Олаве Святом» — самая длинная во всем своде, она изобилует массой правдоподобных и фантастических подробностей, но главное в ней — повествование о конунге, утвердившем в Норвегии христианство. Олав был избран в начале XI века, следовательно, к этому времени можно отнести период столь заметного имущественного расслоения норвежского общества, когда засилье богатых и знатных начало превращать дань (собиравшуюся для содержания конунга и войска) в налог для содержания двора; а собиравшие ее лица (ярлы и др.) стали вести себя, как владельцы тех земель, где они отправляли свою должность. Конунг в этих условиях интенсивно терял авторитет хранителя благополучия этноса, защитника прав свободных земледельцев, терял сакральность своей власти. Общество настолько очевидно расслоилось, что потребовалась новая идеология, способная «оправдать» сложившееся состояние, стала нужна РЕЛИГИЯ.

Попытки распространить христианство приписывают нескольким конунгам. Еще конунг Хакон, Воспитанник Адальстайна, будучи сам окрещен в Англии, пытался склонить своих приближенных принять христианство и склонить к этому народ. Некоторые из приближенных крестились, но на тинге сказали ему, что останутся при своих богах, так как опасаются из свободных стать рабами. Этому Хакону приписывают постройку первых церквей в Норвегии. Далее, конунг Олав, сын Трюггви, тоже крещеный, кое-где силой заставил часть народа принять христианство. Но это крещение быстро теряло силу, и люди снова возвращались к старым обрядам. Ярлы-датчане, хотя сами и были христианами, не препятствовали народу Норвегии совершать «языческие богослужения». Утверждение в качестве конунга Олава Святого (тогда еще Олава Толстого) и его дальнейшие деяния описаны так же, как и деяния других конунгов: бесконечные войны с противниками, набеги, походы, морские и сухопутные сражения, подвиги самого Олава и его сподвижников. Но в описаниях есть и отличия. И у самого Олава, и у его дружинников и приближенных на щите и шлеме были кресты, символы христианства. Таким образом, в глазах современников

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

все совершаемые конунгом и его воинами подвиги как бы приписывались силе креста, силе христианской религии. Свободные земледельцы пытались организовать сопротивление насильственной христианизации, но время было уже не то, вся знать и все богатые были на стороне Олава и его епископов. Древние обряды были запрещены, капища подвергались разрушению, главные ежегодные празднества переместили по календарю и «слили» с каноническими христианскими.

Кровавое утверждение христианской религии, по своей сути, было завоеванием страны, прямым военно-политическим подчинением, сопровождавшимся превращением дани в нерегламентированный налог, в том числе и в пользу церкви. В главном — земельном — праве внешне особых изменений не произошло, но прежние представители конунга в различных землях и областях (собиратели дани для конунга) начали чувствовать себя своевластными хозяевами этих земель, хотя по-прежнему были ставленниками конунга и не наследовали своей должности. Споры и ссоры из-за должностей, из-за границ «опекаемых» земель, с которых полагалось собирать налоги, из-за чинов и званий, превращались в кровавые непрекращающиеся столкновения знати. Это была уже подлинная политическая борьба, не имевшая ничего общего с этническими интересами, и конунг Олав формально оказался в ней просто центральной фигурой. Он, естественно, участвовал в этой внутренней войне, как воевал и с внешними врагами, но навести порядок в стране было не в его силах. Разоряемыми оказались не только простые бонды, но и богатые, но не знатные землевладельцы. Большое воинство собралось из тех, кто ненавидел формального виновника этих несчастий, конунга Олава Толстого. Нашлись и предводители, и один из них, Торир Собака, убил конунга в произошедшем сражении.

Собственно, получилось так, что народ Норвегии предпочел власть иноземца-датчанина, ярла, правлению собственного конунга, т. к. последнее сражение Олава с бондами произошло в то время, когда конунга сильно теснили даны, и почти выгнали его из страны. В этот раз «ярлом» в Норвегии стал датский конунг Свейн, сын конунга данов, Канута Могучего. Попытку освобождения Норвегии от власти Свейна сделал Трюггви, сын Олава Трюггвасона, но он был убит в сражении. Вернее всего, эту попытку предприняла та часть обиженной знати, которая была на стороне бондов в борьбе с конунгом Олавом Толстым. Для следующей такой попытки пришлось разыскать при дворе конунга Ярицлейва в Гардарики (т. е. у князя Ярослава на Руси) бежавшего туда сына Олава, Магнуса. Магнуса провозгласили конунгом на тингах, дали ему дружину и собрали ополчение, в котором приняли участие и многие бонды, противники его отца. Воспользовавшись смертью Канута Могучего и начавшимися, естественно, смутами в самой Дании, это воинство одержало победу над датскими правителями в Норвегии. Новый конунг был назван Магнусом Добрым — вероятно, вследствие временного облегчения даней и поборов.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

На всех этих событиях не стоило бы останавливаться, если бы не одна «деталь». В живых оставался еще один представитель триады «братьев» Олава — Харальд, сын Сигурда Свиньи. Сообщается, что будто бы Харальд, будучи раненым в том сражении, когда погиб Олав Толстый, бежал сначала в Гардарики, затем в Византию. Когда он вернулся в Норвегию, Магнус Добрый признал его конунгом. Сначала, как это обычно сообщается в «Хеймскрингле», они «поделили царство», а потом Магнус умер. Рассказ об этих двух конунгах — прекрасный пример того, как политические силы Норвегии в середине XI века, придя к компромиссу в своих отношениях, использовали для предотвращения выступлений народа «элемент» из архаических обычаев: младший родственник, «случайно» оказавшийся конунгом раньше еще живого старшего, «мирно» уступил ему свою социальную позицию. Конунг Харальд, названный Суровым, много воевал и грабил и сложил свою голову в Англии, после него конунгом был его сын Магнус, затем — второй сын — Олав Тихий, и, наконец, сын последнего — Магнус Голоногий, о котором шла речь в самом начале. Канонизация в качестве «святого» конунга Олава Толстого, вероятнее всего, произошла при одном из сыновей Магнуса Голоногого, при Сигурде Крестоносце (в первой четверти XII в.), в связи с деяниями которого повествуется о наибольшем числе посмертных «чудес» Святого Олава.

Видимо, к этому времени можно отнести и окончательное утверждение христианства в Норвегии. Роль христианской церкви (как западной, так и восточной) в этносоциальной истории Западной, Восточной и Северной Европы периода начала классообразования — особая и очень сложная. По своей сути христианская церковь, по мере ее продвижения в периферийных направлениях из ареала ее становления (т. е. из Италии и Греции и полностью колонизованных территорий поздней Римской империи), становилась на новых территориях первым, в полном смысле слова, феодальным эксплуататором, обладающим твердыми основами для такой эксплуатации, на фоне стихийного грубого грабежа, ничем не регулируемых притеснений и крайне запутанной ситуации разрушающегося архаического права. Рожденная в Римской империи, она впитала в себя многие достижения этого древнего культурного ареала. Церковь обладала письменностью, священной и богослужебной литературой, более или менее стройной системой богослужений, относительно развитым каноническим правом, теософией, содержащей легко воспринимаемые идеи всеобщего мира и равенства, человеческого единства. Внешне церковь интересовалась душами (т. е. чувствами и мыслями) людей и за свои проповеди просила, казалось бы, сущую безделицу — немного земли для построения храмов, жилья для служителей монастырей и строго регламентированное «приношение» для содержания всего этого — десятину «от трудов праведных». Нетрудно понять, что десять процентов от устойчивой хозяйственной деятельности

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

(а мир обещала та же церковь) выглядели благом по сравнению с произволом военной знати и разорительными набегами «блуждающих» отрядов. Церковь обладала достаточно стройной и четкой иерархией: от «руководителей» различных рангов до «учеников», служивших ей своим физическим трудом. От лишенных своего хозяйства или иной постоянной деятельности «обращенных» она охотно принимала «десятину» трудом «на благо господа». Еще одно важное качество — церковное хозяйство не могло стать выморочным, как любое другое хозяйство того времени.

Единственными конкурентами экспансии церковников были хранители традиционных идеологических представлений и организаторы культовых ритуалов. В их распоряжении была идеологическая традиция организации всех сторон жизни доклассового общества, общества равных, но уже не стройная, с массой непонятных элементов, а главное — во многом уже не соответствующая реальному положению вещей. Хаотическое использование ее различных (по времени действия) наслоений в начальный период имущественного расслоения общества, произвольное использование ее аргументов в первичной политической борьбе, ее растущая неспособность приносить мир и благополучие всему этносу неуклонно подрывали ее авторитет и авторитет ее хранителей. Преимущество оказывалось на стороне церкви, тем более что она гибко соглашалась на принятие в свой «арсенал» некоторых безвредных ей элементов традиционных представлений, и старательно объясняла все положительные явления в конкретной действительности вмешательством божьей силы или силы местных канонизированных «святых», даже действием освященных «христианских амулетов». А за всем этим скрывалось все более укрепляющаяся и расширяющаяся строгая система феодальной эксплуатации, т. е. основанная на неотчуждаемом праве знати распоряжаться землей — основным средством производства. Со временем местная аристократия и обогатившиеся группы настолько запутываются в своей борьбе за «права» стихийного обогащения и в борьбе с народным сопротивлением, что охотно принимают и вероучение христианства, и каноническое право, и структуру ее приемов эксплуатации чужого труда.

Но полный альянс духовной и светской власти складывается далеко не сразу, да и установившись, он оказывается исполненным противоречий. На самых первых этапах, пока светская власть еще стихийна, хаотична, церковь либо «толкает» ее впереди себя, используя ее как физический инструмент внедрения и как щит, либо, идя впереди, делает из власти светской, военной, своеобразный арьергард, физическую опору своих достижений. Этот период, сколько бы он не длился, в основном соответствует первичным формам феодальных отношений к земле, так называемому «удельному сидению», когда имеющий власть (т. е. военную силу) распределяет подвластное пространство между своими ставленниками в «кормление» (т. е. для взимания с населения поборов для личного обогащения и, час-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

тично, в пользу «центральной власти»). «Кормление» в ранний период практически невозможно без наличия в распоряжении «кормящегося» военной силы (дружины), с которой он обязан являться и по зову «дарителя права», почему и само «право» сохраняется в лучшем случае пожизненно, т. е. дается «за службу». Но такое право, полученное церковью, становится «вечным» и как бы распространяется на саму землю, а не только на часть труда ее населения. Так возникает новая форма земельного права. Новая — по существу, а не по количеству, так как и раньше были землевладения и большие, и средние, и маленькие, но ими владели «изначально», по праву архаической традиции, и в этом качестве их не разделяло и то, что одни обрабатывались самими землевладельцами, а другие — рабами или пришлыми людьми. «Изначальность» этого права была сомнительной, но внутренняя суть обязательно включала в себя факт земледельческого труда на них, если не самого владельца, то его предков (а само пространство могло быть захвачено силой). Кому бы такая земля ни принадлежала, она была наследственной и неотчуждаемой. Увеличение ее площади могло происходить только за счет земель соседних (чужих) этносов, если это удавалось.

Второй период раннего феодализма характеризуется стремлением крупной знати к установлению «вотчинного сидения», т. е. превращению служебного права «кормления» в наследственное право эксплуатации тружеников на обширных территориях. В этом стремлении церковь, в силу ее невыморочности, оказалась не только «первопроходцем», но показала как бы «модель» такого права — «дарение» обладающим властью (или другой вариант, «коммендации» — обладающими древним наследственным правом) обширных угодий в «наследственное владение». Структурное развитие (система вассальных отношений) и внутренняя хозяйственная (отчасти и политическая) замкнутость наследственных синьорий, несомненно, были главной причиной политической дробности развившегося феодального общества. Королевская власть признавалась крупными сеньорами номинально, король не был «монархом» в буквальном значении этого слова, но он оставался персоной общеэтнической, ибо развившийся феодализм не разрушал этноса, не нарушал (хотя и осложнял) его дальнейшее развитие, опиравшееся не на политические отношения, а на внутренний культурный взаимообмен, который всегда был главным двигателем культурного прогресса.

Сгущение и интенсивность этого культурного взаимообмена в расширяющемся (или сужающемся) ареале создавали этнокультурную одинаковость, формировали этническое единство любого уровня социального развития, а разряженность, ослабление или исчезновение (чем бы это ни вызывалось) культурного взаимообмена создавали этнические границы или становились причиной исчезновения (растворения) некогда существовавшего этноса. Во всяком случае, социально-политическая история, не только во время своего появления, но и в развитых интенсивных проявле-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ниях не оказывает прямого воздействия на развитие этнической общности. Это важно учитывать по той причине, что очень часто, хотя, может быть, и неосознанно, специалисты по политической (событийной) истории, «совмещают» политические границы и границы этнических единств, явления этнической истории и политические события, следствием чего возникает невольное завышение (а иногда и занижение) уровня социальной развитости изучаемого общества. Причина такого обстоятельства, когда речь идет о таком времени, от которого нет документальных (т. е. собственно историографических) письменных источников, нередко кроется в специфике источников сохранившихся, которыми обычно оказываются произведения старинной литературы или ранние записи устных произведений «на исторические темы». Конечно — «на безрыбье и рак — рыба», но «рак» — все-таки не «рыба». Ранняя запись чего угодно — «надпись», т. е. неизбежно, вследствие «магизма» самого письма, прежде всего — правовой документ, социальный (и даже этносоциальный) «амулет» той или иной значимости, документ довольно «равнодушный» к точной событийной истории. В этой связи любопытно обратить внимание на способы доказательства «истинности» в «Хеймскрингле» и сравнить их с таковыми же в так называемых «Эфиопских хрониках», описывающих примерно те же (по уровню развития феодальных отношений) процессы, что и в сагах об «исторических» конунгах, тем более, что Норвегия и Эфиопия, будучи во многом различны, имели хотя бы уже то общее, что у них феодализм развивался замедленно.

В «Хеймскрингле», как минимум, использованы два приема, долженствующие придать тексту, сообщениям «абсолютную достоверность». Во-первых, это постоянные и обильные вставки из скальдической поэзии, параллельные содержанию прозаических рассказов, из сочинений скальдов-очевидцев. Во-вторых, мало варьирующиеся «зачины» почти каждого «сообщения», построенные по типу: «одного человека звали... У него было... сыновей, их звали...», или «... сын ... был конунгом в ... У него было пять больших кораблей, когда...» и т. п. «Гипнотизирующая» сила этих приемов столь велика, что даже современные скандинависты-исследователи допускают возможность фиксации в них действительно имевших место событий и неискаженной устной передачи рассказов о них в течение нескольких столетий (X–XIII вв.) вплоть до записи, особенно произведений скальдов-очевидцев.

Можно думать все, что угодно, но все же это сомнительно. Сомнение можно пояснить современными достаточно известными примерами, такими как авторские песни (а «из песни слова не выкинешь»); становясь популярными, «народными», они действительно не теряют слова, но иногда «меняют» их, и содержание приобретает другой смысл — или «улучшенный», или «ухудшенный», и устойчиво живет с этим новым смыслом. Более того, новый

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

смысл могут приобрести и слова. Да и два отмеченных приема в те далекие времена предназначались не для логических рассуждений, а для эмоционального восприятия, особенно песни «древних» скальдов. «Зачин» и вся манера прозаического повествования создавала эмоциональный «эффект присутствия», а поэтические строки «магией звучания» закрепляли этот эмоциональный настрой. Элементарная логика содержания приобретала силу непререкаемого извечного закона, хотя и составлялась для «оправдания» живых событий и не всегда была логичной.

В литературных произведениях средневековых эфиопских авторов, обычно называемых «Царскими хрониками», в тех же целях используется не менее двух приемов: первый заключается в почти таком же обилии имен живших тогда людей; второй прием по-своему близок к использованию цитат из скальдической поэзии (и видимо, играл ту же роль) — это постоянное цитирование Священного Писания, житий святых и других церковных книг. Следует заметить, что эти «хроники» записаны на древнеэфиопском (ныне мертвом) языке геез, литургическом языке эфиопской христианской церкви. И саги о конунгах (разумеется, исключая «Сагу об Инглингах»), и хроники негусов составлялись при жизни этих «королей» («монархов»). Встречаются исследователи, убежденные, что это делалось по повелению самих их главных «героев», но составлялись они не для просвещения последующих поколений (и не для того, чтобы мы знали историю давних времен), а как правовые и весьма объемные в этом смысле документы. Не склонность к литературному творчеству двигала пером автора, а особый «долг» перед многими (чьи имена в положительном или отрицательном освещении там и фиксировались), кому предстояло жить и занимать определенное социальное место после возведения в сан наследника. Вот этим-то обстоятельством и объясняются отмеченные приемы «абсолютной достоверности» и эмоциональной действенности. Иными словами, так писали не о прошлом (откуда и историографические неточности и даже несуразности), а о ближайшем будущем, очень важном для многих, о том, на что они могли рассчитывать, об их правах или бедах. Со временем из накопившихся саг или хроник создавали более или менее краткие (по изложению отдельных документов) своды, роль которых принципиально была той же. Все аналогичные документы имеют мало историографической ценности, они ценны как памятники старинной литературы и необычайно ценны для этносоциальной истории вследствие огромного содержания материала по живой реализации принципов архаического права. Например, в тексте «Хейскринглы» его так много, что в настоящем изложении удалось коснуться только ничтожно малой его части.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Глава 3
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ АРХАИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Нередко можно услышать суждение, что НЕПОЗНАННОЕ познается посредством сравнения с ИЗВЕСТНЫМ. Это кажется совершенно логичным, хотя и остается неясным — как надо проводить это СРАВНЕНИЕ. Чаще всего под сравнением подразумевается количественное сопоставление: чего-то больше или меньше, что-то редко или часто, и тому подобное. В конечном итоге подобное ПОЗНАНИЕ ранее неизвестного в гуманитарных науках порождает массу устойчивых представлений, которые, если присмотреться внимательно, почти совершенно игнорируют историческое изменение содержания многих очень важных понятий, особенно изменений качественных. Незаметно ПОЗНАНИЕ подменяется переносом ПРИВЫЧНОГО в любые времена и в любые места. Чаще всего это происходит в тех случаях, когда АВТОР доказывает СВОЮ концепцию, а ДОКАЗЫВАТЬ многим можно, только оперируя ИМ известным, принятым. Вывод парадоксален — понятия гуманитарных наук не требуют доказательств, они не стабильны качественно, их содержание принципиально различно в разные исторические эпохи, а количественные отличия расположены внутри однозначных серий и не связаны одним временем и одним местом.

Суахилийский термин родства *ндугу*

Термин *ндугу* принципиально невозможно перевести ни на один из современных европейских языков и вообще — на язык любого народа, находящегося на том же уровне развития, что и население Европы. В словарях, разумеется, есть перевод: брат, сестра, братья и сестры, поскольку форма слова не меняется по числам. Однако, такой перевод более чем условен, он вообще не отражает содержания термина родства «*ндугу*». Причина такого положения заключается в принципиальном различии основ родственных связей общества архаического и общества во всех отношениях современного, т. е. в различии исторического СТАДИАЛЬНОГО состояния этих обществ. Система европейских (и аналогичных им) терминов родства, называемая специалистами описательной, имеет своим принципом ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ происхождение конкретного индивида от двух других конкретных индивидов. Структура «ядра» следующая: отец и мать — родители (физиологические породители), представители старшего поколения; их дети (в любом количестве) между собой — братья и сестры

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

(кровно родные), представители младшего поколения. Это «ядро» имеет окружение — «менее родных» родственников в пределах каждого поколения и родственников более старших или более младших поколений. Как социально-организующая и правовая структура, это образование не может существовать без понятия «счета родства», который может быть либо мужским, либо женским. Счет родства (допустим — мужской) делит всех представителей этого образования на полноправных (в данном случае — мужчин) и неполноправных (женщин). Кроме того, деление на «совершенно родных» и «менее родных» выделит основную правовую «вертикаль» — (здесь) старших мужских потомков в каждом поколении, считая от «основателя рода» — «первого» по памяти прапредка в «вертикали» отца «ядра». Любой индивид этой системы получает полагающуюся ему долю «права» в связи с наступлением «совершеннолетия». Совершенно очевидно, что в этой системе такие понятия, как «основатель рода», «счет родства», «старший из сыновей» и «совершеннолетие» — понятия условные, т. е. обусловленные какими-то жизненно важными для этого образования обстоятельствами (содержащими свои понятия), хотя сама система выглядит безусловной, порожденной «естественным» обстоятельством — фактом «физиологического происхождения одного индивида от двух других индивидов» (при мужском счете родства — «одного индивида от одного индивида — мужчины»).

Тем не менее, и это «естественное обстоятельство» — УСЛОВНОЕ, и вызвано оно, в качестве исходной социально-правовой «идеи», исторически сложившимся понятием — «правом частной собственности». Кровнородственная структура отражает две формы этого права: право кровных родственников на «родовую собственность» и право индивида на «личную собственность». До появления социального представления о праве частной собственности физиологическое происхождение ИНДИВИДА не могло стать основой системы, регулирующей общественные отношения, поскольку для этого не было причины. Частная собственность, как показывает сам термин, — это ЧАСТЬ чего-то, что ранее принадлежало ВСЕМ.

Ее появление можно представить в двух вариантах: а) «коллектив» поделился на «группы», и, соответственно, поделилось то, что принадлежало этому «коллективу»; б) в «коллективе» выделились несколько «групп» (или одна «группа»), а вместе с ними из того, что принадлежало всем, выделились и их ЧАСТИ.

В специальной литературе (прямо или между строчками) чаще встречается первый вариант. При этом предполагается, что все происходило «естественным» путем. «Естественно» образовался «первичный кровный род» (не иначе, как два-три поколения потомков Адама и Евы, разумеется, не библейских, сотворенных Господом Богом, а какая-то, видимо, неуживчивая пара покинула свое стадо, и это были ее потомки), затем «род» раз-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

россся и «естественно» сегментировался. Получилось несколько «родов», а чтобы не совсем порывать с прошлым единством, установили (от условностей-то нельзя уйти и в «естественной эволюции») запрет брачных отношений внутри своего «рода», что вынудило к таковым меж «родами» (а некоторые специалисты считали, что запрет браков внутри «рода» был следствием открытия «пагубности кровосмешения»). Этот запрет «естественно» породил счет родства — если мужчины уходили в чужой «род», счет оказывался женским, если женщины — мужским.

Были и другие мнения, еще более «естественные»: счет родства возник до сегментации, и он был «материнским» — ведь рождают-то женщины, матери, а отцы при отсутствии регулярных браков неизвестны. Но возникает вопрос, прямой, хотя и непривычный — что заставляло людей в столь отдаленные времена индивидуально помнить, кто их родил? Можно этот вопрос поставить и иначе — зачем женщина того времени помнила всех, кого родила?

Ответ может быть только очень современный — «коллектив» помнил, кто кого родил, чтобы в случае утраты работоспособности родителем было кого обязать кормить его. Но тогда понятие КОЛЛЕКТИВ, тем более «кровнородственный коллектив», теряет смысл, слово превращается в пустой звук. Более того, постаревших «неизвестных» отцов, видимо, вообще не кормили. Очевидно, что все было не так, и «естественным путем» кровнородственный коллектив, «кровный род», возникнуть не мог.

С другой стороны, нет оснований считать, что кровный род как социальная структура являлся «институтом», т. е. был некогда сознательно «учрежден» обществом. Сложился он самостийно, но не биологическим путем. Точнее, самостийно «всплыл» на поверхность социальной действительности ПРИНЦИП кровного индивидуального происхождения в качестве основы социального права. Но для этого и до этого должны были появиться несколько взаимосвязанных условий. Первое из них и главное — полноценный переход к «активной» форме хозяйства, т. е. к земледелию или скотоводству (или к тому и другому вместе). Активные формы хозяйства сами по себе обладают такими свойствами, что не могут составлять единый экономический комплекс обширной этнической группы, она неизбежно разобьется на более мелкие коллективы, существующие за счет конкретных единых хозяйств. Таким образом, обособятся в каждом коллективе и многие проявления социальной действительности, но для появления «кровного принципа» в организации общественной жизни и прав ИНДИВИДА этого еще недостаточно. Разумеется, с течением времени все члены такого «отдаленного» коллектива в биологическом смысле оказываются кровными родственниками, но не биология определяет структуру человеческого коллектива, нормы его социальной жизни, а формы разделения труда, соответствующие характеру и уровню развития трудовых процессов.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Считается, что наиболее ранним было разделение труда между мужчиной и женщиной. Это положение кажется само собой разумеющимся, основанным на физическом различии организмов. Полностью отрицать этот принцип нет необходимости, но важно подумать — в каких сферах труда он проявлялся, в основных или в дополнительных? Что касается основных форм коллективного жизнеобеспечения, то вероятнее предположить для любого времени МАЛУЮ значимость полового диморфизма у человека по сравнению с различием физических, умственных и психических возможностей особей различного ВОЗРАСТА (младенец, подросток, молодой индивид, зрелый человек, старый). Каким бы убедительным ни казалось первичное разделение труда по полу, все же нельзя ни в каком смысле уравнять возможности, например, 10-летнего мальчика и 30-летней женщины. Из этого возможен только один вывод: в основном коллективном жизнеобеспечивающем труде «разделение труда» возникло и развивалось в связи с ВОЗРАСТНЫМ РАЗЛИЧИЕМ возможностей человеческого организма. Следовательно, и самые ранние социальные структуры основывались на ВОЗРАСТНОМ принципе, а не на принципе кровного происхождения одного индивида от другого. А КОЛЛЕКТИВ никогда не был механическим объединением индивидов, и даже самые ранние и простые формы его основывались на необходимости хотя бы простейших комбинаций различных действий, ведущих к общей цели. Иначе, этот труд просто нельзя назвать КОЛЛЕКТИВНЫМ, и он никого бы не «очеловечил». Формально, архаический возрастной коллектив объединял возраст (точнее — близость по возрасту), а по существу — физическая, умственная и психическая возможность осуществлять определенный комплекс жизнеобеспечивающего труда. И каждому «возрасту», следует полагать, соответствовал посильный комплекс занятий, а все они вместе составляли экономическую основу жизни любого архаического конкретного социума.

Обычно, когда речь заходит о первичной форме разделения труда между мужчиной и женщиной, полагают, что мужчины занимались охотой, а женщины собирательством. Однако, такое мнение — это не более, как перенос в отдаленнейшее прошлое наблюдений над нашими современниками из числа обитателей мало пригодных для жизни уголков земного шара. Собирательство и охота в столь отдаленном прошлом имели совсем другие условия, разделялись не по полу участников, а по сезонам года, и ими занимались люди, имевшие еще весьма незначительную традицию знаний и орудий труда. Кроме того, сколько бы индивидов ни собирало в одном месте и одновременно, например, ягоды дикой вишни, орехи или желуди, их труд вряд ли был коллективным, его коллективизм заключался не в процессе, а только в том (и тогда), что добычей делились и с теми, кто не участвовал в собирании.

Иное дело охота, особенно охота на крупного зверя. Однако, и ее описывают или изображают довольно странно, т. е., как правило, только момент

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

умерщвления зверя. Существует много рисунков с завязшим в болоте мамонтом и десятком первобытных охотников, мечущих в него камни и копья с каменными наконечниками. Вроде бы все правдоподобно, но стоит вдуматься, и обнаруживается нелепость. По какой бы причине мамонт ни попал в болото, он либо выберется, если оно мелкое и с твердым дном, либо утонет, и достать оттуда его будет невозможно. Камни не могут разбить ему череп, а копья в лучшем случае пробьют только шкуру. Первобытные охотники не тореадоры, и не в их интересах прибавлять ярости и без того свирепому и могучему зверю, и не такие глупцы, чтобы тратить силы и время на добычу, которая все равно утонет в болоте. Да и не это главное. Мамонты, мастодонты, бизоны и олени плейстоценового времени — звери не только крупные, но и стадные, с прекрасно развитыми формами инстинктивной защиты молодняка от нападений крупных хищников. Один или два десятка первобытных охотников не обратят в бегство даже небольшое стадо мамонтов, и если они ранят одного, остальные их просто растопчут. Прямое нападение следует исключить и для двух сотен охотников. Более реально и продуктивно для того далекого времени другое — умение, не вызывая беспокойства всего стада, каким-то способом отвлечь, отделить и отдалить от стада одно животное, заставить его следовать по какому-то пути, затем — испугать его, чтобы метнувшись, оно сорвалось с обрыва или угодило в заранее вырытую глубокую яму.

Не следует удивляться сложности предположенных приемов — ведь, по определению палеоантропологов, на мамонтов, мастодонтов, древних бизонов, овцебыков и т. п. охотились люди последней стадии палеолита, «хомо сапиенс», с мыслительной способностью, сходной с таковой у наших современников. Можно также предположить, что именно вследствие длительного использования «приема приманивания» выяснилась возможность «приучить» некоторых стадных животных к постоянному, не беспокоящему их присутствию людей около стада и даже в стаде, т. е. «приручить» их.

Что же касается копья с каменным наконечником, то еще неизвестно — от копий ли эти наконечники, а если и от копий, то мамонта или шерстистого носорога такими копьями убить нельзя. Мистер Шерлок Холмс, столкнувшись с убийством при помощи китобойного гарпуна, когда человек был пробит насквозь, сам пошел с гарпуном в мясную лавку, и попытался пробить свиную тушу подходящего размера. Ему это не удалось, отсюда вывод — убийцей был опытный китобой. Многие исследователи сами делали кремневые орудия, чтобы понять приемы их изготовления, но мне неизвестно, чтобы кто-нибудь из них делал попытки метать копье с каменным наконечником, хотя бы, например, в неошкуренную тушу коровы. Тем не менее, очень многие авторы с удивительной легкостью пишут об охоте на мамонта с каменным копьем, хотя кожа современного слона в несколько раз толще кожи домашней коровы. Находки же каменных ост-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

роконечников, вонзившихся в кость, можно объяснить и тем, что это происходило во время разделки туши, операции нелегкой для каменных орудий и после снятия шкуры. С каменным копьем можно было охотиться на некрупных животных, но и в этом случае оно не убивало зверя, а ранило, давая возможность преследовать по кровавому следу.

Но и для такой охоты, в смысле умерщвления добычи, гораздо больший эффект давало копье без наконечника и дубинка. Копье без наконечника — довольно длинный кол из твердого тяжелого дерева, конец которого обугливали над костром и заскабливали в острие. Некоторые авторы эту процедуру называют «закалкой на огне», но дерево от этого не твердеет, а просто легче поддается обработке. Огонь и каменный скребок были древнейшими инструментами для обработки дерева; и деревянных изделий у человека «каменных веков» было много больше, чем каменных, хотя исследователи, склонные к излишнему академизму, обычно скупо говорят о них, ссылаясь на отсутствие ранних археологических находок. Возможно, что подобные мнения вызваны и просто полным незнакомством с деревом и с приемами его обработки.

Если бы было широко известно, что дерево можно обрабатывать деревом же, не странствовало бы из книги в книгу нелепое утверждение о том, что огонь высекали, ударяя камень о камень. При ударе действительно видна «искра», но это только светящаяся каменная крошка с невысокой температурой. Много позже, когда появилась закаленная сталь, открылась возможность высекать огонь «из камня», хотя в действительности о камень срезали тонкую стружку с кресала с температурой около 800°С. Древнейший способ добывать огонь сам обнаружился, когда начали сверлить отверстия в деревянном изделии деревянным же сверлом, «распиливать» деревом дерево и т. п. Дерево употреблялось так широко, что и палеолит, и неолит правильнее было бы называть деревянным веком («ксилоном», что ли?).

Теперь можно подсчитать приблизительное количество разных по степени сложности и по силовым нагрузкам видов трудовой деятельности, которая составляла основу жизнеобеспечения, например, у людей верхнего палеолита и неолита. Начинать надо не с самых сложных и важных, как это делают обычно, а с самых простых и давным-давно освоенных; это менее «учено», но более рационально и последовательно. Прежде всего — это собирательство, простое — повседневное и повсеместное, и более развитое — сезонное. Простым повседневным собирательством и сейчас занимаются современные человекообразные и нечеловекообразные обезьяны, и никого из них этот вид жизнеобеспечивающего труда не очеловечил

[1] Следует иметь в виду, что автору во время написания книги были доступны лишь некоторые старые, вышедшие не позднее начала XX в., работы по языкам североамериканских индейцев, имевшиеся в те годы в научных библиотеках Ленинграда. — *Прим. ред.*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

(как никого из них не очеловечило использование в случае необходимости палок или камней). Следовательно, простое повседневное собирательство не имело никакого отношения к очеловечиванию. Сезонное собирательство также не чуждо современным обезьянам, тем более, что сезонность «регулируется» просто фактом созревания того или иного вида пищи. Результат тот же.

Несколько в ином положении оказывалось «собирательство» мелких степных зверьков, оно объективно требовало использования каких-то простейших «орудий» (палок, камней), требовало не поиска их по мере надобности, а постоянного присутствия, длительного ношения с собой и поиска их заранее. Этот вид «собирательства» обладал рядом прогрессивных воздействий: более качественная животная пища, необходимость длительного передвижения на двух ногах, необходимость иметь (носить с собой) «орудия», необходимость помнить об их надобности, об их пригодности. Обезьяны переимчивы вообще, а обстоятельства «собирательства» мелких, частых и обильных в степной зоне животных «завязали» начало простейшей градации, которая определила развитие нового вида жизнеобеспечивающих занятий — охоты с применением постоянных «орудий». Дальнейшее развитие этой деятельности, появление потребности в разнородных совместных действиях той или иной группы особей, породило начало действительно КОЛЛЕКТИВНОМУ труду (т. е. не массово однозначному, а совместному простейше-структурному). Если съедобные коренья, клубни и другая растительная пища никак не реагировала на присутствие человека, то животные, особенно мелкие зверьки, естественно, отбегали подальше от скопления людей и прятались. Это обстоятельство вызвало тот результат, что добыча была большей, когда охотники, может быть случайно, разбивались на маленькие группы.

Рано или поздно, но такое положение становилось обычным, как естественно и то, что группы сами складывались из особей, более или менее близких по возрасту, как сказали бы теперь — «по взаимному интересу». По своему характеру эта охота требовала не только удаления от места ночной стоянки всей группы, но и способности к быстрым и ловким движениям. Стало быть, ей не могли заниматься только что родившие или собирающиеся родить женщины, маленькие дети, больные и старые люди. Все они должны были оставаться на месте ночной стоянки и, в лучшем случае, заниматься собирательством вблизи нее. Видимо, так, сам собой, сложился более сложный, чем у других стайных животных, ритм жизнедеятельности, ритм, имевший перспективу дальнейшего развития. Этот ритм закрепил, как первичную и простейшую социальную структуру, деление каждой конкретной группы особей (независимо от численности и причин совместного пребывания) на две части: меньшую — пассивную и малоподвижную, и большую — активную и подвижную. Однозначность

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

этого простейшего социального деления в любой конкретной группе препятствовала ее «самозамыканию», т. е. давала полнейшую возможность сливаться нескольким группам в одну или расходиться даже в ином составе. Сохранялось только ставшее традицией деление на пассивную и активную части.

В развитии социума каждая из этих частей играла свою роль. Пассивная была тем «центром», куда к ночи собирались мелкие охотничьи коллективчики активной части, а на долю активной части падало дальнейшее развитие охотничьего хозяйства, что не только расширяло «ассортимент» добычи, но постепенно и закрепляло, соответственно физическим возможностям, (т. е. в конечном счете — соответственно возрасту) разные виды охоты за различными трудовыми коллективами. Становясь традицией, это усложняло первичную социальную структуру. С экономической позиции даже традиция деления конкретных групп на пассивную и активную части создавало первичную форму кооперации. Создавалась как бы «эстафета» занятий. Женщины, кормящие грудных детей, могли не только на какое-то время оставлять их под присмотром стариков, т. е. не таскать их с собой, собирая съедобные растения, но и охотиться на мелких зверьков довольно далеко от стоянки. Говоря иначе, раньше включаться в более продуктивный комплекс добычи пищи. Еще более важным было то, что каждый индивид, по мере вырастания, вместе со своими сверстниками, коллективным образом, постепенно осваивал разные виды охоты с постепенным возрастанием трудности и опасности, что, с одной стороны, закрепляло все более усложнявшуюся традицию охотничьих приемов и изготовления необходимых орудий труда, а с другой стороны, позволяло коллективу максимально использовать весь наличный резерв физической силы, не создавая без нужды крайних напряжений у отдельной особи. Даже слабые силы стариков и подросших детей нашли, таким образом, полезное коллективу применение.

В сложившихся простейших формах разделения труда и «кооперирования» (т. е. по силовым возрастным возможностям с комбинациями ролей) спонтанные выражения радости по поводу удачных результатов охоты или других дел (выкрики, приплясывания и т. п.), в силу своей однозначности и «коллективности», со временем породили простейшие социальные обряды, т. е. некие формы выражения этих естественных эмоций. Так же, видимо, обстояло дело и с неприятными или тяжелыми эмоциями: это их притупляло, помогало преодолению. Обряды придали разделению труда по возрастным возможностям характер регулируемой обществом структуры коллективной жизнедеятельности, структуры, в которой не было никакого места для индивидуальной памяти о кровно-физиологическом происхождении, и вообще не было никаких индивидуальных понятий и представлений.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Причиной же распространенного представления об изначальности принципа индивидуального кровно-физиологического родства в первичных социально-организующих структурах оказалось то обстоятельство, что Л.-Г. Морган, создавший стройную систему развития «первичного общества», свято верил в разрушительный характер близкородственного кровосмешения. По этой причине, ставя постепенно развивающийся разум в основу происхождения и изменения и материальной культуры, и социальных структур («изобретения», «установления»), он изложил всю историю «первобытного общества» как следствие постепенного осознания и устранения этого пагубного влияния: беспорядочное половое общение; структура, препятствующая половому общению индивидов разных поколений; структура, препятствующая бракам коллатеральных братьев и сестер; структура, ставящая преграду бракам родных сестер и братьев, и структура, закрепляющая пожизненный брак двух индивидов. Он называл эти структуры термином «семья» с соответствующими определениями, не замечая, что анализирует принципы их построения (собственно, даже и «промискуитет»), как разные «формы брака», с позиции современных ему представлений, перенося их как «мерку» все дальше и дальше вглубь ушедших тысячелетий. Он учитывает различия принципов морали, утверждая, что было время, когда половое общение родных брата и сестры не считалось обществом того времени аморальным — «кровнородственная семья», хотя дело было не в иных принципах морали, а в том, что отсутствовало само представление о близком или далеком «кровном родстве» — в нем еще не было надобности. Морган хотел «историю первобытного общества» поставить на такую же доказательную основу, какая была у событийной политической истории «письменных обществ», а «доказывать», как уже упоминалось, можно только опираясь на «всем известное», и тем самым переставил местами причину и следствие. Не «форма семьи» и не «моральные нормы» определяли характер общественной структуры, необходимой (как признавал и Морган) для жизнеобеспечивающего труда, а наоборот — развитие коллективных форм труда создавало те принципы, на которых формировались структуры общественных отношений, и все те изменения самих социальных структур, «форм семьи», моральных норм и т. д.

Помимо веры в пагубность «кровосмешения», были и другие причины, мешавшие Моргану правильно оценить имевшиеся материалы этнографического характера. Во времена Моргана и много позже (иногда и сейчас) вряд ли кто-либо понимал, что «социальные слова» в реальности «дикарей» имеют не то содержание, которое воспринимается европейцем по их переводу в словарях. Особенно это касается терминов родства. Рассылая анкеты миссионерам, торговцам и колониальным чиновникам, Морган собрал достаточно большой материал на эту тему, но, как и его информаторы-ев-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ропейцы, понял его слишком прямолинейно. Факты, когда несколько мужчин называют нескольких женщин термином, переводимым как «жены», а те именуют их «мужьями», понимались и миссионерами, и Морганом в «европейском смысле», т. е. либо как «омерзительная безнравственность», либо как пережиток первобытной формы семьи и брака — «групповой брак» в фактическом проявлении. Когда сведения содержали указания, что либо группа мужчин-мужей, либо группа женщин-жен называют друг друга термином, переводимым как «брат» (или «сестра»), что понималось как дети одной пары родителей, Морган делал заключение о появлении принципа, запрещающего брак коллатеральных братьев и сестер (не замечая, что для такого запрета необходимо, прежде всего, само представление о кровных и коллатеральных индивидуальных родственниках, как и об индивидуальных породителях). С позиций европейских представлений о «морали» и кровном индивидуальном родстве было трудно понять, что у многих обществ иного уровня развития еще отсутствовал принцип кровного индивидуального происхождения в качестве основы структур, организующих их социальную и производственную жизнь, что термины родства (групповые термины) определяли не кровную близость, а место индивида (в составе его группы, т. е. тех, кого он называл «термином социальной однозначности») в социальной структуре (в данный момент) и порядок изменений этого социального положения (в отличие от неизменности социального положения по рождению в европейском обществе). Собственные наблюдения Моргана в резервате сенека-ирокезов и в соседних резерватах, где, несмотря на групповой характер родственной терминологии, реальные жены и мужья жили парами — не столь стойкими, как европейские «семьи», но достаточно (а может быть и более) нравственными, — привели его к мысли, что для полного исключения «кровосмешения» человеческий разум еще на поздней варварской стадии развития создал кровный род и парную семью, что, по его мнению, открывало возможность индивидуального обогащения через индивидуальное наследование имущества по прямой линии, а в дальнейшем — и переход общества к политическим структурам, к государству.

Здесь во многом Морган был прав, но он по-прежнему менял местами причины и следствия. В отличие от многих современников и последователей (особенно тех, кто не признавал его заслуг), сам Морган не ставил кровный род в начало человеческой истории, он определил ему место в «преддверии» цивилизованного общества. Однако он считал кровный род результатом развития разума, а не следствием развития и углубления разделения труда, не следствием развития активных форм хозяйства (земледелия, скотоводства), которые по своему характеру требовали выделения особого права группы деятелей на результат этого труда. Прав он был и в том, что только с полным формированием кровного линейного генеалогиче-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ского рода возникает имущественное различие родов и составляющих их семей. Эволюционно выводя кровный род и парную семью из своих «предшествующих» представлений, Морган был вынужден считать, что в начале мог существовать только материнский счет родства, ибо «отцы были неизвестны точно», но Морган, как и многие другие исследователи доклассового общества, не предполагал, что в нормально функционирующем доклассовом обществе контакт малолетних детей и их физический породителей крайне ограничен во времени, что само понятие «дети» связано только с возрастом ребенка, требующим постоянного наблюдения взрослого человека, а групповые термины, переводимые как «дочери», «сыновья», соотносят индивидов этих групп с теми группами индивидов, которые они называют терминами, переводимыми как «матери», «отцы». И суть этой социально-организующей системы совершенно не связана с индивидуальным физиологическим происхождением одного индивида от двух других.

Ни Морган, ни его коллеги в других резерватах не могли наблюдать полноценной социальной, этнической и производственной жизни аборигенов, т. к. это уже были жалкие остатки их, теснившиеся в специальных резерватах. Христианских миссионеров, приобщавших «дикарей» к «истинной вере» в других, колонизуемых частях мира, мало интересовали еще сохранявшиеся фрагменты доклассовых структур, они с ними боролись, уничтожали как могли, полагая, что несут «дикарям» нравственность и мораль. Однако, в полнодействующем доклассовом обществе женщина, породившая ребенка и кормившая его грудью, очень скоро в его сознании «растворялась» во множестве других женщин, как и он «растворялся» во множестве других детей, рожденных другими женщинами. В первом случае это происходило потому, что перед маленьким человечком вставали трудные и неукоснительные задачи начала освоения всей жизненной традиции, и он вступал на этот путь в группе своих сверстников; а во втором случае рождение следующих детей, их кормление и другие заботы просто вытесняли из памяти тех, кого женщина, по сути дела, больше и не видела. Это подтверждалось и терминологически: в языках таких обществ слова, переводимые на европейские языки как «матери-дети», далеко не всегда подразумевали порождение одних другими, так что мнение исследователей об «изначальной известности породивших матерей» может быть основано только на несостоятельной убежденности о совместной жизни матери и рожденных ею детей до полной взрослости последних. Но человеческие дети — не детеныши животных, им всегда надо было многому и полноценно учиться, и учились они не у взрослых породителей, а прежде всего подражая тем, кто был несколько старше и кое-что уже умел, и так далее, от возраста к возрасту, пока не наступало время полноценного жизнеобеспечивающего труда.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Таким образом, ни парная, ни какая другая «семья» в условиях полноценного доклассового общества не могла создать представления о родителях как о самых близких и значимых родственниках — по той простой причине, что там не было «семьи» как элементарной единицы социальных и экономических отношений, а то, что называют «парной семьей», появилось как следствие развития орудий и приемов труда, т. е. как следствие разделения труда не только по возрасту, но и по полу. Говоря иначе, когда, наряду с систематическим коллективным трудом, появилась масса довольно сложных физически индивидуальных процессов, стал сказываться и половой диморфизм человеческого организма, а эти индивидуальные занятия распределились по полу, и в них сказалась парная последовательность работы. Только это обстоятельство, развиваясь и закрепляясь, и могло создать известную прочность (относительное постоянство) естественной «пары», физически воспроизводящей конкретный социальные коллектив. Во всяком случае, появление «парной семьи» никак не было связано ни со стремлением общества предотвратить «пагубность близкородственных браков», ни с «совершенствованием моральных представлений», которые сами были не более как следствием укоренившихся практических традиций. И не с закрепления «парной семьи» пошел счет родства, поскольку эта элементарная ячейка воспроизводства самих людей тысячелетиями оставалась растворенной в социально-родственной системе непрерывно и последовательно организуемых обществом ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП, составлявшихся из детей НЕЗАВИСИМО от их физиологического происхождения.

Система же ГРУППОВОЙ (классификационной) родственной (нефизиологической) терминологии, несомненно, появилась вследствие необходимости классифицировать соотношение этих групп между собой, которое как традиция фиксировало обязанности и права членов возрастных единиц любого конкретного этноса и порядок возрастного изменения обязанностей и прав. Принцип возрастного деления общества обладал чрезвычайно важным качеством — он не разрушался в случае «активных» изменений продолжительности ВОЗРАСТНОГО СТАТУСА или числа символов (групповых имен, тотемических знаков групп) в замкнутых (т. е. повторяющихся) конкретных системах. Это качество провело принцип возрастного социального деления через тысячелетия, без особых затруднений отражая те изменения в социальных отношениях доклассового общества, которые вызывались развитием его экономической базы. И только тогда, когда развитие идеологии потребовало внесения в возрастную систему социальной организации элемента физиологического происхождения, эта система начала разрушаться, и наконец рухнула вследствие нарушения создавшего ее неделимого права жизнеобеспечения.

Только с такого момента «парная семья» получила роль той «завязи», из которой развивающийся принцип кровно-физиологического индивиду-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ального происхождения создал кровный линейный генеалогический РОД, закрепивший за собой ОТДЕЛЕННОЕ (т. е. частное) право на средства жизнеобеспечения, право на дальнейшее обогащение. По форме родовое право собственности было коллективным, но по существу в полной мере оно фиксировалось на живом старшем представителе основной генеалогической линии, получавшем его по НАСЛЕДСТВУ от физиологического породителя и передававшего это право (также по наследству, т. е. после смерти) старшему физиологическому потомку. С развитием кровного линейного рода ГРУППОВАЯ терминология родства получила ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ значения терминов родственный отношений, отразившие новый принцип — принцип физиологического происхождения ИНДИВИДА. В этнографической науке такие системы родственной терминологии получили название «описательных». Это название полностью соответствует смыслу построения схемы, т. е. имеет в виду не столько термины родства, которых там очень мало, а словесное описание множества родственников и свойственников индивида-эго. Во времена Моргана юристы (а он тоже имел юридическое образование) самой совершенной описательной системой терминов родства считали римскую, состоящую из 157 родственных обозначений. Она была выработана древнеримскими правоведами и предназначалась для выяснения доли наследства отдаленных родственников, если не оказывалось прямых и близких наследников. Именно эту схему, в переводе на английский язык, в качестве «анкеты» рассылал Морган своим многочисленным «корреспондентам», т. е. колониальным чиновникам или миссионерам.

«Описательная схема» (например, «дочь сестры отца», «правнук сестры отца», «муж дочери сестры матери» и т. д.) давала очень разные результаты в зависимости от степени владения местным языком (языком «дикарей») тем, кто собирал необходимые Моргану сведения (это касалось не только терминов родства, но и «семьи», брачных обычаев, внешнего поведения, обращений). В тех случаях, когда собиратель хорошо знал язык аборигенов, он собирал огромное количество «родственной терминологии», т. е. по сути дела, получал ПЕРЕВОДЫ задаваемых вопросов (на английский или на иной европейский язык) латинской терминологии родства — ОПИСАТЕЛЬНОЙ. Сам вопросник как бы содержал и ответы на эти вопросы, например, «как называется брат брата твоего отца?», мог быть только один ответ: «брат брата моего отца», где будет правильная грамматическая комбинация из двух, совершенно не связанных терминов: «брат», «отец». Но это еще было не самым «вредным», хуже было то, что вопрос ставился в «единственном числе» (твой...) и ответ, естественно, звучал в «единственном числе» (мой ...), а это создавало «твердую иллюзию» ответов о физиологических (кровных) основах записываемых родственных отношений. То же самое получалось и с терминами «свойства». На вопрос: «Как ты называешь

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

жену своего брата?», могли получить ответ — «жена», что создавало «представление» о так называемых «групповых браках» в сексуальном понимании, о «широких групповых семьях» («пуналуа»), о «неполном преодолении пагубного кровосмешения». Даже повторяемость терминов, когда «отец», «брат отца», «мать» и «сестра матери» обозначались, соответственно, одним термином, не разбивала создавшейся «твердой иллюзии», что речь идет об индивидуальном физиологическом происхождении, ибо «мать» и собирателями, и исследователями мыслилась только как физическая породительница, как единственный «корень» любых систем родственных отношений, как естественный и единственный ИСТОЧНИК ПРОИСХОЖДЕНИЯ ИНДИВИДА. Если «обширность» терминов «жена», «муж» понималась как отсутствие «высших форм брака», то «обширность» терминов «родителей» либо игнорировалась, либо воспринималась как некая «условность», «формальность». Эту «формальность» Морган учитывал, учитывал «классы» родственников, но понимал это как следствие явления «переживания» терминами тех обстоятельств, которые их породили. Отсюда (при индивидуально-физиологическом понимании принципа родства) и его представления о всеобщей исторической стадии «групповых браков», «пулануальной семьи», «неизвестности отца» и «постепенности преодолении человечеством пагубности кровосмешения».

Однако, несмотря на все эти и другие «недоразумения», естественные во времена Моргана, в его теоретических построениях, связанных с системами родственной терминологии, были и драгоценные зерна. Он был совершенно прав, утверждая, что родственная терминология меняется медленнее изменений в общественной жизни и может служить опорой для построения «первобытной истории» и истории бесписьменных народов. Прав был он и в том, что до появления кровного рода с его обособленной РОДОВОЙ собственностью человечество знало достаточно сложные формы социальных отношений, только называл их — «семейными». Вследствие ряда «незыблемых» представлений своего времени Морган прошел мимо того «узла», с которого следовало начать проникновение в социально-родственные представления архаического дородового общества. Этим «узлом» как раз и были те термины, «наполнение» которых не вязалось с «естественными» понятиями об индивидуальном физиологическом происхождении.

Все вышесказанное можно проиллюстрировать примерами из работ самого Моргана:

1) РИМСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ РОДСТВА (основа анкет-вопросников Моргана). Собственно терминов родства (не «описаний») в ней немного. Это: *патер, матер, фратер, сорор, филиус и филиа, непос* и *нептис, авус и авиа, амита, патруус, матертера, авункулус*, т. е. 14 из 157 (+22 термина свойства). Остальные «термины» — синтагмы, составленные из перечисленных собственно терминов родства: *фратер филиус* — сын брата,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

амитае магнае филиа — дочь двоюродной бабки по отцу и т. д. Собственно же термины и стали той частью «анкеты-вопросника», которая заполнялась собирателем сведений, если последний не знал местного языка или знал плохо, т. е. пользовался далеко не совершенным знанием европейского языка информатора-туземца. Это обстоятельство, по сути дела, сохранилось до нашего времени, и полевой этнограф редко знает язык изучаемого народа. Среди»туземцев» сейчас можно встретить прекрасно говорящих по-английски, по-французски, по-испански и т. д., но вместе со знанием европейского языка такой «туземец», естественно, усвоил и европейскую терминологию родства, а это позволяет ему дать «полноценный», т. е. полнозвучащий ответ на любой вопрос собирателя сведений. Кабинетный исследователь знает туземные языки так же мало, или совсем не знает их. Хочет или он или нет, но для него, собственно говоря, «звучит» английский или иной ПЕРЕВОД терминов. В синтагмах-вопросах естественны элементы: «твой», «твоя» и т. д., что столь же естественно в синтагмах-ответах дает начала: «мой...», «моя...» на языке информирующего. Все это вместе создает (в кабинетных исследованиях) ложное представление о том, что опрошенные общества строят свои родственные связи на принципе индивидуальных отношений и физиологического происхождения индивида, с одной стороны, а с другой — наполняет записи несуществующими и ненужными в реальной жизни исследуемого общества «терминами», т. е. синтагмами-ответами, построенными информатором по всем правилам родного языка.

Это положение можно проиллюстрировать на материалах самого Моргана. Морган вряд ли знал язык сенека-ирокезов, зато в резервате, как обычно бывает, когда малое общество окружено большим и более значимым, несомненно, были люди, достаточно хорошо говорившие по-английски. Морган задавал вопросы (по своей анкете — латинской терминологии родства) и получал вызванные ими ответы. Количество полученных им ответов-терминов (вместе с терминами свойства) 219. Совершенно ясно, что сенека-ирокезы, даже в лучшую (чем жизнь в резервате) пору, не имели римского социального деления римских богатых патрициев, откупщиков, ростовщиков, торговцев и прочих рабовладельцев, как не имели и их многочисленных родственников разных степеней родства и разных имущественных состояний, что составляло в реальности «правовую сеть» любого из перепутанных между собой браками римских «генсов». Для начала можно взять такие синтагмы-вопросы: «твой дед», «твоя бабка», «прадед», «прабабка», «прапрадед», «прапрабабка»? (№№ 5–6, 4–3, 2–1, из «Сравнительной таблицы системы родства сенека-ирокезов из штата Нью-Йорк и народов, говорящих на тамильском диалекте дравидского языка», Л.-Г.Морган, *Древнее общество*, стр. 257). Синтагм-ответов (для простоты чтения — в русской транслитерации латинской транскрипции

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Моргана, поскольку «истинное произношение» ничего не меняет) –только две: *хок-come* для мужского пола и *ок-come* для женского. По сути дела — это одно слово с полоразличающими элементами, возможно, местоимениями «мой», «моя». Следовательно, дальше «дедов» у сенека-ирокезов «родственники» не отмечались, да и по полу не делились. Та же картина с внуками-правнуками — тоже только два «термина»: *ха-я-да* для мужского пола и *ка-я-да* для женского, но полоразличительные элементы иные, там — *хок* и *ок*, здесь — *ха* и *ка*. Причину этого различия выяснить трудно, но весьма вероятно, что она в особой сложности местоименной системы языков аборигенов Северной Америки вообще (во всяком случае — это более грамматика, чем лексика). Еще вопросы-синтагмы: «твой брат?», «твоя сестра?». На них ответов в таблицах Моргана нет, т. е. нет, казалось бы, самых элементарных терминов родства. Вывод из этого обстоятельства может быть только один — у сенека-ирокезов просто не было таких родственных отношений, как отношения физиологических потомков одних и тех же породителей, точнее, эти отношения не играли никакой роли в социальной жизни. К такому выводу сам Морган не мог прийти по объективным причинам — во всем обширном арсенале его знаний и представлении не было места для такой мысли, поскольку вся его логика строилась на идее физиологического происхождения индивида. Поэтому он вполне удовлетворился наличием своеобразного «общего» термина для «братьев» и «сестер» — *да-я-гуа-дан-но-да* (перевод: мои братья, моя сестры), а также — наличием терминов, дифференцирующих «возраст»: *ха-дае, ах-дае* (в другом месте — *ах-йе*) и *ха-ха, ка-га* (переводы соответственно: ‘мой старший брат’, ‘моя старшая сестра’ и ‘мой младший брат’, ‘моя младшая сестра’). Однако, если нет слова и понятия «брат», «сестра», то ни «возрастные» термины, ни тем более, длинное слово-предложение (*да-я-гуа-дан-но-да*), также не должны передавать привычных европейцу кровно-физиологических отношений. Это можно подтвердить еще четырьмя терминами: в переводах — ‘мать’, ‘сестра матери’ и ‘отец’, ‘брат отца’ — для первых — *но-йех*, для вторых — *ха-них*, из чего также следует, что речь шла не о физических породителях, и далее — ‘сын’ и ‘сын брата’ — *ха-ах-вук* (‘дочь’ — *ка-ах-вук*) для мужчины и для женщины и ее сестры. В синтагмах-вопросах идея физиологического индивидуального родства могла звучать только по-английски, ибо нелеп вопрос: «Как называешь ты своих матерей?» («отцов?»).

Такому анализу (и с такими же результатами) можно подвергнуть все таблицы Моргана, но уже этого достаточно, чтобы понять ход его мыслей. Из одинаковости звучаний терминов, которые он понимал («переводил») как ‘отец’ и ‘брат отца’, ‘мать’ и ‘сестра матери’, при его индивидуально-физиологическом понимании принципа родства, а также из наблюдений над «парной семьей» у современных ему сенека-ирокезов, Морган мог

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

сделать только тот вывод, что ранее у ирокезов была «групповая семья». Получаемая им обширная информация по родственной терминологии «дикарей» из разных мест земного шара и из других районов Северной Америки, во многом сходная с теми материалами, которые он собирал сам, утвердили в его сознании правильность таких выводов и позволили разбить «историю семьи» по этапам: каждый этап отмечал постепенность преодоления человечеством «кровосмешения».

Через сотню с лишним лет после Моргана в этнографической литературе появились в виде фрагментов и «следов» сведения о «возрастных структурах», еще не так давно действовавших у некоторых народов колоний. Однако, этот «институт» рассматривался вне других социальных явлений, как недавно возникший (ограниченно — у скотоводов) и не связанный с родственными отношениями, которые, как и сто лет назад, записывались и изучались в «ключе» индивидуального физиологического происхождения. Между тем уже материалы Моргана открывали другой путь исследования архаических форм родства и связанных с ними архаических социальных представлений. Можно сказать, что морганóвский материал по ирокезам представляет собой особую ценность. Прежде всего потому, что Морган был очень тщательным собирателем и квалифицированным систематизатором, чрезвычайно способным к сравнительному анализу. С другой стороны, и сенека, и другие ирокезы, как и большинство аборигенов Северной Америки, до появления европейцев были изолированными от внешних воздействий живыми представителями «хомо сапиенс» стадии раннего неолита (по характеру хозяйства). Из этого следует, что на основании иного, не индивидуального и не физиологически-родственного подхода, сведения Моргана о сенека-ирокезах (с учетом всего, что удалось собрать о социально-возрастном делении архаических обществ) достаточны для построения реконструированной модели социально-организующей структуры стадии раннего неолита.

2) СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА сенека-ирокезов. «На диалекте оджибве слово *тотем*, которое часто произносятся также *додаим*, обозначает ‘символ’ или ‘знак рода’; например, изображение волка представляет собой тотем рода Волк». (Древнее общество, стр. 97). Из этой цитаты следует, что Морган (как позже и Тейлор) не считал тотемы объектами религиозного поклонения, как не считал и того, что «дикари» будто бы верят в свое физическое происхождение от животных, растений и т. п. Группы, обозначаемые тотемом, по его представлениям были родами, т. е. группами физиологически родственных индивидов, состоящими из нескольких поколений породителей и их детей. Эти роды-тотемы по его материалам были объединены в 2-3 или больше (у разных племен) «фратрии». «Каждая фратрия представляет собой братство, как показывает сам термин. Роды одной и той же фратрии — братские роды по отношению друг к другу,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

и двоюродно братские по отношению к родам другой фратрии» (стр. 54). В этих же строчках, в скобках, Морган дает и ирокезское словопредложение, обозначающее то, что он называет греческим словом «фратрия» — *де-а-нон-да-а-йох*.

Эти положения Моргана создают несколько противоречий. Семантика элементов «словопредложения» отсутствует, и проверить прямо перевод Моргана невозможно, поскольку вообще не существует ни одного словаря аборигенных американских языков, где бы были «элементы», а не «слова», как нет и грамматик, где бы рассматривались «элементы», а не составленные из них словопредложения с семантикой европейских слов.[1] В его таблице, как было отмечено, нет терминов со значением «брат», «сестра» (как физиологических детей одних и тех же породителей). Термины для двоюродных братьев и сестер повисают в воздухе. Как их называют, *ха-ах-вук* и *ка-ах-вук*, т. е. дети женщин-матерей или мужчин-отцов — понять трудно, ибо *ха-сох-нех* и *ка-сох-нех* — дети «брата матери» или «сестры отца» по «переводу» — ‘племянник’ и ‘племянница’. ‘Племянником’ и ‘племянницей’ «переводятся» также термины *ха-я-ван-да* и *ка-я-ван-да*, т. е. дети «сестры» мужчины или «брата» женщины. Отмечалось, что в таблице есть множественный термин *да-я-гуа-дан-но-да* со значением ‘братья-сестры’, но это не снимает противоречий. Перевод словопредложения *де-а-нон-да-а-йох* словом «фратрия» не имеет никаких оснований, но он уводит в сторону от противоречий своей понятностью каждому европейцу, как и название группы людей, имеющих один тотем — род. Совершенно ясно, что, так же как при сборе информации о терминах родства Морган использовал как анкету список латинской терминологии, здесь он использовал сведения о структурах античных обществ Греции и Рима. Говоря иначе, он «приложил» показавшуюся ему подходящей некоторую терминологию сенека-ирокезов к античной терминологии, соответствовавшей структуре раннеклассового общества, общества много более развитого. Даже когда он сделал чрезвычайно важное для понимания структуры ирокезского общества замечание о том, что ирокез (как мужчина, так и женщина) не может вступить в брак в другом тотеме своей фратрии, разъяснения дал «античные» — но может избрать жену или мужа в ЛЮБОМ другом тотеме. Действительно, древний римлянин, например, не мог вступить в брак в своем генсе, но мог в любом другом. Сам же Морган, анализируя материал, присланный ему из Австралии, писал следующее: «Иппаи мог жениться на Капотаи, и ни на ком другом, Кумбо мог...» (Древнее общество, стр. 33), т. е. он был одним из первых, кто отмечал существование у «архаических» народов жестко направленных норм брака. В резервате сенека-ирокезов он уже не мог наблюдать то же правило относительно их тотемов, их социальная жизнь была полностью разрушена, а у австралийцев (того же времени) еще сохранялась.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Несомненно, что «разъяснение» Моргана излишне, и ирокез мог вступить в брак только в строго определенном тотеме и ни в коем случае не в своем. Это уже подтверждается и тем, что ирокез «сестер своей матери называет матерями, а братьев отца — отцами», из чего следует принадлежность и тех, и других к одной группе однозначных (тотем) и к другой группе однозначных (тотем), ибо «сестер» и «братьев» нет, а есть общие «дети» этих групп, каковыми является и каждая группа «родителей» для групп своих «родителей». Весьма вероятно, что множественный термин *да-я-гуа-дан-но-да* («братья-сестры») — это и есть название группы однозначных, и мужчины одной из таких групп вступают в брак (т. е. имеют право выбора) с женщинами определенной другой. Символом же каждой группы является ее тотем, ее общее имя. Таких имен-тотемов у сенека-ирокезов было восемь, и они делились на две группы, внутри которых брак был запрещен. Следовательно, брачный порядок тотемов мог быть только такой: мужчины I-го тотема 1-й «фратрии» могли вступать в брак с женщинами I-го тотема 2-й «фратрии», а мужчины этого тотема — с женщинами II-го тотема 1-й «фратрии», мужчины этого тотема с женщинами II-го тотема 2-й «фратрии», так через один тотем все восемь. Другого решения, удовлетворяющего правилу не вступать в брак в своей «фратрии», не существует. Что же до упомянутого «разъяснения», то право вступать в брак в любом тотеме другой «фратрии» привело бы систему к бессмысленному многообразию вариантов, к практической ненужности. Цепочка же из восьми жестко связанных брачных правилом групп (внутри которых брак запрещен), через одну маркированных символами-тотемами двух бракозапретных «фратрий-линий», составляла принципиальную основу стройной и простой системы не только брачных порядков, но и всей социальной деятельности доклассового общества. Каждая конкретная группа (а не индивид) бракозапретных мужчин и женщин, т.е. *да-я-гуа-дан-но-да*, упрощенно — «братья-сестры» — была минимальным элементом этой социально-организующей системы и в соотношениях с другими такими группами, помимо тотемического символа, маркировалась соответствующим групповым «термином родства». Так, например, мужчины определенного тотема одной «фратрии» (*ха-них*, упрощенно — «отцы») имели право быть мужьями (*да-яке-не*) женщин определенного тотема другой «фратрии» (*но-йех*, упрощенно — «матери»), которых они называли также *да-яке-не*, соотносились с еще одной группой, считавшейся группой их «детей» (*ха-ах-вук* и *ка-ах-вук*, упрощенно — «сыновья», «дочери», что не зависело от физиологического происхождения). Физические «семьи» у сенека-ирокезов были парные, а нормы брачных прав и запретов — групповые. Это и породило в сознании Моргана представление о бывшей некогда физической «пуналуальной семье». В реальности же парная семья ирокезов не имела никакого отношения к социально-родственной структуре, ибо она порождала физических детей, а не социальных индивидов.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Групповое и нефизическое соотношение «дети — родители» естественно предполагает и два «колена» реальных групп-тотемов, т. е. 8 символов в старшем и 8 их повторений в младшем «колене». В таблице терминов родства есть и «колено» дедов, т. е. термины *хок-come* и *ок-come* («дед», «бабка», повторяющиеся в «переводах» в значении «прадедов», «прапрадедов» и т. д.). Из этого следует третье «колено» из 8 реальных групп с теми же тотемическими символами. Стало быть, в конкретный отрезок времени у сенека-ирокезов в социально-активной фазе жизни находилось 24 бракозапретных группы мужчин и женщин, поделенных статусом старшинства на три «колена» и маркированных восемью тотемическими символами. За пределом социально-активной фазы находились грудные младенцы и старики, то есть «прадеды» и т. д. Последовательная связь реальных групп-тотемов брачными нормами в пределах каждого «колена», вроде бы, подводила к умозаключению о замкнутости каждого «колена», а повторяемость тотемических символов по вертикали (т. е. в «коленах» «детей», «родителей» и «дедов») как бы указывала на линии кровных родов, но обстоятельства оказались более сложными.

Среди наших отечественных этнографов первым, кто заинтересовался всеми этими вопросами, был Л.Штернберг, занимавшийся изучением жизни гиляков. Он нашел у них «фратрию», состоявшую из трех тотемов (которые он, как и Морган, счел линейными родами физиологических предков и потомков), но, пытаясь связать эти три тотема с их строгими брачными запретами и обязательствами в «поколенное кольцо», обнаружил, что «свободные» крайние мужчины и женщины (в крайних группах-тотемах) по нормам гиляков бракозапретны. Л. Штернберг, как это делал и Морган, когда полученные от информаторов сведения были неполными, предположил «вымерший» четвертый тотем. Линейный генеалогический род действительно мог вымереть, но с тотемом-группой при действующей системе такого произойти не могло — группа составлялась не по физическому происхождению детей, а по достижению ими возраста вступления в социальную жизнь, и у конкретного этнического коллектива всегда нашлись бы «нужные» дети, даже если бы все их «родители» по системе оказались физически бездетными. Таким образом, брачный запрет «свободных» крайних мужчин и женщин, обнаруженный Л. Штернбергом, лежал совсем в другой плоскости — эти мужчины и женщины были слишком различны для брака и по реальному, и по социальному возрасту. Штернберг при опросе оперировал гиляцкими терминами родства и получал соответствующие ответы, но запрет в реальности не обозначал, что кто-то из гиляков оказывался вне брака — просто спрашивающий исходил из системы, не свойственной гиляцкой социальной структуре. Дело в том, что практически и гиляцкая, и ирокезская, и любая аналогичная социально-родственная структура представляла собой «бесконечную» цепочку последовательно

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

организуемых возрастных (внутренне бракозапретных) групп, связанных друг с другом брачным обязательством, маркированных определенным в каждом конкретном обществе числом тотемических символов (тотемических групповых имен или иных знаков), что и делило «цепь» на отрезки, которые не были физическими поколениями, а только «коленами» системы — с позиции той группы, которая в опросе оказывалась отсчетной (т. е. «эго»-группой). С этой позиция любая женщина из старшей группы «колена» «эго» могла (и должна) вступить в брак с мужчиной из младшей группы старшего «колена» (т.е., по терминологии родства, — с младшим представителем «колена» «отцов»), который практически был на столько же старше ее, насколько старше был муж любой женщины в этой системе. Замкнуть же «колено» в «кольцо» брачных обязательств было невозможно потому, что само «колено» было ступенчатой «возрастной лестницей», и, например, младшее «колено» на одном конце своей «лестницы» имело группу детей только входящих в социальную систему, а на другом ее конце — группу женщин, которые были готовы получить право замужества. Понятно, что «брачного кольца» тотемов просто не могло быть. Что же касается возрастного различия между «ступенями» системы (так же как и между реальными группами-тотемами одного «колена»), то его можно вычислить, зная число тотемов в «колене». У сенека-ирокезов их 8, женщины старшей группы младшего колена либо были готовы выйти замуж, либо уже были замужем. Женщины стадии «хомо сапиенс» физиологически созревают для замужества примерно к 16-ти годам или чуть позже. Если взять «усредненную» цифру (а в групповых обычаях не может быть индивидуального отсчета), то 16 без остатка разделятся на 8, что и определит возрастную разницу между группами «тотемами», а возрастная разница между «детьми» и «матерями» будет равна 16-ти годам, между «детьми» и «отцами» — 18-ти, между мужем и женой — 2 года. 2-летний (или около того) возраст — возраст вхождения в социально-организующую систему возрастного родства, а 48 лет — возраст выхода из нее во внесоциальное состояние. Дискретно, через каждые два года, происходило перемещение всех конкретных групп на следующую возрастную ступень (в следующий социально-возрастной статус), в связи с чем менялись обязанности и права членов групп, но не менялось соотношение каждой группы с другими по системе групповой родственной терминологии, как не менялся и символ-тотем группы. Даже полевой этнограф, длительно пребывающий в изучаемой среде, только наблюдением не может обнаружить действие этой системы полностью, поскольку она не предписывает членам тотемических групп ни совместного поселения, ни иных постоянных совместных действий. Более того, переходя «временную черту социального полноправия, т. е. вступая в брак, члены возрастных тотемических групп образуют постоянные ВИДИМЫЕ сочетания — физические семьи и их, не регламентированные системой, совместные (или раздельные) поселения.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Эти видимые сочетания людей чаще всего и рассматриваются полевыми этнографами в качестве средоточия социальных связей и отношений, и наблюдаемое фиксируется в записях, квалифицируется соответственно с той теоретической установкой, которой придерживается этнограф, что вместе создает и комплекс вопросов, задаваемых туземцам. По-видимому, даже крупнейшие исследователи архаической социальной жизни, какими были Морган и Штернберг, не считали нужным в неясных случаях задавать вопрос — «почему?», полагая, что на такие вопросы может найти ответ только сам исследователь, найти путем сопоставления с известным, путем аналогий. Так, Морган, обнаружив у сенека-ирокеза две группы тотемов (что, по аналогии с античными данными, он счел двумя группами линейных родов и назвал «фратриями»), задал вопрос о возможности брака внутри тотема и внутри «фратрий», и получил отрицательный ответ. Это как бы «доказало» правильность его аналогий, и других вопросов он не задавал. Перед Штернбергом оказалась одна «фратрия» из трех «родов», и он задал тот вопрос, которым пренебрег Морган: «Может ли гиляк вступать в брак в любом из двух других «родов»?». И получил ответ о строгой направленности брачных порядков. Предположив «кольцо» и получив ответ отрицательный, Штернберг не спросил «почему?», а по «аналогии» решил, что был четвертый, ныне вымерший «род».

Метод аналогий и сопоставлений не плох сам по себе, но он подводит, если сравнивается не ОДНОЗНАЧНОЕ В ГЛАВНОМ, а главное здесь — категориальная ступень социально-исторического развития сопоставляемых обществ. Общество ирокезов — глубоко ДОКЛАССОВОЕ; античное — хотя и раннее, но КЛАССОВОЕ; а общество Моргана — высоко развитое классовое буржуазное общество, и невольное смешение различных представлений обернулось бедой в выводах этого величайшего исследователя. Штернберг, по той же причине, остановился на грани, за которой открывалась суть архаической социальной структуры, и в каждом случае отрицательную роль сыграло отсутствие достаточно ясных сведений о возрастных делениях. Даже сейчас, когда таких материалов достаточно, чрезвычайно трудно воспринять их понятийное содержание.

Трудно почувствовать (или осознать разумом — «чувства» не из научного арсенала), что «ближайшие» родственники — это не те индивиды, с которыми индивид связан физиологическим происхождением, что «я» — ничего не значащая частица значимой группы «мы», что матерей и отцов много, что главные родственники не они, а смежная старшая группа, от которой «мы» периодически «наследуем» всю активную часть жизни. Само понятие «старшие» или «младшие» («братья», «сестры») не имело значения физически родившихся индивидов до меня или после меня у моих физических породителей, как не относилось и к членам моей возрастной группы — ее составляли во всем социально-однозначные, «одновозрастные»,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

хотя по некоторым материалам «календарный» возраст членов группы разнился на 4, 8, а, возможно, и на 12 лет.

Это понятие «старшие», «младшие» было довольно сложным. С одной стороны, оно связывало три группы — «мою» и две смежные по сторонам; с другой — каждые две смежные, ибо они взаимно были старшая и младшая; с третьей стороны, если в «колене» их было много (как, например, у сенека-ирокезов — восемь), то старших или младших оказывалось несколько, в зависимости от того, на какой «ступени» колена в данный момент находилась «моя», т. е. отсчетная, группа. Естественно, что межгрупповое соотношение старшинства сохранялось, как и соотношение, фиксируемое групповыми терминами родства, независимо от перемещения групп по статусам возрастной шкалы социальных состояний. Была и еще одна специфика в понятии старшинства групп: для группы, вступившей в I-й статус возрастной системы, все группы (и их члены) были старшими; для группы стариков (т. е. группы, выходившей из системы во внесоциальное состояние) все были младшими. С позиций представлений архаического доклассового общества понятно, почему в длинном списке терминов социальных отношений нет слов «брат» и «сестра», в значении «дети одних породителей» — таковыми они были в досоциальном состоянии, до возраста в 2–3 календарных года, пока жили с ними в «парной семье», которая не представляла собой элемента социальной структуры. Для наглядности все это можно изобразить в схемах (см. рис. 3.1–3.6).

(**Примечание.** В схемах 4, 5, 6 в скобках — условные «значения» терминов, не имеющие никакого отношения к индивидуальному физиологическому происхождению «эго», который — любой индивид из группы. Ирокезские термины, по-видимому, записаны в единственном грамматическом числе словопредложений, множественная форма этих слов неизвестна.)

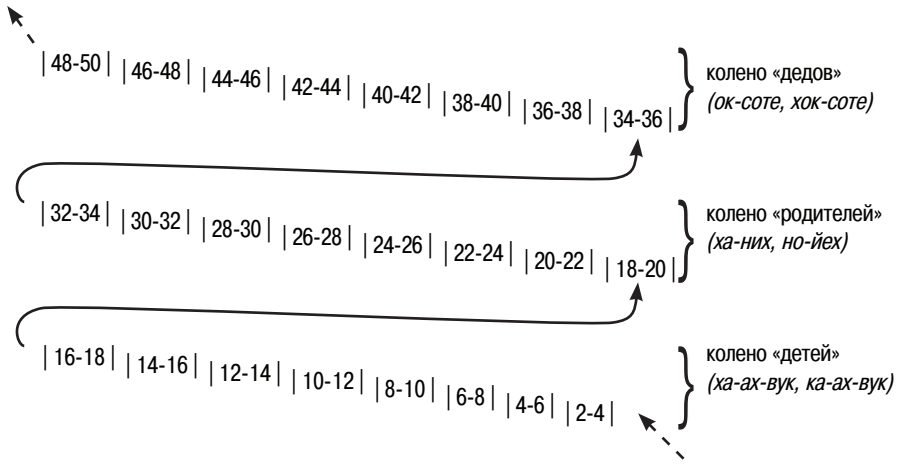

Рис. 3.1. Схема возрастных статусов трех колен сенека-ирокезов

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

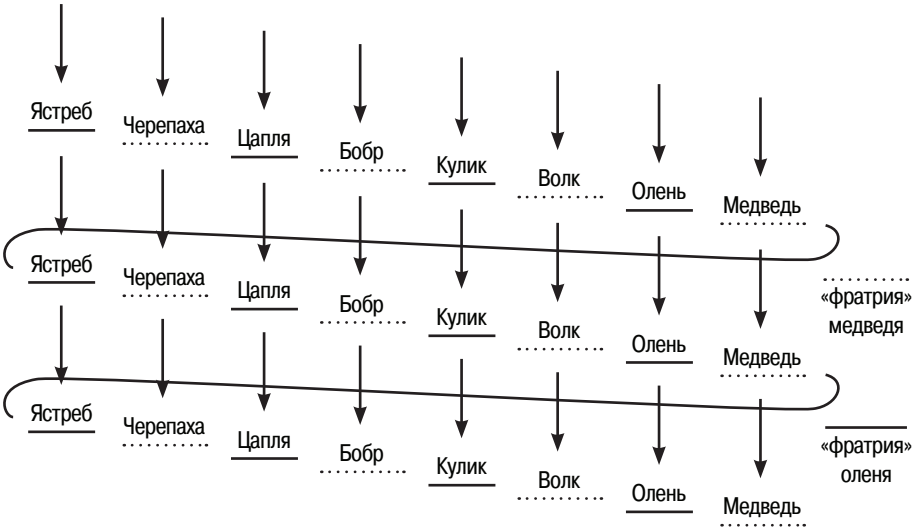

Рис. 3.2. Стативная схема тотемов сенека-ирокезов

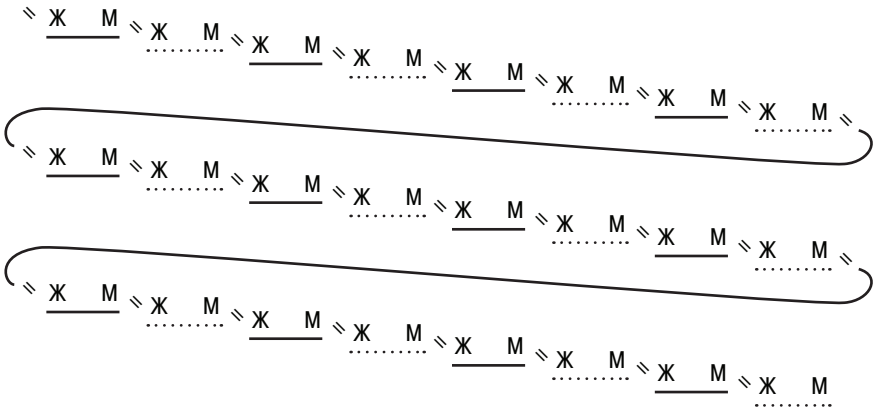

Рис. 3.3. Схема жестконаправленных браков

Из 1-й схемы (рис. 3.1) видно, что возрастная разница между любой группой (т. е. любым возрастным статусом) колена «детей» и соответствующей ей группой (статусом) колена «родителей» — 16 лет, а соответствующей группой (статусом) колена «дедов» — 32 года; что продолжительность всего социально-активного цикла жизни — около 50 социальных лет (52–53 «календарных»).

2-я схема (рис. 3.2) показывает, что чередование тотемических символов 1-й и 2-й «фратрии» через один образует в трех активных коленах вертикальные тотемические «ряды», которые за пределами социально-активного возраста уходят в «бесконечное» прошлое, способные «бесконечно» нарождаться за счет групп, входящих в систему в 2-летнем возрасте. Эти

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

«ряды» со своим тотемическим символом можно назвать ТОТЕМИЧЕСКИМИ РОДАМИ.

3-я схема (рис. 3.3), схема норм обязательных браков, демонстрирует «бесконечную» цепочку возрастных групп, делящихся на 2 «фратрии», где брачный порядок исключает брак в своей «фратрии», как исключает и брак «в любом тотеме чужой фратрии».

4-я схема (рис. 3.4) — схема группового родства старшего колена с младшим. Из нее видно, что «дети» получают тотемический символ от «матерей», что мужчины всех возрастных групп старшего колена считают членов всех групп своей «фратрии» младшего колена своими «племянниками», а членов групп младшего колена противоположной «фратрии» — своими «детьми» (женщины — соответственно, наоборот, младших членов своей «фратрии» считают «детьми», а противоположной — «племянниками»).

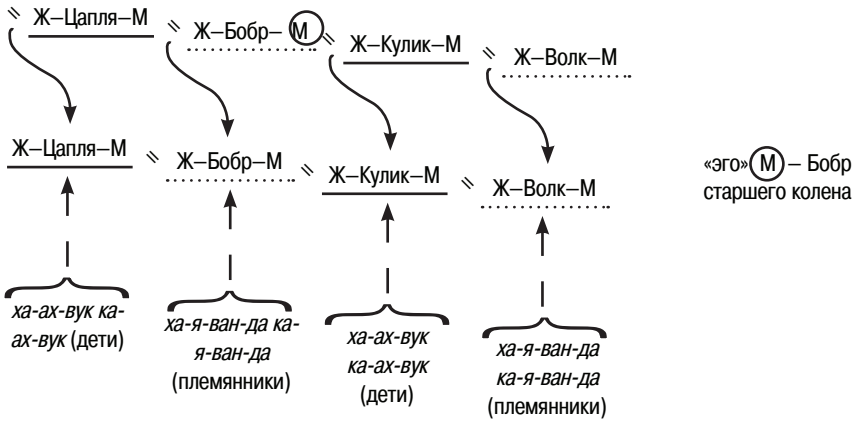

Рис. 3.4. Схема родственных связей групп для «эго» М старшего колена

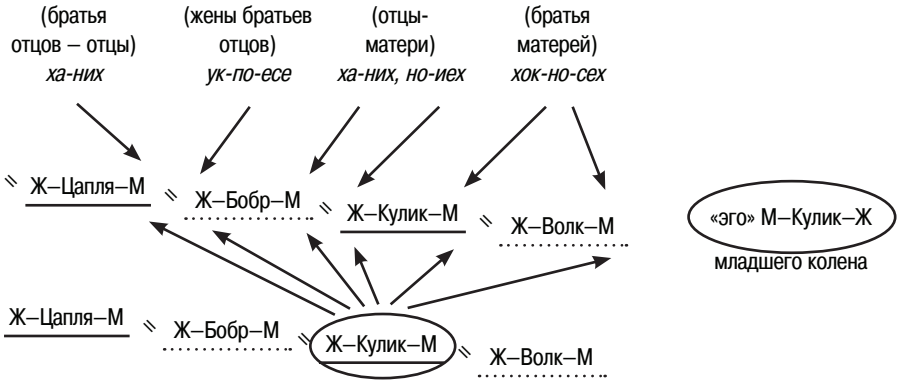

Рис. 3.5. Схема родственных связей групп для «эго» М младшего колена

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

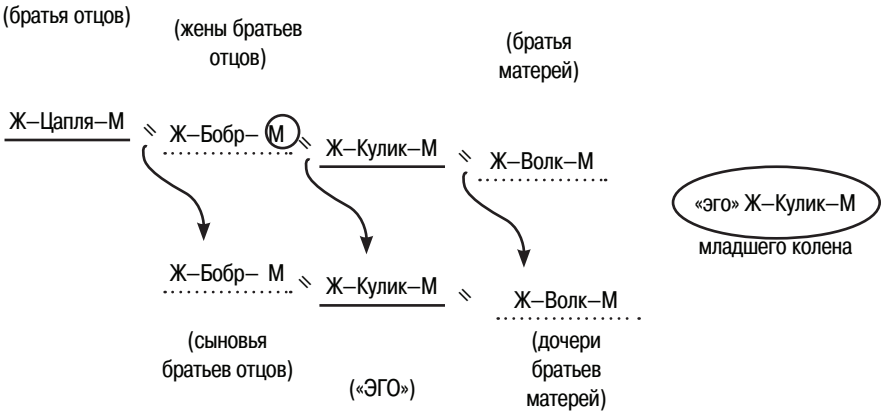

Рис. 3.6. Схема обязательных брачных прав для «эго» Ж-М младшего колена

5-я схема (рис. 3.5) отражает аналогичную картину со стороны младшего колена, колена «детей».

6-я схема (рис. 3.6), схема брачных норм в связи с тотемическими символами, поясняет на очень архаичном примере правило, часто фигурирующее в этнографических записях под названием «идеального варианта брака», по которому женщина выходит замуж за «сына сестры отца» (по записям Моргана это будут «сыновья жены брата отца»), а мужчина женится на «дочери брата матери». Говоря иначе, женщины и мужчины одной возрастной группы соответственно полу должны избирать супругов в «прилежащих» возрастных группах. В одних этнических традициях члены «прилежащих» групп взаимно именуются терминами родства, переводимыми как «братья-сестры», и только после брачных обрядов это меняется на термины «муж-жена», в других градациях соответствующие мужчины и женщины «прилежащих» групп изначально именуются мужьями и женами, что и создавало в понимании миссионеров (и других лиц) представления о «групповом браке». Есть традиции, где обращения «муж-жена» практикуется между «дедами» и «внуками», что иногда вызывало недоумения этнографов. Поскольку архаическая групповая (возрастная) терминология родства не могла быть той схемой прав при дележе наследства, каковой является система индивидуальных терминов родства классового общества, она была, по сути своей, системой терминов-обращений, а система тотемических имен (как вторая секущая линия) полностью уточняла обращение, т. е. соотношение социальных статусов общающихся.

Наиболее сложен вопрос с «личными» именами в архаических обществах. Авторы художественных произведений, касающихся очень далеких времен, например, палеолита, обычно изобретают личные имена для своих героев, да и вообще наши современники полагают, что люди любого времени не могли бы обходиться без личных имен. Таково влияние привыч-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ного на сознание человека, но привычное может выглядеть иначе. Этнографический термин «тотем» практически был вопросом о «имени». На близких языках аборигенов Америки, расселенных в районе Великих озер, это слово (в звучаниях: *до-дам, то-тем, ото-дам*) переводимо как «твое (групповое) имя?». На что следовал ответ: Волк, Олень или иначе. Спрашивающий также называл свое тотемическое имя, и сразу становилось ясно, «кто из них кто», а из этого следовало полное обращение, например: «старший брат мой Волк» или др. «Персональные имена» были редкими, их удостаивались немногие за большие деяния или подвиги, но они никогда не произносились от первого лица. Существовали «имена-титулы» для общественно-значимых персон, но и они не произносились от первого лица. Все это нетрудно принять, если преодолеть «привычное» и понять, что в архаическом обществе индивид имел социальное значение только как член своей группы и в соответствии с возрастным статусом, в котором его группа находилась в данное время. В личных именах просто не было необходимости, но со временем, когда глубокие социальные изменения вызвали к жизни «институт личного имени», произошло любопытное превращение — групповые тотемические имена стали запретными, «тайными». За этот же период социальных изменений (различный по протяженности в зависимости от конкретных исторических обстоятельств в конкретных обществах) произошло и другое изменение — некогда групповые термины социально-возрастного родства стали передавать индивидуальное кровно-физиологическое происхождение. Но это происходило не сразу, а постепенно, по этапам, в известной мере соответствовавшим этапам перехода общественных отношений от доклассовых к классовым. Теоретически, в самом кратком виде, эти этапы можно изложить в следующем виде.

Если принять за начало отсчета ирокезский вариант (далеко не самый простой и «первоначальный») — 8 тотемических групп в колене, с временным различием в 2 года, — то следующий этап заключался в удвоении временного разрыва и в соответствующем сокращении числа тотемических групп в колене, поскольку продолжительность активного цикла человеческой жизни оставалась той же, то есть около 50 лет. Далее, какие-то причины заставили общество еще раз удвоить время одного возрастного статуса, он стал длиться 8 лет (как одну из причин можно предположить необходимость освоения все большего и большего количества традиционных знаний и умений). Это изменение сопровождалось превращением младшего и старшего колен социально-возрастной системы предыдущих периодов в одно «колено социально-активных людей», что увеличило возрастной разрыв между коленом людей и коленом «предков» с 16 лет до 32, а колено предков стало, таким образом, состоять почти целиком из умерших. Вероятнее всего, это изменение было связано с установлением хозяйства развитого неолита, т. е. с устойчивым преобладанием активных форм жизнеобеспе-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

чения (скотоводства, земледелия). С этим периодом можно связать появление ритуального почитания умерших «предков», появление культа растений или животных, развитие культа плодородия, культа «женщины-матери».

Дальнейшее развитие активных форм хозяйства с неизбежностью столкнулось с «относительным недостатком хозяйственных угодий», что у обществ, опередивших других в развитии, впервые в истории человечества вызвало применение орудия против людей, т. е. военные столкновения из-за пастбищ и пригодных для земледелия пространств. Появление войн внесло некоторые изменения в порядок организации возрастных групп — мужские и женские группы стали формироваться отдельно вследствие того, что для мужчин возникла необходимость еще в одном возрастном статусе — статусе ВОИНА, т. е. в дополнительном 8-летнем (на грани статуса юноши и взрослого мужчины) времени для полноценного освоения военного оружия. Тотемические имена и другие символы групп также разделились на мужские и женские: женских осталось 4, а мужских стало 5 в колене. Так получилось, что общее социальное время одного колена стало составлять 40 лет (8×5), а первая и последняя женские группы в колене оказались с одним и тем же символом — за 4-м снова шел 1-й. Эта перестройка схемы возрастных статусов сказалась и на нормах обязательного (жестконаправленного) брака. Если до этого, при наличии общего символа и для женщин, и для мужчин (членов одной группы), было достаточно знать, например, символ (тотем) женщины, чтобы точно сказать, каков символ ее мужа, то в новых обстоятельствах, в непрерывном процессе вхождения в систему новых групп и выхода во внесоциальное состояние старых, из-за разницы числа мужских и женских групп в колене (т. е. «кольцах» повторения символов) происходило непрерывное смещение парности символов. В подобных обстоятельствах для определения нормы браков стало мало одного символа, нужно было учитывать и «момент смещения» символа жены по отношению к символу мужа. Эта сложность породила мнемонические приемы, т. е. возникли специальные устные сжатые формулы-мнемоники с перечислением надлежащей парности тотемических мужских и женских имен. Такие мнемоники фиксировали групповые тотемические имена в единственном грамматическом числе и внешне напоминали «генеалогию» некого «эго» (как рассматривали их фрагменты в этнографических записях). Структура ранних мнемоник примерно следующая: 1-Имя «эго» — «А», имя отца — «А», имя деда — «А», имя прадеда — «А», имя прапрадеда — «А» (разрыв времени между «эго» и «прапрадедом» — 160 лет); имя матери «эго» — «Б», имя жены деда — «В», имя жены прадеда — «Г», имя жены прапрадеда — «Д» (равно и имя жены «эго»); имя брата матери «эго» — «Е», имя брата матери-матери — «Ж», имя брата матери-матери-матери — «З».

Это — очень полная мнемоника, она встретилась только единожды, обычно в этнографических материалах встречаются небольшие фрагменты, либо

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

в виде так называемого «шуточного родства», либо в замечаниях об «идеальном варианте брака», о «кросскузенном браке», «о браках брата и сестры». Есть еще две почти полные мнемоники: первая — древнеирландская, в «Лекциях по древнему праву» Г.-С.Мена, о четырехступенчатой системе; вторая — пятиступенчатая, с точным указанием 8-летнего разрыва между ступенями (статусом) в «Истории галла» эфиопского монаха XVI века Бахрея о галла-оромо Восточной Африки.

Гораздо чаще доходят мнемоники и их фрагменты от следующего этапа изменений социально-возрастной системы, когда в нее проникает принцип физиологического происхождения. Собственно, этот принцип, получая социальную значимость, «выделяет» из общеэтнической системы (пятистатусной в одном колене) особую систему родственного «ограничения», замкнуто «культивирующую» необходимую обществу «священную персону». Вероятно, первоначально «священная персона» (чаще всего — военный вождь молодежи) просто избиралась по «внешним признакам», но со временем было замечено физиологическое наследование этих признаков или некоторых из них. На «фоне» пятисегментной системы конкретный индивид, выходя из социально-значимой части системы в 48 лет, в принципе мог «отметить» своего первенца, входящего в статус полноправия (24 года для мужчины), его первенца и своего «последнего» потомка, только что вступивших в первый статус системы. Между этими «персонами» будут еще три статуса, которые можно «заполнить» аналогичными первенцами двух других «братьев» первого индивида по мере их прохождения «черты» 48-летнего возраста. Все это создаст обособленную систему ИНДИВИДОВ, состоящую из трех колен общих дедов, отцов и сыновей (в физиологическом значении терминов родства).

Так, например, выглядела трехступенчатая система наследования титула *мфальме* (титула правителя суахилийских городов), реконструирования по материалам суахилийских хроник городов Пате и Кильва. Эта система, с одной стороны, сохраняла принцип возрастной системы (три представителя колена по старшинству исполняли функции *мфальме* и передавали его для последовательного отправления трем потомкам и т. д.), с другой стороны, все члены системы были физиологическими родственниками и в каждом колене объединялись одним термином *ндугу*, термином, в котором в данных обстоятельствах не учитывалось их индивидуальное физиологическое происхождение. В суахилийских терминах родства (в принципе — классификационных, т. е. групповых) три колена этой системы выглядели следующим образом (см. рис. 7).

В отличие от ирокезских, гавайских, тамильских и многих других терминов родства, переводы которых очень условны из-за недостаточной изученности строя их языков, суахилийские термины более понятны как слова (точнее — понятны до некоторой степени). Например, все три ступени тер-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

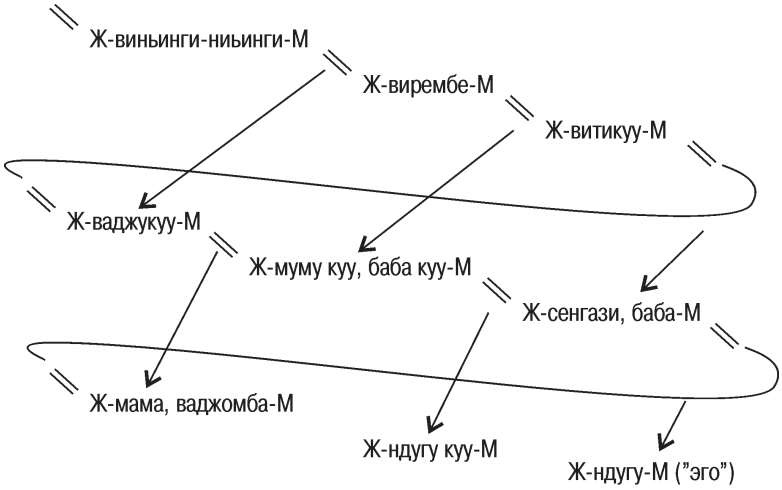

Рис. 7

минов старшего колена имеют формант *ви-* (ед.ч. *ки-*), который в данном случае обозначает социальную незначимость или неполноценность всех лиц, обозначаемых этими терминами. Сами термины имеют такие значения: *виньинги-ньинги* 'очень-очень далекие предки эго-группы', *вирембве* 'те, от которых получено *ремба*', т. е. татуировка и иные знаки на теле, *витикуу* 'внесоциальные старцы'. Среднее колено: *вадаукуу* 'главные старцы', обращает на себя внимание формант *ва-* (ед.ч. *м-*), здесь — знак социальной полноценности, *мама куу* и *баба куу* 'старшие матери и старшие отцы', *сенгази* 'женщины статуса «се»', т. е. имеющие детей; *баба* 'отцы' (заимствованное слово, ед.ч. *баба*, вытеснило древнее слово *се, ше* или *исе*) 'мужчины, имеющие детей', (ед.ч. *мама*) *мама* — вытеснило древнее *нья* или *инья* 'женщины, имеющие детей', 'матери'; *ваджомба* 'те, с которыми эго-группа связана родством *уджомбе*', или *мджом-бавве*, т. е. 'те, «дочери» которых будут женами мужчин эго-группы'; *ндугу куу* 'старшие *ндугу*' (по отношению к эго-группе) и *ндугу* 'мои социальные сверстники', т. е. равные со мной в обязанностях и правах мои «братья» и «сестры». Для наших *ндугу куу* мы — *ндугу ндого*, т. е. 'младшие *ндугу*', а наши *ндугу ндого*, когда они подрастут, будут относиться уже к более младшему колену. В трехступенчатой системе замечательно и то, что *мама* («матери») и *ваджомба* («братья» — сверстники «матерей») относятся к тому же младшему колену, что и эго-группа. Это может обозначать только одно — вместе с трехступенчатой, «переходной» системой появляется и счет родства, и он — мужской (общеотцовский). Но если отсчет перенести на среднюю группу младшего колена (разумеется, тогда прочие термины родства будут отсчитываться от этой группы), то станет явным полное содержание термина *ндугу*, он объединит в своем «принципе родства» три группы «социальных сверстников» по сте-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

пени старшинства: старше эго-группы будет группа *ндугу куу*, а младше — группа *ндугу ндого*, члены же эго-группы между собой будут просто *ндугу*, мужчины и женщины. И при всем желании термин *ндугу* (даже условно, в кавычках) нельзя перевести словами «братья, сестры» по той причине, что и их физические породители были также между собой *ндугу* (отцы — *ндугу куу* для своих жен, а матери — *ндугу ндого* для своих мужей), и их породили тоже *ндугу*, и так «до бесконечности».

Есть и еще одна сторона в этих обстоятельствах, которую легко упустить из вида. Не только *ндугу* (и, соответственно, все аналогичные по содержанию термины в других классификационных системах), но и все остальные термины, пока они сохраняют «групповое значение», столь же невозможно перевести на «современный язык», т. е. терминами родства с индивидуальным и физиологическим значением. Причина та же, что и с термином *ндугу* — они передают соотношения групп, а не индивидов, и не отражают обязательное физиологическое происхождение. Не случайно, например, у суахили произошла замена некоторых терминов уже в связи с переходом от пятиступенчатой схемы к трехступенчатой, где только еще начинался учет кровного родства (без разделения родных и двоюродных братьев и сестер). Глубоко архаичные термины статусов *исе* и *иньи*, обозначавшие только то, что мужчины и женщины в этих возрастных состояниях имеют право-обязанность вступать в брак и ФИЗИЧЕСКИ порождать детей, заменились терминами *баба* и *мама*, поскольку их ПЕРВЕНЦЫ, а не все дети, фиксировались как ДЕТИ — члены младшего статуса трехступенчатой системы кровного родства.

Нет никаких оснований для того, чтобы исключить европейское общество, особенно архаическое общество Западной Европы, из сферы воздействия тех факторов, которые порождали социальные структуры, основанные на социально-возрастном принципе, прежде чем имущественное деление и классообразование не выдвинуло иной принцип — принцип индивидуального кровного происхождения. Европейская устная и частично записанная традиция героических сказаний хранит достаточно сведений, чтобы не сомневаться в этом.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Глава 4
МИФЫ И ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Мифы, как и любой комплекс культурного наследия прошлых эпох, подчиняются той закономерности, по которой старое сменяется новым. Суть этой закономерности сводится к тому, что новое не изменяет старое внезапно и не уничтожает его полностью. Более того, можно сказать, что новое зарождается как незначительное изменение в каком-либо «элементе» старого и, разрастаясь в борьбе со старым, использует «элементы» старого, в той или ной мере меняя их смысл. Таким образом, создается та «многослойность», которая обнаруживается в любом культурном комплексе, имевшем длительную традицию. Это обстоятельство дает возможность использовать «следы» различной степени древности для реконструкции развития и самого культурного комплекса и причин (т. е. другого комплекса), его породивших и менявших. Разумеется, что «следами прошлого» может быть только то, что по какой-то случайности сохранило «старую форму» и приобрело новый смысл, который не может быть понят исходя из этой «формы». Чаще всего эти «следы старого» называют темными или непонятными местами (соотношениями, характеристиками, предметами — смотря по тому, к какой среде человеческой культуры относится исследуемый комплекс). В подобных обстоятельствах наиболее вредными оказываются (сознательные или невольные) объяснения «темных мест» исходя из логики нашего времени. Эти «объяснения», в силу их понятности «каждому» широко распространяются и легко укореняются, создавая устойчиво ложное представление о прошлом, и не только искажают это прошлое, но и уничтожают ту исключительную ценность для этно-социальной истории, которой обладают эти «следы». Ценность их понять просто — этно-социальная история не имеет иных материалов, кроме «следов» в фольклоре, мифологии, этнических сказаниях и т. п. (включая авторские переложения и этнографические записи), а также в обрядовых действах и традиционном изобразительном искусстве.

Как правило, в «объеме» отдельно взятого памятника эти «следы» являют собой несколько мелких и отдаленных друг от друга фрагментов чего-то еще более древнего, и нередко взгляд исследователя, имеющего иные задачи, скользит, не замечая их. Даже в том случае, когда фрагменты довольно крупны, замечают в первую очередь их неслаженность с остальным материалом и либо пытаются посильно преодолеть эту «неслаженность», либо оставляют без комментариев. Очень редки случаи, когда непонятный фрагмент оказывается достаточно крупным, чтобы почувствовать

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

в нем «сегмент» какой-то неясной структуры. И уж совершенной редкостью, счастливой случайностью, оказывается находка такого фрагмента, где достаточно отчетливо видны и принцип структурной связи элементов, и место этой структуры в той древней действительности, от которой этот фрагмент сохранился.

Такой счастливый случай произошел довольно давно, когда в руки европейских исследователей попала рукопись эфиопского монаха Бахрея, содержавшая некоторые сведения о жизни и обычаях галла[1] XVI века н.э. Это было описание возрастной структуры общества галла. То, что это «описание» было, несмотря на значительный объем, только «фрагментом» (т. е. «следом» чего-то необычного), показала дальнейшая история этих ценнейших сведений. Появилась более или менее обширная литература по изучению возрастных делений (возрастных классов), поскольку обнаружились (главным образом в Восточной Африке) и «живые» элементы этого деления. Но произошло нечто похожее на плавание детей капитана Гранта по 37 параллели — система изучалась сама по себе, как изолированное явление. Причиною такого результата была невнимательность исследователей к сведениям Бахрея: учитывали только одну их сторону, т. е. деление галла на возрастные группы.

Между тем Бахрей сообщил и вторую «координату» — родственные соотношения между возрастными группами. Затемненность этого огромного «фрагмента» произошла из-за стремления исследователей найти объяснения исходя из принципа кровного (т. е. физиологического) родства. Это не давало стройных результатов, и, таким образом, «вторая координата» постепенно выпала (или почти выпала) из поля зрения исследователей.

Суть же сообщения Бахрея сводилась к следующему. Общество галла XVI-го столетия, явно доклассовое (что с абсолютной ясностью следует из бахреевского же описания хозяйства), свою социальную структуру основывало не на кровном (физиологическом) происхождении своих членов, а использовало в качестве структурной единицы группу индивидов мужского и женского пола, формируемую в течение 8 лет, независимо от реального физиологического происхождения этих детей. Так поступали каждые 8 лет, что создавало непрерывную и «бесконечную» цепь условно-одновозрастных единиц, поскольку одновременно с формированием новой группы (т. е. дискретно каждые 8 лет) все предшествующие группы «перемещались» на один возрастной статус (т. е. становились старше). Каждой новой сформированной группе условных сверстников давалось особое «имя» (можно сказать — тотемическое имя-символ). Таких «имен» для мужских групп было 5 (а для женских групп, параллельно мужским — 4;

[1] Современное название этого народа — оромо. — *Прим. ред.*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

что, однако, стало ясно не сразу), после чего «набор» этих «имен» повторялся в том же порядке. Таким образом, 5 возрастных групп, «маркированных» соответствующими «именами», составляли структурную единицу общества на следующем уровне, т. е. некое «колено» одновозрастных элементарных единиц, которое охватывало 48 лет (5 групп по 8 лет формирования). За пределом 48 лет возрастные группы «распадались» («оставляли имя», как говорит Бахрей), но одновременно с этим «уходящие» вводили в систему новую группу (достигших 8 условных лет), получающую «имя». Соотношение между группой, «оставляющей имя» (48 лет), и группой, «получающей имя» (8 лет), Бахрей передал словами «отцы»-«сыновья», с разницей в возрасте в 40 лет. Это и была та вторая «координата» в структуре социальной системы галла XVI века, значение которой исследователи и этого документа, и самого социального явления в целом не оценили должным образом. А в этой маленькой детали «пряталось» единственное во всей обширнейшей (к нашему времени) литературе о доклассовых социальных структурах реально-материальное описание принципа так называемых «классификационных» связей по родству. Бахрей совершенно четко, хотя и невольно (он, естественно, не мог знать о теоретической этнографии, возникшей в середине XIX в.), сообщил нам суть и «объем» того, что только и могло стоять за «классификационным», т. е. обозначающим не одного индивида, а группу «однозначных», термином «родства».

Действительно, если взять за элементарную единицу социальной доклассовой структуры возрастную группу (т. е. группу условных сверстников), то, помимо ее «тотемического имени», у нее будут и другие названия, при помощи которых она будет соотнесена с другими возрастными группами. Так, согласно Бахрею, только что сформированная группа «детей» (8 лет, «имена» у женской и мужской части разные) будет иметь группу «отцов» (48 лет). Нетрудно понять, что должна быть и группа «матерей», и что она на один возрастной статус моложе группы «отцов» (т. е. 40 лет). И это соотношение много конкретней (и, как теперь говорят, «конструктивнее»), чем таковые же «родственники», если родство понимать как физиологическое происхождение. В таком случае в группу, обозначенную одним термином родства — например, «дети» — будут входить индивиды в возрасте от одного года до 50–60 лет, в группу родителей — с возрастом от 18–20 до 70–80 лет, т. е. большое число дискретных, но ни в чем не однозначных физиологических «комбинаций», из которых нельзя составить практически оправданную систему. В то же время структура, связанная отношениями «классификационных» терминов «родства», но состоящая из возрастных групп (где физиологическое происхождение совсем не учитывается), являет собой простое и стройное «сооружение», способное рационально (точнее — оптимально) использовать и физиологические возможности человеческого организма разного возраста в трудовых про-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

цессах, и столь же организованно (т. е. в соответствии с принадлежностью к возрастным группам и в соответствующих статусах) воспроизводить само общество, а, кроме этого, создать условия организованного и постепенного (соответственно смены возрастных статусов) освоения всего объема традиции труда и культуры в целом. Иными словами, физическая реальность общества, организуемого кровнородственными (физиологическими) отношениями только по нормам классификационной системы терминов родства, есть научный фантом, созданный тем обстоятельством, что «классификационный» характер терминологии какое-то время сохраняется и после разрушения системы возрастных групп. А эта система существует только до тех пор, пока у конкретного общества сохраняется основа, ее породившая, т. е. общность, неделимость и неотчуждаемость территории жизнеобеспечения и расселения. В случае разрушения (вследствие внутреннего развития общества или в результате мощного внешнего воздействия) одного или всех этих принципов, возрастная структура разрушается, и «на поверхности» остаются отношения физиологического происхождения, на базе которых в определенных случаях могут формироваться новые формы социальных отношений — кровнородственные, но это большею частью происходило в сложной и тяжелой борьбе старой и новой традиций и заканчивалось только тогда, когда в значениях терминов родства не оставалось ничего от их былого группового значения, и они становились «индивидуальными». Только в таком значении они могли стать базой для выражения социальных связей по кровному родству, т. е. отразить правовые и функциональные отношения индивидов — членов генеалогического линейного кровнородственного правового «коллектива», обладающего отделенной от других таких «коллективов» собственной «территорией» жизнеобеспечения, и возводящего свое право на эту собственность к живому или уже умершему «родоначальнику». Но это уже был правовой «коллектив» не доклассового общества, а общества самой первой стадии раннеклассового, поскольку неоднозначность родовой собственности ставила отдельные роды в позицию имущественной иерархии (даже в таких случаях, когда различия в родовой собственности не были велики, и сама собственность не была столь уж значительна).

Дальнейшие изменения в жизни таких обществ могли идти либо по линии дальнейшего имущественного расхождения и классообразования (и все сведения о них попадали в сферу деятельности историков), либо экологические или иные причины оставляли общество на долгое время в создавшемся положении (естественно, что такое общество, где имущественные различия кровнородственных правовых «коллективов» почти не заметны и собственность невелика, да еще сохранился «налет» классификационности в родственной терминологии, попадало в сферу деятельности полевых этнографов, которые воочию «видели» в нем живого пред-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ставителя «первобытного», т. е. доклассового общества). Однако в тех обществах, где имелась материальная база для относительно непрерывного восходящего развития, система организации и регулирования жизнедеятельности, опиравшаяся на традицию возрастных делений с «классификационными» нормами «родственных» связей, не прямо сменилась теми формами кровнородственных отношений, которые являют собой генеалогический линейный род. Давление предшествующей (возрастной) системы социально-правовых отношений было столь значительно, что новые кровнородственные отношения (призванные обеспечить кровнородственной группе право на отделенную от всеобщей некую «собственность») могли складываться и развиваться только при соблюдении основных принципов предшествующей социально-возрастной традиции, хотя и применительно к ограниченной группе индивидов: а) групповой характер правовой единицы; б) передача индивидуального права по статусу возраста, позже — порядка рождения; в) связи «полноправия» с возрастным статусом жестко направленного брака; г) сохранение внутри кровнородственной группы за терминами родства их прежнего группового значения.

Как следствие действия перечисленных принципов в пересечении с новым принципом кровно-физиологической связи членов конкретных правовых коллективов, «переходная система» могла сформироваться только как трехступенчатый (трехсегментный в каждом колене) аналог старой пятиступенчатой системы, не учитывавшей кровного происхождения индивида. Иначе можно сказать, что переходная трехступенчатая кровнородственная система — это выделение из пятиступенчатой системы индивидов-первенцев (того и другого пола), связанных кровно-физиологическим происхождением. Это был последний этап существования глубоко архаической возрастной системы социального родства, в которую «проник» новый, разрушающий ее изнутри, противоречащий ее безразличности к физиологическому происхождению индивидов, принцип кровного происхождения одного индивида от двух других. Но, тем не менее, это не был первый этап развития кровного линейного рода — его «мгновенному» появлению мешала традиция «группового права». Чтобы право стало индивидуальным и передавалось непосредственно от предка-индивида к потомку-индивиду (точнее, в теории — ко всем потомкам; на практике — к сыну-первенцу от отца), трехступенчатая структура должна была освободиться от организующих элементов возрастных отношений и от нормы «группового права», ставившего в «наследники» следующего по возрасту (или по порядку рождения) «брата», а не сына.

Как уже отмечалось, в неразрушенных обществах архаической формации каждая вновь организованная социально-возрастная группа получала свое «имя» («тотемическое имя»), и число таких «имен» было равным числу

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

возрастных статусов в «колене», затем эти «имена» повторялись в том же порядке. Сначала, пока число мужских и женских статусов в «колене» было одинаково (по четыре), все было очень просто. Но с появлением в мужской «линии» пятого статуса — воина и, соответственно, пятого «имени», осложнился порядок их взаимного «следования». Видимо, одновременно с этим изменением (а может быть, и ранее) появились своеобразные сжатые мнемонические «формулы» — перечни взаимного «следования» мужских и женских «имен» по статусам и правила «передачи» их в «колено» «социальных потомков». Собственно, такой «мнемоникой» и была та часть записи Бахрея, где изложена возрастная система галла XVI века. Есть еще две записи таких «мнемоник»: этнографическая — у васукума в Восточной Африке, и историческая — древнеирландская, в материалах о «законах бригонов». Фрагменты «мнемоник» встречаются довольно широко и часто (в исландском эпосе, в Ригведе и Махабхарате, в легендарной части древнерусских летописей, в суахилийских социальных легендах и т. п.). Сами по себе «мнемоники» не могут считаться литературными (точнее — фольклорными) произведениями, хотя они, вероятно, читались или пелись во время ритуалов. Однако, вне всякого сомнения, именно они послужили тем «затравочным кристаллом», от которого пошло развитие мифов и этноса как произведений устного, а потом и письменного творчества (с постепенной утратой социально-организующего значения и с нарастанием характера собственно литературных произведений легендарных или реальных авторов).

Следует заметить, что на первом этапе «добавления» к мнемоникам еще не были связаны с художественным творчеством. Они вызывались необходимостью привести мнемоническую «формулу» в соответствие с изменившейся социальной реальностью. Такая необходимость возникала неоднократно. По этой причине со временем уже сами мнемоники стали многослойными и как бы разбились на «сюжеты» (нередко отражающие «разное время»), а, кроме того, пополнились именами уже не «тотемическими», а необходимыми для отражения изменившихся соотношений, вплоть до включения исторических имен или имен легендарных родоначальников. Далее мнемоники утратили свое социально-правовое значение, будучи вытеснены генеалогиями линейных имущих родов, но еще долго составляли легендарное «начало» этих генеалогий. Видимо, в такой фазе их существования они или их фрагменты и начали бурно обрастать фантастическими «подробностями», превращаясь в мифические и эпические произведения, а далее — и в сюжеты авторских произведений.

Естественно, что мифы, эпические сказания и легенды многих народов, собиравшиеся как памятники устного или письменного литературного творчества, прежде всего подвергались литературоведческому изучению, и в этом направлении сделано соответствующими специалистами очень

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

многое, но это все не имеет никакого отношения к рассматриваемым здесь вопросам. Речь идет только о фрагментах архаических мнемоник, более или менее различимых сквозь литературный текст.

Древнегреческий миф об «аргонавтах»

В той его части, которая поясняет происхождение «золотого руна», есть достаточно древний фрагмент мнемоники — происхождение «реального» лица от бога. Сам по себе такой фрагмент не является редкостью в древнегреческих произведениях, но здесь он в относительно первичной форме, когда боги «поставлены» в позицию «исходных родоначальников». Весьма вероятно, что некогда так строилась «связь» поздних мнемоник с самыми ранними, т. е. с такими, которые перечисляли «тотемические имена» возрастных групп, «имена» возрастных статусов и нормы переходов — все то, что, «окаменев» в известной мере, получило иную функцию и составило «арсенал» мифов о богах.

Рассказ о том, откуда взялось золотое руно, построен на фрагменте мнемоники о том, что должен делать «сын» из «триады» (династийного «колена» трехступенчатой системы), если в триаде нет «сестры», которая должна стать его эпигамной женой, т. е. ввести его в «полноправие». Это — Фрикс, сын царя Афаманта, сына бога Эола. Возможно, что здесь отражен и еще один «момент» — появление запрета эпигамного брака с «сестрой», если в соответствующем статусе находится родная сестра этого мужчины. Итак, либо Гелла, дочь того же Афаманта, — «одновозрастная» сестра Фрикса, и тогда их брак абсолютно запретен, либо Гелла на статус моложе Фрикса, но запрет учитывает их кровную близость. Любопытно и то, что мать Фрикса и Геллы (первая жена царя Афаманта) — Нефела — сама богиня («облако, приносящее дождь»). Вторая жена Афаманта — Ино, дочь Кадма, персонажа достаточно мифического, но не бога. Видимо, так отражалась меньшая значимость повторного брака-ритуала, дававшего «царю» (т. е. военному вождю) право на сохранение этого поста еще на время одного статуса (8 лет). Из этого следует, что у Афаманта по какой-то причине не было «брата», которому надлежало передать титул и должность, и он «правил» 16 лет. Далее, по норме в мнемонике, следовало править третьему «брату», а после него — Фриксу, если для них будут соответствующие жены-«сестры».

Если третьего «брата» не было (или оба они, второй и третий, не могли, из-за недостачи женщин в «триаде» быть инициированы), то царь Афамант мог бы еще на один статус продлить свой пост, вступив в брак-ритуал со своей старшей дочерью (т. е. с первой женщиной младшей «триады») Геллой, чем исчерпать совокупное правовое время своей триады — 24 года.

Повествование — полет Фрикса и Геллы на золотом баране и гибель Геллы — дает твердое основание считать Геллу на статус моложе Фрикса, т.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

е. той женщиной, брак с которой дал бы ему титул царя. Вот почему центральный «герой» мнемоники не «золотой баран», а Фрикс, юноша на грани перехода в статус 24–32 года, лишенный в своей триаде возможности перейти этот рубеж. Видимо, по мнемонике он должен искать себе соответствующее место в чуждой триаде, где на «его месте» нет мужчины. И он находит его в триаде «детей» колхидского царя Эета, сына бога Гелиоса, вступая в брак-ритуал с его старшей дочерью Халкионой. Следует заметить, что и в своей триаде, и в чуждой, юноша по достижении 24 лет получал только формальное право на брак-ритуал, фактически это происходило после совершения им предписанных традицией «подвигов», доказывающих его реальное совершеннолетие. Кстати, именно этот разрыв во времени и создал в материалах ситуацию, вследствие которой время статуса выглядит очень разным в разных документах — от 4 до 12 лет.

Брак Фрикса и Халкионы — старшей дочери Эета, позволяет «внести» всех персонажей этой части повествования в графическую схему.

Прежде всего, «определяется» триада весьма отдаленных «богопредков». Эол — через Афаманта; Гелиос — через Эета; и (через Ино, вторую жену Афаманта) — Кадм. Для точности отсчета в дальнейшем следует пронумеровать персонажи: 1 — Эол, 2 — Гелиос, 3 — Кадм.

Вторая триада: 4 — Афамант, 5 — Эет (поскольку его старшая дочь на статус моложе Фрикса), 6 — мужчины нет. Нет и первой женщины этой триады, «одновозрастной сестры» Афаманта, но есть две его «сестры-жены»: 5 — Нефела и 6 — Ино.

Третья триада: 7 –Фрикс, 8 — Гелла и Халкиопа, Абсирт-Фаэтон («одновозрастный» брат Халкиопы, сын Эета), 9 — Медея, вторая дочь Эета.

Язон, сын Эсона крадет Медею в жены и убивает ее эпигамного мужа-брата, Абсирта (старшего на статус брата Медеи). В центре этого фрагмента другой герой, подобный Фриксу, — Язон. Смысл мнемоники может быть и таким: первый в триаде, если здесь нет ему эпигамной жены, может мирно обрести ее в подходящей чужой триаде, второму в триаде это сделать труднее, самое верное — захватить как добычу, убив того, кто должен стать ее эпигамным мужем (т. е. однозначного с собой по возрасту мужчину из чужой триады). Теперь, отсчитывая от Язона как мужа Медеи, можно «восстановить» и его родословную в системе триад.

Если Медея — 9, т. е. последняя в триаде, то Язон — 8 (где Гелла, Халкиопа и Абсирт-Фаэтон). Дед Язона — Кретий, оказывается в триаде «предков-богов», как «одновозрастный» Гелиосу (-2); отец — Эсон, во второй триаде, как «одновозрастный» Эету (5); брат отца — Пелий — 6, т. е. последний во второй триаде. Видимо, передача титула царя Эсоном Пелию позже была истолкована как изгнание Пелием Эсона, а норма испытания Язона «подвигом» — как уловка Пелия, не жалевшего передать власть «законному наследнику» трона отца — Язону. Можно определить

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

и первую персону в триаде Язона. Это Креонт, отец второй жены Язона — Главксы, которая оказывается старшей женщиной четвертой триады — 10. Креонт — персона интересная. Он был старшим братом отца Амфитриона — «земного» отца Геракла. Таким образом, продолжив отсчет по статусам и коленам, можно выйти на миф о Геракле. Если Главкса — 10, то Амфитрион — 11; его жена Алкмена (дочь Электриона — 9) 12; а Эврисфей (Эвфрисей), сын Сфенела (и внук Персея, сына Данаи) 13.

Таким образом, Геракл (Алкид), сын Амфитриона — 11, оказывается 14-ым, т. е. 2-ым в пятой триаде (или колене, социальным «внуком» Язона). Попутно «восстанавливается» статусное положение Персея — 7 и Данаи — 5. Весьма вероятно, что мифическая история Геракла создалась на «следе-фрагменте» особой мнемоники «о правах последнего по реальному возрасту члена старшего статуса по отношению к старшему по реальному возрасту члену смежного младшего статуса», т. е. когда реальная разница в возрасте 1-2 года, а «социальных» — 8 лет, поскольку статусные переходы некогда происходили дискретно — каждые 8 лет.

Можно сказать, что не хитрость Геры и клятва Зевса поставили Геракла в подчиненное положение к Эврисфею, а статусная возрастная разница, т. к. Геракл — 14, был на статус младше. Кроме того, по древней возрастной норме он был «наследником» Эврисфея — 13 и, по достижении 24 лет, должен был сменить его на посту «военного вождя». Многочисленные подвиги Геракла (как и таковые же других героев эпоса) сформировались частично на «элементе» древних мнемоник о необходимости подтвердить формальное совершеннолетие соответствующими делами, а частично отразили изменение (видимо, активное) этой нормы «невыполнимое задание», возникшее как следствие стремления к пожизненному «правлению» и к передаче сана кровнородственному потомку. Миф о Геракле чрезвычайно «спрессован», и его основой служили многие мнемоники и их части. Геракл, как и многие герои и «цари», продлевал свое «царствование» повторным браком: сначала он был женат на Мегаре (-15) — дочери Креонта; затем на Деянире (-16) — дочери Ойнея; и намеривался вступить в брак с Иолой (-17) — дочерью Эврита.

Но это намерение оказалось для него гибельным. Несущественно, как это объясняется мифологически, важно другое — Иола была в статусе социальной «дочери» Геракла, т. е. здесь сказалось наслоение древней нормы запрета брака на женщине из возрастных групп более младших, чем группа жены, на новый запрет брака с дочерью. По такой же причине и Гилл (-17) — сын Геракла, не мог исполнить предсмертную волю отца — жениться на Иоле (-17), она была его «одновозрастной социальной сестрой».

Миф о Геракле через убийство им сыновей троянского царя Лаомедонта некоторым образом соприкасается с эпическим сказанием о разрушении

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Илиона, поскольку в живых остался один из них — Приам. Однако связь эта чрезвычайно сложна, и приходится обратиться к ряду других сюжетов.

Среди аргонавтов был и «юный Пелей», сын Эака и отец Ахилла. Найти «статусное место» Пелея нелегко, т. к. предводитель аргонавтов — Язон, по сути дела выступает в двух «ипостасях»: а) когда похищает Медею — как совершающий «подвиги» 24-летний человек, чтобы стать полностью совершеннолетним, и б) как 48-летний «старец» — глава похода, в котором впервые участвуют и 16-летние юноши.

Если взять вариант (а), то Пелей «попадает» в статусный порядок — 9. В этом случае Ахилл будет — 12, т. е. в статусе Алкмены, матери Геракла. Следовательно, реальнее вариант (б), при котором Пелей будет — 12, а его сын Ахилл — 15, т. е. на статус моложе Геракла (-14). Это подтверждается и статусными соотношениями других героев троянской войны. Ахилл во время похода на Трою был в статусе 16-24, Одиссей в статусе 24–32 года, как и Менелай. Следовательно, Агамемнон был в статусе 32–40, Гектор — в статусе 32–40, Эней — 24–32, а Парис — 16–24.

Таким образом, статусный возраст Приама был 56-64 — внесоциальный старик по древней традиции.

Найти же статусное соотношение героев троянского эпоса с героями мифов можно, анализируя их «легенды».

«Легенда» Приама и Энея, возможно, самая длинная во всем греческом материале, уходит выше первого мифического колена (колена «богов»), к которому относится Трос (-1), еще на два: отец Троса, Эрихфемий, и дед Дардан. Второе колено — сыновья Троса: Ил (-4), Ассарак (-5) и Ганимед (-6). Третье колено: сын Ила — Лаомедон (-7), убитый Гераклом при первом взятии Трои; сын Ассарака — Капис (-8); статус 9 — пуст. К четвертому колену относятся: Приам — сын Лаомедона — 10, и Анхиз — сын Каписа — 11. Старший сын Приама — Гектор (-13), сын Анхиза — Эней (-14), Парис — сын Приама (-15). Иначе говоря, перед нами пример выделения из архаического трехступенчатого кровнородственного «организма» двух генеалогических линейных родов (Ила и Ассарака) с достаточно сильным влиянием традиции «триад» (колено Гектор, Эней, Парис), но и со стремлением освободиться от этой традиции.

Социально-правовая суть «истории» заключается в попытке «уравнять» Париса (16–24) с Энеем (24–32). Для этого Парис похищает Елену, жену Менелая (24–32), статусный возраст которой 16–24, т. е. такой же, как и у него самого. По древней возрастной традиции — это страшное нарушение, подлежащее проклятию, и именно с этим нарушением связано предсказание падения Трои (по логике идеологии древней возрастной традиции).

После похищения Елены (дочери Леды, дочери Тиндарея, отца Полидевка, Кастора и Клитемнестры) ее муж, Менелай, «потерял» полноправие, и под

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

верховным водительством Агамемнона, старшего брата Менелая, друзья-герои были вынуждены пойти в поход на Трою, чтобы вернуть Менелаю его сан. С эпосом о гибели Трои связаны и другие эпические сюжеты, в которых тоже «просвечивают» элементы древних мнемоник.

В «триаде» Агамемнон (32–40), Менелай (24–32) и Парис (16–24) женские «имена» таковы: жена Агамемнона — Клитемнестра 24–32, Елена 16–24. Из этого следует, что Клитемнестра совершила своим вторым браком столь же тяжкое нарушение древней традиции, как и Парис, ибо Эгист был ее одновозрастным социальным «братом» (24–32), будучи сыном Фиеста, младшего брата Атрея (отца Агамемнона), внуком Пелопса и правнуком Тантала (из колена и статуса Ила). Видимо, за это нарушение Клитемнестра и подлежала смерти (месть за убийство Агамемнона — это более позднее добавление, призванное «объяснить» уже совершенно непонятный древний обычай, по которому принято было совершать ритуал-убиение социально важной персоны). В «истории» Клитемнестры так же наблюдается многослойная «спрессованность» мнемонических элементов сюжетной основы. Один из них, видимо, некогда центральный — «что должна делать эпигамная жена «вождя», если он гибнет в самом начале статусного времени своего «правления».

По логике наиболее древних норм социально-возрастного деления, погибшего после некоего «экзамена» (где необходимо проявить высшее воинское мастерство) замещает другой мужчина из той же возрастной группы (даже если он «иноземец», но того же возрастного статуса). После «отслоения» трехступенчатого кровнородственного правового «ствола», где избрание замены невозможно (в каждом статусе один мужчина), а «наследование» в указанных обстоятельствах тоже невозможно, видимо, выход находили в условном повторном браке-ритуале вдовы «вождя» и ее младшего социального «брата». Для Клитемнестры таким мужем-заменителем мог быть мужчина в статусе Париса или Геракла (16–24), который бы условно «правил» за погибшего, чтобы в должный момент передать титул наследнику, т. е. одновозрастному «брату» Клитемнестры, Эгисту.

Другой, аналогичный элемент древней мнемоники, обнаруживается в «истории» Пенелопы, жены Одиссея. Социальный возраст Одиссея во время троянской войны 24–32 (он недавно женился и сначала уклонялся от участия в походе), следовательно «возраст» Пенелопы 16–24, т. е. она последняя в триаде. Одиссей не вернулся из-под Трои. Вступить в новый брак с кем-либо из «женихов», ее одновозрастных социальных «братьев» — совершить великое нарушение традиции. Повторный брак-ритуал возможен только с Телемахом, т. е. с ее и Одиссея сыном. Но и этому уже препятствует, ставший достаточно значимым принцип кровного родства. В этом и причина «верности» Пенелопы. Видимо, ранее было иначе, о чем свидетельствует мнемоническая основа «истории» царя Эдипа. Разумеется,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

в мнемонике Лая убивает не Эдип, а его брак с матерью — закономерный вариант решения сложной социальной ситуации. Более того, сами следы мнемоники указывают статусный возраст Эдипа (2–8), поскольку он «побеждает» не в воинских состязаниях, а в состязании «мудрости» со сфинксом, ибо первое нелепо. Следов подобных мнемоник мало, но они все же есть и в легендарном и в историческом материале: Хатшепсут — женщина-фараон в Египет, княгиня Ольга в древней Руси и Мвана Дарини — в средневековом суахилийском государстве Пате. Естественно, что поздними греческими авторами «история» брака матери с сыном, авторами, для которых единственно возможным и существовавшим «от века» были нормы мужского линейного генеалогического правового рода, только и могла восприниматься как «ужасная трагедия».

Сейчас уже можно с полной уверенностью сказать, что методом соответствующего анализа можно максимально расширить «круг» мифических и эпических (да и раннеисторических) материалов со следами и фрагментами древних и архаических мнемоник, но это — уже другая задача и иной объем. Можно только прибавить несколько «побочных» предположений, связанных с древнегреческой мифологией и эпикой, как, например, следующие.

Вероятно, что во время борьбы новой кровнородственной традиции права и старой, с возрастным делением и классификационно-социальным родством, один из близнецов считался потомком «бога». Нередко последний мужчина в триаде считался сыном «богини», что, возможно, связано с началом процесса превращения «вертикальных» связей линий триад в норму самостоятельного права линейного рода, поскольку он шел не как расхождение или распадение связей (эпигамный брак) трех «вертикалей», а с активным упразднением третей «вертикали», через норму двухступенчатого «ствола», к отдельным экзогамным линейным родам (достаточно следов вроде «историй» Ганимеда, взятого Зевсом из триады братьев — Ил, Ассарак, Ганимед — в виночерпии на Олимп). Под влиянием все более и более значимого кровного родства последний мужчина триады как бы объективно попадал в «безбрачие» (т. е. лишался полноправия) из-за нарастающего запрета брака с кровными родственниками, т. к. по древней традиции эпигамной женой младшего из колена «отцов» была старшая из колена «детей» (социальная «дочь») женщина из смежной младшей возрастной группы в их непрерывном «потоке». Видимо, и «легенды» о браке смертного и «богини» появились очень поздно, в связи уже с необходимостью приписывать происхождение реальных родов к «древним» предкам, и в том случае, когда такой «предок» не мог оставить потомства в мифах или эпосах.

Даже в этом незначительном по объему использованном материале можно увидеть, что процесс утраты традиций жестких эпигамных браков

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

и переход к «разомкнутой» экзогамии шел стадиально. Промежуточная стадия характеризовалась необходимостью учитывать при браке в чужом «роду» традиционное соответствие условного возрастного статус мужа — таковому жены. Выводы сводятся к следующему.

Социально-организующие правовые мнемоники доклассового общества ареала древнегреческой культуры (сюжетная основа мифологии и эпоса), возникнув как простые перечни порядка следования «тотемических имен» возрастных социальных сечений и отражавшие первоначальные нормы взаимоотношений реальных возрастных групп и колен, имели вторую стадию развития, где они в сюжетной форме (и будучи персонифицированы) отражали сложные правовые «комбинации», возникавшие в связи с выделением и отделением трехступенчатой системы кровнородственного социального права.

Показанная здесь возможность проследить «нити», связующие в общую традицию персонифицированные частные «генеалогии», может указывать на то, что «могучее древо» единой мнемонической традиции архаического права в этом культурном ареале, возможно, было создано на основе устной реально-исторической памяти, что отразило и реальный процесс разделения древнего «этноса» на отдельные «племена», и политические отношения между ними за период около 3–4 сотен лет (до разрушения Илиона, если эту дату действительно можно установить по шкале абсолютного времени). Мифы же и эпические сказания в их литературной (устной и записанной) форме имели уже только этико-моралистическое социальное значение. Что касается значения сохранившихся фрагментов архаических мнемоник, то их роль для этно-социальной истории (вместе с иным аналогичным материалом) необычайно велика. Эти следы дают возможность утверждать, что и сама «идея» кровнородственных связей для организации общественных правовых отношений, и первичные формы, в которых она проявилась, не были явлениями первичного социума доклассового общества, а возникли только в связи с началом правового и имущественного расслоения. Системам кровнородственных отношений и связей предшествовала (и имела свое начало и развитие) социально-организующая система возрастных делений и классификационного «родства». Столь широкий вывод сделан не только на приведенном здесь материале, но именно древнегреческие данные были решающими для Г.Л.Моргана, когда он счел кровнородственный коллектив первичной моделью социальной организации людей. Произошло это по той причине, что Морган для своих теоретических построений пользовался античными литературными материалами и не учел принадлежности этих материалов, даже самих древних, обществу, хотя и ранне-, но все же классовому, т. е. обществу, где уже господствовал кровный генеалогический линейный мужской род. Из цитаты, где мудрый старец Нестор дает советы Агамемнону («Построй воинство по филам и фратриям…», латинский

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

текст: «Построй воинство по трибам и куриям…»). Морган как бы «извлек» принцип древней терминологии — он назвал «племя» (т. е. по его представлениям группу эндогамных кровных родов) латинским словом *триба*, а связь между «близкими» родами (*гене*) внутри «племени» — греческим словом *фратрия*, предполагая, что вся система развилась вследствие последовательного деления «первичного рода» (как результат его разрастания) на две, потом на четыре, на восемь и более групп *фратрий*, и каждое такое «разрастание» создавало племя.

Но можно и иначе посмотреть на содержание «мнемоники Нестора», найти ее архаический смысл. Тогда получается: *фратрия* — это «колено» (точнее, в условиях боевого построения мужчины возрастных статусов 16–24, 24–32 и 32–48), а *филами* именовались они по принадлежности к локальным коллективам, *демам* (поселениям), *полисам* (этносам) — в зависимости от масштабов сражений. В латинском тексте соответственно: *триба* — колено, *курия* — то же колено по локальной принадлежности [возможно, что латинский перевод сделан много позже — использовано слово, некогда обозначавшее не три возрастных группы воинов, а три статуса трехступенчатой кровно-возрастной схемы: 1–8, 8–16, 16–24 или 24–32, 32–40, 40–48. Это могло произойти и потому, что в войне принимали участие три возрастных группы (16–24, 24–32, 32–40)]. Во всяком случае, создавалась разумная структура войска: первый ряд — неженатые молодые воины из разных *фил (курий)*, второй ряд — молодые женатые воины из тех же *фил* и в том же их порядке, и третий ряд — старшие воины тех же *фил*. Действительно, здесь «каждый родственник поддерживал родственника», по горизонтали — по социальному возрасту, а по вертикали — по локальной принадлежности.

Примечание: Многократное повторение жестких статусных годичных диапазонов может показаться чем-то вроде «прокрустова ложа», тем более, что речь шла о разных временах, пространствах и культурах. Но все дело в том, что мерилом статусных диапазонов была социально-усредненная протяженность человеческой жизни, разделенная любым обществом той же стадии развитости на нужные этому обществу «отрезки», в которых группируются способные делать ту или иную «работу». Эти деления есть и сейчас: детство, юность, молодость, зрелость, старость. Поныне, кроме школьного и призывного возраста, они не регламентированы в календарном возрасте. Если мы возьмем за современный социально активный цикл жизни «усредненного» мужчины возраст от 7 лет до 60, то тоже получим число лет около 50. Разделив это число на пять означенных возрастных состояний, мы получим 10, т. е. число лет в одном возрастном статусе для современного человека, а если начать не от школы — то 12 лет. Такой диапазон статуса встречается довольно часто в поздних материалах, но его происхождение иное — это получается, когда образуется из трехступенча-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

той двухступенчатая схема династийного кровнородственного правового «коллектива». В этом случае традиционное правовое время «колена», 24 года, делится между двумя братьями-правителями. Но наиболее часто в старинных и архаических материалах так или иначе обнаруживаются цифры близкие к 8, т. е.7, 9, 10. Причины «неточности» могут быть разные, но главных — две: либо учитывается (или не учитывается) ритуальное время, либо сбой происходит вследствие переноса традиционной (по природным признакам) меры времени на календарное. Если разрозненные цифры встречаются достаточно часто (хотя их отношение к возрастным диапазонам не всегда заметно), то материалы, где бы прямо это указывалось, крайне ограничены.

Мне известны только две четкие записи. Вторая по времени — современная, это глава в кандидатской диссертации Христофера Киебела Барикумы, африканца из маленького народа огони, живущего на одном из рукавов дельты Нигера. Он сообщает, что дети огони с 3-летнего календарного возраста перестают принадлежать физической семье и становятся «детьми деревни». Первый статус длится 8 лет, он делится на две половины, следующие 8 лет — также. С 17 лет начинается статус подготовки к деятельности взрослого члена общества. Цифры последующих возрастных состояний уже не стройны. Первая же по времени — это запись эфиопского монаха Бахрея — «Хроника (или История) галла-оромо конца XVI века». Этот документ более полный и более сложный. Там возрастной статус также длится 8 лет, группы сохраняют единство и свое «имя» до 48 лет. Особая ценность сведений в том, что общество галла-оромо было несомненно доклассовым.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Глава 5
ДРЕВНИЕ ГЕРМАНЦЫ И РИМ

Самым сложным вопросом в реконструкции процесса развития архаического права «братьев» оказался вопрос о месте и значении в этой системе социальных отношений и связей женской линии — линии жен-«сестер» и «матерей». Основная причина сложности заключалась в том, что женские имена в использованных для реконструкции разнородных материалах встречались редко, разрозненно и почти без указаний на соотношение «мать — дочь».

Мешала и нередкая фрагментарность «социально-правовых мнемоник» — особых крайне сжатых легенд, вкрапленных в более широкие повествования эпического, хроникального или фольклорного характера, сообщающих в почти ребусной форме «ключ» для понимания причин и побудительных мотивов таких деяний героев, которые, с нашей современной точки зрения, выглядят либо произвольными, либо непонятными. Сами эти «мнемоники» не оставались неизменными, какое-то время их старались привести в соответствие с изменившимся характером социальных отношений, что, в частности, вело к замене групповых тотемических имен именами индивидуальными, т. е. именами собственными эпических героев и даже именами исторических лиц. Это также не облегчало задачу. Уже ранние записи дотоле устных текстов, а главное — этнографические материалы, излагали социальные и родственные отношения в принципе индивидуальных отношений и в принципе кровно-физиологического родства, хотя каждый этнограф должен был знать, что любой термин родства в классификационной системе обозначает группу людей. Еще большую сложность создавало то, что архаические и этнографические термины родства, социальных градаций, титулы и иные слова с социально-значимой нагрузкой переводились на современные европейские языки в соответствии с современными или недавними нормами социальных или родственных отношений. Кроме того, не так просто было собрать воедино разрозненные фрагменты мнемоники — «затравочного кристалла» большого эпического произведения или хроникального свода, затаившиеся в напластованиях литературного творчества иногда многих эпох, в течение которых исходный смысл мнемоники утрачивал социальное содержание и претерпел перестройку понимания.

Была и еще одна трудность, а точнее — несправедливость. Исследователи бесписьменных архаических, средневековых и некоторых современных народов (особенно — историки), опираясь в своей работе на старинные

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

внешние письменные свидетельства, невольно нарушали (и нарушают по сей день) основную заповедь «суда» — выносить суждение, предварительно выслушав свидетелей от каждой стороны. По сути дела, «выслушивали» только одну сторону — письменные сообщения. И никакой «критический» подход к записям сведений о бесписьменном народе не менял глубинного существа этой несправедливости. Обстоятельства несколько меняются, когда в руках исследователя конкретного общества оказываются письменные документы, принадлежащие этому же обществу. Но часто, если изучаемое общество отдалено от нас во времени, такая удача не спасает от «неправого суда», ибо исследователь в качестве «эталона истинности», как правило, берет структурные и терминологические нормативы либо своего общества (и своей эпохи), либо произвольно выбирает иное общество, чем-то «напоминающее» ему исследуемое.

Примерно в такой ситуации оказался тот документ (хроника средневекового суахилийского города Пате), от которого начались мои поиски истории «архаического права братьев». Издатели и комментаторы суахилийских хроник были абсолютно убеждены, по меньшей мере, в двух положениях: а) культура и государственность на восточном берегу Африки — следствие мусульманской (конкретно — арабской) колонизации; б) законным наследником титула и прав *мфальме* («правителя» суахилийского торгового города) может быть только его физиологический потомок. Эти убеждения опирались в равной мере и на «привычную» европейскую традицию и на «арабскую» форму и формулу имен суахилийских правителей (Мухаммади бин-Селемани...). А поскольку было совершенно ясно, чьим сыном (физиологическим) был каждый *мфальме*, а порядок правления отмечался последовательностью дат пребывания в сане, то все «несоответствия» предполагаемой «нормы» стали трактовать как борьбу за власть между «законными» наследниками и их «кузенами», т. е. как многовековую вражду внутри царствующей династии арабских переселенцев-завоевателей.

Анализируя хроники суахилийских городов, я обратил внимание на более существенный (с моей точки зрения) факт — суахилийские правители обозначали свое родство суахилийскими терминами: *ндугу* в пределах поколения (независимо от породителей) и *баба — мвана* между поколениями, при этом четвертый *ндугу*, если его имя упоминалось в хронике, оставался вне права наследования, тогда как трое правили по очереди (в тексте далеко не всегда наследовали все трое *ндугу*, чаще двое или даже один). Мнемоника нормы права оказалась «рассеянной» по тексту хроники, пришлось ее «собирать». Получилось следующее: сначала титул *мфальме* передавался при жизни предшественника по трем *ндугу* одного колена, и дальше к старшему из трех *ндугу* младшего колена (в колено их *ваана*), и т. д. Передача титула происходила в связи с женитьбой очередного «наслед-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ника», которая, возможно, происходила на 16 году его жизни. Женами правителей были их младшие *ндугу* (термин безразличен не только к физиологическому происхождению, но и к полу). Таким образом, правом обладала брачная пара: муж — *ндугу кубва* (старший *ндугу*-М) и его жена — *ндугу ндого* (младшая *ндугу*-Ж), а церемония бракосочетания вводила эту пару в реализацию прав. При грубом переводе термина *ндугу* словами «брат»-«сестра» получалось нередко встречающееся в этнографических записях или в старинных текстах сообщение о «соправлении брата и его жены-сестры» («Близ медлительного Нила... друг, царица и сестра»). Позже титул *мфальме* стал пожизненным, чем и объясняется «неровность» списка правителей — некоторые *ндугу* могли умереть раньше своего предшественника. Смутно «угадывалось», что с этого момента женою *мфальме*, вводящей его в сан, уже не могла быть его первая жена, а скорее его *ндугу ндого*-Ж в возрасте ее права на брак (определить ее реальный возраст пока было невозможно, но, видимо, таким ритуалом *мфальме* как бы «возвращался» в предыдущий возраст права — к «16 годам»). Кроме этого выяснилось, что в случае пленения *мфальме* и невозможности вернуться к исполнению обязанностей, следующий «наследник»-*ндугу* не мог до его смерти занять пост, ибо он не мог пройти брачный ритуал с его «вдовой»; она, хотя и сохраняла право «сакрализации» сана, но была в одном порядковом статусе с «наследником», т. е. брак между *ндугу*-Ж и *ндугу*-М одного статуса был недопустимым, а отсутствующего *мфальме* (а может быть — и рано умершего) «замещал», на остаток времени жены, либо следующий через статус *ндугу*, либо старший *мвана*, с которыми допускался условный повторный брачный ритуал «вдовы». Вот так выглядела собранная из различных мест текста Хроники правовая мнемоника суахилийских правителей, судя по всему — военных вождей. В ней чувствовалась основательная архаика и несомненная связь с системой терминов родства доклассового общества, с системой классификационного типа с групповым значением каждого термина, но здесь ограниченной тремя мужскими индивидами в каждом колене и их женами-«сестрами».

Если записать триаду последовательно правивших *ндугу* в суахилийских терминах родства, считая ЭГО средним *ндугу*-М, то получалась следующая схема (схема одного колена) (см. рис. 8.1).

Если же эту схему записать, считая ЭГО младшим *ндугу*-М, картина, естественно, изменится (см. рис. 8.2).

Ндугу кубва имеют отдельные формы по полу: мужчина — *кака*, женщина — *дада*. Можно записать таким же образом оба колена — старшее и младшее (см. рис. 8.3).

ЭГО-М и его одно-статусная *ндугу*-Ж по отношению к *баба*-М («отцу» — младшему *ндугу* в старшем колене) будут *«ваана»*, т. е. «дети», а Ж-*мама*, жена *баба*-М, будет их «матерью» (Ж-*мама*). Из этого следовало, что каж-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

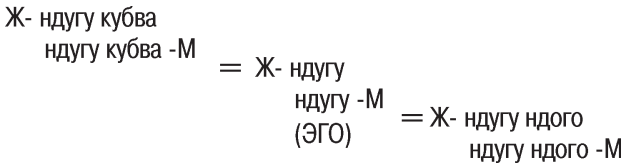

Рис. 8.1

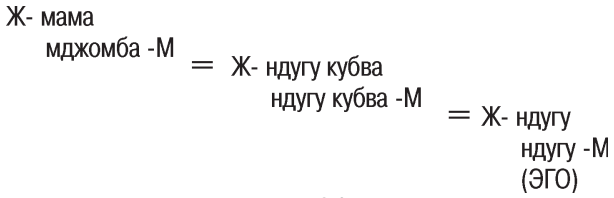

Рис. 8.2

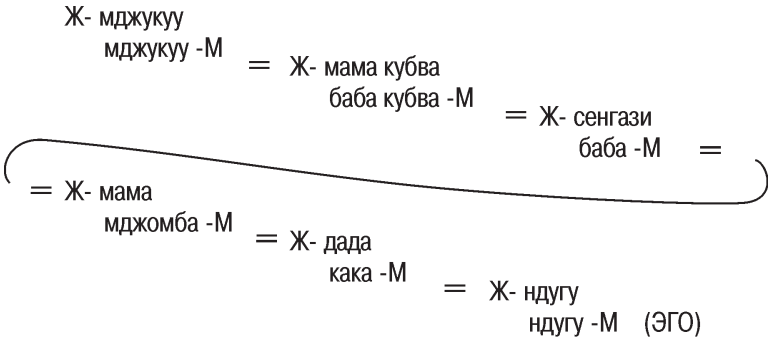

Рис. 8.3

дому *ндугу*-М старшего колена в младшем колене соответствует его *мвана*-М (ед.ч. от *ваана*), т. е. «отцу» — «сын», а также и Ж-*мвана* — «дочь» (одно-статусная «сестра» «сына»). Кроме того, крайние женщины в каждом колене соотносились как «дочь» и «мать» (Ж-*мвана* и Ж-*мама*), а женщина среднего статуса младшего колена будет «дочерью» и «внучкой» крайним женщинам старшего колена. Иначе говоря, в непрерывной цепочке статусов двух (и трех) колен женщины будут соотноситься как «дочь» и «мать» через одну, а мужчины — как «сын» и «отец» через две персоны (т. е. через два статуса). Схема трех колен выглядела так (см. рис. 9).

В качестве ЭГО можно избрать любого индивида из любого статуса и любого колена, и все означенные родственные соотношения будут в том же порядке отсчитываться уже от него. В идеальном варианте это будет схема родственных связей первенцев, физиологически кровных потомков своих родителей. Но так могло быть только в то время, когда титул и сан *мфальме* передавался от младшего *ндугу* к старшему *ндугу* при жизни предшественника, т. е. каждый находился на посту *мфальме* определенный срок. Вычислить этот срок было непросто. По началу текста хроники мож-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

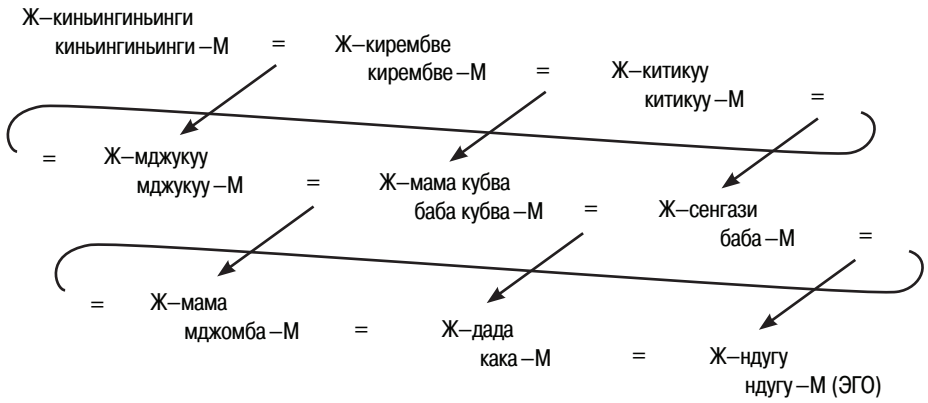

Рис. 9

но было понять, что в 15 лет нельзя стать *мфальме*, а в 20 — можно. Но в отмеченном случае титул наследовался после смерти предшественника. Цифры были довольно стандартные и скорее говорили о возрасте женщины Ж-*ндугу*, брак с которой вводил нового *мфальме* в сан. Ей должно быть столько же лет, сколько тому *ндугу*-М (ее одностатусному, т. е. одновозрастному «брату»-*ндугу*), который еще не мог стать *мфальме*. Иными словами, невесте, вводящей в сан *мфальме*, должен идти шестнадцатый год. Сан *мфальме* от старшего колена в младшее передавался старшему из трех *ндугу*, следовательно, его невеста должна быть из среднего статуса. В колене оставался еще третий, младший статус. Следовательно, возраст невесты (15 или 16 лет) для определения времени одного статуса (т. е. времени пребывания в каждом статусе) следовало поделить пополам, что давало 7,5 или 8 лет. В таком случае (в идеальном варианте) *мфальме* вступал на свой пост, когда ему исполнялось либо 22,5 года, либо 24. Это же время было и временем прохождения каждым индивидом трех статусов колена. Это означало, что каждый новый *мфальме* получал этот титул одновременно с переходом из старшего статуса младшего колена в младший статус старшего колена, а в среднем статусе старшего колена оставлял этот пост.

Но так могло быть, повторяю, только в идеальном варианте функционирования трехступенчатой системы. Однако, слово «идеальный» в данном случае не следует понимать как «мыслимый» или «воображаемый». Идеальный вариант — это когда каждый *ндугу* и его жена (в каждом статусе и в каждом колене схемы) в течение первых лет после брака породят одного сына и одну дочь. Естественно, что в узком (династийном) трехступенчатом кровнородственном коллективе индивидов, идеальные варианты были скорее случайностью, нежели нормой, что, видимо, и привело к учету общего порядка (последовательности) рождения потомков (трех пар)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

вне зависимости от физиологических породителей. Все остальные потомки были «лишними» и вне права наследования титула. Что же касается «недостач», т. е. таких случаев, когда для какого-либо младшего статуса не оказывалось соответствующего потомка («сына» или «дочери»), то, видимо, приходилось искать способы заполнить «пустоту» для непрерывности функционирования системы. По мере обнаружения фактов или следов существования аналогичной трехступенчатой системы у других народов и в иные времена (по шкале абсолютного времени) находились различные способы устранения означенного несовершенства системы, которые, по-видимому, можно даже связать с разными стадиями существования этой системы обособленного от всеобщих норм, специально выделенного права. На первой стадии, когда выдвигаемая трехступенчатой системой общесоциальная персона еще не сильно возвышалась над остальным обществом, «пустоты» заполнялись за счет «избыточных» лиц из аналогичных систем других этносов. На второй стадии, когда начала несколько падать священная роль женщин в этой системе, заполнение «пустоты» происходило вследствие вневременного (разового) смещения (или передвижки) остальных персон по шкале статусов, так что в право входили четвертые и даже пятые *ндугу*, ранее и в обычных обстоятельствах внеправовые. На третьей стадии, когда священная роль женщин почти исчезла, недостача мужчины преодолевалась повторным брачным ритуалом функционирующей персоны с еще более младшей «сестрой», а недостача женщины «выбивала» из права наследника, предоставляя функционирующей паре освободившееся статусное время. Возможно, что все эти варианты и не были связаны со стадиями существования и изменения системы, а определялись иными обстоятельствами, о которых судить сейчас уже невозможно, но ясно одно — все эти «недоразумения» неизбежно вели к разрушению трехступенчатой системы права через установление пожизненного функционирования мужской персоны.

Постоянный «идеальный» пример возрастной социально-организующей систем отыскался в Восточной Африке, у галла-оромо конца XVI века. Мнемоника этой системы сохранилась в «Записках о галла» эфиопского монаха Бахрея. Эта система имела пять ступеней (возрастных статусов) в колене, записана в форме следования групповых имен (только для первых статусов младшего и старшего колен указано соотношение: «сыновья» — «отцы») и имела точное указание о длительности каждого статуса — 8 лет. Постоянный характер, ее реальная идеальность обеспечивалась тем, что система полностью игнорировала физиологическое происхождение индивидов, входивших в конкретные возрастные группы, и охватывала весь этнос галла-оромо независимо от территориальных делений. Естественно, что в таком случае не могли возникать «пустоты» в ячейках возрастных статусов. Жесткий возрастной диапазон между группой «детей» и «отцов»

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

составлял 40 лет. Общее стадо и, соответственно, общая территория выпаса отчетливо показывали, что каждая локальная группа (содержащая все возрастные группы по шкале статусов) в XVI веке была интегральной единицей этноса, весьма далекого от имущественного расслоения и классообразования в его обществе; этносом, вожди молодежи которого еще не имели никакого отношения к управлению жизнью и деятельностью самого этноса («Нет у них царя-господина, кто бы приказывал им..., а управляют ими *луба*, по восемь лет каждая», т. е. общественной жизнью руководили представители статуса 32–40 лет).

Суахилиязычный этнос был более развит и более сложен по структуре. Торговые города Берега имели общество, несомненно, классовое, с четким и сложным представлением о частной собственности и о богатстве как о мериле социального состояния владельца. Горожане использовали общесуахилийскую терминологию родства, но понимали ее иначе, чем жители периферии, они вносили в нее принцип индивидуального физиологического происхождения и прилагали ее к очень узкому кругу родственников. Так, например: *баба* и *мама* — это только отец и мать, кровные породители; *баба мкубва* и *мама мкубва* приобрели значение старших братьев и сестер породителей; появились и *баба мдого*, *мама мдого* для таковых же младших; *кака* и *дада* стали обозначать старших братьев и сестер от тех же породителей; а *ндугу мдого* — младших; *ваджукуу* — это породители породителей — деды и бабки; а *витикуу*, термин внесоциального возрастного состояния, стал обозначать внуков. Термины *мджомба* и *сенгази*, очень важные для регулирования жестких брачных норм в возрастном принципе (что в городе сохранилось только в понятии «предпочтительного брака»), стали обозначать родную сестру отца и кровные отношения — «брат матери», «дети сестры». Термин *ваана*, хотя и ограничился кровным родством, остался общим для мужчины и детей брата, или для женщины и детей ее сестры. Термин *ндугу* стал вежливым обращением к лицу (независимо от пола), близкому по возрасту и по «социальному облику» или по роду деятельности.

Таким образом, складывался хотя и предварительный, но достаточно обоснованный вывод: возрастная система организации общественной жизни, основанная только на принципе возрастной сегментации человеческой жизни и безразличная к принципу кровно-физиологического происхождения (кровного родства), более примитивна и архаична, чем социальная организация, где связи опираются на принцип кровного родства, и элементом структуры связей является не группа однозначных индивидов, а отдельный индивид. И эти различия, бесспорно, связаны с разницей в уровне развития экономической базы и соответствуют разным ступеням социальной развитости. Промежуточной, точнее, видимо, переходной формой оказывается трехступенчатый кровный организм социально-род-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ственных связей, в котором соединены оба принципа, но ощущается тенденция к ослаблению принципа возраста и к нарастанию принципа индивидуального физиологического происхождения.

Находки фрагментов и следов трехступенчатой системы или системы «права трех братьев» в сведениях о народах самой различной удаленности от нашего времени и от суахилийского берега Восточной Африки позволили предположить несколько вариантов перехода от пятиступенчатой системы регулирования жизни архаического доклассового общества к трехступенчатой, включающей и кровное родство: а) выделение этносом обособленной трехступенчатой кровной системы как некой социальной необходимости на «фоне» продолжающей существовать возрастной пятиступенчатой системы; б) распадение всего этноса на множество трехступенчатых кровных систем с одновременным разделением общества на «благородных», т. е. первенцев обоего пола, сохраняющих за собой право продолжать трехступенчатую систему, «полублагородных» — лишних потомков «благородных», группирующихся вокруг «благородных», сохраняющих условно-родственную (т. е. кровнородственную в отдаленном прошлом) связь с «благородными» и соблюдающих брачный запрет между детьми одних породителей, и «низкорожденных», т. е. утративших условно-родственную связь с предыдущими группами (и не имеющих «исторических предков»), но связанных с ними общеэтническим происхождением; в) выделение нескольких замкнутых трехступенчатых систем (возможно, с градацией по социальной значимости) с параллельным разделением остального этноса на множество более или менее обширных равнозначных коллективов, постепенно утрачивающих черты возрастных отношений и развивающих принцип кровных связей с сохранением внутри этих коллективов классификационной терминологии родства.

Эти варианты или их комбинации характерны для общества с более или менее плавным поступательным развитием («ортодоксальным»). Для обществ, развивавшихся под сильным влиянием более развитых, или таких, которые подвергались резкому воздействию очень развитого общества («парадоксальное», или «катастрофическое», развитие) характерны иные варианты: а) относительно быстрый распад этноса с возрастной системой на множество мелких групп, где каждый взрослый индивид мужского пола порождает трех полноправных потомков (любого пола), которые наследуют равные части его имущества, по мере достижения полноправия (забота о престарелых родителях — обязанность младшего), а прочие дети никаких прав не имеют; б) очень быстрый распад этноса на физические семьи (два или три поколения), между которыми гаснут всякие родственные связи (т. е. кровные родственники известны, но между ними не сохраняется никаких обязательств). Возрастные социально-организующие системы в этих вариантах разрушаются быстро, вследствие мелкособственного дробления

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

или правовой утраты этнической территории — той материальной причины, которая некогда «создала» и веками поддерживала социально-организующую систему возрастных групп. Трехступенчатая структура выделенных некогда архаическими этносами особых замкнутых групп во многих случаях оказалась необычайно жизнеспособной, несмотря на внутреннюю неуравновешенность. Постепенно меняясь от ограниченного во времени «права трех братьев» к пожизненному праву каждого «брата», наследственного (в пределах трехствольного кровнородственного коллектива) права на высокую социальную должность, эта система нередко сохранялась и тогда, когда весь этнос полностью, тем или иным путем, переходил к индивидуальному кровному принципу родства, когда на базе этого принципа, в связи с растущим имущественным расслоением, в этносе стали выделяться имущие линейно-генеалогические правовые коллективы, силой узурпирующие родовое право на отделенные от общеэтнических территории жизнеобеспечения. Видимо, именно развитие имущих линейных кровных родов и подорвало, в конце концов, жизнестойкость трехступенчатых особых правовых коллективов, они погибли в кровавой внутренней борьбе, стремясь превратиться в три самостоятельных линейных кровных рода.

Следует отметить, что во многих случаях на процесс смены групповых социально-возрастных отношений индивидуально-кровнородственными сильное воздействие оказывало появление на этнической территории первичных очагов цивилизации, т. е. поселений городского типа — в основе своей торгово-ремесленных центров. Независимо от того, возникает ли такой центр на местной этнической основе или вследствие оседания пришлых торговцев и ремесленников, он в любом случае становится «чужеродным телом» на этой этнической территории, как вследствие разнородного по происхождению населения, так и в результате ускоренного социального развития. Последнее обстоятельство связано с особым характером его экономической основы — с «текучими» материальными ценностями, которыми (в самых различных отношениях к ним) оперируют индивиды, не связанные или очень слабо связанные какими-либо этническими традициями. Это создает условия для ускоренного и глубокого имущественного расслоения населения города и делает имущественное состояние гражданина главнейшим мерилом его социального положения. Сложная хозяйственная и бытовая жизнь города порождает особую структуру управления («нити» которой сходятся в руках наиболее богатых его граждан), кодекс законов о правах, обязанностях и поведении, как его постоянного населения (в соответствии с имущественными градациями), так и «транзитных» лиц. Создается аппарат «физического» контроля над исполнением порядков и законов, и для подавления вспышек недовольства имущественным неравенством.

Население устойчивого и растущего торгово-ремесленного города всегда содержало значительный процент рабов и вольноотпущенников, что

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

давало право называть такой город не только государством, но и государством рабовладельческого строя. Однако, существо социальных отношений заключалось не столько в понятиях «раб — господин», «слуга — хозяин», сколько в разнообразных и сложных понятиях «клиентелы». Отношения «патрона и клиента» связывали господина и его бывших рабов-вольноотпущенников, любого из «отцов города» с другими торговцами и владельцами ремесленных мастерских, последних — с их мастерами-ремесленниками, владельцев складов товаров — со странствующими торговцами, с охранниками караванов, с погонщиками вьючных животных, носильщиками и грузчиками. По своему принципу, эти соотношения были «личностными», т. е., к взаимной выгоде связывали «высокое» лицо с рядом лиц более «низких» по положению, но в отношениях патрона и клиента могли находиться и однозначно оформленные группы, как, например, большой торговый город и мелкие торговые (или промежуточные коммуникационные, стратегические) пункты-поселения на его торговых путях, и те города-колонии, выросшие из них, которые считались основанными выходцами из города-патрона.

Отношения патрона и клиента складывались и между городским магистратом и военными вождями молодежи этнических территорий окружающей город периферии, по которым проходили его торговые пути. Но сами вожди и их воинства, как представляется, понимали эти отношения в «обратном порядке», т. е. ставили себя выше города, как бы покровительствуя ему за определенную дань, не разрушая его, позволяя его торговцам беспрепятственно странствовать по их этнической территории. Эти же отряды доставляли в город для обмена некоторые продукты своей деятельности (шкуры, меха, рога и пр.), участвовали в охране торговых караванов. Выгода от таких контактов с городом порождала соперничество между отдельными отрадами, борьбу за контроль над большей частью окружающей город этнической территории, и рано или поздно вся ближайшая периферия города на несколько лет оказывалась под контролем одного выдающегося вождя и его сборного воинства. Отношение клиентелы с таким вождем были выгодны городу, но таили в себе известную опасность: клиент, обладая значительной воинской силой, мог защитить город от вторжений из отдаленной периферии, содействовал подавлению возмущений городской бедноты или рабов — но мог и начать диктовать свои условия материальных вознаграждений («дани»), угрожая приступом и разграблением. «Отцам города» приходилось вести сложную политику, распространять отношения клиентелы в среду старшего (уже не воинского) населения этносов периферии, создавать противоречия между воинством, молодежью и представителями этнических авторитетов. Воины и их вожди стремились расположить свою резиденцию как можно ближе к городу, а «магистрат» всячески старался раздробить воинство и разослать малыми отрядами к отдаленным пунктам своих торговых путей.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Когда же периферия была очень обширна и существовала реальная опасность грозного внешнего набега, или когда к этому вынуждали внутренние обстоятельства в городе, приходилось заключать компромиссный договор и допускать пребывание вождя и части его воинства в самом городе, в ближайшем пригороде или в очень важном пункте на торговом пути.

Подобные ситуации могли закрепляться ненадолго; одни вожди гибли в бою или оставляли пост по иным причинам, их сменяли другие, и этим ведали не «отцы города», а воинство, точнее, этническая традиция этого воинства, по которой сменялись и сами воины: одни уходили, чтобы заняться традиционными делами взрослого человека; другие приходили, чтобы под руководством вождя пройти путь, отделяющий юношу от мужчины. Однако, такие обстоятельства и отношения еще нельзя назвать государством в марксистском понимании этого термина, и подконтрольная вождю и его воинству территория не была территорией этого государства, как и сам город не был его столицей. Торгово-ремесленный город почти с самого своего появления приобретал черты города-государства, а его население — черты классового общества, и появление в нем (наряду с изначальной коллегией правителей из наиболее богатых граждан и функционирующим от их имени исполнительным аппаратом) персоны правителя города еще не меняло исходной характеристики. Правитель города мог получить судебные функции, что было выгодно «отцам города», ибо недовольство судебными решениями теперь падало на личность правителя (а судил он, главным образом, провинившихся рядовых горожан, и чаще — в пользу богатых обвинителей), мог формально возглавлять их коллегию или от их имени говорить с «народным собранием» («вече», «коммиции» и т. п.), учреждением скорее демагогическим, чем действительным, но реальной властью в городе продолжали владеть те, которые обладали наибольшим богатством.

Правитель города также мог быть богатым, поскольку в его распоряжении скапливалось много оружия и припасов для его воинов, поступавших, по традиции, и от этноса периферии, и от города (одежда, продовольствие и украшения), но он оставался для этноса по-прежнему военным вождем его молодежи. Так продолжалось до того времени, пока этнос периферии не разделился на устойчивые имущественные слои, пока имущим не понадобилась власть. Параллельно с такими изменениями в периферийном этносе изменилось и воинство, оно утратило былую «текучесть», воин стал порождать воина, война стала профессией этого социального слоя, а традиционная дань превратилась в «налог» на содержание военной силы государства.

Появление государственной территории давало городу новые выгоды. Сильная государственная власть позволяла значительно увеличить контингент рабов и значительно шире использовать их в ремесленном производстве,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

а также развернуть земледельческое хозяйство. Довольно долго после возникновения торгово-ремесленный город, вследствие своих противоречивых отношений с окружающим этносом (или этносами), не имел возможности вести коммерчески выгодное обширное сельское хозяйство. Эта противоречивость заставляла окружать город фортификационными сооружениями и максимально использовать стратегические особенности местности и рельефа. За пределами фортификаций обычно располагалось неширокое пространство («округа», хора) возделываемой горожанами земли, которое, по мере расширения города, постепенно застраивалось, превращаясь в пригороды, хора отодвигалась все дальше, и большая ее часть состояла уже из садов и огородов именитых горожан. Только появившаяся возможность без особой опаски владеть большим количеством рабов вела к приобретению земельной собственности далеко за пределами городской территории и к организации коммерческих рабовладельческих поместий городской знати. Рабы и земли преимущественно приобретались покупкой. И, несмотря на интенсивное развитие рабовладельческого хозяйства, что нередко сопровождалось переносом центра тяжести экономики из города в поместье и понижения экономической роли самого города, основой существования цивилизованного общества оставалась торговля, а основой отношений — рожденная городом клиентела. Отношения рабовладения грубы и просты, они лежат «на поверхности»: раб, земля, орудия труда и труд раба — безраздельная собственность господина. Отношения клиентелы тонки и изощренны, внешне они обоюдовыгодны, они основаны на «добровольном согласии», на моральных обязательствах, они легко восстанавливаются после «недоразумений».

Лучше всего глубинная суть отношений клиентелы отразилась во взаимоотношениях власти духовной (т. е. церкви и религии, также порожденных классовым характером общества города, как и власть светская, политическая) с верующими. Подобно тому, как светский патрон обещал своим клиентам помощь и поддержку в случае будущих неприятностей или бед (имея в настоящем верных сторонников в политической борьбе, надежных партнеров в торговле, исполнительных агентов и т. п.), церковь обещала своим добровольным клиентам-верующим в будущей загробной жизни (при строгом соблюдении проповедуемых ею принципов и обрядов) всяческие блага, довольствуясь добровольными приношениями прихожан, размер которых долгое время не превосходил десятой доли продукта их труда. Именно отношения клиентелы позволили церкви выйти за пределы города на «языческие» земли периферии, обосноваться там и успешно распространять свое влияние. Церковь успешно богатела по принципу — «с миру по нитке…», и проникала вглубь отдаленных варварских земель едва ли не быстрее и дальше, чем протягивались торговые пути города. Она проникала мирно и почти незаметно, довольствуясь малым, обещая многое.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Отношения клиентелы были исключительно живучи, может быть потому, что ее материальное проявление выглядело добровольными традиционными дарами даже тогда, когда они принимали довольно односторонний характер (или имели «крен» в одну сторону). Отношения клиентелы протягивались от цивилизованного общества в архаическое общество варваров и разлагали его изнутри. Когда античное рабовладение исчерпало свои экономические возможности, отношения клиентелы легли в основу феодальной структуры, ибо отношения землевладельца и колона, сеньора и вассала, феодала и крестьянина — это клиентела, отягощенная различными формами земельных отношений. В этих изменениях процветал только торгово-ремесленный город — из патрона он превратился в клиента крупных сеньоров, хотя к этому времени его ремесленники довели до совершенства и высокой экономической эффективности традицию производства вооружения, ткани, мебели, а также изделий из металла, дерева, кожи и т. п.

Городам древности и античности и, в частности, потребностям торговли и религии человечество обязано изобретением, усовершенствованием и распространением письменности, а письменность донесла до нас сведения о многом из того, что навсегда унесло время. Однако у этого положительного обстоятельства оказались свои недостатки. Первый из них — это исчезнувшие или малопонятные языки и системы письма. Это со временем оказалось более или менее преодоленным. Сложнее было с другим. Первоначально старинные тексты читались с полным убеждением, что они писаны для нас — очень далеких потомков (особенно тексты на камне и металле), и их исследователи «инстинктивно» исповедывали мнение, что у человечества есть незыблемые категории понятий и отношений. Это создало чрезвычайно жизнестойкий «исторический словарь»: бог (боги), господин, раб, царь, государство, завоеватель, вассальные отношения, варвары (варвары-кочевники), жертвоприношение, молитва, поклонение, обложение данью, власть, закон и многие другие. И все эти слова долго существовали как некие «термины-аксиомы», как иногда понимаются и сейчас некоторые из них, наиболее трудные для исторического анализа содержания. Медленно, даже очень медленно открывается, казалось бы, простая истина: древние тексты писались не для нас, как не для нас составлялись и более поздние манускрипты. Все это было необходимо «тем людям» и, если они и имели в виду потомков, то самых близких. У самых ранних текстов, особенно на долговечном материале, была еще одна особенность (до сих пор ускользающая от внимания исследователя) — магическая сущность надписи, делающая ее «фиксацией надежды», хотя текст обычно и писался в прошедшем времени. Не столь уж и значительные деяния фиксировались по той же причине в увеличенном масштабе («Я, царь царей... победил ..., покорил ..., захватил все земли от моря до моря...»).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Столь же трудно и медленно начинают обнаруживаться «каноны записи» важных событий в более близкие к нам времена — изложения в стиле и терминах неадекватны реальным обстоятельствам.

Еще ближе к нашему времени в ученых трудах можно обнаружить своеобразный прием изложения сведений и событий, который следовало бы назвать «ученой спекуляцией». Это было объективным порождением того факта, что и относительно близкие, исторические по содержанию тексты, писались не для нас, а для современников автора. Элементарная суть этого приема заключалась в следующем: цивилизованный читатель — современник автора должен постоянно чувствовать преимущество своих форм цивилизации сравнительно с цивилизацией соседей, а тем более с жизнью окружающих варваров или язычников. Социальная политическая жизнь варваров или язычников описывается в несколько облегченных терминах своей действительности, но в темных тонах и с негативными определениями. Все негативные свойства человеческой натуры (как она понималась тогда) приписываются варварам или представителям соседней цивилизации. Победы варваров и соседей объясняются чаще всего численным превосходством или вероломством противника. Успешное нападение варваров рассматривается как бедствие, а уничтожение огнем и мечом мирных селений на варварской территории — наказанием за нежелание подчиниться, стать рабами или за отказ отдать свой хлеб и скот цивилизованным грабителям (может быть, и древнее изречение «имя им легион» следует переводить на современный язык не в количественном, а в качественном смысле — «имя им — грабители и убийцы»). Другой стороной «ученой спекуляции» было стремление фиксировать о своем настоящем или прошлом не обычное, (что было известно каждому современнику автора), а значительное, выдающееся, и нелепое (с точки зрения автора), курьезное, удивительное; или совсем невероятное и фантастическое о варварах и об отдаленных почти неизвестных народах, чтобы заинтересовать и удивить читателя. Нередко, для придания большей достоверности таким сообщениям, авторы старинных текстов вставляли в свои рассказы отрывки преданий своего народа или чужие, принесенные странниками или записанные кем-либо раньше. Надо сказать, что такие пересказы очень ценны, поскольку могут случайно сохранить древнюю (или «варварскую») мнемонику или хотя бы ее фрагмент, мало искаженный старинным автором. Но рассказы участников событий также подвержены принципам «ученой спекуляции», как и труды кабинетных авторов или поздних составителей.

Получилось так, что все вышеизложенные обстоятельства вызвали мысль о необходимости «допросить обе стороны» в поисках следов «права братьев» у неафриканских народов и в разные времена. И самым трудным оказался вопрос о роли женщин в истории социально-возрастной системы архаиче-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ского права, ибо большинство сохранившихся сведений касалось мужчин. В этих поисках обнаружилось одно любопытное противоречие: античные авторы в описании жизни своих северных соседей-варваров ни одним словом не обмолвились о каких-либо возрастных группировках, в то время как в устных эпических сказаниях самих народов Севера Европы, записанных только в X–XIII веках, следы мнемоник, связанных с нормами социально-возрастного права, встречаются достаточно часто и охватывают период от «эпического времени» и до конца XII века. Причем трудноразличимые следы пятиступенчатой системы за это время сменяются совершенно отчетливыми фрагментами системы трехступенчатой. Можно даже со всей определенностью реконструировать для времени от II–III до V–VI веков и многие реалии, связанные с нормами «права трех братьев». Примечательно, что реконструированная непрерывная «полная» (т. е. замкнутая в кольцо до повтора первого имени) схема из 5 колонок мужских имен (29 имен) и 4 колонок женских имен (17 имен) главных героев североевропейского эпоса оказалась состоящей из 20 колен по 40 лет и фиксировала эпическую традицию продолжительностью в 8 столетий. Если считать от времени жизни встречающихся в этой традиции исторических лиц (Ермунрекк — Херманарих, Атли — Атилла и др.), т. е. от IV–V-го века н.э., то начало этой своеобразной «эпической хронологии» окажется в III–II веке до н.э. Но имен вождей исторических германцев, зафиксированных римскими авторами, в этой эпической традиции нет. Предполагать, что это — узко-скандинавская традиция, нет оснований, поскольку существует ее фрагмент, литературно более развитый и зрелый — «Песнь о Нибелунгах» (с небольшой разницей в звучании некоторых имен: Зигфрид — Сигурд, Хаген — Хегни и др.), принадлежащая материковым германцам. Реальнее предположить, что имена традиции (и все комбинации отношений эпических персон) — социально-мнемонические; они были «мнемонической сетью», тем идеальным «фоном», на который ориентировалась реальная смена исторических персон (естественно, со своими реальными именами, разными не только персонально, но и другими в каждой локальной группе).

Древнеевропейская эпическая традиция содержит и фрагменты «права трех братьев», но в виде мнемоник конфликтных ситуаций, явно отражавших борьбу более архаичной, не учитывающей кровно-физиологического родства возрастной системы — с кровнородственной трехступенчатой. Общий вывод из того, что европейская эпическая традиция сохранила от времен возрастного социального права, может быть таким: уже ко второй половине первого тысячелетия до нашей эры архаическое население Европы имело институт социально выделенной персоны, в какой-то мере сакрализованой, представлявшей собой «эталон» качеств мужчины (как они понимались в то время), как образец для воспитания юношей. Эта персона, вероятно, избиралась на срок одного возрастного статуса из тех, кто наибо-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

лее достойным образом прошел трудный набор испытаний («подвигов»), требовавшихся для получения полноправия взрослого члена общества. Введение в этот сан, как и вообще признание совершеннолетия, завершалось брачным ритуалом. Каждая более или менее общинная группа населения имела свое священное место (священное дерево, камень или скалу) и избирала свою «персону», ставя в зависимость от нее или процветание, или негативные явления в хозяйстве. Если период оказывался исполненным всяческой благодати, срок «деятельности», по желанию общества, мог быть продлен повторными браками (не более 3), после чего происходила смена. Возможно, что завершение «деятельности» сопровождалось ритуалом умерщвления, что в поздних изложениях традиции превратилось в сообщения о «принесении в жертву».

Физиологические потомки социально-выделенной персоны первоначально не обладали никакими преимуществами по сравнению с детьми других родителей, поскольку пятиступенчатая социально-возрастная система, регулировавшая права и обязанности членов архаического общества, была принципиально безразлична к физиологическому родству. Позже — видимо, под влиянием стремления упрочить процветание хозяйства и заметив физиологическое наследование внешних признаков, в качестве «наследника» иногда могли избирать первенца первой жены «выдающегося» священного лица (социально-выдвинутой персоны). Еще позже (на таких прецедентах) сформировался «способ» обеспечивать общество «безусловно выдающимися» священными персонами — трехступенчатая кровно возрастная система, отделившая этих персон от остального общества в особую замкнутую наследственную структуру из сыновей и дочерей-первенцев. В природно-хозяйственных условиях архаической Европы оттеснение охотничьего хозяйства — пастбищным скотоводством (сначала лошади, затем коровы и козы) и элементарным вырубочным земледелием было причиной быстрого распространения трехступенчатой системы кровного родства (параллельно с распространением относительно оседлого хуторского образа жизни), когда пара родителей и трое первых сыновей с их женами (или трое дочерей с мужьями-зятьями, или смешанные комбинации) вели переложное хозяйство (до смерти отца) на ранее расчищенных угодьях, а дети, рожденные сверх этого, должны были уходить на новые росчисти.

Архаическая Европа — пространство сплошных лесных массивов, лиственных на юге, смешанных в средней полосе и преимущественно хвойных на севере. Десять тысяч лет тому назад эти леса распространились вслед за отступавшим последним оледенением. Чуть позже это пространство начал заселять человек. Вероятнее всего, заселение Европы шло по берегам морей, а оттуда — по течению крупных рек. Естественно, что долгое время население Европы было чрезвычайно редким, и даже около

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

начала нашей эры Север был заселен много реже, чем берега Юга, и преимущественно — по речным долинам. Скорость развития экономической базы и социальных структур была различной по направлению от юга на север. Так, например, на берегу Средиземного моря процесс смены возрастных социальных отношений отношениями по кровному родству, по-видимому, завершился к середине I-го тысячелетия до н.э., тогда как на берегах северных морей еще в IX–XI веках н.э. он был в самом разгаре. На течение этого процесса большое влияние оказывало постепенное развитие и распространение интенсивных форм ведения земледелия с быстрым сокращением перелога за счет внесения в почву органических удобрений, которые давало стойловое содержание скота зимой. Постоянство использования одной и той же земледельческой площади вынуждало к полной оседлости, одновременно создавая известную устойчивость хозяйства: повышая жизнеспособность населения, оно вело к систематической перенаселенности, поскольку архаическая технология земледелия (пахота деревянным плугом-сохой) и крайне ограниченное использование металла препятствовали необходимому расширению пахотных земель.

Какое-то время это расширение все же продолжалось, но рано или поздно стали учащаться вооруженные столкновения из-за угодий. Обычно, когда речь заходит о переселении избыточного населения, пишут об оттеснении или изгнании «слабых племен», которые, будто бы все круша и всех убивая, вторгаются на чужую территорию и захватывают ее. И как-то не замечается в таком описании явного противоречия: «слабые» вдруг оказываются исключительно сильными. Видимо, реальнее предположить, что такой обычай, вынуждаемый суровостью хозяйственных обстоятельств, имел некий традиционный (или ставший таковым со временем) «регулятор», когда лишняя часть населения (а не «племя») добровольно уходила на новые росчисти или даже на отнятие силой обработанной чужой земли (может быть, сначала — для отнятия чужой залежи). Несомненно, что уходили не «слабые», а наоборот — сильные и молодые, у которых «жизнь впереди». Таковыми вполне могли быть «сыновья» и «дочери», родившиеся «после трех». На новом месте поселения они также распадались, в правовом отношении, на «постоянных» и «лишних». Эти последние, когда их оказывалось слишком много, также уходили дальше. «Оказывалось слишком много» — это не какой-то гипотетический «демографический взрыв», а просто следствие падения детской смертности. Таким образом, во время очередного ритуала инициации в полноправные члены коллектива, на который к священному дереву, камню или ручью собирались юноши и девушки с определенной окрестности, могло легко выясниться, — кто должен вернуться на «земли отцов», а кто — составить группу уходящих на поиски нового места. Видимо, состав таких групп не часто был полнокомплектным по полу, чаще уходили одни мужчины — для которых ини-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

циация завершалась только по обретению жен на новом месте, что означало и обязательный вооруженный набег для похищения женщин. Вот такие группы бродячих юношей-воинов со своим вождем, избранным за физические достоинства, вероятно, и были причиной изменения характерного для архаической Европы «хуторского расселения» — появились более обширные поселения-общины, нередко располагавшиеся на возвышенностях и элементарно укрепленные.

Особое влияние на этот медленный процесс развития населения Европы оказывали торговые пункты на торговых путях древних цивилизаций Ближнего Востока — тех нескольких больших оазов, которые сохранились на больших реках в постепенно высохшей к V–VI тысячелетию до н.э. полосе обитания всего человечества времени ледникового периода, где экономическое и социальное развитие неолитического человека не прерывалось затяжным периодом переселения. Необходимость торговых связей, как между этими оазами первых на земле цивилизаций, так и между ними и другими населенными местностями, была вызвана потребностью в ремесленном и строительном сырье (дерево, руда, камень, самородный металл), которого (за исключением глины) они были почти совсем лишены.

Первые торговые пути Древнего Востока в Европу протянулись из Малой Азии к берегам будущей Греции, а далее — от восточного берега Средиземного моря по его берегам, все дальше и дальше на запад, и даже немного за Геркулесовы столбы. Пути были морские, но плавали не в зоне видимости берегов (как часто об этом пишут), а вдоль моря, где не было опасных мелей и подводных камней, ориентируя это направление по «утренней» и «вечерней» звездам (по звезде «Тар» — планете Венере). Средиземное море по природным условиям и возможностям архаического судостроения делилось на две зоны: от берега Малой Азии до восточного берега Сицилии и от Сицилии до Геркулесовых столбов. В первой зоне преимущественное направление ветров — северо-восточное и северное, т. е. поперек продольной оси моря. Здесь в любом месте легко было достигнуть до обращенного к Европе берега Африки, но очень трудно вернуться обратно. Пишущие об архаическом и античном мореплавании часто ссылаются на обилие весел на старинных судах, но для длительного похода их употребляли только на военных и промысловых кораблях, на которых не перевозили грузов. На военных была слишком большая команда, чтобы оставалось место для чего-либо, кроме пищи, воды и боеприпасов, а промысловые никогда не были большими. Тяжелые транспортные суда использовали весла только для того, чтобы выйти из гавани или круто развернуться в море. Таким образом, чтобы достигнуть берегов Европы, от Африки приходилось идти под парусом «по диагонали» с боковым ветром, т. е. проще было плыть от Азии к Сицилии и обратно, чем пересекать море от Африки к Европе. Эти обстоятельства породили соответствующую

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

конструкцию парусного вооружения: низкий узкий парус, растянутый по длинной рее, с аэродинамическими качествами, пригодными для бокового ветра. Эта конструкция, в комбинациях с одной или двумя мачтами, сохранялась в течение всего античного времени, и только в раннее средневековье на малых судах была вытеснена треугольным «латинским» (несбалансированным, односторонним — «латин», а не от «латинян»).

В западной зоне Средиземного моря ветры неустойчивы по направлению, но преимущественно дуют под разными углами вдоль продольной оси моря. Это обстоятельство способствовало сравнительно простой и достаточно надежной двусторонней связи берегов Африки и Европы, а также плаваниям от Сицилии и южной Италии к проливу и обратно. Выход за пределы пролива и возвращение были просты и требовали только ожидания благоприятного направления ветра, но заходить в Атлантический океан дальше меридиональной линии западного берега Пиринейского полуострова было опасно — там начиналась зона сильных циклических течений и ветров Азорского максимума, движущихся по часовой стрелке и полностью исключающих для судов того времени движение на север, если не огибать обширную зону максимума. Этим объясняется тот факт, что средиземноморские торговые города-колонии не распространялись дальше меридиана Гадеса — ни на европейском берегу, ни на африканском.

В науке о древности укоренился ряд представлений, которые выглядят правдоподобными в логическом кабинетном рассуждении, но обнаруживают свою несостоятельность, если рассмотреть их с позиции практической навигации и инженерно-конструктивных возможностей.

Одно уже отмечалось — это убеждение, что раннее судоходство не покидало видимости берегов. Для торгового судна это абсолютно нерентабельно из-за троекратного (как минимум) удлинения пути. Но не это главное. Техническая возможность этого доступна только современной спортивной парусной яхте малого и среднего размера, с неглубокой осадкой и способностью идти под любым углом к ветру, следуя изгибам берега. Далее, считается, что проще всего идти полным курсом, т. е. по направлению ветра, и что так начиналось мореходство. Но на земном шаре вряд ли есть море, где не бывает шквалов (особенно во время равноденствий), а при любом парусном вооружении шквал наиболее опасен именно при полных курсах. Резкий и сильный удар ветра произвольного направления рвет паруса и ломает мачты, а без мачт парусник — не более, чем бутылка, брошенная в море. Шквал меньше всего вредит судну, идущему в полветра, т. е. когда ветер перпендикулярен к курсу.

Еще одна сторона дела — определение местоположения вне видимости берегов. Нередко можно встретить утверждение, что древние «определяли путь по звездам». Фраза звучит загадочно, и предполагаются некие таинственные знания и особые способности, а на практике все обстояло очень просто. Например, для Средиземного моря существовал простой

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

и точный указатель линии Юг-Север — направление на Полярную звезду, а по ее подъему над горизонтом опытный мореход мог без инструментов сказать, к какому берегу он ближе — к африканскому или европейскому. Как уже было упомянуто, линия Восток-Запад, хотя и очень приблизительно, могла быть определена по «утренней» или «вечерней» звезде. Более точное местонахождение определялось по цвету воды, по породам рыб и морских животных, по птицам, по характеру волны и пр., а у берега — по его очертаниям. Вот эти «дополнительные» знания действительно были обширны и требовали особой наблюдательности и памяти.

Кроме того, существует убеждение, что мореходство создали народы материковой культуры, когда она достигла определенного уровня развития. Но это столь же нелепо, как если бы, например, бухгалтер, ни с того ни с сего, стал бы канатным плясуном. Мореходство начали неолитические рыболовы и охотники за морским зверем. Они выходили в море и возвращались на берег с утренним и вечерним бризами — ветрами легкими и дующими то в море, то к берегу. Это они заселили большие и маленькие острова — близкие, а затем и далекие, а став обитателями островов, постепенно создали элементарную мореходную технику, традицию навигационных знаний и освоили природную специфику «своего моря». Дальнее мореходство началось не с торговли, а было следствием развития морского промысла. Условия раннего мореплавания на Средиземном море (как и на любой, более или менее однородной акватории) со временем создали особый тип населения — «народов моря». И с определенного времени торгово-ремесленные города суши включили их в свои торговые операции. Весьма вероятно, что на заре мореходства естественная и необходимая перемешанность и обособленность от не-морских народов создали их антропологический тип и их общий язык. Естественные условия заставляют думать, что общность народов моря начала складываться в западной зоне Средиземного моря, затем распространилась на район Эгейского архипелага и в Адриатическое море, и только потом — в южную часть восточной зоны. Развитие торговых морских путей шло в обратном направлении: от берегов Малой Азии по островам Эгейского архипелага и по островам северного берега Адриатического моря, а также на южную оконечность Италии и в западную зону. На морских торговых путях, отходя все дальше и дальше на запад, образовывались постоянные пункты торговли с населением прилежащих районов материка. Наиболее выгодно расположенные торговые пункты превращались в центры торговли и скоро приобретали все характеристики торгово-ремесленных городов. Но не «народы моря» создавали и населяли эти города. Как и материковые торгово-ремесленные города — очаги цивилизации, морские торговые города были обособлены и от материковых народов, с которыми вели торговлю, и от «народов моря», которые на своих судах перевозили их товары.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

По мере развития крупных и средних городов морской торговли их население образовало свою особую общность — общность средиземноморской цивилизации. Но, в отличие от общности народов моря, эта общность была сложной в языковом, идеологическом и внешнекультурном отношениях. Постоянные контакты ее крупных городов с прилежащим материковым населением создали «культурные языки» этой цивилизованной общности: древнегреческий, этрусский, финикийский, пунический и латинский, на которых со временем стали говорить обитатели их ближайшей материковой периферии. Основой грамматического строя цивилизованных языков, видимо, были структуры языков их периферий, как и значительная часть словарного фонда — в несколько измененной, «облегченной» фонетической форме. Сложился и общий словарный слой, связанный с торговлей и социальными отношениями города (общий либо по исходным корням, либо по семантическому соотнесению). Некоторая часть общего лексического слоя могла происходить от древнего языка народов моря, а сам он как бы «исчез», будучи «заменен» своеобразным явлением — необходимостью для мореходов уметь говорить «на всех языках», т. е. иметь способность в известных пределах общаться с жителями торговых городов (потомок этого «языка» — портовый говор, существует на Средиземном море и по сей день).

Особую сложность языковой и культурной характеристике цивилизованного мира средиземноморских торгово-ремесленных городов придавала специфика их социально-политических и экономических взаимоотношений. Первоначально расположенные вблизи моря торгово-ремесленные города Малой Азии, конечные пункты древневосточных торговых путей, установили обменный контакт с народами моря (сушеная, соленая и свежая рыба, кальмары, морские раки с одной стороны; ткани, металл, и растительные пищевые продукты — с другой). Из некоторых пунктов этого натурального обмена выросли города морской торговли, торговцы из которых, на судах народов моря, сами отправлялись в странствия со своим товаром и создавали пункты обмена на отдаленных берегах. Так появлялись первоначальные «колонии», а продолжающаяся последовательность этих «операций» создавала их цепочки с городом-«метрополией» во главе. Некоторые из «колоний» богатели и приобретали собственный вес и авторитет в торговом мире. Связи их с «метрополией» слабели, они сами становились «метрополиями» и обзаводились своими «колониями». Их взаимосвязи превращались из цепочек в сложную сеть с разными степенями зависимости. Еще большая сложность наступала по мере возникновения очагов (языковых, культурных и идеологических) «исходных» торговых цивилизаций. И, хотя каждая «метрополия» по-прежнему действовала самостоятельно, «колонии» образовали своеобразную чересполосицу, поскольку каждая во всем «ориентировалась» на тот или иной «очаг цивилизации», соответственно принадлежности «ис-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ходной метрополии», даже утратив с ней экономические связи. И у «исходных метрополий», и у «новых» были две основные задачи: прикрепить к себе постоянный контингент из народов моря для создания более грузоподъемных и больших военных судов (практика взаимоотношений и с конкурентами, и с «колониями», и с народами моря далеко не всегда была мирной), а также — протянуть торговые нити от прибрежных пунктов вглубь материков, ближе к месту «производства» предметов обмена.

Это положение можно изложить и иначе. У морских торговых городов были две периферии: одна, преимущественно коммуникационная — на море; другая, преимущественно обменная — на суше.

Особое значение эти обстоятельства получили, когда началась действительная колонизация, т. е. перемещение избытка населения больших городов в торговые пункты. Такие колонии были трех типов: поселения колонистов с целью усиления пунктов, от которых шли пути на материк (большею частью в устьях значительных рек); поселения, имеющие стратегическое (политическое и коммерческое) значение; и поселения в таких пунктах, где скупалось зерно и прочие продукты питания или было возможно создание зернового хозяйства. Этот этап колонизации также имел характер эстафеты (даже с проникновением на материк), он вызвал к жизни множество особых «торговых государств» со структурой «Метрополия — Колонии — Материковые зоны торговых операций», но без государственных территорий. Главной заботой этих государств были их торговые морские пути, а не территории.

Экономические и политические центры этих государств (метрополии), как и более древние торгово-ремесленные города, по внутренней структуре были олигархическими республиками с парным или тройственным выборным характером должностных лиц исполнительной власти, но города-колонии управлялись единовластно, что создавало впечатление «монархического управления». Реальной властью всюду обладал совет наиболее богатых горожан. Следует отметить характерную черту, сопровождавшую изменение статуса города — как только ослабевали узы связи с метрополией, колония переходила от «монархического» управления к «олигархии». Иногда пишут о захирении и исчезновении «исходных метрополий» и вообще древних торговых городов Средиземного моря, но это (за исключением действительных разрушений) ложное впечатление, следствие отражения в письменных источниках, по сути дела, только второго этапа колонизации, времени «торговых городских государств», размер и населенность городов которых, размах торговых операций и высота культуры ни в какое сравнение не шли с теми же характеристиками «исходных метрополий» и их «колоний».

Именно от времени «торговых городских государств» и от последующей эпохи, когда их культура (в т. ч. и письменность) широко распространилась по берегам Средиземного моря, и сохранились письменные документы, на

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

интерпретации которых учеными нового времени была составлена событийно-политическая история средиземноморского античного мира и предшествовавшего времени. Естественно, что она была составлена с позиции «от материка» и представила появление торговых городов Средиземного моря как «сгустков» материковой культуры и политических экономических центров материковых государств, государств довольно странных, на «государственной» территории которых располагались «племена», т. е. этнические группировки доклассового общества. Так получилось потому, что, с одной стороны, были «допрошены» только «свидетели» цивилизованного городского общества, а с другой — «допрошены» не очень внимательно, и заключения сделаны на оснований категорий современного или близкого к нам общества и его социальных отношений. Что же касается не событийно-политической истории, а истории этносоциальной, то, несмотря на то, что она не может представить дословно переведенные письменные «доказательства» и вынуждена делать выводы на основании диалектической логики сопоставлений разновременных и крайне разрозненных фрагментарных сведений, она восстанавливает сложившуюся «несправедливость» и «допрашивает свидетелей другой стороны».

Результаты получаются неожиданные, иногда противоречащие укоренившимся представлениям, они заставляют внимательно отнестись к широко известным письменным материалам, хотя бы уже потому, что становится очевидным обычай древних авторов описывать своих варварских соседей в несколько облегченных понятиях, категориях и терминах своего цивилизованного классового общества древних городов. Столь же своеобразно описывалась ими и периферия большого центрального города — внимание уделялось, по сути дела, только малым городам, связанным политическими и экономическими отношениями с центральным городом, а автохтонному населению этой периферии («племенам» на территории государства) отводилось промежуточное место между цивилизованным населением городов и варварами далекой, «неосвоенной» торговлей и политикой, периферии, место «деревенщины», с которой можно вести выгодную, почти грабительскую торговлю, которую можно теснить, вынуждая продавать земельные угодья, и которая почти не может оказывать сопротивления вследствие неспособности ее традиционных организаторов руководить этим сопротивлением.

Какова бы ни была социальная структура «деревенщины», она, естественно, описывалась как и варварская, в тех же «облегченных» понятиях горожанина. А в основе социальных отношений города, как уже упоминалось, не лежало ничего, кроме индивидуальной собственности и кроме права ее наследования кровнородственными индивидами по шкале родственной близости, а социальный статус определялся ее количеством или отсутствием. С формально-юридической стороны, в позднее античное

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

время вся «сумма» наследников владельца крупного имущества представлена как линейный генеалогический мужской «род» (*генс*) с правом наследования основного богатства по прямой линии.

Эти сведения сыграли печальную роль в развитии теоретической этнографии (этнологии). Луис Генри Морган, стремясь поставить науку об истории бесписьменных и дописьменных («доисторических») народов на доказательную основу, т.е. приравнять их историю к событийно-политической истории народов цивилизованных, имевших свою письменность, счел фиксированную в письменных источниках схему античного «юридического рода», схему классового общества — основой для изучения социальных отношений в обществах доклассовых. И создал, таким образом, представление о «предшествующем» реальном, совместно живущем первобытном кровном роде, составляющем вместе со свойственниками первобытную общину. Опору для своих умозаключений он, казалось бы, нашел у хорошо знакомых ему по службе сенека-ирокезов, у теснившихся в резервате жалких остатков некогда обширной этнической группы ирокезских племен. Морган не учел, что жизнь в резервате и жизнь на своей территории — вещи весьма и весьма различные, и что социальные связи не могли сохраниться неизменными при столь резких и глубоких изменениях условий существования, которые можно без преувеличения назвать — ломкой, разрушением. В одном из примечаний к своему основному труду Морган говорит, что его лучшим информатором был один из вождей (сахемов) сенека-ирокезов, отличный фермер и человек, уважаемый своим народом. Из этого примечания следует только то, что во время Моргана резерват сенека-ирокезов еще имел некоторую возможность вести хозяйство, подобное хозяйству соседних фермеров-европейцев, и что перед лицом американских властей их представлял «традиционный вождь»-фермер. От него Морган услышал легенды об ушедшей в далекое прошлое жизни ирокезских племен; легенды, быть может, претерпевшие значительную перестройку под влиянием характера жизни и отношений соседей-европейцев, людей, обладающих властью и многими недоступными культурными ценностями и возможностями, с которыми, хотя и в легендах, в прошлом, но хотелось бы сравниться. Морган не мог понять, что внутренние взаимоотношения глубоко разрушенного общества ирокезов (да и всех аборигенов Америки) объективно должны быть аналогичны таковым у обществ античного мира, пришедших к классовому состоянию постепенно.

Но он заметил и различие — сохранившаяся у ирокезов родственная терминология не индивидуальна, и каждый термин обозначает группу людей. Не умея использовать диалектическую логику, учитывающую качественные изменения, он решил вопрос о социальной структуре архаического общества в чисто количественном ключе: архаический родовой коллектив был более обширным, чем античный род, в нем степени значений

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

терминов были как бы «смещены», и термин «брат» обозначал не только кровных братьев, но и их орто-кузенов, другой термин обозначал кросс-кузенов со стороны матери, третий — кросс-кузенов со стороны отца; в старшем колене один термин обозначал мать и ее орто-кузин, другой — отца и его орто-кузенов и т. д. Все это, и многое другое, было «понятно» и «доказательно» вследствие незначительных отклонений от обычных европейских представлений о родстве (индивидуальное, хотя и «расширенное», физиологически кровное).

На сотню с лишним лет положения и схемы, выработанные Морганом, стали руководством и в работе полевых этнографов, и в кабинетном анализе собранных ими материалов, независимо от того, признавали Моргана исследователи или нет. Все другие этнографические сведения, не укладывавшиеся в моргановские выводы и схемы, рассматривались отдельно, как сопутствующие «институты» или «обычаи». Так оказалась обойденной вниманием вторая сторона классификационной системы родственных отношений — система социально-возрастного деления доклассового общества, игнорирующая физиологический принцип родственных связей. Нельзя сказать, что этому явлению совсем не уделялось внимания, по этому вопросу существует (хотя и не обширная) литература. Но само явление всюду рассматривается почти полностью изолированно от других социальных отношений, ограниченно приписывается только скотоводам, а попытки рассмотреть его в ключе кровного инвидуального родства настолько путаны по результатам, что снимают необходимость критического разбора этих сочинений. Иное дело с невольными заблуждениями Моргана и других ранних авторов. Морган просто не мог наблюдать действия возрастной системы (т. е. организующие и охраняющие ритуалы), она была полностью разрушена у сенека-ирокезов жизнью в резервате.

Но ее нелегко наблюдать и в реально действующем состоянии. Это была система фиксации подвижных прав и обязанностей членов доклассового общества, но не система локализации групп в их повседневной хозяйственной деятельности. Для постороннего глаза реально существующие группы социальных «сверстников» были невидимы, поскольку принадлежность к ним не обязывала селиться совместно, коллективно вести хозяйство и т. п. Реальное соседство определялось другими разнообразными причинами и необходимостью. Однако, современные полевые этнографы, подобно античным наблюдателям жизни варваров, видели перед собой соседствующие хозяйства («общины») и, прежде всего, старались отыскать внутренние связи именно локальной единицы или связи между локальными единицами, не подозревая возможности иной, более широкой и нейтральной к локальности, «самодействующей» системы социальной дистрибуции, системы, не дающей индивиду неизменного пожизненного социального статуса, привычного в логике цивилизованного общества — безразлично,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

современного или античного. По этой причине она оказалась незамеченной античными авторами у варваров, и не им современная наука обязана утверждением, что у варваров-европейцев античного времени «господствовал родовой строй». Никто из античных авторов этого не говорил.

Рим столкнулся вплотную с северными варварами в пору полного расцвета своего могущества, но многое в их взаимоотношениях останется непонятным, если смотреть на Рим только с позиции событийно-политической истории.

В исторической науке Рим этого периода принято описывать в тех же категориях, в которых описывают европейские феодальные империи XVI–XVIII веков, отмечая только различие в основном способе производства. Для этого есть вполне реальные основания, и главное из них — наличие торгово-ремесленных городов. Но различия заключались не только в способе производства. Основой государственного бюджета поздней феодальной империи была система налогов, которые накладывались на все производящее население в пределах территории империи, и которые реализовались сложным и разветвленным фискальным аппаратом. Последними в эту систему вошли торгово-ремесленные города и крупные феодальные поместья. Налоговая система же римского центра управляла огромной империей античных торгово-ремесленных городов, но не касалась и не могла касаться ни рабовладельческого производства, ни этнических хозяйств на подконтрольной или «дружественной» территории периферии городов. Римская система налогов почти полностью была связана с торговлей, хотя богатство городов создавалось их ремесленным производством.

Без учета этой специфики не понять основ существования и процветания античной торговли и городов средиземноморского мира. Без «фона» этнических земледельческо-скотоводческих территорий, еще не достигших уровня ремесленного производства, античные города просто не могли бы существовать. Через торговцев и ремесленников из этнических территорий для городского производства поступало сырье: шерсть, шкуры, зерно и др. Их обменивали на некоторые изделия ремесленного производства, которые специально для этого и изготовлялись. Ремесленные изделия, составлявшие материальную культуру самого города, ни в ближней, ни в дальней его периферии не находили сбыта. Даже так называемые «украшения», т. е. различные дешевые ювелирные изделия, которые в периферийных этносах использовались как знаки социального престижа, приходилось делать, сообразуясь с «варварскими вкусами». Последнее обстоятельство весьма снижает продуктивность археологических исследований в вопросе протяженности торговых связей городов, и иногда приводит к неверным выводам о существовании у этносов периферии соответствующего самостоятельного производства. Реальная картина много сложнее.

Периферийные доклассовые этносы с их медленно разрушающейся структурой внутренних связей не были в состоянии создать свое ремеслен-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ное производство, но варвары далеких территорий, не имевшие прямой связи с торгово-ремесленными городами, доклассовые общества с полнодействующей системой социальных отношений, смогли найти в своей среде контингент лиц, который освоил вторичную переработку опосредованно попадавших к ним (вероятно, порченных) медных и бронзовых изделий в необходимые — оружие, орудия труда, сосуды. Такими «умельцами» оказались «колдуны», в обязанность которых, наряду с организацией традиционных ритуалов, входила охрана и содержание священных мест, в том числе, изготовление ритуальной скульптуры и других предметов. Позже эти «колдуны» освоили ковку железа и его простейшее производство из местного сырья. Но, видимо, на фоне всего «натурального» производства материальной культуры этих этносов, производство металлических изделий долго оставалось «каплей в море». Вот к этим далеким варварским территориям, где необходимое сырье можно было получить самым выгодным образом, и стремились цивилизованные торговцы. Когда они проникали туда, их встречали мирно и гостеприимно, но, возвращаясь в цивилизованное общество городов, торговцы привозили рассказы, приводившие в ужас не только рядовых горожан, но и к властвующую знать. Дело было не в том, как описывались сами варвары и их быт. Ужас наводили сообщения о том, что время от времени там собираются огромные полчища воинов, которые вступают в сражения друг с другом; и в этих сражениях дикие воины, вооруженные дубинами и плетеными из прутьев щитами, проявляли необычайную смелость, мужество и силу. Не менее страшным казалось и полное отсутствие привычных и понятных торговому обществу причин в этих сражениях, что порождало представление о «природной склонности диких варваров к убийству и разрушению».

Этот ужас имел очень древние корни. Его время от времени испытывали обитатели ранних торговых колоний по отношению к варварскому населению территорий, отстоявших от города едва ли не на сотню километров; его испытывали жители окрепших торгово-ремесленных городов по отношению к варварам отдаленной периферии или к «незнакомым» народам моря; этот ужас был знаком и могучему Риму на границе II–I веков до н.э., этому, казалось бы, всесильному центру и владыке гигантской паутины торговых морских и сухопутных путей с немыслимым количеством больших и малых торгово-ремесленных городов в ее узлах. Причина столь непонятного обстоятельства заключалась в том, что Рим ни в политическом, ни в производственно-экономическом смысле не владел той территорией, по которой была раскинута эта паутина торговых путей. Обладая огромной властью в цивилизованном торгово-ремесленном мире, сосредоточив в своих руках финансирующий торговлю ростовщический капитал, сам Рим оставался столь же беззащитен, как и за 200 лет до того, когда его чуть не взяли приступом варвары-галлы.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Могущество всех античныех империй торговых городов имело эту слабую сторону. Около 1200 г. до н.э. в связи с почти полным прекращением морских торговых операций городов-метрополий на малоазийском и финикийском берегах (причиной которого была борьба хеттов и египтян, нарушившая функционирование сухопутных путей на восток), недовольные народы моря, объединив свои боевые силы, разрушили все города, начиная от Трои и до Сидона. Колонии не пришли на помощь своим метрополиям, они стали самостоятельными. Около 800 г. до н.э. некоторые из них оказались во власти Карфагена, бывшей колонии почти разрушенного Тира. В течение последней половины III века до н.э. Рим (и его «союзные» города по берегам Этрурии) дважды пытался сломить гегемонию Карфагена в морской торговле. Характерно, что каждый из противников отлично знал, в чем главная слабость врага. Победоносный Ганнибал шел к Риму, чтобы разрушить его и сравнять с землей. И не итальянские этносы спасли Рим, а предательская политика карфагенской торговой знати. В третьей войне Карфаген пал, но не отвага римских солдат была тому причиной (как об этом сообщают античные авторы), а то воинство варваров из отдаленной африканской периферии Карфагена, которому отводят скромное место римских союзников. Римляне стерли Карфаген с лица земли, чтобы отстроить его заново, когда колонии Карфагена оказались под их властью. Местоположение Карфагена обладало большой стратегической ценностью — он находился на границе двух торговых акваторий Средиземного моря. Последняя война с Карфагеном потребовала большого количества солдат, и хотя множество их погибло, победителей боялся сам Рим, который разослал легионы в свои отдаленные владения. Но для борьбы с воинством нумидийского вождя Югурты пришлось набирать новые легионы.

Однако, наибольший ужас, несравнимый даже со страхом перед Ганнибалом или Югуртой, Рим испытал в 105 г. до н.э., когда получил известие о появлении в Трансальпийской Галлии северных варваров — кимвров, тевтонов и амбронов. По слухам, их было 300 000 воинов, а также женщины и дети. Если допустить, что эти цифры достоверны, то следует предположить движение около 1 млн. человек через всю Германию и Галлию. Меня всегда удивляли сообщения античных авторов о различных численностях, а еще больше удивляло то спокойствие, с каким к этим данным относятся исследователи нашего времени.

Так, например, Цезарь сообщает, что галлов под предводительством Верцингеториха собралось 312 000 человек, и никого это не смущает. Под командованием Цезаря в это время было четыре или пять легионов, т. е. около 30 000 солдат. Как бы ни была велика разница в вооружении и дисциплине, сказался бы десятикратный численный перевес — но победа осталась за Цезарем. Цезарь был не только прекрасным стратегом, но и хитрым политиком, он, несомненно, собрал сведения о возможном коли-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

честве воинов-галлов, но выдал это число за наличное. Можно рассматривать его цифры, как приблизительную «точку отсчета». Если считать, что максимально мог быть воином каждый пятый из общего количества населения, то получится приблизительная численность населения древней Галлии — в 1 560 000 человек. Галлия по площади почти не отличалась от современной Франции с ее 46-ти миллионным населением. Стало быть, получается условная разница — в 36 раз. Можно по приблизительному подсчету подойти и с иной стороны. Общая площадь Дании, Франции, двух Германий и Италии составляет 1 251 000 кв. км., а население около 200 миллионов человек. В современном мире можно найти страну с приблизительно такою же площадью и с природно-хозяйственными обстоятельствами, мало отличающимися от таковых в древнем Европе — это Ангола. Площадь Анголы — 1 247 000 кв. км., а население — 4 550 000 чел.[1] Если сопоставить эти цифры, получится еще большая разница: почти в 50 раз. Таким образом, приблизительное население этой европейской площади будет около 4 670 000 чел., а по странам: Италия — 1 250 000 чел.; Франция — 1 600 000 чел.; Германия — 1 700 000 чел.; и Дания (откуда, как считается, вышли тевтоны и кимвры) — 180 000 чел. Иными словами, древняя Ютландия максимально могла иметь — 36 000 воинов. Откуда же могли взяться 300 000? Даже если по пути к Риму к ним присоединилось еще столько же, то и тогда их стало бы не более 70 000. Видимо, нет другого выхода, как отнимать от цифровых данных античных авторов один ноль, т. е. делить на десять.

Сейчас уже невозможно сказать, какая часть молодого населения древней страны покидала ее, когда обнаруживался недостаток хозяйственной площади. Во всяком случае — не все, кто мог работать или носить оружие. Если связывать такие обстоятельства с «правом трех братьев», то можно предположить, что в случае необходимости (т. е. не ежегодно) могло уходить на поиски нового места поселения около 2/5 от числа молодежи. От всего предполагаемого юношества Ютландии (36 000 чел.) — а там жили не только кимвры и тевтоны, но еще англы, варины и авионы; кимвров, тевтонов и амбронов могло быть около половины, 18 000 чел., а покинуть родину могли 3–4 тыс. человек (плюс, допустим, столько же жен и детей, всего 12 000 чел.).

Об этих варварах сохранились только краткие заметки у нескольких авторов. Первое пространное замечание принадлежит Цезарю (через полвека от события). Цезарь приводит сочиненную им в лучших латинских литературных и ораторских традициях речь Верцингеториха перед вождями собравшихся отрядов галлов. Цезарь уверяет своих читателей (а может быть — римский

[1] Данные на начало 1960-х гг. По оценке, в 2007 г. население Анголы превышало 18 млн человек. — *Прим. ред.*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

сенат), что Верцингеторих, стараясь поднять мужество и стойкость своих воинов, будто бы говорил, что галлы возродились после страшного опустошительного нашествия полчищ кимвров и тевтонов, которые грабили и убивали по всей Галлии, но не порабощали, подобно римлянам. Речь Верцингеториха была составлена Цезарем очень тонко и умно — все жители италийских городов были убеждены, что кимвров, тевтонов и амбронов было более 300 000 воинов, и он учитывал это, сообщая, что перед его легионами столько же воинов-галлов, он пугал Рим и одновременно возносил себя, приравнивая к Каю Марию, уничтожившему 50 лет тому назад страшных варваров и «спасшему» Рим. Возможно, что Цезарь разбил войско галлов в 10 или даже в 20 тыс. человек, но не в 300 000.

Тем не менее от этих записей Цезаря, как достоверное сообщение, во многие исторические работы современных авторов вошло представление о полчищах кимвров и тевтонов, опустошивших всю Галлию. Древнегреческий географ Страбон выражает сомнения по поводу того, что рассказывают о кимврах, а как пример своих сомнений приводит рассказ о большом приливе, который будто бы залил их землю, и сообщает, что часть их еще живет на Ютландском полуострове. Полуостров действительно низменный и болотистый, и сильное штормовое наводнение во время прилива могло прорвать прибрежную дюну и надолго затопить низину (такие наводнения и сейчас обычны осенью на низких берегах Дании и Северной Германии). По-видимому, так поняли эти рассказы незнакомые с чужой местностью галлы, в реальности же речь могла идти о недостатке пригодной для земледелия земли на низком, заливаем постоянным приливом западном береге полуострова, где жили кимвры. Его путанное (со ссылкой на Посидония, греческого автора, почти современника событий) сообщение о пути кимвров открывает некоторую возможность предположить, как они шли на самом деле. Будучи жителями берега, они шли по берегу моря на юг, по пути к ним могли присоединиться «лишние» из амбронов и тевтонов. Не найдя места для поселения — кругом были те же условия, что и на их родине — они достигли Рейна, точнее, озера Флево (совр. Зюйдер-зее), и пошли по правому берегу реки вверх по течению. Так и не найдя места, они добрались до «богатых золотом гельветов» (совр. Швейцария) и переправились через Рейн у самого выхода его из озера, по той песчаной косе, где позже римляне установили свою постоянную переправу и укрепления. Здесь, вероятно, к ним присоединились «лишние» и из «богатых золотом» и землей гельветов. Далее, сообщает Страбон (по Посидонию), одни их них были уничтожены римлянами при подходе к Альпам, другие — за Альпами.

Наиболее пространное сообщение о кимврах и тевтонах записано Плутархом (через 120 лет после событий) в связи с биографией Кая Мария. Свое сочинение Плутарх составлял на основании записей предшественни-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ков, но главным его источником, по-видимому, были мемуары Луция Корнелия Суллы, который в молодости был участником уничтожения тевтонов, а в последующей политической борьбе в Риме принял сторону Лутация Катула, второго полководца в войне против варваров и политического врага Кая Мария. Отдав должное всем слухам об их численности, внешности, смелости и свирепости, а также и географическим заблуждениям Страбона о неизвестном Севере Европы, Плутарх подробно, в стиле записок Цезаря о сражениях с галлами или германцами, изображает военную деятельность Катула и Мария, и ту же тактику боя, которую описывал Цезарь.

Все это малоинтересно и однообразно, выделяется один интересный момент: Плиний сообщает о том, что варвары дважды просили земли для поселения. Эти просьбы — о разрешении поселиться, сообщения о таких намерениях, о захватах земли для поселения, о вызванных такими обстоятельствами сражениях варваров, о полученных разрешениях и т. п. — рассыпаны чуть ли не по всей античной литературе, но, затененные яркими «историческими» описаниями деятельности главных персонажей повествований, остались незамеченными исследователями истории и были окончательно забыты, когда в науке появилось чрезвычайно удобное представление о «Великих переселениях народов», по своей «доказательной» силе не вызывающее никаких вопросов. Это «всеобъемлющее» объяснение психологически понятно любому нашему современнику — все варвары (жившие когда-либо на земле) жили хуже, чем обитатели цивилизованных местностей и городов; они, естественно, стремились завладеть этими богатыми пространствами и осуществляли свою «мечту», как только слабела способность цивилизованных защищать свое «преимущество». Нет нужды винить историков — причина в односторонности письменных свидетельств. У варваров не было своей письменности и своих авторов. Долгое время считалось, что у них даже не было своей истории. Но история была, и история, по сути своей, более глубокая и интересная, содержащая непривычные для нас человеческие отношения и представления, история, несравнимая с той, которая умещается в однообразные перечни походов, сражений, завоеваний и «оснований государств».

Несмотря на обширные записи Цезаря и многочисленные замечания других авторов, труднее представить себе жизнь галлов, чем более варварских германцев. Несомненно, что галлы не были равномерно расселены по всей территории своей страны, т. к. много места еще занимали леса, преимущественно лиственные, в горах — хвойные. Заселены были долины рек, особенно крупных. Жили, видимо, маленькими селениями, но было некоторое количество более крупных, и менее укрепленных, которые Цезарь и Тацит называют «опидиями». Цезарево описание социальной структуры галлов — типичный пример античной традиции (возможно, даже «канона»)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

описания другого народа. Цезарь говорит, что из всего населения Галлии два сословия («генера») являются благородными, а «плебеи» живут как «рабы», никто с ними не считается, их не зовут на совещания («консилио»). Одних благородных он называет по-галльски — «друидами», а других по-римски — «всадниками». Далее он описывает, в цивилизованных словах и терминах идеологические, судебные и наставнические обязанности друидов, говорит о главном друиде, что его избирают по смерти предшественника, а в случае нескольких претендентов дело решают оружием. О всадниках он сообщает, что они являются военной силой галлов (друиды не участвуют в войнах), что знатные и богатые из них имеют «слуг» и «клиентов».

Здесь можно заметить и некоторое отличие от римской структуры. Дело в том, что римские «всадники» не были военным сословием и названы так, вероятно, по аналогии со структурой греческих полисов. Римские всадники — это преимущественно торговцы, ростовщики, менялы и откупщики, судьи и мелкие чиновники. Возможно, в раннее время они были обязаны, по своей принадлежности к трибам и центуриям, предоставлять коней и конскую сбрую для легионов. Римская тяжелая пехота — *милитес легионарии*, набиралась из римских граждан плебейского сословия, живших как в самом Риме, так и в других зависимых городах. В солдаты шли добровольно, им платили за службу частью из средств сената, частью за счет полководцев, они принимали участие в дележе военной добычи, а прослужившие до возраста «ветерана» (примерно 50 лет) могли рассчитывать на получение земли в специальных поселениях для ветеранов (обычно на месте длительно существовавшего зимнего лагеря легиона в отдаленных территориях). Ветераны сами не обрабатывали земли и не занимались ремеслами, у них были рабы.

В наше время широкое представление о римских плебеях сводится к понятию «презираемые и очень бедные люди», которое не соответствует реальности. Действительно, в Риме было несколько тысяч бедных плебеев, которые состояли на содержании, весьма скромном, у сената. Но обычно плебей имел одного-двух рабов, которые и кормили его своим трудом, были и богатые плебеи. Гражданское римское общество делилось на 30 триб по 10 центурий в каждой, независимо от сословного деления на патрициев, всадников и плебеев. «Центурия» в административном делении не обозначала «сотни» — это было некоторое число людей, которое в особых, угрожающих обстоятельствах было обязано выделить из числа своих плебеев центурию, т. е. сотню легионеров, первоначально со своим вооружением, позже они получали его от сената. Таким образом, максимальное римское войско было не более 30 000 легионеров, т. е. 10 обычных легионов или 5 полных — по 6000. Каждая триба давала по одному «военному трибуну» на тысячу солдат, из числа небогатых патрициев, реже из богатых всадни-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ков. Легкую пехоту, как правило, поставляли «союзники», т. е. жители зависимых городов, не имеющие римского гражданства. Конница (около 300 всадников, легион) была полностью наемной — из иберийцев, галлов, нумидийцев, германцев.

Структура легиона и максимальное число легионеров-римлян дают некоторую возможность приблизительно выяснить общее число римских граждан. Если считать, что около пятой части плебеев склонялась к военной службе, то получится около 150 000 плебеев. Всадников и патрициев вряд ли было больше от половины этого числа, т. е. всех могло быть около 200 000 чел. Рабов было больше — около 600 000 чел. Какая-то часть из этого числа римских граждан и их рабов жила в самом Риме, остальные — в других городах, многие рабы — в поместьях своих хозяев. В римском обществе всегда была часть рабов, находившаяся на положении «колонов» и «вольноотпущенников», т. е. полузависимых земледельцев и ремесленников. Можно подсчитать, что из всего предполагаемого населения античной Италии — 2 500 000 чел, «этнических италиков» было около 1,5 миллионов, если учесть и жителей «союзных» городов, и многочисленных «иностранных» торговцев и ремесленников. Эти 1,5 миллиона (или около того) были сельскими жителями Италии и Трансальпийской провинции, т. е. составляли тот контингент, который подвергался эксплуатации при помощи торговли. Можно ли их считать подданными Римской империи, а территорию их расселения — государственной территорией римского государства — вопрос сложный. Наравне с рабами, они не имели никаких гражданских прав или обязанностей. «Затянутые» в торговую политику римской цивилизации, они были нужны как ближайшие покупатели. По быту и внешнему облику они, вероятно, почти не отличались от римлян того же достатка; говорили на своих, несколько отличных «этнических» языках, но в городе могли говорить и по-римски. Их «этническая территория» была для Рима таким пространством, которое требовалось как буферная территория, чтобы иметь время подготовиться к защите самого города, а также, чтобы тем или иным способом отрывать от нее «куски» для поместий богатых граждан.

По текстам античных авторов можно заметить, что Рим боялся не только внешних врагов, но и солдат своих императоров. «Императорами», т. е. повелителями, провозглашали своих военачальников сами солдаты, а римский сенат мог соглашаться с этим званием или не соглашаться. Командующих легионами в отдаленных провинциях — проконсулов или пропреторов — назначал сенат, а кто выдвигал кандидатуры консулов и преторов, как высших римских гражданских чиновников — не совсем ясно. Возможно, что формально это делали трибальные или центуриальные комиции, т. е. «народное собрание», во всяком случае, избрание зависело от комиций. Но главное не это. Много любопытнее положение пропретора в отведенной

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ему провинции (собственно «провинцией» сами римляне называли сначала Цизальпийскую Галлию, а позже и Трансальпийскую, прочие зависимые местности — по их названиям: Африка, Сицилия и т. д.; «римскими провинциями» их стали называть авторы исторических трудов). Римский пропретор, верховный начальник легионов и судья, вел себя в провинции как полновластный диктатор, и сами провинции очень напоминали те «государства», которые часто описываются в книгах по древней и античной истории: единовластный повелитель, его легаты и квесторы — «правители государства» с довольно определенной территорией с «подвластными племенами» (явно доклассовым местным этносом), подчиненными силой довольно внушительного и хорошо вооруженного, дисциплинированного воинства. Только одно не соответствовало этой картине: легионы содержались и вооружались римским сенатом или, как любил говорить Цезарь — «римским народом», и все, что ни делал повелитель, делалось от имени «римского народа». Риму и его городской торгово-ремесленной империи военные силы в провинциях были нужны, главным образом, для защиты интересов странствующих торговцев, особенно в тех местностях, где они начинали вести себя не совсем подобающим образом, т. е. чем-то нарушать традиции архаической торговли и вызывать соответствующую «реакцию» местного этноса. Другая обязанность претора и его легионов заключалась в том, что они должны были на дальних подступах охранять Рим от возможного «нашествия» варваров. Эти легионы в мирное время располагались в больших («зимних») лагерях, хорошо укрепленных («кастелла») и снабженных достаточным запасом оружия и провизии, вблизи которых находился и постоянный главный рынок. Много позже такие римские военные лагеря дали начало некоторым средневековым городам Франции, Бельгии и Германии. Конкретные этнические группы в Галлии, которым римляне дали то же название, что и общинам римских граждан в других городах — *цивитатео*, часто ссорились (возможно, из-за пахотных или пастбищных угодий) и враждовали, что открывало римским военачальникам (сначала в провинции, а потом и шире) возможность вести довольно простую политику: пропретор, как судья, по своему выбору определял «правую сторону», отправлял на помощь 2–3 когорты солдат, водворял «мир» и облагал данью в свою пользу (реже в пользу «пострадавшей» стороны) нарушителей спокойствия. Все это не составляло особого труда — перед римскими отрядами в 500 или 1000 вооруженных солдат оказывались 200–300 жителей группы небольших селений (*пагос*) в одном месте, затем в другом… и т. д. Хуже было, когда «миротворцы» сталкивались с многочисленным отрядом юношей-воинов. Происходили сражения, из которых римляне не всегда выходили победителями. Как правило, античные авторы причиной таких выступлений считают «воинственность» варваров и их «прирожденную склонность» к набегам и грабительству, к захвату чужой территории. Вот

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

прекрасный пример из «Записей Цезаря» о начале его деятельности в провинции:

«У гельветов первое место по своей знатности и богатству занимал Оргеториг. Страстно стремясь к царской власти, он, в консульство М. Месаллы и М. Писона, вступил в тайное соглашение со знатью и убедил общину выселиться всем народом из своей земли: так как гельветы, говорил он, превосходят всех своей храбростью, то им не трудно овладеть верховной властью над всей Галлией. Склонить гельветов для него было тем легче, что по природным условиям своей страны они отовсюду стеснены: с одной стороны, весьма глубокой и широкой рекой Рейном, которая отделяет область гельветов от Германии; с другой — очень высоким хребтом Юрой — между секванами и гельветами; с третьей — Леманнским озером и рекой Роданом, отделяющей нашу провинцию от гельветов. Все это мешало им расширить район своих набегов и вторгаться в земли соседей, как люди воинственные они этим очень огорчались. Они полагали, что при их многолюдстве, военной славе и храбрости им было слишком тесно на своей земле, которая простиралась на двести сорок миль в длину и на сто шестьдесят в ширину» (Книга первая, 2).

«...должно было состояться, по постановлению их народного собрания, поголовное выселение. Оргеториг взял на себя посольство к общинам. Во время этой поездки он убеждает секвана Кастика, сына Катаманталеда, который много лет был царем секванов и имел от нашего сената титул «друга римского народа», захватить в своей общине царскую власть, которая раньше была в руках его отца; к такой же попытке он склоняет и эдуя Думнорига, брата Дивитиака, который в то время занимал в своей общине высшую должность и был очень любим простым народом. За Думнорига он, кроме того, выдает замуж свою дочь. Оргеториг доказывает им, что эти попытки легко осуществимы, так как он сам должен получить верховную власть в своей общине, а гельветы, несомненно, самый сильный народ в Галлии; он ручается, что при своих средствах и военной силе обеспечит им царскую власть. Под влиянием подобных речей они дают друг другу клятвенные обязательства и надеются, что после захвата царской власти они овладеют всей Галлией при помощи трех самых сильных и могущественных народов» (Книга первая, 3).

Эта довольно длинная цитата интересна с нескольких точек зрения. Прежде всего, она в полной мере характеризует то, как не только Цезаря, но и вообще античных авторов переводят на современные языки, в частности, на русский. К сожалению, именно этот отрывок я не видел в подлиннике, но по аналогии с другими частями текста (не только у Цезаря, но и у его продолжателей, и у Тацита) можно, например, сказать, что за словами «царская власть» скрывается право верховного военного вождя, титул которого фиксировали словом «рекс», а обычного — словом «дук». «Народное собрание»

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

фиксировалось либо словом «консилиум», либо совсем по-римски — «коммиции»; «общины» — так же, как назывались римские граждане, живущие в других городах — «цивитатес», «народы» — «нацио». Это далеко не придирка к переводу: лучше сохранять античное звучание этих социально-значимых слов, чтобы не было впечатления «почти современности», чтобы текст заставлял задуматься над смыслом реальной действительности, отношений, обстоятельств, которые вовсе не похожи на ассоциации по хорошо знакомым словам. Придирка тоже есть, но она совсем иного рода: вряд ли хорошо одни названия переводить (например, Рейн, а не Ренус), а другие оставлять (Родан, а не Рона) или, как в переводе академика М. М. Покровского, писать немецкое слово «верк» вместо совершенно тождественного русского «сооружение».

Разумеется, то, что стилистически перевод текста самого Цезаря не отличается от текстов его продолжателей, нельзя ставить в вину переводчику — это под силу только талантливому писателю. Интересен приведенный отрывок и по своему содержанию, интересен с двух сторон: как образец «принципа записи» Цезаря и как образец античной записи о варварах. Но, чтобы понять это, необходимо учесть, что здесь отразились три стороны личности Цезаря — солдата, политика, писателя. Как писатель, он не мог излагать обстоятельства и события иначе, как через свою личную «авторскую» призму ощущений. Это неизбежно у любого писателя, о чем бы и о ком бы он ни писал, как бы разнообразно он ни описывал своих героев, пейзажи, события — во всем останутся его понятия, его чувства. По этой причине Цезарь пишет о «первом месте по богатству и знатности», о «страстном стремлении к царской власти», излагает намерения гельветов как стремление захватить чужую территорию, как намерение овладеть «всей Галлией». Как солдат, он помнит, что гельветы «убили консула Л. Кассия, разбили его армию и подвели ее под ярмо», он точно знает, что гельветы могут пройти в провинцию только двумя путями, что Родан в некоторых местах можно перейти вброд, он сообщает, что его первым делом была постройка длинного вала в месте наиболее вероятного движения гельветов. Он сразу начинает набирать новые легионы к тем, которые ему дал сенат, но здесь он одновременно проявляет себя и как политик (Книга первая, 6, 7, 8, 9,10).

Специалисты утверждают, что «Записки о галльской войне» составлены Цезарем по его же систематическим отчетам сенату и для того, чтобы убедиться в этом, нет необходимости иметь указания современника, это видно по самому тексту. Уже по приведенной цитате видна сложная политическая линия Цезаря. Цитата относится к самому началу его деятельности в провинции, и Цезарь излагает обстоятельства таким образом, и в таких выражениях и терминах, что сенату трудно отказать ему в разрешении набрать дополнительные военные силы к положенным для охраны провинции че-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

тырем легионам. В действительности новые легионы были нужны Цезарю для выполнения личных целей и намерений, но он не был богат, и до заключения договора с Кнеем Помпеем и Марком Крассом о триумвирате (что открыло Цезарю возможность пользоваться деньгами богача Красса) нуждался в материальном обеспечении от сената. Эта специфика изложения, т. е. преувеличение опасностей и трудностей, обвинение противника в «глобальности» намерений, подробное изложение «подлинных» обращений супротивных вождей к своему воинству или к народу и пр., первоначально предназначалась сенату (позже, с незначительными изменениями — римскому читателю), но со временем цель Цезаря менялась, и главным становилось «успокоить» сенат, и Рим вообще, относительно непрерывного увеличения численности военной силы, находящейся у него в распоряжении.

За 6 лет деятельности в Галлии Цезарь набрал армию в 11 легионов, т. е. около 50000 тяжеловооруженной пехоты, около 4000 конницы и множество легковооруженных воинов-союзников. К этому времени все это воинство Цезарь содержал на свои средства. В специальной литературе по политической истории Рима почти не обращается внимания на главную статью доходов проконсулов и пропреторов, властвовавших в отдаленных владениях Рима, а между тем, все они были крупнейшими работорговцами. Торговали рабами они не в розницу, а оптом: они продавали обычным работорговцам основную свою добычу — пленников, частью плененных воинов, но главным образом — захваченных жителей разгромленных мирных селений. И Цезарь тоже был оптовым работорговцем, как и его легаты, квесторы, центурионы и даже солдаты — каждый в меру своей доли военной добычи. Весьма вероятно, что еще до Цезаря римские торговцы приучили и туземных, т. е. галльских, военных вождей продавать военнопленных, но упоминания Цезаря о рабах и зависимых у знатных галлов — недоразумение, вызванное тем, что некоторые формы подчинения свойственны и доклассовому обществу. Может быть, это просто привычная формула записи, ведь описывал же Цезарь подготовку гельветов к «переселению» как обычный для римского общества политический заговор, такими же выражениями, тем же порядком следования событий. Кстати, подробный рассказ Цезаря о его войне с гельветами полон противоречивых сообщений, и в целом выглядит скорее литературным произведением с массой сложно перепутанных сведений, лиц, народов, изобилующий «речами» к Цезарю и т. п., нежели изложение событий участником. Общий смысл сводится к тому, что Цезарь с 3 или 4 маршевыми легионами (около 15–18 тыс. пехоты и 4 тыс. союзной галльской конницы) привел к покорности 368 000 гельветов, из которых осталось 110 000 чел. (почти так же, как и Кай Марий разбил более 300 000 кимвров и тевтонов). Сведения о 368 000 чел. будто бы были получены из найденного в стане гельветов списка, составленного по-гречески. Здесь же Цезарь сообщает о том, что гельветы и другие галлы

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

постоянно воюют с германцами, которые переходят Рейн, то в качестве чьих-либо союзников, то с целью поселиться, и бесчинствуют на земле галлов. Так Цезарь оправдывает свое продвижение по левому берегу Рейна и подчинение расселенных на нем белгов.

Все эти сообщения мало правдивы и мало интересны, но они приобретают особый смысл, если посмотреть на изложенные события со стороны туземного населения Гельвеции, Галлии и Белгики, с точки зрения доклассовых обществ этих территорий. Цезарь делит всю Галлию на три части: «В одной из них живут белги, в другой — аквитаны, в третьей — те племена (в подлиннике слово «племена» отсутствует), которые на их собственном языке называются кельтами, а на нашем — галлами. Все они отличаются друг от друга особым языком, учреждениями и законами. Галлов отделяет от аквитанов река Гарумна (Гаронна), от белгов — Матрона (Марна) и Секвана (Сена)... Та часть, которую, как мы сказали, занимают галлы, начинается у реки Родана (Рона), ее границами служат река Гарумна, Океан и страна белгов; но со стороны секванов и гельветов она примыкает также к реке Рейну. …Аквитания идет от реки Гарумны до Пиренейских гор и до той части Океана, которая омывает Испанию» (Книга первая, 1).

На первый взгляд может показаться, что перед нами строгая и четкая этногеографическая картина Галлии, не вызывающая никаких сомнений — но это только на первый взгляд. На самом деле, это только «карта», составленная Цезарем-солдатом, для которого «границей» любого пространства оказываются, прежде всего, реки, очень серьезные препятствия для движения войска. Легионы на марше — это не только колонны пехоты с конницей в авангарде и арьергард, здесь и огромный обоз с продовольствием и запасным оружием, с кузницей, военными механизмами того времени и другим, необходимым и в походе, и в лагере имуществом. А между тем именно на переправе через большую реку легион наименее боеспособен, даже если переправа идет вброд. С другой стороны, если движение идет вдоль реки, а река судоходная, она может оказаться очень полезной. Но для местного населения никакая река, озеро и (при некоторых природных особенностях) морской пролив, и само море, никогда не были разграничивающими препятствиями (если не считать современные государственные границы, когда по разным причинам — политическим или торгово-пошлинным — просто запрещают движение по реке). Более того, реки и берега морей были древнейшими путями заселения лесистых пространств, а вся Европа времени Цезаря еще была покрыта лесами. Наиболее густонаселенными местами были долины больших рек и их притоков и берега морей, причем на каждом отрезке речной долины оба ее берега населяли люди, принадлежащие к одной этнической группе. Такая картина расселения еще и теперь характерна, например, для лесных районов экваториальной Африки. Но сведения, составленные в манере Цезаря, легче

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

воспринимаются нашим современником, они гармонируют и с системой современных государственных границ, и со школьным изложением географии, и с привычными «историческими картами», где вообще не учитываются другие природные обстоятельства, кроме рек и гор, а «пространства» между ними абстрактны и удобны для нанесения надписей.

Таким образом, за этой четкой записью Цезаря скрывались совсем иные обстоятельства. Прежде всего, реки — не этнические границы, хотя, несомненно, они фиксируют наиболее крупные этнические деления (как далее приводится в тексте, и мелкие, и совсем мелкие — территориальные). Древние белги — это не современные бельгийцы, так в совокупности назывались несколько этнических групп (каждая со своим названием) германцев, населявших левый берег Рейна от начала его среднего течения и до устья. Правый берег также был заселен этническими группами германцев со своими названиями. Долина Рейна была освоена давно, обладала плодородными аллювиальными почвами, и не удивительно, что населявшие ее отдельные мелкие этносы часто ссорились и воевали, — было тесновато в хозяйственном отношении, так как долину окружали леса. Это была обычная жизнь этносов того уровня развития, когда основу экономики уже составляет активное сельское хозяйство, но еще не настолько развитое, чтобы широко сводить леса. И все это не дает оснований считать реку Рейн этническим рубежом между большими этносами.

Далее на север, также по долинам притоков Рейна и других крупных рек с их притоками, жили менее развитые германские народы, а на юг (по речным долинам) — народы больших кельтских этносов, галлы и аквитаны с их мелкими делениями. Цезарь упоминает только те, с которыми приходил в соприкосновение, и не всегда его записи в разных главах достаточно четки. Можно привести из записей Цезаря очень хороший пример, характеризующий принцип развития описательной географии: одна из этнических групп галлов, контактная с Провинцией, называлась секванами, Секваной же названа и река, в истоках которой они жили, т. е. одно и то же слово в нескольких грамматических формах обозначало пространство, важную топографическую «деталь», и группу людей, связанных между собой более тесными отношениями, чем с такой же соседней группой, обладающей своим таким же «словом». Но писатель обычно простирает то «слово», с которым он знакомится в первом контакте, далеко за пределы его местного применения. Так, например, получается географическое имя реки Сены (Секвана — место расселения секванов, название отрезка реки в этой местности) от истоков до ее устья, хотя секваны не были единственной этнической группой, заселявшей всю долину.

Множество следов подобных ситуаций можно отыскать на географических картах и в географических описаниях, где в качестве «важной топографической детали» выступают не только реки, но и горы, озера, боль-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

шие лесные массивы, болота и т. п. И нет надобности выяснять, происходит ли «слово» от названия народа или от места, или от «топографической детали» — исходное «слово» объективно нечленимо, его конкретная семантика ситуативна. Все это приходится помнить, чтобы избежать гипнотического действия небрежно составленных исторических карт и схем, «дословных» переводов старинных текстов и цифровых данных (без анализа причин их фиксации), если иметь желание «проникнуть», насколько это возможно, в далекую реальную ситуацию. Также получается и естественный вывод, что представители менее развитых этносов не могли понимать те или иные обстоятельства так же, как понимал их пишущий римлянин, солдат, политик и пропретор Провинции (а в принципе — любой писавший римлянин или грек).

Этносы смотрели на все с позиции своих исторически сложившихся представлений, и, естественно, подобно авторам античных текстов, переносили на представителей цивилизации свои понятия и представления, возможно, отдавая себе отчет в некоторых отличиях, во всяком случае — в превосходстве материальной культуры. Так, есть все основания предполагать, что пропретор Провинции, в распоряжении которого имелись, например, 4 легиона (т. е. 15–20 тыс. солдат), представлялся верховным («великим» или «старшим») военным вождем с большим воинством («юношами»), под контролем («под властью») которого находилась территория Провинции, что подразумевало право этого вождя и его воинства получать, по традиции, пропитание и фураж, металл для оружия, ткань и кожу для одежды и др. (т. е. все то, что в поздних исторических сочинениях именуется «данью»). За это право на вожде и его воинстве, куда охотно шли юноши этноса (конница, легкая пехота, лучники — те, кого античные авторы обычно называют «союзниками»), лежала обязанность защищать эту этническую территорию от враждебных нападений соседей. Следует сказать, что подвластная вождю и его воинству территория, по сути самого этно-исторического явления «военной власти» в позднем доклассовом обществе, не была и не могла быть территорией расселения одного конкретного этноса, и сами этносы подвластной территории (т. е. полновозрастные, невоюющие уже родственники юношей, составляющих воинство вождя) не подвергались никаким другим (кроме сбора «дани») воздействиям со стороны вождя и воинства; как и те, в свою очередь, не оказывали и не могли оказывать никакого влияния на намерения воинства расширить подвластную территорию, совершить набег на соседей с целью «собрать разовую дань» на чужой территории, поскольку доклассовый этнос — не государство, военный вождь — не правитель, его воины — не сословие, а возрастная категория, как и «мирные жители». А те факты, что под властью выдающегося военного вождя и его воинства, собиравшегося из юношей нескольких небольших этносов на срок его статуса (7–8 или 10, 12 лет)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

оказывается довольно обширная территория, нисколько не меняют существа обстоятельств этнической действительности. Если новый вождь оказывается менее способным, подвластная территория либо сокращается, либо исчезает, т. е. распадается на части, которые входят в состав других аналогичных территорий. Если новый вождь оказывается талантливым воителем, подвластная территория может принять огромные размеры, а в воинстве такого вождя будут проходить «экзамен на зрелость» не только юноши этой обширной территории, но к нему будут стремиться воины из всех мест, куда дойдет его слава. Получается, что и сама эта обширная подвластная территория образуется не столько вследствие военных побед, сколько под действием славы победоносного вождя. Говоря иначе, численно растущее воинство естественно, по традиции, расширяется, и право получения содержания (как и обязанность охраны) распространяется на те этносы, откуда приходят воины-юноши. Если в соседстве появляются два великих вождя, этническая традиция требует выяснения преимущества одного из них. Это достигалось либо единоборством вождей, либо сражением «избранных» во главе со своими вождями, либо сражением двух воинств (это были те самые сражения, поводы и причины которых были совершенно непонятны странствующим торговцам цивилизованного общества, привыкшим видеть во всем материально-утилитарные основы; рассказы о таких битвах создали миф о природной склонности варваров к войнам и грабежам). В действительности эти сражения могли быть и почти бескровными, и страшно кровавыми — все зависело от того, что требовала в данных этно-социальных обстоятельствах от юноши-воина этническая традиция. В «нормальных» обстоятельствах было необходимо только проявить искусство владения копьем (луком) и щитом, но во время ощущения обществом начинающейся перенаселенности требования ужесточались, становилось необходимым убивать «врага», проявлять презрение к ранам и смерти, стать «героем», чтобы заслужить посмертную славу или право на брак и традиционные занятия полноправного (полновозрастного) члена общества. В известных случаях победители обретали эти права на этнической территории побежденных (на «подвластной территории»), что вовсе не нарушало обычной ее жизни, поскольку не принцип кровного, индивидуального происхождения лежал в основе внутриэтнических градаций, а возраст, — это делало безразличным происхождение тех, кто станет мужьями местных дев (важно, что ими будут «герои-победители»), кто будет далее трудиться на этой территории. Возможно, что поражение воинства, «властвовавшего» на данной территории, т. е. тех, кто должен был защищать ее от «врагов», и не вызывало у ее невоинского населения чувства утраты и горечи (хотя понять это сейчас и чрезвычайно трудно из-за кажущихся вечными понятий современности: «мой сын», «наши воины», «наша смена»), поскольку мужьями местных дев все равно ока-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

жутся «герои-победители», от которых, для соблюдения традиции, требовалось только быть, по «классификационной терминологии родства», «сыновьями» «сестер» «отцов» невест.

Все это будет более понятным, если учитывать, что доклассовый этнос — это не государство, что все его внутренние и внешние отношения и связи были явлениями совершенно иного характера, что в реальности ни между локальными частями большого этноса, ни между этносами не было «границ», т. е. резких контрастных переходов в хозяйстве, обычаях, материальной культуре, в социальной структуре, в идеологии и языке. Древние «этнические границы» — это не более как «разряженности» частоты контактов между локусами их «густоты». Причины появления и изменения реальных «этнических границ» любого уровня в далекой архаике невозможно определить сегодня, и «модель» этих процессов в некоторой степени похожа на «веревку, рвущуюся от своей длины», на бесконечное рассыпание и слияние шариков ртути. То, что сейчас может казаться причиной этнического разграничения (например, реки), могло быть, напротив, причиной увеличения плотности контактов локальных групп. Следует также учитывать, что этнически воины-юноши не все время своего возрастного статуса проводили в сражениях и набегах; в «мирное» время они пасли скот, вырубали деревья на росчистях и на дорогах — но эти их деяния совсем не попадали в записи античных авторов и, как многое другое о древности, может быть «реставрировано» только на основании материалов современных этнографов о недавнем прошлом колониальных народов, находившихся в природных, хозяйственных и социальных условиях, близких к жизни архаических варваров. И только затем можно отыскать следы этого в древних эпических произведениях — но, естественно, в эпическом «оформлении». Подвиги Геракла — прекрасный пример эпического изложения занятий и поведения статуса юношей. Прежде всего, могучий герой подчиняется воле старшего, далее — истребляет диких свиней, обычно пожирающих посевы, без страха охотится на хищных, сильных и крупных зверей, угоняет чужой скот, чистит конюшни (здесь поздняя эпическая традиция объединяет в одно два занятия: очистку стойл от навоза и проводку воды для орошения поля, считая, вероятно, что герой с навозными вилами в руках — фигура непрезентабельная), кроме этого, он воюет и ходит в далекие походы и делает еще массу дел — и все это не для себя (в нашем современном понимании), а по капризной воле богов, т. е. по неукоснительному требованию традиции. Другие эпические герои ведут себя аналогично: по чужой воле плывут в далекое море, пашут поле на быках, крадут невест, объезжают диких коней, убивают страшных зверей и т. п. Любая дошедшая до нашего времени эпическая традиция прошла многовековой путь социально необходимых изменений и литературных переработок, но и простые, исходные этно-социальные «мнемоники» ста-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

вили перед юношами «задания» в максимально трудной форме, выполнение которых удавалось немногим. Вот такие индивиды и становились вождями-руководителями следующих групп юношей.

Но в архаическом обществе степень выполнения индивидом любого элемента «экзамена на зрелость» объяснялась не в наших категориях понятий, не как присущие этому индивиду природные и приобретенные способности, а как то или иное количество «аккумулируемой» в нем некоей, ничего не создающей, но все меняющей и движущей «силы» или «причины», находящейся всюду. В случае очень большой «аккумуляции» ее в одном человеке (любом предмете, животном, природном явлении) обладатель ее считается способным не только сам что-либо делать с максимальным результатом, но и положительно влиять на действия других людей, находящихся поблизости. Вот этими представлениями архаического общества и объясняется главная причина того, что юноши из разных локальных этнических групп стремились пройти выучку у прославленного («великого») вождя. В поздних вариантах эпоса эта «сила» заменилась волею и капризами богов, но в этнографических записях иногда встречаются и прямые свидетельства такового представления. Все это является достаточным основанием считать, независимо от того, в каких выражениях и какими словами описывают античные авторы отношения варваров к цивилизованным и к самой цивилизации, что варвары архаической Европы смотрели на римских солдат и их военачальников, прежде всего, не как на поработителей (доклассовое общество могло, вследствие различных обстоятельств, иметь представление об индивидуальном рабстве, но не о рабском состоянии целых этносов) или завоевателей в современном значении этого слова. Они, несомненно, видели в их действиях нечто, аналогичное привычным явлениям своей жизни, в которых не исключались, в определенных обстоятельствах, и грабежи, и убийства, и разрушение селений, и мирные или насильственные поселения бывших воинов на чужой территории. Так, Цезарь, после своей победы в сражениях с желающими переселиться гельветами, несомненно, приобрел славу победоносного вождя; после его войны со столь же победоносным вождем германских воинов, Ариовистом, в глазах многих этносов Цезарь сделался великим вождем. Теперь у него не было недостатка в «союзниках», и свои легионы он легко мог пополнять (хотя прямо он об этом не упоминает) из галльских этносов. Великая воинская слава Цезаря открывает ему возможность без серьезных сражений пройти весь левый берег Рейна до самого его впадения в море, но, тем не менее, Цезарь часто вмешивается в сражения местных вождей (как левобережных между собой, так и правобережных), что он описывает как войны между малыми этносами. Это ему необходимо не для поддержания мира и порядка (как великому вождю, ему подвластны все местные вожди и их воины), а чтобы не иссякал источник военнопленных и пленников вообще для продажи в рабство.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Любопытно, что всякий раз, когда Цезарь, по политическим надобностям, был вынужден покидать Галлию и задерживаться в Риме, происходило то, что он сам и последующие античные авторы описывали как «восстания», «нарушение договоров», «предательства» и «подстрекательства» местных вождей. Современные специалисты обычно видят в этом выступления народов (или отдельных выдающихся их представителей) против римлян-угнетателей и поработителей. Но, видимо, все обстояло иначе, если смотреть «от аборигенов». Удалился великий вождь, которому местные юноши-воины и их обычные вожди повиновались согласно архаической традиции. Остались его легаты (Цезарь в Галлии, пренебрегая обычными требованиями сената, не ставил во главе легиона полагающихся по закону военных трибунов, а поручал командование легионами и на марше, и в гарнизоне на «зимних квартирах» выбранным им самим легатам, или «друзьям»), которые, в глазах этноса, были не более как обычные вожди. Из этого следовало, что любой «этнический» вождь с отрядом своих юношей-воинов (которые не по численности, а, скорее, по ощущению своей доблести, могли счесть какой-либо римский гарнизон достойным противником), независимо от того, как на это смотрела не-военная часть местных жителей, считал необходимым совершить набег на римлян или осадить их лагерь. Более того, он не мог отказаться от набега, если таково было желание его воинства. Записи Цезаря и других авторов свидетельствуют о том, что далеко не всегда победителями в подобных ситуациях оказывались римские солдаты, но обычно экстренное возвращение Цезаря в Галлию быстро водворяло «мир».

Есть в этих архаических представлениях еще одна своеобразная деталь, которую по-разному понимали цивилизованные и варвары. Возможно, что и Цезарь (как и другие прославленные воители Рима до и после него) не знал этого. Архаическая традиция считала прославленного многими победами великого вождя не только непобедимым (пока в нем находилось должное количество «магической силы»), но и неуязвимым оружием простого воина (которым он сам, естественно, владел с исключительным искусством). Это архаическое представление можно обнаружить почти в любом эпическом произведении — например, в Илиаде, в том, что каждому непобедимому герою с одной стороны всегда имеется с другой соответствующий ему по «рангу» герой, а победа одного из них в единоборстве всегда (хотя и по-разному) приписывается вмешательству богов. Простой воин, столкнувшись в битве лицом к лицу с «непобедимым» и «неуязвимым», ощущал ужас, понимал «бессмысленность» своих действий и обращался в бегство (Цезарь, например, своим личным вмешательством-примером в схватке в трудный момент неоднократно резко менял ход событий). Но в этом представлении таилось и совсем другое — воинство, уже одержавшее победу, но потерявшее в этот момент вождя, бросало оружие и в

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

панике разбегалось, поскольку оно лишалось (по своим понятиям) его «победоносной тени». Иногда, пока в этнической традиции сохранялось «требование» во что бы то ни стало сохранить тело погибшего вождя для надлежащего погребения, битва опомнившихся воинов за тело вождя восстанавливала положение вещей, и окончательная победа считалась результатом действия «магической силы», оставшейся в мертвом великом воителе. Видимо, над такими героями и насыпали высокие курганы, т. е. по-своему «хранили» для общего блага этот «остаток магической силы».

Что же касается отношений между юношами-воинами, их вождями и старшей, невоюющей частью, «подвластных» этносов, то они основывались не на понятной нам сейчас «защите мирного населения», а на том условии, что наличие на той или иной территории великого военного вождя не только приносило победы его воинству, но и положительно («магически») влияло на все обычные дела и обстоятельства. Так же воспринималось наличие кургана или иного надгробного сооружения над телом великого вождя. Среди помощников Цезаря были и способные воители (Корнелий Лентул, Марк Лициний Красс-сын и др.), которым он доверял командование несколькими легионами. Одерживая победы, они также приобретали известную славу у галлов, но она не могла сравняться со славою самого Цезаря. Она достигла высшей точки уже тогда, когда Цезарь кольцом своих побед (гельветы, белги, батавы в устье Рейна; галлы на берегу Океана) окружил центральную Галлию, а после победы над Верцингетерихом, вождем воинов «непокоренной» части галлов, стала в глазах всех этих этносов абсолютной.

Если верить словам Цезаря, то в каждом решающем сражении он разбивал войско варваров в 300 или 400 тыс. человек, т. е. в общей сложности — около 1,5 млн воинов, что, по приведенному ранее условному подсчету, приблизительно равно всему вероятному для того времени населению Галлии, Белгии, Аквитании, Провинции, имея в своем распоряжении около 60 тыс. легионеров (союзники в счет не идут, они галлы, белги и др.). Если допустить условное предположение, что воином мог быть каждый пятый из общего числа жителей, то их число у варваров всех этих этносов было не более 300 000 человек. Хороший стратег и тактик, каким, несомненно, был Цезарь, поочередно действительно мог одолеть это воинство, но удержать за собой все подвластное пространство даже искусным размещением 5–6 гарнизонных легионов вряд ли было возможно. Перед 30 000 рассредоточенных легионеров оказались бы как минимум, 100 000 оставшихся в живых юношей, и к ним могли присоединиться около 200–300 тысяч «женатых воинов» (в традиции доклассовых обществ обнаруживается еще одна категория воинов, которые, в отличие от юношей, постоянно находящихся в боевой готовности, идут в поход при особых обстоятельствах, иногда имея своего вождя). Но «завоевание» Цезарем всей Галлии,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

по-видимому, не представлялось туземцам-варварам «особым обстоятельством» такого характера. Напротив, появление величайшего вождя с непобедимым воинством в известной мере обезопасило более развитые этносы в долине Рейна и в Галлии от участившихся набегов воинов «диких» лесных германцев, которые у Цезаря, Тацита, Плиния и более поздних авторов получили название «свевов» или «свебов» (в текстах встречаются и названия отдельных их этносов).

Однако, во всей этой сложной ситуации довольно четко вырисовываются представления и действия Цезаря, как римского военачальника, овладевшего Галлией и обеспечившего римским торговцам безопасную широкую торговлю на этой территории. Цезарь дважды переходил Рейн и пролив между материком и Британскими островами, но не счел возможным закрепиться в этих пунктах. Водная преграда за спиной гарнизона ставила таковой в невыгодное положение, обрекая на непрерывные нападения, независимо от мирного отношения невоюющего населения. Таким образом, Цезарь очертил, как границами, Рейном, атлантическим берегом и Роной некоторую территорию, где был признан великим верховным военным вождем и которой управлял в течение 6 лет в качестве пропретора римского сената.

Как известно, сенат был доволен деятельностью Цезаря в Галлии, но, боясь его военного могущества, ультимативно требовал его возвращения к частной жизни в Риме. Можно оставить в стороне борьбу политических партий в Риме и в его зависимых городах — это тема из области событийной истории Рима. И задать нелегкий вопрос: «Как определить, с позиции этно-социальной истории, что же такое завоеванная Цезарем Галлия?» Это явно не государство, поскольку коренному населению ее (более 1,5 млн человек) было еще далеко до классового расслоения (и нет никаких оснований называть и считать друидов, «всадников» и «плебеев» сословиями, хотя не так просто определить в привычных понятиях, что это такое — мало сведений). До понимания и ощущения населением Галлии всесторонней эксплуатации и угнетения Римом оставалось еще три-четыре столетия — до момента, когда рейнские и зарейнские германские воины уже не встречали сопротивления со стороны галлов, а сам Рим уже не мог остановить их стремительного продвижения.

Всплывает и другой, не менее трудный вопрос: «Кто был инициатором похода на Рим, сам Цезарь или его легионы и союзники?» Событийно-политическая история, безусловно, считает инициатором Цезаря, полагая за ним абсолютное полновластие. Но воины, в том числе и те, кто был из римских плебеев — не рабы, и чем больше их собрано, чем дальше они от римских стен, тем ближе они к самоощущению варварского воинства юношей со всеми его характеристиками и понятиями. У стен Рима жесткая дисциплина и возможность жестокого немедленного наказания за малейшее

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

неповиновение (ситуация, понятная нашему современнику), действительно, делали положение римского солдата весьма близким к положению раба. Но вдали от Рима, видимо, неизбежно возрождались более древние, архаические представления, тем более, что для части воинства, происходившей из варваров, они были единственно понятными. Тонка и неуловима линия, отделяющая огромное римское войско под командованием пропретора Галлии — Кая Юлия Цезаря, римского гражданина и патриция, от непобедимого Цезаря — великого вождя многоэтнического «архаического» воинства. Воля этого бесчисленного воинства сильнее всякой дисциплины, отказ великого вождя повиноваться ей, т. е. отказ отдать ему свою «непобедимость», равносилен смерти. Возможно, что желания Цезаря и его воинства совпадали (хотя цели, несомненно, были различными), — как бы то было, выбора у него не было, он достиг такого положения, когда должен был идти и побеждать, побеждать и побеждать. Его воинству, в сущности, было безразлично, куда идти — но только туда, где его ожидала победа и богатая добыча, ибо уже не могло быть и речи о традиционной «дани» на своей этнической территории (т. е. полагающегося юным воинам продовольствия и т. п.), их количество качественно изменило традицию, их поведение, возможности, стремления. И велик гений Цезаря, если ему удалось направить эту стихийную силу туда, куда влекли его собственные политические интересы.

Не менее удивительно и то, что, непрерывно приводя в повиновение город за городом, ему до самой Александрии удавалось удерживать своих воинов от прямого грабежа и разрушений. Объяснить возможность этого можно, только исходя из сложного состава его огромной армии. Римские граждане-солдаты повиновались ему как римлянину, принимая его сторону в политической борьбе (отсюда и название событий — «гражданская война»): варвары-воины какое-то время были еще молоды, им не пришло время обзаводиться «имуществом» и престижными трофеями для последующей мирной жизни, а сдающиеся города изобильно снабжали их необходимым.

Ответ на первый вопрос: «Что же это такое, завоеванная Цезарем Галлия?» — также, по-видимому, заключен в «двойственностях». Здесь главная двойственность — это этническая и социальная разнородность рабовладельческой городской (т. е. цивилизованной) империи Рима и архаической доклассовой ее периферии, где, «как оспенные знаки на теле», были рассеяны частицы ее «государственной территории» — поместья римской рабовладельческой знати (в ближней периферии) и военные лагеря с небольшими «колониями» торговцев (в периферии дальней). Сложный контакт и принципиальная несливаемость этих двух субстанций были причиной этносоциального явления, для которого у самих периферийных этносов еще не было социально-экономических оснований, появилось первично-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

политическое объединение большого многоэтничного пространства доклассового общества, устойчивость которого поддерживалась извне — отчасти военной силой, отчасти — соблюдением во многом местных архаических традиций. Двойственным стал ко времени Цезаря (или несколько раньше) и характер Рима, как и других городов его империи. Центры высокого ремесла и мобильной торговли превратились в рынки рабов и в арену политической борьбы рабовладельческой знати, стремящейся к безудержному личному обогащению, к превращению своих обширных рабовладельческих поместий в экономически замкнутые «микрогосударства» под охраной всей этой структуры римскими легионами. Двойственный смысл имело и само понятие римского гражданства — не только потому, что «римский народ» делился на патрициев и плебеев и т. д., но и вследствие постоянного пребывания в Риме и других городах большого числа представителей этносов ближайшей периферии, как правило — клиентов знати. Кое-кто из них получал римское гражданство за заслуги перед сенатом, иные получали эти права в качестве усыновленных, и не только получали римское гражданство, но нередко и отличались на политическом или какомлибо другом поприще.

Близкое соседство и одновременная раздельность римских граждан (всех сословий и всех городов) и италийских этносов (вернее, их остатков) четко обнаруживалась во время больших восстаний рабов, например, во время восстания гладиаторов под руководством Спартака. Небольшой отряд гладиаторов, одержав ряд блестящих побед над превосходящими силами усмирителей, довольно быстро вырос в три легиона (15–18 тыс.) тяжеловооруженной пехоты с множеством легковооруженных и конных воинов, с оружейными мастерскими и обозом. Первоначальным центром восстания была Компанья, местность, которую создала римская знать, отняв самые плодородные земли у жителей Лациума и Самниума для своих поместий. Компанья и Сицилия (где несколькими годами раньше также было большое восстание рабов) являли собой место, где римская форма античного рабовладения приняла самые уродливые варианты.

Античное рабовладение, возникшее в торгово-ремесленных городах Средиземного моря как естественный, в их условиях, результат стремления деятельных людей «дублировать» себя путем покупки в полную собственность других людей для занятия их наиболее простыми делами, и для освобождения себя для дел более сложных, получило полное развитие во время эллинской цивилизации. Но в римское время его развитие приняло иное направление — на полное вытеснение свободного деятеля сначала из сферы ремесленного производства, а затем — и из сельскохозяйственного. Римское время характеризуется созданием многочисленных и разнообразных школ рабов, куда можно было отдавать купленных молодых рабов на выучку, и где можно было купить готового, обученного любой специаль-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ности раба. Верхом этого метода были школы гладиаторов, где молодых рабов обучали умению владеть оружием, чтобы продавать их богатой знати в качестве личной охраны и для несения охраны в рабовладельческих поместьях, охраны обозов с продуктами земледелия и животноводства, следующих из поместий в город. Патриции нередко использовали своих гладиаторов и в политической борьбе, а также покупали их для устройства цирковых боев на празднествах и для завоевания голосов в коммициях. Именно это направление в развитии античного рабовладения и породило римский паразитический плебс, принципиально отличавшийся от демоса греческих полисов. Уродливость же это направление приобрело, когда римская знать захотела, чтобы рабов в их поместьях стерегли также рабы, но рабы, которые ничего не делали и которых хорошо кормили и одевали. Это удавалось, но было достаточно «малой искры», чтобы этот искусственный «этнос», заместивший остатки аборигенных этносов Италии и не имевший никаких прав в римском цивилизованном обществе, пробудил в своем сознании мысль о возможности вернуть себе самостоятельную традиционную жизнь. Искра, которая требовалась почти затухшему архаическому этносознанию, — победоносный военный вождь, а его мог дать только из ряда вон выходящий случай. В восстании сицилийских рабов такой случай создали сами рабовладельцы. Надеясь на защиту расквартированных на Сицилии римских легионов, они перестали кормить своих рабов, открыто предлагая им кормиться разбоем и грабежом на дорогах. Разбой выделил вожаков, среди которых выдвинулся Евн, как наиболее искусный и удачливый, а далее все пошло своим чередом. Точно такой же случай в гладиаторской школе в Капуе выдвинул Спартака, когда покупатель, вместо того, чтобы отправить купленную им группу гладиаторов (около 70 чел.) сразу же в свое поместье, запер их в школьной «тюрьме», где они взбунтовались, перебили охрану и были вынуждены скрыться в лесу на горе Везувий, ибо их после такого поступка ожидал крест. Античные авторы, оставившие описания и сицилийского восстания, и восстания Спартака, излагают эти события как заранее готовившиеся восстания или так, как описывают политические заговоры — но все это сомнительно по той простой причине, что у рабов, особенно у недавних пленных, не могло быть никакой иной основы для объединения и активных действий, кроме сохраненного этнического представления о свободной жизни со всеми и ее архаическими понятиями и обычаями.

В римском рабовладельческом обществе цивилизация и архаика жили рядом, но в самой Италии отдельные вспышки этносознания уже не могли ни остаткам ее этносов, ни рабам вернуть самостоятельную жизнь. Шесть легионов Марка Красса разбили воинство великого вождя Спартака, а уцелевшие отряды были уничтожены легионерами Помпея. Но вот варварские легионы Цезаря (в разгар гражданской войны их было более 22), состояв-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

шие большей частью из галлов, белгов, аквитанов, батавов и иберов, несмотря на искусную политику сената, столкнувшего их с огромной (и столь же разношерстной) армией Помпея и его сторонников, одержали победу и, по сути дела, захватили Рим. Единовластные диктаторы были в Риме и до Цезаря. Но их ставили в эту позицию собственно римские обстоятельства, и опирались они не на легионы собранные в провинциях, и даже не столько на римские легионы, сколько на преторианскую гвардию и на отряды своих рабов и гладиаторов. Рим убил Цезаря, но не уничтожил созданной им «особой Галлии» — своеобразных «ворот» римской захватнической политики на земле диких германцев.

Однако после смерти Цезаря гражданская война разразилась с новой силой, и результат ее (с точки зрения этносоциальной истории) оказался просто удивительным. Рим согласился иметь единовластных императоров. Но еще более удивительным оказался тот факт, что пять следовавших за Цезарем императоров считали себя родственниками Цезаря и, действительно, были связаны с ним и между собой сложной линией родства по женщинам, по женам и по сестрам. Само по себе возрождение этого элемента архаического права династией военных правителей торгово-ремесленного города (и даже систем таких городов) не было редкостью в ранней истории — окружающие этносы хранили в своей памяти (а иногда — и в практике) много разнообразной архаики. Удивляло другое: Каким образом и какая часть римского населения, при развитой системе выбора должностных лиц, смогла так искусно вести политическую игру, чтобы, с одной стороны, не нарушать римских законов, а с другой — довольно долго соблюдать древнюю традицию, и зачем это делалось? Ответ на последний вопрос сравнительно прост — эта группа опиралась на силу легионов, состав которых был преимущественно «варварский», которые могли отказаться повиноваться «императору», неродственному (по их понятиям родства) великому вождю — Цезарю. На второй вопрос можно найти только очень смутный ответ в связи с легким подозрением, что военачальники в Риме нередко, видимо, происходили из слоя его населения, малозаметного в материалах по политической римской истории,– из «корпорации», поставлявшей жрецов римской религии на официальные, утверждаемые сенатом жреческие должности. Дело в том, что среди римских жрецов (луперков, авгуров и др.) были так называемые «царские жрецы», которые как бы заменяли собой некогда упраздненных римских царей в полагавшихся последним обрядах, видимо, сохранявшихся в течение всей последующей истории. Обращают на себя внимание и случайные замечания античных авторов, например, что разрушитель Карфагена, Сципион, позже, в частной жизни был понтификом, т. е. верховным римским жрецом; понтификом был и Цезарь. Цезарь же выхлопотал у сената Марку Антонию должность авгура, и т. п. Если эта догадка верна, то объяснение несколько

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

упрощается и может быть сведено к борьбе «жреческой корпорации», к ее стремлению к более реальной власти.

Начать можно и с другой стороны — например, с того, что Кай Марий разбил воинство тевтонов и кимвров на территории Цизальпийской Галлии. Пусть варварских воинов было не 300 тыс., а только 30 или 40 тыс., но все равно — в глазах цизальпийских галлов это было достаточно большое сражение, чтобы победитель мог заслужить славу великого воителя. Кай Марий был женат на Юлии — тетке Цезаря, родной сестре его отца. Возможно, не случайно (и не вследствие его военных и гражданских отличий и личных достоинств, или политической ситуации в Риме) Кая Юлия Цезаря посылают пропретором в Провинцию после того, как гельветы разбили два легиона его предшественника, убили его самого и позорно провели пленных «под ярмом». Родственник Кая Мария уже по одному этому — не совсем безвестный человек. В римских имущественно-правовых категориях Цезарь был только «свойственником» Кая Мария, но доклассовые системы родственных связей, вследствие группового значения терминов, не различали вовсе родство по браку и родство по крови (это различие ввели исследователи систем родства, перенеся в доклассовое общество свои понятия индивидуального физиологического родства), и для галлов Цезарь был родственником Кая Мария. А с таким родством совсем неплохо начинать воинскую деятельность среди варваров. Может быть, также не случайно и то, что Цезарь трижды в первой книге своих «Записок о войне в Галлии» возвращается к событиям победы над кимврами и тевтонами, как бы ставя свои деяния в позицию продолжения славной победы (а может быть, и всех других побед) «предка», т. е. родственника. Далее, как уже отмечалось, Цезарь завоевал себе свою собственную славу великого воителя.

Но трусливый, жадный и завистливый республиканский Рим убил Цезаря. По правовым римским понятиям, у полновластного и несменяемого Цезаря не могло быть кровных наследников его положения в Риме; кроме того, у него не было законных мужских потомков, а личное имущество наследовал усыновленный Цезарем родственник по женской линии — Кай Октавий-младший. Но были и иные родственники, и гражданская война после смерти Цезаря, с позиции этно-социальной истории, выглядит сложно и интересно. Античные авторы называют отца Цезаря так же, как и его самого — Каем Юлием Цезарем, а тетку просто Юлией. И они, последующие исследователи, считают этих персон представителями мужского линейного рода («генс») Юлиев. Но римские имена — парные: и Юлию соответствует Юлия; Ливию — Ливия; Октавию — Октавия; Аврелию — Аврелия; Лепиду — Лепида и т. д., за немногими исключениями (что может быть просто недостатком записей). Тройная формула «основного» имени: «преномен» (имя, стоящее первым), «номен» («генномен» или «генцилиций» — родовое

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

имя) и «когномен» (прозвище для различения родственников, имеющих одинаковые два первые имени) в текстах разного времени и у разных авторов полностью встречается редко, чаще пользуются какой-либо частью имени. Сложности возникают и из-за обычая усыновленных, клиентов и получивших права гражданства принимать целиком или часть имени «благодетеля», из-за повторов имени родственниками без указания на поколение и близость родства — все это крайне затрудняет и удлиняет поиски нужных лиц, отношений, происхождения. Тем не менее, дело, видимо, обстояло следующим образом: первоначально (я не имею в виду те времена, когда в Риме еще существовало архаическое правило обозначать двумя именами — по линии матери и по линии отца с прибавлением «номерного» имени) сын-первенец, основной наследник имущества отца, полностью наследовал два первых имени отца, а следующие сыновья меняли первое имя: позже первенцы, видимо, наследовали все три имени; дочери-первенцы наследовали родовые имена и матери и отца; позже с дочерьми стало сложнее — стали наследовать родовое (как считалось) имя отца и его прозвище, но родовое имя отца нередко оказывалось «личным» именем его матери, сестры или тетки; иногда в женском имени «застревало» и далеко передавалось от матери к дочери имя какого-то прародителя или прародительницы, и это происходило, видимо, не случайно. Вот таким образом «генс» Цезаря сохранил (в текстах) четыре женских имени «Юлия»: Юлия — тетка Цезаря; Юлия Аврелия — сестра Цезаря; Юлия Корнелия — дочь Цезаря и Юлия Аттия — дочь сестры Цезаря. Два мужских имени, вроде бы, полностью совпадают — Кай Юлий Цезарь, отец и сын. На этих именах кончается генс Юлиев, по какой бы линии его не считать. Матерью Цезаря была Аврелия Котта, а первой женой — Корнелия Цинна, обе из знатных патрицианских родов, хотя, возможно, из не очень богатых их ответвлений. Мужем сестры Цезаря, Юлии Аврелии, был Марк Аттий Бальб, вероятно, происходивший из получившего римское гражданство богатого рода Бальбов из Гадеса (во времена Цезаря среди его лучших друзей были еще два Бальба, но они носили имя патрона — Луций Корнелий). Дочь этого Марка Аттия Бальба, Юлия Аттия, была замужем за незнатным римлянином Каем Октавием. Сына этого Октавия и своей племянницы, также Кая Октавия, и усыновил Цезарь. У дочери Цезаря, Юлии Корнелии, ни от первого мужа — Ципиона, ни от второго — Помпея, детей, по-видимому, не было. Первой женой Кая Октавия (будущего Августа) была Скрибония, о которой мне ничего не известно, а последней — Ливия Друзилла (представительница известного римского рода Друзов, ранее бывшая замужем за Клавдием Нероном из старинного знатного сабинского рода). У усыновленного Цезарем Кая Октавия была сводная сестра — Анхария Октавия, от первой жены Октавия-отца, Анхарии. Вот эти два женских имени, связанные с именем Кая Октавия (после усыновления — Кай Цезарь Октавиан), одно имя жены (Скрибония), другое — сестры (Анхария) далее, после смерти

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Цезаря, связывают, чередуясь через одно, в родстве (кровном) как «мать-дочь», строго по архаической норме трехступенчатого кровнородственного «династийного» коллектива, целую группу мужских имен (частично кровнородственных, частично — нет). Среди этих мужчин — пять римских (признанных сенатом) императоров, и все они имели то или иное отношение не только к римской истории, но и к истории Галлии, к войнам с «дикими» лесными германцами. Все эти 13 римлян, по архаическому праву, «наследовали» этнический статус военного вождя — «цезаря» (солдаты их легионов почти всех их считали «императорами», а некоторые античные авторы историки Рима, описывая их деяния, так и называли их — Цезарь).

Если бы трехступенчатое архаическое право «братьев» действовало полностью, то картина порядка наследования статуса и титула Цезаря была бы следующей: после Кая Юлия Цезаря шел бы его «брат» и муж Юлии Аттии (дочери сестры Цезаря) — «цезарь» Кай Октавий-старший (но он уже умер); далее следовал «цезарь» Кней Помпей (как «брат» Юлии Аттии и муж Юлии Корнелии, дочери Цезаря, но он был убит); следующим был «цезарь» Марк Антоний (как «брат» дочери Цезаря — то есть «сын» Цезаря, если бы у него был сын, и муж Октавии Анхарии, дочери Октавия-старшего и его первой жены — Анхарии), и только за Марком Антонием шел «цезарь» Кай Октавий-младший, будущий Август, — не как усыновленный Цезарем, а как брат (кровный, хотя и сводный) Октавии Анхарии, жены Марка Антония.

Римский сенат признал императором победителя во второй гражданской войне, приемного сына Цезаря Кая Цезаря Октавиана (Кая Октавия-младшего), а его солдаты, сразу же после последнего сражения, женили его (вдового по смерти Скрибонии) на вдове Тиберия Нерона, дочери Марка Антония и его второй жены Ливии Фульвии, на Ливии Друзилле. В силу этого брака следующим «цезарем» (после Октавиана Августа) должен был быть брат Ливии, Марк Ливий Друз (будущий Германик-старший), женатый на младшей дочери Марка Антония от Октавии Анхарии, на Антонии Анхарии — но Друз Германик-старший умер при жизни Августа. Далее, по архаическому праву, титул «цезаря» перешел бы от Германика-старшего к мужу дочери Октавиана Августа от Скрибонии, Юлии Скрибонии, к Марку Випсанию Агриппе, но Агриппа умер при жизни Августа. После смерти Августа (пережившего двух своих «братьев» по архаическому праву — Германика-старшего и Випсания Агриппу) титул «цезаря» перешел к его пасынку, сыну Ливии Друзиллы (у Августа, как и у Юлия Цезаря, не было законных сыновей) и «брату» Юлии Скрибонии, дочери Августа, к Тиберию Клавдию Нерону-Друзу (которого признал императором и сенат). После Тиберия Нерона право на титул «цезаря» имел муж дочери Агриппы, сын Германика-старшего, Друз Германик-младший, т. е. муж Юлии Агриппины-старшей, но он умер при жизни Тиберия Нерона. Сол-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

даты обоих Германиков считали их императорами легионов. Следующим наследником титула «цезаря» мог бы быть Кай Агриппа, брат Юлии Скрибонии Агриппины-старшей, но он рано умер. Так образовалась «пустота» в традиционной архаической схеме права, когда умер и Тиберий Нерон-Друз, а за ним — Кней Домиций, первый муж Юлии Скрибонии Агриппины-младшей (внук соперника и злейшего врага Юлия Цезаря, Луция Домиция Агенобарба). Сенат избрал императором Кая Германика Калигулу, сына Германика-младшего и Агриппины-старшей, брата Юлии Скрибонии Агриппины-младшей. Это был «нелепый» император, не снискавший уважения солдат, он скоро умер (или был отравлен, как возможно, и Кней Домиций). Вдовая Агриппина-младшая вышла замуж за Клавдия Тиберия Британика, второго (неправового) сына Германика-старшего (т. е. за четвертого «брата» архаической системы права). Клавдий Тиберий Британик стал римским императором от сената и «цезарем» легионов (сразу на два места — Кая Агриппы, по пятой жене, Мессалине Домиции, неправовой родственницы Антонии Анхарии, и — Кнея Домиция, умершего мужа шестой жены, Юлии Скрибонии Агриппины-младшей). Кай Германик Калигула уже был императором и уже умер, умер и сын Клавдия Тиберия Британика — Британик Тиберий, и последним императором из «рода Юлиев» был сын Юлии Агриппины-младшей и Кнея Домиция — Клавдий Домиций Нерон. На Мессалине Домиции — неправовой Анхарии — оборвалась женская линия «Анхарий», а на Юлии Агриппине-младшей — вторая женская линия — «Скрибоний». «Скрибонии» и «Анхарии» сменяли друг друга через одну, как мать и дочь, а рядом — как «старшая и младшая сестры» архаической системы права «трех братьев» в доклассовом обществе в последней фазе архаической (или первичной) формации. Но, тем не менее, их мужья (в большинстве своем — вообще не родственники) были верными командующими (консулами) римских легионов (хотя по женам, начиная с Цезаря, они легко «разбиваются» на архаические триады «братьев», на пять триад, последняя — неполная).

Очевидно, что такое обстоятельство оказалось следствием различного уровня социального развития цивилизованного классового этноса римских городов и доклассовых этносов периферии этой городской Римской Империи, из представителей которых, главным образом, и состояли римские легионы. Граница между цивилизованным этносом и варварскими этносами (в том числе и италийскими), вероятно, проходила через плебейский слой городского населения, а «цезари» были одновременно и великими военными вождями «всеобщего» варварского этноса, и военачальниками городской торгово-ремесленной империи Рима. Да и римские легионы составлялись частично из плебеев (эта часть становилась все меньшей и меньшей), которые в значительной мере происходили из италиков, вероятно, и не теряли связи с ними; а другую часть поставляли варвары, и боль-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ше всего — галлы и иберы. Так называемые «вспомогательные войска» (лучники, пращники, конница) вообще набирались из самых различных варварских этносов, как и «союзники»; их численность была велика. Таким образом, нет ничего удивительного, что все это воинство подчинялось только таким военачальникам (вождям), которые сменяли друг друга в соответствии с архаическими варварскими нормами и представлениями, и этим как бы сохраняли великую славу непобедимого вождя — Цезаря. В ходе моих поисков следов и фрагментов архаического «права братьев» для реконструкции внутренних принципов этой традиции и форм ее реализации, по мере ее исторического изменения и разрушения, римско-галльские материалы играют особую роль из-за обилия женских имен с достаточно четкими кровнородственными связями.

На первый взгляд, может показаться сущей нелепостью, что принципиально ничем не отличается генеалогическая структура императоров прославленного Рима от таковой у скромных и почти никому ныне не известных правителей средневековых городов Восточной Тропической Африки. Но, если принять во внимание этно-исторический характер однозначности связей: классовый этнос торгового города — доклассовый этнос его периферии, даже ближайшей, непосредственно примыкающей к территории города, то сомнения, вызванные разницей масштабов и времени, снимаются сами собой. Безо всяких натяжек, от любого «эго», можно сопоставить генеалогию жен римских императоров с системой суахилийских терминов родства (кровного в каждой из двух перемежающихся линий) и самих императоров (местами кровного, местами архаического «классификационного»), например см. рис. 10.1.

Рис. 10.1

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Рис. 10.2

Такая же таблица по «цезарям» (см. рис. 10.2).

Из женской таблицы видно, что жены одного «цезаря» считались «одностатусными сестрами», а правовую линию продолжала та, у которой была дочь (возможно, что у варваров мужья дочерей двух жен «выясняли» свое право поединком). Далее — жены двух «смежных» «цезарей» считались взаимно старшей и младшей «сестрами», и каждая через одну была матерью третьей женщины.

Из мужской таблицы следует, что «цезарями» становятся вследствие брака с женщиной из той или другой правовых линий, а три «цезаря» одного «колена» считались тремя «братьями» (младшим, средним и старшим). Кровное родство мужчин не играло никакой роли (как и усыновление для наследования личного имущества), но встречалось — «отец-сын» по вертикали (через двух мужчин по непрерывной линии «цезарей») и «брат-брат» (четвертый «брат») — очень редко и в особо сложных обстоятельствах. Любопытную картину дает сводная таблица (см. рис. 11).

Прежде всего, можно заметить стремление Друзов «захватить» трехступенчатую династию «цезарей»: после смерти Марка Випсания Агриппы как бы происходит сдвиг триады, и второй сын Друза Германика старшего («четвертый», внеправовой), Тиберий Друз Британик, «обретает» право «третьего» (тем более, что сын Агриппы, Кай Агриппа, умер; возможно, с чьей-либо помощью) (см. рис. 12)

Далее, в каждом вертикальном «стволе» наблюдаются обстоятельства, напоминающие нечто похожее на линейный мужской генеалогический «род», но составленный из кровных линий с различными «родоначальниками». Например, в первом «стволе»: Кай Юлий (и его сестра Юлия), Кай Юлий Цезарь (и его сестра Юлия) — сын предыдущего; из-за отсутствия

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

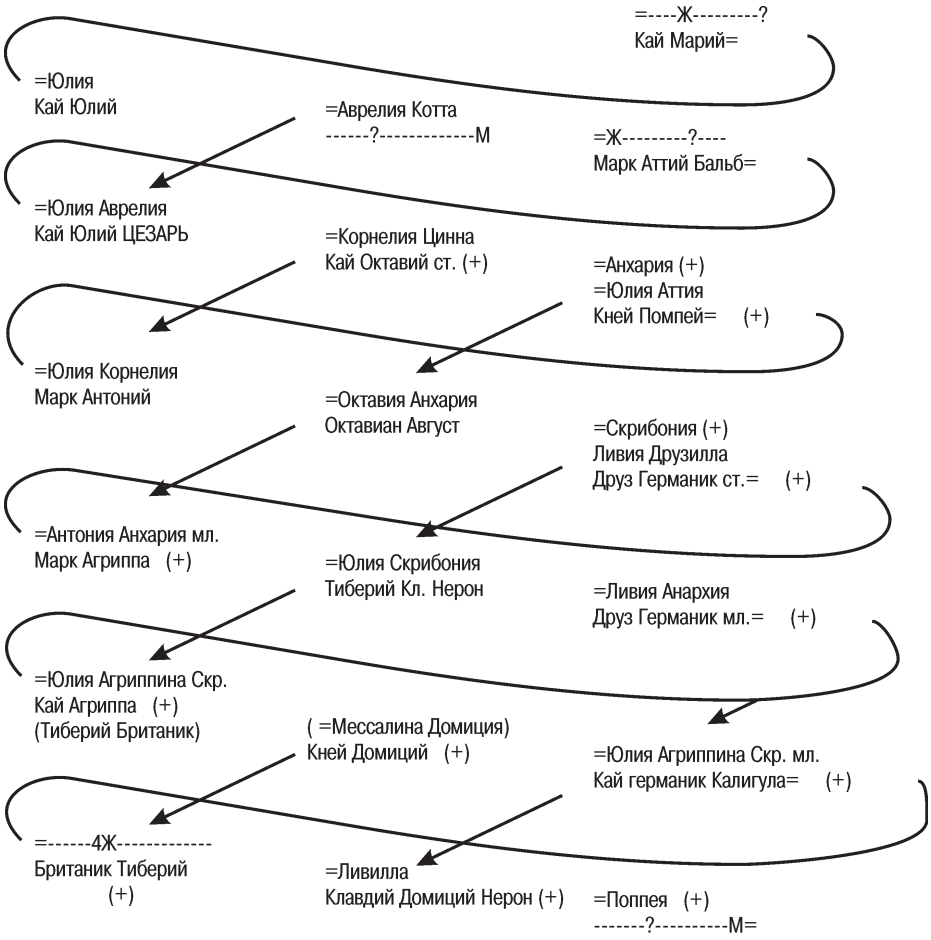

Рис. 11

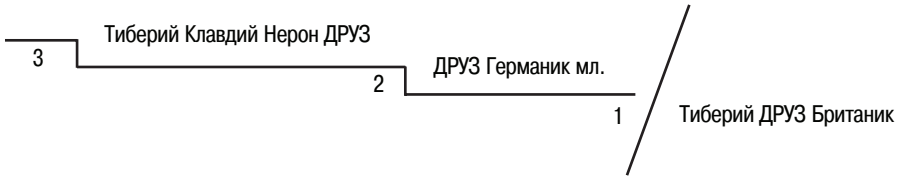

Рис. 12

сына у Цезаря его дочь, Юлия, завершает линию, но ее продолжает Марк Антоний, как «брат» дочери Цезаря, который тоже имеет только дочь — Антонию Анхарию, и линию продолжает, как ее «брат» — Випсаний Агриппа, сын которого умирает рано, но остается Юлия Агриппина Скрибония, дочь Агриппы, брата же ее замещают Тиберием Британиком, вторым сыном Друза Германика-старшего (неправовым четвертым «братом» правовой

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

«триады»), и всю линию завершает сын Британика — Британик Тиберий. Возможно, что если бы не было завещания или усыновления, Марк Антоний не только бы продолжил линию Цезаря, но и унаследовал его имущество, однако усыновленный родственник по женщинам, наследник имущества, Кай Октавий (Август), не перешел в линию («ствол») Цезаря. Точно таким же образом можно рассмотреть второй и третий «стволы» этой системы родственных связей, но следует помнить, что первая ее триада объективно не может быть полной, поскольку античных авторов интересовали только ближайшие старшие родственники «Божественного Цезаря»: его отец — Кай Юлий; тетка по отцу — Юлия; мать Цезаря — Аврелия Котта; и, как отец Юлии Аттии, дочери сестры Цезаря, — Марк Аттий Бальб. Хотя, например, римский род Котта был знатен и обширен (среди активных политических деятелей Рима известны три Луция Корнелия Цинны, но не ясно, кого из них следовало бы счесть «братом» матери Цезаря, и был ли среди Аврелиев Котта ее кровный брат), но иные связи его с родом «Юлиев» не зафиксированы. Да и вся «трехствольная» таблица извлечена (по связям двух женских родственных линий Анхарий и Скрибоний) из 34 мужских и 25 женских имен — родственников и свойственников других жен «цезарей» и императоров, их других мужей. Говоря иначе, этот «трехствольный» династийно-родственный правовой организм «таился» внутри «переплетения» многих родов римской знати (чрезвычайно разветвленных мужских имущественно-правовых линейных организмов, именуемых словом «генс»), как структура особая, замкнутая и целостная по праву двух женских линий. Ее с полным основанием можно назвать «генс триплекс », имея в виду не условный «союз» трех экзогамных мужских линейных родов, а безусловную структуру трех «стволов» — мужских вертикальных родственных линий (брат-сестра — дети брата), «спирально» связанных женами братьев, составлявших две перемежавшиеся линии «мать-кровная дочь», структуру, имеющую глубокие корни в доклассовом архаическом обществе, в пятисегментной возрастной системе, вообще игнорирующей принцип физиологического кровного родства.

Примечательно и одно из свойств трехствольной (или трехступенчатой) династийной родственной системы, проявляющееся время от времени в жизни этих династий в самых разных местах и в разные времена — замещение четвертым (неправовым) членом старшего члена, недостающего по каким-либо причинам — первого представителя младшего колена. В летописных материалах Киевско-Новгодской Руси сохранилась и специальная формулировка этого правила: «четвертый дядя — в версту со старшим племянником». В трехступенчатой «генеалогии» «цезарей» таким «четвертым дядей» был Тиберий Друз Британик. Однако в других аналогичных династийных системах мужские персоны, как правило, оказывались кровными родственниками, т. е., в пределах колена (триады), двоюродными или

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

родными братьями и сыновьями таковых же персон старшего колена, хотя недостача «необходимого» родственника также могла (хотя и не часто) быть возмещена внешним мужем сестры, дети которого (сын и дочь) полностью входили в систему. Такого большого числа «внешних мужей», как в римском варианте, нигде больше не встречалось, как нигде не встретилось столько женских персон, да еще с четкими кровнородственными связями. Первое обстоятельство, по-видимому, свидетельствует, что римский вариант отражает последнюю фазу в существовании трехступенчатой системы, перед ее распадом на три отдельных мужских линейных генеалогических рода, а второе — показывает, что во все время ее функционирования связующим правовым элементом была непрерывная линия «архаических сестер», которые в кровном родстве через одну были матерью и дочерью, тогда как кровное или условное родство мужчин, такое как отец-сын, проявлялось через две персоны.

Самому Риму эта система была не нужна, так как масса правового материала свидетельствует о господстве там мужского экзогамного линейного кровного имущественно-правового рода с правом индивидуального усыновления и с правом завещаний. Но это — в теории, а практически существовали реально обозримые кровнородственные коллективы-фамилии, обладавшие конкретным имуществом, которое находилось в полном распоряжении старшего мужчины-отца («патер фамилиас»), которому подчинялись все остальные члены фамилии, включая и рабов. Основную часть имущества и все права наследовал старший сын, наследственной для всех членов фамилии была принадлежность к социальному слою, но должностное положение родственника не могло быть унаследовано (все гражданские и военные должности имели короткие сроки). Для особых случаев существовал закон, по которому консул на несколько лет получал максимальную полноту власти (диктаторские полномочия) для ликвидации угрожающего положения. Но Цезарь не был избран Римом — напротив, сенат требовал роспуска легионов и его возвращения в Рим частным лицом. Однако он пришел в Рим из своей доклассовой периферии, и его легионы принесли правовой элемент архаического общества, который просуществовал там 111 лет после его смерти.

Так, совершенно неожиданно, среди письменных материалов событийной истории классового рабовладельческого общества империи торгово-ремесленных городов Средиземноморья, обнаружилась искомая недостающая женская сторона системы «права трех братьев» — системы, стоящей на грани перехода от архаического возрастного принципа этно-социальных структур к раннеклассовому принципу индивидуального кровного родства, к системе кровного линейного мужского рода. Иными словами, подтвердился предполагавшийся вывод, сделанный на фрагментарных сведениях, о правовой и организующей роли женщин в жизни архаических доклассо-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

вых коллективов. Теперь уже со всей определенностью можно сказать, что в наиболее древней (в последней фазе первичной формации) четырехступенчатой возрастной системе социальных отношений, роль социальных руководителей принадлежала женщинам V возрастного статуса — 32–40 лет (по суахилийской терминологии: *мама кубва*), тем, чьи дочери-первенцы (16–24 г.) были замужними и имели детей; в следующей, по порядку развития, пятиступенчатой системе, общественной жизнью руководили женщины VI возрастного статуса — 40–48 лет (по суахилийской терминологии: *ваджукуу*); а в последней — трехступенчатой (объединяющей в себе и уходящий возрастной принцип, и нарастающий, кровнородственный) таковыми были женщины IV статуса — 24–32 года (по суахилийской терминологии: *сенгази*), I статуса старшего колена (триады); а из числа их одно-статусных «братьев» (по суахилийской терминологии: *исе* или *баба*) избирались мужчины — социальные руководители. Один из них мог быть военным вождем отрядов юношей-воинов (16–24 г.), как отличившийся личной смелостью, умением владеть оружием и, возможно, тем, что участвуя во многих сражениях, не получил ни одной раны. Позже установился порядок не избирать «священную персону», а закрепить это право-обязанность за тремя кровными братьями (последовательно занимавшими пост на 8-летний срок) с наследованием тремя их кровными сыновьями.

Найти причину подобного изменения не так просто, как может показаться. Естественно предположить, что было замечено генетическое наследование внешних признаков (рост, сила, особенность телосложения и т. п.) уже прославившихся вождей в их сыновьях, а далее действовал возрастной принцип, мешавший прямой передаче сана потомку, но допускавший ее после двух «братьев». Но возможно и другое — сначала возник обычай удваивать «время» особо выдающегося вождя (т. е. такого, при котором случилось всестороннее процветание этноса и не было военных поражений), что требовало «вернуть» ему предыдущий статусный возраст — 24 года. По представлениям архаического общества, это снова достигалось в ритуале повторного брака с девушкой 16 лет, т. е. с младшей «сестрой» его первой жены, брак с которой ввел его в сан вождя. В таком случае можно предположить первоначальным возникновение двух кровных линий «священных женщин», брак с которыми фиксировал избрание вождем юноши или любого мужчины из соответствующего возрастного статуса. Во всяком случае, в архаическом обществе полноправие женщин основывалось (несмотря на возрастную регламентацию) на физиологических явлениях, тогда как полноправие мужчин определялось брачным ритуалом. Да и речь идет, по сути дела, не об архаическом обществе вообще, а об особых социально-значимых персонах, обладавших в представлениях архаических людей «магической возможностью» или «силой», которая нужна всем, которую нужно «охранять» и «умножать», что могло породить

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

и «селекцию» священных персон (т. е. изоляцию потомков и жен, организацию узкого обособленного коллектива, в котором кровное родство «всплыло на поверхность», стало видимым и обязательным условием сохранения «магической силы»). Надо полагать, что только после выделения и, возможно, достаточно продолжительного функционирования трехствольного коллектива, надежно воспроизводящего «обладателей магической силы», последовало (или могло последовать) распространение этого явления в самой этнической среде, как первая форма кровнородственных отношений, сохраняющая и принцип возрастного деления.

Весьма вероятно, что в этносе, независимо от того, когда и где это происходило, переход к кровнородственным связям линейного мужского рода завершался более или менее быстро, в соответствии со скоростью возникновения родовой земельной собственности, отделенной от общеэтнической территории жизнеобеспечения. Там, где специфика природной среды не допускала такого раздела земельных угодий (например, почти вся Африка южнее Сахары), никогда не было кровного линейного рода с индивидуальным счетом происхождения (т. е. с индивидуальным значением терминов родства). Долины крупных европейских рек с аллювиальной почвой, с преимущественно регулярным дождевым увлажнением и с равномерным чередованием четырех сезонов (в отличие от саванн и тропических лесов Африки), не имели препятствий для постепенного развития земледелия и скотоводства по мере накопления соответствующих знаний, навыков и орудий труда. Однако сказать, в каком состоянии находилось хозяйство расселенных по ним этнических групп когда там начал свою деятельность Кай Юлий Цезарь, довольно трудно, и археология мало помогает. Упряжное подобие плуга появилось где-то на границе II и I тысячелетий до н.э., но это ни о чем не говорит, поскольку его примитивность и в последующие столетия не идет ни в какое сравнение, например, с разнообразным набором африканских ручных мотыг со сложными железными режущими деталями.

Можно сказать только одно — земледелие уже было основой экономики Западной Европы, начиная от долины Рейна, далее к югу, а к северу от этой долины оно было известно, но преобладало скотоводство. Так можно понять сведения античных авторов. По тем же сведениям («параллельно», но не в связи с родом занятий), земледельцы обладали более развитыми социальными структурами, нежели скотоводы-охотники. Группы земледельцев были локализованы, почти совсем оседлы, группы скотоводов-охотников подвижны и неясно локализованы. Есть сведения о применении земледельцами примитивных удобрений (мергели, мякины). Высокопродуктивного земледелия (с навозом в качестве удобрения), по-видимому, еще не существовало. Отчетливые свидетельства говорят о том, что у скотоводов земледелие было очень ограниченным и велось с забросом участка после одного посева.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Некоторые предположения о процессе развития сельского хозяйства в Южной и Западной Европе времени Цезаря можно сделать на основании, казалось бы, совсем посторонних сведений. Цезарь, опираясь на сообщения предшественников и на легенды о ранней истории Рима, говорит, что галлы раньше были более воинственными, что они захватили половину территории этрусков (т. е. италийские земли Цизальпийской Галлии), нередко вторгались в зарейнские земли германцев, но в его время стали «изнеженными», будто бы вследствие усвоения некоторых сторон римского образа жизни. Это можно понять и так: раньше у галлов было малопродуктивное сельское хозяйство на ограниченных площадях, что вынуждало ее молодежь время от времени искать новые места для поселений (иногда и на «чужой» территории, обязательно без согласия ее населения), но позже прямая необходимость в этом отпала вследствие улучшения продуктивности хозяйства (возможно, и расширения посевной площади в результате вырубки части лесов). Воинственность же лесных германцев в таком случае объясняется прежде всего большей примитивностью их сельского хозяйства и вызванным из-за этого нарушением равновесия между ростом населения и отдачей хозяйства. Сведения о той стороне жизни галльских и германских этносов, которую переводчики, комментаторы и историки называют «религией» или «верованиями» галлов и германцев, также характеризуют разную степень развитости этих народов. Сами сведения кратки и довольно «примитивны».

Цезарь, описывая Галлию, наделяет друидов жреческими функциями, а некоторые, видимо, кельтские слова пытается приравнять к именам главных персон римского пантеона. О германцах же говорит иное — что у них нет «жреческого сословия, что у них нет богов (а поклоняются они непосредственно некоторым явлениям природы), но есть гадания и женщины-прорицательницы, совершающие жертвоприношения» (подобные сведения можно найти и у Тацита, Плиния и др.). Социальное устройство германцев, с легкой руки Цезаря, описывается в «стратегическом ключе», т. е. как деление на поименованные группы (сочтенные поздними исследователями-историками «племенами»), на паги и центурии («сотни»), что поразило Цезаря возможным числом воинов, основывавшемся на разведывательных сведениях о населении зарейнских земель. Реальное социальное деление германского общества времени Цезаря (и несколько позже) никак не зафиксировано в античных источниках. Описание внешности, одежды и повседневного поведения германцев, сделанные Цезарем, и их вооружения, сделанные Тацитом, по существу, выдержаны также в «стратегическом ключе», как и описания местности с ее болотами, дремучими лесами и полным бездорожьем. Деление на «сотни», или центурии, полностью разбивается о сообщения тех же авторов об отсутствии какого-либо строя во время сражений, т. е. это явно «расчетный» термин, количественный, нуж-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ный римскому военачальнику. Нет никакого сомнения в том, что во времена Цезаря и позже германские, галльские, иберийские этносы и даже остатки италийских были доклассовыми этносами, хотя и у Цезаря, и у других авторов часто встречаются такие слова: «знать», «народ», «вожди», «цари». Если «вожди» и «цари» (в римском понимании этих терминов) — целиком следствие римской политики по отношению к варварам, поскольку этими титулами (наряду с «друзьями римского народа») их награждал римский сенат, стремившийся подчинить себе некоторые внутриэтничные обычаи, то деление на «знать» и «народ» — это не только отражение в записях привычных авторам делений их классового общества, но и свидетельство реального, но не классового деления членов варварских коллективов.

По свидетельству этнографических записей, доколониальные общества (явно доклассовые) Тропической и Экваториальной Африки также имели в своем составе «благородных» и «простых». При ближайшем рассмотрении таких обстоятельств не обнаруживается никакого имущественного различия между этими «группами». Разница заключается только в том, что «благородные» прошли весь комплекс сложных инициаций и получили право на соответствующие знаки отличия (в одежде и татуировках), а «простые люди» или совсем не проходили ритуалов, или прошли только часть. В этом делении ощущается некоторый параллелизм с цезаревским делением галлов на друидов, «всадников» и «плебеев». В суахилийской этнической (т. е. не городской) терминологии эти «группы» называются соответственно: *фуму*, *ватото ва вату* и *вату*, есть еще общий термин для первых двух «групп» — *вангвана*, в переводах — «свободнорожденные» (городской термин), но дословно — «рожденные девственницей», первородные (здесь также ощущается «намек» на первостепенную роль женского пола в доклассовых социальнно-правовых структурах). До некоторой степени понять всю эту сложность можно, если исходить из предположения о распространении на весь этнос трехступенчатой системы права «братьев», но представить себе нашему современнику ее функционирование очень и очень трудно. Категорию *фуму*, по-видимому, порождают не первенцы обособленного трехствольного замкнутого коллектива, т. е. четвертые (возможно — и другие) «братья» — она формируется иначе, индивидуально. Двое первенцев (брат и сестра) каждой пары *фуму* также являются *фуму*, а остальные дети их — *ватото ва вату* (дословно — «дети людей»). Каждая пара *ватото ва вату* порождает троих *ватото ва вату*, а четвертые, пятые и т. д. их потомки — просто *вату*, и все потомки вату — только *вату*. Принадлежность к *фуму* и *ватото ва вату* фиксируется прохождением инициирующих ритуалов, обозначающих вступление в полноправие, а *вату*, в социальном смысле, остаются «вечными детьми». Это — категории абсолютные, ибо к ним принадлежат по рождению, но не замкнутые, поскольку не все дети наследуют

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

категории родителей. Принцип возрастного деления на этой системе сказывается следующим образом: все дети (допустим, до 8 лет) ничем не отличаются друг друга, но через социально-возрастной рубеж следующего статуса часть их не переходит (остается как бы 8-летними); далее — такая же вещь происходит еще с одной группой (которые на остальную жизнь остаются как бы 16-летними); затем подобное происходит с теми, кто всегда будут как бы 24-летними; и, наконец, оставшиеся проходят последний ритуал и обретают социальное полноправие (как бы переходят в архаический возрастной статус 24–32 г.). Понятия: «полноправие», «неполноправие», «бесправие» в этой системе социального деления доклассового общества не содержат ни имущественных различий, ни эксплуатации чужого труда, все трудятся согласно своему реальному возрасту. Система нужна обществу для регламентации важнейших действий, необходимых всему этносу (т. е. реальным локализованным группам) в особых обстоятельствах. Например, в случае выявления значительного недостатка освоенных хозяйственных угодий, «бесправные» обязаны либо осваивать новое соседнее пространство, либо уйти на его поиски; «неполноправные» в реальном возрасте от 16 до 24 лет составляют обязательный контингент воинских отрядов молодежи; «полноправные» из своей среды выдвигают обычных вождей (реального возраста 24–32 г.) воинских отрядов; наконец, на «высших», т. е. на особом трехствольном «династийном» коллективе лежит обязанность воспроизводства «священной персоны» (одновременно «великого вождя воинства»).

Однако следует заметить, что в этой системе последней стадии социально-возрастного права (когда она охватывает весь этнос) уже заложены различные формы перехода общества к имущественному и правовому неравенству. Нетрудно представить себе, как из этой системы (своеобразного «универсума» предклассового состояния общества) в разных конкретных обстоятельствах, но при условиии внутреннего замыкания ее делений, могла образоваться индийская система четырех варн, социальная структура Древнего Египта и Междуречья, структура цивилизаций греческих полисов и тогово-ремесленных городов Средиземноморья, социально-правовая схема феодального общества Западной, Восточной и Северной Европы и, наконец, — даже цеховая структура средневековых городов. При иных обстоятельствах, когда поступательное развитие конкретного общества (и, в первую очередь, его экономики) встречало очень серьезные препятствия, эта система доклассовой социальной дистрибуции либо не менялась столетиями, либо медленно разрушалась (как бы «таяла») под воздействием элементарного локального дробления этноса на все более и более мелкие коллективы, связанные общими хозяйственными интересами. И во всех случаях, хотя и в разных формах проявления, ее сменял принцип кровного индивидуального происхождения. В европейском классовом обществе на все время существования феодальных отношений со-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

хранился элементарный след этой системы: например, все сыновья графа носили титул виконта, но старший после смерти отца становился графом, а остальные, оставаясь виконтами, порождали виконтов; последняя в роду женщина передавала титул отца своему мужу, если тот был «ниже» ее, или второму сыну, если муж был «выше». Этот средневековый обычай назывался «майоратом», т. е. правом «старшего», и считалось, что он был «введен» для предотвращения дробления собственности. Таких следов очень много, но это уже специальная тема.

Что же касается европейских варварских этносов времен Цезаря, то можно предположить следующее: долина Рейна была не столько этнической границей между галлами и германцами, сколько отделяла пространство с больше развитой экономической базой и социальной структурой от северных местностей с менее благоприятными естественными условиями, где и экономика, и социальное развитие были на более низком уровне. Большую часть территории зарейнской Европы, по свидетельствам античных авторов, занимал непроходимый Герцинский лес, окруженный болотами. Его западный край, Тевтобурский лес, примыкал к низменностям устья Рейна и берегов Северного моря, а восточный терялся (по античным представлениям) где-то в северных задунайских землях. Обитаем (в буквальном смысле) он был только по рекам, которые рассекали этот лесной массив и впадали в Северное море (античные авторы называли это море «Океаном»). Судя по всему, занятия лесных германцев располагались, в порядке своей значимости, следующим образом: охота на лесных зверей, скотоводство и земледелие. Летом они жили в крытых повозках, зимой — в примитивных землянках, а их юные воины — круглый год под открытым небом. Несмотря на довольно суровый климат, одевались очень легко — кусок шкуры на бедрах и небольшая шкура на плечах составляли одежду мужчины, женщины носили «рубашки» из ткани, поддерживаемые на плечах лямками; дети вообще не носили одежды (следует сказать, что ни римляне, ни другие цивилизованные, видимо, никогда не бывали далеко за Рейном зимой, так что известна только летняя одежда). Редкие за Рейном торговцы из цивилизованного мира ко времени Цезаря еще не успели приучить германских варваров ценить драгоценные металлы, и они одинаково относились как к своей глиняной посуде, так и к случайно попавшей к ним серебряной.

Говоря об оружии, Тацит прямо сообщает, что железа у них мало, и не каждый воин имеет копье с наконечником, а многие пользуются «обугленной палкой». Эта фраза Тацита (вероятно, впервые переведенная, возможно, и отличным латинистом, но человеком городским, которому ни разу не довелось забить гвоздь в стену) породила распространившееся по сотням книг нелепое представление о том, что дерево можно «закалить» на огне. Но дерево — не сталь (железо, медь и бронзу также нельзя закалить), и речь

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

может идти только об облегчении обработки дерева путем предварительного обжигания обрабатываемой части на огне. Если Тацит имел в виду копье (что, вроде бы, следует из параллели: копье с железным наконечником — копье без него), то подразумевалось следующее: прежде чем «заскоблить» конец в острие, его держали в огне, обугливали. Но много вероятнее, что имелась в виду дубина или палица, изготовленная из молодого дерева, вырванного с корнями, а корни были обсажены, чтобы получить утолщение на конце. Таких «затруднений» в переводах военных (да и других) реалий в античных текстах довольно много. Причина, видимо, не только в том, что тексты кратки, а грамматика допускает различные вариации смысла фраз. На переводчика оказывают сильное влияние весьма условные или стилизованные изображения оружия, одежды и доспехов на сохранившихся до наших дней остатках триумфальных сооружений, надгробий, алтарей, мозаики и посуды, скульптуры. Вот характерный пример чисто филологического перевода текста Полибия о римском вооружении, сделанный в конце прошлого века Мищенко:

«Самым юным из солдат трибуны предписывают вооружаться мечом, дротиками и легким щитом. Щит сколочен крепко и для обороны достаточно велик. По виду он круглый и имеет три фута в поперечнике. Легковооруженные, кроме того, носят на голове гладкую шапку, иногда бычью шкуру, или что-нибудь в этом роде, как для покрытия головы, так и для того, чтобы дать отдельным начальникам отличить по этим знакам храбрых в сражениях — от не таковых. Древко дротика имеет обыкновенно в длину два локтя и в толщину один дюйм. Наконечник его длиною в пядень и так тонок и заострен, что непременно гнется после первого же удара, и потому противник не может метать его обратно <...> Воинам второго возраста <...> отдается приказание носить полное вооружение. В состав его, прежде всего, входит щит шириною в выпуклой части в два с половиной фута, а длиною в четыре фута <...> Он сколочен из двух досок, склеенных между собой бычачьим клеем, и снаружи обтянут сначала холстом, потом телячьей кожей. Далее, по краям сверху и снизу щит имеет железные полосы, которые защищают его от удара меча...».

Текст, несомненно, ценен сообщением о соответствиях возраста солдата и типа вооружения, но описания оружия могут создать неправильное представление. Например, наконечник дротика «так тонок и заострен» — может показаться похож на заточенную вязальную спицу, поскольку отмечено только то, что он гнется от первого удара. Скупых слов оригинала достаточно для современников автора, отлично знакомых с разными наконечниками дротиков, но их мало для нашего современника. Огромный музейный «арсенал» железного оружия, собранный этнографами и путешественниками по Африке и Азии, позволил бы переводчику античного текста преодолеть «ложный академизм» и, подобрав что-либо аналогичное

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

описанию, сделать «смысловой перевод»: «наконечник дротика имел длину около двадцати сантиметров, закреплялся на древке короткой конической втулкой, имел тонкое, легко сгибающееся цевье с узким листовидным лезвием на конце», или несколько иначе. Так было бы понятно, что не острие загибалось крючком, а сгибался сам вонзившийся в щит наконечник, и застрявший в щите дротик мешал оперировать им, делая врага беззащитным от других дротиков или стрел. Это своеобразное описание наконечника копья или дротика встречается и у других античных авторов, которые приписывают его изобретение то Каю Марию, то Юлию Цезарю, а переводы бывают еще туманнее мищенковского. То же самое и с описанием щитов — создается впечатление, что один выпуклый, как тарелка, а другой овальной формы и тоже выпуклый. На самом деле оба они имели «выпуклость» цилиндрического характера, только легкий был овальным (почти круглым), а щит тяжеловооруженного пехотинца — прямоугольный. Обо всем этом свидетельствуют не очень вразумительные слова о способе изготовления: «сколочен из двух досок, склеенных...». Щиты были не из двух досок в ширину, а двухслойные, склеенные на «болване» таким образом, что волокна дерева каждого слоя (как в фанере) располагались под углом друг к другу, что предотвращало раскалывание щита и сохраняло жесткую форму изгиба. Были и еще различия, которые не вошли в описания: пехотный щит любой формы и размера имел с внутренней стороны, почти в центре, или немного выше одну жесткую ручку; щит конника или лучника, обычно округлый, имел две ручки, в одну из которых (в мягкую) просовывалась рука до локтя, а вторую (жесткую) сжимали кистью руки — это давало возможность держать той же рукой повод коня или натягивать тетиву лука; также две ручки были у щитов воинов, сражавшихся на колесницах. Далее следует описание и другого вооружения тяжеловооруженного пехотинца:

«Кроме щита, в состав вооружения входит меч, который носят с правого бедра и называют иберийским. Он снабжен крепким, прочным клинком, а потому и колет превосходно, и обеими сторонами наносит тяжелый удар».

Обоюдоострый меч римского легионера — «гладиус», имел клинок длиною немного больше полуметра. «Иберийским» его называли не потому, что такие мечи были у жителей Испании, а из-за способа ковки клинка, на железное «тело» которого по режущим кромкам наваривалась узенькая полоска стали, металла, который в то время умели делать только где-то в Малой Азии (возможно, на Кавказе), откуда он поступал в торговые города берегов Иберийского полуострова, где его приобретали римские ремесленники. Сочетание слов «твердый», «прочный» с другими следует понимать как закаленный (твердеет, естественно, «наварка» из стали).

«К этому нужно прибавить два метательных копья, медный щит и поножи. Копья различаются тяжелые и легкие. Круглые тяжелые копья име-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ют в поперечнике пядень, четырехугольные столько же в каждой стороне. Легкое копье походит на рогатину средней величины, и его носят вместе с тяжелым. Каждое древко снабжено железным наконечником с крючком такой же длины, как и древко. Длина древка в копьях обоего рода около трети локтей. Наконечник соединяется с древком очень прочно и для дела весьма удобно, потому, что его запускают в дерево до середины и укрепляют множеством заклепок, поэтому связь частей не нарушается от употребления никогда, разве что изломается железо, между тем толщина наконечника в основании, там, где он соединяется с древком, всего полтора пальца».

Если воссоздать по этому описанию римское копье, то получится совершенно нелепое сооружение из метрового бревнышка около 20 см в диаметре с забитым в него до половины железным стержнем 3 см толщины и крепленным дополнительно рядом заклепок. Так выглядело «копье», или сариса, метательного осадного орудия вроде катапульты (аркбалесты). Кто виноват в создавшейся путанице? Может быть, какой-то античный переписчик, по рассеянности или безграмотности перепутавший части текста Полибия. Граненые древки обычных копий вообще очень редки, а четырехгранные годятся только для метательных машин. Под «крючком», вероятно, подразумевалось острие. Обычное римское легкое копье — это несколько утяжеленный и более длинный дротик с таким же наконечником, оно — метательное, и входило в вооружение солдат двух первых рядов (*принсипес* и *хастати*). Третий ряд, старые опытные солдаты *триарии*, были вооружены тяжелыми ударными копьями, которые действительно напоминали «рогатину средней величины» и отличались от нее только отсутствием железной «перекладины» на том месте, где лезвие (клинок) переходило в насадочную втулку. Римский дротик назывался *миссилиа*, легкое копье — *пилум*, тяжелое — *хаста*.

«Большинство воинов носит еще медную бляху в пядень длины и ширины, которая прикрепляется на груди... Те из граждан, имущество коих определяется цензом более чем в десять тысяч драхм, прибавляют к другим доспехам, вместо нагрудника, кольчугу».

Не имея подлинника, трудно сказать, какое слово Мищенко перевел как «кольчуга», но до появления железных рубах из переплетенных колец от времени жизни Полибия (около 120 г. до н.э.) прошло около полутора тысяч лет. Вероятнее всего, имелся в виду кожаный «панцирь» — лорика. Он действительно имел несколько вариантов. Обычный солдатский «панцирь» — это безрукавная одежда из толстой, но мягкой бычьей кожи, поддерживаемая широкими кожаными наплечьями, которая застегивалась по боковым швам. Почти у шеи крепилась широкая медная пластина, защищавшая верхнюю часть груди, к низу от нее тело прикрывал щит. Иногда медные пластины крепились и на наплечьях, и на нижней части груди.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Спина была из более тонкой и гибкой кожи и не защищалась металлом. У центурионов и прочих начальников боевой панцирь был устроен иначе, он походил на твердый жилет из толстой кожи с «юбочкой» из широких ремней. Его выколачивали из размоченной кожи на деревянном «болване», имевшем рельефные формы мужского торса с хорошо развитой мускулатурой, и сушили сильно нагретым металлическим «гладилом». Размоченная и высушенная таким способом кожа не меняла от сырости приданной ей формы. Далее, на этот кожаный «торс» крепили медные или литые бронзовые украшения, тем более художественной выделки, чем выше был воинский ранг обладателя. Кроме боевых доспехов, существовали и парадные, которые надевали для триумфальных процессий и других церемоний. Они, как и парадное оружие, совсем не годились для боя, но отличались блеском и обилием украшений. Их вытягивали из тонкого листа меди или латуни, полировали до зеркального блеска или золотили. Третий вид доспехов тоже был парадным, но его никто не носил — это были так называемые «трофеи», литые из бронзы, богато украшенные высоким рельефом нагрудники, щиты, шлемы, мечи и копья. Их крепили красивыми группами к временным деревянным или к постоянным каменным триумфальным и памятным сооружениям. Несмотря на стремление экономить металл, они выходили слишком тяжелыми, чтобы ими можно было пользоваться, и непрочными в силу хрупкости бронзы. Римские шлемы двух типов, *кассис* и *галеа*, также были тянутые из размоченной толстой кожи, но *галеа* дополнительно покрывалась медным колпаком, который у высоких начальников украшался художественно выполненными накладками из бронзы или серебра. И боевые, и парадные шлемы украшали перьями. Доспехи надевали на шерстяную тунику с короткими рукавами, а поверх носили кожаный плащ. Военные трибуны имели право на шерстяной плащ с красной каймой, и только император носил целиком красный плащ, как знак особого отличия.

Во времена Цезаря римские солдаты уже не носили поножей (кожаные «гетры» с медной фигурной пластиной спереди), а обувались в *калиги* — довольно высокие кожаные сапоги на толстой подошве, шнурованные спереди и оставлявшие пальцы открытыми. Вооружение римского легионера не требовало особого искусства в обращении, оно выдавало расчет на дисциплину и стойкость рядов во время вражеской атаки. Примкнутые друг к другу достаточно высокие щиты образовывали подвижную защитную стенку, за которой солдаты ждали приближения противника на расстояние надежного броска копья и сигнала к началу боя мечами. В этом была главная сила римского войска, и командиры всеми силами старались сохранить стройность рядов во время сражения. Если возникало расстройство рядов и замешательство, в бой вступали триарии, за рядом которых командиры спешили восстановить строй. Варвары нападали без строя, густой толпой, их атаки были страшны первым натиском, но в случае неудачи они не стыдились отступать.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Прямых сведений об оружии варваров в сочинениях античных авторов очень мало. Но косвенные данные (например, о воинах-союзниках, о вспомогательных войсках) позволяют предположить, что металлическое оружие было достаточно распространено всюду, где странствующие торговцы из цивилизованных мест не были редкими, а вокруг постоянных торжищ оно было обычным.

Столь же частым явлением, как и странствующие торговцы, были странствующие ремесленники, а для «освоенных» мест — и осевшие ремесленники. Именно с оседания странствующих ремесленников на установившихся регулярных торжищах начинал свое медленное или ускоренное развитие «новый город». Этническая преемственность ремесел начиналась только с того времени, когда «новый город» преодолевал «статус» пункта на торговых дорогах и становился «центром», т. е. когда вокруг инородного поселения оседали люди, утратившие или почти утратившие связи со своими этносами. Полное ремесло, т. е. производство изделий, намного превосходящих качеством аналогичные предметы традиционной этнической культуры, или изделий из материалов, отсутствующих в этой традиции, невозможно освоить, наблюдая процесс «вприглядку», необходимо участвовать в нем; да и в таком случае сначала вносятся «в этнос» некоторые отдельные приемы работы, например, холодная ковка (переделка) поломанных купленных железных изделий или случайных обломков металла. С другой стороны, освоение ремесел выходцами из «этноса» нередко вносит что-то новое в отработанные временем формы ремесленных изделий, то, что исследователи обычно называют «влиянием местной традиции». Однако постоянный и широкий контакт «этноса» даже не с торгово-ремесленным центром, а со странствующими торговцами и ремесленниками, чаще приводил к другим обстоятельствам. Многие традиционные изделия незаметно вытеснялись более качественными, приобретаемыми обменом за предметы, которые и так уже ценились этнической традицией. Этническая традиция производства сужалась, из нее навсегда выпадали, один за другим, некогда самые распространенные приемы работы и, наконец, этнос с сильно разрушенной традицией воспроизводства своей материальной культуры терял собственную жизнестойкость и оказывался прочно привязанным к «специальному» производству далекого цивилизованного мира. Широкое распространение в этносе предметов «внешнего производства» не создавало имущественного расслоения или эксплуатации чужого труда, но сильно влияло на его социально-организационную традицию, подрывая ее четкость и жесткость, предназначавшуюся ранее для сохранения и продолжения, прежде всего, традиции материального производства. Появлялся такой невообразимый в представлениях доклассового общества феномен, как продажа пленника. В традиционных сражениях юношей стал перевешивать элемент грабительского набега, архаический угон скота сменился

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

разрушением селений и захватом купленных вещей и пленников. Дело кончалось тем, что (как в Галлии и Белгике при Юлии Цезаре) роль традиционной этнической персоны «священного великого военного вождя» переходила к удачливому или талантливому военачальнику солдат, присланных «цивилизованным миром» охранять торговцев, оперирующих на этой этнической территории. При всем этом, по сути дела, не происходило распространения действительно высоких культурных ценностей цивилизованного мира, а получалась некая «промежуточная» культура, какое-то время удовлетворявшая и потребностям этноса, и целям представителей цивилизации. Результат получался, на первый взгляд, довольно странный — материальная культура Галлии вроде бы развивалась, а социальная структура и все, что с ней было связано, в то же время постепенно приходила в упадок. Этот сложный этно-социальный процесс не оставил археологических следов, но в записях античных авторов, если к ним отнестись внимательно, они есть. Так, например, Цезарь в 24 главе VI книги своих «Записок» говорит:

«Некогда было время, когда галлы превосходили доблестью германцев, по собственному почину затевали войны с ними, и вследствие густоты населения и недостатка земель выводили колонии за Рейн <...> Но так как германцы и сейчас пребывают в той же нужде и бедности, и ведут такой же суровый образ жизни, что и раньше, питаются и одеваются по-прежнему, а галлам близость Провинции и знакомство с заморскими изделиями дали возможность жить более широко, то они постепенно привыкли к превосходству и, потерпев поражения в многочисленных сражениях, уже не думают меряться доблестью с германцами» (перевод А. И. Неусыхина). Перевод М. М. Покровского немного иной: «...то близость римских провинций и знакомство с заморскими товарами способствует развитию у них благосостояния и новых потребностей».

Цезарь ставил в прямую зависимость материальную сторону образа жизни и воинскую доблесть, и Цезарь-солдат не мог мыслить иначе, хотя в ослаблении армейской дисциплины он, несомненно, обвинил бы, прежде всего, командиров — за отсутствие требовательности к солдату. Так что за его записями можно увидеть свидетельство «падениия этнической дисциплины» у галлов и ее пребывание на должной высоте у германцев, т. е. разрушение этно-социальной структуры или ее полноценное функционирование. Вопросы о том: «Что разрушалось, и что продолжало функционировать?» «Разные это были структуры или одного уровня?» — Цезарь в какой-то мере осветил сообщениями о делении галлов на друидов, «всадников» и «плебеев» и об отсутствии аналогичного деления у германцев. Но это различие вполне могло быть следствием более полного знакомства с жизнью галлов и весьма скромного — с жизнью германцев, особенно отдаленных от Рейна (лесных).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Страбон, писавший свою «Географию» в последнее десятилетие до н.э. и первое десятилетие н.э., ничего нового к описанию германцев не прибавляет, но из его географических материалов ясно, что римлянам до некоторой степени были известны прирейнские германцы, жители берега Северного моря до Альбиса (Эльбы) и германцы, жившие у истоков Рейна. Но, в связи с легендами о кимврах и тевтонах, он сообщает о «седовласых, в белых одеждах, в полотняных застегнутых фибулами мантиях, в медных поясах, босых» жрицах-предсказательницах, убивавших пленников и гадавших по их крови и внутренностям. Описание этой процедуры настолько кровавоживописное, что вряд ли отражает действительность, ценно само упоминание предсказательниц. Цезарь, еще в связи с его войной с германцами под водительством Ариовиста, также упоминает женщин-предсказательниц (или прорицательниц), но кимвры и тевтоны, в отличие от юношей Ариовиста, действительно переселялись, т. е. искали место для поселения со своими женами и детьми, а, следовательно, «везли» с собой и что-то от своей социальной структуры, где некоторую социально-организующую роль играли старые женщины (но не мужчины-друиды, как у галлов). Из всего, что удалось собрать об архаическом «праве братьев», довольно четко следует постепенное вытеснение женской правовой линии мужской. Во всяком случае, женская линия в конце существования трехступенчатой системы оказывается на втором плане, а сама система ориентирована на мужчин (на колена трех «братьев»). Из этого может следовать, что германцы (во всяком случае — лесные) либо находились в стадии полнодействующей социально-возрастной организации общественной жизни, либо — в самом начале формирования трехступенчатой кровно-возрастной организации с преобладающей правовой ролью жен-«сестер», обязанностью которых в старших возрастных статусах была «магическая забота» о благополучии этносов, в том числе и об «удачах» в военных походах юношей, еще не имевших «магических вождей».

Ясно только одно: этно-историческая картина Западной Европы времени Цезаря и столетием позже чрезвычайно сложна и непривычна, в ней сложно переплетены интересы трех компонентов: римской рабовладельческой империи торгово-ремесленных городов (с их цивилизованным этносом); доклассового населения Галлии, организованного властью (в архаическом понимании «власти») воинства великого военного вождя-Цезаря — в обширный всегалльский «этнос»; и разрозненных этнических групп германцев, уже начавших ощущать заметный недостаток земель, пригодных для расширения примитивного земледельческого хозяйства (иначе — ощущающих избыток населения). Таким образом, в какой-то мере интересы Рима и невоюющего населения Галлии совпали: нежелательно было массовое переселение германцев за Рейн, в Галлию.

Римские и греческие авторы, записавшие политическую историю Рима, учитывали только императоров, признанных таковыми римским сенатом:

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Юлия Цезаря, Октавиана Августа, Тиберия Нерона, Калигулу, Тиберия Британика, Клавдия Домиция Нерона, Флавия Веспасиана и др. Галлы и прирейнские белги смотрели на это иначе. И признанные, и непризнанные верховные начальники римских легионов на Рейне были вождями воинства, препятствующего массовому заселению их земель зарейнскими германцами, это были их вожди. Однако, политика Рима была сложнее. «Чистое» рабовладение переставало себя оправдывать, разрастался колонат, открывавший широкие возможности эксплуатации и свободного населения «провинций». Галлия не была исключением, но для безопасности «провинций», наряду с укрепленными пунктами и пограничным валом, Рим создавал своеобразный «защитный пояс», привлекая на службу германских и других варваров, отдавая им пограничные земли для поселения, с обязанностью охранять их от других варваров. Дело это было долгое и хлопотное. В этом плане в Галлии римляне особое внимание уделяли Колонии Агриппине (будущему Кельну), на месте первой переправы Цезаря через Рейн, и «десятинным землям» — зарейнскому району у переправы в верховьях реки. Это были места наиболее вероятного «вторжения» диких германцев. Собственно, таковыми их сделали сами римские военачальники, переходя Рейн и пытаясь повторить стратегический маневр Цезаря, обошедшего всю Галлию по левому берегу Рейна, берегу Океана и вышедшего к Нарбонну. Цезарь дважды переходил Рейн, но не углублялся далеко, а, разорив селения германцев вблизи Рейна, возвращался назад. Император Август сам не воевал с германцами, вместо него легионами на северной половине рейнского левобережья командовал Марк Випсаний Агриппа — человек незнатного происхождения, отличный воитель и стратег. Он считал необходимым иметь постоянный мост через Рейн. Для этого, начиная с 30 г. до н.э., он неоднократно переправлял свои легионы за Рейн, успешно воевал там, поставил под свой контроль некоторую территорию правого берега против «города» убиев (буд. кол. Агриппина) и переселил часть германцев (сугамбров, тенктеров и узипетов) на земли убиев. Несколько позже пасынок Августа, Тиберий Нерон, создал примерно такую же обстановку на переправе у истоков Рейна. После смерти Агриппы (12 г. до н.э.) его место занял Ливий Друз Германик-старший. Германик-старший совершил несколько походов к берегу Океана и дошел до устья Альбиса (Эльбы). Тиберий, со своей стороны чуть позже дошел до истоков того же Альбиса, но замкнуть «кольцо», как это сделал Цезарь в Галлии, или создать укрепления с гарнизонами на линии похода ни тому, ни другому не удалось.

В это время среди солдат пограничных легионов уже не было римских плебеев, широкое распространение «прав римского гражданства» среди иберов, италиков, галлов, белгов и батавов позволяло набирать из них и пехоту, и конницу, и вспомогательные войска (а конницу и среди германцев). Даже многие начальники не были римлянами по происхождению.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Организованное переселение зарейнских германских отрядов с их вождями-союзниками Рима на земли белгов и галлов, возможно, было вызвано не только стремлением создать из самих германцев пограничную буферную зону, но и обезлюденьем левого берега Рейна после того, как масса молодежи ушла оттуда в легионах и коннице Цезаря, приняла участие в двух «гражданских войнах» и, по сути дела, не вернулась домой. Во всяком случае, дело кончилось тем, что сенат объявил об организации на левом берегу Рейна двух новых территорий: Верхней и Нижней Римских Германий. В этом обстоятельстве важны две (хотя совершенно разные) стороны: одна связана с тем, что беспокойная жизнь этой пограничной зоны, с постоянными стычками варварских отрядов между собой и с римскими гарнизонами, ссоры вождей и другие смуты, т. е. постоянная военная обстановка, как бы «развернула» интересы воинственной молодежи германских лесных этнических групп в сторону Рейна. Небольшие ее отряды со своими вождями стали приходить из глубины германских земель и оседать на берегах Рейна и Дуная (хаттуски, кимвры и лангобарды — на среднем Рейне; семноны и бургундионы — в верховьях Дуная; маркоманы, лугии и готоны — на среднем Дунае). Вмешиваясь в беспокойную жизнь пограничной зоны то в качестве чьих-либо союзников, то самостоятельно, они пролагали невидимые тропы для других таких же отрядов диких варваров к границам римских владений, ставших за несколько первых столетий нашей эры той Римской Империей, которая широко известна в наше время по трудам современных историков. Так политика Рима и история защитной пограничной полосы постепенно подготовила ситуацию IV–V веков н.э., т. е. те события, которые называют «Великим переселением народов».

Другая сторона касается сведений античных авторов (начиная с Гая Плиния) о жизни и строе германского общества — почти все они почерпнуты в этой пограничной полосе либо в результате личных наблюдений, либо опросом очевидцев и самих варваров. Это сильно снижает ценность записей, поскольку трудно разделить то, что относилось к исконным прирейнским германцам, что — к осевшим «переселенцам», а не к тем германцам, которые не покидали родных мест. К сожалению, эта характеристика относится и к самому обширному источнику, к «Германии» и «Анналам» Публия Корнелия Тацита. Огромное количество разнообразных сведений, иногда противоречащих друг другу, явно относящихся к очень разным группам германцев, изложено внешне стройно, но не по сути, а по формальному содержанию, что создало пеструю смесь «уровней», в которой невозможно разобраться. Ценность материалов значительно снижается и римской литературной традицией (заметной уже у Цезаря), где широкое использование римской социальной и политической терминологии, наряду с манерой описывать взаимоотношения варваров и между собой, и с римлянами в выражениях и словах, характерных для цивилизованной полити-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ческой жизни Рима, создают ложное представление о характере событий и о содержании и значении обычаев, хотя общая ценность сведений не подлежит никакому сомнению. Кое-что исказили и упростили при переводах. Многие современные историки, сравнивая «Записки» Юлия Цезаря и сведения, собранные Тацитом, приходили к неверному выводу о значительном изменении социально-экономических отношений у германцев, произошедших за полтораста лет, разделяющих эти труды. Это было следствием количественной разницы, веры в адекватность описаний реальности и стилистической близости изложений («цивилизованного» языка) современным нам литературным формам. В действительности же эти кажущиеся изменения целиком связаны с нерасчлененностью у Тацита сведений о более развитых прирейнских германцах и сведений о лесных варварах. Кроме этого, никто не делал попыток сопоставления сведений Цезаря и Тацита с этнографическими материалами об обычаях, о жизни, хозяйстве, социальных отношениях почти современных нам доклассовых этносов. По-видимому, этому мешала осознанная или неосознанная убежденность в «расовом» отличии древних европеоидов от народов колоний того же уровня социально-экономического развития. Между тем, это — единственная возможность разобраться в существе античных материалов о доклассовых народах Европы того времени и избежать «гипнотического» воздействия кажущейся абсолютной понятности и объективности этих произведений античной литературы. Нет надобности отрицать великое многообразие форм проявления стадиально-однозначного состояния у разных по времени и месту этносов, но определяющие стадию развития принципиальные явления не могут быть различными. Опираясь на эту закономерность, можно до некоторой степени разобраться и в сведениях Тацита, и выделить из них то, что можно назвать «свидетельством с той стороны».

«В своих старинных песнях, являющихся у германцев единственным видом исторической памяти (*мемориа ет анналиум*) они воспевают, как своих прародителей, бога Туискона и его сына Манна. Они приписывают Манну трех сыновей, по имени которых называются германцы: ближайшие к Океану — ингевонами; живущие в середине — герминонами; а остальные — истевонами <...> некоторые утверждают, что у бога было больше сыновей, от которых произошло больше названий: марсы, гамбривии, свевы, вандилии, и что это — подлинные и древние имена. Германия — имя новое... сначала германцами назывались те, которые первыми перешли Рейн, сейчас они — тугры, а потом так стали называть всех, весь народ (*натионес номен*), не одну группу (*нон гентис*), а далее те и сами усвоили это имя».

В этом отрывке есть некоторая параллель с цезаревским делением жителей Галлии на аквитанов, белгов и кельтов, но главное не это. Замечательно

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

то, что в этих названиях больших групп германцев «звучит» нечто близкое именам германского героического эпоса. Ингевоны, несомненно, «потомки» Ингви-Фрейра, а это открывает право повернуть расположение имен (обычно их располагают с запада на восток), поскольку «ингвинги» или «инглинги», по эпосу, — северные германцы (в раннее средневековье — уже скандинавы и юты). Стало быть, герминоны обитали в лесной зоне, а истевоны, возможно, в верховьях Дуная или по его среднему течению. Названия более мелких групп — это уже названия собственно германцев (герминонов) и «остальных»: тунгры — по течению Мааса; гамбривии (сугамбры или сикамбры) — по нижнему течению Рейна; марсы — к югу от Тевтобусского леса; свевы или свебы — между верхним Рейном и Швабской Юрой; а вандилии (вандалы) — восточнее свевов (свевы и вандилии, возможно, и есть истевоны). Со свевами первым познакомился Юлий Цезарь, это были воины вождя Ариовиста (Цезарь приводит много мелких названий и говорит, что у свевов сто пагов, из которых каждый может выставить тысячу воинов — то есть всего 100 000 человек). В материалах Тацита приведено множество германских названий мелких групп, но эти, по сведениям Тацита, «подлинные и древние».

Есть и особая сложность в понимании существа этнонимов, приведенных в сочинениях античных авторов. Дело в том, что эти названия неоднотипны не только по «объему» этнических групп, но и по их характеру: здесь, в перечне любого автора, несомненно, оказывались и собственно этнические имена; и названия воинских отрядов молодежи (как осевших, поселившихся, так и еще странствующих); и наименования, данные соседями; и случайные «римские» названия каких-то групп варваров. Историки нашего времени, совершенно или почти совершенно незнакомые с работами этнографов о жизни доколониальных народов Африки или Азии, находившихся на близкой к древним германцам стадии развития, все античные названия варваров, ничтоже сумняшеся, сочли названиями «племен», а эти «племена» поняли как крупные или мелкие «протогосударства», т. е. упрощенные политические структуры, не принципиально, а только количественно отличные от настоящих государств более развитых классовых обществ, как их «микромодели»: с вождями-правителями, со старейшинами и знатью, с рядовыми членами (следовало понимать, что в «настоящем государстве» им соответствовали короли, высшая аристократия и дворянство, простой народ). Ничего не меняло в этих взглядах на варварское общество и нередкое упоминание «собраний всех взрослых членов племени» для решения важных вопросов. Оставалась та же спекулятивная абстракция и диминуция поздних политических структур.

Любую реальную этническую единицу доклассового общества (вплоть до населения одной деревни), разумеется, можно называть и племенем. Но необходимо учитывать, что в доклассовом обществе не могло быть отде-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ленной от этого общества персоны или структуры, обязанностью которой было бы «управление» всей этой однородной в имущественном отношении, бесклассовой этнической единицей. Доклассовое общество нигде и никогда не было аморфным, но его структура, как бы она ни была сложна, принципиально отличалась от структуры общества, разделенного на наследственные слои с резким различием в объеме и качестве имущества, отличалась, прежде всего, отсутствием (за ненадобностью) аппарата (или системы), однозначно «управляющего» (т. е. предотвращающего выступления недовольных имущественным и социальным неравенством) всем этносом. Возрастная структура доклассового общества, как уже неоднократно отмечалось, имела своих социальных руководителей, но их роли были строго связаны с контингентами определенного социально-значимого возраста, что создавало в пределах реальной этнической единицы структурные сечения, жестко связанные с определенной сферой деятельности, но периодически меняющие свое «человеческое наполнение». На фоне привычных и принципиально понятных нашему современнику социальных этнополитических делений классового общества (с наследственной пожизненной принадлежностью и к социальному слою, и к политическому единству) очень трудно осознать совершенно иной принцип и разность значимости делений доклассового общества, ощутить его качественное отличие от классового. Государственные границы современного классового общества жестко рассекают его на современные этнические единицы-нации (например, подавляющее большинство населения Италии — итальянцы, Франции — французы, и т. д.), но социальные сечения в реальности не столь четки, принципиальное деление общества на капиталистов, рабочих и интеллигенцию — «смазано» множеством промежуточных состояний людей и «накладками» рода занятий, официальными группировками по имущественному цензу и т. д. В современном классовом обществе социальная принадлежность относительно подвижна (хотя бы теоретически и юридически), т. е. можно разбогатеть или разориться, но этническая принадлежность (национальность) принципиально абсолютна и не меняется с принятием иного гражданства. Иная картина была в доклассовом обществе. Четких, охраняемых границ этнических территорий не было. Границы самих этносов были нечетки, расплывчаты и проницаемы. Этническая однородность или близость определялась полным сходством или относительной понятностью языка, а также — полным сходством или сходством в отдельных деталях этнического облика, орудий труда и иной материальной культуры. Этническая разнородность, соответственно, определялась несходством, что все же не создавало полной непроницаемости. Зато границы между возрастными статусами, особенно между статусом людей до брака и после брака, были и четкими, и жесткими вследствие различия в сферах деятельности и отмеченности специальным ритуалом, а также

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

снятием одних запретов и наложением других, изменением обязанностей. Они больше обособляли (нередко даже локально) людей разных возрастных статусов одного этнического коллектива, нежели людей одного статуса из разных этносов. Причиной тому было сходство занятий и форм жизни, идеологических «моментов» однозначных возрастных статусов, вне зависимости от этнических делений. Даже этнической территорией разные возрастные статусы были связаны по-разному, жизнь людей послебрачных статусов была менее подвижна, иногда оседла, а занятия стативны и в значительной мере индивидуализированы (обработка дерева, кожи, плетение, ткачество, уход за посевами, уход за детьми и их первичное воспитание и обучение, уход за больными и старыми), в то же время молодежь добрачного возрастного статуса вела подвижный образ жизни, соответственно своим понятиям и формам труда, требовавших подвижности и коллективности (перегоны и охрана стад, загонные охоты, расчистка новых угодий, сбор урожая). Со временем занятия и того, и другого возрастного статуса развиваются, пополняются новыми формами (например, обработка металлов, качественная керамика, сложные орудия труда, более совершенное оружие; торговые экспедиции, военные набеги на соседей, угон чужого скота, уход на новое место поселения), но возрастная грань между этими двумя социально-активными состояниями, их образом жизни и характером занятий продолжает сохраняться.

Эта грань возрастных правовых состояний, двух социально-активных возрастных статусов, делила конкретный этнос, как и любую его локальную часть, и по формам организации внутренней жизни. Неженатая мужская молодежь имела своих вождей; жизнью тех, кто перешел эту грань, руководил авторитет по жизненному опыту из их старших представителей. В отношениях между вождями и «старшими» не было никаких прав или обязанностей, не было подчинения или повиновения. Обязанные уйти на новое место поселения (даже уже имевшие жен), по традиции, считались, до обретения этого места, остававшимися в статусе молодежи. По мере развития экономической основы доклассового общества и его вступления в «переходный период» главная возрастная грань становилась еще более резкой. Молодежь возраста «воина» со своими вождями нередко без особой нужды навсегда покидала родную этническую территорию, на которой столь же нередко оседала «чужая» молодежь. Возникали обстоятельства одновременного сосуществования на одной территории более или менее локализованной части ее населения и другой его части — нелокализованной, «непрерывно» движущейся, «кочевой». Внешний, не особенно внимательный наблюдатель, представитель более развитого классового общества, мог бы счесть эту территорию населенной двумя разными народами, оседлым и кочующим, тем более, что эти разностатусные части ее населения и названия, как правило, имели разные.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Современный нам исследователь именно такую картину обнаруживает в античных материалах о жизни варваров вблизи границ территорий, подвластных Римской империи. Эта приграничная полоса, постепенно создававшаяся в первые столетия нашего летоисчисления, к III–IV векам протянулась от устья Рейна до Каспийского моря. Ее западная половина почти полностью совпадала с течением Рейна, Дуная и берегов Черного моря до устья Днепра, восточная шла дальше по морскому берегу и предгорьям Кавказа. Но прилежащая «заграница» делилась иначе: на западе, до резкого поворота среднего течения Дуная на юг, к приграничной зоне примыкали болота, леса и горы, а далее на восток — задунайские, причерноморские и прикаспийские степи. Это обстоятельство создавало существенные различия и в образе жизни варваров приграничной полосы, и в характере занятий и хозяйстве тех из них, кто переходил возрастную грань «воина». До этого социально-определяющего момента юноши-воины одинаково выглядели бродягами-кочевниками, занятыми только войной и скотом, легко соглашавшимися служить Римской империи за право поселиться на «ее землях» и охранять эти земли от посягательств других варварских воинов. В западной части эти «кочующие» варвары, получив возрастное полноправие, как правило, оседали и начинали заниматься земледелием (каждое крупное воинство при этом образовывало «затравку» нового микроэтноса со своим названием), переводя свой скот на пастбищное содержание. В восточной части такие «оторвавшиеся» от исходных, живших севернее этносов, группы воинской молодежи, становясь полноправными по возрасту, имели мало возможностей осесть и перейти к земледельческим занятиям. Они и в этом возрасте оставались подвижными скотоводами, только стремились получить определенные земли для выпаса своих стад, чем также создавали «затравки» новых микроэтносов, но со скотоводческим хозяйством. Принципиально, в приграничной полосе для непрерывного (и интенсифицированного римской политикой в приграничной зоне) развития этого процесса не могло хватать «свободных» земель, но это вполне устраивало Римскую империю. Римские пограничные власти отдавали для поселения одни и те же земли разным группам варваров-воинов, своим «союзникам» по охране границы, сталкивая их, таким образом, друг с другом, и вообще всячески поощряли столкновения и войны между приграничными варварами.

До поры до времени эта политика имела успех, и «союзные варвары» охраняли границы Империи от «диких варваров», не становясь слишком сильными из-за своих внутренних раздоров. Но существовали два фактора, которые, при определенных обстоятельствах, могли резко изменить это трудно сохраняемое равновесие. Во-первых, приграничная полоса была и зоной торговых (и вообще культурных) контактов между галло-римским и греко-римским культурными комплексами и европейской (западной и восточной) отдаленной варварской периферией. Следовательно, варвары

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

приграничной полосы неизбежно опережали в развитии своих северных соседей, оказываясь посредниками в этих контактах вследствие жизни вперемешку с римскими пограничными опидиями и кастеллами, с колониями ветеранов, ремесленников, торговцев. С течением времени приграничные варвары приобрели наступательное и оборонительное оружие, не уступающее по качеству стандартному вооружению римских легионеров, поняли преимущество воинского строя и дисциплины, и в качестве римских «союзников» несли воинские обязанности до римского возраста ветерана (т.е. приблизительно до 50 лет). Они стали заводить рабов, которые вместо них выполняли бы те работы, которые полагались полноправному (полновозрастному) варвару. Но «продвинутые» варвары во многом сохраняли и свои архаические традиции, социальные морально-этические нормы и идеологические представления. Это и было то «во-вторых», что могло неожиданно нарушить «равновесие» на границах Римской империи. В постоянных межварварских вооруженных столкновениях могли выделиться выдающиеся военные вожди, слава которых могла собрать под их начало теперь уже прекрасно вооруженных и дисциплинированных воинов в таком числе, что пограничные и регулярные гарнизонные римские легионы не смогли бы оказать никакого сопротивления.

Такое время наступило к концу III и началу IV столетия н.э. и было названо авторами работ по событийно-политической истории Европы «Великим переселением народов». Но эти события излагались как прорыв далекими варварскими «племенами», находившимися в стадии «распада родоплеменных отношений», пограничной защитной полосы Римской империи, объединившимися в сильные военные «союзы племен». Обычно на исторических картах пути этих «союзов племен» начинали пролагать либо от берегов Северного и Балтийского морей, либо от Волги и Урала, а иногда из глубины Восточной Азии, от границ Китая (моделируя явление по поздним и хорошо документированным арабо-мусульманским и татаро-монгольским завоевательным походам). Однако внимательное отношение к античным источникам, к сведениям об этом времени, приводит к иным выводам, если учитывать еще и этнографические материалы о жизни народов, например, Тропической Африки до колониального раздела и в первые десятилетия после него.

Все варварские воинства, которые в IV, затем в V–VI веках устремились на территории, принадлежавшей Римской империи, образовались вблизи пограничной зоны или непосредственно в ее пределах. Ни лангобарды, ни бургунды, ни вандалы, ни аламаны (сокращенно — аланы), ни вест- или остготы никогда не жили на берегах Балтийского моря или в северной части германских земель, точно так же как гунны ничего не имели общего с китайскими «сюнну». Все эти воинства появлялись по мере выдвижения их «великих вождей» в пределах приграничной зоны. Во II–III ве-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ках это были имена небольших воинских отрядов, еще не особенно беспокоивших своими подвигами римские власти. Но с появлением способных вождей они внезапно вырастали численностью воинов, и их ничто уже не могло удержать у границ Империи на римской службе. Они не утратили, несмотря все изменения в своей жизни, представлений об архаических традициях свободной этнической жизни, о праве силой оружия находить места для новых поселений; наконец, они ощутили в себе силы выполнить это. Сначала, видимо, для «пробы сил» воинства выдающихся вождей, они вступали в сражения друг с другом. Так, например, готы, сформировавшиеся в верхнем течении Дуная, восточнее лангобардов, победили аналогичное воинство сарматов и распространились по всему среднему и нижнему Дунаю и до устья Днепра, разделившись после «оседания» на западных и восточных готов. В отличие от переселявшихся воинов времен Юлия Цезаря, поселившись, они уже не становились невоюющим этносом полновозрастных варваров, а сохраняли свою военную организацию и вождей (которые, видимо, к этому времени получили пожизненное право на свой сан и пост), а также — обязанность мужчин быть воинами до конца социально-активного возраста.

Таким образом, у осевших полновозрастных женатых воинов, обязанных, по архаической традиции, перейти к тем или иным мирным хозяйственным занятиям, появлялась своя первично-политическая структура, независимая от отрядов юношей-воинов и их вождей. Если сказать точнее, то произошло своеобразное перемещение ролей возрастных категорий у варваров пограничной полосы. Если в предшествующий период главной категорией были женатые, полновзрослые, занятые хозяйством, оседлые члены этнической группы, которые постоянно, в соответствии с принятой в данном этносе нормой возрастного счета, выделяли из своей среды подвижные отряды юношей-воинов, частично возвращавшихся в исходный этнос, частично (время от времени) уходивших на поиски новых мест поселения, то в пограничных этносах сложилась иная картина: главной категорией стали женатые и неженатые воины — категория, которая частично воспроизводила саму себя, а частично пополнялась юношами из других этносов. Время от времени эта, склонная к известной подвижности, к быстрому численному увеличению или уменьшению (принципиально еще возрастная) категория воинов систематически выделяла из своей среды группу оседающих, переходящих к хозяйственной деятельности, в которую входили не только выходящие из возраста неженатого воина, но и часть самих женатых воинов. Естественно, что наибольшей подвижностью (как и прежде) обладали неженатые юноши-воины, известной склонностью к этому отличалась и наиболее молодая часть женатых воинов, а склонность к хозяйству вела к неизбежной оседлости. По сути дела, в промежутках между войнами все эти категории в той или иной степени занимались хозяйственными делами,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

и их локальные группы напоминали собой нечто, объединявшее в себе и укрепленный лагерь регулярных римских легионов, и колонию римских ветеранов, особенно с появлением личных рабов (в этом новом состоянии подобные образования уже не были этносами, устойчиво связанными единым хозяйством и общей реальной формой социальной традиции, а скорее разросшейся военно-этнической организацией, воспроизводящейся относительно непрерывно «на фоне» многих оседлых хозяйствующих групп, также за их счет).

Естественно, что эта разросшаяся военная организация, как форма жизни значительных контингентов населения, могла появиться только после значительных положительных сдвигов в результативности местного хозяйства, хотя на этом своем уровне, несмотря на возросшую склонность к набегам и силовому отнятию материальных ценностей и продукции деятельности невоюющих оседлых групп, она не могла считаться высшим, эксплуататорским слоем варварского общества пограничной зоны. Положение начало меняться по мере отрыва этих воинских структур от территории пограничной зоны, по мере их углубления в римские владения и оседания на новых территориях (с достаточным, к V–V вв., имущественным расслоением, утратой архаических этнических традиций и с наличием римского фискального аппарата, чиновников и военной силы). Варварская военная организация оседала на территории классового общества, хотя и подчиненного Риму, т. е. не имеющего политической самостоятельности, но в высших слоях не имеющего ничего против ее обретения. Право поселения на принадлежащей Риму территории варварская воинская организация обретала в сражении с римскими военными силами, поставленными охранять римское политическое господство. Следовательно — победа варваров, прежде всего, меняла политический статус завоеванной территории, давая ей политическую независимость и самостоятельность. Варвары не организовывали новых («варварских») государств, а своими прочными победами членили подвластную Риму территорию (с классовым характером общественных отношений и стройной системой управления) на независимые государственные единицы, самоличному образованию которых препятствовала римская политическая власть. Этносоциальные процессы в этих новообразованиях протекали интенсивно и сводились к быстрой ассимиляции неженатых воинов местным населением, к слиянию части женатых воинов с местным свободно-имущим населением, а варварских вождей — с богатыми местными землевладельцами. Необходимость охраны завоеванной территории сохраняла варварскую военную структуру во главе с верховным вождем, но местные социальные обстоятельства позволяли (а возможно — и требовали) «замкнуть» в самовоспроизводстве значительную часть воинов и отделить ее от производительной деятельности, возложив на нее исключительно военные обязанности, т. е. создать

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

зародыш будущего феодального сословия. Несмотря на стремление варваров к цивилизованной роскоши, на содержание замкнутого самовоспроизводящегося воинства требовалось значительно меньше средств, чем ранее отнимались римским фиском, правителями, военачальниками на содержание римских солдат.

По-видимому, от количественного соотношения неженатых и женатых воинов в составе завоевательских воинств в какой-то мере зависела и протяженность их странствий по территории Римской империи до момента оседания (т. е. до образования того или иного «варварского» государства) — вследствие того, что сохранявшаяся архаическая традиция не позволяла молодежи перейти к оседлой жизни раньше определенного срока, а нововведение (женатые воины) допускало сохранение воинством его численности, его численности на весь этот срок. В другом варианте, когда молодежи в составе воинства было мало, путь его оказывался коротким, женатые воины (со своим вождем) оседали, а юноши либо уходили (со своим вождем) дальше, если ощущали достаточную боеспособность, либо становились подвижным отрядом осевшего воинства старших.

Естественно, что в этом сложном процессе образования самостоятельных государств из подвластных Риму территорий достаточно активную роль играло и само население. Варварские воинства легко пополняли свои отряды местной молодежью самых разных социально-имущественных состояний еще во время движения по территориям римских владений, ибо гнет римской государственной машины ощущали все категории населения провинций, включая и получивших римское гражданство. После же оседания постоянный (все более и более обособляющийся от иных занятий) воинский слой формировался не из одних пришлых варваров, хотя нередко сохранял исходное варварское имя. Но, вероятно, варварские вожди, образуя династии правителей новых государств, сохраняли и архаическую традицию наследования титула и поста, и какое-то время варварскую «чистоту крови» (т. е. сохранялась женская ритуально-правовая значимость). Однако, несмотря на то, что в сочинениях античных авторов, начиная от Юлия Цезаря и Тацита — до живших в первые три-четыре века н. э. (Плутарх, Аппиан, Дион Кассий, Аммиан Марцеллин) довольно часто упоминаются «цари»-братья (чаще два брата, либо как соперники, либо в связи с римскими политическими хитросплетеньями в отношении варваров), отцы и сыновья (последние, как правило, в связи с сообщениями о заложниках), сведения эти настолько фрагментарны и вкраплены в упрощенный, традиционный для таких сочинений, текст, что какая-либо реконструкция системы отношений невозможна. Некоторый интерес для этого вопроса может представлять краткое сообщение о бургундах у Аммиана Марцеллина («История», кн. XXV; гл. 5, 14):

«У бургундов каждый король носит общее для всех имя «Хендинос» и, согласно старинному обычаю, принуждается к отречению от власти

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

и устраняется в том случае, если при нем племя постигнут военные неудачи или земля откажет в достаточном урожае хлеба, подобно тому, как и египтяне вменяют своим правителям в вину такие превратности. Верховный жрец бургундов называется «Синистус», он несменяем и, в отличие от королей, не несет ни за что никакой ответственности».

Немного выше он же замечает, что «...это ужасное племя, с самого начала не раз терпевшее убыль в численности вследствие превратностей судьбы, столь быстро восстанавливается и размножается, словно оно оставалось никем не тронутым в течение ряда столетий».

Сопоставление этих двух сообщений и внимательное отношение к тексту могут послужить опорой для некоторых выводов. Прежде всего, очевидно, что речь идет не о «племени» бургундов, т. е. не о целостном этносе со всей его структурой и видами деятельности, называвшемся «бургундами», а только о многочисленной и сильной воинской организации, систематически восстанавливавшейся после сражений, а, возможно, и непрерывно разрастающейся за счет стекающейся из разных оседлых этнических групп молодежи, по мере достижения ею начального воинского возраста. Далее, сообщение о «королях» бургундов, т. е. о военных вождях этой воинской организации, достаточно ясно говорит если не о регулярной (через определенный срок) их смене, то о распространенной архаической идеологической традиции связывать хозяйственное процветание и военные успехи с сакральной персоной вождя молодежи, с обычаем его смещения и даже умерщвления, если жизненные обстоятельства складываются плохо и нет перемен к лучшему. Наконец, «Хендинос», общее имя королей бургундов — единственный случай письменной фиксации «тайного имени» (обычных, т. е. известных всем личных имен варварских вождей в античных материалах довольно много), своеобразного имени-титула, который не должен быть известным представителям иной общеэтнической принадлежности. Сообщение о том, что это имя «носит каждый король», т. е. что его наследуют, по-видимому, показывает воинов-бургундов IV века н.э. как самостоятельную, не связанную ни с каким оседлым этническим образованием («племенем») подвижную воинскую организацию. Дело в том, что имя «Хендинос» — непростое, оно имеет параллель среди имен северогерманского героического эпоса — «Хедин». Но эти имена «наследовались» сложно, поскольку были первоначально коллективными именами членов возрастных групп, а позже вошли в эпос как личные имена его героев. Имена эти составляли некие «серии»: по 5 мужских и по 4 женских. Некоторые из них, по-видимому, были одинаковыми у многих реальных германских этносов, некоторые же у разных этносов отличались (такая же картина была свойственна аналогичным групповым именам у галла-оромо XVI в. в Восточной Африке), но соответственно соотносились по возрастным рангам. Если бы бургунды IV века были «племенем», т. е. реальным

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

этносом, то их «короли» наследовали бы один и тот же имя-титул либо через пять персон, либо — поздний вариант — через три. Самостоятельная же воинская структура (из неженатых и недавно женившихся воинов), хотя и восходила своими корнями к традиции этнических отрядов юношей-воинов, оторвавшись от полноценной этнической жизни, закрепляла за собой как титул ритуальное имя того вождя, при котором началось ее формирование, быстрое разрастание и отрыв от исходной территории. Все это будет более понятным «на фоне» тех имен, которые свойственны древнегерманскому эпосу. Вот, например, одна из их серий: Вельсунг, Хедин, Хумлунг, Хюмлинг, Хельги — они составляли своеобразную пятиступенчатую «фратрию»-поколение (как у галла-оромо) и повторялись у выше- и нижестоящих таких же поколений (до бесконечности). Соответствующие имена каждого колена соотносились как «отцы» —«сыновья», но после того, как полностью сформировывались возрастные группы младшего колена, первое имя старшего колена менялось — Вельсунг становился Одином. Эпическая традиция некоторым образом указывает, что пятиступенчатая социально-возрастная система еще действовала (по крайней мере, у лесных и северных германцев) в IV–V веках н.э., поскольку в другой аналогичной серии есть два исторических имени, относящихся к этому времени: Сигурд, Грипир, Фафнир, Атли (Этиль или Атилла), Ермунрекк (Херманарих или Германарих). Возможно, что эти «исторические» имена во всем подобны имени Хендинос-Хедин, т. е. это также имена-титулы вождей воинских структур (подобных бургундам и др.), известных в истории именами «племен» гуннов и готов, и понятые поздними античными и христианскими авторами как имена собственные их «королей». Возможно и другое: два последних имени — действительно имена собственные исторических воителей V века и добавлены в архаическую легенду-мнемонику к уже ставшей к пятому веку трехступенчатой (Сигурд, Грипир, Фафнир) структуре избрания военных вождей, чтобы легенда выглядела древней, пятиступенчатой.

Вся трудность выяснения этих достаточно отдаленных во времени обстоятельств вызвана, прежде всего, тем фактом, что в исследованиях нашего времени по истории «варварского периода» сообщения ранних христианских авторов принимаются как полновесные историографические материалы, без сомнений и анализа. Если же проявить надлежащее недоверие и сопоставить сочинения ранних христианских (да и средневековых) авторов с античными, то станет ясно, что это не более как продолжение одной и той же литературной традиции, т. е. обнаружится явное подражание, заимствование порядка изложения, терминологии и социальной лексики и многих «фактических данных». Новым в этих, скорее литературных, чем исторических, трудах окажется только христианское «оформление», да некоторые сообщения, которых объективно не могло быть у более ранних авторов. Особенно пагубным для восстановления истории «варварского

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

периода» было стремление христианских авторов связать в последовательную линию свои сведения с сообщениями о варварах у античных писателей. Именно это обстоятельство привело исследователей ранней истории Европы к необходимости располагать «исходные территории» варварских «племен» эпохи «Великого переселения народов» в глубине лесов Западной Европы, на берегах Северного и Балтийского морей, вблизи Урала и Кавказа; почти отождествлять готов с обитателями Гаутланда, а гуннов — с сюнну и т. д. Из этих же подражательных литературных сочинений попали в исторические триады нашего времени почти мгновенно возникшие и неизвестно куда исчезнувшие «варварские государства» остготов, вестготов, бургундов, лангобардов, вандалов, маркоманов, гуннов, англосаксов и др. — «государства», возникшие только вследствие завоевания одного «народа» другим «народом».

Пожалуй, больше чем кого-либо эта «история» касается «государства» франков. Имя франков не упоминается у античных авторов. Это не «племя» и не «союз племен», а отчетливое большое приграничное воинское образование, состоявшее на римской службе. Подобно вест- и остготам на Дунае, франки располагались у устья и по нижнему течению Рейна и делились на салических и рипуарских . Те из них, которые по возрасту переходили к «оседлому» образу жизни, селились преимущественно на левом берегу Рейна у Агриппинской колонии и по течению Мааса. Военные вожди франков-союзников получали от римского сената титулы «королей» (*рекс*). В 451 г. на так называемых Каталанских полях, в верховьях Сены, объединенные силы франков и римлян разбили гуннское воинство вождя Атиллы, пришедшее от черноморских границ Империи.

Если принять во внимание, что в IV веке Римская Империя разделилась на две части, а признанная государством христианская церковь (единство которой уже в III в. было сомнительным) также распалась, по крайней мере, на две большие ветви; если учитывать, что в III–IV веках почти во всей Империи непрерывно происходили восстания рабов и колонов совместно с разоряемым налогами свободным населением; если обратить внимание на возрастающее соперничество между двумя частями Империи (как и между двумя ее христианскими церквами), на стремление консулов и знати провинций к независимости от центральных властей — то на историю «Великих переселений» можно взглянуть и с несколько необычной стороны. Можно прийти к убеждению, что поселение варваров было организовано не самим Римом, а главным образом римско-христианской церковью для спасения гибнущей власти римской рабовладельческой знати. Так, по-видимому, не случайно придунайские готы после восстания рабов во Фракии в середине III века оказались поселенными на севере Балканского полуострова, как не случайно на усилившихся готов двинулись их восточные соседи гунны (такое же союзное Византии приграничное воинство). Также не случайно готы

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

под началом Алариха в V веке пошли на Рим, дважды осаждали его и в 410 г. захватили, а после заключения мира с императором Гонори получили для поселения Тулузу, а немного позже — и земли за Пиренеями. Несомненно, что сложные мотивы римской политики провели вандалов через Галлию и Иберию в Римскую Африку, позволили им захватить и разрушить Рим. Можно быть почти полностью уверенным, что не сами гунны и готы решили пройти по всей рейнской границе Империи и напасть на франков на Каталанских полях, как и другие гунны не сами ринулись в Армению и Сирию. И уже совершенно ясно, почему в 493 г. в Равенне (в реальном политическом центре Западной Римской Империи) появился со своим воинством остготский «король» Теодорих, появился через 17 лет после свержения начальником германцев-телохранителей Одоакром последнего западно-римского императора Ромула Августула. Если политика восточно-римских императоров (объединявших в себе и светскую, и церковную власть) имела целью всяческое ослабление политической власти западно-римских императоров и захват христианизированными (восточной церковью) варварами Галлии и Иберии, а целью западной церкви (отделенной от светской власти) было высвобождение силой христианизированных ею варваров Италии и Галлии из-под власти западно-римской государственной машины, то, в целом, политика христианской церкви сводилась к тому, чтобы сохранить в своих руках власть над всей территорией бывшей Римской «языческой» империи через «духовно» подвластных ей, неопытных в политических хитросплетениях варварских «королей»-завоевателей. А натравливание друг на друга «королей» с разным вероисповеданием, видимо, было не столько отражением церковных противоречий, сколько следствием борьбы за контроль над территориями.

Как уже было упомянуто, все это наиболее последовательно отразилось на истории франков. После победы франков и римлян над воинством Атиллы (вождем франков был тогда Мерове) под контролем франкского воинства оказались земли по обе стороны Рейна, по его среднему и нижнему течению. Мерове был вождем франков 8 лет (448–456 гг.), до него легендарная традиция упоминает еще два имени — Фарамонд и Клодион; после него — Хильдерих (до 481 г.) и Хлодвиг (до 511 г.). За это время франкское воинство вытеснило из территории верховьев Рейна и Дуная аналогичное, т. е. союзное Риму, воинство аламанов, охранявшее это пространство после того, как бургунды ушли в долину Роны, а лонгобарды — в Северную Италию. В 496 г. вождя франков, Хлодвига, крестили. От этой даты начинается составление католическими священниками и монахами датированных списков франкских «королей». Вероятно, все историки нового времени считали и продолжают считать, что инициатива крещения Хлодвига и трех тысяч его воинов принадлежала самому Хлодвигу, будто бы рассчитывавшему на поддержку церкви в его завоевательской политике. Но Хлодвиг мог бы продолжать завоевание без поддержки церковников, тем

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

более, что организовать ему сопротивление они в той обстановке не могли — за варваров были все, кого угнетал Рим. Следовательно, католическая церковь в крещении франков преследовала свои интересы. Это заметно и в том, что воинство Хлодвига сразу же было направлено против «королевства» вестготов в Тулузе и за Пиренеями, также крещеных варваров, но крещеных восточно-римской церковью. По пути в Тулузу франки поставили под свой контроль Нейстрию (земли по течению Сены и Луары) и Аквитанию (земли между Луарой и Гаронной), захватили Тулузу, оставив вестготам Гасконь и земли за Пиренеями. Так под контролем франков (а через франкских «королей» — и под контролем католической римской церкви) оказалась почти вся территория будущей Франции.

Церковные хронисты упоминают имена пятерых потомков Хлодвига: четырех сыновей и дочь Клотильду, которую выдали замуж за «короля» вестготов. Поздние историки считают, что после смерти Хлодвига ему наследовал старший сын Теодорих, но его «королевство» распалось, поделенное между остальными сыновьями. Вопрос этот сложный, он создан и стремлением средневековых историков представить майорат как «извечную норму права» (что поддерживалось и каноническим церковным правом), и взглядами историков нового времени, полагавшими, что майорат восходит к обычаю наследования сыном (кровным потомком) статуса «вождя племени» в доклассовом обществе. Но ранние церковные хронисты записывали только имена «христианских королей» и даты их смерти. В «Салических законах» — судебниках, записанных примерно в то же время — ничего не сказано о наследовании власти (как нет этого ни в «Законах двенадцати таблиц», ни в «Русских правдах», ни в других аналогичных документах). Что же касается списка франкских «королей», то из него не следует никакого распадения «королевства». Хлодвиг умер в 511 г.; его старший сын, Теодор — в 534 г.; второй брат, Клодомир — в 524 г. (т. е. еще при жизни Теодориха); третий брат, Хильдеберт, умер в 558 г.; четвертый — в 561 г. Из этой последовательности дат следует только то, что три брата (три сына Хлодвига, что менее существенно) были военными вождями франкского воинства поочередно по старшинству, и занимали этот пост пожизненно, т. е. так, как это полагалось по норме трехступенчатой архаической системы в последней ее фазе. Кроме того, три властвовавшие персоны зафиксированы «на фоне» пяти потомков (включение их сестры, Клотильды, иначе объяснить нельзя, а у Хлодвига могло быть и больше потомков).

В следующем колене зафиксировано также пять персон: сын Теодориха — Теодоберт (умер в 548 г.) и четыре сына младшего потомка Хлодвига — Хлотара; вождями были Хариберт (умер в 567 г.), Гонтран (умер в 593 г.) и Хильперих (умер в 593 г.). Четвертый сын Хлотара, Сигиберт (пятый член колена), умер в 575 г., при жизни Гонтрана и Хильпериха. У Хлотара было еще два сына, Храмн и Гондевальд (не входивших в пяти-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ступенчатое колено, дат их смерти нет). Храмн, видимо, пытался «заместить» рано умершего Хильпериха, но, вероятно, был убит полноправным наследником, сыном Хильпериха — Хлотаром II. Гоневальд же был кардиналом.

Третье колено составили два вождя: Хлотар II, сын Хильпериха, и Хильдеберт, сын Сигиберта. Старшим из двоюродных братьев был Хильдеберт, который умер в 596 г.; Хлотар II умер в 628 г. Четвертое колено — снова три вождя: сыновья Хлотара II — Дагоберт и Хариберт, и сын Хильдеберта, Теодоберт (даты их смерти — 638, 646 и 654).

Чтобы понять, что происходило после 654 года, приходится вернуться ко времени Хлодвига, к началу VI века. Завоеванная франками территория Галлии была разделе на пять частей: Австразия (с центрами в Кельне и Аахене); Нейстрия (с центрами в Суассоне и Орлеане); Алемания (с центрами в Страсбурге и Констанце); Бургундия (с центрами в Дижоне и Безансоне); и Аквитания (с центрами в Пуатье и Тулузе). Это деление соответствовало пяти потомкам Хлодвига, которые после его смерти как бы разделили завоеванную им территорию (во всяком случае, так считается официальной историей Франции). Пятой частью, Аквитанией, управлял муж Клотильды — дочери Хлодвига, граф Тулузский («король» вестготов), а остальными, еще при жизни Хлодвига-«короля» — его сыновья-герцоги. Из семантики слов: рекс или руа, герцог, граф, следует только один вывод, что они использовались франками V века и после как титулы верховного военного вождя, вождей под его началом, и «союзных» (по браку) вождей. Кроме того, на персону верховного вождя, видимо, налагались некие сакральные «обязанности». Судя по всему, в отличие от традиции Киевских великих князей, где священный центр — Киевский престол был неподвижным, а сыновья (братья-наследники) последовательно перемещались по стольным городам «второго ранга», по очереди наследуя Киевский великокняжеский титул, франкские короли (как братья-наследники) по очереди наследовали «корону», т. е. титул короля, оставаясь со своими воинами в своей «провинции» (герцогстве). Получается, что никакой раздробленности территории, подконтрольной франкскому воинству, во времена так называемой «династии Меровингов» не было — но не было привычной историкам неподвижной столицы. Очень возможно, что не все из пяти «потомков» Хлодвига были его кровными детьми, но они были «братьями» по архаической пятиступенчатой системе и вождями военных отрядов. По этой системе кровными детьми Хлодвига могли быть Хильдеберт и Клотильда, но, вследствие ранней смерти Клодомира, «сыновей»-наследников (или «братьев»-наследников) было трое.

Это резкое сокращение пяти ступеней в правовой схеме в три ступени могло быть следствием действия, по меньшей мере, двух факторов: стремлением римской католической церкви ввести позднеримскую (и церковно-каноническую) норму наследования старшим кровным сыном, и стрем-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

лением самих франкских вождей передать личное имущество (а возможно, и титул «короля») кровным потомкам. Но древнюю этническую традицию сразу разрушить трудно, она является единственно понятной массе, т. е. воинам и осевшим варварам, как средство, обеспечивающее сакральность верховного вождя (а оседая, подвижное воинство на новой территории восстанавливает свои этнические традиции сакрализации вождя). Может получиться только компромисс — вожди будут избираться из кровных сыновей предшественника, но функция верховного (сакрального) вождя будет «наследоваться» братьями по старшинству (с учетом не более пяти персон), а при резком изменении — только тремя: первенцем, вторым и последним (включая мужа дочери, если она последняя). Это неизбежно ведет к созданию трехствольного кровнородственного династийного организма, включающего и возрастной архаический принцип.

В условиях франкского «королевства», с его пятью территориями, возникновение трехступенчатой династии оставляло две территории без кровнородственного герцога-правителя. Так у франков появилась особая должность «мажордомов» для управления «лишними» территориями от имени «короля» — т. е. должность подчиненного военачальника. Иными словами, зародилась параллельная династия военных вождей «второго ранга». Но, в условиях варварских военных традиций, «ранг» определялся не столько происхождением и родством, сколько военными способностями и удачами вождей. Возможно, что в то же время или несколько позже эта структура подчинения военных вождей стала развиваться в многоступенчатую систему линейных отношений в связи с одновременным дроблением подконтрольных территорий, от которых вожди разных «рангов» получали средства на содержание своих отрядов. В таких обстоятельствах династия мажордомов оказывалась чрезвычайно могущественной, имея под своим контролем практически всю территорию франков, оставляя «королям» право наследовать титул священной персоны. Несомненно, что католическую церковь это размежевание власти вполне устраивало, поскольку ослаблялась идеологическая позиция «королей», опиравшаяся не на догмы христианской религии, а на архаическую традицию варваров. Но и мажордомов склонить к принятию майората, как угодной церкви нормы наследования власти, по-видимому, не удалось. Правда, судить об этом трудно, так как династийные имена до Карла Мартелла были восстановлены позже, «по памяти», а ему наследовали традиционные три сына — Карл, Пепин Короткий и Гриффон. Считается, что оба брата Пепина Короткого умерли при его жизни, а сам Карл Мартелл был сильным воителем, победителем во многих сражениях (в том числе с мусульманами). Между родоначальником династии мажордомов, Пепином Старым (умер в 639 г.) и Пепином Коротким (752–768 гг.) располагаются три триады (колен трех братьев) франкских «королей», постепенно терявших сакральный престиж.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Военные подвиги Карла Мартелла, видимо, окончательно подорвали этот престиж и перенесли его на династию мажордомов, так что в 757 г., после смерти последнего меровинга, Теодориха IV, за удачные войны и изгнание мавров из Южной Галлии Пепин Короткий был избран «королем» франков, т. е. сакральным верховным вождем отслужившегося военного сословия Галлии. В 768 г. Пепин Короткий умер, оставив двух сыновей: Шарлеманя (Карло Магнус) и другого, тоже Карла. Они будто бы поделили наследство, и Карл получил Бургундию, а Шарлемань — остальное.

Однако существует отвергаемая официальной историей легенда, что между ними был еще один «брат» — сын Гриффона, брата Пепина, который восстал против него и был им убит. Имя сына Гриффона неизвестно, но у него был сын по имени Ролон, который был старше старшего сына Шарлеманя, Карла (умер в 811 г.). Этот Ролон будто бы командовал арьергардом в одном из походов Шарлеманя против испанских мавров, был предательски оставлен Шарлеманем без помощи и убит маврами, напавшими на арьергард. В идеализированной форме эта легенда послужила основой составленной позже «Песни о Роланде». Совершенно несущественно, связана ли эта легенда с какими-либо реальными событиями или нет, ценно совсем другое: она свидетельствует о живучести архаической социально-возрастной правовой традиции в этническом сознании христианизированного населения. Совершенно неслучайно, что она связана с именем Шарлеманя, который был великим воителем, т. е. в народном представлении военным вождем с огромной «сакральностью». Именно с этой стороной этнических представлений, прежде всего, и боролась христианская церковь, стремясь заместить в сознании масс «личную способность» священной персоны благотворным воздействием «внешней» высшей силы, божьей волей. Как этно-социальная правовая мнемоника, эта легенда интересна и тем, что отражает специфический западноевропейский вариант развития принципа кровного родства на фоне уходящего социально-возрастного. Специфика заключалась в том, что переходная форма — трехступенчатый правовой организм — прошла две стадии: стадию равноправного последовательного «наследования» статуса тремя родными и двоюродными братьями; и стадию, когда один и этих братьев всячески стремился «построить» младшую триаду наследников из своих кровных сыновей, устраняя племянников (сыновей своих родных и двоюродных «правовых братьев»). Так, по легенде, Шарлемань устранил своего племянника, Ролона, в пользу своего сына, второго по старшинству.

Исторически Шарлемань имел четырех сыновей — Карла, Пепина, Людовика и Пепина-младшего. Карл и Пепин-старший умерли при жизни Шарлеманя, т. е. до 814 г. (в 811 и 810 гг., соответственно). Наследовал ему третий по старшинству Людовик, проживший до 840 г.; а Пепин-младший умер в 832 г., при жизни Людовика. Это создавало впечатление прямого наследования королевского титула кровным сыном, но, видимо, еще не

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

могло утвердить норму права. У Людовика также зафиксировано четыре сына — Хлотар, Пепин, Людовик-II и Карл. Пепин умер в 838 г.; а трое остальных, видимо, имели намерение сохранить старинную традицию и править поочередно. Однако, «князья церкви» перессорили их и заставили разделить подвластную территорию на три части, что и было зафиксировано Верденским договором в 843 г. От этой даты официальные историки (и многие историки вообще) начинают отсчитывать историю Франции, Италии и Германии. Это было, во всяком случае, крупной победой римско-католической церкви, утвердившей таким образом правовую норму майората (линейного кровного генеалогического рода) в наследовании власти и имущества. С этого же времени в записях средневековых хронистов можно найти не только даты смерти «королей», но и даты их рождения. Именно тот факт, что предшествующие записи (за редким исключением) фиксировали последовательно даты смерти, составляет материальное обоснование реконструкции последней фазы «права трех братьев» в наследовании верховной военной власти в раннесредневековом европейском обществе.

Что же касается событийно-исторической стороны этого сложного и достаточно длительного процесса, то она целиком лежит на совести позднесредневековых историографов. Как примеры, наиболее ярко ее характеризующие, можно привести широко известное описание борьбы за английскую корону Ричарда-III, герцога Глитера, или безвинной гибели киевских князей Бориса и Глеба, канонизированных святых русской православной церкви. Но это — уже область, не относящаяся непосредственно к вопросам этно-социальной истории. Таким образом, получается, что варварское архаическое «право братьев», как норма наследования сана верховного военного вождя («короля»), в раннесредневековом обществе западных владений бывшей Римской Империи просуществовало почти четыре столетия после ее гибели. Это вряд ли могло произойти, если бы в романизированном обществе Галлии распространение христианской религии совершенно изгнало из народной памяти архаические, идеологические и правовые представления — если не о жизни обычных людей, то о том, что касалось великих воителей прошлого. Несомненно, что многое сохранялось в устных эпических сказаниях, в легендах и фольклоре. Оно способствовало приятию подданными Римской Империи тех реорганизаций жизни и социально-правовых отношений, которые складывались как следствие завоевания варварскими воинствами римских территорий. Риму не удалось ввести рабовладельческий способ производства в южной половине Западной Европы (исключением из этого были поместья римлян на землях Прованса, Нарбоннской Галлии и Тулузы). Главными препятствиями тому были экологические особенности, невысокий уровень социального развития местного населения и постепенно снижающийся экономический престиж самого римского рабовладения. Большое влияние на развитие феодального способа производства

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

и феодальной структуры общественных отношений оказала и христианская церковь. Хозяйства ее храмов, аббатств и монастырей с самого начала являли собой образцы феодальных хозяйств и форм отношений. Рабское подчинение она переводила в «высшую сферу» — «все суть рабы божьи», а реальная иерархия соподчинений давала принцип «ступенчатой лестницы» управления как общецерковным «хозяйством», так и хозяйством конкретных единиц разных рангов. Практически эта структура во многом совпадала с тем, что получалось по мере оседания на завоеванной территории больших варварских воинств, имевших уже достаточно развитую схему соподчинения военной власти и структуры воинов. Основное различие лежало в идеологической сфере, поскольку варвары-воины признавали высшую власть за человеком — военным вождем, сакрализованным архаической традицией, а церковь добивалась признания приоритета духовной власти Папы Римского, дарованной ему еще более высокой инстанцией — богом, считая короля также ставленником бога, но для управления делами мирскими. В этой борьбе идеологий, имевшей вполне материальное основание, и закончилось древнее «право братьев» в наследовании политической власти в средневековом обществе Европы.

Чтобы подвести некоторый итог, следует вернуться к началу изложения. Там есть утверждение, что исключительная военная слава Юлия Цезаря объединила локальные этносы галлов, а также и часть германских, в один общий этнос. Это утверждение, естественно, может вызвать недоверие. Но речь идет не об этническом всеобщем слиянии (этнонимическом, типо-хозяйственном, формо-идеологическом), а только о признании Цезаря — Величайшим, одаренным исключительной сакральной властью, военным вождем юношей-воинов на обширной многоэтничной территории, где возрастной статус юноши-воина был существенным элементом социальной действительности каждого конкретного (локального) этноса, где Величайший военный вождь был нужен всем, и не только для надлежащего воспитания юношества, но и для традиционной уверенности в хозяйственной благости его сакральности для старших, невоюющих категорий. С другой стороны, известные римские военачальники таких же рангов, как Цезарь (и он в их числе), впервые подчинили рабовладельческому Риму (т. е. Римской Империи торгово-ремесленных городов) и поставили под надежный военный контроль обширнейшую периферийную территорию с различным уровнем экономического и социального развития. Это все превосходно описано в исторических трудах, но можно посмотреть и с «другой стороны», со стороны доклассовых варваров некоторых из завоеванных территорий. Например, первый триумвират: Юлий Цезарь, Марк Красс и Кней Помпей, Марк Красс — победитель Великого Спартака, последнего вождя рассеянных по всей Италии рабов варварского происхождения и подавленных Римом италийских этносов (их последней надежды на возвращение этнической самостоятельности).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

С позиции архаических представлений Марк Красс — это не только римский военачальник, но и вождь всех италиков. Кней Помпей таковым же рассматривался варварскими этносами Иберии и Римской Африки. Юлий Цезарь, величайший воитель — несомненный Великий вождь этносов Галлии и Провинции. С варварской точки зрения, это тоже «триумвират»: Юлий Цезарь — это «Цезарь», Кней Помпей — это муж дочери «Цезаря», а между ними — Марк Красс — заместитель умершего «брата» «Цезаря», Кая Октавия-старшего, мужа Юлии, племянницы «Цезаря». Когда Марк Красс гибнет в неудачном сражении в Сирии, а Помпей получает все его «владения», с позиции архаических представлений, сражение двух Великих вождей становится неизбежным, и варвары-воины («союзники» и легионеры) принимают самое активное участие в римской Гражданской войне. После смерти Цезаря возникает второй триумвират. В архаических представлениях — это младшая триада вождей-наследников: «сын» «Цезаря» — Марк Антоний, женатый на дочери Октавия-старшего; Кай Октавий-младший (будущий Август) и Эмилий Лепид, консул в Галлии от сената (в позиции «сына» Помпея, разбитого и уничтоженного). Хотя триумвиры становятся врагами в сложной римской политической обстановке, варвары-воины участвуют и во второй Гражданской войне Рима, и их, вероятно, не удивляет, что побеждает Август — его сакральность большая.

За «Цезарем» Октавианом Августом последовал достаточно длинный ряд «цезарей», но этническая самостоятельность галлов и прирейнских германцев все более и более подавлялась вследствие распространения по их территории римских гарнизонов, колоний ветеранов, римских чиновников, римских законов и порядков, вилл и поместий римлян и римских граждан местного происхождения, а позже — и владений римской католической церкви. Потери в этнической самостоятельности, в некоторой мере, возмещались ускорением развития сельскохозяйственного и ремесленного производства, появлением хороших дорог и многих небольших торгово-ремесленных городов, храмовой, городской и фортификационной каменной архитектуры. Но, одновременно с этим, увеличивались налоги римского фиска, росла кабальная зависимость от ростовщиков и обезземеливание местных земледельцев, постепенно оказывавшихся в положении колонов и рабов.

В V веке появились новые «цезари» — варварские «короли», они и их варварские воинства принесли этносу Галлии независимость от власти и законов Рима, но сам этнос был не тот, каким он был во времена Юлия Цезаря, он был уже глубоко расслоен в имущественном отношении. В VIII веке появился еще один великий воитель — Шарлемань, и снова, как при Юлии Цезаре, локальные этносы оказались под единой властью. Но и локализация этнической жизни стала не та. Центрами локальных этнических «близостей» теперь были города с их рынками, ремеслом

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

и храмами. Затем появились синьории герцогов и графов, земельные угодья епископов и аббатов, храмов и монастырей — замкнутые обширные и менее общирные хозяйства, реальные самодержавные государства с феодальными отношениями в производстве, формально признававшие «верховную власть» первого сеньора — короля. Но замкнутые сеньории все же не могли обойтись без ремесленной продукции городов, а города не могли жить и развиваться без торговли. В этой сложной и противоречивой ситуации, полной войн и экономической конкуренции, постепенно складывался единый средневековый феодальный этнос французов, намного опережая государственное единство Франции.

Это довольно широкое рассмотрение этнических взаимоотношений в архаической и раннесредневековой Западной Европе не было самоцелью. Как и другие подобные обзоры, сделанные мною на неафриканских материалах разных времен, оно являет собой «вспомогательное средство» для более полного понимания этно-социальной истории восточного берега Экваториальной Африки, с одной стороны, а с другой — дает два-три конкретных варианта развития стадиального социального явления — «права трех братьев», в процессе перехода общества от доклассового общеэтнического права к раннеклассовому праву кровных линейно-генеалогических родов. Формальное совпадение схем соотношений родственников военных вождей-«правителей» суахилийской трехступенчатой династии ан-Набхани (XIII–XVIII вв.) и генс триплекс «цезарей» галлов (середина I в. до н. э. — середина I в. н.э., в числе которых было 5 императоров, признанных римским сенатом), наряду с ориентацией схемы в первом случае на мужчин — кровных родственников, а во втором — на женщин — кровных родственниц, открыло достаточную возможность полностью реконструировать идеальную схему «права трех братьев и их жен-сестер». Иными словами, многое стало на свои места. Прежде всего, не осталось никаких сомнений относительно того, что трехступенчатая кровнородственная индивидуализированная система правовых отношений «отслоилась» от архаической пятиступенчатой системы возрастных групп доклассового общества. Она отслоилась как структура особого права «первенцев». При этом, как и в возрастной системе, безразличной к индивидуальному физиологическому происхождению, основным отношением оставалось соотношение: «младший брат»-«старший брат», «младшая сестра»-«старшая сестра», а не «дети»-«родители», хотя это соотношение уже также учитывалось и становилось все более значимым. Поскольку трехступенчатая система индивидуальна и кровнородственна, то ее «идеальную» схему можно, для более легкого восприятия, записать и в русской терминологии, начиная от «эго-группы», т. е. от сестры брата — первенцев их матери и отца, бракозапретной пары, «наполняющей» нижний возрастной статус системы. II, смежный старший статус — старшая «сестра» и старший «брат» — дети одностатусной (родной) сестры отца; III статус —

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

мать «эго-группы» и ее брат; IV статус — сестра отца и отец; V статус — мать матери и отец старших «сестры» и «брата»; VI статус (на котором заканчиваются два колена трехступенчатой семы, бывший I статус старшего колена пятиступенчатой, архаической) — мать отца и брат матери отца; VII статус — мать матери матери и отец отца; VIII статус — мать матери отца и ее брат; IX статус (завершающий третье колено) — мать матери матери матери «группы-эго» и ее брат.

Эти же статусы, например, в суахилийской терминологии: I статус — Ж и М *ндугу* (бракозапретные); II статус — *ндугу кубва* (Ж и М I статуса «эго-группа», по отношению ко II статусу — *ндугу ндого*, между Ж I и М II статуса обязателен брак); III статус — *мама (нья) и мджомба*; IV статус — *баба* (*се* или *ше*) и *сенгази*; V статус — *мама мкубва* и *баба мкубва*; VI статус — Ж и М *ваджукуу*; VII статус — Ж и М *витикуу*; VIII статус — Ж и М *вирембве*; IX статус — Ж и М *виньинги-ньинги*. Любые два смежных статуса взаимно, соответственно, младшие (*ндого*) и старшие (*кубва* или *куу*) *ндугу*, и Ж младшего статуса — в обязательном браке с М старшего (т. е. жена М — дочь *мджомба*, брата матери, а муж Ж — сын *сенгази*, сестры отца). Шесть первых статусов — два трехступенчатых колена, содержат социально-активных родственников; три статуса третьего колена — внесоциальные предки. Первоначальное число лет пребывания в каждом социальном статусе — такое же, как и в общеэтнической архаической возрастной пятиступенчатой системе, т. е. 8 лет, что в дальнейшем меняется (чаще увеличивается) у различных коллективов под влиянием каких-то обстоятельств. Принципиально до самого своего разрушения трехступенчатая кровнородственная социально-правовая система остается «братско-сестринской»: каждые три женские персоны колена смежно соотносятся как младшая и старшая «сестры» (как и три мужские персоны — смежные младшие и старшие «братья»). То, что первая и третья женщины колена соотносятся как дочь и мать, связано с социальным возрастом женщины, обязывающем на вступление в брак по окончании II статуса, т. е. в 16 лет. Мужчины получали полноправие (и право на брак) по окончании III статуса, т. е. в 24 года (время II статуса уходило на активную подготовку к жизни полновзрослого мужчины — охота, выпас скота, земледельческие работы, война), поэтому соотношение «сын-отец» (речь все время идет о первенцах того и другого пола) объективно приходились через две персоны (через 2 статуса).

Несмотря на кажущуюся неустойчивость трехступенчатой системы, вследствие ее персональной организации (одна сестра и один брат в «одновозрастной» группе), она, особенно на ранней стадии, обладала достаточной жизнеспособностью. Недостаток (не-рождение первенца) брата или сестры мог быть восполнен извне, так как полная социальная активность персон начиналась со вступления во второе колено системы и закреплялась брачным ритуалом. Таким образом, брак «сестры» или «брата» с лицом, не относящимся к членам данной трехступенчатой кровной организации, вводил в ее

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

состав «внешнего» человека. Теоретически можно предположить реальное действие систем либо как «чисто женской», когда кровными родственницам были только «сестры-первенцы», а все их мужья были внешними (каковыми становились и их сыновы первенцы); либо «чисто мужской», когда кровными родственниками были только «братья», а их жены — внешними (дочери-первенцы также в систему не входили). Однако, если предположить реальное существование подобных вариантов трехступенчатых систем, то первенство, видимо, придется на «женский» вариант, хотя подавляющее большинство сведений дают мнемоники и их фрагменты, заполненные мужскими именами, как и исторические генеалогии. Древность «женского» варианта можно предположить на том основании, что от священной женщины требовалась только способность рожать (где первая из ее дочерей, после первой дочери старшей сестры матери, и «наследует» ее священный сан), в то же время от священной персоны мужского пола, ее мужа, требовались качества, которые встречались не так часто, как способность рожать. Первоначально мужа священной женщины могли избирать из мужчин старшего смежного статуса, из числа наиболее отличившихся во время статуса практического освоения мужских занятий (следов необходимых «подвигов», чтобы стать «царем» и мужем «царицы» — достаточно много). Позже могли обратить внимание на то, что необходимые обществу качества довольно часто наследуются сыновьями, и выбор мог происходить из сыновей предшествующих «царей». Далее формализация обычая, вероятно, утвердила норму мужчин-первенцев, т. е. система замкнулась в кровном родстве и женщин, и мужчин. Ее дальнейшее изменение проходило в стадиальное время перехода общества к классово-имущественной структуре, когда стала особенно высока роль мужчин-воинов в общественных отношениях. С такого времени социально-идеологическая значимость священных женщин начинала постепенно падать, за ними закреплялось только право браком сакрализовать (вводить в сан священной персоны) военного вождя молодежи (первоначально, естественно, на срок одного возрастного статуса, т. е. до совершеннолетия и брака младшей священной «сестры»).

Стадиальное время «переходного периода» было временем начала допущения активного вмешательства людей в «неизменную» архаическую традицию социальной жизни. Участившиеся военные столкновения юношей вели то к победам, то к поражениям. Их вожди (из их же среды) после нескольких поражений подвергались ритуалу умерщвления (об этом обычае, как реальности или памяти о прошлом, имеется достаточно свидетельств и в этнографических записях, и в фольклорно-эпическом материале), а на их место избирались другие. Победоносные вожди могли быть оставлены на этом посту еще и на следующий статусный срок. Однако следующий возрастной статус был статусом женатого мужчины. Так, видимо, и возникал священный военный вождь молодежи вследствие брака священной женщины и победоносного вождя. Если при этом годы оказы-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

вались хорошими в хозяйственном отношении, сакральность священного вождя еще больше возрастала, поскольку благоприятные результаты в хозяйстве приписывались также ему. Есть свидетельства и того, что в случае длительных неурожаев или падежа скота священного вождя убивали. В таком случае его место занимал, вероятно, новый муж «вдовы», что можно предположить на основании многочисленных свидетельств о женитьбе вождя-победителя на жене убитого побежденного вождя или на его дочери (т. е. на дочери его «вдовы», священной женщины). Персона сакрализованного военного вождя находилась на особом положении: с одной стороны, несмотря на брак, он принадлежал к статусу неженатых юношей-воинов и был вынужден ходить с ними в походы, а, с другой стороны, как состоящий в браке, он относился к возрастному статусу мужчин, занимающихся хозяйственными делами. Случаи продолжительного пребывания особо выдающегося воителя на посту сакрализованного вождя (что ритуально закреплялось повторными браками с «сестрой» его священной жены, далее — с ее дочерью, т. е. со своей дочерью, о чем есть свидетельства) постепенно создавали изменения традиции временного (статусного) пребывания священного военного вождя на посту в сторону пожизненного права. Закрепление такого обычая объективно лишало (в случае его долголетия) его «братьев»-наследников их очереди занимать этот пост. Кроме того, оно открывало возможность принимать участие в военных походах и набегах и женатым мужчинам равного с вождем возрастного статуса (или на статус моложе). Интересы женатых воинов не были связаны, как у юношей, с необходимостью пройти экзамен полноправия, их привлекала возможность получить добычу.

Это обстоятельство, наряду с тем, что к вождю с большой сакральностью, к победоносному воителю собирались воины из многих локальных этносов, превращало военный поход из элемента обряда инициации в грабительский набег, а в определенных случаях приводило к территориальному смещению большого числа молодых людей, которые оседали для жизни полновзрослого мужчины не в тех локальных этносах, откуда происходили. Одновременно с развитием права сакрального военного вождя в сторону пожизненного права (что само по себе не уничтожало нормы трех братьев) все более и более падала социально-идеологическая роль его священной жены, она слабела вследствие «дробления идеи», разделения «количества права» одной — между двумя или тремя женщинами, тогда как сам вождь удваивал или утраивал свой социальный авторитет в результате главенства в походах не только над юношами, но и над женатыми полноправными воинами. Иначе говоря, военный вождь юношей в какой-то мере становился и «вождем» локальных этносов той территории, по которой желали странствовать его воины.

Существенно отметить и принципиальную разницу между локальными этносами, т. е. стабильными или подвижными группам поселений полновоз-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

растных лиц, занятых традиционным для данной местности хозяйством, и подвижным «племенем» молодых воинов смешанного этнического происхождения, периодически (через каждые 8 лет) сокращающимся (за счет прошедших инициацию) и столь же периодически пополняющимся новыми юношами. Локализация воинов была неопределенной и более широкой, по сути дела, она не имела границ, тогда как хозяйства полновзрослых (даже подвижные) не выходили за пределы традиционных пространств локальных этносов, разграниченных естественными преградами, типом хозяйства или языковыми расхождениями. Сакральная «власть» военного вождя не проявлялась в его личных волеизъявлениях: она была фактором, обеспечивающим победы и благоденствие, и этим отличалась от авторитета старших по отношению к младшим в жизни локальных этносов — волеизъявления старших, хотя они и опирались на знание традиций, все же были приказаниями, требующими соответствующего исполнения.

Особое положение в жизни локальных этносов занимали лица, получившие в специальной литературе названия «предсказателей», «прорицателей», «жрецов» или «колдунов». Это были женщины или мужчины старших возрастов, очевидно, прекрасно знавшие все местные традиции и хорошо помнившие, какие результаты давали в прошлом те или иные решения затруднительных случаев. К ним обращались за «предсказаниями» в серьезных делах не только полновзрослые, но и воины, и их вожди. Так же как и победоносные вожди, некоторые из «прорицателей», наиболее удачливые, пользовались очень широкой известностью. По-видимому, это были единственные индивиды в доклассовом архаическом обществе и в обществе переходного периода, которые обладали внешне скрытой, но внутренне большой властью. Особенно большое значение их скрытое волеизъявление приобрело в переходный период, когда появились первые «политические» интриги в среде женатых воинов, вследствие их стремления к набегам с целью грабежей. «Полем» для интриг послужило утверждение пожизненного права сакрального военного вождя и периодические случаи лишения его младших братьев возможности занять этот пост. Младших братьев нередко подстрекали к убийству «царствующего» брата, опираясь на «предсказания» и «знамения», или таким образом оправдывали уже свершившееся. Некоторые сведения позволяют предположить, что «прорицательницами» в подобных обстоятельствах оказывались либо старшие жены «повелителя», либо сестры наследников. По-видимому, это была последняя социально значимая роль священных женщин, постепенно (по мере развития классово-имущественного деления общества) оттесняемых от социально-идеологического руководства общественной жизнью.

На всем этом фоне отчетливее становится социально-историческое положение суахилийских городов восточного берега Африки. Их позиция напоминает ту, в которой находились торговые города берегов Средиземного моря в «периоды царей», т. е. во второй фазе развития торгового

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

пункта, когда военный вождь молодежи ближней периферии уже водворился в торговом городе и, вместе с «отцами города», поддерживает в нем социальный порядок — «правит» (третьей фазой развития можно считать положение «после царей»). Однако фаза развития трехступенчатого права наследования поста *мфальме*, скорее, соответствует таковому в обстоятельствах раннего периода в Каролингском государстве франков, когда женская правовая линия в трехступенчатой системе наследования власти была почти полностью вытеснена мужской линией и «вспоминается» только периодически. Конец аналогичной фазы «права братьев» характерен для архаической Греции. Он обнаруживается в древнегреческом эпосе (Илиада, Одиссея) и в древнеиндийском эпосе (Рамаяна, Махабхарата), с его характерной «деталью» — утратой линии третьего брата и кровавой борьбой оставшихся двух братьев «за власть». Эта «деталь» слабо представлена в эпическом материале Северной Европы. В римской традиции она соотнесена с легендой о происхождении Рима, но выражена очень слабо (Ромул и Рем). В античных сочинениях, касающихся жизни известных варваров, она совершенно затенена той особенностью изложения, по которой жизнь и обычаи варваров описываются в категориях, характерных для жизни античного городского этноса.

Существует и достаточное количество архаических и этнографических сведений, в которых нет никакого следа не только «борьбы двух братьев», но и «права братьев» вообще. Причин тому несколько, но наиболее заметные из них следующие: а) невнимание полевого этнографа к социально-организующим явлениям, скрытым за «понятностью» повседневных бытовых отношений в наблюдаемой жизни, и вследствие его убежденности в «естественности» правовых отношений «отец — сын» (это же «невнимание» было характерным для античного наблюдателя жизни варваров); б) быстрый распад возрастных соотношений под сильным и резким воздействием начала колониализма, и естественное формирование в почти совершенно истребленных и разрушенных этносах элементарной социально-биологической ячейки — семьи, во многом аналогичной той, которая характерна и для позднеклассового общества; в) «гипнотизирующее» воздействие некоторых теоретических положений в этнографической науке.

Есть еще одна «деталь» в архаических материалах — легенды о происхождении «первопоселенцев» (в классовых и переходных обществах — высший слой) из иных культурных ареалов. Эта «деталь» добавляется в традиционные социально-правовые мнемонические легенды относительно поздно, но ее «перво-терминология» перевертывает смысл мнемоник «изнутри», меняя местами тексты легенд. Дальнейшая «литературная» обработка развертывает и само изложение. Приятие исследователями такого текста в качестве историографического первоисточника породило в свое время взгляд на происхождение государств вследствие завоевания одного народа (племени) другим, более сильным.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Глава 6
НОРМА НАСЛЕДОВАНИЯ ВЛАСТИ ТРЕМЯ БРАТЬЯМИ-НДУГУ

Ключевые фразы в начале хроники Пате, которые содержат «принцип права» (правовую мнемонику), на европейские языки переводятся следующим образом: «Первым, пришедшим в Савахиль, был Селеман сын Селемана, сына Муз Захарова, и два брата его: Али сын Селемана и Асман сын Селемана <...> правителем стал упомянутый Селеман сын Селемана <...> он женился на дочери царя Пате…». Перевод понятный, но совершенно неправильный. Все дело в том, что слово «брат» не может передать содержание слова *ндугу* суахилийского подлинника. Более того, в мнемонике речь идет о группе персон, объединенных термином *ндугу*, из которых старший (об этом говорит порядок их перечисления), после женитьбы на «определенной женщине», получил титул правителя, и персон этих — три.

Согласно суахилийской традиции, термином *ндугу* (в изложении по-европейски) обозначают детей обоего пола мужчины и его братьев (*ндугу*), его жены и ее сестер (*ндугу*). Казалось бы все просто, *ндугу* — это «кузены». Но это далеко не так, ведь их родители — две группы *ндугу*. Ясно пока одно: термин *ндугу* –групповой, и как термин родства он относится к классификационной (или классификаторской) системе. Это отношение подтверждается и характером остальной терминологии: мать и сестры (*ндугу*) матери обозначаются одним термином — *мама*, отец и братья (*ндугу*) отца — также одним — *баба*. Оба эти термина передают непривычное для европейца групповое понятие — «наши матери», «наши отцы». Теток по матери нет, как нет и дядей по отцу. Есть братья-*ндугу* матерей — *ваджомба* и сестры-*ндугу* отцов — *сенгази*. Матери и отцы своих общих детей называют *ваана* или *ватото*, *виждана* (соответственно: *мвана, мтото, киджана*) без различия пола.

Столкнувшись с необходимостью анализа подлинника хроники, я, естественно, обратился к тем знаниям, которые получил еще в студенческие годы и в последующее время, и сделал для себя ряд неприятных «открытий».

Я многое запомнил, но, видимо, никогда не вдумывался в то, что запоминал. Скорее всего, сказалась воспитанная в школе привычка считать учебный материал чем-то вроде «абсолютной истины» (ну, кто будет сомневаться, что сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы?). Еще более удивило и огорчило меня то, что сотня лет, прошедшая со времени

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Моргана, была использована этнографами почти исключительно на сборы новых материалов по терминологии родства, и на его классификацию по «типам». Теоретическая сторона дела продолжала оставаться на уровне построений Моргана, которые, видимо, считались окончательными. Было удивительным, что никто не обращал внимания на несоответствие традиционной схемы записей родственной терминологии, ее индивидуального и кровнородственного принципа — и группового характера (объективно игнорирующего физиологическое происхождение) терминов родства классификационных систем. У меня складывалось впечатление, что исследовались не подлинные термины и системы их соотношений, а их переводы на европейские языки, т. е. им придавалось совсем иное содержание, привычное, гипнотизирующее кажущейся понятностью. Начать пришлось с подстановки суахилийской терминологии в традиционную в этнографии схему: отец; мать; брат отца; сестра отца; сестра матери; брат матери; «эго»; брат эго; сестра эго; дети сестер отца; дети брата матери; деды; прадеды и т. д. (рис. 13).

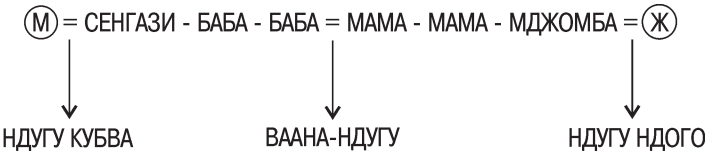

Рис. 13

Сразу же стало очевидно, что схему можно сократить (рис. 14):

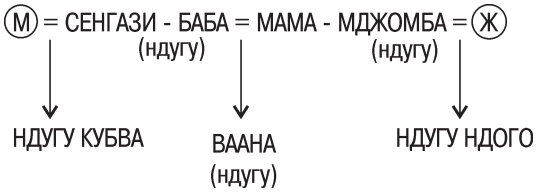

Рис. 14

На этом варианте схемы все термины имеют групповое значение (слова во множественном числе). И, прежде всего, привлекают внимание брачные «комбинации» центральной группы старшего поколения — БАБА (мн.ч.) = МАМА (мн.ч.), точнее, две группы — мужская и женская. Группа сестер-*ндугу* и группа их мужей, братьев-*ндугу*, показались мне весьма похожими на систему пуналуа, о которой было известно только то, что «группа сестер выходит замуж за каких-то мужчин; или группа братьев женится на каких-то женщинах». Эта система была забыта в этнографии в связи с несостоятельностью представлений о так называемых «групповых» (в сексуальном

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

смысле) браках, как о ранних формах брачных норм. Но в данном случае система получалась более строгой и стройной, содержащей некий ключевой момент. Действительно, группа женщин, объединенная одним термином родства, *ндугу*, оказывалась связанной браками не с какими-то мужчинами, а с группой мужчин, тоже *ндугу*. Из этого следовало, что и их общие дети (*ваана*), как группы *ндугу* мужского и женского пола, должны иметь в качестве партнеров по браку группу женщин-*ндугу* и группу мужчин-*ндугу* в младшем поколении. Можно было предположить, что таковыми могли быть группа мужчин-*ндугу* общих детей сенгази (мн.ч.), т. е., из *ндугу кубва*, а также — группа женщин-*ндугу* из общих детей *ваджомбе*, т. е. из *ндугу* ндого. Такое предположение легко подтверждается суахилийской традицией так называемого «предпочитаемого брака»: для мужчины — дочь *мджомба* («брата матери»), для женщины — сын *сенгази* («сестры отца»). В какие-то отдаленные времена это могло быть не «предпочтительным», а и обязательным.

Предположение об обязательной направленности брака по отношению к другим группам *ндугу* в своем поколении заставило обратиться к работам Л. Я. Штернберга о гиляках и других народах Сибири. Однако стало очевидным, что его попытка объединить три «рода» в кольцевую брачную систему оказалась несостоятельной. Поскольку «крайние» из терминов родства считались бракозапретными, ему пришлось примыслить четвертый, будто бы вымерший «род». На приведенной суахилийской схеме для младшего поколения такой «запрет» можно было объяснить из лексической семантики терминов: *ндугу ндого* — младшие *ндугу* (по отношению к ЭГО-группе *ндугу*), а *ндугу кубва* — старшие *ндугу* (разделяются по полу: *дада* — женщины, *кака* — мужчины). Если построить из этих групп *ндугу* «лестницу», учитывая и относительное старшинство и правило «предпочтительного» брака, схема младшего поколения примет такой вид (см. рис. 15).

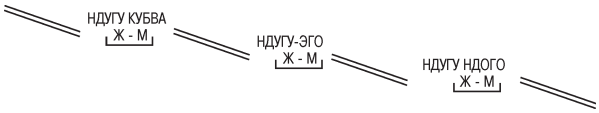

Рис. 15

Построив такую схему, я понял, что замкнуть три группы *ндугу* в «кольцо» жестких брачных обязательств невозможно из-за разности статуса старшинства на концах схемы. Но возникла другая мысль: в таком же состоянии «статуса старшинства» должна находиться и схема старшего поколения, и на тех же основаниях (т. е. и там жены были дочерьми *ваджомба*, а мужья, соответственно, — сыновьями *сенгази*). Так появилась возможность составить схему двух поколений, учитывающую статус старшинства и «предпочтительного брака» (т. е. строго ориентированного, см. рис. 16).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

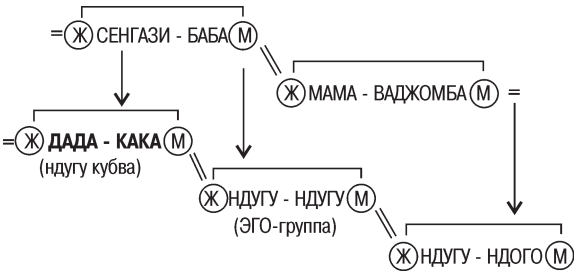

Рис. 16

В суахилийской родственной терминологии отыскалась и группа *ндугу*, которая по статусу старшинства выше группы *сенгази — баба*: группа *ндугу* МАМА КУББА — БАБА КУББА. Старше были ВАДЖУКУУ, ВИТИКУУ, ВИРЕМБВЕ и ВИНЬИНГИНЬИНГИ, что обычно переводилось как «деды», «прадеды», «прапрадеды» и «прапрапрадеды». МАМА КУББА — БАБА КУББА, по лексическим значениям, –«старшие матери» и «старшие отцы», но они не связаны браком. Было уже ясно, что «статус старшинства» каждой группы *ндугу* как-то связан с реальным возрастом ее членов, что речь идет о групповых обязанностях и правах, о какой-то структуре общества, а не только о нормах брака (пусть даже жестких). Слегка «высвечивался» намек на то, что не физиологическое происхождение группы детей от группы родителей лежит в основе возрастного диапазона как внутри группы *ндугу*, так и между группами. К этой мысли естественно подводила нелепость для общества системы, в которой возрастной диапазон в группе равнялся бы среднему времени способности женщины рождать детей — 20–25 лет: когда группы детей станут по реальному возрасту перекрывать друг друга, сам принцип «статуса старшинства» групп *ндугу* был бы неизбежно уничтожен. Хотя было ясно и другое — в идее этой системы социальной дистрибуции лежала способность женщин рожать, может быть — среднее время между рождением женщины и началом ее способности к деторождению, или среднее (условное) время между рождением первенца-дочери и началом способности последней к деторождению. Можно было предположить такой диапазон в 14–16 лет (если же система возникла в глубокой древности, то в 12–14 лет).

Проверить предположение можно было, сопоставив цифры со ступенчатой суммой групп *ндугу*. Между ЭГО-группой схемы и группой МАМА — ВАЖДОМБА располагается еще группа *ндугу кубва* (ДАДА — КАКА), что требовало поделить цифры хотя бы пополам. Это давало 7–8 лет (или 6–7 лет). Получалось следующее: если ЭГО-группа состоит из индивидов женского и мужского пола в возрасте от 2 до 7–8 лет, то в группе ДАДА — КАКА будут таковые от 9 до 14-16; в группе МАМА — ВАДЖОМБА — от 17 до 24 (или около); в группе СЕНГАЗИ — БАБА — от 25 до 32 (или

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

около); в группе МАМА КУББА — ВАБА КУББА — индивиды от 33 до 40; а в группе ВАДЖУКУУ — от 40 до 48 (или около) и т. д. Но эти числовые характеристики не могут быть по своему существу застывшими, идут годы — возраст меняется.

Вот тут все встало на свои места, я понял, что передо мной ступенчатая схема отрезков времени (примерно по 7–8 или 9 лет), через которые проходил любой индивид, получая каждый раз определенные обязанности и права не в связи с физическим происхождением от родителей, а в соответствии со своими возрастными возможностями. Это была социально-организующая система «возрастных статусов», система абсолютно демократичная, предоставляющая любому индивиду полную возможность постепенно освоить всю традицию знаний и умений, которую конкретное общество накопило ко времени его рождения. Стало очевидным, что эта система возрастных статусов (возможно, в каком-то числовом оформлении) началом своим восходит к глубокой архаике, к тем временам, когда человечество еще не знало таких правовых организмов, как кровно-линейный экзогамный род с его отделенной территориальной и обособленной материальной собственностью, и тем более — такой социально-экономической ячейки, как семья, состоящая из представителей трех поколений. Меня удивила внутренняя простота открывшейся системы организации общественной жизни при помощи «лестницы» возрастных статусов, системы, в которой физиологическое происхождение (кровное родство) не является структурным принципом.

Вместе с тем явилось и обоснованное предположение, что в основе любой другой (не суахилийской) классификационной (т. е. с групповым значением терминов) системы родственной терминологии должна лежать аналогичная система возрастных статусов.

Тем не менее все, что обнаружилось в результате изложенного анализа суахилийской родственной терминологии, не давало ответа на исходный вопрос. Оставалось непонятным, почему право власти верховного правителя суахилийского средневекового города передавалось в рамках группы из трех *ндугу*-индивидов, физиологически происходивших от трех их родителей-*ндугу*. Столь же неясным было и другое — каков состав реальной группы *ндугу* одного возрастного статуса, т. е. считалась ли таковой каждая годичная группа индивидов или все годичные группы, находившиеся в данный (чем-то отмеченный) момент в пределах временного диапазона статуса? Иными словами, непрерывно (ежегодно) или дискретно происходил переход групп из одного социального статуса в следующий по прошествии нескольких лет? Сама схема статусов ответа не давала. Действительно ли «родственные» связи статусов по классификационным терминам родства тесно связывали индивида, его одногодков и всех, находящихся в его статусе в данный момент, с теми, кто в этот же момент находился в других статусах?

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Некоторые предположения вытекали из марксова тезиса о первостепенном значении коллективного труда в процессе становления и развития человеческого общества. Стало быть, обществу был важен не сам факт рождения ребенка кем-либо, и не календарный возраст его по мере течения времени, а нечто другое — чему и когда он может научиться, что и когда он может сделать, возвращая обществу то, что оно тратило на него ранее. Из этого положения следовал неизбежный вывод: хотя реальные ежегодные возрастные группы придавали бы системе максимальную стройность, они не оправдывали бы себя ни в освоении знаний, ни в коллективных трудовых действиях, а реализация системы возрастных делений в таком случае сильно снизила бы ее общественную рентабельность. Видимо, следовало предположить реализацию статуса хотя бы в виде двух ступеней: время «визуального знакомства» с тем, что общество возлагало на данный возрастной статус, и время «физического выполнения».

Много позже это предположение подтвердилось фактическим материалом, но вначале оно только определило мысленный выбор в пользу дискретного перемещения реальных возрастных групп, включавших индивидов с диапазоном календарного возраста в 3–4 года или даже 7–9 лет. Этот выбор порождал и еще одну мысль. Становилось понятным, как в архаическом обществе в реальности происходила передача традиционных знаний и жизненного опыта. Обычно говорят: «традиция переходила от отца к сыну» или «от одного поколения к другому», или иначе, но в том же духе, неоправданно перенося в более ранние эпохи (по времени или по развитости общества) современные нам или недавние обстоятельства. Здесь же получалась более конкретная картина, соответствовавшая обстоятельствам архаического общества, где физические породители и их дети жили вместе очень ограниченное время (пока дети питались молоком матери). Знания и жизненный опыт, трудовые навыки передавались от старших к младшим, как в пределах возрастного статуса, так и по мере перехода от статуса к статусу. В архаическом обществе не было голодающих и раскормленных детей, не было сирот, не было вдов или вдовцов, не было пасынков или падчериц, как не было старых дев и холостяков. Я вовсе не хочу сказать, что это был «золотой век»: труда и трудностей было много, обеспеченность необходимым для жизни не могла быть стабильной ни по сезонам, ни по годам — я только утверждаю невозможность в архаическом обществе индивидуальных состояний социальной ущербности.

А из этого следовало, что и регулирование социальной действительности, и управление всей жизнью реальных архаических коллективов не могло быть ни индивидуальным, ни вознесенным над всеми его возрастными традициями. Иначе говоря, можно для очень отдаленного архаического общества принять за норму иерархию возрастного подчинения. Но сразу же возникала мысль: о подчинении «кому» или «чему»? Ответ на

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

такой вопрос не так прост, как может показаться. Можно попробовать мысленно смоделировать вариант обстоятельств, которые позволили бы уверенно уточнить ответ. Так, например, группа людей пересекает неширокое, но очень длинное топкое болото. Гарантией наиболее верного успеха будет присутствие в их числе одного или нескольких человек, которые уже неоднократно ходили по этому болоту, извилистым безопасным путем. Естественно, что знающие идут первыми, а за ними следует цепочка остальных, повторяя все их движения и повороты. Предположим, что кому-то из новичков показалось слишком медленным петляющее движение к противоположенному берегу (особенно в конце перехода), и он пошел напрямик, попал в топь и погиб на глазах у всех остальных. Могло и повезти, и нарушитель мог остаться живым. Однако можно с уверенностью сказать, что гибель товарища произведет на остальных большее впечатление, чем его успех. Но укрепит она не личный авторитет вожатого (или вожатых), а убежденность в необходимости точно следовать за «знающими», копировать их действия. Примерно так должно выглядеть действие любой архаической традиции, как в отдельных ее элементах, так и в целом. Она складывалась и развивалась медленно, живущим казалась недвижной и «вечной», при соблюдении обеспечивала допустимый успех, при разрушении нередко жестоко карала нарушителя. Представляется возможным допустить для очень отдаленной архаики как отсутствие подчинения коллектива чьей-либо воли (одного или нескольких индивидов), так и специально выделяемых этим обществом персон-обладателей постоянной обязанностью волеизъявления. Тем не менее, в повседневной деятельности любой степени сложности или трудности всегда находились «старшие», которые своим примером «организовывали» действия «младших» участников, и тех, кто совершенствовал свое умение; и тех, кто только начинал что-либо осваивать.

Я вовсе не имею в виду пресловутых «старейшин первобытных племен», этаких весьма и весьма пожилых седобородых старцев, скопивших за долгую жизнь в своей (на диво крепкой) памяти всю мудрость первобытного житья и щедро одаряющих ею своих глуповатых и непоседливых внуков и правнуков. Напротив, те сведения в этнографических описаниях (особенно в ранних записях) о жизни неразвитых обществ, которые без сильных искажений можно отнести и к глубокой архаике, свидетельствуют о раннем воспитании таких качеств, как: сдержанности, внимательности, терпеливости, выносливости, способности без негативных эмоций переносить голод, холод, тяжелые физические напряжения, умения не впадать в панический страх в опасных ситуациях и др. Ни одно из этих качеств невозможно воспитать словесными увещеваниями и наставлениями. Физически их можно перенять, подражая активным проявлениям их старшими, а закрепить нравственно-высокой социальной оценкой тех, кто обладает ими

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

в полной мере. По моему убеждению, эти качества составляли значительную часть того, что создавало жизнестойкость архаического общества, другие же ее части — традиция социально-возрастной структуры, обеспечивающая воспитание и этих качеств, и трудовых навыков, и традиций материальной культуры.

В таких обстоятельствах организующая всю общественную жизнь структура возрастных статусов должна была состоять из двух полуциклов (не считая возраста грудного младенца): активно-продолжительного и пассивного, более краткого. Активный полуцикл, в свою очередь, должен был делиться на две части, соответствующие времени освоения того, что имела социальная традиция, и времени реализации приобретенных умений и знаний. Пассивный полуцикл соответствовал времени утраты физической способности участвовать в жизнеобеспечении, он фактически смыкался с периодом грудного младенчества. Эти мысли и выводы снова возвращали меня к схеме возрастных статусов, построенной на суахилийских терминах классификационного родства. Я хотел понять, какие статусы могли включать в диапазон полагающихся обязанностей и обязанность руководить делами, относящимися к младшим статусам, чтобы постепенно добраться до появления в архаическом обществе более или менее индивидуализированных вождей-руководителей в тех или иных коллективных занятиях (см. рис. 17).

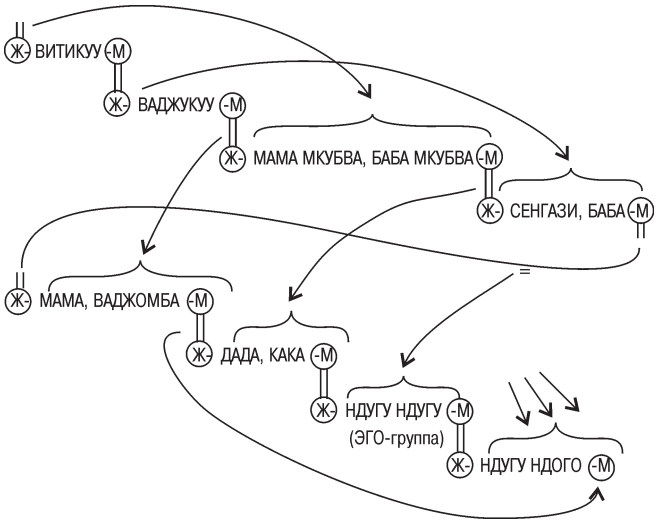

Рис. 17

Начать анализ схемы следует не с возрастного статуса ЭГО-группы, а со статуса их *ндугу ндого*, — хотя как реальной социальной группы их, собственно, и нет: это — дети до 2–3-х летнего возраста, живущие со своими физическими породителями (на языке суахили *ватото вачанга*). Статус

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ЭГО-группы, статус вступления в социально активную жизнь, длящийся, допустим, 8 лет, «заполнен» реальной группой социальных (т. е. условных) сверстников с социальным возрастом от одного года до 8 лет (от 2 до 10 реальных). Как можно судить по некоторым этнографическим данным, они жили уже не вместе с породителями, а в особом жилище: до 4-х социальных лет — все вместе, а те, кто старше — в отдельных мужских и женских домах. Эти сведения могут указывать на то, что процесс перехода реальной возрастной группы в следующий статус, видимо, происходил дискретно, по частям. Возможно, что завершение перехода всей группой отмечалось специальным обрядом. Весьма вероятно, что этот обряд (*кунгве*) был длительным. Он включал в себя нанесение на лицо и тело рубцов или татуировки (*ремба*), раскрашивания лица и тела (*джипака*), надевания пояса с передничком (*китамби*), присвоения группового тотемического (тайного) имени (*тамбико*) и процедуры обрезания (собственно *кунгве*). Обряд проходил под руководством «очень пожилых людей» (*вакунгви*). По системе социально-возрастного родства *вакунгви* по отношению к ЭГО-группе были ваджукуу.

Со времени принятия жителями суахилийского побережья мусульманской религии (приблизительно VIII–XIX вв.) обряд *кунгве* сохранялся только в мелких селениях и пригородных кварталах, где ко времени колониального раздела от него остались только *джипака* и посадка саженцев кокосовой пальмы, что было связано с процедурой *тамбико*. У городских суахили мальчики 7-летнего возраста проходили обрезание по мусульманским правилам, и если позволяли средства родителей, несколько лет под руководством *мвалиму* обучались старинному суахилийскому письму и знакомились с Кораном. Девочки с 6–7 лет и до замужества (если позволяли средства) отдавались на воспитание «старое женщине» (*мвана купона*), которая обучала их всему, что должна знать и исполнять благородная женщина (*мтото ва вату*).

Так некогда завершился первый этап моих поисков пути к пониманию правовой нормы трех братьев-*ндугу*, поочередно занимавших пост правителя суахилийского города Пате. Иными словами, нашелся след наставников или руководителей *ватото* — детей, проходивших через первый социально-активный возрастной статус в архаическом обществе соахилийского побережья. Ими оказались социально возрастные родственники *ватото* — *ваджукуу*, проходившие в то же время через последний социально-активный статус системы, люди, теряющие или потерявшие физическую активность, но необходимые обществу, как наблюдатели за общими детьми, вышедшими из-под опеки физических породителей, как группа, передающая свою социальную активность новой группе, ее получающей. Таким образом, замыкался архаический круг социальной активности, вне его находились *витикуу* (буквально — внесоци-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

альные старцы) и *ватото вачанга* (или *вичанга*), т. е. недозрелые дети, дети-ростки. Это была трудно воспринимаемая современным сознанием категория «предков-потомков».

Теперь схему статусов социально-возрастного родства можно построить иначе (см. рис. 18)

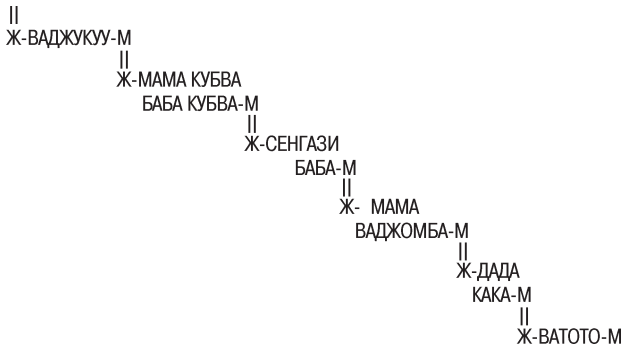

Рис. 18

Поскольку схема социально-возрастных статусов архаических «суахили» была построена на основании групповых терминов социального родства, следует подчеркнуть, что перемещение реальной возрастной группы (ЭГО-группы) по возрастным статусам не меняло ее соотношения в терминах родства с остальными группами, которые также перемещались. Но во втором возрастном статусе *ватото* становились *виджана*, т. е. «подходящими» к социальному полноправию. Весьма вероятно, что их воспитанием в этом направлении ведали находившиеся в статусе *вакубва* (или *вакуу*), младшем смежном со статусом ваджукуу. Название статуса вакубва (или вакуу) можно перевести как «матерые», «мудрые». Люди статуса вакубва еще именовались вату вазиму (или ватиму), т. е. «имеющие духов» — родственники которых с терминами мама и баба «находятся» во внесоциальных статусах витикуу и вирумбве — большею частью умерли, стали «духами»-предками.

Переход *виджана* в два следующих возрастных статуса, называвшихся одним термином *вату* (полноправные люди, рождающие детей), происходил раздельно, в зависимости от пола: девушки, пройдя время второго статуса, выходили замуж, а юноши (*виждана*; девушки назывались *виджакази*) оставались в этом социальном качестве еще один статусный срок, после чего женились на девушках из смежной младшей группы (на своих *ндугу ндого*-Ж, т. е. на младших *ндугу*-сестрах). Второй статусный срок пребывания мальчиков в юношеском состоянии был необходим для того, чтобы они прошли полную практическую выучку в полагающихся мужчине делах под руководством своих старших *ндугу* (*кака*) — мужей их одновозрастных сестер-*ндугу*. Нетрудно заметить, что обращение *ндугу* со стороны мужчины к женщине (или наоборот) может содержать и брачный

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

запрет (*ндугу* из той же группы «одновозрастных»), и брачные обязательства (*ндугу* из смежной младшей группы — *ндугу*-жена, *ндугу* из смежной старшей группы — *ндугу*-муж), те самые «комбинации» в переводах на европейские языки: «брат и его жена-сестра»; «некогда был обычай жениться на своих сестрах» и т. п.

По нормам языка суахили термины, обозначающие возрастные статусы, должны относиться к именному классу с формантом «*у*»: *утото, уджана* и т. д.

Таким образом, схема активных социально-возрастных статусов была такой (см. рис. 19).

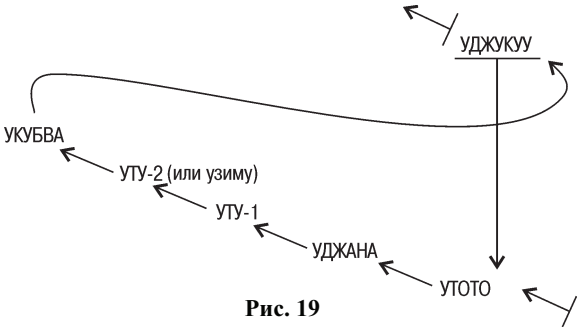

Рис. 19

Временным «совпадением» статусов *уджукуу* и *утото* замыкался социально активный «круг», за пределами которого были грудные дети и старцы.

Если эту же схему изобразить в числовых значениях возрастных статусов, например, в «момент» перехода реальных групп, то можно сделать несколько выводов относительно возможных руководителей в повседневных занятиях трудовых коллективов (см. рис. 20).

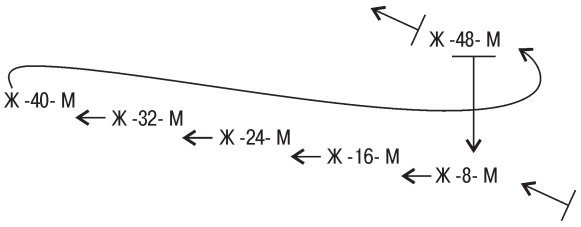

Рис. 20

При возрастном диапазоне статуса в 8 лет, несомненно, должно быть два «типа» руководителей («вождей»): а) из числа членов данной возрастной группы и б) из представителей смежной старшей. Логика такова: например, любая конкретная группа первого, самого младшего статуса состоит из индивидов социального возраста от одного до 8 лет (т. е. календарного от 3 до 11–12 лет), и все их повседневные занятия, по сути дела, сводятся к играм

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

различной сложности, социальная значимость которых — развитие физических, психических и моральных навыков, необходимых данному обществу на данном этапе его развития. Ясно, что сложность игр будет соответствовать более дробным возрастным сечениям в группе, но во всех случаях, т. е. в каждой игре, будут выделяться наиболее ловкие и умелые, и не только по реальному старшинству, но и по способностям. Иными словами, в играх будут возникать признанные «вожди игр». Иная картина представится, если старшая часть группы примет участие в каком-либо практическом занятии представителей смежного старшего статуса. В этом случае члены младшего статуса окажутся под руководством наиболее искусного представителя из «старших», т. е. под руководством «вождя этого дела», а роль «вождей игр» потеряет прямую значимость. Далее, если имеется в виду более сложное дело, например, дальняя охотничья экспедиция, то в ней главную роль будут играть представители еще более старшего (III-го) статуса, а вождем будет наиболее искусный и знающий охотник из их числа. Младшие вожди не потеряют значения, поскольку структура «дела» достаточно сложна, хотя они и не будут «подчинены» вождю экспедиции, в нашем современном понимании соподчинения. С окончанием «дела» или «игры» структура «вождь — участники» перестает существовать. И какое бы значение ни отводилось конкретным этносом, например, охоте, даже лучший из «охотничьих вождей» вне охоты был «рядовым» представителем этого этноса.

В современном понимании «руководство» — это обязанность «волеизъявления» в определенном диапазоне, предписанная более высокой волеизъявляющей инстанцией. К действительности архаического доклассового общества это положение не имеет никакого отношения вследствие совершенно иного представления относительно оснований пригодности. Такие понятия, как «способность», «талант», и сейчас не имеют удовлетворительных объяснений и, по существу, воспринимаются через факты их проявлений. Волеизъявляющим «начальником» можно назначить любого, но никого нельзя назначить талантом. Архаическое общество, в силу более жесткого взаимоотношения с природной средой, объективно не могло пользоваться «назначенным начальником» для руководства любым делом — годились только таланты. Следовательно, оно никого и ни для каких целей не назначало и даже не избирало. Оно искало и находило, но не для того, чтобы кто-то «волеизъявлял»; цель была иная и более сложная.

Как можно судить по тем «следам», которые обнаруживаются иногда в этнографических записях, в фольклоре и эпосе, в древних и античных текстах, и даже в религиозной догматике, человечество, наряду с создаваемой эмпирически, вслепую традицией материального производства в целях жизнеобеспечения, также эмпирически создавало и традицию эмоциональной жизнестойкости. Эмоции живого организма, в том числе и человеческого, если он здоров, не зарождаются стихийно внутри него,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

их создает тот или иной результат контакта этого организма с внешней средой. Социальный характер жизни древнейшего человечества объективно «отбирал» в культурную традицию не только все более и более действенные формы орудий труда и вещественной продукции труда, формы отношений, связей и взаимодействий индивидов в коллективной жизни, но и все то, что укрепляло социум в эмоционально-духовном аспекте. Как и две другие, эта грань человеческой культуры практически была материальной. Социальная традиция «отбирала» предметы и явления окружающей среды, обладавшие наибольшей способностью эмоционального воздействия на человеческий организм, в том числе и из того, что производило само человечество, включая физическое воспроизводство человека. Основа жизни всей традиции и любого ее аспекта (или грани) заключена в способности подражать, а этой способностью обладали уже и зоологические предки человека. Возможность развития и совершенствования подражательной традиции на определенном количественном ее уровне породила первичный социум, что, в свою очередь, положительно отразилось на развитии традиции. Осознанные «индивидуальные» воздействия на традицию, т. е. так называемые «изобретения», появились очень поздно, можно сказать — совсем недавно. Древний «изобретатель» объективно оказывался бы просто разрушителем традиции, по тому времени — единственной хранительницы того, что обеспечивало жизнеспособность социума. Иначе — мы должны либо допустить «внезапное озарение свыше», либо счесть возможной резкую мутацию в направлении мозговой способности мутанта «мысленно» заполнить пустоты в материальном окружении еще материально несуществующими «звеньями». Первое предположение — прямая поповщина, второе — поповщина скрытая. Смыкающаяся, по сути дела, с расизмом. Естественно, что и древний социум, и архаическое доклассовое общество к «изобретателю» относилось далеко не положительно.

Иное дело — физически «идеальный», овладевший до уровня «таланта» важнейшим элементом традиции индивид, великолепный образчик зверя, птицы, растительного мира или мира «неживой природы», атмосферных явлений, позже — и создания человеческих рук. Эмоциональное воздействие каждого из этих «объектов» сильно и положительно, т. е. вызывает подъем чувств, «впечатляет». Осознание этого воздействия, как и вообще мыслительной способности, шло очень медленно. Но активное отношение к положительным коллективным эмоциям и к тому, что их вызывало, шло, по-видимому, параллельно с развитием материальной культуры и первичных социальных отношений. Оно составляло основу простейшей формы идеологии и практически до появления ритуалов не отделялось от другой жизнедеятельности. На какой-то стадии развития мышления должен был появиться социальный вопрос — «почему?». Он был нужен человечеству, чтобы «организовывать» коллективные эмоционально-психические состо-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

яния, т. е. увеличивать их положительные или уменьшать отрицательные воздействия на жизнедеятельность общества. Несомненно, что архаические люди в качестве причины различия человеческих способностей и талантов и всего того, что обладало сильным эмоциональным воздействием, могли предположить только что-то материальное и «естественное», что могло накапливаться или уменьшаться и в самом человеке, и в звере, и в любом предмете окружающей среды, и в орудиях труда, и в охотничьем оружии, и в других изделиях. Это «нечто» было причиной того, что острие — колет, лезвие — режет, человек или дерево — растут, и т. д. Это «нечто» было очень подвижным, его уменьшением в чем-либо или в ком-либо объяснялись все неудачи, болезнь, старость; и наоборот, изобилием — все те достоинства, которые вызывали сильный эмоциональный отклик и лучшие результаты действий даже вблизи «обладателя». Все сказанное — не вымысел, а сумма выводов из того материала, который собрали этнографы и вообще исследователи жизни так называемых «дикарей» и их «примитивной религии» — фетишизма, анимизма, тотемизма, обожествления сил природы, культа предков, поклонения демонам и других проявлений их «невежества» и «детской наивности мышления».

Много раньше ученых обнаружили вещественный «арсенал» регулирования общественных и индивидуальных эмоций и психических состояний у народов, не достигших уровня классового общества, проповедники христианской религии. Они видели в этом идеологическом комплексе соперничающую религию, называя ее «язычеством», «суеверием». Всеми силами и средствами они боролись с ней, и далеко не всегда успешно. Психическую действенность многих элементов этой архаической идеологической традиции христианская церковь присвоила себе, организовывая свое эмоциональное воздействие на обращаемых в «истинную веру» для своих классовых целей, запрещая и изгоняя из сознания и практики неподходящее. Многое существует и сейчас, хотя мы и не подозреваем об этом — например, то или иное настроение, создаваемое музыкой, поэзией, изобразительными искусствами, праздничной одеждою, танцами. Сейчас общественно-организующая роль этих видов искусств и их произведений значительно снижена, но снижена не вследствие «более взрослой» души современного человека, а в результате почти полного отрыва искусства от производства, от основ повседневной жизни, из-за его расположения на втором ее плане. Разумеется, что исключительная социальная значимость всего того, что ныне является специализированными видами человеческой деятельности, опиралась не на «детское состояние души дикаря», а просто на большую, постоянно ощущаемую связь жизнеобеспечивающего труда с природой, с ее региональной спецификой и «капризами». К сожалению, исследователи изобрели тезис о страхе древнего человека, или «дикаря», перед природой и потеряли так много времени, уйдя в сторону от изучения положи-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

тельных сторон дорелигиозной социальной психологии и идеологии, увлекшись поисками «первобытной религии».

Я вовсе не исключаю страх — естественную эмоцию — из компонентов основы архаической идеологии. Страх, надежда и радость, видимо, в ней были главными эмоциями. Все они не только индивидуальны и коллективны, но и «заразительны», а, следовательно — управляемы. Этот факт был обнаружен и использован древним обществом для создания традиции управления необходимыми ему коллективными эмоциями. В доклассовом обществе эта традиция не сгущала коллективный страх, когда он возникал, а снимала или смягчала его, как не уничтожала, а укрепляла надежду. Слово «страх», по сути дела, очень неточно передает имеющуюся в виду коллективную эмоцию.

Страх есть индивидуальное, инстинктивное, быстро проходящее ощущение, которое «вспыхивает» в момент резкого изменения в окружающей среде, например, когда к ногам человека падает отвалившийся от карниза кирпич. Это — страх физиологический. Социальный же страх — скорее осознаваемое тяжелое и напряженное психическое состояние, напряженное ожидание, как чего-либо плохого, так и запаздывающего хорошего. Физиологический страх в исключительной обстановке (землетрясение и т. п.) может превратиться в массовый панический ужас, способный принести больше вреда, чем вызвавшее его явление само по себе. Социальный же страх может дойти до степени массового панического ужаса только при двух обстоятельствах: когда причина напряженного психического состояния касается многих, и когда время ожидания выходит за пределы человеческого терпения. Есть и еще одно обстоятельство — «заразительность» внешних проявлений эмоций, поскольку пределы терпения у разных людей различны. Но, судя по всему, архаическое общество раньше всего научилось «обезвреживать» нежелательные проявления эмоций психической тренировкой с ранних возрастных состояний индивидов — групповым (т. е. коллективным) обучением легко переносить холод, жару, боль, голод, усталость и другие неудобства. Здесь, в сущности, использовалась та же «заразительность», но в «обратном порядке» — умение скрывать индивидуальные эмоции становилось препятствием для «цепной реакции» их превращения в панику.

Однако, существовали и такие обстоятельства, когда даже скрытое эмоциональное напряжение больших коллективов доходило до крайних пределов (например, длительное запаздывание муссонных дождей или разлива реки, начинавшихся, как правило, после долгого сухого сезона). Эти природные явления, получившие исключительное значение в жизни людей со времени появления активного хозяйства, т. е. скотоводства и земледелия, в литературе оцениваются по-разному. Одни авторы, имея в виду современный календарь, говорят, что их периодичность значительно колеблется,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

другие называют их постоянными, считая главным факт повторяемости. Но и те, и другие однозначно указывают на нерегулярную интенсивность. Из этого нетрудно понять, какие эмоции могли испытывать, например, архаические земледельцы, когда дожди сильно запаздывали или шли слишком слабо. От дождей зависел урожай, а от него жизнь или смерть. Тягостное эмоциональное состояние мешало трудиться, а ведь не сам дождь давал урожай, а, прежде всего, труд людей. И архаическое общество начало постепенно накапливать особую традицию приемов нейтрализации негативных массовых эмоций. Несомненно, что у этой традиции объективно была и другая социальная роль — она создавала на уровне психики чувство единства реальных коллективов, чувство силы коллектива в труде и жизнестойкости. Материальный арсенал этой традиции с самого ее зарождения, т. е. с глубочайшей древности, мог состоять только из того, что воспринималось человеческими органами чувств в их обычном нормальном состоянии. По той простой причине, по которой в квартире нашего современника не прячутся в темных углах привидения или демоны — для людей, живших «в природе», вся окружающая их природная среда была так же известна и привычна, была их «домом»; и не содержала ни днем, ни ночью ничего пугающего или необъяснимого. Демоны и призраки появляются только с того времени, когда земледельцы стали замыкаться в своем селении; когда развитый, сельскохозяйственный труд стал крайне ограничивать выход за пределы округи; и «мир» стал превращаться в сознании в «точку», окруженную неизвестным. Большая роль в создании демонов, чертей, и вообще — страха перед неизвестным, принадлежала служителям и проповедникам всех когда-либо существовавших религий. Любой религии, т. е. сгустку идеологии классового общества, страх был нужен — как главный инструмент духовного порабощения, и нет никакой надобности переносить этот «инструмент» в идеологию доклассового общества, где никто никого не порабощал. Говоря иначе, нет оснований собранный этнографами материал о современных «верованиях» и «суевериях» без крайней осторожности ставить в позицию «религии» доклассового архаического общества.

Считается, что человек стадии Homo sapiens появился в позднем палеолите. Следовательно, с этого времени и до наших дней его мыслительные и эмоционально-психические возможности не должны претерпеть качественных изменений. Стало быть, если отбросить все то, что нанесло в человеческое сознание время господства религий, открывается некоторая возможность понять мир представлений нашего «доклассового» предка. Суть изменений, видимо, заключается в том, что в начале этого периода общий объем знаний был много меньше современного, но то, чем владел каждый индивид (несомненно — весь объем) было много большим и полностью действенным — по сравнению с индивидуальным объемом знаний

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

нашего даже образованного современника. Но с того времени, когда активные формы хозяйства (скотоводство и земледелие) стали оттеснять на второй план пассивные по отношению к природе виды жизнеобеспечения (охота, рыболовство, собирательство), первичное соотношение начало меняться. Во-первых, стал уменьшаться во времени прямой контакт, некогда постоянный, с естественно-природной средой, и снизилась выучка молодежи в этом отношении. Во-вторых, стали возникать обстоятельства, для которых не существовало причин в предшествующие эпохи — столкновения локальных коллективов из-за земледельческих угодий, пастбищ и водопоев, а навыки владения охотничьим оружием пополнились приемами защиты от оружия противника. В-третьих, при том, что активное хозяйство сильно повысило отдачу труда, стада и посевы оказались менее защищенными от негативных природных явлений, нежели дикие животные или дикорастущие злаки. Принципиальные изменения в хозяйстве оказали существенное влияние на идеологию и социальную структуру неолитического общества. Появление враждебных столкновений стало менять роль охотничьих вождей, все более и более превращая их в вождей военных, а юношей-охотников — в воинов. Ритуал перехода юношей в статус полноправных мужчин пополнился новым практическим «экзаменом» — набегом на соседей, необходимостью иметь военный трофей. Дальнейшее развитие этой стороны социальной действительности, видимо, привело общество к необходимости стабилизировать воспроизводство «военных вождей».

Возможно, что на форму этой стабилизации повлиял активный характер хозяйства, т. е. развившаяся сознательная селекция скота и злаков, обнаружившая наследственность качеств. Объяснялась она, несомненно, в смысле сохранения и аккумуляции некоей сущности в потомках превосходных образчиков скота или злака. Возможно также, что перенос этих открытий на человека был облегчен тем, что воспитать отличного военного вождя в принципе было возможно. Талантливый охотничий вождь внешне мог ничем не отличаться от остальных охотников, военный же, несомненно, должен быть выше и сильнее любого воина, а искусство владеть боевым оружием может быть обеспечено только усиленной тренировкой. Первые качества могут быть замечены уже в детстве, как и их физиологическое наследование, а искусность в оружии достигается специальной «культивацией», т. е. освобождением от всех других занятий. В идеологическом плане также произойдет некоторое превращение. То «нечто», которое прежде «открывалось» само, в новых условиях уже начнет создаваться, а вместе с этим — и то положительное воздействие на данный род занятий (сражение с противником) и на его участников. Это уже ни что иное, как «магический комплекс», внутренне вполне материальный. А активно аккумулируемое им «нечто» — уже некая «способность» или «сила», которую

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

можно называть и «магической». Другими словами, военный вождь формируется как священная персона, магически созданная и обладающая магическими способностями, возможно, и не только для военных предприятий. Если сопоставить эти изменения с традицией социально-возрастного деления общества, то в схемах это будет так: из шести статусов (ступеней) социально-активного цикла, четыре замкнутся в особый цикл воспроизводства «священной персоны» (см. рис. 21).

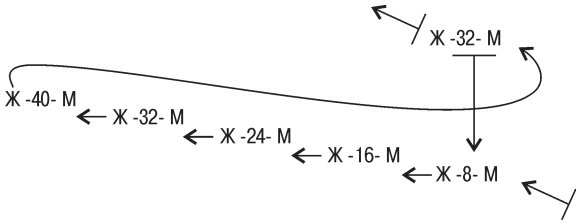

Рис. 21

Эта же схема в суахилийской терминологии родства (ед.ч.) (см. рис. 22).

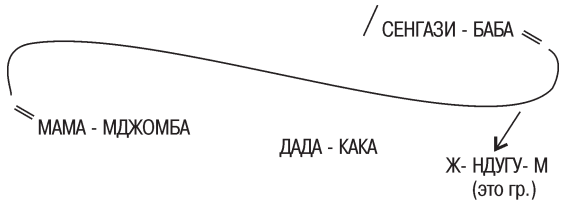

Рис. 22

То же в названиях возрастных статусов (ступеней) (см. рис. 23).

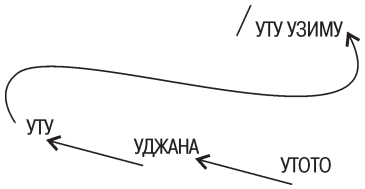

Рис. 23

Но если учитывать происхождение трех представителей, точнее — трех пар (М –Ж) младшего колена, то схема будет иной (см. рис. 23 доп).

Та же схема с обозначением конечного возраста каждого статуса (см. рис. 23 доп. 2).

Эти схемы дают возможность сделать ряд теоретических выводов относительно функционирования системы воспроизводства «священной персоны» военного вождя архаического общества. Прежде всего, очевидно, что «персона» пребывает на своем посту ограниченное время — срок од-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

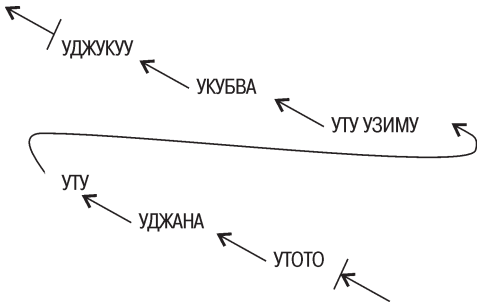

Рис. 23 доп.

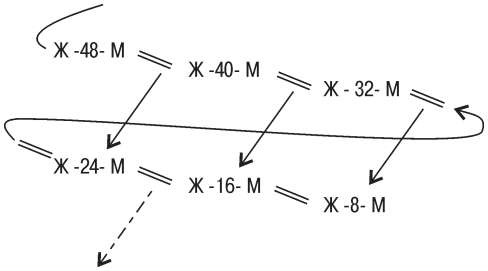

Рис. 23 доп 2.

ного возрастного статуса, т. е. формально 8 лет, с 24 до 32 — статус УТУ УЗИМУ, если в сан военного вождя персону вводит брачный ритуал. Священная жена вождя (вместе они составляют священную пару), его «сестра-*ндугу*» — из смежного младшего статуса *(ндугу ндого*), т. е. статуса 16–24. Окончание времени «правления» этого вождя-*мфальме* должно было совпадать с достижением социальной зрелости (16 лет) женщиной из смежного младшего статуса его жены, т. е. ее *ндугу ндого*. Иначе можно сказать, что *мфальме* оставлял пост, как только «брат-*ндугу*» его жены (мужчина ее статуса) достигал возраста 24 лет, к которому и переходил сан и титул *мфальме*, вследствие его брака с «сестрой *ндугу-ндого*» жены его предшественника. За время статуса (8 лет) священная пара могла породить трех или четырех детей (максимально 6). Следовательно , «правильная» стабильность функционирования трехступенчатой системы требовала выживаемости до полноправного возраста (из детей священной пары, рожденных за 8 лет) одного сына и одной дочери, предпочтительно — первенцев. Если случалось так, что это условие частично или полностью не выполнялось, то, по-видимому, этнос из своей среды избирал «подмену», в соответствии с требуемым возрастом и с надлежащими «приметами» пригодности. Такое предположение для ранней архаики вполне допустимо, поскольку этнос интересовался не столько кровной непрерывностью на посту священной персоны, сколько «магической действенностью» этой персоны (или пары),

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

хотя наилучшим вариантом, следует полагать, уже считалась все же кровная непрерывность. Есть также и основания предполагать, что этнос в случае исключительной «магической результативности» священной персоны в течение всех 8 лет мог исключить из наследования следующего «брата» и продлить пребывание в сане еще на 8 лет путем повторения брачной церемонии со следующей по порядку 16-летней сакральной женщиной (судя по всему, архаическое общество рассматривало эту процедуру как «возврат молодости» — 24 года, данной священной персоне). По-видимому, в ранней архаике священного вождя, окончившего свои полномочия, убивали в специальном ритуале (возможно, не везде), активно замыкали систему его воспроизводства на IV-ом статусе; на I-ом — в старшем колене. Следы этого обычая в относительно недавнем прошлом обычно интерпретируют как «принесение вождя в жертву богам», но внимательное отношение к этим сведениям показывает некую «странность» — «боги» (например, Один, Бальдр и др.) «приносятся в жертву» себе же. Очевидно, смысл был иной: возможно, так передавали наследнику (точнее, преемнику) сохранившуюся часть «магической возможности» предшественника, или возвращали ее в окружающий мир. Схема, учитывающая этот обычай, выглядит так (см. рис. 24).

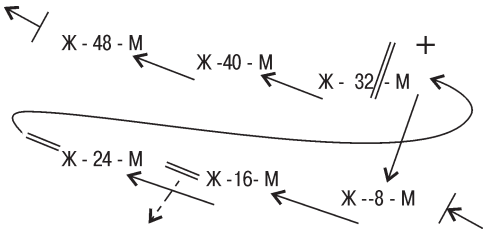

Рис. 24

Трехступенчатая система воспроизводства архаической священной персоны (военного вождя юношей) — система «переходная», т. е. она совмещает в себе и архаический принцип социально-возрастного деления, и новый принцип кровно-физиологического индивидуального происхождения. На этом основании, для большей наглядности, с известной осторожностью, ее можно изобразить в терминах, более понятных нашему современнику, включив условное понимание терминов «брат», «сестра» в том значении, которое содержится в суахилийском термине *ндугу*, кроме обычных «брат», «сестра». «Эго» в этой схеме — священный вождь (см. рис. 25).

Схема в таком виде открывает некоторую возможность проникнуть в сущность многих «темных» мест, как в этнографических записях, так и в античных сведениях о варварах, в эпических сказаниях, в фольклоре. Прежде всего, отчетливо видно, что титул и сан вождя (священной персо-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

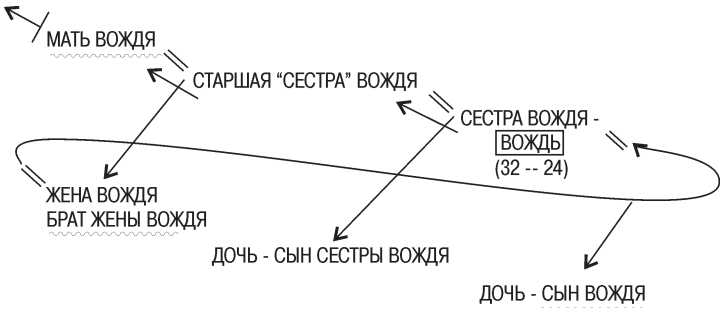

Рис. 25

ны) после его умерщвления переходит к брату его жены (к младшему «брату» вождя), а право — к сыну. Преемник титула — не только брат жены предшественника, но и сын его старшей «сестры». Жена преемника (вводящая его в сан вождя) — дочь сестры предшественника.

При жизни вождя группу женщин старшего колена составляют — мать вождя, мать его жены (старшая «сестра» вождя) и его сестра. Все эти женские персоны — жены последовательно умерщвленных вождей и, соответственно, — матери членов двух старших ступеней младшего колена. Сын вождя наследует титул и сан отца после брата жены отца, и после сына сестры отца (после своего старшего «брата»), т. е. через две персоны. Дочь жены вождя получает статус своей матери (жены вождя) через одну персону, когда становится женой сына сестры отца.

Все эти «комбинации», в отдельной форме, вырванной из живого контекста физической действительности архаических обществ, широко встречаясь в различных материалах, естественно, не могли найти иного объяснения, кроме отнесения к «древним обычаям», как и сведения об особо социальной значимости перечисленных персон. Достаточно часто исследователями древней истории смена вождя (царя) братом, а не сыном (особенно если предшественник оказывался убитым) излагалась в ярких красках «борьбы за власть», в жестокости брата-«правонарушителя». В системе все это выглядит иначе — как достаточно стройная архаическая традиция, меняющаяся по мере развития общества.

Одним из таких существенных изменений было продление пребывания персоны на посту вождя (40 ← 32 ← 24). Вождь получал вторую жену — дочь своей сестры, а брат жены, так или иначе, «выходил из игры». В случае, когда этнос еще раз продлевал «время» (48 ← 40 ← 32 ← 24), третьей женой вождя становилась его дочь, а сын сестры также «устранялся». В 48 лет даже очень выдающийся вождь выходил во внесоциальный возраст. Весьма возможно, что такие прецеденты со временем привели к упразднению ритуала убийства и к норме пожизненного права. Естественно, что «продление права» меняло и состав младшего колена: а) если счет вести от вождя, то

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

II-й и III-й статусы младшего колена составляли его физиологические дети; б) если вести счет по женам, то в старшем статусе младшего колена были дети его жены-«сестры», в среднем — дети дочери сестры (т. е. дети племянницы), а в младшем — дети его дочери. Но в представлениях архаического общества этой «путаницы» не было — повторные браки вождя делали его (единожды или дважды) своим младшим «братом», ритуал был еще сильнее «крови» (см. рис. 26).

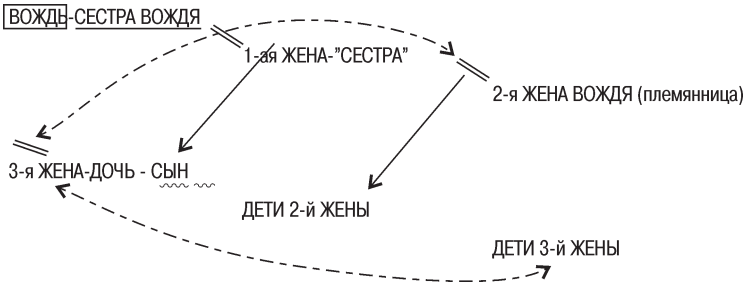

Рис. 26

В идеологической практике архаического общества — и в переходной системе, и в трехступенчатой — главными были «три брачные пары персон», от которых можно предположить развитие права трех «братьев»-*ндугу*, по порядку старшинства наследовавших пост правителя средневековых суахилийских городов-государств. Разумеется, полученная схема (как и предыдущие) не была реконструкцией в узком значении слова, оставаясь только «материализацией на суахилийской основе» логического направления поисков ответа на вопрос происхождения «права трех братьев *ндугу*». Логику поиска направляли не только суахилийские данные, и даже не столько они, сколько рассеянные по этнографическим записям, эпосу, фольклору и летописным документам следы, фрагменты и осколки сведений о «братьях», о странных некогда бытовавших браках, о «необъяснимых» поступках богов и героев, или об их поступках, далеких от современных представлений о нравственности и благопристойности.

Во всей цепи логических построений для меня было бесспорным, по крайней мере, одно: не кровный линейный экзогамный род (связывавший индивидов в правовую систему по принципу физиологического происхождения от других индивидов) был первой формой социальной организации, а постепенно развившаяся система социально-возрастных статусов (игнорировавшая индивидуальное физиологическое происхождение) с ее дискретно движущимися реальными группами людей, близких по возрасту, способных к однозначной деятельности в позиции каждого статуса системы и, следовательно — способных постепенно освоить всю конкретную традицию знаний, труда и общественных представлений. С «внешней» точки зрения любой конкретный архаический коллектив, живший по при-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

нципам этой системы, был, несомненно, кровнородственным в целом, но его связи были не индивидуальными, а групповыми (что и отражалось в групповом значении каждого термина «родства» в классификационных системах терминов), и группы соотносились не по физиологическому происхождению от других групп, а по возрастно-статусному расположению в отношении к «входящей» в систему (или к «выходящей» из ее активного цикла — безразлично). Трудность заключалась в другом — как логически объяснить переход к принципу социальной организации по индивидуальному кровному происхождению?

Логических путей получалось несколько. Один из них — разделение некогда обширного этнического коллектива по характеру простейшего типа деятельности (охота, собирательство, рыболовство); либо вследствие постепенного освоения исходным коллективом новой зоны с природными особенностями, затруднявшими систематические массовые контакты; либо развитие скотоводства или земледелия, которые надолго «привязывали» части коллектива к отдельным угодьям, разбросанным по зоне жизнеобеспечения. В таких условиях, с одной стороны, ослаблялась социальная значимость систематических общеэтнических ритуалов, отмечавших момент перемещения возрастных групп по социально-возрастным статусам, которые могли вытесняться таковыми же, но уже проводимыми каждой частью этноса самостоятельно (т. е. выполнявшими уже не роль систематических «хранителей» этнического единства диффузной реальности обширного этноса, а укреплявших более стабильное единство каждой его части). А с другой стороны, в более мелких и относительно стабильных коллективах как бы «высвечивалось» (т. е. не изглаживалось из памяти людей) физиологическое происхождение индивидов на фоне традиции возрастных групп. Еще более мелкое дробление коллективов (с одновременным усилением стабильности совместного проживания) объективно вело к исчезновению четкой социальной роли возрастных статусов (наиболее долго сохранялся ритуал перехода в полувзрослое состояние), а групповые термины родства «приспосабливались» к передаче соотношения кровного происхождения (где игнорировалось уже различие по возрасту), с градацией большей или меньшей кровной близости индивидов этого маленького коллектива к его самым старым индивидам. Такой кровнородственный коллектив только теоретически мог «обосновывать» свое единство ссылкой на мифического предка-прародителя. В условиях индивидуального кровного происхождения традиционно-обязательная в прошлом форма брака («дочь брата матери» для мужчины и «сын сестры отца» для женщины) реализовывалась только случайно, когда такие родственники были в наличии Она получила название «предпочтительной» и, естественно, реализовалась без учета некогда обязательного возрастного диапазона между мужем и женой. «Непредпочтительные» браки заключались, види-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

мо, с дочерьми двоюродных братьев матери, троюродных… и т. д., соответственно, — с сыновьями двоюродных сестер отца. В принципе, «непредпочтительные» браки могли заключаться (сначала редко, затем чаще) и между представителями различных таких коллективов. Так, вероятно, сложилось представление о «свойстве» (т. е. о родстве через межколлективные браки) двух или нескольких таких коллективов. Естественно, что такие браки сопровождались переходом мужей и жен в чужой коллектив.

Кровнородственные коллективы, обладающие неделимой хозяйственной территорией и сохраняющие как организующую внутреннюю связь классификационную терминологию родства (но уже почти без следов возрастной организации), живущие в одном или нескольких селениях, не составляют редкости в тропических и экваториальных районах Африки. «Счет родства» в таких коллективах, как правило, индивидуально-двусторонний, хотя иногда «преимущественной» считается или линия отца, или матери. По своему существу такие кровнородственные коллективы не были разделены на линейные экзогамные роды, хотя для любого индивида путем опроса можно было выяснить его личную линию происхождения по отцу или по матери (что и отразилось в этнографии как поиски «линьяжей» или «линиджей»). Длительную сохранность подобных кровнородственных организмов, видимо, можно объяснить сохранностью неделимого права на территорию жизнеобеспечения. Естественно, что при таком плавном и медленном развитии хозяйства, постепенно обеспечивавшего возможность вести его все более и более мелкими коллективами, одновременно с уменьшением роли (а, в конечном счете, — с исчезновением) общеэтнических ритуалов и священных архаических персон, мелко-коллективные формы таких ритуалов мельчали, меняли внешнюю характеристику, мельчала роль «священных» персон, а сами они превращались либо в скромных «вызывателей дождя», либо в колдунов и знахарей, либо в бродячих сказителей и музыкантов. Члены любого коллектива воспринимали этнические границы главным образом через взаимопонятность (относительная) языков других соседних коллективов.

Другой мыслимый путь смены архаического возрастного принципа организации общественной жизни принципом индивидуального кровного родства можно, видимо, связать с развитием активного хозяйства у этносов, располагавшихся на пространствах, которые не только не препятствовали своими природными особенностями сохранению широкого и массового периодического общения, но и наоборот, «требовали» такового для ускоренного развития все более и более продуктивных форм активного хозяйствования (преимущественно — земледелия), переходящего от экстенсивных приемов к интенсивным, т. е. от циклического использования части территории жизнеобеспечения — к непрерывной эксплуатации всей территории при искусственном поддержании ее плодородия. Такими условиями обла-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

дали долины субтропических крупных рек с мощным слоем аллювиальной почвы, богатой гумусом и минеральными солями, и с длительными муссонными или снеговыми паводками, достаточно увлажненные лессовые равнины, и в меньшей степени — береговые полосы теплых морей и океанов с ровным климатом. Эти области и до появления активного хозяйства должны были обладать более плотным населением вследствие обилия плодоносящих растений и богатого животного мира.

Как известно, раньше всего, по шкале абсолютного исторического времени, возможность развития интенсивного высокопродуктивного земледелия и продуктивного стойлово-пастбищного скотоводства получили обитатели долин периодически разливающихся богатейших субтропических рек в результате появления и развития искусственного орошения. Поскольку наиболее простым и древним был способ отгораживания культивируемых участков насыпями и дамбами от разлившейся реки, получалась возможность регулирования количества воды, предназначенной для оседания наиболее плодородного ила (обновление слоя) и для систематических поливок высеянных или высаженных культур. Дальше действовали как минимум два фактора: относительный недостаток культивируемых этим методом площадей, вызывавший споры и ссоры соседствующих этнических групп, с одной стороны, и ненадежность простейших оградительных сооружений перед колебаниями мощности разлива — с другой. Ссоры могли переходить в вооруженные столкновения, столкновения — к объединению нескольких этнических групп, открывавшему возможность создания общими силами более надежных дамб и плотин. Третий фактор был однозначным для всех обитателей любой такой долины — необходимость приводить в порядок, в ожидании очередного разлива реки, все оградительные сооружения.

Нетрудно понять, что в этих условиях изменения архаической возрастной структуры организации общественной жизни шли иным путем и были более интенсивными. Возможно, что вначале также происходило членение исходных этносов на все более мелкие и мелкие производственные коллективы, изменявшее в данном случае архаическую возрастную структуру одновременно в двух направлениях: шло интенсивное разрушение ее вследствие постоянного (при работе на той же площади) общения очень мелких трудовых коллективов, на фоне чего быстро и четко проявились «связи» по физиологическому происхождению каждого индивида, и одновременно непрерывно возрастала общесоциальная роль «священных персон», которые получали все большую и большую (и более сложную) нагрузку по «обеспечению» благоденствия этноса с помощью «аккумулированной» в них «движущей энергии» («магической силы»), которой такому обществу требовалось все больше и больше. Говоря иначе, в массе этноса резко сменялся групповой принцип возрастных связей —

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

принципом индивидуального кровного происхождения, а в сфере «священных персон» схема принципа возрастного деления принимала, напротив, характер жесткого «кристалла». Отделение от общеэтнической жизни «организма священных персон», видимо, требовало следующих изменений: прежде всего — закрепления сложившихся еще на предшествующем этапе норм избрания «священных персон» (именно как нормы, а не случайности) по физиологическому происхождению от предшественников (при сохранении обычая умерщвления), что автоматически делило потомков «священной персоны» (по объективным причинам, не менее одного и не более четырех за срок статуса — от брачной церемонии до ритуала смерти) на «избираемого» и на «остальных» (может быть, «запасных»). Затем, вероятно, произошло «расщепление» аккумулированной в «священной персоне» «магической способности» на часть, связанную с необходимыми хозяйству природными периодическими явлениями, и часть, соотнесенную с успешным ведением военных действий, т. е. с постоянными ссорами из-за хозяйственных угодий. Это могло привести сначала к продлению срока пребывания «священной персоны» на посту еще на время одного статуса (что отодвигало ритуал умерщвления) с прибавлением (точнее — с заменой) новой функции — приносить военную удачу, что в дальнейшем могло вести к нарушению регулярности ритуала умерщвления и к его исчезновению.

Единственное, что довольно долго сохранялось обществом как условие концентрации «магическй энергии» — это традиция права передачи (наследования) статуса «священном персоны» от «брата» к «брату», и от трех таковых к трем их физиологическим сыновьям, рожденных их женами-сестрами. Нетрудно понять, что в численно узкой системе трехступенчатого династийного «ствола» практически наиболее частыми вариантами триады мужчин были три двоюродных брата, а их женами-сестрами — их двоюродные сестры.

Несмотря на обычную в исторической науке характеристику политического статуса «священных персон» древних цивилизаций как единовластных политических деспотов, будто бы опиравшихся в такой роли на силу подчиненных им воинств, я не видел в самих исторических материалах возможности реального существования такого положения. Препятствовало многое. Если учитывать не только военно-политическую сферу жизни того общества, но помнить и о постепенно сложившейся и развившейся сложной системе дамб, каналов, водоемов, водорегулирующих сооружений, рано или поздно становившихся единой системой на всей долине, то останется один вывод: каждый «единовластный деспот» должен был бы быть супергениальным существом, чтобы в нужное время отдавать тысячи беспрекословных повелений, ничего не путать, и уж конечно — не давать воли своему «деспотическому» личному нраву. При таком рассуждении исчезал «деспот» и оставалась «священная персона», вообще не касавшаяся реаль-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ных хозяйственных дел, а служившая своеобразным «фокусом» идеологического сосредоточения сил и действий, одновременных на большом пространстве, огромной массы людей, прежде всего для сохранения в исправности системы искусственного орошения. Все прочее — прилагалось. Любой «зигзаг» личной деспотической воли в такой ситуации мог бы легко привести к непоправимой хозяйственной катастрофе.

Несомненно и другое — возникала, развивалась и усложнялась реальная система управления столь сложным хозяйством. Прежде всего, это была иерархическая «коллегия», хранившая и накапливавшая «календарные знания», т. е. внушительную сумму астрономических приемов, природных примет и сведений о возможных временных колебаниях, необходимых для «предсказаний» относительно времени исполнения массовых работ в системе искусственного орошения. Коллегия, которую в специальной литературе обычно называют жрецами. Эта коллегия не могла по своей сущности строиться ни по какому принципу родственных связей, поскольку ее реальная (и очень значимая для общества) деятельность основывалась на способности каждого члена освоить за определенный период времени всю массу накопленных знаний. Здесь присутствовал возрастной принцип, но не в форме условно-возрастных статусов, а в виде иерархии статусов «познавших» (из числа отбираемых способных к познанию). Человек-«деспот» был не более как «рупор», возвещавший достаточно точно рассчитанные повеления иерархов жреческой коллегии, фокусирующий на себе духовно-идеологические (и реальные, во время церемоний и ритуалов, отмечавших начала исполнения жреческих повелений) взгляды этноса. Человек-«деспот» был первым реальным прообразом будущих абстрагированных богов — живым богом. Иными словами, разрастаясь и развиваясь, жреческая коллегия — частично интуитивно, частично сознательно — создавала и усложняла культ живого бога — единственно возможный в столь отдаленное архаическое время способ идеологического управления огромной массой людей.

Жреческой коллегии непосредственно подчинялась параллельно развившаяся, еще более сложная и обширная, система практического управления всеми группами людей, создававшими материальный продукт сложного единого хозяйства и обеспечивающих надлежащее состояние защитных и оросительных сооружений. Это была иерархия чиновников, начальников, писцов различных рангов (поскольку без письменности и определенного уровня развития такого хозяйства было невозможно ни удержать в человеческой памяти накопленных знаний, ни охватить взором все сферы деятельности этноса), которая «наблюдала» за деятельностью трудовых групп, сформировавшихся по роду деятельности (которые, видимо, также составляли иерархию по значимости занятий) вследствие глубокого разделения труда.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Несомненно, что реализация управления, по мере его усложнения, все более и более опиралась на возросшую военную организацию — особую профессиональную часть населения, имевшую свою иерархию военачальников, высший уровень которой, как и у чиновников, смыкался с жреческой коллегией. В массовых операциях военной организации, т. е. во время защиты от внешнего врага или похода на соседей, успех идеологически «обеспечивался» тем же живым богом — «деспотом».

Ранние этносы древнейших цивилизаций обладали двумя особенностями, которые не были характерными для этносов более поздних цивилизаций — это естественная узость и вытянутость территории и столь же естественная четкость границ. Вытянутость территории создавала особую характеристику общеэтнического языка — он неизбежно состоял из множества диалектов, взаимопонятных в соседстве, совсем непонятных по концам, а четкость границ достаточно заметно выделяла его даже из среды генетически родственных языков. Видимо, эта специфика языка отразилась в иероглифических письменностях древних цивилизаций — все они были приспособлены для различного звукового чтения при сохранении смысла текста, т. е. у них не было единого для всего этноса звучания, как не было и отражения диалектных расхождений в грамматике. Поэтому в письменных материалах, дошедших от более поздних стадий, когда утверждалось алфавитное письмо, архаические общеэтнические языки выглядят перегруженными множеством принципиально однозначных форм и в лексике, и в грамматике, нередко трактуемых как следы исторического изменения языка. Эту особенность очень важно учитывать, поскольку слишком часто факт существования ранней иероглифической письменности считают признаком наличия в архаическом обществе классов и государства. По-видимому, все было гораздо сложнее, хотя нет нужды сомневаться в том, что развитая система письма соответствует означенной характеристике общества.

В действительности, задолго до появления классов и государства у этносов, начавших создавать первые на земном шаре цивилизации в заливаемых долинах больших субтропических рек, появился вполне реальный деспот. Он появился с первых шагов людей, предпринятых с целью использовать половодье в хозяйстве, и далее все менее проявлял свое могущество. Этим деспотом была развивавшаяся и совершенствующаяся система сооружений искусственного орошения. С одной стороны, она давала непрерывно растущее увеличение результатов хозяйственной деятельности, а с другой — уже от первых, еще разрозненных этнических коллективов, неуклонно требовала исполнения определенных работ в жестко диктуемые моменты времени.

В развитии любой древней оросительной системы, использовавшей длительный паводок долинной реки, было несколько стадий. Кроме того, на протяжении нескольких тысяч лет постепенно уменьшалась общая влажность

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

всей полосы северных субтропиков с одновременным повышением летней температуры. По-видимому, неолитическое население этой климатической зоны было главным образом скотоводческим, а земледелие занимало малый объем. В какой-то период, в процессе изменения климата, земледелие начало концентрироваться по берегам больших рек. Сначала, видимо, оно мало чем отличалось от раннего земледелия территорий с муссонным увлажнением, т. е. зерно бросали в жидкую грязь отступавшего паводка, затаптывали, прогоняя скот, и ждали урожая. Отступавший паводок оставлял много луж и прудов, где в углублениях почвы какое-то время еще сохранялась вода. Эти места быстро зарастали болотными растениями, так что мест для земледелия было мало, да и они большей частью скоро высыхали, покрываясь твердой коркой высохшей глинистой земли. Культивируемые растения должны были обладать известной засухоустойчивостью и коротким периодом вегетации, что, как правило, сопряжено и теперь с мелкозернистостью и малой питательностью.

Таковой представляется самая ранняя стадия земледелия в долинах больших субтропических рек. Единственная вариация касалась мест, где комбинировалось паводковое и муссонное увлажнение. Там очень рано могло возникнуть хозяйство с двумя последовательными посевами влаголюбивых и засухоустойчивых растений. Переход к расширению возделывания более продуктивных влаголюбивых растений (или оттеснение засухоустойчивых более требовательными к влаге видами) было возможным только путем защиты пространства для посевов земляными насыпями на неглубоких местах разлива. Так, видимо, создавалась возможность периодически пропускать воду на поле, поддерживая нормальное развитие растений. Естественно предположить, что таких поливных полей становилось все больше и больше, и что они все более и более приближались к руслу самой реки. Вот тут и возникла необходимость в объединении усилий как можно больших коллективов. Дело в том, что время разлива можно так или иначе «вычислить», а вот «предсказать» его интенсивность не всегда могут и специалисты наших дней. Земляные запруды, которые могли соорудить небольшие коллективы людей, тем чаще смывались разливом, чем ближе к руслу их строили, а это либо снижало размеры засеваемой площади, либо совсем лишало возможности сеять. Сейчас трудно сказать, сохранялись ли к таким временам исходные (т. е. сохранившиеся со времени заселения прибрежных земель) единства разноэтнических по происхождению групп (исходные различия естественны вследствие значительной протяженности долин больших субтропических рек). Если и сохранялись, то, видимо, как большее или меньшее сходство локальных диалектов и, возможно, в виде формировавшейся и крепнувшей локальной иерархией священных персон («вызывателей» разлива реки).

Следующим этапом в развитии ирригационных сооружений, несомненно, было создание на протяжении долины нескольких комплексов

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

усиленных дамбовых сооружений, препятствующих смыву менее надежных плотин, которые «делили» поля отдельных коллективов соседей (общин). Эти дамбы тянулись непосредственно вдоль русла реки, а по краям отсекали хозяйственное пространство до незаливаемого высокого берега долины. В долевой части дамбы устраивали защищенные от размыва отверстия на различной высоте, которые (когда требовался полив) открывали соответственно высоте уровня паводка за пределами дамбы (т. е. в русле реки). Паводковые воды в субтропических реках стоят на высоком уровне несколько месяцев, и в это время дамбовые сооружения позволяли поддерживать необходимую влажность полей почти без затраты какой-либо энергии, вся масса труда была связана с возведением дамб и их ремонтом перед очередным разливом. Но климат неуклонно менялся в «сухую» сторону, и паводки становились ниже. Полив, регулируемый самотеком, уменьшался, что сокращало орошаемую площадь.

Возможно, следствием стремления преодолеть негативный эффект понижения высоты паводков и было создание сплошных дамб по обоим берегам реки на протяженности всего ее земледельческого района (в литературе по истории Древнего Востока это обычно излагается как «объединение долины под властью того или иного повелителя»). Но эта стадия в развитии ирригации только обеспечивала большую надежность сооружений, создавала стабильность хозяйства, но иного экономического эффекта не давала. Чтобы в новых природных обстоятельствах вернуть (и даже расширить) прежние площади полей, стали создавать углубленные водоемы, куда по огороженным каналам напускали воду в момент кульминации паводка. Полив полей из водоемов (нередко соответствующее слово переводят как «колодец») требовал не только дополнительной работы, но и простых механизмов для поднятия воды. Появилась необходимость в продолжительном неквалифицированном монотонном труде.

Видимо, с этой фазой развития ирригационной системы начиналось и ускоренное развитие дифференциации материальных жизненных благ по группам населения, занятых в различных сферах производства и в аппарате управления хозяйством, как и в сфере идеологического управления обществом, где появилась потребность в грандиозных культовых сооружениях и необходимость абстрагирования от живых (смертных) богов — богов «вечно живущих» и более могущественных, т. е. необходимость в религии, в соответствии с развитием классового характера общественных отношений. Таким образом, магическая способность, приносящая обществу благоденствие, была отторгнута от «священной персоны». Но одновременно усилилась «обязанность» этой персоны магически обеспечивать военные мероприятия: живой бог постепенно превратился в верховного сакрализованного военного вождя.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Есть основания считать этот процесс не таким уж быстрым, полным противоречий и внутренней борьбы, а результаты его — неоднозначно воспринимаемыми разными группами населения. Его отражение в мифологии обычно выглядит как борьба «вечно живущих» богов между собой и с фантастическими чудовищами, сквозь которую едва просвечивают реальные изменения в традиции воспроизводства «священной персоны» (т. е. живого бога) прошлых стадий развития архаической идеологии. И всюду изменения шли однозначным порядком: трехступенчатая система физиологического воспроизводства священной персоны «теряла» младшую ступень, после чего в напряженной борьбе между двумя оставшимися богами происходил переход от «права братьев» к праву «отец-сын». В новой идеологии, в идеологии классового общества, т. е. в самой религии, рекламировался и утверждался миф, по которому «отец» оказывался богом небесным, а «сын» — его человеческим воплощением на земле — царем, индивидуализированным фокусом государственной управленческой структуры, держащей в равновесии общество в его неравноправной и разноимущей иерархии социальных слоев.

Государственная машина и высшие слои общества тем более становились эксплуататорскими, чем шире новая система орошения из водоемов заменяла уходящую в прошлое систему полива с оградительными дамбами. Новая система позволяла получать урожаи почти круглый год, расширять площади посевов далеко за территорию заливаемой части долины, но на все это требовался труд людей, труд подневольный, независимо от их социального статуса — статуса раба или свободного труженика. Практически во всех древневосточных очагах цивилизации классовый характер общества оказался связанным не с развитием частного права на земельные угодья, а с развившимся государственным правом на воду для орошения полей. Эта последняя стадия в развитии орошаемого земледелия в долинах больших субтропических рек уже не требовала организации единовременных работ огромной массы людей. Содержать в порядке оросительные водоемы и каналы было намного проще, чем древние защитные дамбовые сооружения (которые за ненадобностью со временем разрушились, и современные географы считают их остатки естественными, как сами реки), но еще долго сохранялась теперь уже ненужная древняя структура управления ирригационными работами (как и структура идеологического обоснования их необходимости), бессмысленным бременем лежащая на плечах создателей материальных ценностей и жизнеобеспечения. Внутригосударственные классовые выступления и непрерывные внешние войны правителей, сопровождавшиеся неизбежными разрушениями ирригационных сооружений на фоне продолжавшегося изменения климата в сторону большей сухости, постепенно привели высокую культуру очагов древневосточных цивилизаций к упадку, а социальную структуру к глубокой неустойчивости.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Примерно так, кратко и в основных чертах, можно описать этноисторические обстоятельства, в которых происходило развитие и исчезновение второй «крайней» линии «права братьев», где переход к праву «отец-сын» завершился за тысячу лет до нашего времени. Ясно, что все это было неразрывно связано с характером природной среды, позволившим необычно рано поднять неолитическое активное хозяйство на чрезвычайно высокий уровень экономической отдачи и простейшего технического совершенства. Что же касается первой «крайней» линии развития «права братьев», о которой было кратко сказано раньше, то медленное, даже крайне медленное развитие и незавершенное полностью к нашему времени вытеснение возрастной социально-организующей системы нормой кровнородственных связей с ограниченным использованием классификационной терминологии родства столь же явно связано со спецификой активного (т. е. земледельческого и скотоводческого) хозяйства в зонах тропиков с муссонным дождевым увлажнением. Главных «деталей» этой специфики, служащих причиной замедленного развития хозяйства, три: бедные гумусом, хотя и в разной степени, латеритовые почвы; не поддающиеся регулированию для орошения ливни влажного сезона и слишком высокая солнечная радиация, делающая бессмысленным внесение в почву органических удобрений (навоза). Естественным потолком развития традиционного хозяйства в этой зоне явились две его формы, достаточно уравновешенные в экологическом отношении (до колониального раздела) с природой саванн и с природой тропического леса. И одна, и другая форма хозяйства объективно не допускает сколько-нибудь значительной плотности населения на единицу площади хозяйственных угодий, иначе говоря, требует огромных площадей для ведения на них переложного экстенсивного земледелия с большим временным перерывом (то же самое верно и для отгонного скотоводства), где плодородие почвы (или травостой) восстанавливается вследствие «отдыха» использованной территории, т. е. естественным путем.

В тропических лесах, несмотря на значительный по толщине рыхлый слой гумуса, земледелие возможно только на небольших вырубках, а значительные по площади вырубки неизбежно ведут к смыву гумусного слоя в сезон дождей. Кроме того, размеры вырубок определяются способностью леса «затягивать» эти раны, чтобы площадь можно было через несколько лет использовать повторно (легче вырубать молодые деревья). Здесь не сеют злаковых культур, ограничиваясь корнеплодами и бобовыми, культивируют плодоносящие деревья. Селения в этой зоне стабильны, они большею частью крупные, расположены в центре огромной площади потенциальных угодий, по которой разбросаны культивируемые в данное время участки. Несомненно, что до колониального раздела в каждом месте была своя традиционная схема порядка и времени переноса земледельческих работ на новые участки (схема принципиально замкнутая). Скотоводство в тропическом лесу невозможно.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Зона экваториального леса вообще не пригодна ни для скотоводства, ни для земледелия, ее очень редкое население — малочисленные группы охотников и собирателей. Лесные зоны вообще, независимо от их расположения на земном шаре, видимо, заселялись относительно поздно, не ранее неолитическского времени, а возрастающая разобщенность содействовала скорее упадку предшествующих социальных структур и материальной культуры, чем прогрессивному их развитию.

Что же касается открытых пространств, увлажняемых периодическими муссонными дождями, т. е. имеющими в течение года продолжительные сухие и жаркие сезоны, то скорость развития активного хозяйства здесь зависела больше всего от характера почв, при этом система земледелия, и в его максимальном развитии, большею частью сохраняла переложный принцип с тем более длинным разрывом вторичной обработки, чем беднее была почва. Видимо, принципы ведения земледельческого, как и скотоводческого, хозяйства сложились в основных чертах еще в конце неолитического времени и не претерпели существенных изменений в связи с освоением обработки металлов — это сделало только более успешными охотничьи предприятия во время сухих сезонов, которые, впрочем, играли далеко не второстепенную роль в жизнеобеспечении даже у скотоводов, вследствие малой продуктивности отгонного скотоводства.

Социальные же структуры населения этих районов, скорее всего, пребывали в кульминации своего развития в конце неолитического времени, затем столь же медленно, как шло развитие активного хозяйства, приходили в упадок и разрушались, точнее, теряли «нужность» и четкость. От системы возрастного деления дольше всего сохранялся статус охотников-воинов (статус неженатых юношей), возможно, по той причине, что место приложения их главной деятельности — саванна и заросли — оставались все теми же общеэтническими пространствами, какими они были раньше. Однако, былая четкость возрастных границ постепенно размылась, сохранился только принцип — «до брака». В определенных обстоятельствах часть этих юношей осуществляла так называемую миграцию переложно-земледельческого хозяйства, т.е. после женитьбы селилась на месте «нового» участка, часть оставалась в прежнем селении, перенося на «новое» место только работу. Некоторые особенности в поведении этих отрядов мужской молодежи создавались нестабильностью переложно-циклического земледелия или отгонного скотоводства в муссонных зонах. Иногда несколько лет подряд снимали хороший урожай или происходил обильный приплод скота. В такие годы сокращалась детская смертность, что со временем давало относительную перенаселенность. Можно было предположить и другое — даже медленное развитие активного хозяйства, ограниченного в этом процессе качеством природной среды, все же достаточно увеличивало жизнестойкость человека, что выражалось в постепенном

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

нарастании избытка населения по сравнению с пространственным увеличением, допускавшимся экологически «вписанной» системой экстенсивного большецикличного хозяйства.

Сейчас под экстенсивностью в любом деле понимают его характеристику как развитие за счет пространственного расширения без внутренних изменений, а интенсивность — как развитие внутреннее, без пространственного расширения. Для архаических форм хозяйства такое понимание не подходит вследствие чрезвычайно жесткой связи хозяйства и природной среды. В таком случае интенсивность характеризуется необходимостью не менять хозяйственные площади (независимо от возможности их расширения), а экстенсивность оказывается необходимо сопряженной с циклической сменой рабочей площади при невозможности искусственного возмещения потери плодородия. В последнем случае складывается традиция более или менее широкого многогодичного цикла переложности, сокращение которого ведет к неизбежному общему истощению почв пространства, пригодного для ведения хозяйства.

Существует еще один вариант развития интенсивного хозяйства, но он был возможен только в зоне умеренного (или на грани субтропиков) климата с равномерным дождевым или снегодождевым увлажнением и при наличии плодородных или относительно плодородных почв. В таких природных обстоятельствах рано или поздно складывалось хозяйство с интегрированной связью животноводства и земледелия, когда плодородие восстанавливалось (и даже улучшалось) внесением органических отходов животноводства (навоза), а продуктивность скота поднималась стойловопастбищным его содержанием на специально выращиваемом корме. В таких обстоятельствах шло достаточно быстрое разделение общеэтнической хозяйственной площади сначала на угодья, находящиеся в распоряжении кровных однолинейных эгзогамных правовых коллективов, т. е. кровных патриархальных родов (достаточно быстро и рано в таких хозяйственных условиях сменивших общеэтнические архаические возрастные структуры). Затем угодья разделились на семейные, т. е. находящиеся в распоряжении реальных единиц рода как правового феномена (несущественно, больших или малых семей).

Таким представляется далеко не всеобщий (как это считали и считают многие современные историки и этнографы), а довольно четко локально ограниченный определенной зоной природных условий путь развития некоторых этносов от глубоко архаической возрастной структуры организации социальной жизни и деятельности на неделимой общеэтнической территории — к праву кровного рода на родовую территорию и иное родовое имущество, и далее — к индивидуальному (опосредованному сословной принадлежностью) частному праву земельной собственности. В процессе этой линии развития архаического права классификационная

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

система терминов родства довольно быстро теряет групповое значение терминов и превращается в «описательную», т. е. с индивидуальными отношениями родственников по физиологическому происхождению. Есть достаточно оснований считать, что смена социально-правовых структур, в условиях сравнительно позднего, но стремительного возникновения малых хозяйств с интенсивным земледелием и интегрированным животноводством, шла через систему «трех братьев», остающихся в хозяйстве, и «остальных братьев», уходящих осваивать новую территорию или захватывать силой чужую, уже освоенную.

Внешне это напоминало обстоятельства, сложившиеся много раньше, например, в экваториальной зоне Африки, но было и существенное различие. В экваториальной и субтропической зоне экстенсивного циклично-переложного хозяйства бродячие отряды «лишних» юношей воинов-охотников, живших грабежом, угоном скота и охотой, через определенный срок оседали, приобретя жен, и принимались за малопродуктивный труд в том же экстенсивном варианте традиционного хозяйства, не имеющего перспективы развития. Часть детей, вырастая, нередко повторяла историю отцов, и так — многие столетия. Отряды бродячих воинов воевали между собой, нередко побежденные присоединялись к победителям, и после нескольких таких побед возникало общинное воинство. Традиция возрастных молодежных групп со своими вождями как бы «оживала», придавая воинству четкую стройность, а главному (первому) вождю — некоторую сакральность, возраставшую с каждой очередной победой. Одни группы воинов уходили, чтобы заняться хозяйством, другие, молодые, приходили, чтобы под «магической сенью» великого вождя пройти «экзамен на зрелость». На обширной территории возникало постоянно существующее воинство из неженатой молодежи, и эта территория оказывалась как бы под властью этого воинства — не вождя, а именно воинства, поскольку не он повелевал ими, а они вели его с собой для «магического» обеспечения победы. Однако, эта «власть» не создавала отношений господства и подчинения, т. е. господства неженатых воинов над людьми, состоящими в браке и ведущими хозяйство (по существу, бывших представителями почти тех же этносов, что и юноши-воины), как не создавало и имущественного различия.

Обширное воинство переставало грабить «подвластную» территорию, понимая, что это место будущего приложения их же «взрослой» деятельности, и даже принимало участие в общественных работах, положенных юношам. Набеги совершали на соседей, оберегая «свою» территорию от таких же аналогичных вторжений. Кроме относительного спокойствия для занятия хозяйством, никакой другой экономической выгоды такая ситуация не давала, она только стабилизировала продуктивность существующего экстенсивного хозяйства. Обычно такая ситуация держалась не более двух

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

десятков лет, когда со смертью «великого вождя» распадалось и обширное воинство. Но в некоторых местах эта «комбинация» сохранялась в течение сотни лет и более, вероятно, в результате подчинения обширным воинством территории с лучшими землями и довольно продуктивным, хотя и экстенсивным, хозяйством. Такая территория, как и любая другая, подвергалась набегам малых отрядов бродячих воинов и отрядов юношей-воинов соседних этносов, но подвергалась много чаще (было что грабить); и «завоевание» ее многочисленным могучим отрядом, способным прекратить внешние мелкие набеги, объективно оказывалось благом. Воинство не создавало экономического бремени, хотя и не приносило экономического прогресса. Этнос (или этносы) не только принимал «покорителей», но и находил способы закрепить на долгое время сложившуюся ситуацию. Так, «великий вождь» (поначалу — вождь, избранный «лишними юношами» из своей среды, т. е. тоже «лишний») включался в традиционную практику воспроизводства персоны «вызывателя дождя», т. е. его женили на дочери такого «вызывателя».

Эта акция сама собой как бы оживляла порядком ослабленную временем и хозяйственной дробностью этноса былую социальную значимость «священной персоны». Некоторый элемент «сакральности» считался присущ каждому вождю юношей-воинов или охотников, но он благотворно действовал, как считалось, только на их занятия, а в новой ситуации его «усиленная магическая способность» должна была оказывать благотворное влияние на все дела всех этносов, оказавшихся под его «властью». По сути дела, этим путем «завоеванные» этносы, т. е. некая обширная территория, создавали для защиты этой территории объединенное, не распадающееся, сильное воинство из своих неженатых юношей. Сакрализованного военного вождя (врожденную «священную персону») теперь не сменяли, как в древности, в ритуале убийства, но по его смерти передавали сан кровным потомкам предшественника — сыну или брату (иногда восстанавливалось право «трех братьев», если традиция сохраняла о нем память), а если таковых не оказывалось, — то сыну сестры или брату жены. Из многих сыновей сан передавали тому, кто в момент смерти военного вождя по возрасту подходил к «праву жениться», т. е. не к старшему по рождению, а к вступающему в возраст мужчине. Сакрализованный военный вождь не становился вождем-правителем в обычной хозяйственной или иной деятельности, здесь ему никто не подчинялся — да и во время военных операций, по сути дела, тоже. Во время боя каждый отряд юношей беспрекословно подчинялся своему реальному вождю (воинство сохраняло стройность и строгость деления отрядов по этническому принципу, точнее, по локальному, ибо и до образования конгломерата «племен», и после, этнические границы были расплывчатыми и нечеткими), под руководством которого они проходили военную юношескую выучку. И эти вожди никакой власти вне юношеских военных отрядов не имели.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

При длительном сохранении этнического конгломерата с общим воинством, особенно если его территория была велика, возрастала социальная значимость локальных «вызывателей дождя», «колдунов», которые составляли при персоне сакрализованного вождя нечто вроде «коллегии жрецов» при священной персоне (живом боге) древних цивилизаций. Эта «коллегия колдунов» обладала действительно некоторой властью, так как по их «предсказаниям» все воинство или часть его отправлялась в набег на соседей или выступала в поход против вторгшегося врага, они же избирали «наследника» сакральной персоны. Известной «властью» отправиться в набег обладало само воинство; выступать на защиту территории никто не приказывал — это было неукоснительным долгом возраста воина. Длительное существование конгломерата создавало в известной степени новый обширный этнос, что выражалось в распространении общего языка (если до образования языки были разные, или были очень различающиеся диалекты), чаще всего им становился тот язык, на котором предпочитали общаться воины. При небольшой территории конгломерата юноши-воины жили в одном лагере вместе со своими вождями и сакрализованным военным вождем. Если территория была большая, таких лагерей было несколько, и в одном из них находился сакрализованный вождь со своими женами и детьми. Юноши не только обучались владеть оружием, охотились или ходили в военные походы; они пасли скот или участвовали в сезонных общественных работах (вырубка зарослей на готовом к повторному использованию участке, первичная обработка поля тяжелыми мотыгами, сбор урожая и др.). Остальные работы — дальнейшая обработке полей, посев, прополка — исполнялись женатыми мужчинами и их женами, подростками и молодыми девушками, частично коллективно на полях своего селения, частично на более мелких «семейных» участках. Через три-четыре сезона культивируемое пространство истощалось, и его оставляли, а возвращались снова через 5–7, в некоторых районах через 20–30 лет. Даже выделение из общехозяйственной практики некоторых общезначимых ремесел (производство глиняной посуды, металлов, даже такого продуктивного, как железо, обработка дерева и кости для обрядовой практики) и широкий обмен продуктов такого труда не вели к имущественному расслоению общества. Были места, где конгломерат с единым воинством существовал сотни лет, где исходные этносы сливались в один большой этнос с одним общим языком и одной формой экстенсивного циклического хозяйства, где территория делилась только по локальному принципу (эти единицы этнографы и историки обычно называют «провинциями»), где складывался иерархический аппарат администрирования повседневной деятельности жителей «провинций», действиями которого управлял особый «совет» при особе «короля», состоявший из пожилых уважаемых людей; где иногда сакрализованная персона «раздваивалась» на собственно сакральную личность, имевшую

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

только сакрально-магическое назначение, и менее сакрализованного верховного военного вождя. И все равно — экстенсивный характер хозяйства, лишенного природой возможности для дальнейшего экономического развития, препятствовал возникновению эксплуатации, имущественного неравенства, возникновению классов, образованию государства (хотя внешняя сложная стройность системы стабилизации жизни такого общества и подвигала многих авторов видеть в таких структурах чуть ли не «идеальное государство»). Естественно, что первые европейцы, оказавшиеся в подобном «государстве», удивлялись четкости его структуры, слаженности жизни населения, они приходили в изумление, наблюдая отношение «подданных» к священной персоне «короля», которого носили на специальном «троне», перед которым все падали ниц и т.п. Редко кто хотя бы кратко упоминал в своих записках о том, что столь почитаемый «государь» не имел права ни отнять землю у «вассала», ни наделить ею. Более того, в этих «королевствах», как и у менее организованных малых этносов, вообще не было никаких форм частной собственности на земельные угодья из-за невозможности беспрерывной их эксплуатации. А отсутствие частного землевладения (в том числе и права имущего кровного рода или сословно-феодального права) препятствовало развитию имущественного неравенства и эксплуатации чужого труда.

Таким образом, сам собой возник вывод, что перестройка глубоко архаической социально-возрастной системы организации всей общественной жизнедеятельности, т.е. замена принципа возраста на принцип кровного родства (индивидуально-физиологического происхождения) была связана не столько с экономическим прогрессом хозяйства, сколько с возникновением, по разным причинам и в разное время, все уменьшающихся и все более стабильных реальных производственных коллективов, где на фоне возрастного деления не терялась память о реальных породителях индивида. И в любом случае, когда бы и как бы ни происходил этот переход, была неизбежной (короткая или длительная, четкая или расплывчатая) стадия права «трех братьев», т. е. стадия кровнородственного социального организма, в котором совмещались и черты уходящей системы, и черты развивающейся — черты будущего кровного линейного экзогамного рода как правового феномена.

Само право «трех братьев» именно и порождалось необходимостью сохранения старых социальных традиций при появлении учета физиологического происхождения. Это понять относительно просто. Если обратить внимание на то, что во время полного действия максимально развитой возрастной системы каждая женщина обретала право-обязанность рождать детей, в связи с ее переходом из второго возрастного статуса в третий, то станет очевидным вступление ее первенца в фазу социального полноправия, т. е. в такой же статус, как раз тогда, когда она сама перейдет в последний

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

социально-активный возрастной статус. Из следующих детей этой женщины в ту же возрастную группу, где оказался ее первенец, войдут еще двоетрое (за 7 или 8 лет продолжительности возрастного статуса), остальные ее дети окажутся в других возрастных группах. Формально-арифметически эта женщина, выходя во внесоциальное состояние (т.е. из VI статуса), в возрастной группе своих социальных детей вроде бы должна иметь не менее 9 физиологических внуков, однако большая детская (и не только детская) смертность в архаические времена сильно сократит эти цифры. В реальности, в случае стабильности у нее будет не более 2 физиологических детей в статусе начала полноправия и не более 2 физиологических внуков в статусе вхождения в социально-активную фазу (т. е. в возрастной группе ее «социальных детей). Говоря иначе, совпадение понятий «социальные дети» и «родственники по крови» на фоне возрастной системы довольно ограниченно идет по линии «физиологические деды и внуки», между которыми (с соответствующими статусными диапазонами) располагаются физиологические дети первых. Они же — родители вторых, а стабильные цифры таковы: на брачную пару дедов — двое детей и двое внуков. Отсюда — мыслимые усредненные комбинации. Например, если считать, для простоты восприятия, по женщинам, они следующие: а) три физиологические сестры порождают по одной дочери, из которых только одна рождает троих дочерей (во всех случаях имеется в виду время одного статуса); б) из трех сестер одна рождает одну дочь, а другая — двух, одна из которых в свою очередь рождает троих; в) каждая из трех сестер рождает по одной дочери, которые затем поступают так же. Далее можно представить и другие аналогичные комбинации.

Таким образом, внутри действующей возрастной системы, соблюдая ее нормы, кровнородственные связи могли оформиться только как структура из трех брачных пар (т. е. три родные/двоюродные сестры и их мужья — три родных/двоюродных брата), порождающих три брачные пары общих потомков, и т.д. (с сохранением обязательной нормы брака — каждый «брат» вступает в брак с младшей «сестрой»). Так трехступенчатый кровнородственный коллектив мог быть выделен архаическим этносом для особого воспроизводства «священных персон», при сохранении для всех остальных возрастной системы. В ином случае, весь этнос за какое-то время мог распасться на подобные кровные организмы, что неизбежно вело этнос к своеобразному делению на «полноправных» (членов трехступенчатых «родов») и остальных, т. е. не инициируемых потомков «полноправных», рожденных ими после трех первых детей. Если учитывать чрезвычайно низкую выживаемость, характерную для архаического общества, то становится понятным, что в стабильном его состоянии, в появившихся трехступенчатых кровнородственных структурах (в среднем) по сути дела не могло быть «лишних» потомков. Но объективно возникла другая особенность — три

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

пары потомков (идеальный вариант) трех брачных пар родителей не укладывались, по их реальным возрастам и по полу, в традицию «порядка» возрастных групп, т. е. возникали комбинации с «избытком» и «недостатком» по полу, а улучшенная выживаемость в столь узком коллективе нарушала возрастную стройность следования потомков. Видимо, именно эти «нарушения» и вызвали, с одной стороны, переход к счету по порядку рожденных детей (независимо от пары породителей), а с другой, — «обмен» между такими коллективами «по полу» для «выравнивания» брачных пар (т. е. появился зародыш идеи экзогамии).

Эти сложности в какой-то мере, видимо, компенсировались сохранением в трехступенчатых структурах ранее установленной традиции возраста, дающего право на брак (около 15–16 лет для женщины и около 22–24 лет для мужчины), что сохраняло до некоторой степени возрастное соответствие потомков с возлагаемыми на них обязанностями. Другим компенсирующим явлением, несомненно, оказывалось появившееся особое право каждого такого коллектива если не на «владение» отдельными хозяйственными угодьями, то, по меньшей мере, на обладание урожаем или скотом, т. е. право обладания отдельным «запасом жизнеобеспечения». Можно было подойти к этому вопросу и еще с одной стороны. Мужчин можно до поры до времени не учитывать, поскольку, будучи физиологическими породителями, они не являются родителями физически. Следовательно, речь должна идти о женщинах. Так, например, «идеальная» архаическая женщина за весь период способности рожать (от 14–16 до 30–32 лет, из-за малой продолжительности жизни) могла родить около 8–12 детей. Но большинство их умирало в грудном возрасте, т. е. еще до вступления в первый социально-возрастной статус. Кое-кто умирал во время второго статуса, после которого дочери получали право рождать. Возникал вопрос: Сколько дочерей (если считать, что их была половина, т. е. 4–6) доживало до этого права? Ответ ясен — не более одной, по среднему счету. Для архаической возрастной системы было безразлично, какая из дочерей (абстрактной, да и конкретной) женщины доживет до брачного возраста — первая, восьмая или двенадцатая; система была безразлична к физиологическому происхождению.

Важно было другое — «абстрактная женщина» для численной стабильности должна была породить не менее одной женщины, способной к деторождению. Если на долю «абстрактной женщины» приходилось 0,9 такой дочери, происходило численное уменьшение; если — 1,1, то, наоборот, увеличение. Из этого следует, что вытеснение возрастной системы трехступенчатыми кровнородственными структурами, по существу, ничего не меняло в жизни архаических этносов, но открывало правовую возможность (в случае численного увеличения) поддерживать стабильную численность в соответствии с наличной площадью активного хозяйства (земледелия или

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

скотоводства). Это достигалось тем, что все дети старшей триады брачных пар, точнее — дети женщин этой триады, рожденные ими после первенцев того и другого пола, считались «вне права», «лишними», и если в этносе таковых (подходивших к брачному возрасту) выживало много, именно они должны были уйти искать новые места, пригодные для ведения активного хозяйства (или обрести их иным путем, например, силою оружия). Все известные сведения о подобных «исходах» связаны с группами юношей, что может указывать не на то, что девушки («лишние») уходили с ними редко, а скорее на то, что улучшение жизненных условий увеличивало рождение детей мужского пола и их большую в таких обстоятельствах выживаемость. Следовало учитывать, что рождение «абстрактной женщиной» 2 доживших до возраста деторождения дочерей, то есть «удвоенно-абстрактной женщины», вело к катастрофическому увеличению численности, что едва ли могло выдержать, без массового «исхода» молодежи населения, даже быстро развивавшееся интенсивное хозяйство с поливным земледелием.

Возможно, что именно такими обстоятельствами, и очень рано, было порождено еще доклассовое деление общества долин паводковых субтропических рек на часть, занятую поддержанием в порядке дамб, плотин, каналов и водоемов; на занятую в учете и распределении полученного урожая и в других административных делах; и на часть населения, которая непосредственно выполняла все физические работы. Такая ситуация объективно соответствовала сохранению традиции обучения (уже не по возрасту, а по способностям, вследствие быстрого увеличения объема необходимых знаний) для одной части общества, и невключению в эту традицию другой его части. Другим словами, так могло происходить деление общества, еще вполне архаического по структуре, на «полноправных» — связанных главным образом с водообеспечением, — и на «неушедших лишних» — деятельность которых была связана с землей, с освоением все большей и большей хозяйственной площади. В то же время, в тех условиях, где «лишним» приходилось уходить, на новом месте деятельности они воссоздавали без изменений структуру того общества, из которого вышли, поскольку переход на новое место не мог ничего изменить в способе ведения хозяйства и не менял его экономической отдачи.

Кроме этих вариантов, естественно предполагать и иные, когда «лишние» бывали вынуждены селиться на пространствах, вообще не пригодных для ведения активного хозяйства в его архаических формах, например, уходить по течению рек в глубину лесных массивов, проникать в узкие горные долины и ущелья, заселять берега морей, океанов и больших озер. Заселение таких мест в неолитическое время неизбежно сопровождалось утратой слабых форм активного хозяйства; оставались охота, рыболовство, собирательство. Более того, непрерывно возрастающая по мере удаления от

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ного права не на земельные угодья, а на воду для орошения полей и для скота. Как правило, в данном случае права феодалов опиралась на военную силу политического повелителя («хана», «султана», «магараджи» и т. п.) обширных, стремительно растущих, но неустойчивых «империй», нередко распадавшихся на третьем-четвертом наследнике завоевателя-организатора. В борьбе наследников за власть, в их спорах иногда можно усмотреть фрагментарные следы «права братьев». Как и в Европе, земледельцы противопоставляли стремлению знати и феодалов к полному их порабощению — организацию соседских общин, но, в отличие от Европы, с более развитой памятью о довольно широком кровном родстве.

Эти различия в значительной мере связаны с тем, что для Европы характерно равномерное снегодождевое увлажнение, требующее в хозяйстве строгого календарного учета работ и, таким образом, принципиально не ставившего преграды для ведения хозяйства минимальным коллективом, тогда как в засушливых районах Азии хозяйство непосредственно зависело от возможности людей тем или иным способом организовать или создать увлажнение, что нереально для минимального коллектива. По мере развития классовых отношений в обществе и Европы, и Азии в равной мере разрушались архаические формы социальных связей, и происходила замена архаического возрастного принципа принципом индивидуального кровного происхождения. Однако, если в Европе роль нового принципа как организатора больших трудовых коллективов постепенно шла на убыль, то в азиатских условиях этого не происходило, т.е. большие трудовые коллективы объективно оказывались и кровными родственниками. Совершенно очевидно, что в Европе процесс смены принципов социальной организации начался с ее южных районов, от берегов Средиземного моря, но когда он начался — установить трудно. Археология здесь вряд ли способна помочь. Остается мифологическая и легендарная традиция, которая в известной мере сохранилась в письменных документах античного времени или была переработана античными авторами.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Глава 7
ОБЩЕСТВО ГАЛЛА-ОРОМО XVI ВЕКА

В записях Бахрея, эфиопского монаха конца XVI в., о народе галла есть чрезвычайно любопытные слова: «И нет у них царя-господина, как у других народов, но управляют ими *луба* восемь лет. А через восемь лет ставят они других *луба* и смещают прежних, и так поступают они все время. А *луба* означает — обрезанные в одно время» (глава IV).

В моих поисках корней «права трех братьев» эти фразы Бахрея, да и многое из его «Истории галла», сыграли исключительно важную роль. Обнаружилась более или менее развернутая запись действовавшей структуры общества, которая была «организована» по принципу деления на возрастные группы — на группы, которые, по моим теоретическим выводам, могли обозначаться групповым (классификационным) термином родства. Более того, время состояния в каждом возрастном статусе — восемь лет — идеально совпало с тем, которое я приблизительно вычислил на основании суахилийских терминов родства. Бахрей записал только два термина родства: «отцы» и «сыновья», как соотношение между теми (той группой «обрезанных одновременно», т. е. возрастной группой), кто выходит из социально активной фазы жизни («оставляют свои имена», как говорит Бахрей), достигнув 48-летнего возраста, и теми (той группой), кто получает имена, т. е. входят в социально активную фазу в возрасте восьми лет. Но, по сути дела, это была только другая форма записи тех же соотношений групп, какие вытекали из классификационной терминологии родства. Только вместо групповых «родственных» терминов Бахрей привел традиционные для галла имена возрастных групп. Таким образом, получалось, что если учесть последовательность этих имен и их парную связанность — отцы и сыновья (с диапазоном в возрасте — 40 лет), создавалась та же картина, которая обнаружилась при соответствующем (т. е. без физиологического происхождения) взгляде на групповую терминологию родства суахили. Но по материалам Бахрея, на первый взгляд, строго можно было говорить только о группах мужчин (отцов и сыновей). Другая трудность была в том, что Бахрей слово *луба* употреблял в двух значениях — как обозначение группы обрезанных в одно время и как наименование тех, кто «управляет», т. е. как термин, обозначающий последний в социально-активной фазе жизни возрастной статус, длящийся восемь лет.

Данные им имена возрастных групп галла можно сгруппировать таким образом (см. рис. 27).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Рис. 27

Вот его слова: «...обрезанные тогда, когда началось завоевание Бали, называются Мельбах, а имени отца их я не знаю <...> А вторые *луба* назывались Мудана, а имя отцов их Джэбана <...> А третьи *луба* называются Килеле <...> Четвертые *луба* называются Бифоле <...> А пятые *луба* называются Мэсле...» (главы V–IX). «И те пять *луба* <...> правили сорок лет и не обрезали своих детей, а жили, бросая необрезанных сыновей и дочерей, ибо таков их закон» (глава X). «И после пяти *луба* были обрезаны дети Мельбаха, и назвали их Хармуфа <...> А спустя восемь лет сместили Хармуфа и поставили Робале, детей Мудана <...> А спустя восемь лет поставили Бирмадже, сыны Килеле <...> И за тем сместили Бирмадже и поставили Мульата, детей Бифоле <...> А после того как была написана эта книга, пошел седьмой год поставления Мульата, сына Бифоле, а потом должно быть обрезание и поставление детей Мэсле» (главы XI–XIII, XV, XVIII).

Выделение этих строк из сплошного текста, где довольно пространно говорится о набегах галла на Эфиопию, отчетливо показывает, что Бахрей путался в собранном им материале об обычаях галла. Он, вроде бы, и различает две социальные «процедуры» — «обрезание», т. е. организацию очередной возрастной группы, и «поставление», т. е. смену одной «правящей» группы (переход во внесоциальное состояние — «оставление имени») другой группой, достигшей 40-летнего возраста, но сбивается в своем повествовании. Так, о *луба* Мельбах Бахрей говорит как об «обрезанных» в то время, когда «началось завоевание Бали», т. е. как о 8-летних, организованных в возрастную группу. И, далее, об остальных четырех *луба* — последовательно через каждые восемь лет «обрезавшихся». Но, видимо, под словом «обрезание» скрываются два разных обряда: один — организация возрастной группы, и другой — переход некоей другой группы в возраст социального полноправия. Очевидно, обряды проводились одновременно, а возможно, что в то же время старшая группа (48 лет) «оставляла свое имя», т. е. выходила во внесоциальное состояние. Таким образом, получалось, что у галла XVI века каждые восемь лет совершался сложный обряд дискретного перемещения возрастных групп в следующий для каждой социальный статус, по которому одна новая группа входила в систему и одна выходила из системы.

Слова Бахрея: «И те пять *луба* правили сорок лет», — не могут относиться к им же перечисленным *луба*, поскольку возраста в 40 лет из них за

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

пять отрезков времени по 8 лет достигла только *луба* Мельбах. «Бросать (т. е. подвергать процедуре обрезания) необрезанными» могли только члены *луба* Мельбах, Мудана, Килеле, т. е. те, кому больше 24 лет. Здесь, видимо, Бахрей, как и этнографы-европейцы в более поздние времена, никак не может уйти от представления, что отношение «отцы — сыновья» у галла не включали понятие физиологического порождения одних другими. Ему, как и европейцам-этнографам, было непонятно, что за отмеченное время (40 лет) из физиологических детей *луба* Мельбах, Мудана, Килеле были созданы три новых *луба*, которые не могли считаться «детьми» даже *луба* Мельбах. Далее, «путаница» повторяется: «И после пяти *луба* были обрезаны дети Мельбаха, и назвали их Хармуфа <...> А спустя восемь лет сместили Хармуфа...». Получается, что 8-летних «детей» Мельбаха, т. е. Хармуфа, «сместили», и вместо них поставили 8-летних детей Мудана — Робале, и т. д. Если же считать, что под словом «обрезание» Бахрей имел в виду признание совершеннолетия, т. е. достижение возраста 24 лет (три возрастных статуса по 8 лет), то «обрезать» «сыновей» Мельбах следовало не через 40 лет, а через 24 года. Назвать же «обрезанием» выход из системы Бахрей не мог, он дал ему другое название — «оставление имени». Таким образом, получается, что Бахрей сначала имел в виду имена тех луба, которые были «поставлены» в его время и раньше, т. е. Мульата («...пошел седьмой год поставления Мульата...»), Бирмадже, Робале, Хармуфа.

Ситуация складывается довольно сложная, поскольку Бахрей «спрессовал» две группы различных сведений: о правилах «верстания» возрастных групп под термином «обрезание», и о норме выхода из системы, где для него главным было не «оставление имени», а смена одной группы высшего социального авторитета (у него — «правление») другою, достигшей 40 лет. Усугубляет сложность и то, что для *лубы* Робале Бахрей привел не только имя *лубы* их «отцов», но и имя *лубы* «дедов» — Джебана. Последнее обстоятельство, казалось бы, подводило к выводу о том, что в возрастной системе галла каждой группе «изобретали» новое имя. Среди этнографов даже появилось предположение о существовании «цикличных» (т. е. повторяющихся через определенное время) и «линейных» (т. е. идущих без повтора) именах возрастных групп. Однако, у многих этносов восточной Африки существовало правило «наследования» групповых имен, некогда записанное Демпвольфом (он эти имена называл «тотемическими», такие же имена в Западной Африке называются «тотемными» или «лесными»). Правило заключалось в следующем: «мужчина получает главное имя от отца и передает его сыну, второе получает от матери и не передает никому; женщина главное имя получает от матери и передает дочери, а второе получает от отца и никому не передает». Здесь я «переставил акценты» — группа мужчин (возрастная) получает имя «отцов» (возрастной группы «отцов») и передаст его той же (возрастной) группе «детей»; второе имя —

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

имя их «матерей» (возрастной группы), его не передают», то же самое и о возрастной группе женщин, только наоборот. У суахили хотя уже и не было возрастных групп и групповых имен, правило «избрания» имени сохранялось: мужчине одно имя, *джина ля баба*, дает отец, другое, *джина ля мджомба*, дает *мджомба* — брат матери (т. е. через мужчину от матери); женщине одно имя, *джина ля мама*, дает мать, другое, *джина ля шанга*, она получает от отца через жещину, сестру отца, *шангази* или *сенгази*. Наример, имя писателя Шабан Роберт: одна часть — «мусульманское имя» (мать его была мусульманка), другая часть — «христианское имя» (отец был христиан). Так появилась необходимость в двух сопоставлениях: с одной стороны, было любопытно сопоставить приведенные Бахреем имена *луба* — возрастных групп галла — с системой групповых терминов родства суахили, а с другой стороны, эти же имена сопоставить с восточноафриканской традицией «наследования имени» (см. рис. 28).

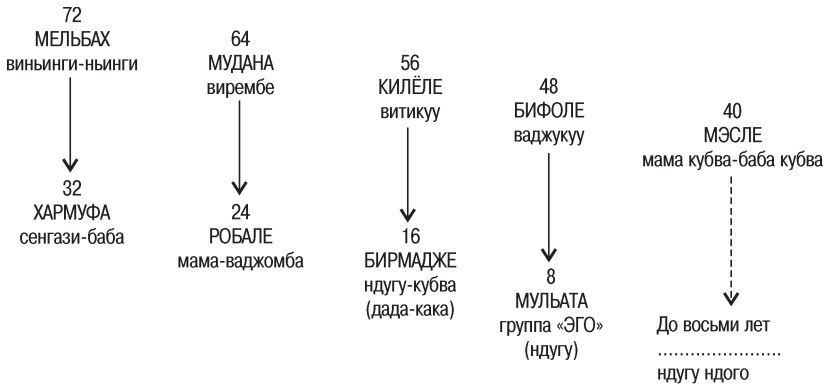

Рис. 28

В результате получилось полное совпадение. Если у предков суахили некогда возрастная группа, женщины которой именовались термином *мама кубва*, а мужчины — *баба кубва*, готовили к вступительному обряду группу своих «социальных детей», то, например, у галла при жизни Бахрея группа с именем МЭСЛЕ делала то же самое. У галла группа БИФОЛЕ после 48 лет вышла во внесоциальное состояние, организовав в обществе группу МУЛЬАТА, у суахили группа «родственников» ВА-джукуу (организаторы «детей» — группа «эго») — последние из старших, чей термин родства имеет формант социально-активного именного класса ВА, следующий термин уже с формантом ВИ, класса «вещей». Это также может означать выход в 48 лет во внесоциальное состояние.

Это совпадение двух различных способов обозначения возрастных групп навело меня на мысль о том, что материалом о структуре общества галла Бахрею послужила «мнемоника», т. е. крайне сжатое изложение порядка следования имен возрастных групп, системы несомненно «циклической»

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

и, возможно, — имен и «отцовских», и «материнских». Могло быть и так, что имена эти давались не сразу, а при вступлении в систему и при вступлении в совершеннолетие. Какое из имен — отцовское или материнское — давалось первым, при организации новой возрастной группы, из схемы сопоставления выводилось довольно просто.

Естественно, что имена старшего «колена» (Мельбах, Мудана, Килёле, Бифоле и Мэсле) — имена «отцов», и получают их вторыми, а первыми при организации новой возрастной группы были имена «матерей», т. е. Хармуфа, Робале, Бирмадже, Мультата. Среди имен младшего «колена» нет пятого. Так возник сложный вопрос: «Должно ли оно быть?». Теоретически ответ на него крылся в другом вопросе, который касался не столько групповых имен галла, сколько правила «наследования» имен от матери и от отца в Восточной Африке у бантуязычных народов. Правило означало, что внуки, отцы, деды и т. д. должны были иметь одно и то же «отцовское» имя, но «материнские» были разные. Аналогично, внучки, матери, бабки и т. д. имели одно и то же «материнское» имя, а «отцовские» были разными. Подобная ситуация с групповыми именами могла быть необходимой только в том случае, когда возрастные группы верстались раздельно по полу и число мужских групп отличалось от числа женских на единицу. Судя по словам Бахрея: «…А когда обрезали их, то сыновей воспитывали, а дочерей бросали на два или три года после обрезания», — галла формировали женскую группу отдельно от мужской и в другое время, ибо его выражение «бросали» можно понять, как и в сообщении об обрезании мужчин, в том смысле, что «не подвергли обряду». Из этого можно заключить, что будущие «дети» Мэсле должны был получить как первое («материнское») имя снова Хармуфа, т. е. снова первое в ряду четырех «материнских» имен.

Так получилась вторая схема (см. рис. 29).

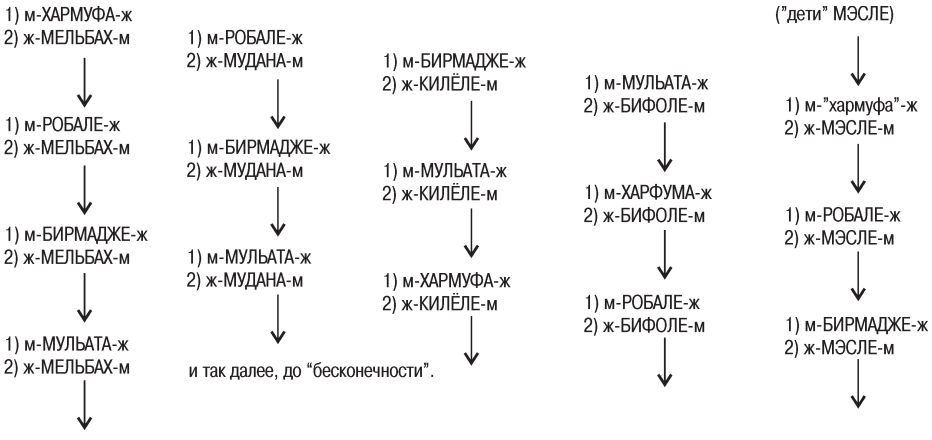

Рис. 29

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Эту таблицу можно изобразить в ином виде, т. е. оставив только главные имена (те, которые по полу передают потомкам) для мужчин и для женщин (см. рис. 30).

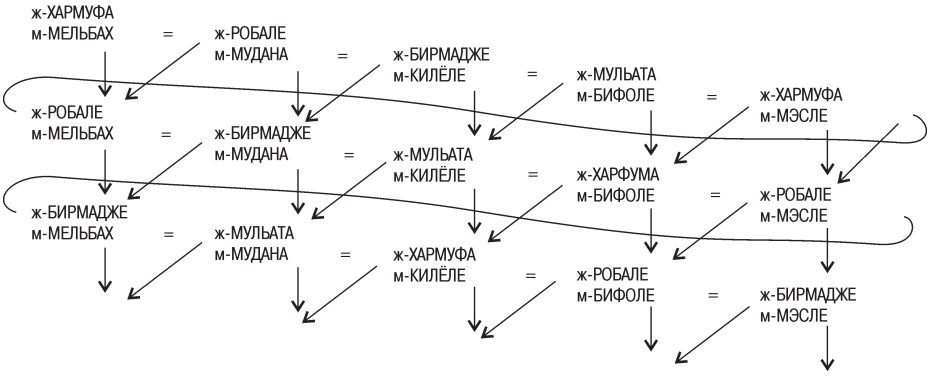

Рис. 30

Эта схема «цепочки» возрастных групп за 120 лет (три колена), и на ней отчетливо видно, как «наследуются» социальными потомками главные имена по полу. Совершенно ясно, что каждой группе необходимо два имени (это не требуется, если число групп мужчин и женщин одинаково в пределах цикла имен, т. е. в колене). Нетрудно заметить, что данная схема «ориентирована» на главные, т. е. «отцовские», имена мужчин; соответственно их числу получилось пять колонок, где в каждой повторяется одно и то же имя у «сыновей», «отцов» и «дедов». Одновременно понятно, почему каждая группа должна иметь два имени: «материнские» имена (главные для женщин) не одни и те же в колонках, но во всех случаях — это имена «матерей». Например, в младшем колене средней колонки главное имя мужчин — КИЛЁЛЕ, оно же у их «отцов» и «дедов», но их второе по значению (главное для «сестер» их группы) — ХАРМУФА, имя их «матерей», т. е. женщин из группы на один статус (8 лет) моложе группы их «отцов». Кстати, становится понятным, как строятся жестко направленные браки (те самые, которые позже, когда возрастная система разрушается, называют предпочитаемыми).

Можно эту же схему построить с ориентировкой на «материнские» имена; в таком варианте колонок будет четыре, и по колонкам будут повторяться одни и же имена «дочерей», «матерей» и «бабок».

Разумеется, материал Бахрея можно понять и иначе, т. е. счесть, что все приведенные им групповые имена — мужские («отцовские»), что они одинаковы и для мужчин, и для женщин. Тогда придется считать, что в цикле их имен — 10, назвали 9, одно имя (еще необрезанных «детей» Мэсле) не названо, и одно «лишнее» (Джебана, имя «отцов» Мудана), которое, возможно, и есть имя «детей» Мэсле. Ясно, что в таком случае каждое

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

колено из пяти возрастных групп обладает своим набором имен, которые чередуются через колено. Именно такое понимание данных Бахрея прежде всего приходит в голову, когда пытаешься понять, какая система лежала в основе его записей. Но затем начинает смущать «лишнее» имя ДЖЕБАНА — кажется, что система имен не циклична, что каждый раз придумывали новое имя — для новой возрастной группы. И только мысль о явной бессмысленной «расточительности» общественной памяти заставляла меня думать иначе, искать в сообщениях Бахрея и в прочих материалах некую сжатость, рациональность и простоту, своеобразную удобность для хранения в человеческой памяти.

Говоря иначе, я искал структуру мнемонического характера, где бы сложные понятия имели внешнюю простоту и максимальную краткость. Примером такой мнемоники для меня всегда была схема терминов родства турано-ганованского типа (т. е. классификационного характера), та самая, которую более сотни лет этнографы понимали как систему, «расширенно» (т. е. включая родственников по крови и по браку) описывающую все возможные родственные связи эго-индивида. Сжатость этой мнемоники (в таком ее понимании) была воистину потрясающей, десятком терминов при желании можно было «доказать», что пятью-шестью веками ранее все существовавшее тогда человечество было кровными родственниками этого эго-индивида. И, тем не менее, это действительно была превосходная мнемоника. Достаточно было только отрешиться от привычного представления, что под ее групповыми терминами подразумевались родственники по физиологическому происхождению, и понять, что для доклассового общества важно было не происхождение одного индивида от двух других, а физические и умственные возможности каждого человека в зависимости от его возраста. Понять, что единственная родная мать и родной отец, родные брат и сестра и т. д. — есть понятия не изначальные, а являющиеся порождением развития права частной индивидуальной собственности, своеобразной «частной собственностью» на кровных родственников. Так получилось, что нашлась еще одна столь же сжатая и краткая мнемоника структуры архаического общества, но выраженная не в терминах группового родства, а при помощи системы групповых имен, присваиваемых возрастным группам, организуемым вне зависимости от физиологического происхождения.

В суахилийской традиции групповые имена не сохранились. Отчасти это было следствием развития классовых отношений, отчасти — распространения мусульманской религии. В этнографических работах о других бантуязычных этносах Восточной Африки встречаются записи так называемых тотемических, или тайных, имен, но записаны они бессистемно и без связи с терминологией родства. Из таких записей невозможно извлечь ничего, кроме факта их существования. Здесь сказалось странное обыкно-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

вение этнографов фиксировать разные аспекты социальных отношений в исследуемом обществе как самостоятельные, ничем не связанные «институты». Но со временем все же обнаружилась одна «системная» запись имен у васукума. Подана она как «родословная» некого мсукума по имени МХИНДИ, отцом которого был тоже МХИНДИ, а матерью — МУГОРО.

Вот вся схема (рис. 31).

мужья	их жены		мужья	их жены
прапрадед	Мхинди=Мухета		прапрадед	Минза=Мукула
прадед	Мхинди=Мусумо	родня	прадед	Мкуну=Минза
дед	Мхинди=Мукарио	матери	дед	Мугоро=Мкуну
отец	Мхинди=Мугоро	«эго»		
«эго»-м	Мхинди		мать «эго»	Мугоро

Рис. 31

Первая половина этой мнемоники совершенно четкая — даны пять «поколений» одного мужского («отцовского») главного имени МХИНДИ и четыре главных («материнских») имени их жен. В соответствии с правилом «наследования» тотемических имен, записанным Демпвольфом, полное имя «эго»-м будет МУГОРО-Мхинди, поскольку его отец МХИНДИ, а мать МУГОРО. Полное имя его отца будет МУКАРИ-Мхинди, деда — МУСУМО-Мхинди, прадеда — МУХЕТА-Мхинди, а имя прапрадеда совпадет с именем «эго»-м, т. е. будет МУГОРО-Мхинди.

Ясно, что совпадут по имени и их жены, т. е. женою «эго»-м должна стать МУХЕТА. Не так уж и трудно было понять, что в мнемонике только четыре «женских» имени и пять «мужских», а во второй ее половине, кроме МУГОРО, нет ни одного «женского» имени. Более того, отец матери «эго»-м не может по «мужскому» имени быть МУГОРО, — это «женское» имя матери, матери «эго»-м. Остальные имена: МИНЗА, МУКУЛА и МКУНУ — «мужские». Вместе с именем МХИНДИ их только четыре, пятое «мужское» имя не названо, но оно существовало. Если бы их было, как и «женских», четыре, то все «поколения» мужчин МХИНДИ имели бы жен с одним и тем же именем, например, МУХЕТА — смещение имен не происходило бы вследствие их «парности».

Теперь эту мнемонику можно развернуть в полную таблицу «мужских» и «женских» групповых имен предков васукума (см. рис. 32).

Согласно мнемоники, схема ориентирована на «мужские» («отцовские») имена, и потому они одни и те же в каждом вертикальном «столбе». Два первых «столба» полностью повторяют первую часть мнемоники — «мужское» имя МХИНДИ в пяти «поколениях» и «женские» (для них главные) имена их жен. Чтобы понять, какие мужские «родственники» по линии матери «эго» были важны для него, следовало построить частичную схему, включающую только те «мужские» имена, которые приведены во второй части мнемоники (см. рис. 33).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

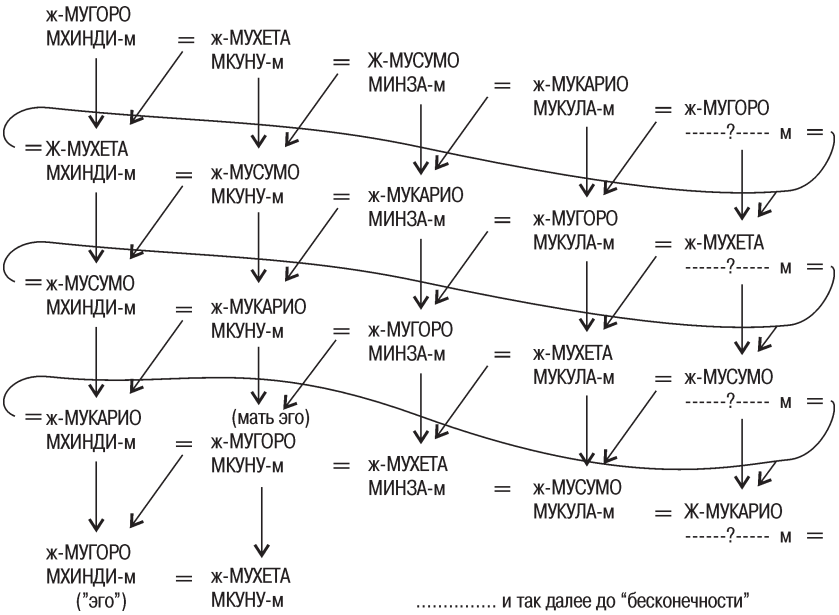

Рис. 32

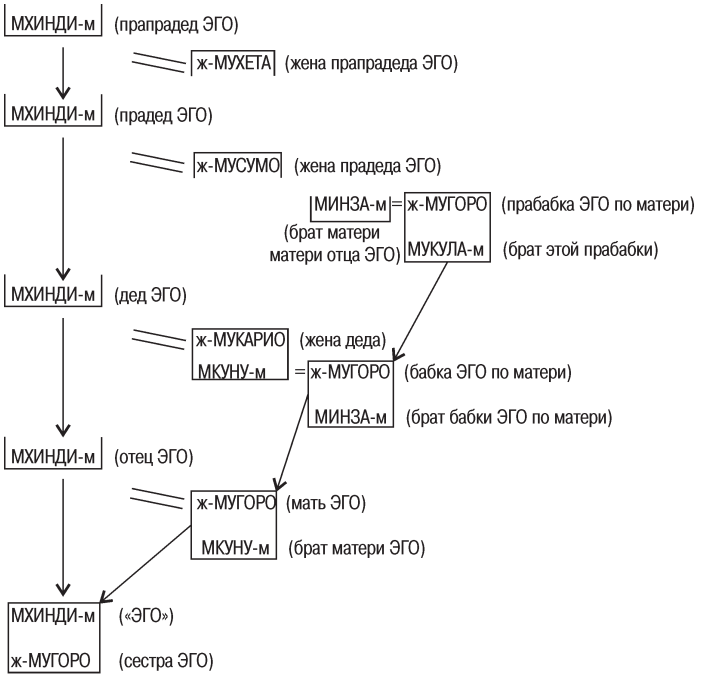

Рис. 33

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Из этой, частичной, схемы со всей очевидностью вытекает, что для мужчины (в данной мнемонике МХИНДИ-м) в любом «колене» важнейшим мужским «родственником» является «брат матери» (вот и ответ на «загадочный вопрос» этнографии — по какой причине «брат матери» считается очень важным родственником). Так, во второй части мнемоники два имени: МУГОРО — имя матери эго, и МКУНУ — имя ее брата (точнее — это два имени взаимно главные и вторые для мужчин и женщин той возрастной группы, к которой относится «мать» эго). Выше еще два имени: МКУНУ и МИНЗА. Первое — это имя брата матери отца эго, второе — имя брата матери матери эго (имя брата бабки эго по матери). В верхней строчке еще два имени, МИНЗА и МУКУЛА. МИНЗА — это брат матери брата матери отца эго, МУКУЛА — имя брата матери матери матери матери эго (брат прабабки эго по матери). Разумеется, все использованные здесь термины родства — групповые, т. е. передающие не физиологическое происхождение индивидов, а «родственные» соотношения возрастных групп. Групповые имена в мнемонике (МХИНДИ и др.) даны в формах ед. ч. с формантом «М-», поскольку была записана «частная» мнемоника (своеобразная «родословная») некого индивида с именем МХИНДИ. По нормам языков банту, если бы запись была «внешней», имена возрастных групп имели бы формант ВА- (как, например, в этническом названии васукума: мужчина и женщина по отдельности мсукума, а вместе — васукума). Но я, строя таблицу, не стал менять слова, принципиально это ничего бы не изменило.

Для иллюстрации одинаковости возрастной структуры у галла XVI века и предков бантуязычных васукума можно записать их полную мнемонику такой же таблицей, какая вытекала из бахреевской мнемоники галла (см. рис. 34).

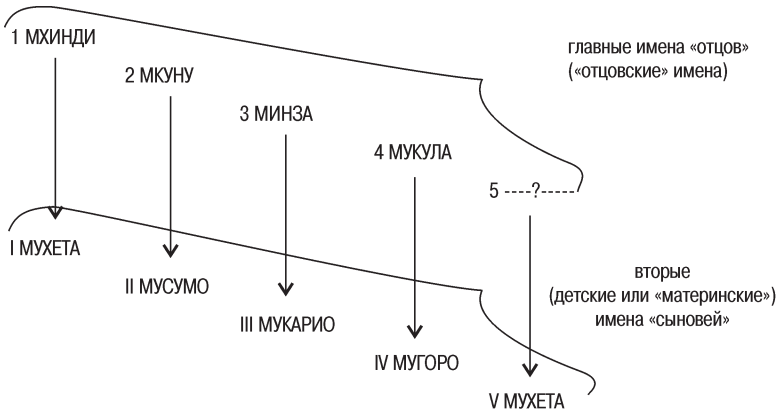

Рис. 34

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

В отличие от мнемоники Бахрея, выяснить пятое «мужское» имя васукума нет возможности, поскольку для «эго» МХИНДИ-м по линии «матери» оно расположено в пятом колене предков, а женская мнемоника учитывает только четыре колена. Другим «неизвестным» в мнемонике васукума оказывается число лет, за которые верстается возрастная группа. Предположительно их должно быть также восемь, как и у галла, исходя из числа «мужских» групповых имен, т. е. если считать активную фазу жизни мужчины в 40 лет. В таком случае между «эго» МХИНДИ-м и его «прапрадедом» МХИНДИ-м располагался промежуток времени 200 лет (40×5).

Это вовсе не должно значить, что каждый мсукума помнил своих предков, просто так была составлена (или выработана традицией) социальная мнемоника, дававшая любому человеку при помощи группового (двойного) имени определить «родственные» отношения с представителями других возрастных групп своего колена и колена предков. Здесь, как и у галла, система не учитывала физиологического происхождения одного индивида от двух других, а только соотношение возраста вступающих в активную фазу жизни и выходящих во внесоциальное состояние («дети» и «предки», с диапазоном в 40 лет).

«Мужские» и «женские» (или «отцовские» и «материнские») линии наследуемых групповых (тотемических или «тайных») имен не имели ничего общего с кочующими из книги в книгу уже более 100 лет (со времени Моргана) отцовским и материнским счетом родства (физиологического), а были просто двумя «координатами» каждого человека (в составе его возрастной группы), определяющими его место в социальной структуре и все изменения его обязанностей и прав.

Это можно показать, построив схему васукума с ориентацией на «женские» имена (см. рис. 35).

Из такой схемы видно, что если бы информантом была женщина, например, «сестра» того же МХИНДИ-м с главным для нее «материнским» именем МУГОРО, то устная ее мнемоника выглядела бы иначе, чем та, которую сообщил мужчина МХИНДИ. Вероятно, она назвала бы четыре имени МУГОРО (матери, бабки, прабабки и прапрабабки) или только три, а также имена их мужей (Мхинди, Мкуну, Минза и Мукула) и имя сестры отца — МУКАРИО (одно и то же для всех колен ее женских предков). Если бы она сообщила и имя своего мужа, было бы известно и пятое «мужское» имя (– ? — м).

Учитывать не только в мнемониках, но и в любом этнографическом материале пол и социальный возраст информанта — очень существенно, вследствие того, что любая информация на одну и ту же тему (с точки зрения европейца-этнографа) будет сильно различаться. Абстрактное понятие «человек» существует в каждом языке, но в социально-правовом

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

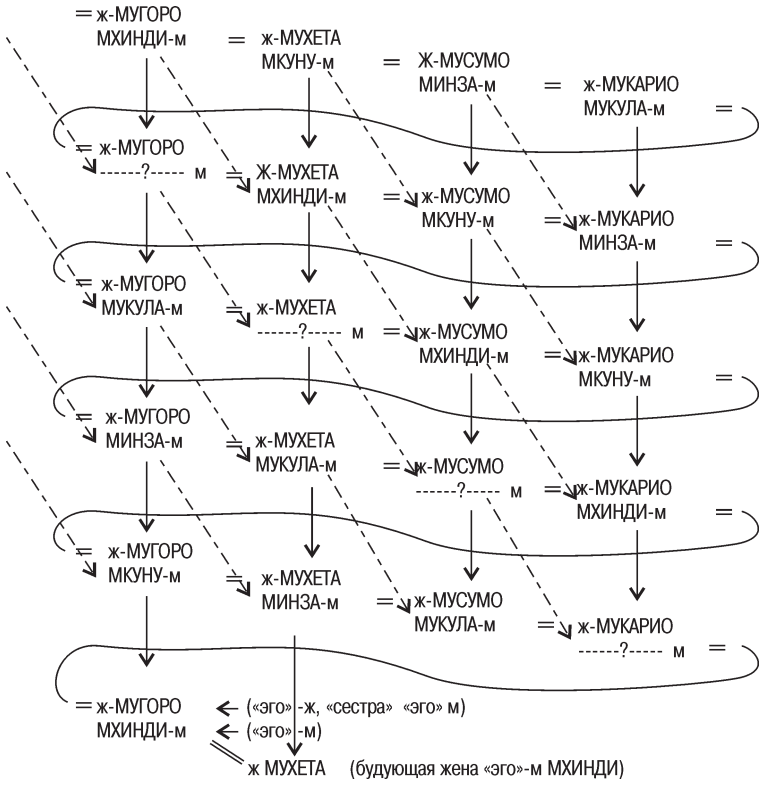

Рис. 35

смысле, даже в культурной европейской традиции, оно появилось совсем недавно и еще не охватило всех сторон действительности (в политической жизни сохранились «цензы» и по полу, и по возрасту). По этой причине я давно привык к тому, что весь материал, приводимый в той или иной этнографической (или исторической) работе, необходимо подвергать внимательному анализу на предмет выяснения пола и социального положения информантов. Что не всегда просто и требует много времени и поисков «зацепки», но это столь же необходимый принцип исследования, как и поиски «акцента», который бы не отражал современного понятия. Последняя частная схема по мнемонике васукума нужна для отчетливой демонстрации одинаковости нормы передачи групповых имен у галла, васукума и предков суахили (т. е. того времени, когда у них еще была пятиступенчатая возрастная система регулирования социальной действительности) (см. рис. 36).

Эта однозначность дает основание утверждать, что у суахили до появления трехступенчатой системы, отражающей «право трех братьев-*ндугу*» на титул верховного военного вождя-*мфальме*, такового «права» и такой «персоны» не было, как не было его, согласно сведеньям Бахрея, и у галла XVI века.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

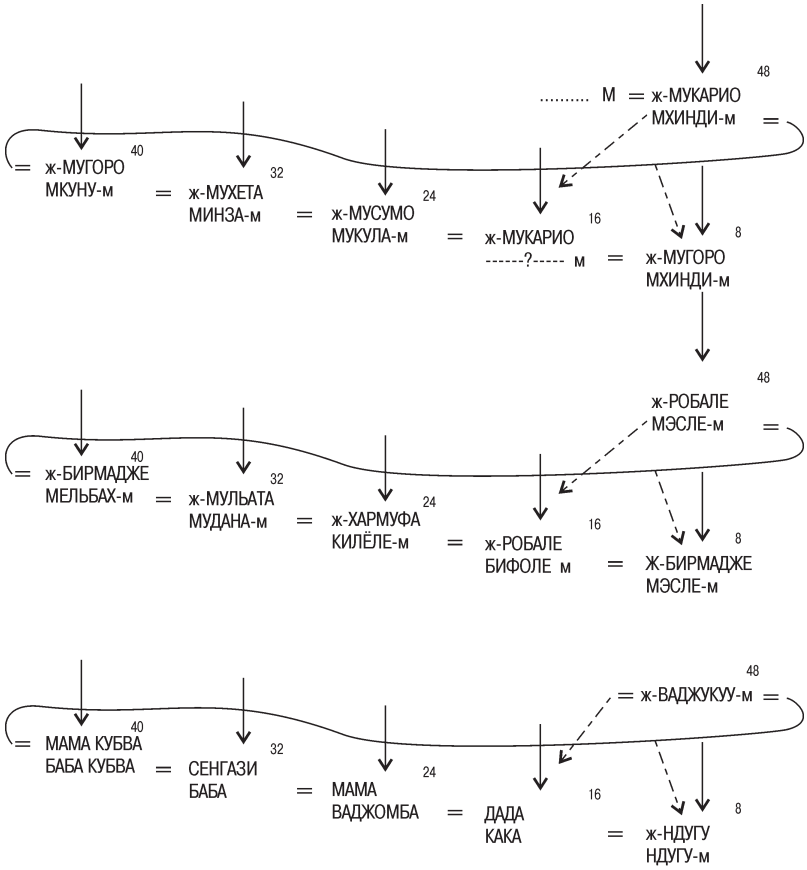

Рис. 36

Был ли верховный вождь у молодежных отрядов васукума? В этнографических сочинениях по Восточной Экваториальной Африке за колониальный период собран большой материал и по терминологии родства и по терминам социальной структуры, есть также и упоминания о «вождях». Собирателями были либо христианские миссионеры, либо специальные колониальные чиновники — «правительственные антропологи». Последние действовали по специальной программе, имея перед собой цель — собрать материал для создания из «местной традиции» особого звена в системе управления колониями — «аппарат туземных властей», который должен был «автоматически» сохранять неизменным уровень социального развития и при этом обеспечивать экономическую эксплуатацию аборигенов колоний. Сбор материалов как попы, так и чиновники вели в соответствии с анкетами-вопросниками (так можно судить по структурам изданных книг и систематизации в них сведений), которые составлялись на пересечении преследуемых интересов, догм официальной этнографии и «здравого смысла», т. е. в соответствии с европейскими представлениями о физиоло-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

гическом родстве, индивидуальном праве собственности, власти, о делении родственных отношений на родство по крови и свойство по браку и т. п.

Картина получилась внешне будто бы и стройная (социальные институты, системы связей, типологии признаков, квалификация уровней), но на самом деле сумбурная, соответствовавшая больше желаемому, чем реальности, «здравому смыслу», нежели естественно развившейся архаической сложности, еще не достигшей той степени абстракции и индивидуализации, которая свойственна европейскому обществу. Так, например, в раздел «терминология родства» шли не только основные термины с групповым значением, но и индивидуальные различные термины-обращения или обозначения, без различения условий и обстоятельств употребления, без различия пола и возраста того, кто их использовал или к кому они относились. Видимо, действовал принцип — «чем больше, тем лучше». Но нет худа без добра. Среди этого скопища терминов и интерпретаций соотношений оказался один весьма забавный термин родства: дочь сестры мужчины называется *мкима ва бате*, т. е. дословно — ‘жена вождей’. Слово, переводимое в словарях как «вождь» — *мтеми* (мн. ч. *батеми* или *ватеми*) происходит от глагольной основы *ку-тема*, основное значение которой — ‘срезать или срубать кустарник, расчищая землю под посев, после сезона дождей’. Таким образом, получается, что вождь-*мтеми* — это тот, кто руководит молодежью во время положенных по возрасту занятий, где важнейшее место занимала расчистка хозяйственных угодий. Любая «дочь», если сохраняется действие возрастной системы, получала правообязанность на брак при переходе из II возрастного статуса в III (т. е. в возрасте около 16 лет), и мужем ее становился тот, кто перешел из III статуса в IV (т. е. достигнув 24 лет). Из этого следовало только одно — вождь-*мтеми* (или вожди, руководители молодежи в разных занятиях) избирался в 24 года и оставался таковым до 32 лет, до перехода его возрастной группы из IV статуса в V.

Под началом вождя-*мтеми* находились, таким образом, юноши от 16 до 24 лет и дети от 8 до 16 лет, и больше никто. Такую «персону» этнографы обычно именуют «вождем племени», поэтому либо термин «племя» следует соотносить только с неженатой молодежью, либо вообще отказаться от терминов «племя» и «вождь племени». Поскольку *мтеми* (и аналогичные «вожди») существуют в системе, где возраст определял социальный ранг человека, их ранг ни в каком смысле не мог быть выше тех, кто старше. Именно непонимание этого принципа социальных отношений в архаическом обществе, вкупе с упрощенным взглядом на происхождение государства вследствие «завоевания», без развития экономической базы, имущественного расслоения и классообразования, было причиной полной несостоятельности искусственно созданных «туземных властей», да и всей системы косвенного управления колониями.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Что же касается «властей» традиционных у материковых этносов Восточной Африки, то к ним также можно отнести слова Бахрея: «не было у них царя-господина, кто бы приказывал им», и «управляли», т. е. организовывали все необходимые ритуалы и обряды, являвшиеся внешней констатацией течения социальной и экономической действительности, такие же *луба*, т. е. мужчины и женщины возрастного статуса 32–40 и 40–48 лет. И ни с какой стороны это «управление» нельзя назвать «властью». Бахрей, эфиопский монах XVI-го века, понимал это, но вот специалисты-этнографы XX в. упорно это не желают понять, и появляются странные термины: «потестарное племя», «вождества» и пр., долженствующие эволюционно заполнить «промежуток» между структурой доклассового общества и государством. И все это — не более как примитивно понятое сложнейшее и противоречивое состояние общества в так называемый «переходный период», состоящий из суммы разнородных и разновременных диалектических перерывов постепенности, множество которых есть следствие множества аспектов структуры и жизни общества последней стадии первичной формации. Главное же недоразумение, видимо, происходит вследствие трудности осознать, что люди доклассового общества жили и действовали без приказов, повелений и новых законов, исходящих от «специального» лица или лиц. Жили по традиции, казавшейся им «вечной и неизменной» (но объективно менявшейся, как и все сущее), которую они «впитывали» в себя буквально от рождения до смерти. И в этой традиции не было привычного нам понятия «власти» (т. е. чьего-то волеизъявления), где «приказание» и даже «предсказание» было только сообщением или напоминанием того, что полагалось делать в то или иное время. Даже юноши, исполняя ту или иную работу, отправляясь в охотничью экспедицию или военный поход, подчинялись велению традиции, а не «вождю», который был нужен им не для «волеизъявления», а для «удачи», для лучшего результата их дела.

Этнографы, а особенно историки, из всех сведений о деятельности молодежных отрядов выделяют их военные походы, с особым стараньем прослеживают маршруты этих походов, совершенно забывая, что они же выполняют особо трудоемкие работы, требующие массовой молодой силы. Если спросить таких ученых: «Кто же строил надежные и весьма протяженные плотины и дамбы, рыл каналы и водоемы в долинах древних цивилизаций Востока?» — получишь один ответ: рабы и принужденные свободные общинники. Может быть, позже, в конце существования этих цивилизаций, это так и было — но не в начале, когда только складывалось поливное земледелие.

Возникает другой вопрос: «Почему после так называемого «завоевания» каким-либо «царем» значительной части или всей долины вдруг резко возрастала и продуктивность хозяйства, и результативность иной деятель-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ности?» Вряд ли это можно объяснить возникновением «твердой власти», т. е. счесть следствием «волеизъявления». Чтобы поднять урожайность, нужен был не приказ «повелителя», а улучшение и расширение ирригационных сооружений и объединение их под одной властью. Практически это выражалось в появлении огромного отряда молодежи, силы единой и мобильной, способной в нужный момент и в короткий срок выполнить необходимую работу. Эта же сила была способна успешно отразить нападение соседей-кочевников, угнать их скот, увести пленных, чтобы увеличить свои возможности в выполнении традиционных хозяйственных работ. Вот в связи с этими «пленными» и появился зародыш того представления о «власти» и «волеизъявлении», которое свойственно нашей современности. Причина появления — чье-то превосходство в силе и умении воевать. Победители вольны перебить побежденных; вольны, если это необходимо, увести с собой и заставить трудиться вместе с собой (а не вместо себя, как это нередко считается). И волеизъявление здесь не индивидуальное, а коллективное, поскольку сила у коллектива, а точнее — у молодежных отрядов возрастного статуса «воина». Расхожее современное представление о власти как о волеизъявлении индивида появилось не так уж давно, оно — всего лишь «облегченное» отражение в сознании людей некоторых сторон реализации права индивидуальной частной собственности буржуазного общества. Модель проста: индивид имеет капитал, он желает создать предприятие, он «волеизъявляет», т. е. приобретает или арендует землю, покупает материалы и нанимает строителей, покупает оборудование и сырье, нанимает специалистов и рабочих, получает продукт, реализует его и т. д. Эта модель отражается так: человек имеет «волю», которая помогает ему «найти» капитал и создать предприятие, где он осуществляет «власть». При этом понятие «воли» («волевая личность»), «власти» («властная натура»), воспринимаются как нечто присущее этому индивиду чуть ли не от рождения, как некая особая форма «частной собственности», как «талант», хотя все доступное ему «волеизъявление» полностью зависит от размера его капитала, а «властен» он только нанять или уволить рабочих.

Многие науки в своем современном оформлении начали свое развитие одновременно с развитием буржуазного общества Европы (в том числе и история, и этнография). Получилось так, что ученые того времени незаметно для самих себя, «инстинктивно», привнесли это расхожее представление об индивидуальной воле и власти в свои исследования ранней политической истории и в этнографические описания. И оно упорно держится там до сих пор, искажая понимание собранных сведений. Не только древним «царям», но и жившим и действовавшим на глазах у европейцев-первопроходцев приписывались многочисленные акции индивидуального «волеизъявления», «властность» и «власть», способность «создавать» государства на «завоеванной территории», «объединять племена» и т. д. И все

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

это независимо от уровня социального и экономического развития «покоренных племен». Кратковременность существования таких «империй» обычно объясняют либо недостаточной энергичностью преемника «завоевателя», либо центробежными устремлениями «мелких» вождей, и только иногда — неготовностью общества к существованию в облике государства.

Между тем, от самого прославленного вождя, к которому примкнуло много других отрядов молодежи (со своими вождями), до такой «персоны», какими были *мфальме* суахилийских городов с их классово-сословным обществом, «дистанция огромного размера». Разумеется, военный вождь, будучи неотъемлемой принадлежностью отряда воинов-юношей, делил с ними и коллективную волю, и коллективную власть. Но потребовалось множество изменений в социальной организации для того, чтобы значительная доля всего этого сконцентрировалась на его «персоне» и стала касаться не только юношей, но и старших. Есть и другая сторона в развитии этого социального явления. Юноши-воины, как и любой странствующий индивид, во время похода или в иной экспедиции, согласно архаическое традиции, имели древнее право получать некоторые пищепродукты (из того, что невозможно добыть охотой) и кое-что из других вещей. Это была традиционная добровольная дань взрослого населения (не обязательно своего этноса — да и отряд мог быть смешанный) для успешного прохождения трудной подготовки к жизни взрослого человека. Следует полагать, что длительное время содержание и размеры этой дани определяла традиция, но такая дань могла быть потребована и на «враждебной» территории. Ее могли дать, а могли и отказать. «Дань», которую взяли силой, самими обстоятельствами ее получения вряд ли ограничивалась традиционной нормой по размеру и содержанию, здесь тоже проявлялась коллективная власть. Если подобные ситуации повторялись, то их привычность создавала у юношей-воинов некоторое нежелание переходить, по окончании статусного времени, к обычным хозяйственным делам взрослых. Но так просто традиционные порядки не меняются. Тем не менее, возможность получения «увеличенной дани» все же многое меняет: появляется стремление как можно чаще собирать ее на территории «чужих» этносов, отказ или сопротивление с их стороны превращает такие походы в набег с целью грабежа, т. е. порождает традицию войны. Но наиболее важное обстоятельство заключается в том, что таким образом складываются некие новые отношения — «дань» по договору, как «плата за воздержание от грабежа» (возможно, что так появлялись самые первые «политические» отношения).

Нетрудно понять, что во всех подобных обстоятельствах проявлялась не власть вождя, а власть отряда воинов-юношей, и она заставляла вождя «вести» их туда, где предполагалась добыча или «дань». Вождь мог полу-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

чить широкую известность (или, по-русски, «славу»), если каждый поход оказывался удачным, если территория, с которой воины получали «дань», становилась обширной (такая территория в русской речи именовалась «волостью»). Но если неудачи следовали одна за другой, считалось, что этот вождь утратил «магическую возможность» приносить победу, и его убивали, избирая другого. Сделать это было не так сложно — ведь «правом» вождя обладал не индивид, а каждая конкретная возрастная группа статуса 24–32 года. То есть сам этот возрастной статус — «статус вождей», как это следует, например, из курьезного термина родства — «жена вождей» (*мкима ва батеми*) для обозначения «дочери». Если же срок статуса подходил к концу, то «старого» вождя «смещали», а новый избирался уже из числа бывших юношей-воинов, которые переходили к «обычной» деятельности и женились. Получается так, что сами бывшие юноши-воины, даже если они переходили в следующий возрастной статус и не очень охотно, не могли быть заинтересованы в сохранении за их бывшим вождем этого поста еще на срок следующего статуса (т. е. 32–40). В таком продолжении могли нуждаться либо новые юноши (статус 16–24) либо весь этнос, если результаты сохранения «дани» или набегов (или иной труд воинов) давали материальную выгоду и этносу. Особо большая «магическая возможность» некоторых вождей, рано или поздно, создала «социальный прецедент» продления пребывания на этом посту, что ритуально оформлялось как «возврат» его возраста к началу статуса вождей. Практически в архаическом обществе это можно было сделать, повторив ритуал брака, т. е. дать этому вождю вторую жену из числа «сестер»-сверстниц следующей группы юношей-воинов. Эту процедуру с одним человеком можно было совершить дважды, т. е. особо выдающийся военный вождь мог получить три жены по мере достижения ими 16-летнего возраста, но самому ему через 8 лет после третьего брака становилось 48 лет, и он выходил во внесоциальное состояние, как и любой другой член этноса. Выходит, что мыслимый максимальный срок пребывания военного вождя молодежи на таком посту мог быть равен времени трех возрастных статусов: 24–32, 32–40 и 40–48, т. е. 24 годам.

Ясно, что «связанность» такого вождя со всем этносом была большей, чем у обычного вождя, и она была в какой-то мере и экономически обоснована реальным возрастом, но весьма сомнительно, чтобы длительность пребывания в этой роли могла сама по себе увеличить его «долю» в коллективной власти воинов или распространить эту «долю» на остальной этнос. Ведь архаический, т. е. доклассовый, этнос не нуждался в силе (т. е. власти) для сохранения классового «равновесия» (иначе — для подавления угнетенных классов). Что же до подвластных соседних этносов, то их эксплуатация — сбор увеличенной дани — скоро становился обычным, т. е. входил в традицию или терялся. В первом варианте «подвластные» этносы и этнос-«властитель» сливались в более обширный этнос, т. к. все переда-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

вали своих юношей выдающемуся (своей «магической силой») великому вождю на выучку. А во втором варианте юноши «отложившегося» этноса выбирали своего вождя, и под его «магической сенью» оказывались способными оградить свой этнос от «дани». Подвластные территории («волости»), сколько бы они ни существовали в качестве данников, не становились только от этого государствами, управляемыми «завоевателем». Необходимо было имущественное расслоение общества, его разделение на классы, что зависело не от сбора дани, а от такого развития экономической основы общества, которое давало бы значительный излишний продукт. Даже пленение юношами-воинами членов других этносов (т. е. возникновение «рабства») не создавало классового общества, поскольку с возрастом «рабов» объективно менялся их статус, и они либо входили в «поработивший» их этнос, либо уходили куда-либо, что зависело от того, где они обретут себе жен.

Следует, видимо, особо подчеркнуть, что не воля и власть (даже коллективные) создавали государства и классовые отношения в обществе, а складывались они вследствие успешного развития интенсивных форм хозяйства, вызывавших где медленное, где ускоренное разрушение возрастной организации общественной жизни и появление кровнородственных социальных организмов с их различием в родовой собственности. Это различие в родовой собственности на средства производства, углубляясь, создавало вражду кровных родов, отрывало молодежный возраст от древней традиции жизни до брака в общеэтнических лагерях. Из той части молодежи, которая все еще соблюдала древний обычай (т. е. которой нечего было охранять, кроме родовой собственности), постепенно складывался особый слой населения — профессиональные воины, остававшиеся таковыми и после брака и, естественно, в таких обстоятельствах порождавших также сыновей-воинов. Эти воины со своими вождями уже не были этническим институтом, а представляли собой особую вариацию кровного рода (что было неизбежно на фоне развившихся кровнородственных отношений в остальном обществе), средством существования и процветания которого была война. Социальный слой профессиональных воинов был близок к обычному кровному роду, принципом кровного (от отца к сыновьям) наследования социального положения и рода занятий, но принцип его единства («братства») был ближе к древней возрастной традиции. Это было не содружество кровных родов, а содружество малых кровных семей, в то время как обычный кровный род (не теоретический, а реально имущий), по сути внутренних связей, представлял собой одну более или менее обширную и разветвленную кровнородственную большую семью, где возрастные характеристики подавлялись рангом близости к главному стволу — к прямой вертикальной линии, идущей от мифического предка или от реального «основателя» рода.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

В таких социально-экономических обстоятельствах сливались интересы главных родов и вождей, профессиональных воинов, и власть постепенно концентрировалась на этих лицах. Иначе говоря, борьба имущих родов (в реальности — практически уже имущих семей) за расширение своих земельных владений в значительной мере опиралась на силу оружия воинского сословия. Воинское сословие, вследствие традиции своего происхождения, не стремилось к непосредственному обладанию земельной собственностью, но довольствовалось наличием подвластной территории, т. е. людей, занятых производительным трудом и обязанных, в силу своего зависимого положения, поставлять жизненные блага своим повелителям. В общих чертах, так складывались две формы «синьорий»: хозяйство главноимущих родов (опирающееся на традицию права «изначального» землевладения) и хозяйство начальника воинского отряда — «князя» с «дружиной», владевшее территорией на правах завоевателя.

Параллельно с развитием двух этих форм эксплуататорских хозяйств сложилась и третья форма — хозяйство служителей культа, социального слоя, который больше всего приложил усилий для того, чтобы власть приняла характер традиции индивидуального права. Создавая религию, т. е. идеологию разделяющегося на классы (в соответствии с имуществом) общества, он проповедовал иерархию подчинения, обосновывая ее структурой «высших сил», стремясь занять в реальной иерархии высшее место над всеми. Эта форма хозяйства всегда была наиболее сложной, ибо «духовные пастыри» готовы были владеть и землями, и рабами, и любым другим движимым и недвижимым имуществом. Но главные доходы их хозяйства были аналогичны доходам синьории «князей»-воителей. Это они для своего удобства создали традицию сбора «десятины» (десятой части годичного результата главной деятельности производителя), а вследствие того, что «отцы духовные» почти всегда и всюду действовали рука об руку с воинским сословием, на плечи тех, кто трудился, ложились две «десятины»; одна — синьору, другая — «отцам духовным».

Не всегда и далеко не всюду, но уже с того времени, как началась эпоха классовых обществ, появился еще один вид сложного хозяйства, нередко вбиравший в себя все перечисленные формы. Это — хозяйство торгово-ремесленных центров, городов. Города имели земельные угодья, общие и частные; имели рабов, лично свободных производителей-ремесленников, бедных и богатых, с родовым или очень ранним индивидуальным правом собственности; торговый люд разных рангов и имущества; граждан и иноземцев со своими видами деятельности. В силу своего происхождения больше всего города заботились о торговых путях, об их протяженности и разветвленности, о безопасности торговцев на этих путях. Эти обстоятельства, как и сама сосредоточенность относительно большой массы людей на небольшой территории, требовала порядка. Города рано создавали до-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

статочно стройную и действенную систему организации общественной жизни.

По происхождению торгово-ремесленные города аналогичны локальным поселениям земледельцев, но было и очень существенное отличие. Ранние города не возникали в центре этнической территории, для этого не было причин. Но вот на стыках этнических территорий таких причин было достаточно. Обычно как главную (и даже единственную) причину выделяют возможность взаимообмена продуктами различного типа хозяйств, но такое объяснение, хотя и очень понятное, страдает избыточным материализмом. Дополняющее его пояснение — наличие естественного пути (реки, удобные долины и пр.). Однако это предполагает либо изначальное стремление к торговле и выгоде, либо внезапность и случайность возникновения обменных операций, преследующих исключительно материальные цели. Ничего не меняет в этих представлениях и предположение о постепенном усложнении обменного процесса (от пресловутого «немого торга» до красочных базаров восточных городов).

Мне всегда казалось, что прежде всего необходимо найти иную, лишенную «коммерческих» интересов, причину стечения время от времени представителей разных этносов в одно место. Такую причину найти очень непросто, тем более что специальная литература была преисполнена разнообразными утверждениями о межэтнической вражде, о противопоставлениях: «свои — чужие», «мы — не мы», и об иных «оппозициях». Этой разобщенности противопоставлялся только один, столь же «психологичный» фактор, некое стремление отдельных людей к «неизвестному», к дальним странам за горизонтом. Такое стремление действительно было, но появилось оно давно и имело материальную основу: развивавшемуся европейскому капитализму требовались новые рынки сбыта, сырье для промышленности и максимально дешевая рабочая сила, чтобы добыть это сырье. Получалось, что я снова сталкивался с обычным переносом характеристики явлений современности (или недавнего прошлого) во времена и обстоятельства далекой древности. Необходимо было искать самому.

Некоторые намеки давали описания жизни галла XVI века, сделанные Бахреем, точнее, не сами описания, а связанные с ними рассуждения. Так, например, прежде чем отправиться в набег на сидамо (а сам набег был завершающим этапом ритуала возрастного перехода юношей в статус взрослых мужчин), они собирались в одном месте, где и определялось направление очередного набега. Можно с полной уверенностью считать, что это место было особым, «священным местом главных этнических ритуалов». Этнос галла во времена Бахрея был расчленен на две большие группы — Бараитума и Борана, которые делились на 18 более мелких, каждая из последних — еще на несколько частей, распадавшихся на мелкие локальные, с общим стадом, единицы. В обычной жизни и мелкие, и более

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

крупные группы иногда враждовали друг с другом из-за пастбищ и водопоев, занимались только малопродуктивным отгонным скотоводством и говорили на нескольких диалектах одного языка, занимая довольно обширную засушливую территорию к юго-востоку от Эфиопского нагорья. Этот обычай — раз в восемь лет собираться вместе, оставляя распри, всем, кто способен владеть оружием, можно понять как след более тесного существования в каком-то отдаленном прошлом несомненно меньшего по численности этноса. Бахрей застал галла в порядочно расчлененном состоянии, но все же еще составляющем большое этническое «единство». Можно представить себе ситуацию более глубокого расхождения, когда отдельные группы становятся самостоятельными этносами, теряют память о былой общности, сильно расходятся в языковом отношении и приобретают отличия в материальной культуре и в роде занятий. Естественно, что общеритуальная роль некогда общего «священного центра» при этом исчезает, и каждый отдельный этнос обретает свой «ритуальный центр». Но старый (точнее, его место) мог сохранить некогда вторичный и малозначимый тогда аспект — стать местом межэтнического обмена, тем более, что пути к нему были проложены так давно, что казались существовавшими всегда. Такой процесс «выветривания» одного содержания и замена его другим мне представлялся более последовательным и реальным в рассуждениях о возникновении пунктов межэтнического обмена. Архаические этносы не были какими-то застывшими образованиями, они не имели четких границ (подобных современным государственным), поскольку не были политическими образованиями; даже языковые переходы долгое время оставались плавными. Этническая история в течение огромного времени первичной формации — это непрерывный процесс «сгущений» и «разряжений» сходства, близости реальных групп людей, и только тот «мгновенный снимок», которым является наше сегодняшнее представление о населении мира, дает статичную этно-языковую карту. Даже в исторически обозримое время из живой действительности исчезли многие языки и народы и появился целый ряд новых. Обычно вышедшие из живого употребления языки называют «мертвыми», а исчезнувшие народы — вымершими или ассимилированными другими. Здесь смешиваются несколько разных явлений и понятий. Редко в истории, если не считать предколониального истребления, какой-либо народ вымирал в полном значении слова, чаще менялось то название, которое ему давали соседи. Но больше всего этнонимической путаницы в науке создалось вследствие обыкновения специалистов всех времен каждую чем-либо связанную группу людей, попадающую в поле зрения составителя записи, именовать племенем или народом, не интересуясь ни составом, ни характером связей. Далее такие записи начинали кочевать из книги в книгу, создавая массу ложных представлений, например, о «переселениях народов», хотя в реальности того времени «переселяться» могли только

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

неженатые мужчины, о внезапном «появлении» одних «племен» и столь же внезапном «исчезновении» других. И мне казалось, что упускают самое главное, на что ясно указывали эти путаные сведения — сеть тропинок, дорожек и торговых путей с глубочайшей древности покрывала заселенные пространства материков.

Первоначально все эти коммуникации могли иметь только два назначения: хозяйственное (по которым ходили в связи с повседневными делами) и ритуальное (по которым из разных мест собирались к «священным местам», где проводились общественные обряды). Логично, что, несмотря на периодичность использования, последние обладали, по сути, все большей устойчивостью и во времени, и в пространстве. Впоследствии именно их «ветви», сомкнувшись, дали начало продолжительным торговым дорогам, а на их перекрестиях, в особо удобных и нужных местах, образовались «внеэтничные» поселения, обеспечивающие возможность длительных торговых странствий. Разумеется, не каждое из таких поселений обретало долголетие и становилось торговым городом; для этого, помимо устойчивости дальнего торгового пути, были необходимы и другие условия: относительная природная безопасность (на холме, на острове или полуострове, у слияния рек) от внезапного нападения, и «безопасность» особого рода, которую могла дать сохранившаяся у окружающего населения память о находившемся здесь или поблизости «священном месте» (менгиры, пещеры, естественные гигантские камни — как доказательство былой «святости» или «запретности»). Разрастаясь, город обзаводился своим постоянным населением, образующим особый этнос, во многом схожий с окружающими, главной чертой которого было ускоренное социальное развитие. Причин для этого было не менее двух: индивидуальная практика в основном занятии — в торговле, и неизбежное знакомство с разнообразными обычаями и вещами через посредство транзитного «населения», а также в результате собственных торговых странствий. В этносе торгового города социальное положение определялось не возрастом, не родством или благородством происхождения, а индивидуальным обладанием количеством торговых ценностей, которое давало индивидуальное право власти в торговых операциях. Но это право надо было охранять, и город рано создает законы, т. е. свод правил, касающихся индивида и его имущества в связи с хищением, порчей, убийством, членовредительством, с нарушением долговых обязательств и иных деловых договоров в связи с ценами и оплатой наемного труда, арендой помещений и животных и т. п. Для реальной действенности законов создается городское управление, т. е. устанавливается система должностных постов, наделяемых этносом города «законодательной» и «исполнительной» властью. Роль первых — знать и толковать законы, устанавливать статусы пребывания и деятельности «иноземцев»; роль вторых — следить за исполнением законов и установлений как горожанами, так и «иноземцами», опираясь на специальную воору-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

женную силу. Власти торгового города — выборные, важнейшие должности — «парные», а существенные изменения законов решались собранием всех взрослых мужчин-горожан. Для торгового города естественно, что городские власти избирались из числа имущих, а его общество было всегда классовым. Более того, торговый (далее, торгово-ремесленный) город развивался всегда как государство, как политическое образование устойчивого классового общества с имущими слоями и неимущими трудящимися, с классовыми противоречиями и административным аппаратом для сохранения «классового равновесия», т. е. для охраны положения и имущества эксплуататоров.

Окружающие этносы, как правило, сильно отставали от города в социальном отношении. Но торговый город не мог существовать и процветать без торговых путей, а эти пути шли через территории окружающих этносов. Первоначально безопасность дорог гарантировала архаическая традиция, но когда поток людей и товаров усилился, и особенно когда странствующие торговцы стали совершать враждебные акции по отношению к местным жителям, эта гарантия ослабла и разрушилась. Торговцы стали составлять большие охраняемые караваны, но это не спасало их от нападений и разграблений в пути. Вооруженные силы, охранявшие порядок в городе, не могли в таких обстоятельствах обеспечить безопасность торговых дорог, и городские власти стали поступать согласно принятым в городе отношениям — они заключили личностный (деловой) договор с вождями молодежных отрядов об охране путей и торговых караванов, об охране порядка на периферии. Это давало городским властям право взимать плату с торговцев не только за торговые операции в самом городе, но и за проезд по «охраняемым городом» дорогам. Установить такие отношения с вождями особого труда не составило, так как в традиционные функции вождей и их отрядов еще со времени образования обменных межэтнических «рынков» входила доставка к ним предметов обмена. Следовательно, и после образования торгового города вожди со своими юношами часто появлялись в нем. Наиболее интересным в этих договорах было то, что каждая из сторон понимала его содержание по-своему, в соответствии со своими, уже весьма разными традициями и представлениями. Город считал, что он «арендовал» (нанимал) повелителя воинов для охраны «своих» дорог; отряд воинов видел в этом дань, которую город обязался выдавать за отказ от нападений на торговые караваны. Говоря иначе, каждая сторона считала себя «хозяином положения».

Такие договоры непосредственно на жизни окружающих этносов (т. е. на тех, кто занимался традиционным трудом полновзрослого населения) никак не отражались, но на характер деятельности молодежных отрядов влияли сильно. Прежде всего, разные отряды соперничали между собою. В этой борьбе, как и в иных обстоятельствах, намного скорее выделялись «великие» вожди, под «магическою сенью» которых образовывались силь-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

либо в сторону от «освоенной» территории, далее по торговым путям. Если эти походы шли в направлении «неосвоенной» отдаленной периферии, это только укрепляло торговые позиции города. Но бывало и так, что неудержимый поток многолюдного воинства, да еще «обраставший» по пути дополнительной силой, не только подчинял себе (т. е. делал данниками), но и разрушал, предав огню и разграблению, другие торговые города на главной торговой магистрали. Хотя жизнь и деятельность связанных торговыми отношениями городов всегда была «диалектична», т. е. включала в себя и взаимную обусловленность, и соперничество, столь «радикальный» результат «завоевателя» оборачивался катастрофой для его «родного» города. Более или менее протяженное звено торговой магистрали, обеспечивавшей процветание торгового города, да и сама его жизнь на длительное время оказывалась разрушенной. Цветущий город быстро хирел, жители покидали его «стены» (иногда «стены», т. е. укрепления в буквальном значении слова), постройки разрушались, улицы зарастали, и среди руин либо оставалась незначительная деревушка, либо лишь соседи-кочевники укрывали здесь своих овец от полуденного зноя. Умеренность «подвигов» воинства (а в представлениях исследователей, наших современников, «завоевательной политики царя имярек») была лучшим результатом соответствующей политики «отцов города», она увеличивала протяженность подконтрольной части торговой магистрали, подрывала престиж и богатство городов-соперников. Но одновременно таила в себе угрозу иного порядка — великий воитель и его победоносное воинство, вернувшись, с триумфом водворялись в самом «родном» городе полными его хозяевами. Такое положение дел обременяло город материально (надо было кормить и обеспечивать воинство и повелителя за счет городских доходов), а в политической действительности система городских властей отодвигалась на второй план, тем более, что повелитель, имевший право (от имени города) судить и рядить на торговых путях, распространял в сложившейся ситуации это право и на город.

Вот здесь мы имеем некоторое основание видеть прообраз того государства, которое представляем на основании современной или недавней «нашей» реальности. Но и в таком случае требуется значительная по смыслу поправка — государственная территория раннего государства с центром в торгово-ремесленном городе не аналогична современной государственной территории с ее границами, которые «размежевывают» ее с территориями других государств. Мало даже сказать, что первичные государства такого типа «граничили» с территориями догосударственных этносов — под контролем (т. е. под властью правителя города) находились, по сути дела, только узкие пространства, непосредственно примыкавшие к торговым путям. Устойчивость таких политических образований во времени, в значительной мере (не считая главного — устойчивости торговой магистрали)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

зависела от политической изощренности «отцов города», поскольку правитель и его воинство не могли иметь навыка тонкого искусства управлять торговым и ремесленным людом, хотя и умели подавлять оружием проявления его недовольства. Слишком могущественный правитель мог довольно скоро привести свой город к разорению, а государство к упадку и исчезновению или завоеванию другим «повелителем». Такое завоевание сохраняло город, но ставило его в иную позицию, в число городов-данников. Реальные ситуации подобных отношений и обстоятельств были разнообразны во времени и в пространстве: иногда рядом с городом вырастал укрепленный замок «сеньора», претендовавшего и на власть над городом, а город обзаводился своими стенами и башнями; иногда такой замок поднимался в центре города, на холме древнего «священного места» или на соседнем холме, но мог быть и неукрепленный «княжий двор» или обширный квартал дворцовых построек. Но во всех вариантах «отцы города» и «правитель» пребывали в политической оппозиции, с одной стороны, и нуждались друг в друге — с другой. Общество города было классовым, и в нем, и в его округе была эксплуатируемая «масса», всегда готовая к возмущению, поскольку традицию ее прав эксплуататоры всегда были склонны ущемлять и нарушать, ибо классовое общество стабильно только при непрерывном увеличении отчуждаемого прибавочного продукта (прибавочной стоимости).

В истории развития города-государства, с самого его «основания», складывалась и третья, жизненно необходимая ему социально-политическая, и в известной мере, экономическая сила — служители культов, или «духовенство». Развитие классового общества немыслимо без появления его идеологии — религии. По этой причине, как только появлялся имеющий тенденцию к дальнейшему развитию межэтнический торговый центр, оживала и особая роль полузабытого «священного места» далекого прошлого соседних племен. Но эта роль была уже другая, касающаяся не этно-социальных ритуалов, а обеспечивающая безопасность участников торговли, если встречались представители (т. е. юноши и их вожди) «враждующих племен».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Глава 8
ВТОРАЯ ЧАСТЬ ХРОНИКИ ПАТЕ (ИЗМЕНЕНИЕ ПРАВА ТРЕХ БРАТЬЕВ-НДУГУ В ПРАВО ДВУХ БРАТЬЕВ)

Суахилийский документ, называемый «Хроникой Пате», был составлен в самом начале XX века на основании устной традиции и будто бы утраченных более ранних записей. Он был записан старосуахилийским письмом, созданным некогда на основе арабского алфавита, и предъявлен европейским колониальным властям в качестве генеалогической грамоты, свидетельствующей о высоком социальном положении некоторых групп суахилийского общества. Однако английские и немецкие колониальные власти предпочли в своей колониальной политике опираться не на собственно суахилийские высшие слои, а на занзибарского султана, его чиновников, и вообще — на потомков переселенцев из Омана, последователей султана Саыда, захватившего суахилийское побережье после совместного арабо-суахилийского изгнания португальцев с захваченных теми берегов Индийского океана. Английскими и немецкими колониальными чиновниками эти правовые суахилийские документы (в т. ч. и «Хроника Пате») были переданы ученым в качестве материалов по суахилийской истории (вследствие чего наиболее крупные рукописи и получили не совсем правильное название «хроник»), к чему были присоединены и сведения устной суахилийской традиции. Европейских специалистов все эти материалы привлекли тем, что в них фиксировались своеобразные легенды «о происхождении» высших слоев суахилийского общества и правителей суахилийских городов от легендарных и исторических персон мусульманского мира. Это документировано подтверждало, с одной стороны — антинаучный колониальный «тезис» о неспособности негроидов к самостоятельному историческому развитию; с другой — оправдывало колониальные захваты некоторой «исторической цепочкой»: сначала-де Берегом (подразумевалось — Восточной Африкой) владели средневековые арабы и персы, затем — ибадиты из Омана (время Занзибарского султаната), в промежутке — слабая европейская страна Португалия, а после всего этого — англичане и немцы. Никто из исследователей не обращал, или не хотел обратить, внимания на то, что аналогичные легенды встречаются не только в суахилийской традиции, что в определенный исторический период они свойственны чуть ли не каждому народу.

Историографическая ценность (в смысле событийной политической истории) суахилийских материалов чрезвычайно мала, но они оказались источником сведений по этносоциальной истории, который трудно переоценить. Так, в суахи-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

лийских хрониках была обнаружена архаическая норма наследования в суахилийских торговых городах титула *мфальме* (правителя или военного вождя) не от отца к сыну, а от брата к брату (тремя братьями, и далее — к трем их потомкам). Европейские издатели, переводчики и исследователи не поняли этого правила из-за того, что сочли норму права фиксированной в арабской структуре имен генеалогии (имярек сын имяреков и т. д.), а также и вследствие «прямого» перевода суахилийского термина родства *ндугу* словом «брат» (в смысле: кровный родственник, сын того же отца). Так получилось, что «право братьев-*ндугу*» рассматривалось как борьба за престол между сыновьями-наследниками и их кузенами, как борьба за власть между несколькими родственными линейными родами. Между тем суахилийский термин *ндугу* из классификационной системы родства, в которой каждый термин имел групповое значение, обозначал мужчин и женщин, потомков мужчин-*ндугу* и их жен, также — *ндугу*, когда отцы отцов были тоже *ндугу* (как и матери отцов), а матери матерей и отцы матерей — соответственно, составляли свои группы *ндугу*, и так до бесконечности в более старших поколениях. «Прямой» перевод суахилийских групповых терминов родства на европейские языки (т. е. в описательную систему с ее индивидуальным значением каждого термина и с кровно-физиологическим принципом происхождения индивида от двух других индивидов) превращал суахилийскую классификационную систему в явную бессмысленность: получалось, что весь этнос состоял из кровных родственников, поделенных только на поколения. Но поскольку любая система деления общества должна градуировать его на те или иные группы в соответствии с какой-либо реальной однозначностью членов групп, то деление на поколения не выдерживали критики. Даже элементарно: потомки одной пары родителей, составляющие свое поколение, по возрасту, а, следовательно, и по физическим возможностям в труде, могли быть от года и до 30 лет. Такой диапазон возраста не мог лежать в основе градуирующей общество единицы. Правовое равенство (или социальная однозначность) кровных ближайших родственников — членов одного поколения годилось только для равного раздела наследства, составлявшего крупное состояние, когда и грудной наследник, получив свою долю, не трудясь, сохранял свое «положение» под надзором опекуна. Получалось, что принцип кровного индивидуального происхождения годился только для классового развитого общества, а точнее — для правовой организации его имущих слоев. Уже родство *ндугу*, если термин рассматривать как знак принадлежности к поколению, групповой термин, означающий социальное равенство всех, к кому он относится (а иначе — зачем один термин?), ясно показывает социальную нелепость такого родства, когда равными оказываются не только люди разного возраста, но и разной степени кровнородственной близости (родные, двоюродные, троюродные и т. д.) в пределах всего этноса. А если

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

учесть, что такая же картина наблюдается в любом поколении, бессмысленность кровного принципа станет очевидной для общества с классификационной системой терминов родства.

И, тем не менее, классификационные термины родства вполне сочетались с принципом кровного происхождения в ограниченной тремя мужскими персонами (в одном поколении) системе права наследования титула *мфальме*. Иными словами, здесь сочеталась терминология обширного плана (несомненно, имевшая параллельно свой принцип деления на какие-то реально осмысленные «сегменты», но не кровное происхождение) с ограниченным тремя персонами кровным, включавшим на равных правах (*ндугу*) родных и двоюродных братьев. Это не было правом линейного генеалогического рода, поскольку оно не распространялось на четвертого, пятого, шестого и прочих братьев-*ндугу*, как не включало и права наследования старшим сыном. Возникало предположение, что — либо весь суахилийский этнос состоял из множества трехсегментных полноправных социальных структур, а другую его часть составляли неполноправные, либо таким образом из этноса (с какой-то иной структурой социального деления) выделялись социально высокие персоны.

Для первого предположения не находилось подтверждения в хозяйственной жизни этноса, так как главное средство производства, земля, не делилось и не наследовалось, не продавалось и не отчуждалось иным образом. Оставалось второе предположение — такова была норма ограничения и наследования сана и титула военного вождя-*мфальме* (*му-фаалюме* — «избранный из мужчин» или «избранный мужчинами»). Сам же реальный суахилийский этнос делился на множество кровно замкнутых хозяйственных коллективов-*фунгу* («связка-кольцо») с традиционным правом на неделимую и неотчуждаемую территорию жизнеобеспечения (эти *фунгу* чаще именовались арабским словом *кабиля*, неправильно переводимым словом «племя»), коллективов с самой различной численностью. Жена и муж должны были принадлежать к одной *фунгу*, идеальным браком считался брак мужчины и дочери его дяди по матери, браки лиц из разных *фунгу* допускались только в случае крайней необходимости, когда *фунгу* оказывалась на грани вымирания. Но *фунгу* не делились на экзогамные линейные роды, в пределах ограниченного коллектива функционировала классификационная система терминов родства, объединявшая весь коллектив в кровнородственную единицу. Можно сказать и иначе: система терминов родства с групповым значением каждого термина в пределах *фунгу*, коллектива ограниченного, как бы «смазывала» в нем физиологически родственные связи, растворяя близких кровных родственников в общем родстве замкнутой *фунгу*.

Иначе все обстояло в торговых городах суахилийского берега. Там также в ходу были групповые термины родства, но реальность была иной. Не

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

родство определяло социальное положение индивида, а его имущественное сосотояние, так же определялся и выбор жены. Имущество наследовалось детьми (иногда, видимо, поровну, иногда — в убывающей по возрасту шкале, с преимуществом сыновей — после отца, а дочерей после матери, небольшая часть раздаривалась менее близким родственникам), владеть имуществом могли и мужчины, и женщины.

Все это никак не вязалось с принятыми в теоретической этнографии положениями. Прежде всего, речь идет о полном отсутствии экзогамного линейного генеалогического рода, с одной стороны, и наличии трехступенчатого права братьев-*ндугу*, своеобразного кровнородственного коллектива, выделяемого обществом для наследования сана военного вождя-*мфальме*, с другой стороны. Эти обстоятельства создавали ряд вопросов: а) свойственно ли такое положение только суахилийскому этносу?; б) нет ли в других этносах хотя бы следов «права трех братьев»?; в) где стадиально располагается кровный экзогамный линейный род — до нормы «трех братьев» или после?; г) «если после, — что было до того?», точнее, какую группу людей мог равнозначно и равноценно для жизни доклассового коллектива объединять один (каждый) термин родства классификационной системы, подобной суахилийской?

На все эти вопросы ни в «Хронике Пате», ни в других суахилийских материалах ответов не было. Из текста «Хроники» следовало только то, что право на титул *мфальме* передавалось по трем братьям-*ндугу* (в условиях узкого династийного коллектива — братьям родным и двоюродным, в нашем понимании), которые получали его по старшинству; что последний из трех передавал титул не своему сыну, а старшему из их сыновей, независимо от того, чьим физиологическим потомком тот был; и что титул передавался после смерти предшественника. Иначе говоря, термин *ндугу* выравнивал права братьев, возраст (или порядок рождения), определял очередность, а арабская форма имен (с указанием имени физиологического отца, как счастливая случайность — по суахилийской терминологии все они именовались бы одним общим термином *баба*) открывала возможность установить, что династийный коллектив был кровнородственным, но не линейным экзогамным кровным родом. Кроме этого, было ясно, что «основатель династии» получил титул при жизни предшественника вследствие женитьбы на его дочери (всеми, кто был знаком с «Хроникой Пате», последнее комментировалось на основании «здравого смысла», т. е. как следствие отсутствия мужских потомков у этого предшественника). Таким образом, возникла необходимость искать ответы на возникшие вопросы в других, не только африканских, материалах, и не только в близких к «Хронике Пате» по времени.

Со временем необходимые ответы нашлись. Следы «права трех братьев» обнаружились во множестве — и в самой Африке, и далеко за ее предела-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ми, в близкие к «Хронике Пате» времена и во времена весьма отдаленные, в текстах самого различного характера и назначения. В большинстве случаев чувствовалось и то, что как бы объединяло эти столь разрозненные фрагменты: право братьев, видимо, было связано со стадиальным состоянием общества, с периодом намечающегося перехода от доклассовой структуры к раннеклассовой, с временами, как правило, противоречивыми и кровавыми. Ясно стало также, что право братьев (во всяком случае, в династийных обстоятельствах, связанных с титулами, дающими право на власть), так или иначе, сменялось нормой майората, т. е., по сути своей, нормой мужского генеалогического линейного экзогамного рода, где «прямая линия» передает высшее социальное и материальное положение в этом кровнородственном правовом организме, наследуемое от отца к сыну (к физиологическому потомку). Правовые нормы майората (мужского генеалогического экзогамного рода) качественно отличались от норм права братьев тем, что право главенства из группового превратилось в индивидуальное, и тем, что родственный коллектив стал строго линейным, т. е., наряду с главной линией (вертикалью майоров), образовались равнозначные между собой второстепенные в правовом отношении линии родных братьев майора, третьестепенные линии их кузенов, и т. д. По своему юридическому существу кровный генеалогический линейный род был «инструментом», призванным сохранять внутри кровнородственной группы индивидов все то имущество, которым владел каждый, которое дополнительно приобретал каждый, что считалось «родовой собственностью», т. е. такими ценностями, на которые не в праве претендовать не-член этого рода. Естественно, что кровный род как правой организм мог появиться только одновременно с имущественным расслоением общества, с появлением собственностей, отчужденных от общеэтнического достояния (или, иными словами — с разрушением этнических единств архаического доклассового общества). Этот вывод был очень важным — он показывал, что до права трех братьев-*ндугу* (совмещавшем в себе и кровное право особых индивидов, и их групповое право) должна была существовать система общественно-правового деления, в которой оставалось бы только групповое право.

Мелких фрагментов такой системы нашлось довольно много, но в ее реконструкции решающую роль сыграли записи эфиопского монаха конца XVI века Бахрея о структуре общественного деления галла (оромо) его времени. Эта структура была совершенно безразлична к принципу кровного (физиологического) происхождения членов элементарной социальной единицы — возрастной группы. Каждая очередная группа набиралась из детей (независимо от того, кто был их физическим породителем) в течение 8 лет, после чего они вступали в социально-активную фазу жизни. Каждые следующие 8 лет группа переходила в следующий возрастной статус, налагавший соответствующие этому возрасту обязанности и права. Так

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

группа проходила пять возрастных статусов по 8 лет каждый (всего 40 лет) и выходила из социально-активной фазы, вводя вместо себя в активную фазу группу своих «детей». Так замыкался круг каждого человека (в составе его возрастной группы) в социальной жизни общества галла — общества, несомненно, доклассового. В любой отрезок времени любой локальный коллектив средневековых галла состоял из пяти возрастных социально-активных сегментов-групп, которые каждые 8 лет меняли свое социальное состояние, как бы двигаясь по пятиступенчатой лестнице социальных возрастов (т. е. прав и обязанностей). Естественной была мысль, что если группа «уходящих» во внесоциальное состояние считалась обществом группой «отцов» по отношению к группе «входящих» (т. е. к группе «сыновей»), то и все остальные группы между собой связывали некие термины «родства» (других, кроме названных, Бахрей не приводит), термины также групповые. То, что это не могли быть термины кровного родства, отчетливо явствует из возрастного диапазона между «отцами» и «сыновьями» — 40 лет. Из этого рождался вывод, что возрастная группа галла — реальная модель физического «наполнения» понятия «групповой термин родства» классификационной системы родственной терминологии, модель, лишенная всех тех нелепостей, которые присущи классификационной системе, если ее терминам придавать кровно-физиологическое значение.

Разумеется, в других неразрушенных доклассовых обществах с полностью действующими классификационными системами родственной терминологии могли быть другие временные отрезки возрастных статусов, но ни логически (т. е. исходя из средней продолжительности активной жизнедеятельности человека), ни в том, что нашлось во фрагментах других материалов, цифровые данные не отходили далеко от зафиксированных Бахреем. Однако, главное заключалось не в этом. Важно было другое — то, что вытекало со всей очевидностью: в доклассовом обществе фигурировал не принцип кровного индивидуального происхождения, а принцип естественно подвижного возрастного деления коллективов на группы полностью, без натяжек, соответствовал всем жизненным потребностям доклассового общества, сохраняя традицию накопленных знаний и умений, давая возможность каждому индивиду постепенно освоить эту традицию, распределяя обязанности и права индивида в соответствии с изменением его физических и умственных возможностей, не ставя никакой персоны выше или ниже его социальных сверстников, строго отделяя активную фазу жизни от детства и старости.

Более развитая форма возрастной организации общественной жизни «отслоила» от себя особый трехступенчатый кровный коллектив «священных персон», по нормам которого «наследовалась» власть военного вождя раннеклассового общества. Эта норма и была обнаружена в тексте первой части «Хроники Пате». Разрыв между двумя частями Хроники относится

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

к тому времени, когда на Индийском океане появились португальцы. Закрепившись сначала в Малинди, а затем в Момбасе, они начали последовательно захватывать остальные суахилийские города. Несмотря на сопротивление, это удавалось им сравнительно легко благодаря поддержке корабельной артиллерии — почти все города либо находились на самом берегу, либо на маленьких прилежащих островах. Но город Пате был расположен в глубине довольно большого острова, вне досягаемости корабельных пушек португальцев, и очень долго сопротивлялся захвату. Попытки португальцев прорыть канал и подвести корабли ближе к городу, как и использовать корабельные пушки (имевшие тяжелые лафеты на маленьких колесах) на суше, не имели успеха из-за густых мангровых зарослей, окружавших остров. Война шла с переменными результатами, прерывалась мирными договорами, которые нарушались португальцами.

Особенно успешно сопротивлялся португальцам *мфальме* Бвана Мкуу бин-Бвана Бакари. Жил он долго, и третий член его колена (третий брат-*ндугу*), его родной брат — Бакари бин-Бвана Бакари, за это время успел умереть. По норме «права трех братьев», ему должны были наследовать (поочередно) его сын Бвана Бакари и два сына умершего Бакари бин-Бвана Бакари: Бвана Мкуу и Ахмад. «Хроника» упоминает и четвертого, внеправового брата-*ндугу* (третьего сына Бвана Мкуу бин-Бвана Бакари). Повидимому, Ахмад бин-Бакари, будучи третьим наследником, почти не надеялся стать *мфальме* (т. е. мог умереть раньше предшественника, как его отец) и поддался на провокацию со стороны португальцев. Незадолго до смерти Бвана Мкуу бин-Бвана Бакари они хитростью пленили старшего брата Ахмада, Бвана Мкуу бин-Бакари, и увезли его в Гоа. Затем они подговорили Ахмада убить первого наследника, т. е. Бвана Мкуу бин-Бвана Мкуу. Ахмад на всякий случай убил его младшего брата (четвертого *ндугу* — внеправового), и португальцы сделали правителем Пате своего ставленника Ахмада бин-Бакари.

Но тут вскрылась правовая роль женщин — жен *мфальме* в системе права трех братьев (и проявился целый ряд других деталей права). Оказалось, что в сан *мфальме* вводит особый брачный ритуал, т. е. вводит его жена-*ндугу*, женщина, которая, по норме права на брак и по совершеннолетию, должна быть из следующего по социальному возрасту младшего статуса. Далее, в конкретных условиях исламизированного суахилийского средневекового общества, независимо от того, какая по счету (по мусульманским обычаям) жена, и каков реальный возраст мужа, особый архаический брачный ритуал не только вводил очередного наследника в титул *мфальме*, но и переводил его в социальный возраст 24 года, т. е. в третий возрастной статус мужчин по пятиступенчатой архаической системе (или в старший сегмент младшего колена нормы трех братьев). Кроме этого выяснилось, что наследник не мог занять пост, если предшественник был

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

жив, но находился где-то вдалеке, поскольку не мог пройти особый брак-ритуал с его женой из-за полного запрета брака с женщиной своего возрастного статуса. Не мог он вступить в должность и в случае ранней гибели *мфальме* по той же причине, ибо соблюдался обычаем реальный возраст ритуальной жены — 16 лет, и она, оказавшись молодой вдовой, сохраняла за собой право «инициации» *мфальме*, хотя сама (в суахилийской форме развития «права братьев») не могла стать женщиной-правительницей (т. е. военным «вождем» *мфальме*). В социальном смысле временно (до смерти «исчезнувшего» *мфальме* или до следующего возрастного статуса его вдовы) пост передавался «заместителю», т. е. *ндугу* на статус моложе наследника, передавался в повторном брачном ритуале вдовы.

Бвана Мкуу, содержавшийся пленником в Гоа, был средним *ндугу* в триаде наследников, Ахмад — третьим, в том же статусе, в котором была и ритуальная жена пленника — Мвана Дарини бинти-Бвана Мкуу. Когда, согласно архаическому обычаю, она совершила повторный брачный ритуал со своим малолетним сыном Бвана Таму бин-Бвана Мкуу, и сделала его таким образом «заместителем» плененного отца, узурпатор Ахмад сам отказался от титула *мфальме*. Но он стал *мфальме* после смерти в Гоа Бвана Мкуу бин-Бакари. «Заместитель» отца Бвана Таму правил после смерти Ахмада, жил долго, активно участвовал в изгнании португальцев, а после воевал с бывшими союзниками, арабами из Маската, которые не хотели уходить с суахилийского побережья. Младший его *ндугу*, Бвана Гонго сын Ахмада, погиб в борьбе с португальцами. Хроника сообщает, что Бвана Таму имел многих сыновей, но никто из них не правил. Фраза звучит так, что можно предположить зависимость этого обстоятельства от его брака-ритуала с матерью, т. е. что все его сыновья от реальной жены (или жен) оказались вне права.

На этом кончается первая часть «Хроники Пате». Связующим звеном между нею и второй частью оказывается невразумительная фраза о том: «…что в Пате стало два правителя», перед которой было несколько несвязных и неясных сообщений, откуда появился некий Умари, против которого выступила Мвана Хадиджа, названная вышеупомянутой (*аль-мазкура*), но о ней раньше ничего не говорилось. Об этих двух персонах можно строить только догадки. Наиболее вероятным может быть предположение, что Мвана Хадиджа — это дочь жены Бвана Гонго. В таком случае, оставшись единственной представительницей правившего (трехствольной кровного) рода Ан-Набхани, по архаической суахилийской традиции (зафиксированной в других документах), она в социальном смысле становилась «мужчиной», а ее муж, необходимый для продолжения рода, человек из другой социальной страты, считался ее «женой», но ни он, ни она не могли носить титула правителя (или, возможно, как бы носили оба, как можно понять фразу: «и стало в Пате два правителя — Султани Умари и Мвана Хадиджа Вышеупомянутая»).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Дальше начинается вторая часть «Хроники Пате», документ поистине уникальный. Внешне все обстоит просто: правят два рода попеременно, через одного правителя. Но в действительности структура очень сложна и своеобразна. Оба рода искусственно и довольно неуклюже возведены происхождением к двум именам первой части Хроники. Это, по отношению к письменному документу, через «письма», не может считаться подделкою, как сочли бы теперь, но интерес не в этом. Где-то в разрыве между двумя частями Хроники теряется *мфальме* по имени Шех (возможно — сын Мвана Хадиджи и Умари), ибо имя первого в новом списке — Бвана Мкуу бин-Шех (первый в первом стволе). Он передает титул Бвана Фуму-Мади (первому во втором стволе). Бвана Фуму Мади передает титул *мфальме* младшему брату Бвана Мкуу — Ахмаду бин-Шех. От Ахмада он переходит к старшему сыну Бвана Фуму Мади, к Фуму Люти Кипунга, от которого — к старшему сыну Ахмада по имени Бвана Фуму Люти. Бвана Фуму Люти передает титул младшему сыну Бвана Фуму Мади, который назван Бвана Шех. После Бвана Шеха *мфальме* становится Бвана Вазири, младший сын Ахмада. На этом имени список кончается, женских имен в списке второй части Хроники нет. Картина в высшей степени любопытная — здесь, по норме права братьев-*ндугу*, правом на титул *мфальме* обладает уже не трехступенчатый (трехствольный) кровнородственный династийный организм, а таковой же, но двухступенчаый. «Право трех братьев-*ндугу*» превратилось в «право двух братьев-*ндугу*». По линиям физиологического родства, т. е. по стволам — наследуют также два брата, но старший наследник отца не имеет потомства (правовых сыновей), а младший наследник того же отца имеет двух правовых сыновей, из которых старший не имеет наследников и т. д., в каждом стволе. Это сложное обстоятельство мешает квалифицировать каждую правовую (по отцам) линию (ствол) как мужской линейный генеалогический род, но позволяет видеть в каждой из двух линий последний момент существования права братьев в редкой, довольно устойчивой (8 имен правителей) форме. С позиции каждой линии можно усмотреть и своеобразную триаду — между двумя сыновьями одного отца располагается представитель (их средний *ндугу*) противоположной линии, и при этом обязательно младший сын своего отца, имеющий право на потомков. Любопытно то, что старший из двух братьев не имеет права на потомков. Любопытно то, что стабильность права двух *ндугу* обеспечивалась родством *ндугу* их матерей в обеих линиях, но о них в тексте нет ни слова, и возникает масса вопросов.

Следы различных форм правления двух братьев встречаются в самых разных по времени, месту и характеру материалах, но большею частью они касаются вражды двух групп их сторонников, т. е. в стадиальном смысле относятся к процессу распадения двухствольного (и даже трехствольного) кровного правового организма на отдельные линейные генеалогические

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

имущие рода. Об устойчивых двухступенчатых системах права сохранились либо мельчайшие фрагменты, либо фантастические сведения. Но некоторое вариации все же кое-что способны пояснить, и кое-что можно предположить на основании сведений о «борьбе двух родов» за первенство.

Сведения же об исчезновении третьей линии весьма скудны: в античной традиции — это линия Ганимеда из триады: Ил, Ассарак, Ганимед (в Илиаде), она обрывается после того, как Ганимед был взят за свою красоту на Олимп Зевсом в виночерпии (остались ко времени осады Илиона только линия Ил, Лаомедон, Приам, Гектор и другая — Ассарак, Капис, Анхиз, Эней); в индийской традиции — это линия Триты, брошенного двумя старшими братьями (Экатой и Двитой) в водоем; в древнееврейской — это Иосиф Прекрасный, проданный братьями в рабство; в рунической традиции северной европы — это Эрп, младший сын Гудрун, неизвестно за что убитый братьями (Хамдиром и Серли), когда они отправились мстить Ермунрекку за смерть своей сестры Сванхильд.

На этом фоне изменение в суахилийской традиции выглядит и более сложным, и непонятным. Неясно, какая из линий (по статусу старшинства) оборвалась и в чем была причина. Скорее всего — это была линия Бвану Таму (который был в ритуальном браке с матерью, когда замещал плененного отца), и он был старшим в своем колене, что гармонирует с отсутствием наследников у старших братьев двухствольной системы. То, что в колене Бвана Таму было только двое *ндугу* (он и Бвана Гонго) не могло само по себе разрушить трехступенчатый принцип (бывало и по одной персоне, получающей титул, если две других умирали). Нужно было что-то особое, вроде потери Бваной Таму права иметь правовых потомков. Есть и еще одно соображение — при переходе к двум линиям мог неожиданно возникнуть брачный запрет. Так, например, в трехступенчатой системе (в ранний период, когда титул давался на один статусный срок, 8 лет, и передавался при жизни предшественника) первый *ндугу* триады вступал в брак с младшей сестрой, второй — со своей младшей сестрой, а третий — со старшей женщиной младшего колена, т. е. с дочерью, практически с дочерью старшего *ндугу*. Усиление значимости физиологического родства в какой-то момент создавало запрет брака мужчины старшего колена (колена отцов) с женщиной младшего колена (колена детей), но это компенсировалось поиском жены для брачного ритуала в чужой «династии», и если могло оборвать, то только линию младшего *ндугу*. Однако, никакая традиция не может быть резко изменена, намеренно или случайно, всегда в обществе найдутся и сторонники прошлого, и способы вернуть его. Тем не менее если по какой-то причине обрывается в трехсегментной системе одна (не существенно, какая по порядку) линия, то под воздействием традиции старший член младшего колена системы новой, двухсегментной, может рассматриваться в то же время и как третий член старой системы, т. е. и как

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

«сын», и как «брат» одновременно. Такая ситуация может лишить его права на брак в глазах сторонников старого. Как «третий», он должен жениться на старшей «дочери», но как «первый», он оказывается с ней в одном статусе, и брак становится недопустимым (не вообще, а тот, от которого остаются правовые потомки). Причина же изменения традиции может быть только одна — все более и более увеличивающееся значение прямого кровного (физиологического) происхождения, постепенно оттесняющего все то, что восходило к архаической системе возрастных групп. Главным препятствием в развитии этого направления был брак-ритуал с женщиной из этой же ступенчатой кровнородственной системы. Первым появился запрет брака с «дочерью», позже — с «сестрой». Труднее всего было преодолеть необходимость передавать титул брату или сыну брата. Как пример можно представить развитие суахилийской схемы следующим образом (см. рис. 37).

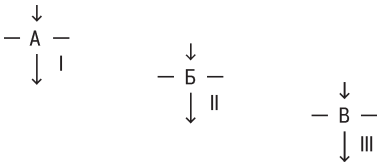

Рис. 37

Запрет брака с «дочерью», «В» — обрывает свою линию, остаются «А», «Б». Имя «А» — неизвестно, имя «Б» — можно восстановить — Шех (см. рис. 38).

Получилась сложная вещь — правовая «диада», как бы составленная из взаимопроникающих триад — между двумя братьями располагается брат-*ндугу* из другого ствола (из другой линии — по отцу). На схеме видно, что старший сын Шеха соответствует «В» в традиционной триаде (тому, кто потерял право на брак-ритуал), но право на титул он сохранил, т. е. ритуальный брак перестал вводить наследника в сан *мфальме*, право женщин-*ндугу* перестало действовать. Но возникло другое правило, — старший сын *мфальме* не имеет наследников. Естественно, возник вопрос: Нет ли в иных, не-суахилийских традициях, следов каких-либо осложнений в правовых обстоятельствах у старших сыновей правителей (древних «царей» и т. п.)?

Разумеется, я не надеялся найти прямой параллели к суахилийским обстоятельствам, достаточно было бы каких-то «недоразумений», т. е. того, во что могла длительная литературная традиция превратить уже непонятные сведения. Так, например, в индийской традиции есть легенда о том, что старший из двух сыновей царя Нахуши добровольно ушел в аскеты, отказавшись от права наследника. Яяти, младший (второй) сын Нахуши, также имел двух сыновей: Пуру и Яду, но кто из них был старший, понять трудно.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

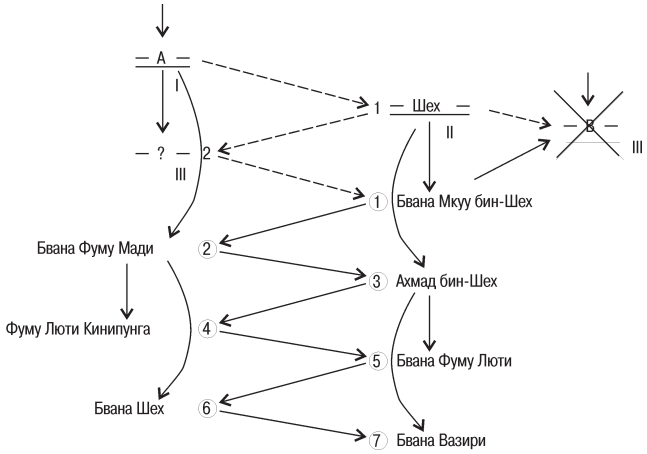

Рис. 38

Имеется также легенда о том, что Яяти упросил богов поменять его старость и молодость его сына местами. Это может иметь основой разные вещи. Может обозначать «социальный прием» продления статусного пребывания в сане «царя» (т. е. при двухступенчатой системе — третий ритуальный брак, брак с невестой старшего сына; при трехступенчатой — четвертый брак, в любом случае, это брак со 2-ой дочерью) за пределы статусного времени его «колена». Соответствующий этому социальному приему пересчет возраста «царя» будет таким: 24 ← 24 ← 24 ← 24 (реальный: 24 → 32 → 40 → 48), в это же время и социальный, и реальный возраст старшего сына будет 32 года. Может быть, эта легенда в такой странной на современный взгляд форме просто излагает сам обычай при повторном бракеритуале «возвращать» социальный возраст «царя» к 24 годам. Выискивать в старинных текстах имена и родственные связи вообще очень трудно, а в литературных особенно, а здесь еще и такая неясность: похоже, что на именах Пуру и Яду генеалогическая линия обрывается. Она идет (после мифологических имен Солнечной и Лунной династий) от Пуруравы, самого древнего предка главных героев Махабхараты, через Айю, Нахушу, Яяти к братьям Пуру и Яду, но непонятно, откуда берется Душьянта — отец Бхараты, если последний приходится Яяти правнуком. За Бхаратой по линии следуют: Куру, Шантану и два сына Шантану: Бхишма и Виштравирья. Старший Бхишма, неизвестно почему, потомства не оставляет. Колено Бхишмы и Виштравирьи, на основании имен и родственных отношении их «детей» и «внуков», т. е. колена основных участников великой битвы Бхаратов, может быть восстановлено до пяти сегментов (+Васудэва, Камса и Мадра). Виштравирьи приписывают трех сыновей: Дхритариштру,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Панду и Видуру (он же — Кришна), а до пяти в колено прибавлены двое Ашвин (в греческой традиции — диоскуры). Но главных линий по-прежнему две: линия Дхитариштры и линия Панду, т. е. Дурьиодхана, сын Дхритариштры и Юдкиштрхира, сын Панду (в колене есть еще два сына Панду, Арждуна (он же — Кришна) и Бхима (пятый Накула — сын Мадри, дочери Мадра от Ашвин). Все еще осложняется еще и тем, что сыновья Панду — не его сыновья, а различных богов.

Совершенно очевидно, что во всем этом обилии имен в трех коленах кроется целый ряд архаических правовых мнемоник от разных уровней развития архаических норм права братьев, привлеченных, видимо, для создания большей полноты правовых притязаний спорящих сторон. Спорят о праве на власть Куравь, т. е. линия, идущая от Куру (через Шантану, его второго сына — Виштравирью, и к старшему сану этого же Виштравирьи — Дхритариштре, и далее к сыну после него, к Дурьиодхане) с Пуравами, т. е. с линией возводимой к Пуру, старшему сыну Яяти. Таким образом, в последнем колене (внешне пятиступенчатом) выделяется следующая картина: Дурьиодхана, сын Дхритариштры (старшего сына Виштравирьи) — представитель линии, утратившей право на власть, но он борется за возврат права с сыном Панду (второго сына Виштравирьи) — с Юдхиштрхира (на стороне которого еще три брата: Арджуна, Бхима и Накула), но по тексту чувствуется и другое: еще одна пара, Арджуна и Бхима, которые не враждуют, а как бы разделены другим образом: старший, Арджуна, не столько воин, сколько религиозный философ, Бхима же — воин.

Клубок получается необыкновенно сложный: с одной стороны, — распад двухступенчатой системы на два линейных генеалогических рода с самостоятельными правами на власть (над одной территорией, откуда и война между братьями); с другой стороны, — стремление возвысить духовную (религиозную) власть над властью политической (военной); а с третьей стороны — построение многоступенчатой (архаической) схемы из параллельных двухступенчатых схем. Есть тут и попытка возвести все последнее колено прямо к богам, только вместо Дурьиодханы на первое место в схеме пяти ступеней поставлен Карну — добрачный сын Кунти, жены Панду (из-за рождения которого Сурьи — Солнца, она как бы вносится в тот же возрастной статус, что и ее муж Панду — отсюда и запрет Панду и Кунти на физический брак). Остальные дети Кунти — от Ямы, Индры,Ваю и Ашвинов. Кроме этого, вся извлекаемая генеалогия основных героев битвы Бхаратов, выглядит составленной из нескольких самостоятельных: от Пуруравы до Нахуши, от Надуши до Пуруот Бхараты до Бхармы, и от Виштравирьи до Дурьиодханы и Юдхиштрхиры.

Это характерно не только для скелетной основы (составленной из архаических социальных мнемоник) Махабхараты, такой же прием есть, например, в Хельмскрингле (Саги о норвежских конунгах), частично — в Или-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

аде, а возможно, и в Повести временных лет. Можно предположить, что при составлении таких обширных текстов действовал некоторый фактор, связанный с дискретно-дефинитным характером человеческой речи и письма. Ряд конкретных дефиниций (т. е. законченных повествований) об одном имени можно изложить только последовательным рядом, но для иных надобностей (много позже) можно снабдить этот ряд вертикалью времен, создав впечатление взаимного происхождения одного повествования (в данном случае — мнемоники от другого и т. д.). По своему существу, такие социально-правовые мнемоники, будучи крайне сжатыми, могут состоять либо из двух колен имен, либо из двух колен, возводимых к условному одному предку (который иногда возвращался к еще более далекому и более условному), т. е. могут занимать из социального времени не более ста лет (для пятисегментной системы 40+40; для трехсегментной 24+24; для двухсегментной 12+12 и 12+12,с прибавлением 40 или 24 лет на условного предка). Но для ряда параллельных мнемоник, выстроенных в «генеалогическую вертикаль», этот расчет лет вырастает в «хронологию», а хронология — это древность происхождения, основа извечности права. Так, например, если сосчитать сумму времени всех колен генеалогии Бхаратов, то получится 480 лет от «начала» до великой битвы, но если считать от Виштравирьи, как от общего предка, то только 72 года (и столько же придется на каждую из остальных параллельных мнемоник).

Кроме этого, одна из таких мнемоник выпала (или почти выпала) из «генеалогии» — это мнемоника Рамы и Бхараты, она послужила основой для самостоятельного эпического произведения. Мнемоника эта, можно сказать, элементарная, она состоит из четырех имен последовательно рожденных братьев (Рама, Бхарата, Лакшмана и Шатругхна) от одного отца — царя Дашарадхи (условного их предка, ибо их родили три его жены, выпив волшебный напиток: Каушалья — Раму, Каикеия — Бхарату, Сумитра — Лакшману и Шатругхну). По внешней форме — это очень древняя мнемоника, четырехступенчатая, но, возможно, что так записаны сдвоенные двухступенчатые схемы. В известной мере это подтверждается попарной дружбой братьев: Рама и Лакшмана, Бхарата и Шатругхна (первый и третий, второй и четвертый). Старшее колено, из которого особо выделен Дашаратха, можно реконструировать: отец Ситы, Джанака; брат Каикеии, Авапати; отец Мандивьи и Шритакирти, Кушадхваджа. Жены братьев также «сопряжены» попарно: Сита и Урмила — дочери Джанаки, Мандивья и Шритакирти — Кушадкваджи. Если предположение о сдвоенности двухступенчатых схем верно, то становится понятно, почему у царя Дашаратхи не было детей — он был старший в своей диаде. По той же причине и Ашвапати изображен бездетным, как первый в своей диаде. Получается, что и Рама не сын Дашаратхи, он старший сын Жданаки (старший родной брат своей жены — Ситы). Как старший в первой диаде сыновей, он не имеет

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

права на потомство (по поздней традиции, у него два сына от Ситы), а возможно, и на наследование царского титула (объяснение его отстранения кознями матери Бхараты, Каикейи — очень позднее прибавление). Естественно, что и Лакшмана не имеет права на потомство. Кроме этого, он не сын Дашаратхи, он старший сын Кушадхваджи, и, как и Рама, женат на родной младшей сестре, дочери того же Кушадхваджи, независимо от того, как это фиксирует письменная индийская традиция (т. е. авторы Рамаяны) — иначе пропадет логика браков первой диады. По-видимому, как и в суахилийской традиции второй части «Хроники Пате», ни Рама, ни Лакшмана не теряли права на титул, но и из-за того, что их ритуальные жены оказывались (в двухлинейном династийном кровнородственном организме) их родными сестрами, теряли право на потомство. В то же время женами младших братьев были их двоюродные сестры, что и сохраняло право за их потомками, но только за вторыми сыновьями, и т. д. По-видимому, и здесь титул царя передавался от одной линии к другой через человека, либо на 8 лет (24 года статусного времени колена трехступенчатой, более древней системы, т. е. двум родным братьям и одному, между ними — двоюродному), либо на 12 лет (исходя из деления статусного времени между двумя линиями двухступенчатой системы). Не менее вероятно и то, что старшие сыновья не вступали в брак со своими кровными сестрами, а имели жен из неродственных династий, и по этой причине их потомки теряли право — ведь архаическими хранителями права были женщины-родственницы, и брачный ритуал с такой женщиной вводил мужчину в сан вождя или священной персоны.

Но запрет вступать в брак с теми сестрами, которые оказывались сестрами и по физиологическому происхождению, несомненно, был ускорителем в процессе превращения остаточных форм «права братьев» в право линейного мужского генеалогического рода. Кроме этого, вследствие междинастийных браков постепенно создавалась более четкая социальная слоистость общества, некоторая кастовость, опиравшаяся на социальную обусловленность выбора невесты, создававшую некие диапазоны и их границы. Иными словами, развитие родства по крови (т. е. физиологического принципа в нормах права) влекло за собой появление и родства по браку, свойства. Разные социальные страты доклассового общества, порожденные последними фазами социально-возрастной структуры, по-видимому, проходили путь к линейному кровному роду в различные отрезки времени, что в целом еще координировалось и временем по абсолютной исторической шкале, а в более близкие к нам времена — и воздействием более развитых обществ. Утверждать можно только, что элементы права братьев дольше всего сохранялись в правовых отношениях самого высокого слоя раннеклассовых обществ. Если пятиступенчатая система социально-возрастного родства доклассового рхаического общества была сис-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

темой устойчивой, вследствие того, что игнорировала принцип физиологического происхождения членов возрастной группы, уже трехступенчатый кровнородственный социально-правовой организм, из-за индивидуализации «права братьев» в праве «колена», оказался замкнутой и малоустойчивой системой. Что же касается двухступенчатой кровнородственной системы, то принципиально эта система — совершенно неустойчивая и, будучи вызвана все более и более возрастающим правовым значением прямого кровного происхождения индивида, объективно содержала резко противоположные тенденции: с одной стороны, раздела на два кровных линейных (равноправных по отношению к одной и той же социальной ценности) рода, а с другой стороны — сохранения архаической основы права, права именно братьев. Практически это вело, как можно понять по сохранившимся следам, либо к образованию сдвоенной двухступенчатой системы, либо к состоянию ветвящегося кровного рода, где каждый из трех (или двух) полноправных сыновей, в свою очередь (как «родоначальник»), порождал трех или двух наследников. Если в первом случае на какое-то время сохранялся наследственный правовой коллектив, то во втором случае происходил распад правового коллектива и распыление его права на некую социальную и экономическую ценность, которая быстро дробилась и теряла социальный престиж. Сдвоенный двухступенчатый правовой коллектив через два-три поколения, видимо, взрывался изнутри, и, как это видно по некоторым эпическим произведениям, погибал в непримиримой войне двух составлявших его кровнородственных линий. В любом случае, крушение принципа права братьев (что в глубине своей, по сути дела, было разрушением правовой значимости женщин, которые со времен глубокой архаики были хранительницами этого принципа-права) сменялось правовым принципом мужского экзогамного кровного линейного рода с нормой наследования от отца к старшему сыну, при фактическом бесправии остальных сыновей и всех дочерей.

Можно сказать и другими словами: как правовая система, кровный мужской линейный экзогамный организм, именуемый «родом», появился вместе с раннеклассовым общественным делением, но появился не вследствие эволюционного изменения предшествующей архаической системы права братьев, а после разрушения ее, из ее обломков, как условно коллективная форма права частной собственности на часть некогда общеэтнического достояния (хозяйственные земельные угодья, скот, общеэтнический высокий социальный пост или титул). У той части раннеклассового этноса, которая лишилась некогда принадлежавших ей общеэтнических ценностей, не возникали кровнородственные линейные экзогамные правовые коллективы, поскольку для этого не было основы в их экономической реальности, как не было такой основы для возникновения кровного линейного экзогамного рода и в глубокой доклассовой архаике.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Естественно и другое — те общества, которые по каким-либо причинам не могли поделить общеэтническое право на обладание экономической основой своего жизнеобеспечения (т. е. не поделили, например, хозяйственные угодья на «родовые земли»), не могут считаться обществами классовыми, как бы ни сложна была структура их социальных связей и отношений и какой бы внеимущественной иерархией они ни обладали. Иногда на территории таких этносов (как, например, у суахили) возникали ограниченные очаги классовой структуры — торговые города. Поверхностный взгляд на эту «комбинацию» — торговый город и окружающий этнос — обычно порождал упрощенное заключение о том, что, — это государство с политическим центром и государственной территорией. Более внимательный подход обнаруживает здесь иную, и достаточно сложную, ситуацию. Общество города и общество окружающего этноса могут оказаться на разных ступенях социального развития, хотя и пользуются почти одним языком и почти одинаковы в антропологическом отношении. Особую трудность в понимании этих сложных обстоятельств составляет положение в этой «комбинации» той социальной персоны, которую обычно (как, например, суахилийского *мфальме*) квалифицируют как правителя (царя). Он является как бы связующим звеном между доклассовым обществом этноса (на чьей территории расположен торговый город) и классовым обществом города. Такая ситуация постепенно складывается вследствие того, что город не может обойтись в своих торговых делах без участия в них какой-то части этноса. Такой частью этноса, естественно, оказывается мужская неженатая молодежь со своими вождями. Кроме того, торговый город (когда бы и где бы это ни происходило) сразу же становится средоточием классовых, имущественных отношений вследствие торговли — основы его экономики, с ее подвижными ценностями и индивидуальным манипулированием ими. Эти ценности индивид мог накапливать или терять, от чего зависело его социальное положение в городе; будучи предназначены для дальнейших торговых операций, они не распылялись между родственниками владельца, а само родство ограничивалось его элементарной семьей при праве наследования старшим сыном. Иногда индивидуальная собственность ступенчато делилась между всеми потомками умершего, но этого старались избегать, поскольку так разрушалось крупное состояние, и наследники много теряли в социальном отношении. Право единственной наследницы приравнивалось к праву мужчины-наследника. Торговый город не мог существовать без значительной массы бедных, эксплуатируемых горожан. В городе рано появлялись вначале устные, а позже — письменные законы, охраняющие имущественное положение его слоев и фиксирующие наказания за кражу, членовредительство, уклонение от долгов и за нарушение социального порядка.

Но имущие слои города нуждаются не только в формально-правовой, но и в реальной защите своей собственности. Если первоначально этни-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ческие отряды юношей-воинов с их вождями привлекались городом главным образом к охране его торговых путей или для участия в транспортировке грузов, то позже, по мере роста города, эта же воинская сила могла быть использована и для охраны порядка в самом городе. Следствием развития таких взаимоотношений между городом и окружавшим его этносом обычно оказывалось расположение главной резиденции вождя этого воинства или вблизи города, или в самом городе. Так создавалось внешнее впечатление возникновения монархической власти в некотором «государстве». Но вопрос следовало ставить глубже: Откуда были воины, подвластные этому вождю, и куда они девались после того, как оставляли «службу»? Если они приходили из этноса и уходили обратно, чтобы заняться обычным традиционным трудом, даже просто растворялись в городском населении, то рано говорить о правителе (царе, монархе) города и прилежащей территории. Возможного, город и поручал такому вождю творить суд в некоторых случаях, но для окружающего этноса он оставался военным вождем его юношей, которые под его руководством проходили традиционный «практический экзамен» на зрелость. По той форме традиционного права, которая в данный период была принята в данном этносе, происходила и смена одного вождя другим.

Иное дело, если воины уже образовывали некую обособленную группу, которая сохраняла за собой какие-либо привилегии и после окончания «службы», а также и порождала сыновей-воинов. Здесь можно говорить о социальном расслоении этноса, о его превращении в подданных правителя города, и о формировании государства на бывшей этнической территории. Для такого изменения обстоятельств требовалось не только и не столько время, сколько глубокие изменения в экономической основе этноса, такие изменения в хозяйстве, которые давали бы значительный излишний продукт. От предшествующей стадии взаимоотношений города и окружавшего этноса остался бы (и, возможно, надолго) только один след — та или иная форма архаической нормы наследования власти от брата к брату.

В суахилийской традиции нет никакого намека на существование воинской касты или сословия, из чего следует, что воины любого *мфальме* суахилийского города в массе своей были неженатыми юношами из этнических групп населения прилежащей к городу территории. Это они, возвращаясь к традиционным занятиям, разнесли по ближайшей периферии береговых торговых городов городские говоры, некоторые элементы городской материальной культуры и поверхностный ислам. Но взаимодействие суахилийских городов с населением прилежащей территории не изменило ее традиционного хозяйства. Земельные угодья остались общеэтническим достоянием, право собственности распространялось только на культивируемые плодоносящие деревья и на урожай других культур. Изменения в этносоциальной структуре были незначительны: береговой архаический этнос как бы распался на много мелких (округа

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

вблизи города радиусом в 30–50 км), под влиянием ислама частично исчезли, частично упростились ритуалы возрастной системы организации общественной жизни, но сохранились довольно обширные группировки родственников, регулировавшие свои взаимоотношения системой родственной терминологии с групповым значением каждого термина. В экономическом отношении вне города не было ни бедных, ни богатых родственников. Внегородской суахилийский этнос оставался доклассовым, хотя любой суахилийский торговый город обоснованно можно было бы назвать городом-государством (во всяком случае, так было до появления португальцев на Индийском океане).

В «Хронике Пате» есть еще один момент, касающийся сложности положения *мфальме* во взаимоотношениях города и этноса. Это — разнесенная по всему тексту хронология правлений. Она непрерывна, несмотря на повторы целых отрывков соответствующих имен, т. е. на долю некоторых правителей приходятся двойные даты (сбои располагаются на стыке двух ее частей). Это обстоятельство позволяет предположить, что хронология правлений составлена искусственно и добавлена, вероятно, для большей убедительности генеалогического списка как правового документа. Если считаться с этой хронологией, то получается (при трехступенчатом праве братьев-*ндугу*) норма пожизненного пребывание на посту *мфальме* каждого индивида, поскольку вторая дата дается как дата смерти. Нельзя умереть дважды или трижды, и все на деле могло обстоять совершенно иначе — срок правления *мфальме* мог быть ограничен не его смертью, а определенным временем. В таком случае можно сделать некоторый пересчет. Например, на восемь персон второй части «Хроники Пате» падает общее время правления равное 64 годам (1770–1834), т. е. ровно по 8 лет на каждую «усредненную» персону. Это число лет совпадает с 8-летним статусным временем в пятиступенчатой возрастной системе средневековых галла оромо (по Бахрею). Удивительная стройность схемы следования этих восьми правителей заставляет предположить, что фиксированное в «Хронике» различное число лет правления каждого *мфальме* — произвольное добавление составителя текста, а на самом деле они занимали пост согласно архаической традиции — 8 лет, и передавали его следующему *ндугу* при жизни. При этом, несмотря на двухступенчатую структуру схемы, они сохраняли норму времени колена трехступенчатой системы — 24 года (на двух родных братьев и одного двоюродного между ними). Вероятно, деление 24 лет на два статуса по 8 лет могло произойти только в том случае, если бы в двухступенчатой системе остались только представители одного кровного рода, но следов таких обстоятельств пока нигде не найдено. В первой части «Хроники Пате» 13 трехступенчатых колен. Хронология первой части начинается с круглой даты — 600 года от Хиджры (1203 г. н.э.). Таким образом, на 13 колен приходится 50 лет, а на каждое трехстатусное колено по 46,5, т. е. по 15 лет на статус.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Эти цифры совершенно нереальны для трехступенчатой (трехстатусной в одном колене) системы «права братьев-*ндугу*» хотя бы потому, что в таком случае активный возраст индивида «вырос» бы до 90 лет. Представляется, что хронология растянута не менее чем вдвое: 46 (приблизительно) = 24×2; а 15 = 8×2. Если это так, то продолжительность правления всех персон первой части «Хроники» = 312 годам, а начало относится не к 1203 г., а к 1458 г. н.э.

Любопытно, что «основатель» династии Селеман бин-Селеман Ан-Набхани, получивший титул *мфальме* при жизни предшественника, согласно хронологии «Хроники», правил за себя и за двух своих братьев-*ндугу* (Али и Асмана), т. е. три статусных времени, — 25 лет, что могло означать 24 (8×3) года и год на церемонии передачи титула и сана преемнику. Из этого может следовать, что к общему времени надо прибавить еще 39 лет, а начало отнести к 1419 г. В какой мере этот пересчет соответствует действительным обстоятельствам, судить трудно, тем более, что в других, не-африканских, материалах встречаются случаи разрушения статусного времени и в трехступенчатом праве братьев. Ведь, как правило, жизнь военного вождя коротка и он часто гибнет в бою, так что его статусное время может быть и не использовано им. С другой стороны, никто не гарантирует ни эпические произведения, ни героические песни, ни даже «Хроники» от ошибочно составленных или намеренно искаженных хронологий и иных хронологических отнесений. Почти всегда записи из эпических сказаний и хроникальных сводов делались много позже того времени, которое соответствовало излагавшимся в них событиям. Так, например, известные ныне записи «Хроники Пате» были составлены в первой четверти XX века как правовые генеалогические документы, долженствующие перед лицом английских и немецких колониальных властей подтвердить высокое положение некоторой части общества суахилийских городов. Первая же часть, возможно, была записана раньше, около 1730 г. для такой же надобности в связи с португальским захватом побережья.

Если бы записи были составлены, предположим, когда-то до начала нашего летоисчисления, и сохранились бы до настоящего времени, возможно, они изрядно обросли бы литературными украшениями и воспринимались бы сейчас как героический эпос. Но такие эпизоды реальной истории, как элементарный традиционный поступок Мваны Дарини, совершившей брачный ритуал со своими малолетним сыном Бвана Таму; самонизложение вследствие этого узурпатора Ахмада (а также и из-за того, что запоздали муссонные дожди) и некоторые другие эпизоды и представляли бы собой для других поколений некие «мнемоники» для решений — как поступать в аналогичных обстоятельствах. Тем и ценны эти так называемые «суахилийские хроники», что, по сути дела, они — не историографические документы, а своеобразные своды нереальных и реальных эпизодов, долженствующие мнемонически изложить основные нормы традиционного

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

права, связанного с высокой социальной должностью, своды, еще не успевшие превратиться в литературные памятники прошлого или в мифы.

Не секрет, что многие такие «мнемоники» доходят к нам из очень далекого прошлого в виде мифов. Древнеегипетский миф об Осирисе и Исиде — одна из таких мнемоник, роль которой — подтверждать божественное происхождение правовой нормы наследования титула фараона не братом, а сыном предшественника. С точки зрения «социального времени», события этого мифа располагаются за событиями (реальными) второй части «Хроники Пате», так как речь в нем идет о разрушении права двух братьев (Осириса и Сета), а по абсолютной исторической шкале между ними не менее шести или десяти тысяч лет. Некие реальные священные персоны неолитического общества Нильской Долины уже ко времени династийного Египта ушли в такое «далекое время», что превратились в абстрактных богов-небожителей. И хотя миф дошел до нас в виде отдельных эпизодов на древних фресках и в текстах очень поздних мистерий, древняя мнемоника не разрушилась.

По одной версии, «злой» старший брат Сет убивает юного Осириса, а две жены последнего (Исида и Нефтида) оживляют его на время, и Исида рождает Гора, сына-наследника. Эта версия имеет аналогию в суахилийской двухступенчатой схеме права — старший брат лишен права на потомство.

По второй версии, «злой» младший брат Сет убивает старшего брата Осириса, вступившего в брак с двумя женами, пока Сет охотился в пустыне (т. е. проходил практическую юношескую выучку). Нефтида — несомненно, та жена-сестра, которая должна была ввести в сан Сета (а Осирис должен был бы сложить его с себя), но старший брат «узурпировал» эту женщину. Однако жены Осириса — две матери — рождают (считается, что физиологически — Исида) ему наследника Гора, который убивает Сета. Эта версия много сложнее первой, скорее всего в ней спрессованы несколько мнемоник: мнемоника ритуала, по которому наследник убивает предшественника; мнемоника повторного брачного ритуала, продлевающего пребывание персоны на посту; мнемоника, утверждающая, что сын, рожденный женщиной-хранительницей права после смерти мужа, все равно обладает правом наследования (после отца или после его брата — здесь еще не существенно).

События, отделенные не тысячами лет, а только сотнями, иногда остаются в социальной памяти народа не как мифы о богах, а как рассказы о подвигах древних царей-героев (смертных, но восходящих по происхождению к богам, т. е. к очень далеким и уже «бессмертным» предкам). Узловые эпизоды этих рассказов так же, несомненно, — социально-правовые мнемоники. Так, например, не «троянский конь» был причиною разрушения неприступной Трои, а слабость защиты вследствие внутреннего разлада. Неустойчивым был двухступенчатый династийный правящий организм. Как и у суахили XVIII века, представители двух кровных линий

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

наследовали власть через одного. Илиада фиксирует двух сыновей Приама и сына его брата Анхиза между ними. О борьбе этих линий в Илиаде нет речи, но она «присутствует» в факте несвоевременного брака юного Париса и Елены, что как бы вводит его в возрастной статус Энея. Появление «правовых двойников» — это неминуемый раскол населения Трои. Практически, видимо, было наоборот — «сторонники» (т. е. внеправовые родственники и их домочадцы) каждой из двух кровных линий правителей всячески старались вытеснить из права представителей «противной стороны», что и нашло свое выражение в попытке искусственно изменить социально-возрастной статус юного Париса. В повествовании также спрессованы несколько мнемоник различной древности: древнейшая мнемоника о запрете (и даже пагубности) брака мужчины и женщины одного возрастного статуса, даже если они из разных этносов; мнемоника о равном, осуществляемом по очереди, праве родных и двоюродных братьев (в суахилийской традиции — *ндугу*); самая древняя мнемоника — хранителями возрастного права братьев являются женщины, их жены-сестры, их матери; некоторый намек на то, что старший из двух кровных братьев в двухступенчатой системе права — не соперник младшему в смысле продолжения кровной линии родства (Париса стараются сравнять по статусу с Энеем, а Гектор, старший сын Приама, как-то не выглядит наследником отца). Со временем все эти мнемоники обретают массу литературных подробностей, которые так закрывают их собой, что они, уже ненужные и непонятные обществу, получают легендарные толкования, а на передний план выдвигаются «украшения», превращая все в героическую песнь.

Традиция суахилийских хроник и устных легенд не столь продолжительна, и совсем недавно они еще обладали реальной социально-правовой значимостью, но и здесь уже начался процесс «литературного обрастания» генеалогий и непосредственных правовых мнемоник. Так, начало каждой хроники или устной легенды сообщает о чьем-либо «происхождении» от известного в мусульманской традиции имени (включая Ноя), об «основании» суахилийских городов мусульманами-переселенцами (ибн-Мерваном, ибн-Зейдом, Хаджаджем и др.), о последовательном завоевании всех суахилийских городов кем-либо из ранних суахилийских *мфальме*, что напоминает во многом древнейшие легенды и надписи о походах правителей государств Древнего Востока, но, не будучи фиксированными ни на глиняных табличках, ни на плоских скалах, ни на каменных стелах, естественно, не вызывают того доверия, с которым необходимо относятся к надписям древних царей. Прочие «подробности», сопровождающие генеалогическую канву, как правило, просты и похожи на реальные события, но особого интереса не составляют. Истинная ценность — это возможность реконструкции части истории архаического права.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

БИБЛИОГРАФИЯ В. М. МИСЮГИНА

Происхождение городов восточноафриканского побережья // Вестник Ленинградского государственного университета, 20. Серия истории, языка и литературы. Вып. 4. 1958. С. 142–152.

Африка к югу от Сахары. Судан и Верхняя Гвинея. Западная экваториальная Африка. Восточная тропическая Африка. Южная Африка. Остров Мадагаскар. Сомалийский полуостров и Эфиопия // Новая история стран Азии и Африки. Ч. 2, Л.: Издательство ЛГУ, 1959. С. 569–583.

О происхождении и распространении языка суахили // Африканский этнографический сборник, III. Языкознание / Труды Института этнографии. Новая серия. Т. LII. М.; Л.: Наука, 1959. С. 36–47.

Правила наследования престола царями Пате (по суахилийской хронике XII–XIX вв.) // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук Москва, август 1964 г. М.: Наука, 1964. 7 стр. (Отдельный оттиск).

Суахилийская хроника средневекового государства Пате // Africana. Африканский этнографический сборник VI / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 90. М.; Л.: Наука, 1966. С. 52–83.

Основные черты этнической истории суахили: Автореф. дисс. … канд. истор. наук. Л., 1967. 10 стр. (Науч. рук. чл.-корр. АН СССР Д.А. Ольдерогге. Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая).

Заметки о происхождении восточной мореходной астрономии // Страны и народы Востока. Вып. VII. Страны и народы Африки. М.: Наука, 1969. С. 237–265.

О суахилийской литературе // Фольклор и литература народов Африки. М., 1970. С. 269–280 (в соавторстве с А.А. Жуковым).

Замечания к старосуахилийской письменности // Africana. Африканский этнографический сборник VIII / Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. М.; Л.: Наука, 1971. Т. 1096. С.-100–115.

Заметки о названиях суахилийских городов в хронике Пате // Africana. Африканский этнографический сборник IX / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 100. М.; Л.: Наука, 1972. С. 51–58.

Социальное содержание легенды о Лионго Фумо // Africana. Африканский этнографический сборник IX / Труды Института этнографии

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

им. Н Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 100. М.; Л.: Наука, 1972. С. 17–22.

К вопросу о происхождении мореплавания и судостроения в Индийском океане // Сообщение об исследовании протоиндийских текстов: Proto-Indica. Ч. 1. М.: Наука, 1972. С. 165–177.

О структуре и назначении суахилийских хроник // Филология и история стран зарубежной Азии и Африки: Тезисы докладов научной конференции, посвященной 120-летию основания восточного факультета ЛГУ (1854–1974). Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. С. 80.

Об отношении австралийских брачных классов к турано-ганованской системе терминов родства // Основные проблемы африканистики. М.: Наука, 1974. С. 73–84.

О возможности древнего мореплавания вдоль западного берега Индии // Сообщение об исследовании протоиндийских текстов: Proto-Indica, 1973. М.: Наука, 1975. С. 65–70.

«История галла» как этноисторический источник // Africana. Африканский этнографический сборник XI / Труды Института этнографии им. Н Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 105. Л.: Наука, 1978. С. 151–192 (в соавторстве с С. Б. Чернецовым).

Традиционное производство железных изделий в Тропической Африке (по материалам коллекций МАЭ) // Africana. Африканский этнографический сборник XI / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 105. Л.: Наука, 1978. С. 54–97 (соавтор З.Л. Пугач).

Занзибарская терминология родства // Africana. Африканский этнографический сборник XII / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 109. Л.: Наука, 1980. С. 24–37.

«Правило ндугу» и следы социально-возрастного деления у некоторых народов раннего средневековья Европы // Africana. Африканский этнографический сборник XII / Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 109. Л.: Наука, 1980. С. 38–48.

Три брата в системе архаических норм наследования власти // Африканский сборник. История, этнография. М.: Наука, 1983. С. 85–134.

Мифы и этносоциальная история // Africana. Африканский этнографический сборник XIV / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 113. Л.: Наука, 1984. С. 48–61.

Следы архаических норм права в «Житии царя Лалибелы» (Эфиопия) // Africana. Африканский этнографический сборник XIV / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 113. Л.: Наука, 1984. С. 175–190 (в соавторстве с С.Б. Чернецовым).

Альбедиль М.Ф., Мисюгин В.М. Этноисторическая основа сюжета о трех братьях (по материалам древнеиндийского эпоса) // Фольклор и этнография: У этнографических истоков сюжетов и образов. Л.: Наука, 1984. С. 102–111.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

Суахилийская литература [XVII в.] // История всемирной литературы: В 8 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1983–1994. (На тит. л. изд.: История всемирной литературы: в 9 т.). Т. 4. 1987. С. 571–573 (в соавторстве с А. А. Жуковым).

О «бумеранге» в этнографических и исторических исследованиях (Из лекции по этносоциальной истории) // Africana. Африканский этнографический сборник XV / Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 116. Л.: Наука, 1991. С. 108–134.

Архаичные элементы в эпической традиции манден: «Сказание о Сундьате» // Ученые записки Ленинградского государственного университета, 482. Серия востоковедческих наук. Вып. 33. Востоковедение № 17. Филологические исследования. Л.: Издательство ЛГУ, 1991. С. 34–50 (в соавторстве с В. Ф. Выдриным).

Some Archaic Elements in the Manden Epic Tradition: the “Sunjata Epic” Case // St. Petersburg Journal of African Studies, 2. 1994. P. 98–111 (в соавторстве с В.Ф. Выдриным).

Становление цивилизации: О вещах и представлениях. СПб, 1998. 132 с.

Родство и этносоциальная история // Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства: Альманах. Вып. 4. СПб.: МАЭ РАН, 1999. С. 264–284.

Ленинградская школа в африканистике // Манифестация. № 1. 2000. С. 8–9.

О праве // Манифестация. № 1. 2000. С. 8–9.

О праве // Манифестация. № 2. 2001. С. 42–46.

Схема распространения языка хауса // Манифестация. № 2. 2001. С. 113.

О Мисюгине

Дмитриевский Ю.Д. [Рец. на кн.]: В.М. Мисюгин. Становление цивилизации: О вещах и представлениях. СПб., 1998 // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 172–174.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ОГЛАВЛЕНИЕ

Е.А. Резван
Предисловие 5
Efim Rezvan
Foreword 5
В.Ф. Выдрин
Вячеслав Михайлович Мисюгин 7
*Valentin Vydri*n
Viacheslav Mikhailovich Misiugin (1923/1924–1998) 7
Николай Гиренко
От истории событий к истории структур 20
В. Арсеньев
«Маятник исторического вневременья» В.М. Мисюгина 34
В.М. Мисюгин
Архаическое право братьев (Из лекций по этносоциальной истории) 53
В.М. Мисюгин
О праве 57

Глава 1
Система возрастного деления в архаической Европе 62
Глава 2
Следы архаических норм права в сагах о конунгах 103
Глава 3
О некоторых особенностях в представлениях архаического человека 139
Глава 4
Мифы и этносоциальная история 170
Глава 5
Древние германцы и Рим 185
Глава 6
Норма наследования власти тремя братьями-*ндугу* 285
Глава 7
Общество галла-оромо XVI века 327
Глава 8
Вторая часть Хроники Пате (изменение права трех братьев-*ндугу* в право двух братьев) 353

Библиография В.М. Мисюгина 377

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН

ISBN 978-5-02-025563-0

Научное издание

Мисюгин Вячеслав Михайлович

Три брата

Редакторы *В.Ф. Выдрин, В.Р. Арсеньев*
Компьютерный макет *Н.И. Пашковская*

Подписано в печать 11.06.2009.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 31. Уч.-изд. л. 34.
Тираж 300 экз. Заказ № 1356.

Издательство «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1.
E-mail: main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.spb.ru

Отпечатано в ООО «Издательство “Лема”»
199004, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 24
E-mail: izd_lema@mail.ru

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-02-025563-0/
© МАЭ РАН